

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайский государственный технический
университет им. И. И. Ползунова»

РОССИЯ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием

Изд-во АлтГТУ
Барнаул • 2011

ББК [66.3(2рос)+65.9(2рос)-55+87.610.2]
УДК [323(470)+338.1(470)+316.422]
P768

Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 17–18 июня 2011 г. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2011. – 346 с.

ISBN 978-5-7568-0888-9

В сборник материалов конференции вошли публикации 138 авторов более чем из 20 городов. Преподаватели высшей школы: философы, историки, политологи, социологи, культурологи, филологи, экономисты, представители естественных и точных наук – в своих статьях в том или ином ракурсе рассмотрели процесс модернизации в России, пытаясь в ряде случаев определить эффективность современных реформ.

Материалы сборника вызовут особый интерес у тех, кто интересуется проблемами развития России в эпоху преобразований.

Редакционная коллегия:

канд. философ. наук Н. А. Белоусов,
д-р философ. наук В. Ю. Инговатов,
канд. ист. наук О. Е. Контева,
канд. ист. наук О. А. Литвинова

ISBN 978-5-7568-0888-9

© Алтайский государственный технический
университет им. И. И. Ползунова, 2011

Итоги и рекомендации
Всероссийской научно-практической конференции
«Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы»,
состоявшейся 17–18 июня 2011 г.
в Алтайском государственном техническом университете им. И. И. Ползунова

Участники конференции выражают искреннюю благодарность ректорату АлтГТУ им. И. И. Ползунова за оказанную помощь в проведении конференции и уведомляют о своём намерении проводить конференцию по заявленной тематике один раз в два года, придав указанному научному мероприятию международный статус.

В конференции приняло участие более 50 человек, кроме того, более 80 человек стали заочными участниками, прислав статьи для научного сборника. В целом круг очных и заочных участников охватил более 20-ти городов, включая Москву, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Самару, Екатеринбург, Омск, Новосибирск, Томск, Красноярск, Читу, Улан-Удэ, Воронеж, Иваново, Ярославль, Белгород, Барнаул.

Участники конференции работали в формате традиционного секционного заседания (секция «Язык, коммуникации и филологическая наука в эпоху модернизационных процессов в России») и в формате «круглого стола» (секции «Философия модернизации», «Исторический опыт модернизационных процессов в России», «Экономика России и проблемы модернизации», «Модернизация современного российского общества: политический и социальный аспекты», «Модернизационные процессы в российском образовании»).

На конференции широко обсуждалась проблема методологии модернизации. При этом было отмечено, что в истории России имело место несколько этапов модернизации, изучение опыта которых позволит избежать ошибок в преобразованиях, осуществляемых в настоящее время.

В выступлениях докладчиков и в дискуссиях было выявлено соотношение закономерностей российских трансформаций с модернизацией западного типа. При этом была выявлена специфичность модернизационных процессов в России.

В рамках конференции были сделаны следующие практические рекомендации:

- необходима корректировка социально-экономического курса правительства;
- при проведении реформы российского образования важно учитывать исторический опыт России;
- для успеха модернизации общество должно формировать активную жизненную позицию граждан.

Участниками конференции была подчёркнута важность публичного обсуждения проблемы модернизации в России, поскольку посредством только такого обсуждения можно выработать конкретные меры, способствующие эффективности реализуемых в нашей стране реформ.

Председатель оргкомитета
конференции

В. Ю. Инговатов

ФИЛОСОФИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ. ДУХОВНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Н. А. БЕЛОУСОВ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РОССИИ И ПРОБЛЕМА ЕЁ САМОСОХРАНЕНИЯ

Человечество находится в состоянии неустойчивого равновесия. Его развитие отличается высоким динамизмом, исключительной противоречивостью и крайне сложной прогнозируемостью результатов изменений. Данная характеристика относится и к российскому обществу. Наиболее сложная задача современности – мудрое управление общественными процессами – требует поддержания динамизма социальных систем с одновременным сохранением их высокой устойчивости. Количество факторов, радикально влияющих на характер, направленность и темпы социальных изменений в условиях неустойчивости, обусловленных полифуркационным состоянием общества, достаточно велико.

Реформирование России, растянувшееся уже на четверть века, по-прежнему содержит большое количество рисков. Исторический опыт показывает, что именно в эпохи преобразований существует наивысшая угроза социальным системам. В эти исторические периоды – их нередко называют фазовыми переходами – общество, ослабленное непосильным грузом собственных проблем, а также часто активным вмешательством внешних сил, ищет новые варианты решения стоящих перед ним задач. И поэтому обращается за опытом к сопредельным и/или «передовым» странам. Заимствование чужого опыта далеко не всегда бывает продуктивным. Постоянно существует реальная угроза приобретения своего рода «социальных вирусов». Имеются в виду «вирусы» социально-психологические, социокультурные, информационно-смысловые, ценностные.

Указанные процессы исследует формирующаяся социальная наука – социальная вирусология.

Важность названной предметной области философских размышлений и научных исследований обусловливается наличием целого ряда слабоизученных и недостаточно осмысленных тенденций. Ряд из них уже явлен нам.

Это и диффузные процессы, происходящие при столкновении и взаимодействии культур, религий, образов жизни, идеологий.

Это модернизационное проектирование и преобразование жизни народов, их культуры, традиций, менталитета.

Это – постоянно ведущиеся информационные, идеологические и психологические войны.

Важнейшими из них являются «вирусы», разрушающие иммунную систему социума. Результатом такого воздействия на ослабленные социальные организмы может быть появление «социальных мутантов» – социальных форм, социальных субъектов, паразитирующих на теле общества, обескровливающих его. Разумеется, любое общество в глубинных структурах содержит (или порождает) «своих» собственных паразитов (разрушительных эталонов образа жизни, образцов контркультуры), которые активно размножаются именно в периоды реформаций и, особенно, социальных катастроф.

Скорей всего, происходят и такие процессы, на которые внимание профессионального философского сообщества ещё не обращалось. Спонтанное возникновение и сознательное проектирование, создание и внедрение «вирусов» (социокультурных, информационно-идеологических кодов и программ) с прогнозируемыми или непредсказуемыми последствиями угрожает нередко основам социальности, порождает хаос, приводит к большим потерям.

Не менее важной в настоящее время является развитие и науки об иммунитете социума – социальной иммунологии.

Назначение социальной иммунологии – осмысление устойчивости социокультурных систем. Способность к сохранению своей целостности свойственна всем системам. Причины (лучше – факторы) целостности – разнообразны. Задачей социальной иммунологии является и осмысление механизмов трансформации социокультурных систем, позволяющих не скатиться к саморазрушению и самоликвидации, а, наоборот, повысить уровень адаптивности и динамической устойчивости.

Предлагаемый способ осмысления жизни общества может дать через переосмысление истории, культуры, социальной психологии, аксиологии, религиоведения ценные знания как для понимания многих тайн общества, так и для повышения уровня культуры управления социальными процессами.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ

П. Я. Чаадаев в первом из своих «Философических писем» отметил такую, с его точки зрения, характерную черту русской действительности как то, что «все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри нас» [1, с. 41]. Интерпретируя данную характеристику в свете динамики жизни общества, можно сказать, что проблема состоит не в том, что прошлое не сохраняется, а в том, что, сохраняясь, оно, тем не менее, не претворяется в социальный опыт в собственном смысле этого слова.

Социальный опыт, независимо от того «конденсировался» ли он из духа побед и свершений или же проникнут огорчением от поражения и неудачи, несет в себе огромный творчески-мобилизующий потенциал, выступая как строительные леса для дальнейшей деятельности. Отличительной чертой подобного социального опыта является «работа над прошлым». Когда эта «проработка прошлого» не осуществляется, тогда прошлое дает о себе знать или как автоматически воспроизводимые клише обыденного сознания, или в качестве нерелевантной подпитывающей основы догм той или иной политической идеологии. Вопросы «кристаллизации», организации и трансляции социокультурного опыта с необходимостью выводят на проблему социальной памяти.

Социальная память – это тигель, в котором выплавляются и сплавляются в разнообразные формы временные пласты социоисторического опыта. По своей природе коллективная память соотносительна процессам социальной трансформации как диалектическому единству сохранения и изменения. Не случайно, рассматривая социальную память как основу коллективной идентичности, современные авторы отмечают также динамичную альтернативность, разнообразие, неоднородность и даже противоречивость структур коллективного памятования.

В процессе модернизации общества важно избежать как недооценки роли социальной памяти в функционировании социального организма, так и опасности политической инструментализации памяти. Модернизационный проект с необходимостью должен включать в себя меры, направленные на обеспечение возможности представления в публичном пространстве как можно большего спектра коллективных памятей социальных групп, затронутых различными преобразованиями советского времени.

Как представляется, оформление подобной широкой и открытой панорамы памятуемого в отношении предшествующих попыток трансформации различных сфер жизни общества, содействовало бы решению нескольких задач. Прежде всего, это дало бы возможность скорректировать цели и задачи модернизации, поскольку за тем, что помнится и как вспоминается людьми о преобразованиях советского периода, обнаруживаются базовые ценности, идеалы и глубинные представления о том, в каком направлении и на какой основе должно трансформироваться общество.

Кроме того, заинтересованное отношение общества к тому, чтобы каждая социальная группа, рефлектируя над своим собственным опытом жизни в условиях перемен, имела возможность соотнести его с опытом других, способствовало бы формированию основы для нахождения подлинного консенсуса в обществе, учитывающего в наибольшей степени интересы различных социальных групп.

Сегодня почти безграничные информационные возможности интернета вполне позволяют осуществить проекты, представляющие собой подобие «круглых столов», участники которых и вспоминали бы сами (например, о том, как шло укрупнение деревень в 70-е гг. XX в.) и знакомились с воспоминаниями других. Такое совместное вспоминание, где личность человека не заслоняется обликом идеологического противника и целью которого является не необходимость что-либо доказать, а стремление быть услышанным и слышать другого могло бы помочь уйти от крайностей в оценках тех или иных реформ прошлого и настоящего.

Конечно, для успешного осуществления подобного рода проектов в области социальной коммуникации необходимо чтобы идущая снизу самодеятельность людей дополнялась участием профессиональных социологов, историков и психологов. С одной стороны, они намечали бы возможные ракурсы и аспекты каждого цикла воспоминаний, а с другой, получали бесценный материал для дальнейшего анализа.

Существенное значение имеет и теоретическое знание о структуре социальной памяти. Ведь даже когда вспоминаются события недавнего по историческим меркам времени (например, перестройка), мы сталкиваемся с фактом того, что в обществе представлены и те, кто был непосредственным участником и те, кто знает о них, по преимуществу, только из учебников. Еще более сложные ситуации возникают тогда, когда происходит обращение к памяти о периодах индустриализации или коллективизации.

Среди современных теорий социальной памяти представляет значительный интерес концепция Я. Ассмана, в которой – он выделяет два вида социальной памяти – коммуникативную и культурную. «Коммуникативная память мало формализована, это, скорее, устная традиция, возникающая в интерактивном контексте человеческих отношений в повседневной жизни, – своего рода «живое воспоми-

вание», существующее на протяжении жизни трех поколений: дети – отцы – деды. Ее недолговечность (всего 80–100 лет) и отсутствие общепризнанных «пунктов фиксации», связывающих ее с глубоким прошлым, в первую очередь отличают коммуникативную память от культурной» [2, с. 51] Коммуникативной памятью охватываются воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Такие воспоминания человек разделяет со своими современниками. Память поколения представляет собой типичный случай коммуникативной памяти. Ее группа приобретает исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе со своими носителями.

Культурная память, напротив, формируется веками. Ее характеризует высокая степень формализации. В качестве «объективированных форм» культурной памяти могут выступать, например, тексты и монументы. К культурной памяти можно отнести также ритуалы и сакральные действия как институционализированные формы коммуникации, которые, будучи «фигурами воспоминания», как бы выходят за пределы времени. «Культурная память, в отличие от коммуникативной, есть дело мнемотехники, для которой в обществе существуют специальные институты» [3, с. 54.] Если причастность к коммуникативной памяти является общераспространенной, то причастность к культурной памяти всегда дифференцирована.

Притом, что должен быть задействован потенциал обоих видов памяти, все же наибольшее значение в процессе модернизации общества могла бы сыграть, как представляется, коммуникативная память. Это связано с тем, что осуществление различных проектов в сфере коммуникативной памяти способно активизировать формирование гражданского общества, без опоры на которое любые усилия по модернизации не принесут желаемого результата.

Примечания

1. Чаадаев П. Я. Избранные сочинения и письма. – М., 1991.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004.
3. Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти // История и память. История культуры Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2006.

Л. С. БОРОВИКОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО «МОДЕРНИЗАЦИЯ»

Сладким его делает упование на то, что с помощью модернизации чудесным образом будут решены все наши проблемы, и мы в одночасье проснемся не в униженной, себя потерявшей стране, а в великой России, чья мощь, авторитет и величие будут очевидны и бесспорны для всего мира.

Но этому упованию не суждено будет сбыться, если не будут прояснены как теоретические и социально-политические смыслы и самого термина, и тех конкретных задач, которые связаны с модернизацией. Широкое и публичное обсуждение исходных оснований официально декларируемого исторического выбора актуально теоретически (очевидность содержательного наполнения «модернизации» скорее кажущаяся, чем объективная) и имеет прямое жизненно-практическое значение, коль скоро речь идет о векторе развития страны в её исторической перспективе. Поэтому ложка критического «дёгтя» не только не испортит «бочку мёда», (т.е. надежды на модернизацию как спасительное средство от всех бед), но сделает более реалистичными и трезвыми наши представления и о характере этой исторической трансформации, и об её возможных результатах.

Ни о чём так много не говорит власть, как о модернизации, но что это такое, что именно нужно сделать, чтобы её осуществить – здесь очень много неясностей, двусмысленности и просто путаницы. Политики, социологи, аналитики, философы, журналисты, говоря о ней, вкладывают разные смыслы и в само понятие, и в ожидаемые результаты; по-разному понимают и способы её осуществления. В работах российских философов (А. Панарина, В. Федотовой, В. Межуева и др.) сделан серьёзный и всесторонний анализ модернизации, в котором есть и теоретическая глубина, и методологическая строгость. Но в многочисленных работах, рассматривающих различные стороны модернизации, зачастую отсутствуют чёткие содержательные представления, в чём именно заключается этот процесс, и эта невнятность приводит к противоречиям и парадоксам. Например, модернизация есть вполне конкретные преобразования в нужном направлении для достижения уже имеющегося исторического образца, и, следовательно, осуществлять их нужно на конкретных, уже имеющихся у нас основаниях, а реально мы начинаем реформы, исходя из тех форм, которые были присущи Европе, но которых у нас нет. В этом есть логика подражательности, но нет логики практической необходимости (например, введение бакалавриата и магистратуры), и это обрекает нас быть вечно «догоняющей» и «отстающей» страной, сколько бы мы говорили о своей самобытности и исторической значимости.

Не ставя перед собой цель охватить весь объём литературы и весь спектр имеющихся интерпретаций модернизации, остановимся на некоторых распространённых суждениях, которые приводят к парадоксам. Исток этих парадоксов коренится и в самом термине «модернизация», и в теории модернизации, созданной в американских университетах для стран «третьего мира», и в некритическом отношении к выводам этой теории. Например, общепринято определение модернизации как перехода от традиционного общества к современному. (Поэтому В. Г. Федотова, определяя так модернизацию, делает пояснение, что речь идёт о развитии применительно только к незападным странам, в частности, к России [1]). Выходит, что традиционное общество несовременно, оно живет вне времени (а это в принципе невозможно), вне настоящего, и, следовательно, оно всё в прошлом. Тогда получается, как точно подметил В. Межуев, что современность – нечто, лежащее вне или впереди, она не отождествляется с настоящим состоянием страны и её реальными задачами [2]. В этом случае создаются предпосылки как для появления утопических проектов, так и для неадекватной социальной практики.

Такое мироощущение (современность где-то вне, но не здесь и не сейчас) вызвано и неудовлетворенностью собственным развитием, и страстным желанием быстро и кардинально изменить жизнь. Но неудовлетворенность и желание перемен могут быть как стимулом развития (история Запада тому подтверждение), так и источником болезненно переживаемого комплекса исторической неполноценности. Западному обществу с его социальным активизмом и устремленностью к социальным новациям подобная заниженная самооценка не присуща: свою неудовлетворенность настоящим оно всегда «сублимирует» в адекватные конкретные реформы и преобразования. Они могут углубляться, корректироваться и даже в случае неэффективности отменяться, но при любом варианте они не сопровождаются ни комплексом вины, ни комплексом исторической несостоятельности. И во всех ситуациях западный человек чувствует себя современным, поскольку современность для него там, «где реально, со своими заботами, ожиданиями и надеждами, присутствует он сам» и уж никак современным не может быть то, что находится вне западного мира, за его пределами [2]. Быть современным значит шагать в ногу со своим временем, решать задачи, этим временем поставленные, – и больше ничего. Различие между традиционным и современным, старым и новым осознается и признается уже после того, как новое станет реальностью и продемонстрирует свои преимущества.

Поэтому Западу не нужна модернизация как идеал или цель, поскольку современность здесь синоним изменчивости, текучести общественной жизни, исторического развития, обусловленного собственными внутренними причинами и реальными возможностями. Именно в феномене сознания скрыта различная оценка собственной современности, созвучности эпохе. Тот факт, что объективно настоящее (современность) переживается и проживается по-своему каждой культурой, каждым народом, не всегда адекватно воспринимается им. Как только сознанием людей, живущих в иных, западных культурах, овладевает соблазн западной цивилизации, так Запад становится для них синонимом современности, а современность – далеко отстоящим от них идеалом. «И тогда современность в точном смысле слова – это наличие у людей сознания своей цивилизационной идентичности, тогда как модернизация есть следствие кризиса этой идентичности» [2].

Это означает, что модернизация объективно есть процесс отказа от своей идентичности (как устаревшей, варварской, нелепой) и вживания в чужую идентичность как образец, идеал современности. Этот процесс, как отмечают почти все авторы, пишущие на эту тему, носит (не может не носить) принудительный характер, поскольку осуществляется «сверху», путём волевого решения власти. Если действия власти не ясны народу, вызывают недоумение, они могут породить глубокий комплекс национальной неполноценности, а этот комплекс есть главный тормоз развития, поскольку подрывает творческие силы народа, обрекает на рабское обезьянничанье. Речь идёт о смене культурной и исторической идентичности. Как говорил в своё время В. О. Ключевский, можно и должно заимствовать изобретенный другими способ вязать чулки, но нельзя и стыдно перенимать чужой образ жизни, строй чувств и порядок отношений. Каждый порядочный человек всё это должен иметь своё, как у каждого порядочного человека должна быть своя голова и своя жена. Похоже, модернизация для России процесс почти перманентный, но так до конца и не прояснённый.

Модернизация – это всегда процесс, инициируемый властью, она требует не только политической воли, но и продуманной стратегии и тактики, и прежде всего, чёткого понимания: модернизация – это цель или средство? что, как и зачем нужно модернизировать? И не будут ли потери от модернизации больше, нежели приобретения? Именно невнятность целей сегодняшней модернизации в России и внушает серьёзные опасения, что, возможно, мы движемся «вверх по лестнице, ведущей вниз»... Стоит прислушаться к встречающимся уже оценкам этого движения как процесса демодернизации, т.к. Россия переживает самый затяжной (20 лет) исторический кризис: в экономике мы остаемся сырьевым придатком мирового хозяйства; в социальной сфере мы построили общество с кричащим социальным расслоением, по своей социальной структуре близкое архаичным обществам Африки; в политической – создали феномен «управляемой» демократии, призванной подретушировать явные признаки авторитарных тенденций; в духовной – обрушение базовых ценностей, «разруху в головах», как говорил известный литературный персонаж. Не решен самый главный практический вопрос: какая модель модернизации наиболее отвечает нашим целям экономического, социального и культурного

развития? Но сами эти цели нельзя понять вне целей и ценностных ориентиров русской истории и культуры.

Один из теоретиков концепции «модернизация» С. Хантингтон выделяет следующие варианты развития для стран «третьего мира»:

- 1) вестернизация без модернизации;
- 2) модернизация без вестернизации;
- 3) догоняющее развитие, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы;
- 4) национальная модель модернизации, возникающая, по мнению С. Хантингтона, на уже достигнутой вестернизации.

По мнению многих российских учёных (А. Панарин, В. Межуев, В. Федотова), Россия должна отказаться от «догоняющей» модернизации и перейти к «национальной» модели модернизации, к тому «типу развития, который диктуется национальными нуждами. Национальный в данном контексте понимается не как этноцентристский, а как соответствующий интересам основной геополитической единицы страны – национального государства» [1].

Возражает против отождествления модернизации и вестернизации А. Панарин: с точки зрения философа идея вестернизации скомпроментирована, прежде всего, экологическими проблемами, причиной которых является бурный рост производства и потребления западных стран. Происходит осознание естественного порога в развитии, нарушение которого грозит необратимыми последствиями. Медленно, но происходит осознание того, что на Западе цели жизни подменены средствами жизни, и экологические проблемы есть плата за прогресс. Известно, если бы население мира осуществило западный эталон жизни (а именно это стремление есть побудительный мотив всех модернизаций), то планета взорвалась бы от экологической перегрузки. Модернизация не есть построение общества западного образца, возможны и другие варианты модернизации. Для России целью её является построение православной цивилизации, но эта грандиозная культурно-историческая задача не может быть решена без понимания основ этой цивилизации и путей к ней [3, с. 483-487].

В. Межуев вообще предлагает произвести переориентацию интересов и целей национальной политики с модернизации на глобальное развитие. По его мнению, это есть единственный способ возвращения в современность и обретения идентичности, соответствующей реалиям сегодняшнего дня. «Не повторять, не копировать то, что уже пройдено другими, а вместе с ними участвовать в создании нового мира – только так можно и наверстать упущенное, и сохранить себя в этом мире» [2].

Но участвовать в глобальном развитии возможно лишена основе осознания ценностей своей национальной культуры и истории. Национальная самокритика П. Чаадаева выросла на почве неприятия подражательных, модернизационных форм развития; вспомним его сетования на неоригинальность, вторичность культурных форм, Его же убежденность, что России ещё предстоит сказать миру своё слово, «стать совестным судом человечества», предполагает веру в глубинные самобытные основы русской жизни.

Обретение этих основ в современной России чрезвычайно затруднено: социально атомизированное общество, значительная часть которого живет с разорванным, шоковым сознанием, вряд ли способно не только на адекватные ответы перед вызовами истории, но и стоит перед угрозой самосохранения себя в качестве субъекта исторического действия.

«Обретение самих себя – дело очень сложное, и оно не может быть случайным, а только целенаправленным и постоянным. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» писал: «Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнёт и он нас самих уважать. И действительно, чем сильнее и самобытнее развилась бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы в европейской душе и породнились с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвернулись бы от нас высокомерно, а выслушали бы нас. Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим, наконец, облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, не раба, не лакея... Мы и говорить будем умнее теперешнего, потому что в народе нашем и в духе его отыщем новые слова, которые уж непременно станут европейцам понятнее. Да и сами мы поймём тогда, что многое из того, что мы презирали в народе нашем, есть не тьма, а именно свет, не глупость, а именно ум, а поняв это, мы непременно произнесем в Европе такое слово, которого там ещё не слышали» [4, с. 375].

Осуществится ли это пророчество писателя во многом зависит от интеллектуальной и духовной ситуации в стране, от того, какая система жизненных ценностей будет приоритетной как для власти, так и для народа, какие идеалы будут положены в основы реформ (в том числе и реформы образования) и насколько они будут созвучны национальным традициям и русской душе.

Примечания

1. Федотова В. Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект. [Электронный ресурс] // Сайт «Перспективы». Режим доступа http://www.perspectivy.info /rus/rus_civ/ot_dogonajushhej_modernizacii_k_nacionalnoj_teoreticheskij_aspekt_2007-12-07.htm.
2. Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации. [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. №1. Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev>.
3. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1989.
5. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.

С. Ф. ВАСИЛЬЕВ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ПРЕОДОЛЕНИЕ РЫНОЧНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА КАК УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

По нашему мнению, одним из основных препятствий для успешной модернизации России является сильное влияние идеологии рыночного фундаментализма. Рыночный фундаментализм является убеждением, что свободный рынок при любых условиях является наиболее эффективным и справедливым способом хозяйствования, что рыночные, экономические ценности, выявляемые посредством индивидуального обмена, являются наиболее значимыми ценностями для человека и общества. Соответственно, основными мотивами поведения человека, по мнению рыночных фундаменталистов, являются стремление к максимизации личной выгоды и стремление к минимизации издержек. Такое убеждение разделяется как представителями элиты общества, так и многими обычными гражданами страны. Ярким образчиком рыночного фундаментализма являются изыскания либералов, сосредоточившихся в Институте современного развития (ИНСОР).

Модернизация страны, по нашему мнению, должна решить несколько задач. Во-первых, преодолеть технологическое отставание России. Во-вторых, смягчить социальные конфликты и проблемы в направлении достижения большей социальной справедливости и равенства. В-третьих, обеспечить каждому гражданину России достойный уровень жизни и высокое качество жизни. В-четвертых, продвинуться вперед в плане решения экологических проблем. Модернизация необходима для того, чтобы наш народ смог ответить на вызовы времени, смог продолжить свое существование и развитие, несмотря на большое количество самых разнообразных проблем и негативных тенденций.

Состояние российского общества характеризуется массой отрицательных явлений. Здесь и anomia, и большое количество социальных патологий, и моральный кризис, отчуждение людей друг от друга, пассивность и откровенный эгоизм, истощение творческого начала.

По нашему мнению, эти явления неслучайны. Они являются необходимым следствием принятого обществом образа мышления, парадигмы восприятия мира, который мы называем примитивным либерализмом, составной частью которого и является рыночный фундаментализм. Либерализм как классическое идеологическое учение и сам по себе страдает односторонностью. Но в российских условиях его недостатки многократно усилились из-за бездумного, крайнего его понимания. К сожалению, взгляды многих российских либералов характеризуются абсолютизацией свободы индивидуума, некритическим, почти религиозным, восприятием рынка и некритическим же идейным подчинением Западу. Причем Запад, в данном случае, воспринимается не в его реальности, а в искаженном, препарированном образе. Принимается неолиберализм, модный сейчас на Западе, а другие западные же идеологии и институты или не замечаются, или не считаются важными.

Почему рыночный фундаментализм не работает? Потому что рынок не является совершенным способом хозяйствования и взаимодействия людей. Рынок имеет ограниченную эффективность и большие социальные издержки. В странах со свободной рыночной экономикой наблюдаются резкое имущественное расслоение населения с многочисленным классом бедных и нищих. В плане эффективности экономической наукой давно уже установлены так называемые провалы рынка. Рынок плохо работает в массовом образовании и здравоохранении, мало заботится о внешних эффектах, например, о состоянии окружающей среды. Наконец, последний мировой кризис со всей очевидностью показал, что и в плане возможности саморегуляции рыночной экономики, спонтанного достижения ею оптимальной сбалансированности существуют большие проблемы.

Однако рыночные фундаменталисты стремятся к тотальному рынку, стремятся все сделать частным и платным. Прекрасным примером такого иррационального подхода является проводимая в России бюджетная реформа. Коммерциализация образования, здравоохранения, культуры ведет не к улучшению положения дел, а к радикальному его ухудшению. Фактически бюджетная реформа является проявлением враждебного отношения нынешнего государства к социальной сфере. Государство уже не понимает иных ценностей, кроме рыночных. Отрасль, не приносящая дохода, прибыли кажет-

ся рыночным фундаменталистам пустой тратой денег. Тем самым подрывается процесс культурного воспроизводства нации и ставится под угрозу ее здоровье. Ясно, что при коммерческом подходе к образованию и медицине многие люди не смогут получить качественное образование и медицинскую помощь. Такая реформа – путь социального регресса. Конкуренция тоже не всегда идет во благо. Развитие рыночных отношений в российском высшем образовании, его коммерциализация приводят нередко к обратной селекции.

Рынок плохо работает уже в крупной промышленности, где велики сроки возведения производственных объектов, достижения прибыльности, и, соответственно, велики риски. Рынок ориентируется на короткие временные сигналы. Поэтому просто следование рынку и простое приспособление к нему заведомо не годится для модернизации, предполагающей продуманную долгосрочную стратегию развития страны.

Надежда на рынок, которая воодушевляет деятелей из ИНСОП, закрепляет существующее место России в системе международного разделения труда – место сырьевого придатка развитых стран. Для преодоления такого положения дел необходимы стратегические усилия государства, возможно, сопровождающиеся расходами, отдача от которых будет получена по прошествии ряда лет. Но это идет вразрез с логикой рыночного фундаментализма.

Рыночный фундаментализм подрывает главное богатство нашей нации – её человеческий капитал. Деньги становятся главной ценностью, а полезный продукт считается чем-то второстепенным. Поэтому на первый план в обществе выходят обладатели денег – собственники и топ-менеджеры. Настоящие же профессионалы не ценятся, их статус понижен. Результатом является прогрессирующая депрофессионализация. Алчность, стремление заработать побольше денег как можно быстрее приводят к массовым нарушениям технологической дисциплины, увеличивая риск техногенных катастроф. Вместо настоящего качественного продукта на рынок нередко поставляется его видимость, его суррогат. Вместо настоящей эстрады, например, возникает шоу-бизнес весьма низкого качества.

То же стяжательство, потерявшее разумные границы выражается в иррациональном требовании к ученым и преподавателям не просто создавать интеллектуальный продукт, но ещё и суметь извлечь из него прибыль. Ясно, что способность к научным исследованиям и способность добиваться прибыли – это разные вещи. Вместо того чтобы материально поддержать учёных, помочь им в продвижении их продукта на рынке путем создания венчурных фирм и т. п. к учёным предъявляется иррациональное требование самим стать предпринимателями. При последовательном проведении такой политики страна рискует лишиться последних носителей интеллектуального капитала.

Для успешного творчества и инноваций в любой области необходима внутренняя мотивация, увлеченность своим делом. Прогресс движется энтузиастами. Творец слышит зов высоких ценностей и стремится его воплотить в реальность. Но рыночный фундаментализм не видит высоких духовных и человеческих ценностей. Везде он стремится поставить в качестве главного интереса непосредственную материальную выгоду. Тем самым подрывается такой мотив деятельности как служение высоким ценностям, без которого не будет настоящего выдающегося творчества. Рыночный фундаментализм, тем самым, подавляет творчество.

Рыночные фундаменталисты не учитывают тот факт, что настоящий свободный рынок – это социальный институт, для которого должны быть выработаны культурные предпосылки. Рынок предполагает соблюдение законов, элементарных требований морали, честную конкуренцию. Иначе он ведет к обогащению некоторых не самых честных, и не самых лучших рыночных агентов, а прогресса в обществе не происходит. Иными словами, чтобы эгоизм, материальный интерес индивидуума работал на благо общества, он должен быть введен в определенные социальные рамки, должен быть ограничен и канализирован.

Безграничная же свобода эгоистического промысла в России 1990-х гг. привела к тому, что социальные институты общества и люди, в них задействованные сами подчинились логике беззастенчивого обогащения. Отсюда разгул преступности и коррупции. Если общество считает личное обогащение главной ценностью, а остальное неважным, тогда каждый старается извлечь как можно больше дохода из своего социального положения. Таким бизнесом занят и милиционер, и чиновник, и педагог, и врач. Но тем самым подрывается сам фундамент существования общества. Рыночные ценности и рыночная логика должны быть ограничены, иначе общество коррумпируется и распадается.

Стоит отметить, что рыночные реформаторы в нашей стране пришли к результату, прямо противоположному их намерениям. Они хотели отделить власть от собственности, игнорируя при этом моральные и культурные аспекты. В результате сегодня мы имеем нечто противоположное – сращивание власти и собственности. Люди, получившие собственность в результате приватизации, заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей и не заинтересованы в развитии общества, в достижении подлинно инновационной экономики. Отсюда и стремление провести деструктивную реформу в образовании, избавить школьников и студентов от «избыточных» с точки зрения извлечения сиюминутной рыночной выгоды знаний.

Философия безграничного обогащения, сакрализирующая личный успех ведет к тому, что большая часть общества, не достигшая успеха, расценивается как малоценная и не имеющая права голоса.

Мы видим в этом социальную дискриминацию наемных работников, ограничение их личностных проявлений. Поскольку наемный работник отчужден от собственности и власти, у него нет настоящего стимула к продуктивной творческой деятельности. Важный ресурс для инноваций оказывается незадействованным.

Итак, надежды на рынок как главный рычаг модернизации страны беспочвенны. Рынок может и должен быть одним из средств, которые использует общество для модернизации. Но он должен иметь подчиненный характер.

Рынок не может быть главной ценностью еще и в другом смысле. Даже в согласно догме А. Смита эгоизм, стремление к личной выгоде оправдано только в том случае, если они служат благу общества в целом. В том случае, если исчезает такая презумпция служения общественному интересу, жизнь общества превращается в борьбу всех против всех по принципам социал-дарвинизма. Что ведет к культурному одичанию, атомизации общества и, в конечном счете, к его распаду, когда отчуждение между индивидами достигает определенного порога. Общество – это социальный организм, который конституируется не рыночными силами. Безудержное же развитие рыночных начал разрушает организм социума.

Успешная модернизация общества возможна, на наш взгляд, в том случае, если наше общество откажется от парадигмы рыночного фундаментализма и обретет более адекватное мировоззрение и систему ценностей. По нашему мнению, перспективной в этом плане является философия персонализма. Персонализм рассматривает человека как личность, а не просто как изолированного индивидуума, как это предполагается в философии рыночного фундаментализма. Личность – это самостоятельное духовное существо, имеющее самостоятельно же выработанную систему ценностей, свободно творящее свою жизнь. Личность не изолирована от других личностей. Она сопричастна им, находится с ними в со-бытии. Она укоренена в общностях – в обществе в целом, в семье, в профессиональном сообществе. Главная ее задача – максимальная персонализация – то есть максимальное развитие личностного начала и содействие этому же процессу у других людей.

Исходя из этого высшее благо общества, с которым, хотя бы в качестве регулятивной идеи должны соотноситься все социальные институты, практики и реформы можно сформулировать так: обеспечение максимального благосостояния и возможности максимального свободного всестороннего развития всех членов общества.

Отсюда в социальной области необходимо укрепление и развитие социального государства как института, воплощающего в себе ценности общечеловеческой солидарности и справедливости. Необходимость такого института прямо вытекает из персонализма с его признанием значения intersубъективности и участного мышления. Конечно, это не отменяет и необходимости горизонтальной солидарности между людьми. Все это является практическим воплощением христианского духа, тем, что С. Булгаков называл христианским социализмом.

Необходимо государственное вмешательство в экономику с целью перераспределения средств и уменьшения социального неравенства как между классами общества, так и между территориями. Это создаст возможность преобладания среднего класса, что является реальным фундаментом для настоящей демократии. Необходимо ввести прогрессивное налогообложение, налог на роскошь, запретить оффшоры, национализировать собственность сверхбогатых людей – олигархов.

Для гармоничного сочетания общественного и частного начал целесообразно использовать идеи цивилизма и гарантировать каждому гражданину право на собственность через институт гражданской собственности. Одновременно необходимо поощрять существование мелкой частной собственности. Чтобы у каждого была, как минимум, своя квартира, а лучше, если еще участок земли, что дает возможность свободно развивать свои способности, творчески их применять. Конечно, и государство через систему бюджетных учреждений должно способствовать развитию духа творчества, инноваций, экспериментирования, саморазвития.

Вообще необходима метанойя – перемена ума – перемена взгляда на мир. Общество должно признать, что человеческие, духовные ценности важнее материальных, экономических. Соответственно эгоизм, стремление к личной выгоде должны быть ограничены и культурно укрощены. Такой эгоизм может быть допущен только там, где он идет на благо обществу. Рынок должен знать свое место. Разумеется, в социальной сфере, образовании и медицине может быть допущено только самое минимальное действие рынка.

В ходе общенациональной дискуссии необходимо выработать стратегию развития нашего общества на долговременную перспективу. Необходимо отчасти восстановить планирование, используя для достижения плановых целей, в том числе, и рыночные механизмы. Необходима активная промышленная политика и поддержка отечественного производителя. По отношению к мировому рынку необходимо занять прагматическую позицию. Необходим как разумный протекционизм, так и заимствование инноваций из других стран.

Естественно, главный ресурс – это человеческий капитал. Его развитие, культивирование и превращение в экономическую силу является решающим фактором достижения высокой конкурентоспособности страны. Конкурентоспособность страны – это интегративная характеристика, холистическое

свойство. Она не сводится к сумме рыночных успехов отдельных фирм данной страны. С точки зрения общей конкурентоспособности страны бесплатное образование – среднее и высшее – есть существенное преимущество, хотя, конечно, оно означает большую нагрузку на бюджет.

Поэтому для повышения конкурентоспособности страны нужно существенно увеличить инвестиции в образование и медицину, культуру. Минимальная зарплата работников этой сферы должна быть не меньше средней зарплаты по сфере управления. Зарплата же учёных в государственных учреждениях страны должна быть не меньше зарплаты их коллег, хотя бы в Восточной Европе. Эти идеи обоснованы в концепции экономической социодинамики. Работникам бюджетной сферы должен быть обеспечен достойный уровень жизни и социальный статус. Это создаст возможность раскрытия творческого потенциала этих работников. Враждебное отношение государства к социальной сфере должно смениться на дружелюбное.

В случае реальной автоматизации материального производства, перехода экономики страны на постиндустриальные рельсы развития возрастает роль межличностных связей в трудовых коллективах, мотивов служения высоким ценностям, самореализации, самоактуализации. Поэтому бюрократический и рыночный контроль должны быть ослаблены. Большие полномочия должны быть у сообществ профессионалов. Работники должны реально участвовать в управлении, иметь право принятия решений по важнейшим аспектам деятельности предприятий. Это вытекает из персоналистического принципа сопричастности и позволяет преодолеть отчуждение между работником и предприятием. Тем самым используется, в дополнение к материальной, нематериальная или постматериальная мотивация к труду.

В отличие от рыночного фундаментализма и бюрократического централизма персонализм видит самую большую ценность в добровольных объединениях граждан. Поэтому поощрение создания кооперативов, артелей, объединений по интересам и пр. должно быть важной линией в политике государства. Поддержка семьи, традиционных семейных ценностей должна быть положена в основу государственной политики. Поэтому следует отказаться от бездумного копирования сомнительных западных новаций, как ювенальная юстиция, и других проявлений гниения западной цивилизации. Необходимо введение этической и эстетической цензуры в СМИ.

В области государственного управления необходима последовательная демократизация. Необходимо добиться реальной прозрачности принятия решений, гласности, выборности. Необходимо изменить Конституцию и добиться реального разделения властей, увеличив полномочия законодательной и судебной власти. Возможна реанимация советской системы как своеобразной организации народного контроля с полномочиями, напоминающими права народных трибунов в древнем Риме.

Е. А. ВИКТОРУК

Сибирский государственный технологический университет, г. Красноярск

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Споры о том, нужна ли России модернизация, потихоньку уходят в прошлое. Модернизация необходима, но в чем она должна выражаться, какими методами проходить и каких целей достичь – вот круг вопросов, на которые пока нет ясных ответов. Модернизация – это неотъемлемая задача для нашей страны или это ответ на какой-то новый глобальный вызов?

Нам представляется, что мир находится на пороге новой эпохи и очень важно не прозевать зарождающиеся тенденции, вскочить на подножку отправляющегося поезда, а еще лучше – стать локомотивом этого поезда. Хорошо известно, что в ряде отраслей мы безнадежно отстали от передовых стран, но нам не надо пытаться догнать их. Отставание в производстве карет и конской упряжи не имело никакого значения в эпоху начала массового производства автомобилей и самолетов. Отсутствие в стране значимых месторождений угля может затормозить развитие экономики в угольную эпоху, но в эпоху нефти важнее иметь богатые месторождения нефти, а без угля можно обойтись.

Если взглянуть на ушедшие эпохи, то можно заметить, что в мире лидировали те страны, которые в большей мере владели ключевым ресурсом того времени. В XVII–XVIII вв. экономической сверхдержавой была Голландия. Это была эпоха ветра, тысячи ветряков и десятки тысяч парусных судов-флейтов позволили голландцам создать массовое мануфактурное производство и контролировать мировую торговлю.

Затем на первые позиции выходит Великобритания, достигая пика своего могущества в середине XIX в. Именно тогда она становится «мастерской мира», производя половину промышленной продукции планеты. Произошло это во многом благодаря богатым и компактно расположенным месторождениям угля. Это порождает новый технологический уклад. Сотрудники Школы высших исследований Лондонского университета Лусинэ Бадалян и Виктор Криворотов предложили термин «технологический стиль», так как в своей теории они исходят из производственного стиля, связанного с доминирующим энергоресурсом той или иной эпохи. Британская экономика, основанная на паре и угле, по-

зволила создать крупнейший флот, обширную колониальную систему, поставить под контроль Британии мировую торговлю и мировую финансовую систему. Британский фунт стерлингов становится мировой валютой, появляется глобальная торговая система, основанная на энергии пара (пароход, паровоз) и стабильной валюте. Развитие мировой экономики ускоряется, наблюдается бурный промышленный подъем, планету покрывает густая сеть железных дорог, морских и речных портов, углезаправочных станций.

Россия не стала исключением. Именно благодаря этому восходящему мировому тренду Россия на рубеже XIX–XX вв. превращается в промышленную державу. Освобождение крестьян от крепостной зависимости, аграрная и земельная реформы, реформа образования, создание первоклассных университетов, иностранные инвестиции и технологии позволили России по многим показателям экономического развития приблизиться к передовым странам того времени. По производству ВВП на душу населения в тот период наша страна смотрелась значительно лучше, нежели сегодня. События начала XX в. отбросили Россию в своем развитии на десятилетия назад. Однако, запущен механизм кризиса был в результате исчерпания возможностей мировой экономики, основанной на угле и паре. Глобализованная экономика, основанная на британском фунте стерлингов, дала сбой. Цена созданной Британией глобальной инфраструктуры, в основе которой лежал уголь как основной энергоноситель, достигла запредельных величин. Рост цен на энергоресурсы и хлеб достиг максимума в 1913 г. Последующие события привели к краху глобализующейся экономики, спаду уровня жизни практически во всех странах мира и даже обнищанию значительных слоев общества. Две мировые войны, экономические потрясения, регионализация мировой торговли и мировых валют – по большому счету были следствием краха технологического стиля, основанного на угле и паре.

Новый технологический стиль, базирующийся на нефти, фордизме и конвейере, рождался в муках. В значительной степени благодаря войнам стало возможным массовое производство автомобилей, самолетов, теплоходов, использующих жидкое топливо на основе нефти. Война оплатила расходы на конструкторские и технологические разработки, создала массовое конвейерное производство нового типа техники. Новым мировым лидером стали США, которые первыми начали добывать нефть и создали конвейер. Россия и затем СССР пытались конкурировать с США. На то были предпосылки. Разработка нефтяных месторождений Баку вывела Россию к концу XIX в. на первое место в мире по добыче нефти. Огромные природные ресурсы, технологические заделы позволили СССР в годы второй мировой войны наладить конвейерную сборку танков, другого вооружения и стать победителем. Лидерство в космической, атомной, ракетной технологиях, в сфере образования позволило СССР на равных конкурировать с США на протяжении нескольких десятилетий. Однако мир меняется. Бурный подъем мировой торговли, глобальной экономики, рост сырьевых цен и начавшийся в 2008 г. мировой кризис очень напоминают события столетней давности.

Стоимость инфраструктуры, основанной на нефти, становится непоправимо дорогой. Солнечная энергетика и энергетика ветра по-прежнему обходятся дороже традиционных видов энергии и существуют в значительной степени за счет преференций со стороны правительств. Биоэнергетика приводит к сокращению продовольственных ресурсов мира и росту стоимости продовольствия. На наш взгляд, мир столкнулся с кризисом технологического стиля, основанного на экономике нефти. Это не значит, что завтра нефть уйдет из нашей жизни, как не ушел уголь после заката угольной экономики. Но смена технологического стиля неизбежно приведет к появлению новых мировых лидеров и Россия должна воспользоваться шансом войти в их число.

Сегодня большинство экспертов в качестве кандидата на роль будущего лидера чаще всего называют Китай. Обращают внимание, прежде всего на впечатляющий рост китайской экономики на протяжении последних тридцати лет. Однако нам представляются важнейшими другие аспекты.

1. Китай – монополист на рынке редкоземельных металлов. Он сосредоточил у себя около 95 % производства в первых двух звеньях трехзвенной производственной цепочки редкоземельных металлов [2]. Третье, завершающее звено производства синтезированных соединений сосредоточено пока в основном в США, Японии, Австралии и Западной Европе. Это спасает мир от диктата КНР, но китайцы прогрессируют в этой области и все может быстро поменяться. Сокращение экспортных квот на редкоземельные металлы Китаем в 2010 г. привело к резкому скачку цен на мировых рынках. Цены выросли в 1,5–4 раза, а на некоторые металлы в 10 и более раз. Без редкоземельных металлов сегодня невозможно высокотехнологичное производство. Металлургия, производство стекла, лазеров, атомная промышленность, изготовление катализаторов для нефтяной промышленности, производство постоянных магнитов, электро и гибридных автомобилей, солнечных батарей и электроники немислимы сегодня без редкоземельных металлов. Цена тулия на мировом рынке в 2010 г. достигла 5 тыс. долларов за килограмм, а лютеция – 10 тыс. долларов [2, с. 41].

2. Китай сегодня превратился в одного из лидеров в солнечной и ветряной энергетике, а также в разработке электромобиля.

3. Китай активно разрабатывает собственные агротехнологии, которые позволяют повышать урожайность культур и осваивать новые территории. Страна превратилась в технологического лидера по сельскохозяйственному освоению экстремальных территорий.

Эти три момента могут стать ключевыми на пути Китая к будущему мировому лидерству. Помешать Китаю, по мнению Элвина Тоффлера, может лишь «негармоничное развитие» [3]. Диспропорции в развитии территорий, изъятие сельскохозяйственных земель под нужды промышленности и городов, экологические проблемы, религиозные протесты могут взорвать ситуацию.

России в этих условиях, на наш взгляд, нужно обратить внимание на следующие моменты.

1. Используя свои запасы редкоземельных металлов, создать по сути новую масштабную отрасль экономики будущего.

2. Принципиальная возможность создания жидкого топлива на основе газа взамен сжиженного газа может породить новый технологический стиль. Обладая крупнейшими в мире месторождениями газа, Россия имеет шанс стать мировым лидером.

3. Возможный прорыв в ядерной энергетике открывает для России принципиально новые возможности, особенно учитывая наработки по термоядерному синтезу.

4. Создание благоприятного инвестиционного климата, опора на массовое мелкое и среднее предпринимательство, экономические свободы, демонополизация экономики, поголовное обучение предпринимательству студентов вузов и колледжей – могут создать основу для будущей инновационной экономики, для глубокой модернизации России на рубеже очередной смены технологического стиля.

Примечания

1. Рубченко М. На излете нефтяной эпохи // Эксперт. 2010. №38. С. 42–49.
2. Рубанов И. Базовые элементы // Эксперт. 2010. № 44. С.40–44.
3. Тоффлер Э. Будущее начинается сегодня // Аргументы недели. 2009. № 32. С. 3.

Л. А. ЕРМОЛИНА

Московский государственный университет дизайна и технологий, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Говорить о модернизации возможно только применительно к тому, что необходимо преобразовать, если рассматривать модернизацию общества в целом, причем социальную общность учитывать как воспроизводящую систему, выражение «модернизация общества» приобретает, хоть какой-то смысл. Действительно, модернизация общества касается обновления тех средств и способов, которыми общество воспроизводит себя, свою общественную жизнь. Собственно, институты и есть такие средства и способы воспроизведения социальных (точнее, социокультурных) норм, образцов и т.п.

Модернизация предполагает наличие образца, как например, образец технологии для промышленного производства, стандарты общественного благоустройства. В отличие от родственного феномена инновации, который направлен на еще несуществующее, модернизация, напротив, ориентируется на уже существующее. С этой точки зрения, инновация – это движение из настоящего в будущее, а модернизация предполагает обращение к опыту прошлого.

Делая упор на модернизации в основе стратегического развития страны, необходимо рассмотреть, в первую очередь, термин стратегия. Стратегия – форма организации человеческих взаимодействий, максимально учитывающая возможности, перспективы, средства деятельности субъектов, проблемы, трудности, конфликты, которые препятствуют осуществлению взаимодействий. Первоначально это понятие развивалось в связи с трактовкой военных действий как особого рода искусства, ремесла и даже философии, предполагающих манипулирование большими массами людей в широких пространственных и временных масштабах. Поскольку стратегия рассматривалась так или иначе как форма поведения субъекта в условиях борьбы, войны, игры, она толковалась как достижение выигрыша, обеспечиваемое за счет минимальных затрат и потерь, т.е. как своего рода искусство экономии средств в осуществлении результативного действия. В этом плане стратегическое мышление оценивалось как способность человеческого ума к особым хитростям, уловкам, ложным маневрам («стратагемам»), заставляющим соперников, противников, партнеров по игре «включиться» в определенную логику развертывания взаимодействий.

В середине XX столетия стратегия «перешла» в иной регистр и оказалась тесно связанной с проблемой социальных взаимодействий. Общество предстало в качестве полисубъектного образования, в котором различные субъекты в их взаимосвязях и взаимозависимостях реализуют структуры социального бытия. Соответственно, осуществление той или иной социальной стратегии определяется теперь в значительной мере ее «встроенностью» в связи общества как полисубъектного образования. Как видно из вышесказанного, стратегия – это экономически оправданное массовое системное преобразование социальных структур.

Несомненно, модернизация общества связана с поддержкой вектора развития большинством членов этого общества. Модернизацию, как стремление к преобразованиям, привнесению нового в жизнь человека и социума, можно сравнить с трансформацией отдельного человека, личности. Настолько целостными должны быть изменения. Как известно, сущность человека состоит в самосовершенствовании и развитии, так и общество, как единый организм, как подобие человека, находится в постоянной трансформации.

Наиболее ярко прослеживается суть модернизации-обновления при анализе «больших» художественных стилей в истории культуры и искусства: творчество отдельного человека выражает настрой и эстетические ценности господствующего стиля, равно как и этот стиль прослеживается во всем: в музыке, в живописи, архитектуре, костюме, шрифтах, дизайне. Так, один стиль эпохи прошлого, сменяя другой, проникал во все сферы жизни общества и во все социальные слои. В отечественной истории подобных примеров тоже много. Актуальны ли такие действия для современного российского общества?

Осуществить стратегическую модернизацию возможно естественным путем, либо искусственно. Акценты на «искусственности» или «естественности» последней в значительной степени определяются состоянием общества. Там, где общество находится в относительно стабильном режиме функционирования, стратегия общества не выступает в качестве особой идеологической, политической или практической проблемы, ибо она базируется на фундаментальных структурах общества и «естественно» действует в их составе.

Российское общество находится в состоянии критическом или переходном (конец XX – начало XXI вв.), стратегия социальных изменений является насущным вопросом для самоопределения общества и его дальнейшей интеграции. Становление новых связей в человеческом сообществе на пороге XXI в. требует соответствующей стратегии взаимодействия между различными социальными субъектами, в качестве которых на этом уровне выступают общества, культуры, региональные объединения. Стратегическое развитие в этом плане осуществляется как протраивание общего социального пространства, задающего в дальнейшем порядок социальных взаимодействий.

Поддержкой в модернизации несомненно является эффективная экономика, строящаяся на поддержании малого и среднего бизнеса, внедрении инноваций. Инновации ориентированы на рынок, который является в инноватике основой критериев. Инновация – это новый продукт (или услуга), нашедший спрос на рынке, при этом слово «новый» означает: до сих пор отсутствовавший на данном рынке и не имеющий аналогов по своим потребительским свойствам.

Инновационная система должна логично вырастать из системы высшего образования. То есть, инновационная деятельность – реальная, с выходом на рынок – должна стать непременной компонентой инженерного образования. Это выгодно частному бизнесу, который получит не только разработки, достигшие стадии коммерциализации, но и специалистов с полезным опытом и компетенцией. Государству также будет польза, поскольку риск инвестиций в потенциальную инновацию, будет компенсироваться гарантированным приращением так называемого человеческого капитала.

Для воплощения стратегической модернизации и обеспечения инновациями экономической системы требуются хорошо подготовленные специалисты. Особое внимание следует обратить на центры обучения и компетенции в профильных образовательных, исследовательских и учебных центрах. И только после восстановления нормального функционирования не только образовательной сферы, а всех сфер жизнеобеспечения населения, возможен акцент на комплексную поддержку ядерных технологий, космических, компьютерных, суперкомпьютерных, медицинских и ИТ-технологий, которые нужно развивать не базирясь на отдельных научно-технологических городках, а задействовав все население нашей большой страны.

Сейчас в России подчеркивается острота кадрового вопроса, как фундаментального в экономике государства, для решения которого необходимо хорошее воспитание, образование, социальные гарантии, привитие духовных ценностей человеку. Современная модернизация возможна при задействовании творческого потенциала народа, но для этого необходимо возвращение «критической массы» экономически самодостаточных людей, эрудированных, действующих по принципам эстетики и морали, обладающих патриотическими качествами и нацеленными на развитие.

ФИЛОСОФИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Разрешение проблемы смысла существования России в истории показывает, что онтологическим центром её исторического бытия выступает память как способ духовной связи внутри самого времени. Память аккумулирует в себе *отеческое* начало, которое сохраняет живую связь между прошлым и будущим. Без *припоминания* сыновьями духовного опыта отцов наступает забвение Отечества, отрицание его исторической судьбы и утрата собственной социокультурной идентичности. Тогда и происходит разрыв во времени, ведущий к элиминации прошлого как памяти народа, как его знания смысла самого времени. Как правило, результатом такой потери памяти является исход народа из времени и с исторической сцены бытия. Примеров подобного забвения собственной судьбы в современном историко-научном знании накоплено уже немало. Но каждый из них лишний раз свидетельствует о том, что разрыв между прошлым и будущим есть одно из величайших заблуждений сознания всякого нового поколения людей, полагающих себя вне духовной связи с отцами.

Модернизация и ускоренное развитие, если их понимать операционально, вполне вписываются в процесс диалектических изменений, способный трансформировать отношения России и Запада. Очевидно также, что такие изменения могут способствовать открытию новых областей стратегического, политического, экономического, культурного взаимодействия, а, следовательно, и вести к формированию новых метафизических основ будущего мироустройства. Застарелая и известная ещё со времен Петра I историческая дилемма России – как модернизировать страну и сблизиться с Европой, но при этом не утратить собственную идентичность? – во многом объяснялась ключевой ролью Европы в глобальном раскладе сил. Но сейчас она эту роль утрачивает в связи с быстрым смещением центра тяжести мировой системы в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. В частности, социокультурные характеристики успешных стран, прошедших модернизации – Япония, Южная Корея, Гонконг, Сингапур, Тайвань – позволяют выделить ряд общих тенденций, показывающих динамику трансформаций. К таким характеристикам следует отнести рост ценностей самореализации над ценностями выживания, ориентация на материальный результат собственных жизненных усилий, соединение этики индивидуализма и традиций коллективизма. Однако более глубокий анализ показывает, что и здесь виден глубинный метафизический смысл программы, ставящей задачу глобальной окцидентализации человечества. Подлинными ценностями такой программы решительно объявляются каритативные императивы западной культуры. Тем самым неолиберальная идеология, торжествующая в нынешнем информационном обществе, открыто возвещает о наступлении эпохи окончательной вестернизации мира.

Модерн есть общецивилизационное движение европейского самосознания и в этом качестве он отражает логику жесткого противоборства либерально-демократических и этатистических ценностей. Именно модерн привел к созданию уникального аксиологического симбиоза, известного под термином «гражданское общество». В рамках этого образования была создана система правовых и этических приоритетов, которая позволила разрешить основные противоречия на уровне взаимодействия личности и социума. Смыслообразующим же стержнем в таком гражданском обществе выступает идея компромисса между индивидуальным и социальным интересом.

В системе поведенческих координат индивида подобная форма функционирования общественной и приватной нравственности на первый план выводит задачу воспитания гражданской ответственности личности. В условиях элиминации внеэкономического принуждения человек в достижении собственного частного интереса должен учитывать как интересы отдельного индивида, так и интересы всего общества. Взамен и само общество берется защищать и отстаивать частные интересы, в том числе и правовым путем. В результате формируется политическая система, направленная на строжайшее соблюдение фундаментального принципа правовой демократии – свободы личности.

Такое общество, по Гегелю, является переходной ступенью между институтами семьи и государства. В отличие от родового, общинного или сословного объединения гражданское общество возникает в недрах индустриально-урбанистической цивилизации. Главной константой его экономической и политической деятельности становится сфера частных отношений и интересов людей как независимых производителей и потребителей. Соответствующим образом изменяется и структура нравственных ценностей, поскольку первенство в социальной и нравственной апологии человеческого существования отдается материальному благополучию. Жизненный успех фетишизируется и в шкале аксиологических приоритетов общества начинает отождествляться с внешним, предметным бытием человека, а не с его нравственным и духовным совершенствованием.

Идеологическим основанием для появления в условиях рыночной экономики новых моральных норм, как показали ещё в своих исследованиях М. Вебер и В. Зомбарт, выступили этно-религиозные

установки западноевропейцев. Дух лаицизированной протестантской этики явился тем ценностным фундаментом, на котором началось возведение капитализма. Именно здесь получает оправдание такая модель взаимодействия на уровне «личность – социум», когда политический и моральный выбор человека объявляется самодостаточным. Начиная с М. Лютера проблема свободы воли рассматривается в контексте концепции автономии совести. В ее русле для получения моральной санкции на тот или иной поступок человеку больше не требуется посредник в лице государства или церкви. Для субъекта экономической и политической деятельности в новоевропейское время достаточным становится соблюдение светских законов. В том числе и демонстрации гражданской лояльности к правовым ограничениям рыночной стихии.

На уровне общественного сознания движение протестантизма объективно служит элиминации религиозных оснований морали. Нравственные нормы теряют предикат абсолютности и со временем замещаются секуляризованными стандартами протестантской этики. Аутентичные христианские принципы совместного бытия верующих в церкви сменяет индивидуальная вера в личного Бога. Традиции коллективного существования людей, берущие свое начало с апостольских еkkлесий, уступают в ценностной структуре общества первенствующее место этике индивидуального успеха. Соответствующим образом меняются и нравственные требования к социальному статусу человека.

Секуляризованная мораль, либерально толкующая основные представления о благе, свободе, счастье и даже приличиях в поведении человека, также лишилась и абсолютности критерия различения нравственно-допустимого и аморального. Религиозные основания моральных норм вытесняются светской этикой. Со временем безусловный авторитет церкви в вопросах нравственных оценок человеческого поведения сменяет секуляризованное общественное мнение, опирающееся на правовую систему государственной власти и средства массовой информации.

Окончательное оформление на Западе новых этических постулатов происходит в эпоху индустриальных революций девятнадцатого столетия. Теоретической базой для закрепления произошедших перемен в экономической и политической сферах общественной жизни выступают доктрина гражданского общества и принципы правового государства. Нравственно оправданным становится превалирование интересов частного лица над интересами социума. При этом складывающийся примат личного над социальным, находит свое выражение в этико-правовой концепции «прав человека». В ней моральное санкционирование и получает индивидуализм как этико-социальная ценность. Единственным ограничением такого индивидуализма теперь является только правовая и нравственная ответственность гражданина, эмансипированного от церковного или сословного контроля. Между человеком, как субъектом частного интереса, и государством, воплощающим интерес социальный, формируется модель партнерства, в которой каждая из сторон несет свою долю прав и обязанностей.

Историческое движение России значительно отличается от западного цивилизационного строительства. В первую очередь это касается масштабной перестройки ценностных ориентаций, связанной с движением протестантизма. В судьбе России не случилось событий одно-порядковых европейской реформации, что не могло не отразиться на культурном самосознании народа. Этика индивидуализма не смогла занять здесь того места, которое она занимает на Западе. Неслучайно две попытки «острой европеизации», по определению Л. П. Карсавина, не достигли в России желаемого эффекта. Ни прозападные преобразования Петра Великого, ни эксперименты в духе западного социального позитивизма большевиков не привели страну к единым с Европой ценностным стандартам. Переживаемый ныне третий вариант «цивилизации» России по западным меркам также наталкивается на серьезные трудности. Не в последнюю очередь неудачи нынешних реформ связаны с тем, что искусственно экстраполируемая этика индивидуализма не подкрепляется исторически сложившимися традициями.

Говоря другими словами, в российском общественном самосознании отсутствуют те ценностные стереотипы, на которых основывается западная цивилизация. Нормы коллективистской культуры, взращенные на православии, в таких условиях воспринимаются большей частью населения как едва ли не последний форпост на путях защиты национальной самобытности.

В целом, при наличии достаточно большого разброса мнений о будущем страны и путях её модернизации, стоит отметить, что дух манихейства, разделяющий «светлый Запад» и «темную Россию» (или наоборот) весьма сильно затрудняет дискурс о перспективах нашего собственного цивилизационного развития. Выделим наиболее возможные варианты развития России в ближайшие десятилетия.

1. *Либерально-западнический или атлантический сценарий.* Согласно этому представлению, Россия является неотъемлемой частью западной цивилизации, насильно отторгнутой от неё в 1917 г. Следовательно, наиболее вероятный вектор её движения должен быть связан с преодолением тех отрицательных результатов, которые отождествляются с Советским проектом. По сути, либеральный вариант является совершенно утопичным с точки зрения понимания *подлинных перспектив* в существовании России. Но также важно отметить и его острую антинациональную направленность. Стоит ещё сказать, что экстраполяция западных ценностных установок на российскую почву неизбежно ве-

дет к дальнейшей «варваризации» культуры, поскольку одним из основополагающих признаков такого процесса выступает установка на профанность нашей собственной русской истории.

II. *Антибуржуазный* или *социалистический сценарий*. Целью этого возможного сценария выступает создание альтернативной модели капитализму. Важно отметить, что социалистический путь развития объективно противостоит глобальному капиталистическому объединению государств планеты (по крайней мере, наиболее крупных и развитых из них) в рамках концепции мондиализма. Для России он выступает как проект реставрации в том или ином виде СССР на базе марксистской идеологии. В современных условиях этот проект является не менее утопичным, чем и либерально-западнический вариант. По крайней мере, его ресурсное обеспечение пока совершенно несоизмеримо с мощностью капиталистической экономики.

III. *«Почвеннический» сценарий*. Его императивы находятся в пределах славянофильской идеологии, хотя и не сводимы к отрицанию насильственной вестернизации России. Сюда можно отнести, хотя и с некоторыми оговорками *евразийский* проект, реализующий представление о России как особом типе цивилизации (вне западного или «одновекторного» славянофильского пути).

Разумеется, представленная типология может быть подвергнута большей детализации и развернутому анализу, прежде всего в рамках проблем соотношения России и Европы. В частности, бесспорно, заслуживает определенного внимания рассмотрение таких метафизических позиций как «Россия – это не Европа», «Россия – это анти-Европа», «Россия – это квинтэссенция Европы», «Россия – это недо-Европа» и т.д.

Вместе с тем «третий путь» совсем не означает, что Россия должна отказаться от идеологии свободы, разработанной в рамках либерализма и идеологии социальной справедливости, достаточно успешно реализованной в советском проекте. Необходим их действительно живой синтез, позволяющий снять болезненные крайности нового исторического излома в судьбе России.

Современное общество у нас остро нуждается в понимании того простого факта, что сам по себе материальный прогресс, взятый в отрыве от духовного развития личности, ведет к неизбежным аксиологическим перекосам. В сущности, он и не может осуществить свои цели, поскольку без освоения национально-культурного богатства, без свободного развития личности и общества Россия долго еще будет «пребывать во мгле» – когда-то это выражение Г. Уэллса достаточно внятно описывало её духовное бытие, в чем-то, безусловно, сходное с нашим нынешним состоянием. Однако тогда общество нашло в себе силы переломить негативно складывающуюся ситуацию, выйти из тяжелого ценностного кризиса. Ныне эта проблема стоит перед нами может быть даже в более острой – по экзистенциальному накалу – степени.

А. Г. ИНГОВАТОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

К ПРОБЛЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Диалектика общественной жизни с необходимостью предполагает естественное обновление. Данная необходимость особо ощутима в условиях современного мира, отличающегося заметным ускорением социокультурных изменений. Безусловно, российское общество не миновало этот общемировой процесс ускоренных преобразований социальной жизни. Однако реформы, стремительно развернувшиеся у нас в середине 1980-х гг. теперь уже прошлого века, были в большей степени продиктованы внутренним состоянием общества. Миновало более четверти века и вполне естественным представляется желание подвести некоторые итоги, оценочные выводы не только со стороны интеллектуальной элиты – это ее профессиональное кредо, но и широких масс россиян, граждан страны. Выводы не только большинства специалистов гуманитарного и социально-экономического профиля малоутешительны, но и самоощущение немалых масс населения страны свидетельствуют о том, что проведенные преобразования привели не к совершенствованию общественных устоев, не к повышению благополучия, а к разрушению и девальвации базовых оснований здоровой общественной жизни. Не действует должным образом правовая система, хозяйственно-экономическая и производственная сферы, система идеологических и моральных сдержек, система социального обеспечения и регулирования, здравоохранения, образования и воспитания, воспроизводства научного потенциала и формирования профессиональной атмосферы для сохранения и развития духовных и творческих художественных традиций. Почему хотели обновления, а пришли к «варваризации», утрате того достигнутого цивилизационного уровня, который однозначно был достоянием общественного бытия? Почему хотели ускорения в развитии, а сами откатились фактически в доиндустриальное состояние? Ведь если ориентироваться не на десяток мегаполисов, а на сегодняшний уровень возделанности и ухоженности бывших пахотных земель на огромных просторах России, функциональный уровень сельской инфраструктуры, которая напрямую связана с различными отраслями сельского хозяйства, очевидны разрушение и бесхозяйственность. Степень сокращения производственных мощностей и

количества продуктов собственного производства и переработки, показывают, что уровень индустриализации страны не только заметно снижен, как нам часто представляют, но экономика из добывающей, перерабатывающей и производящей, превратилась в только добывающую. Почему проведенная пенсионная реформа до сих пор вызывает недоверие и опасения граждан, а проведенная реформа в системе здравоохранения не улучшила, а ухудшила качество медицинского обслуживания и сделала малодоступным имеющуюся качественную медицинскую и не помощь, а услугу? Почему реформирование в системе образования привели к снижению общего уровня образовательной подготовки. И это лишь самые наболевшие отдельные вопросы из сотен возможных подобных «почему».

Осуществление социальных перемен, трансформаций, тем более модернизационного толка, предполагает наличие определенной группы факторов, характеристик, вызывающих причинно-следственную цепочку, обеспечивающих необходимую динамику продвижения в заявленном направлении. Ясно, что есть факторы более и менее значимые, с точки зрения их влияния на содержание и состояние начатого процесса. Есть наиболее значимые факторы, которые и обеспечивают эту интенсивность перемен, неизменно находящую отражение в реальном функционально-темпоральном срезе. Сначала акцент должен быть сделан на преобразованиях имеющих основное значение в тех характеристиках социальной жизни, которые логично спродуцируют некий автоматизм в дальнейших переменных таким образом, что люди должны будут ощутить правильность и большую эффективность выбранного пути не через 25 лет, а гораздо раньше. Явленный, а не декларируемый эффект от проводимых реформ, который подтверждается в опыте каждодневной жизни населения, мы наблюдаем в КНР: повышение уровня и качества жизни населения, развитие частной предпринимательской инициативы, работающая система льготного кредитования, создание условий для повышения уровня профессионального образования, условий для молодежи и молодых семей.

Очевидно, что у нас не были выявлены и осуществлены эти опорные точки задуманных преобразований. Был ли в принципе у наших реформаторов некий идеальный план поступательно осуществляемых шагов, цель которых – коренное преобразование общественной жизни с целью ее улучшения? Увы! Вопрос есть, однозначного ответа пока нет, а спустя такое время (более четверти века) должны быть ясные ответы, честные оценки произошедшего, без них невозможно двинуться дальше.

Таким образом, один из самых существенных моментов успешной модернизации в том, что привнесение нового опыта требует ясного и максимально полного представления о стратегических перспективах развития. Ведь новое – не самоценность, оно становится ценным, если имеет положительные последствия для развития общества. Изначальная нацеленность и ясность представлений о содержании и масштабах социальных перемен от принимаемых за основу существования новых норм и ценностей жизни позволила бы не допустить серьезных ошибок и просчетов: зачастую теряем больше хорошего, чем приобретаем. На начальном этапе должны быть максимально просчитаны социальные риски от проводимых в обществе перемен, должны быть предельно осознаваемы четкие идейные основания чаемого общественного будущего. Чтобы гласность не обернулась вседозволенностью, тотальной ангажированностью СМИ и засильем черного PR, а либерализация экономики захватом и перераспределением ресурсов и госсобственности в пользу меньшинства. Четкое понимание того, к чему мы стремимся, по большому счету предполагает продуманность последовательных ходов к улучшению состояния экономики и народно-хозяйственной системы, всей системы социальной жизни, и никак не предполагает ее ухудшения. В противном случае, говорить о модернизации, по меньшей мере, неуместно.

Возникает еще один правомерный вопрос: можно ли в принципе модернизировать «разрушенное»? Модернизировать можно нечто отлаженное, стабильно работающее, но не с той эффективностью, которая отвечает запросам нового дня. Разрушенное, прежде чем модернизировать, надо привести для начала к некоторому в достаточной мере функциональному режиму. Иначе страна будет и дальше характеризоваться колоссальными несоответствиями не только в уровне доходов, но и разрывами между высокотехнологичными условиями жизни сконцентрированными в одних местах и хаосом, нищетой и заброшенностью на огромных пространствах, становящихся все менее отмеченными печатью элементарной социальной инфраструктуры, цивилизованного порядка. Неравномерность распределения населения, нежелание людей строить жизнь на периферии, вдалеке от центров, как показала перепись населения и данные о внутренней миграции – показатель иссякающей энергии цивилизационного устройства и созидания общественного порядка, идущей от центра.

В тесной связи с первым фактором – следующий немаловажный момент: насколько характер проводимых преобразований соответствует, созвучен глубинным ментальным и культурным установкам? Недооценивать этот момент, значит руководствоваться формально-технократическим подходом, который не только неприменим к социокультурной жизни, а однозначно губителен для нее и ее будущего. Модернизация не может иметь в своей основе радикальный слом традиционных ценностей – это губительная ошибка. Модернизация, наоборот, может осуществляться только на основе базовых духовных оснований человеческой жизни, свойственных определенной культуре. Только на этой основе и можно выстроить стратегию эффективного обновления. Ее игнорирование, как правило, влечет не только торможение и пробуксовки, что мы наблюдаем, но и серьезный кризис в общественной жизни.

Задуманные преобразования должны отвечать почти архетипически присутствующим в сознании народа представлениям о главном и второстепенном, о доминирующих ценностях, о содержании добра и справедливости. Глядя на перестроечный и постсоветский опыт, можно с уверенностью сказать, что здесь не только нет созвучия базовым ценностным установкам народного сознания, но и утверждает чуждое и вредное, если не сказать – развращающее, принижающее подлинные духовные притязания человека, воздействие.

Следующий проблемный вопрос, связанный с задачей модернизационных преобразований – это наличие реальной (не бутафорной) социальной силы. Мало иметь желание и хотеть чего-либо достичь, нужны необходимые способности, некий акцентированный потенциал тех, кто готов выступить в роли социального авангарда, в этой непростой исторической роли.

Более того, этот социальный авангард должен быть способен вдохновить здоровые социальные силы к деятельному соучастию и взаимодействию. Недавняя наша история, показывает, что успешность действий такого авангарда, достижение им поставленных целей обусловлена его собственным фундаментальным альтруистическим настроем и самоотреченностью. Именно эти люди имеют наиболее полное представление о спасительной необходимости и пользе затеянных преобразований. С горечью приходится констатировать, что за последние 25–30 лет у большей массы активного населения, включая молодое поколение, в исторически сложившихся обстоятельствах вырабатывались прямо противоположные качества. Исконное человеческое искание смысла жизни сведено фактически к вопросу о материальном обеспечении жизни, культивирование эгоистической тяги к личному успеху выработало отвратительнейшее качество – полное равнодушие к судьбам других людей, своей страны в целом, повлекшее политическую и гражданскую индифферентность и массовый исход в те края, где больше платят, где «жизнь лучше». Понятие Родины, при учёте общих глобализационных процессов, сделавших границы прозрачными и легко преодолимыми, у нас в результате непродуманности реформ девальвировалось особенно сильно, стало носить сугубо прагматический интерес, часто можно услышать от молодых людей реплики: «А что она мне дала эта Родина?». Для дальнейшего становления человеческой личности уже этим имеющимся перекосом в сознании нанесен серьезный урон: «иметь» стоит раньше «быть» в очень уж молодом возрасте. Может быть именно потому, что мы попали в порочный круг: вырастили поколение, несущее в себе заряд безверия помноженного на потребительскую установку (молодые физики-ядерщики из ТГУ, десятками переезжающими в г. Саров – это исключение из правила, а характер жизни определяют правила), и сами воспринимаем теперь на этой почве все декларируемые весьма привлекательные призывы к обновлению не более чем только призывы, потому, что знаем, что фактически отсутствует не только механизм доведения призыва до действующего закона, но и необходимая действенная социальная сила?

Что касается более старшего поколения, надо признать, что на его долю выпало переживание больших личностных потрясений от слома целой системы ценностей, привитых социальной средой и самой атмосферой социальной жизни, в которой, безусловно, был не только негативный опыт. Насколько масштабным является слом самого механизма функционирования колоссальной социальной системы, которая выходила за пределы только нашего государства, охватывала ареалы влияния, как на Западе, так и на Востоке, настолько тяжелы последствия для сознания не одного поколения соотечественников, переживающих до сих пор стресс от крушения привычного порядка жизни.

Тем не менее, главной задачей этого немалого и трудоспособного социального состава, на наш взгляд, является в создавшихся условиях не непосредственно инновационная активность, хотя и этот опыт не исключен, а трансляция того значимого ценностного ряда, который в качестве жизненно обоснованного пробился через негативные тенденции советского строя и, собственно, обусловил все успехи и положительный опыт в существовании и развитии советского государства.

Хуже нет, если инициаторы нововведений не понимают, что для утверждения нового опыта требуются десятилетия, а не годы. Общественный организм не механическая система, не может развернуться в одно мгновение в направлении прямо противоположном прежнему, пусть и в чем-то изжившему себя опыту. Еще медленней и сложнее осуществляются перемены в стиле мышления, в духовном опыте, в сознании людей. С одной стороны, в здоровом обществе необходима своевременно реализуемая энергия обновления, с другой стороны, недооценка социально-психологического фактора, особенностей человеческой реакции на перемены, своими темпами созревающей душевной и духовной готовности отказаться от ставшего привычным строя жизни, может привести к утрате целым поколением энергии социального самоутверждения.

Упования на интеллектуальную и научно-техническую элиту и так называемых «возвращенцев», которые очаровавшись масштабностью задач, активно включатся в модернизационные и инновационные проекты, нам представляются малоперспективными.

Сколько же потребуется «возвращенцев», чтобы возродить по всей огромной стране полуразрушенные и закрытые НИИ и научные лаборатории, испытательные полигоны? Если учесть потери в кадровом потенциале, то ответ на этот вопрос будет весьма затруднительным. Более того, вряд ли в отдельно взятом сегменте научных разработок при запуске в смежных отраслях как фундаментального, так и прикладного характера можно достичь стабильной и долговременной отдачи и вообще

можно достичь каких-либо серьезных результатов. Для этого, как известно, нужна действующая в масштабах страны инфраструктура научно-производственных связей.

При всем вышеизложенном, важно понимать, что никакая самая активная и заряженная благими намерениями, самая что ни на есть пассионарная общественная сила, не сможет ничего добиться, если не окажется способной объединить вокруг себя наибольшую часть общества. Таким образом, не только фактор наличия подлинных социальных первопроходцев-реформаторов с присущей им энергией преобразований, но и должный уровень социального единства и режима содействия и сотрудничества – залог успешных перемен. Консолидация здоровых общественных сил, имеющих должную меру гражданской сознательности просто необходима. И этот момент вызывает, увы, больше скепсиса, чем надежды: общество разобщено, ценностно дифференцировано, трудно сегодня говорить о том, что есть некий универсальный конгломерат базовых жизненных ценностей, которые исповедуются как приоритетные, значимые для жизни большинством населения страны. В результате коренных сломов общественного сознания и устоев общественной жизни (распад СССР), социальное расслоение заметно усилилось не только в результате маргинализации больших слоев населения, но именно в силу ценностного вакуума и релятивизации моральных норм и устоев.

Наконец, еще один, чрезвычайно важный момент: даже если исторически упущен момент глубокого осмысления, продуманности, в ходе реформирования при принятии решений становится крайне необходимой широкая демократическая процедура обсуждения. Во времена перемен демократии много не бывает: чем шире обращение к максимальному числу специалистов прямо, или косвенно могущих принять участие в экспертной оценке, тем в большей степени мы застрахованы от издержек тяги к новому. Более полезным всегда оказывается отказ от принципа монополии на истину, от права на единственно верное решение, широкая «апробация» в рамках научно-технической, социальной, гуманитарной, экологической экспертизы, прямое и непосредственное участие высоких профессионалов в обсуждении именно до принятия решений, а не после, не постфактум. Если бы к мнению профессионалов относились с большим вниманием и серьезностью, вряд ли бы сегодня мы столкнулись с тяжелейшими для всей системы образования и воспитания последствиями в результате введения системы ЕГЭ. Мы не можем, к сожалению, и теперь утверждать, что и сейчас востребована комплексная оценка специалистов. Социальный диалог – это особая насущная необходимость особенно при засилье малокомпетентных, но напористых и активных представителей новой менеджерской элиты. Ситуация (как с ЕГЭ) выглядит тупиковой в силу одного труднопреодолимого обстоятельства: люди уполномоченные принимать решения могут оказаться просто неспособными оценить содержание и значение компетентных профессиональных оценок. Этот факт и может являться одной из причин принятой монологичной установки, так как, чтобы вести диалог, необходимо понимание фундаментальных вопросов. Что делать в ситуации, если нет этого понимания? И как решать уже теперь следующую, остро стоящую проблему: в современных условиях минимизировать, саму возможность принятия решений некомпетентными, непрофессиональными кадрами.

Модернизация нашего общества – задача двойной сложности, так как современной России необходимо учесть те выводы, которые уже сделаны в результате развития постнеклассического типа сознания, в опыте осмысления эпохи постмодерна. Нам предстоит не просто обновиться, но обновиться с учётом значимых компонентов общественной устойчивости и развития, ставших выводами истории мировой цивилизации XX – рубежа XXI в. Подлинная модернизация, и момент осознания этого акцентирован гуманистически просвещенными силами, сегодня предполагает не технологические прорывы, это лишь нечто прилагаемое, к необходимому вниманию к сущностному воспроизводству человека, его подлинных «человеческих качеств». Культивирование мыслительных и духовных способностей человека, его воспитание – с древнейших времен – главная задача государей, и сегодня – самое надежное и долгосрочное вкладывание социальных усилий. Личностные характеристики человека – основа эффективности и социальных преобразований, и здорового существования общества. Здоровая экономика принципиально не может быть построена вне принципов взаимной социальной ответственности, добросовестных алгоритмов выстраивания социальных отношений, которые, прежде всего, связаны с нравственным, духовным потенциалом личности, со статусом личностного развития. Сегодня, как и во все времена, актуален классический завет И. Канта, призывавшего видеть главную цель в человечестве (и человеке), а все остальные цели и задачи выверять на правильность на основе этого главного критерия, делающего все остальное лишь средствами к достижению ведущей цели. История мировой культуры, история государственных образований показывает, что цивилизационные взлеты и культурные прорывы, при всем их многообразии и специфике, имели место, при достаточной ориентации на заповеданный Кантом критерий.

ПРИЧИНЫ АНТИМОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ В 90-Х ГГ. XX ВЕКА

Россия с 1990-х гг., обладая не самой лучшей, обремененной серьезными проблемами, но в то же время далеко не самой плохой экономико-технической и ресурсной базой для проведения назревшей модернизации, покинула путь инерционного затухающего развития и вступила в полосу экономического регресса.

Резкий поворот 1991 г. был результатом не борьбы за новый модернизационный проект, а непосредственной реакцией на исчерпание возможностей советского проекта, выразившееся с определенного момента в неспособности плановой системы успешно соревноваться с развитыми странами в области технического прогресса и жизненного стандарта населения.

Этот факт можно легко проследить на материалах идеологической борьбы второй половины 1980-х гг. Нарастающая лавина критики плановой системы за неспособность обеспечить усвоение достижений научно-технической революции и удовлетворить нужды населения не сопровождалась в подавляющем большинстве выступлений идеологов реформ какими-либо конкретными соображениями касательно исправления этих недостатков. Многочисленные указания на более высокую эффективность капиталистической экономики не сочетались с выдвижением развернутых проектов проведения модернизации на основе перехода к рыночной системе. Молчаливо предполагалось, что рынок обеспечит необходимый уровень экономического прогресса и модернизацию «сам собой».

Вопреки очевидным урокам истории дело представлялось таким образом, что ускорение развития есть простое следствие избранного экономического строя (то есть его можно просто «выбрать»), а не результат сознательно, настойчиво и целенаправленно реализуемой стратегии, включающей далеко не только экономические компоненты.

В такой постановке проблем проявилось то самое нарастание социальной безответственности советской элиты. Проблемы желали решить за счет нескольких реформаторских фокусов (либерализация + приватизация + стабилизация), а не за счет длительной и упорной работы по претворению в жизнь некоторой новой модернизационной стратегии.

В СМИ и среди народа усиленно распространялось страшное заблуждение о том, что с приходом рыночной экономики Запад скупит (т.е. инвестирует) наши фабрики и заводы, предприятия и сам начнет модернизацию в стране. На самом деле ни реформаторы, ни их оппоненты не поняли одного, Запад никогда не собирался скупать наши предприятия, производство каких либо товаров в России для него всегда будет убыточно. «Мировая экономика, буржуй и пролетарий, мы все хотели в буржуи, но нас и в пролетарии не взяли».

Из-за более сурового климата производство продукции (проведение работ, услуги), да и просто проживание в России требует большего расхода энергоносителей. Энергия стоит денег, поэтому российская продукция при прочих равных условиях получается более дорогой. В России нет предприятия или посёлка без котельной – в отличие от почти всего остального мира. Холодный климат также является причиной удивительной для иностранца дороговизны капитального строительства и прокладки коммуникаций. Кроме того, зарплата российских наёмных работников не может быть ниже работников юго-восточной Азии, так как россиянам приходится оплачивать отопление жилищ, приобретение тёплой одежды и более калорийной пищи. Плотность населения напрямую влияет на транспортные расходы. Часть России, на которой среднегодовая температура выше $t -2^{\circ}\text{C}$ и где сконцентрировано всё её население – не круг или квадрат, а узкая полоса, вытянутая в широтном направлении на тысячи километров. Поэтому в России дорого обходится дорожное строительство, связь и транспортные тарифы. Все попытки снижения себестоимости продукции за счёт снижения налогов, зарплат и т.п. не в состоянии компенсировать издержки климата. Утверждения о том, что Россия уступает в десятки раз развитым странам по производительности труда, истине не соответствуют. Инвестиционная непривлекательность промышленного производства на территории России как для иностранных, так и отечественных инвесторов обусловлена, прежде всего, холодным климатом и транспортными издержками. [1, с. 5, 8, 12].

Отказ от стратегического подхода к развитию страны был объявлен добродетелью. Прямо и недвусмысленно провозглашалось, что надо прекратить работать ради «светлого будущего», поскольку мы хотим жить хорошо уже сейчас, а не в будущем. Советская элита решила сбросить с себя прежнюю социалистическую идеологию, чтобы освободиться от остатков социальной ответственности. Нравственной объявлялась мораль индивидуального обогащения «здесь и сейчас». Ясно, что все сразу не могут немедленно увеличить свое благосостояние. Явственно подразумевалось, что выигрывают в схватке за обогащение только немногие, а проигравшие сами виновны в своем неуспехе.

Складывающаяся экономическая система не содержала в себе никаких компонентов, которые обеспечивали бы мобилизацию ресурсов для модернизации. Ценность имело только то, что немедленно могло принять высоколиквидную форму.

Природные ресурсы превратились из источника инвестиционной подпитки экономики **в средство быстрого обогащения элиты** и средство компенсации нарастающей социальной напряженности (импорт продовольствия и ширпотреб за счет экспорта нефти и газа). Отказ от стратегического подхода проявлялся даже здесь: доходы от экспорта нефти и газа не только направлялись в основном на текущее потребление, но были резко сокращены затраты на модернизацию технологий добычи топлива и на геологоразведку.

Проблема продовольственной безопасности страны игнорировалась. Быстрое вытеснение отечественного производства продовольствия импортом и резкое сокращение субсидирования сельского хозяйства шли рука об руку.

Конверсия высокотехнологичного военного производства проводилась путем политики финансового удушения предприятий оборонного комплекса, что поставило последние на грань невозможности производить как военную, так и гражданскую продукцию. Финансирование науки и высшего образования было значительно сокращено, что привело к уходу наиболее талантливых специалистов и к широкомасштабной «утечке мозгов» за рубеж.

Государственный бюджет более не используется для концентрации ресурсов с целью финансирования модернизации экономики. Провозглашаемые в правительственных программах приоритеты развития экономически не подкрепляются, и «структурная реформа» успешно развивается в направлении примитивизации российской экономики. Опыт СССР и других стран, успешно осуществлявших модернизационные проекты, игнорируется. Никакие попытки выработать собственные подходы к проведению модернизации с учетом современных условий не предпринимаются. Да, собственно, укрепление экономической мощи России, а тем более задача выведения ее в ряды экономически передовых держав даже и не рассматриваются в качестве целей проводимой политики. Недаром длительное время переговоры с МВФ об условиях получения очередного кредита выступали единственным источником вдохновения для конструирования экономической системы новой России.

Все необходимые элементы механизма социальной мобилизации населения на осуществление модернизационной стратегии были разрушены.

Эгалитарная социалистическая идеология была отвергнута и осуждена, а какая-либо другая система взглядов, которая могла бы сыграть социально мобилизующую роль, отсутствовала и отсутствует. Современная российская элита не только не имеет такой системы взглядов, но даже и не пытается ее предложить (несмотря на былой заказ Ельцина на выработку «общенациональной идеологии», который так и остался гласом вопиющего в пустыне) [2, с. 86].

Отказ от эгалитаризма сопровождается постепенной эрозией сложившейся в советский период системы социальных гарантий. Глубокий экономический упадок не дает возможности финансировать социальные трансферты в объеме, определенном социальным законодательством. Что касается специфического для СССР феномена – большого сектора социальных услуг, содержавшегося за счет предприятий, – то эта часть системы социальной защиты граждан в основном уже разрушена.

В таких условиях граждане России поневоле обращаются не к каким-либо общенациональным задачам, а к поискам пути индивидуального спасения от кризиса. Этому способствует и складывающаяся в России культурно-идеологическая среда, в которой превозносится примитивный индивидуализм, а состояние разложения и упадка рассматривается почти как естественное и нормальное. Претензии России на более достойное место в мировом сообществе или предложения выработать некий специфический российский подход к выходу из кризиса нередко подвергаются осуждению как проявления великорусского шовинизма.

Новая модернизация России не смогла состояться, потому что при проведении так называемых радикальных рыночных реформ не только не ставилась такая цель, но и были обеспечены все необходимые условия, чтобы никакой модернизационный проект не осуществился.

Трудно сказать, в какие сроки, но, вероятно, в обозримом будущем наступит неизбежная реакция на антимодернизационное поведение современной российской элиты. Модернизация России снова будет поставлена в повестку дня, и снова России придется предпринимать догоняющую модернизацию. Первые признаки такого развития событий уже появились. Даже правящая элита вот уже несколько лет ведет разговоры об инновационном пути развития экономики и о необходимости слезть с «сырьевой иглы». Но эти разговоры не приобрели сколько-нибудь заметных практических последствий. Все позитивные достижения администрации Путина в этой области пока состоят в оттягивании проведения реформы образования (что не дает превратить его в узкоэлитную сферу, но одновременно препятствует и его совершенствованию) и в замораживании проекта «реформы» науки, нацеленного на резкое сужение научного-технического потенциала России.

Поэтому вполне возможен следующий исторический исход: социальные слои, заинтересованные в модернизации России, окажутся не в состоянии получить определяющее влияние на руководство страны, и Россия надолго закрепится в нише третьеразрядного индустриального государства с сырьевой ориентацией.

Но может оказаться возможным и альтернативный исход: выдвижение проекта опережающей модернизации, попытка выдвинуться на рубежи, не достигнутые еще ни одной из наиболее развитых стран.

Следует ли вообще мыслить исторические перспективы прогресса в терминах модернизации? Следует ли повторять в ускоренном темпе путь, пройденный развитыми странами, да еще и пытаться обогнать их на этом пути?

Постиндустриальное развитие и наступление эпохи, нередко именуемой эпохой постмодерна, ставят развитые страны перед проблемами, с которыми неизбежно столкнется любое общество, совершившее модернизационный рывок на этот уровень развития.

А существует ли возможность начать антикризисную стратегию России с поиска путей решения этих (пока еще не слишком актуальных для России) проблем, стремясь выйти на такие рубежи, где существующие проблемы позднекапиталистического постиндустриального общества уже определенным образом разрешены?

Такой подход предполагает, что методы экономической и социальной мобилизации ресурсов российского общества будут подчинены в первую очередь не задаче наращивания объемов производства, ускоренного экономического и технологического роста, а стремлению создать условия для самореализации человека.

Экономическая и общественная системы должны быть ориентированы на то, чтобы творческий потенциал каждого человека получил наибольшие возможности для своего свободного развития – будь то в производстве, науке, системе просвещения или в создании благоприятных экологических условий. Экономический рост и улучшение жизненного стандарта станут в такой системе своего рода побочным продуктом свободного развертывания творческих усилий людей.

Имеет ли Россия потенциал для осуществления такого, кажущегося полуфантастическим проекта? Да, имеет, но очень ограниченный. Экономическая и технологическая база для такого проекта явно недостаточна, а социальные и культурно-идеологические предпосылки пока трудно оценить – они будут зависеть от способности общества изменить сложившуюся неблагоприятную направленность развития.

В любом случае предложенный «постмодернизационный» проект не может развиваться с нуля, без предпосылок, и неизбежно потребует параллельного решения задач постиндустриальной модернизации России.

Примечания

1. Паршев А. В. Почему Россия не Америка. М., 1999.
2. Калашников М., Крупнов Ю. Гнев орка. М., 2003.

Т. И. СУСЛОВА

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Новые условия, в которых оказалась современная Россия, поставили перед государством и обществом задачу выработки новых путей и моделей жизнедеятельности. Понимание, что решение таких масштабных задач невозможно без достаточно развитой теории, активизировало поиск теоретических оснований современной социокультурной ситуации.

В нестабильную переходную эпоху, которую проживает Россия, особое значение приобретает не просто большой опыт минувших поколений, связанный с разрешением проблем, возникающих в процессе выхода из кризисного состояния, установлением атмосферы доверия между различными социальными группами, поиском компромиссных вариантов, и т.п., а именно наличие традиций. Ибо опыт, пусть даже и большой, всегда носит уникальный и рецептурный характер, но именно поэтому он и не может быть просто оттранслирован в наше время, тогда как традиция позволяет это сделать. Вместе с тем сейчас наблюдается определенная ограниченность традиции и традиционных механизмов передачи культуры. В переломные моменты истории традиции и традиционные ценности обретают тот особый смысл, что становятся, прежде всего, нравственной опорой в поисках путей дальнейшего развития общества, государства и человека. Смысл традиций, их нормативно-регулятивной функции в социальной жизни проявляется в том, что они позволяют сохранить не только основу, содержательную наполненность тех конкретные исторических форм жизнедеятельности общества, которые породили их, но и специфические формы собственного существования. Это в наше время особо значимо и выходит на передний план, но одновременно и мистифицирует роль и значение традиции в развитии общества.

Потому что до сих пор о традициях известно далеко не все. В частности, не решена задача по выявлению способности традиции и традиционных форм ответить на новые вызовы времени. Способны

ли они в принципе и в конкретных случаях отбрасывать устаревшее, адекватно реагируя на происходящие сдвиги в материальной и духовной сфере, изменяться и развиваться? Всегда ли традиционный механизм является лучшим выходом из сложившейся ситуации или есть более адекватный сегодняшним реалиям механизм разрешения назревших противоречий и проблем?

Особого исследовательского внимания заслуживает и проблема «трансформации» традиций на этапе перехода к новым формам общественного устройства, к реальной демократии, не просто их возможность адаптироваться к задачам преобразования общества, государства и человека, но и способность к актуализации в этом процессе всего своего потенциала.

Первыми о традиции во весь голос заговорили этнографы, им это можно было обсуждать и в советский период в узко-предметных рамках с фольклорными мотивами, но следует отметить, что участники дискуссии не ограничивались этими рамками. Наиболее важные достижения тех дискуссий до сих пор не потеряли своего значения. Их можно найти в журнале «Советская этнография» за 1981 г. Но еще раньше, постепенно, в собственно философской литературе начали вырисовываться два подхода рассмотрения традиций: философско-теоретический и политико-идеологический.

В современной философской науке, а в последнее время и в культурологии, проблемам традиции, традиционного и т.д. уделяется достаточно пристальное внимание. Нам в сегодняшней ситуации приходится многое из того, что написано было даже 15–20 лет назад, читать и переосмысливать заново, так как изменились научные подходы к изучению традиции, изменилось само общество и отношение к той реальности, которая обозначалась как традиция. А это требует соответствующих изменений и в методологии исследования проблемы.

Анализ процессов модернизации показывает универсальность проблем для всех модернизирующихся стран, уже в 1960-е гг. некоторые теоретики стали обращать внимание, во-первых, на необходимость наращивания в процессе модернизации темпов формирования «человеческого капитала», а во-вторых, стали распространяться идеи другой, социокультурной, модернизации.

Если раньше общество не выживало без опыта и традиции, т.е. без стариков, «прошлого», ныне – оно пока не выживает без «взрослых», или «настоящего», то вскоре оно не выживет без детей, «будущего». И дело не в том, что не окажется восприимчивых и носителей опыта и традиции. А в том, что уже сейчас, под действием законов рынка, прибыли, профессионально-специализированной деятельности и т.п. «взрослый» мир производителей выбрасывает в пространство жизни такие вещи массового потребления, которые потребители взрослого возраста не могут просто усвоить, их могут усваивать только дети. Потому что интересы расширенного воспроизводства капитала уже сделали производственную деятельность чрезвычайно специализированной, отдали процессы ее планирования в руки специалистов. И простой потребитель с его опытом никогда не угонится за мыслью профессионала. Наоборот, опыт, знания и привычки – это балласт при освоении новой искусственной реальности, создаваемой современной индустрией. Эту реальность гораздо быстрее и легче осваивает тот, у кого за плечами нет груза времени.

И если производство раньше работало на настоящее, то теперь оно начинает работать на будущее. А когда производство, экономика, т.е. базисная сфера общества, начинает работать на будущее, то вся общественная жизнь перестраивается в соответствии с этим новым вектором и согласно его меркам.

Еще раз обратим внимание на то, что сегодня абсолютизация идеи развития как блага терпит крах или, по меньшей мере, демонстрирует свою ограниченность. Применительно к проблемам культуры в целом, тоже можно сказать, что современные процессы ставят здесь свой ограничитель. Теперь многие выработанные нормы и оценки, по-видимому, необходимо пересматривать с позиции будущего, прогнозирования и предотвращения возможных негативных последствий.

Вопрос встает о роли культуры и воспитания в формировании у человека чувства ответственности. Будет кстати вспомнить гегелевское понимание роли консерватизма. В парадигмах развития и прогресса часто консерватизм упоминается с негативным, отрицательным оттенком и значением. А у Гегеля консерватизм – это то, что в сложившихся условиях сохраняет, это основание стабильности и устойчивости. А инновация – это то, что развивает, то есть, изменяет, адаптирует и приспособливает к меняющимся условиям. Но если инновационная адаптивность отрывается от консерватизма, то она теряет свою функцию обеспечения выживания, приспособления, отрывается от своей идеи удержания, сохранения качественной определенности объекта в изменившихся условиях. Гегель в свое время указывал на положительный смысл консервативности, и, по-видимому, теперь мы тоже пришли к тому же выводу самим естественным процессом развития общества.

Влияние СМИ на современное массовое сознание может отрицать только абсолютно безграмотный человек. Вместе с тем, сегодня нельзя не видеть проявившихся тенденций и возможностей негативных последствий такого влияния.

Гегель не случайно ставил в один ряд понятия свободы – вменяемости – вины. Свобода, в отличие от произвола, это всегда ответственность за последствия ее реализации, за свободный выбор действий. Но ответственность возможна лишь при наличии глубоких профессиональных научных знаний об объекте, с которым действуют или которым управляют, а также способов действия с ним. Современ-

ные СМИ занимают в жизни людей огромное место и имеют огромный социализующий потенциал. Учитывая их огромную способность воздействия на большие массы людей, необходимо предъявлять очень высокие требования к уровню социальной ответственности инстанций и специалистов, в чьих руках находятся СМИ. Однако сегодня российская действительность в этом плане находится в очень сложном положении. Профессиональный корпус безответственен, частью по недомыслию, частью по умыслу, корыстному и бескорыстному. А общественных сил и социальных механизмов, обязывающих к ответственности, в современной России нет.

Соответственно, ложно понятая свобода слова, усугубленная ложно понятой социальной свободой профессионального пресс-корпуса, оказались способными превратиться из свободы в полный социальный произвол. При этом СМИ далеко не всегда осознанно, но объективно определенно формируют у части населения либо позицию социального безразличия, предъявляя людям (особенно, плохо ориентирующимся молодым людям) систему ценностных ориентаций, где вообще плохо просматривается такой фактор, как общественная цель или общественный интерес, либо позицию стихийного индивидуализма образца буржуазного общества XVII–XVIII вв. (точнее, американского общества, зачаточной социализации), где еще не вызрели социальные условия для формирования общественной психологии и идеологии, ориентированный на осмысление и поддержку социальных целей.

Сегодня назрела необходимость установления контроля и ограничений в отношении деятельности СМИ. Не бывает абсолютно неограниченной свободы слова, поскольку слова имеют организующую и формирующую силу, способны материализовать любую идею, поднимая и завоевывая массы. Всегда есть ограниченная свобода слова для тех или иных классов, позиций, взглядов, идей и т.п. Вопрос только о поиске таких форм ограничения, при которых не был бы ущемлен позитивный интерес одной группы в отличие от возможностей «зеленой улицы» позитивному интересу другой группы. Но ограничение обязательно должно касаться обеспечения общественного позитива и перекрытия негатива, несущего деструктивные общественные тенденции.

Ограничение обязательно должно касаться попыток одной группы быть единственным субъектом общественного развития, ибо здоровый плюрализм – это фактор устойчивости и расширения ресурса развития социума. И ограничение обязательно должно выполнять социально-защитную роль, не давая свободе слова вылиться в антиобщественный произвол мнений. А чем, как не ограничением свободы слова, можно назвать целенаправленное использование средств массовой информации в организации, консолидации, сплочении противостоящих социальных сил?

При приведенном раскладе мнений и общественных позиций по отношению к «свободе слова» можно прогнозировать возможность различных антигосударственных акций со стороны населения (молодежи), стоит только любой попытке государственного или общественного регулирования этой сферы приклеить ярлык ограничения свободы слова. Мы уже сегодня под маркой свободы слова сделали нормой многие деморализующие и духовно-разлагающие издания, фильмы и прочие продукты духовного производства, по отношению к которым нормальная государственно-общественная политика цивилизованных стран не боится взять на себя функции ограничителя, встречая при этом благосклонное понимание и поддержку самых широких слоев населения.

Мощным механизмом культурного воздействия обладает кино. В культурной коммуникации участвуют разные культурно-коммуникативные пласты кинематографа: документальные, игровые, научно-популярные и другие фильмы. Они могут не только отражать, но и искажать реальность, уводить в мир фантазий, иллюзий, грез. Кино может и выполнять и определенный социальный заказ. Позитивным можно считать возможность знакомства с другой художественной практикой, но в условиях массового прессинга под воздействием кино возникает опасность утраты интереса к собственной традиции, потери социокультурной идентичности. Даже такие «сильные» в кинематографическом отношении страны, как Франция и Италия, не избежали губительного воздействия американского кино в силу его «технического оснащения» и многомиллионного вливания. Кино способствует унификации культуры за счет использования заимствованных инноваций, привнесения иных прочтений классики. И тогда все явственнее выступает другая тенденция – сохранить уникальность и неповторимость собственной культуры. Но, как заключает М. Маклюэн, технические усложнения средств коммуникации вовсе не всегда ведут к усилению воздействия на зрителя. Более того, чем технически сложнее средство коммуникации, тем оно «холоднее», и, следовательно, «холоднее» восприятие зрителя. Кино «включает» зрителя сильнее, чем просмотр телевидения, а телевидение сильнее, чем видео. В технических искусствах коммуникативные и культурные функции практически неразделимы.

В целом современная визуальная культура вовлекается в общие процессы разработки и осмысления манипулятивных возможностей средств массовой информации. С одной стороны, искусство стремится сохранить присущие только ему специфические формы медиапосредников, вплоть до холста и красок, с другой, – в качестве системы, манипулирующей визуальными знаками, искусство непроизвольным образом вступает в диалог с более мощными системами трансляции информации.

Эпоху глобализма отличает нелюбовь к статике. Неспособность выносить бездействие и покой. Новая культура сама предстает в терминах усилия и преобразования, современный художественный процесс отличают некоторые уже сформировавшиеся тенденции как из числа наследующих паттерны

XX века, так и относительно новаторские. Теоретики современной культуры отмечают ренессанс идеи ответственности художника. От художника сегодня требуется не только высокий профессионализм, но и социальная позиция. Искусство становится кастовым, поделенным на «коммюнити», каждая из которых нуждается в идее репрезентации собственной художественной и социальной позиции. И второе – художник снова заинтересован в ответственности за сделанное им, восстанавливается идея авторства в своем первоначальном варианте «выполнения дистрибутивной функции» (М. Фуко). В настоящий момент в современном искусстве можно обнаружить следы экзистенциальной лирики и социальной агрессии, но не инструментарий их визуализации.

Современная структура нового сложного образования достигается не за счет отсекаемого старого, но путем включения его в новую структуру, таким и представляется путь создания инноваций в культуре.

Философия эпохи глобализма разводит существующие репрезентационные стратегии по двум направлениям: разработка характера бытийствующих реалий глобализированной материальной культуры, и оттачивание уникальности духовной составляющей персонального универсума ценностей. Таким образом, художественная практика оказывается обусловленной общими процессами унификации/стандартизации, то есть консервативной формой традиции, и, с другой стороны, децентрализации/персонификации, связанной с креативным фактором культурной традиции, то есть с инновацией.

А. Г. ТРОФИМЧУК
г. Новочеркасск

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В понимании общечеловеческих ценностей мы исходим из утверждающегося в педагогической науке положения о том, что **общечеловеческие ценности** олицетворяют интересы всего человечества, в них выражено представление о добре, прекрасном, истинном, которое человеческая история вырабатывала и проверяла веками. К ним она относит: историю народа, философию (этику, эстетику), искусство, религию, литературу, педагогику, семью [1].

Нам представляется, что общечеловеческие ценности, являющиеся основой воспитания (совершенствования духовного мира человека), – есть выработанные и накопленные достижения духовного, нравственного и эстетического опыта, вошедшие в жизнь человеческого сообщества и позволяющие поддерживать определенный уровень духовно-нравственного равновесия в человеческом обществе.

Общечеловеческие ценности, способствующие воспитанию человека, содержат: духовно-нравственные основы: религий; философии (этики, эстетики); искусств (изобразительного – в виде полотен (репродукций) картин художников-реалистов, архитектурных памятников и скульптур; шедевров музыкального искусства в виде аудиозаписей известных и почитаемых во всем мире исполнителей; фильмов выдающихся режиссёров с участием известных актёров, признанных шедеврами во всем мире в виде видеозаписей и др.); классики всемирной литературы; культуры поведения и взаимоотношений между людьми; духовно-нравственный жизненный опыт выдающихся личностей всемирной истории; нравственные истоки истории государства (народа); нравственные основы педагогики; нравственные основы и смысл семейной жизни.

По мнению французского философа Ф. Р. де Ламене: «Никакие внешние реформы и перемены в области государственного устройства не могут улучшить положение народа, если народ не будет постоянно стремиться к **нравственному совершенствованию**» [2].

Члены международного «Римского клуба» поднимая острые вопросы судьбы человечества, отмечают, что при всей важности в жизни современного общества законодательства, технической мощи не это определяет судьбу человечества. Его спасение в изменении **привычек, нравов и поведения**. Истинную проблему человечества члены «Римского клуба» видят в том, что оно не способно в культурном отношении приспособиться к изменениям, которые само привнесло в мир. Они определяют это как критическую стадию в развитии человечества. Проблема, возникшая на этой стадии, находится внутри самого человека и решение ее так же должно исходить, прежде всего, изнутри самого человека. «Проблема в итоге сводится к человеческим качествам и путям их усовершенствования. Ибо лишь через развитие человеческих качеств и человеческих способностей можно добиться изменения всей ориентированной на материальные ценности цивилизации и использовать ее огромный потенциал для благих целей. И если мы хотим сейчас обуздать техническую революцию и направить человечество к достойному его будущему, то нам необходимо прежде всего подумать об изменении самого человека, о революции в самом человеке» [3, с. 43].

Л. Н. Толстой, в итоговом труде «Путь души» («Путь жизни») рекомендует: «Для того, чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему **надо знать, что он должен и чего не должен делать**. Для того, чтобы знать это, ему надо понимать, что такое он сам и тот мир, среди которого он живет. Об этом учили во все времена самые мудрые и добрые люди всех народов» [4].

Источники нахождения (и усвоения) знаний как человек должен жить и что он должен (не должен) в жизни делать (см. девять направлений общечеловеческих ценностей).

Необходимость для каждого человека изучения духовно-нравственного общечеловеческого опыта и применения его в повседневной жизни поясняет великий Аристокл (Платон) в труде, «О душе» («Федон»): «Нет, видно, иного прибежища и спасения от бедствий, кроме единственного: стать как можно **лучше** и как можно **разумнее**. Ведь душа не уносит с собою после смерти ничего, кроме **воспитания** и образа жизни» [5]. Мыслью о том, что человеку в течение жизни необходимо стать как можно лучше и как можно разумнее, Платон определяет основные составляющие процесса воспитания.

Процесс воспитания на основе общечеловеческих ценностей, представляет обогащение индивидуальности (и личности) человека знаниями, как он должен жить и что он должен и не должен в жизни делать (т.е. стать как можно разумнее), а также развитыми положительными моральными качествами общечеловеческого идеала современной этики (бережливости, благородства, вежливости, великодушия, верности, выдержки, духовности, идейности, искренности, мужества, правдивости, принципиальности, самоотверженности, скромности, смелости, терпимости, трудолюбия, человечности, честности, чувства нового, чуткости; с одновременным изжитием противоположных отрицательных: *застычивости, злословия, карьеризма, корыстолюбия, мещанства, распутства, скупости, ханжества, чванства, эгоизма, злорадства, грубости, вероломства, цинизма, лицемерия малодушия, высокомерия, трусости, тунеядства, косности* [6]) (т.е. стать как можно лучше), применёнными в повседневной жизни.

На примере притчи «О злом человеке» из книги П. Козьмо «Мактуб» [7] поясняем методику поиска ответов на вопросы, – что должен и не должен человек в жизни делать?

«Злой человек, умерев, в воротах Ада встречает ангела. Ангел говорит ему: “Для тебя достаточно было сделать один хороший поступок в твоей жизни, и это поможет тебе”. “Думай хорошо”, – говорит ангел. Человек вспоминает, что однажды, когда он проходил по лесу, он увидел паука на своем пути и обошел его так, чтобы не раздавить. Ангел улыбается, и с неба спускается паутина, позволяющая человеку подняться в Рай. Другие среди осужденных стоят ближе перед паутиной и начинают подниматься по ней. Но человек видит это и начинает скидывать их в страхе, что паутина оборвется. В этот момент она действительно обрывается и человек снова возвращается в Ад. “Какая жалость”, – слышит человек голос ангела. – “Твое беспокойство за себя превратило во зло тот единственный хороший поступок, который ты когда-либо сделал”».

Вывод: Я должен (на) **делать больше добрых дел**.

Свои поиски ответов на вопросы, – что я должен и не должен в жизни делать? – вписываем в таблицу, которую регулярно (ежедневно) пополняем.

Таблица 1 – Что я должен (на) и не должен (на) в жизни делать

Должен (на)	не должен (на)
делать больше добрых дел	быть злым

Развитие положительных моральных качеств и изжитие противоположных – *отрицательных* по специальному алгоритму:

а) Анализ характеристики положительного качества (например, **вежливость** – качество, характеризующее поведение человека, для которого **уважение к людям** стало повседневной нормой поведения и привычным способом обращения с окружающими. Включает: **внимательность**, внешнее проявление **доброжелательности ко всем**, готовность оказать **услугу каждому, кто в этом нуждается, деликатность, такт**. Противоположностью вежливости является грубость, хамство, проявление высокомерия и пренебрежительное отношение к людям).

б) Анализ характеристики отрицательного качества (например, *грубость* – качество, характеризующее *пренебрежение* культурой поведения; противоположно вежливости; выражается в откровенной *недоброжелательности* к окружающим, в невнимательности к чужим интересам и запросам, в неумении сдерживать свое *раздражение*, в непредумышленном или намеренном оскорблении достоинства людей, в *развязности, сквернословии*, употреблении *унизительных кличек и прозвищ, в хулиганских действиях*).

в) Общечеловеческие ценности о положительном качестве (например, **Воспитанный человек** – это тот, кто хочет и умеет считаться с другими, это тот, кому собственная вежливость не только привычна и легка, но и приятна. Это тот, кто в равной степени вежлив и со старшим, и с младшим, годами и по положению).

г) Анализ необходимости развития положительных качеств:

- Почему положительное моральное качество необходимо развивать? Что происходит с человеком при отсутствии его в сознании?
- Сможет ли помочь его развитие Вашей повседневной жизнедеятельности?

- Чему, по Вашему мнению, поможет его развитие Вашим знакомым, друзьям, родным, близким и всем людям?
- д) Анализ необходимости изжития отрицательных качеств:
 - Как проявляется отрицательное моральное качество в Вашей повседневной деятельности?
 - Что способствует его проявлению? Почему это качество необходимо изживать?
- е) Определение составляющих положительного морального качества, необходимых для повседневной жизнедеятельности (н.п., для **вежливости** «Вежливость на каждый день!»:
 - «Спасибо!»
 - «Пожалуйста!»
 - «Будьте добры!» и т.д. и т.п.).
- ж) Ежедневный контроль проявления обоих качеств с записью в Дневник самовоспитания:
 - проявлялось ли изживаемое отрицательное моральное качество в течение дня, что этому способствовало, и можно ли было избежать его проявления;
 - проявляется ли развиваемое положительное моральное качество или что мешает его проявлению;
 - регулярная (по результатам наблюдения за развитием или в конце цикла развития конкретного положительного морального качества) самооценка количественного уровня развития и определение присутствия его антонима – отрицательного морального качества (см. Таблица 2).

Таблица 2 – Количественный контроль развития положительного качества – вежливость и изжития противоположного – грубость

Дни	1	2	3	4	5	6	7	8	9	30	
вежливость (примерно)	50 %	50 %	50 %	50 %	50 %	50 %	50 %	50 %	50 %	...	51 %	и т.д.
<i>грубость</i> (примерно)	50 %	50 %	50 %	50 %	50 %	50 %	50 %	50 %	50 %	49 %	и т.д.

В переходный период к модернизации, выступая на первом съезде Народных депутатов СССР (1989 г.), депутат из г. Донецка, Василий Сидорович Образ, сказал: «У нас уже больше двухсот лет никто никого не воспитывал. Учёным-педагогам необходимо разработать действенную систему воспитания» [8].

На основе определения процесса воспитания разработана Система духовно-нравственного воспитания обучающихся, универсальная для всех типов образовательных учреждений. Система включает следующие основные элементы.

1. **Научно-педагогическое руководство** (от одного в дошкольном образовательном учреждении (ДОУ) до 15 человек в вузе).
2. **Идеальный портрет выпускника(цы):** фундаментально подготовленный(ая); самостоятельный(ая) в быту; порядочный(ая) гражданин(ка).
3. Досуговый центр совершенствования духовного мира обучающихся (их родителей и педагогов) – **фундамент системы воспитания**, – синтез библиотеки, фонотеки, видеотеки со специально отобранными книгами, аудио и видеозаписями высокого духовно-нравственного содержания.
4. **Комплексный план воспитательной работы** с обучающимися на весь период обучения (с ясельной до подготовительной группы; с первого по десятый класс; с первого по пятый курс).
5. **Стенды, несущие воспитательный заряд** для коридоров образовательного учреждения (ОУ) и учебных кабинетов: «Процесс воспитания в ОУ»; «Нравственные качества: дисциплинированность, чувство долга, патриотизм, доброта, человечность и др.»; «Характеристика моральных качеств»; «Общечеловеческий идеал»; «цветные фотографии обучающихся (во весь рост) в элегантной одежде с портфелем (рюкзаком, папкой) в фойе ОУ; «Алгоритм развития положительных моральных качеств и изжития отрицательных».
6. **Анкеты самооценки** уровня развития у обучающихся моральных качеств.
7. **Опросники** по определению обучающимися (в ДОУ, совместно с родителями) уровня знаний общечеловеческих ценностей, полученных в учебном процессе на гуманитарном цикле дисциплин.
8. **Алгоритм социализации обучающихся** на весь период обучения в ОУ.
9. Факультатив **«Этика повседневной жизнедеятельности»**, включающий воспитательные темы, которых нет в ГОС: этика, самовоспитание; ЗОЖ; подготовка к семейной жизни, рождению и воспитанию ребёнка и мн. др.
10. Воспитательная процедура поиска педагогами, совместно с обучающимися, ответов на вопросы, – **что должен человек в жизни делать, а чего не должен?**
11. Воспитательная поэтапная процедура **развития (например, вежливости) изжития (грубости)**, проводимая педагогами (на классных часах и т.п.).

12. Выделение педагогами на каждом занятии (уроке) **общечеловеческих ценностей, способствующих воспитанию обучаемых**, запланированных в воспитательной структуре основной части занятия (урока).

13. **Информационный еженедельник** ОУ и в каждом классе (группе) (например, «Гармония»).

14. **Домашний досуговый центр** совершенствования духовного мира педагогов, обучаемых и их родителей.

15. **Дневник самовоспитания** обучаемых.

16. **Дневник самовоспитания педагога**.

17. **Элементы реферата, доклада**, воспитательной направленности.

18. **Дневник воспитательной работы** педагога (кл. руководителя, куратора).

19. Оказание квалифицированной социально – педагогической помощи обучаемым с девиантным поведением (трудновоспитуемым, с отклонениями в процессе социализации) **дипломированным социальным педагогом**.

Исходя из вышеизложенного, для улучшения качества модернизации России, каждому человеку, целесообразно включить в повседневную жизнь самое важное занятие: каждый вечер я (мы всей семьёй) примерно в 20 часов, занимаюсь(емся) самосовершенствованием (взаимосовершенствованием). Слушаю (ем) любимые музыкальные произведения; пою (ём) под караоке свои любимые песни и романсы, читаю (читаем вслух и обсуждаем) любимые произведения классики мировой литературы и выделяю (совместно выделяем) ответы на вопросы, что должен и не должен человек в жизни делать и делаем записи в свой Дневник самовоспитания, в соответствующую, не прекращающуюся Таблицу 1; рассматриваю и повторяю (совместно обсуждаем предыдущие записи в Таблице); смотрю (смотрим и обсуждаем) видеofilмы и видеопрограммы высокого духовно-нравственного содержания; занимаюсь (совместно занимаемся) развитием очередного положительного морального качества и изжитием противоположного отрицательного с записью в Дневник самовоспитания; рассматриваю, анализирую (совместно рассматриваем и анализируем) сайты в интернете и альбомы высокого изобразительного искусства, делаю (делаем) записи в Дневник самовоспитания; анализирую (совместно обсуждаем и анализируем) текущие духовно-нравственные события общественной жизни: ЗОЖ, ТВ и радиопрограммы, фильмы, премьеры, концерты, вернисажи; планирую (планируем совместные) творческие дела, приносящие пользу окружающим людям; в заключении, посылаю (совместно посылаем) красивые, добрые и высоконравственные мысли – чтобы всем людям было хорошо!

Примечания

1. Асоев Х. М. Освоение учащимися подросткового возраста общечеловеческих ценностей: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 1995.

2. Толстой Л. Н. Круг чтения. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1991.

3. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.

4. Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993.

5. Платон. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 2. М., 1993.

6. Словарь по этике. М., 1989.

7. Коэльо П. Мактуб. М., 2001.

8. Первый съезд народных депутатов СССР: стенографический отчет. Т. 1-3. М., 1989.

А. Г. ШУСТРОВ

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной философской и культурологической мысли принято считать, что любое развитие возможно при условии сохранения принципов и качества изменяемого. По отношению к обществу таковым является духовно-культурная традиция, обеспечивающая устойчивость и возможные трансформации в исторической перспективе. Общеизвестно, что жизнь нашей страны теснейшим образом связана с некогда могучей и высокой в культурном отношении Византией. Этот факт из всемирной истории всем знаком. Но долгое время (это время продолжается и сейчас) традиции России рассматриваются в свете взаимоотношений Запада (Европы) и Востока. Историческая Византия просуществовала до 1453 г. и всё свое наследие передала России. Этот факт, например, констатирует известный западный историк А. Тойнби, не выделяя ее в своей типологии цивилизаций в самостоятельный национальный тип. В России он видит вариант византийско-православной культуры [1].

Во всемирной истории человечества роль Византии особенная. Она преемствовала античному миру и долгие годы влияла на судьбы Востока и Запада. Здесь впервые государство преобразило свою природу, став служить духу христианской веры. Следствием чего оказались новые формы культуры – язык, семья, право, быт и т.д. Но самое главное, в недрах этой культуры получила развитие

Церковная традиция. Ее виднейшие представители, отвечая на различные выпады и борясь с ересью, раскрыли важнейшие стороны христианского вероучения по отношению к Богу, миру и человеку. Так сложился особый дух и вид мышления, который получил название богословия или святоотеческого предания. Эта греческая мудрость вместе с верой перешла на Русь и определила моменты ее высочайшего культурного развития.[2] Она же указала новые цели и масштаб русского национального движения. [3] Глубина восточного богословия была столь велика, что западная часть Римской империи не смогла ее полностью усвоить, и постоянно склонялась к упрощенчеству. В конце концов это привело к схоластике. Обнаружился духовной раскол между Римом и Византией. Он оформился разделением церквей и обособлением Европы. Сокровищница византийской мысли стала для одних камнем преткновения, для других – неисчерпаемым кладом духовного богатства. Все культурно-национальное своеобразие России основывается на использовании и переработке святоотеческого предания. Тесная связь с духовной глубиной христианского Востока придало нашей стране особую мощь, независимость и свободу в историческом становлении. Идеал святости стал исключительным для Руси по сравнению с другими европейскими государствами, также христианскими в своем начале. Европе не удалось соединить исконно христианские ценности с культурными символами. Так или иначе, это выразилось в редукции христианской веры, реформации, рационально-философских течениях, в новых вероучительных доктринах. В какой-то степени сознательный отказ от соборной веры в пользу культурных, мирских преимуществ привел Запад ко многим проблемам внутренней и внешней жизни человека. В этом воочию можно убедиться на примере современности. Нельзя сказать, что в рамках догматически верного христианского мировоззрения невозможно построить устойчивого хозяйства. Россия, как некогда и Византия подтверждала это своим экономическим и военным могуществом. Для православия социальная часть учения и практики не являются главными. В его недрах не могло родиться никаких коммунистических идей. Главная в христианстве идея спасения обращена к внутренней жизни человека, которая в той или иной степени проецируется вовне. Преклонение перед внешним на Западе, выраженное в развитии культурных форм, является признаком пробужденного язычества. [4] Ему свойственна национальная агрессивность и эгоизм. В Европе процесс отказа от общехристианского единства стал явно оформляться в VIII – нач. IX вв., во время правления Карла IX. Вновь проснулось варварское сознание германцев. Отношения с Византией у империи франков обострились. Трещины прошли по всем направлениям: духовным, культурным, политическим. Запад отпал от вселенского общения и замкнулся. Отношения его с Константинополем стали выглядеть как отношения метрополии с периферией, пытающейся соперничать на равных. Географические границы противостояния прошли по территории Балкан, Центральной и Восточной Европы, т.е. по странам, заселенным славянами. IX в. был временем создания их национальных государств. В противостоянии латинян и греков они склонялись в сторону последних. Восточно-христианское Предание легло в основу их национально-государственного своеобразия. Киевская Русь формировалась под влиянием двух религиозно-культурных движений, идущих от Балкан и Северного Причерноморья. Россия, в отличие от европейских стран, рождалась как преемственница византийского христианства и цивилизации. Это была ее историческая судьба. От своих «братьев» западных христиан Россия много потеряла во время всяческих крестовых походов за все время своего существования. Главной их целью была миссионерская деятельность и захват земли. Опора на веру сохраняла национальное своеобразие и государственную целостность русского народа.

Россия постоянно впитывала мудрость греческих отцов Церкви, труды которых переводились и проникали в ее земли. Она чувствовала свою связь со вселенской христианской жизнью. Тем жила и процветала. Она осознала свое духовное одиночество и хранительницей какого сокровища она оказалась. В отношении с Западом она держала себя достойно, ощущая связь с более древней традицией и свою ей преданность. Петр I впервые изменил отношение к европейскому миру, признав за ним не локальность, а универсализм. Это сразу изменило оценку русского прошлого и привело к расколу национального сознания. Все неестественности государственной и культурной жизни XVIII в. были следствием разрыва традиции. В Россию хлынул поток схоластики, всяческих философских и политических учений, исковеркавших душу народа и приведших к национально-государственной трагедии. Все, что сопротивлялось негативной тенденции, так или иначе было связано со славным русским прошлым и православной церковной традицией.

Сейчас, спустя почти век, с этой традицией почти никто не знаком. Это несмотря на то, что существует естественная, всеми ощущаемая потребность «оживления», «возрождения» страны. Если рассмотреть наше прошлое с позиции Европы, то мы оказываемся ее локальным и не очень удавшимся вариантом. Это совершенно несправедливо при том чувстве национального достоинства, которое было у русского человека. Такое возрождение на чужом духовном поле будет означать и одновременную гибель. Источник творческой энергии для России всегда исходил со стороны вселенского христианства. Православные корни пущены у нас глубоко. Их не уничтожил полностью исторический холод XX в. Возрождение возможно только на своих собственных корнях. Как начало поступка лежит в мысли, так и жизнь цивилизации зависит от духовных установок. Русская мысль плодотворно питалась мудростью византийских философов. Данный опыт интеллектуальной жизни почти полностью

исчез из наших учебных заведений, кафедр, учебных пособий, из отечественной науки и философии, «засушенных» западными концепциями мировоззрения. Поэтому задачей настоящего исследования является ознакомление читателей с основными положениями восточнохристианского богословия по отношению к человеку, его творчеству и культуре. Это, как кажется, наиболее важные вопросы современности. Кроме того, знакомство с элементами ортодоксального христианского вероучения, важнейшего для России и лежащего в недрах ее культурной традиции, поможет молодежи возрастать на высоких моральных ценностях. Молодое поколение страны может обрести в них базу для нравственных поступков, социально-политических взглядов, для строительства семьи и собственного личностного бытия.

Для теоретиков обращение к святоотеческому наследию важно по причине малоизученности его, для очищения языка от понятийных заражений философских систем. Ведь многие термины, которыми сегодня пользуется наука, зародились в первоначальном истинном содержании в христианском сознании. К таковым, в первую очередь, относятся понятия личности и творчества. Эвристичными истины Откровения могут быть и для естественнонаучного знания с его представлениями о свете, силе, энергии и т.д. Неосвобожденное философское сознание нашей интеллектуальной элиты ставит перед страной ложные задачи. Это еще больше обозначает степень важности обращения к восточному Преданию. Живое общение с ним и развитие его на собственной национальной почве создавало образцы высокого духа, политической свободы мышления и хозяйственной самостоятельности.

Примечания

1. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.
2. Экономцев Иоанн (игум). Православие. Византия. Россия. М., 1992.
3. Флоровский Г. (прот.) Пути русского богословия. М., 1993.
4. Апостол Павел. Послание к римлянам // Апостол Павел. Евангелие. Послание апостола Павла к римлянам. Гл. 1, § 25.

А. С. ФРОЛОВ

Алтайская академия экономики и права, г. Барнаул

О ДУХОВНЫХ ОСНОВАХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Плоское политико-идеологическое пространство современной России, в «полупроводниковом» режиме тотально структурируемое партией власти, характеризуется мозаичным набором различных установок, призывов, слоганов, – не только не составляющих единого целого, но нередко вообще не стыкующихся друг с другом и отражающих клиповое сознание властвующей «элиты», отсутствие у нее даже слабых намеков на стратегию развития страны. Вместе с тем нельзя не заметить, что центральное место в этом пространстве – наряду с интригой по поводу «кандидата на предстоящих президентских выборах», с созданием клонов правящей партии в лице «народного фронта» и «правого дела», наряду с тезисами о том, что «Россия преодолела пик кризиса» и об «успешном развитии партнерских отношений с США» и т.п. – принадлежит теме «модернизации России». Но в соответствии с утвердившейся не сегодня и не вчера отечественной традицией пафос истового желания воплотить в жизнь «начертанные партией планы» – без их предварительного осмысления – давно перешагнул границы сугубо политической сферы и заключил в свои холодно-расчетливые объятия область гуманитарного знания. А потому немалая часть научно-гуманитарного сообщества среагировала на выдвигание лозунга о «модернизации России» в хорошо знакомой манере: Партия сказала: «надо!», комсомол ответил: «есть!»...

Если же не сводить функции социально-гуманитарного знания к обслуживанию интересов и притчей власть имущих, а роль учёных-гуманитариев – к роли клакеров, за небольшую мзду обеспечивающих бурные аплодисменты дурно поющим артистам, то осмысление феномена модернизации предполагает обязательную постановку ряда вопросов, – как минимум, следующих.

1. В чем основное содержание понятия модернизация?
2. Какова связь входящих в модернизационные процессы элементов и прежде всего, – каково соотношение материального и духовного начал?
3. Чему учит опыт развитых стран, неоднократно проходивших процесс модернизации?
4. Насколько искренне и рефлексивно отношение современной российской властвующей «элиты» к выдвинутому ею лозунгу модернизации? Или же «модернизация» для нее – определяемая инстинктом самосохранения предвыборная политико-пропагандистская попка, призванная смягчить удручающее впечатление от двадцатилетнего правления «олигархической демократии» и крайне отрицательного «актива» ныне действующей власти?..

Первое, что следует заметить, обращаясь к этим вопросам, заключается в том, что попытки их осмысления неизбежно возвращают нас к старой проблеме соотношения «культуры» и «цивилизации».

Если рассматривать эту проблему в **онтологическом** ключе, то нельзя не признать, что в течение длительного времени в жизни различных цивилизаций реализовывалась одна общая схема развития: очередная перестройка (модернизация) **материальной** основы осуществлялась на базе определенной системы идей, отражающих ключевые **духовные, нравственные** ценности и установки. История древних цивилизаций убедительно свидетельствует о том, что совершенствование условий материального бытия никогда не выступало в качестве самоценности, но в качестве и «действующей», и «целевой» причин имело определенные духовные предпосылки и ориентиры. Так, характеризуя цивилизацию Древней Греции, А. Ф. Лосев обратил внимание на рожденный в колыбели античной философии феномен «духовного искательства человека» [1, с. 499], который не ограничивался узкими рамками собственно философской культуры, но оказывал организующее воздействие на всю систему жизнеустройства древнего грека. Говоря об эстетически ориентированной древнегреческой философии, А. Ф. Лосев отметил, что она была не простым украшением жизни: «...Она хочет по своим законам организовать саму жизнь, ее субстанцию. Она есть теория этой жизни» [1, с. 500].

Обращаясь к проблеме человеческого бытия, философская мысль в разные времена и в различных формах констатировала как минимум два обстоятельства, выделяющие человека из мира природных стихий. Первое заключается в сочетании телесного и духовного начал. «Человек представляет собой разрыв в природном мире и он необъясним из природного мира», – писал по поводу Н. А. Бердяев [2, с. 82]. Второе обстоятельство связано с динамичностью и «незавершенностью» человека, неопределенностью его сущности и с собственной ответственностью за ее определение. Как образно заметил в этой связи Е. Н. Трубецкой, «Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя» [3, с. 243]. Есть все основания утверждать, что та часть человеческой истории, в течение которой оформлялись ключевые, системообразующие духовные установки и ценности, определялась стремлением человека «подняться над собой», «вырасти в Бога».

Организирующую роль **духовных** начал в цивилизационном развитии подчеркивали многие отечественные и зарубежные мыслители: Н. Я. Данилевский (концепция культурно-исторических типов), Н. А. Бердяев (философия творчества), А. Тойнби (концепция «вызова–ответа»), О. Шпенглер (учение о «прафеномене», «душе» культуры) и др. Справедливости ради следует заметить, что жизнь культуры О. Шпенглер не сводил к простому созиданию и воспроизводству религиозных, нравственных и художественных ценностей. И даже более того, – исходным началом культуры по Шпенглеру является **способ восприятия и переживания пространства**: у древних египтян в виде бесконечного и линейно построенного **пути**; у древних греков – в виде **отдельного, изолированного тела**, вне существенных связей с пространственной глубиной; у западноевропейцев в виде **бесконечно расширяющегося пространства** как объекта экспансии. Вместе с тем эти «прафеномены» культуры – лишь пружины, которые ее структурируют. Главное же содержание культуры определяется специфическим сочетанием **духовных** установок и ценностей.

Рассматривая отражение данной проблемы в **отечественной мысли**, необходимо отметить, что ее зрелой **философской рефлексии** предшествует уходящее в глубину веков **художественное осмысление**, которое находило выражение в самых различных формах, – от фольклорно-мифологических сюжетов (например, былины о Святогоре, осуждающие самоценную, лишенную духовных оснований силу) до древнерусского женского наряда, в котором образно воплощена идея **оплодотворения земного (материального) небесным (духовным)**: см. реконструкцию женского наряда Б. А. Рыбаковым [4, с. 563]. Своего апогея пафос неприятия тупого прагматизма достиг в русской литературе XIX–XX вв.: от Л. Н. Толстого (у которого, например, в легенде «Разрушение ада и восстановление его» самодовлеющая **техносфера** выступает силой, персонифицированной в **дьявольских** образах) до А. Блока, С. Есенина, Н. Клюева и советской «деревенской прозы».

Говоря о духовных основаниях и императивах цивилизационного развития, вместе с тем важно иметь в виду, что соотношение духовного и материального в процессе исторического развития не является константной величиной. Уже в эпоху европейского Возрождения начинается принципиальная ревизия фундаментальных установок Средневековья, в соответствии с которыми абсолютный приоритет имело духовное начало, а тело человека рассматривалось в качестве «сосуда для мерзости». Осуществленная в относительно короткий исторический период реабилитация телесности и соответствующих ей ценностей материального мира привела к другой крайности. Тенденция стремительной смены ориентиров «человека разумного» его перехода от «бестелесной духовности» Средневековья к «бездуховной телесности» нашла убедительное отражение, например, в работах таких исследователей, как И. Тэн [5, с. 88–110] и А. Ф. Лосев [6, с. 120–138]. Эта тенденция погружения в пучину сугубо земных, материальных ориентиров и страстей образно и предельно убедительно выражены в полотно П. Брейгеля «Падение Икара», в котором в свойственной этому художнику-мыслителю северного Возрождения иносказательной манере повествуется о **замене «вертикальных», небесных ориентиров человека на «горизонтальные», земные**: весто упавшего в море Икара, помещенного художником вглубь пространства и обнаруживающего себя лишь торчащей из воды ногой,

уверенно занимают землепашец, пастух и рыбак, разместившиеся **на первом плане**. Под длительным и истовым движением человека по небесной вертикали подведена черта. Начинается новая эпоха, – эпоха абсолютного и полного торжества земной горизонтали...

Определяющим в утверждении этого вектора человеческого бытия явилось **Новое время**. Побуждаемый императивом прибыли, набирающий обороты капитализм, неуклонно расширяя единое пространство рыночных отношений, вытесняет на периферию все то, что не поддается материальной оценке, утилитарным измерениям и что составляет содержание духовности. Именно в этот период европейской истории окончательно формируется «скелет» западноевропейской, «фаустовской» цивилизации, кредо которой в редакции Гете звучит как **«власть, собственность, преобладанье»**.

Что касается **перспективы** этой цивилизации и **динамики соотношения в ее «организме» духовного и материального начал**, то в европейской философской культуре в этой связи оформились **две основные позиции**. Первая принадлежит Гегелю и нашла отражение в его концепции историко-культурного развития. Рассматривая становление и развитие духовной жизни в качестве «возвращения абсолютной идеи к самой себе», философ – в соответствии с собственной методологией «триад» – приходит к выводу о том, что логика развития культуры заключается в неуклонном уменьшении в ее структуре материальных и увеличении духовных элементов.

В архаичной культуре древности, названной Гегелем **символической**, абсолютно преобладает бытие материального носителя, духовное же начало сводится к предельно малому набору символов, среди которых приоритетное место принадлежит символу плодородия, возвращающему человека опять в лоно материальности... В **классической** культуре античности достигается «паритет» духовного и материального. Современная философу культура **романтизма**, в которой доминируют поэзия и живопись, характеризуется победой духовного над материальным: **материальный** носитель культуры – в лице живописного полотна и поэтически звучащего слова – **предельно минимизируется**, а **духовное** содержание достигает абсолютного господства. Но и поэтическое слово, и живописный образ все еще продолжают сохранять связь с материальным, телесным, так как они являются выражением **чувственного** начала. Логическим же завершением развития культуры является ее растворение в **философии**, которая является **чистым выражением разума** и абсолютно свободна от какого-либо гнета материальности. Однако по Гегелю торжество духовного над материальным характеризует не только судьбу культуры в узком значении этого слова. Таков вектор развития всего общественного организма.

Подобный оптимизм, но определяемый принципиально отличной от гегелевской философской методологией, характерен и для К. Маркса, чьи концептуальные позиции были существенно редуцированы, искажены и идеологизированы многочисленными сочинениями его неглубоких адептов и поверхностных интерпретаторов. С позиций этого мыслителя, в будущем обществе – вместе с устранением антагонистических общественных противоречий – утверждается принципиально новый способ мотивации человеческой деятельности, связанный с возвышением потребностей и творчеством по законам красоты.

Противоположный взгляд на место и роль духовных начал в **общественной перспективе** нашел наиболее яркое воплощение в творчестве О. Шпенглера. Как утверждал философ, когда культура достигает свою цель и реализует себя, она «...вдруг **застывает**, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются – она становится **цивилизацией**». Применяя эту методологическую установку к развитию европейского общества начала XX в. и сопоставляя это развитие с «падением античного мира», О. Шпенглер констатировал, что Европа уже чувствует признаки начала тождественного события, «...которое заполнит первые века ближайшего тысячелетия и которое будет «падением Запада» [7, с. 173].

Аналогичный шпенглеровскому взгляд на изменение соотношения духовного и материального начал в развитии общества обнаруживается в историко-культурной концепции П. Сорокина, в которой вектор развития человечества представлен как движение от культуры «идеационального» типа (связанной с ориентацией на сверхчувственную реальность) к чувственной культуре (ограниченной узким горизонтом материальных ценностей).

Развитие европейской цивилизации на протяжении всего XX в. явилось убедительным свидетельством того, что «гегелевская модель» – в силу ее «романтического» характера – для набирающего темпы капитализма оказалась совершенно непригодной, а следовательно в этом заочном историческом споре полностью соответствующей действительности оказалась позиция О. Шпенглера. Развитие «фаустовской» цивилизации в этот период характеризовалось тем, что каждый новый ее технологический виток, каждая очередная перестройка ее материально-технического фундамента в целом происходила на основе все более жестких прагматических установок и приземленных ориентаций, ограниченных, – если использовать терминологию М. Вебера, – «холодным» жанром «целерационального действия». В результате этого уже к началу XX в. в Европе утвердился тип личности, в русской духовной, философской традиции обозначенный понятиями «физиологический-», «оголившийся-», «овнешненный человек», а в интеллектуальной традиции Запада, – понятием «одномерный чело-

век». Потрясшие человечество две мировые войны обязаны своей реальностью тому, что данный тип личности стал массовым. Человек, призванный быть Троицей (тело – душа – дух), редуцировал в телесную одномерность.

О «ножницах» между стремительным материальным взлетом западноевропейской цивилизации (особенно в связи с начавшейся в середине XX века научно-технической революцией) и ускоренным разрушением духовных оснований бытия вопиет вся философская литература этого времени. Движение по пути духовной энтропии прежде всего выражается в том, что происходит качественный скачок в **выхолащивании остатков европейской религиозности**: от «бог умер!» Ф. Ницше – до выставления на торги и успешной продажи в странах Европы христианских храмов. Так, например, результаты работы группы американских исследователей, которые в своей математической модели применительно к данным переписи населения девяти стран использовали метод нелинейной динамики, позволили им сделать вывод о том, что «религия в ряде стран обречена практически на полное исчезновение» (<http://www.gazeta.ru/news/science/2011/03/23>). Характерно, что все девять стран представляют цивилизацию западно-европейского образца. Уместно также напомнить о том, что число 9 здесь объясняется тем, что в материалах переписи населения именно такого количества стран фигурировали вопросы об отношении к религии. А потому есть все основания предполагать, что реальный процесс атеизации населения Европы гораздо масштабнее и уже приобрел тотальный характер.

Если обратиться к другому глубинному выражению духовности – **нравственности**, то и здесь обнаруживается аналогичная динамика. В последние годы, пожалуй, наиболее очевидным свидетельством движения «фаустовской» цивилизации по пути нравственного релятивизма и нигилизма – к откровенному аморализму – является серия войн, развязанных наиболее развитыми в экономическом, материальном плане США и странами НАТО: начиная с первой (уже, к сожалению, забытой) агрессии против Ирака в 1990 г. и заканчивая лавиной целенаправленно спровоцированных конфликтов в ряде арабских стран и прямой агрессией против Ливии. Предельно циничное поведение политической элиты «цивилизованного» Запада, которое молчаливо поддерживается большинством жителей Европы, выстраивается здесь, – если оставить в стороне лицемерие так называемой политкорректности и называть вещи своими именами, – в полном соответствии с «моралью» уличных подонков.

Что касается такого вида духовной жизни, как **искусство**, то здесь еще в начале XX века Европа окончательно подвела черту, пройдя точку возврата на пути к **«эстетике безобразного»**. Гарантом победы последней и полного отказа от рожденного в античной древности идеала гармонии и красоты явилось тотальное господство постмодерна, «духовное» кредо и сущность которого адекватно выражена словами одного из его предтеч – Ш. Бодлером: «Рассудок хаосом затмился»...

Продолжавшееся на протяжении XX столетия падение европейского «Икара» «на землю» и далее – в «преисподнюю» нашло наиболее адекватное отражение в философской литературе этого времени в метафоре **«бегства»**: **«бегства от мышления»** у М. Хайдеггера, **«бегства от свободы»** у Э. Фромма. То, к чему «прибежал» убежавший от себя человек, чаще всего сегодня обозначают термином «постчеловек». «Человеческое, слишком человеческое» Ф. Ницше не было вытеснено **«сверхчеловеческим»**, – по мысли философа, призванным воплотить вершинные проявления ничем не ограниченного человеческого духа, а инволюционировало, свернулось в **«постчеловеческое»**. К бытию данного мутантного образования принципиально не применимы духовные, нравственные характеристики, так как оно всецело связано с материальным, телесным измерением и оценивается исключительно в соответствующих категориях функциональности, оптимальности, полезности, рациональности.

Но рациональность, лишенная духовных и нравственных оснований, как справедливо утверждал Н. А. Бердяев, есть **«рационалистическое безумие»**. Именно эта черта с предельной наглядностью и цинизмом проявляется в претензии политических властей США и стран НАТО на право – вопреки принципам демократии и **в полном соответствии с принципами фашизма** – без суда и следствия приговаривать к смерти негодных им лидеров целого ряда стран (Хусейн, фактически казненный Милошевич, Каддафи – список, вне сомнения, будет продолжен). Очень характерным в этом отношении явился ответ министра иностранных дел Великобритании на вопрос о законности лихорадочно осуществляемых странами НАТО попыток физического устранения М. Каддафи. Министр, представляющий **родину европейской демократии**, заявил, что это **«зависит от того, как будет действовать возможный объект атаки» (!!!)** (<http://top.rbk.ru/special/libya/2011/01/05/>). Таким образом, в границах западноевропейской цивилизации человек проделал путь от **«образа и подобия божьего»** к **«возможному объекту атаки»**...

Однако «рационалистическое безумие» «фаустовской» цивилизации проявляется **не только во внешней политике** «продвинутых» в материальном плане стран. «Безумие на почве рационализма» стремительно деформирует всю систему **внутренних** общественных отношений, которые веками складывались в странах западноевропейской цивилизации. Прежде всего, это проявляется в начавшейся после ликвидации Советского Союза форсированной ревизии сложившихся отношений между

Трудом и Капиталом. Правящими элитами ставятся под вопрос и подвергаются переоценке многие социальные, демократические завоевания, что выражается в попытках «...сбросить узы национально-демократического контроля, отказаться от обязательств, налагаемых социальным государством, подорвать общенациональный консенсус, за который предпринимательскому классу пришлось заплатить высокими налогами, признанием прав профсоюзов, социального и трудового законодательства и другими ограничениями» [8, с. 77-78]. Стремящийся к максимальной прибыли любым путем современный капитализм активно освобождается от национальной и социальной ответственности, и сегодня речь, по справедливому утверждению А. Панарина, идет «о глобальной тенденции десоциализации и дедемократизации капитализма, воспользовавшегося падением прежней системы сдержек и противовесов и дискредитацией своего социалистического противника...» [8, с. 78].

Результатом действия этой тенденции является качественная редукция общественных отношений, их **архаизация**, – возвращение к историческим временам минимизированных социальных и нравственных норм общественной регуляции. В таком контексте, по словам В. А. Емелина и А. Ш. Тхостова, «самые совершенные технологические инструменты обслуживают наиболее архаические и примитивные формы деятельности» [9, с. 88]. Причем, процесс архаизации носит тотальный характер и охватывает все сферы общественной жизни. Иллюстрируя данную тенденцию ссылкой на сферу образования, директор Института проблем глобализации М. Г. Делягин отмечает, что «во всем мире система, призванная воспитанием формировать нацию, вырождается в вульгарный инструмент социального контроля», а «системы образования по всему миру все в большей степени превращаются в средство подготовки максимально удобного для управления «человеческого полуфабриката» [10, с. 8].

В тенденцию архаизации органично вписываются, бесспорно, согласованные с властью «креативные» инициативы российского олигарха М. Прохорова, предполагающие введение 60-часовой рабочей недели и являющие собой «момент истины» всего крупного российского капитала – этого непотребного дитя ельцинской хмельной политики кавалеристской атаки на общественную собственность. Стратегия создания в предельно сжатые исторические сроки класса крупных собственников обернулась возникновением маргинальной группы, которой куршевельские утехи, приобретение футбольных и баскетбольных клубов, строительство самых дорогих ночных клубов (<http://www.rb.ru/topstory/business/2011/06/10/091940.html>), рулетка и **рабовладельческая ностальгия** гораздо понятнее и ближе, чем социальная ответственность и реальное производство.

В свете такого вектора эволюции техногенной цивилизации выглядит весьма искусственным и натянутым вывод, сделанный западными исследователями Р. Инглхартом и К. Вельцелем о якобы происходящем в странах Западной Европы вытеснении материальных ценностей ценностями постматериализма и самовыражения [11]. Не самореализация и не движение по восходящим ступеням духовности, а примитивный, убогий материализм, который Ж. Бодрийаром был назван «всеобъемлющей оргией материального» [12, с. 241], – вот путь, по которому продолжает движение «фаустовская» цивилизация. Из такого опыта цивилизационного развития следует, что процессы модернизации и овладение высокими технологиями сами по себе не способны решить стоящие перед человечеством проблемы. Более того, при наличии дефективных духовных оснований, нравственной порче и сведении человека к потребляющему агрегату эти технологии превращаются в **главную угрозу для человека и Природы**.

Рассматривая проблему модернизации **применительно к современной России**, необходимо учитывать прежде всего те из характерных для государственной власти черт, которые являются определяющими для реального развития процесса модернизации страны. В этом плане, на мой взгляд, основными являются две черты.

1. Отсутствие у государственной власти современной России каких-либо значимых реальных – материальных, экономических, финансовых и т.п. ресурсов и рычагов, обеспечивающих перевод модернизации из области кабинетных грез и фантазий в плоскость фактических общественных преобразований. Осуществленная властью в 1990-е гг. по воровским понятиям приватизация предельно минимизировала экономические возможности государства. Грядущий этап приватизации, объявленный Президентом РФ в послании Федеральному Собранию в декабре 2009 г., заключающийся в **передаче остающейся пока еще в руках государства собственности в частные (бесспорно, олигархические) руки** окончательно сводит функции государства к обязанностям «ночного сторожа», а экономическую роль государственной власти – к задачам, которые в советские времена решал отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС...

Приватизационно-либеральный угар российской политической «элиты», усугубляющийся принципиальным нежеланием правящего страной олигархического капитала осуществлять инвестиции в реальное производство, превращает государство как организующую и направляющую модернизационные процессы силу в абсолютно бессильную и чисто номинальную структуру. Определяя реальные возможности российской государственной власти влиять на развитие экономики, уместно напомнить, что, по словам члена правящей партии, председателя комитета ГД РФ по экономической политике и предпринимательству Е. Федорова, 95 % крупной российской промышленности и банков зарегистри-

ровано в оффшорах и находится в иностранной юрисдикции (!!!)...(<http://efedorov.ru/node/904>). Поэтому вполне объяснимо то, что на «поддержку» всех четырнадцати существующих в стране наукоградов государство расходует всего лишь 600 млн. рублей в год. Из этого следует, что на один такой научно-производственный центр в среднем приходится несколько десятков миллионов рублей, что меньше ежегодных расходов Р. Абрамовича на содержание лишь одной (не самой большой) яхты... А затраты только на проектные работы по созданию Сколково, которое, по мнению заместителя директора Института прикладной математики РАН РФ Г. Г. Малинецкого, является «сомнительной идеей» и «симулякром», составляют 4,5 млрд. руб. [13]. Осуществление этого дорогостоящего проекта лишь усугубит финансовый голод реально действующих (со сложившимися и опытными коллективами и готовой инфраструктурой), научно-производственных центров и комплексов. И ценой создания супердорогой силиконово-потемкинской деревни окажется дальнейшая деградация научно-производственного потенциала страны.

При такой «стратегии» создается реальная перспектива ограничения российской модернизации той «силиконовой долиной», которая уже существует в шоу-бизнесе и которая прыгает на отечественной эстраде... И в таком случае мы будем иметь дело с «ё-модернизацией», «ё-экономикой», «ё-наукой», «ё-образованием», а не только «ё-мобилем»...

2. Другой ярко выраженной чертой современной государственной власти страны, непосредственно влияющей на судьбу модернизации, является **ее абсолютная нечувствительность к духовной составляющей данного процесса**. Если первый президент России – при всей девиантности своей личности и бездумности проводимой им государственной политики – по каким-то причинам все-таки чувствовал необходимость объединяющей российское общество общенациональной идеи и даже обращался к интеллигенции с просьбой ее определения, то его преемники открыто демонстрируют идеологию узкого прагматизма и утилитаризма. Имея в виду ущербность технократического подхода к модернизации, профессор социологии Островского университета Я. Келер (Чешская Республика) отмечает: «Модернизацию понимают прежде всего на экономическом, научном и техническом уровне. <...> Когда же теория модернизации упоминает социальные институты, межличностные связи или ценностные предпочтения, она всегда переходит от всеобщего точного описания к декларативным пожеланиям типа. Комплекс модернизации должен всегда включать гуманистический, экологический и социальный аспекты» [14].

Государственная власть современной России обнаруживает отсутствие даже таких деклараций и пожеланий, а властвующая «элита» страны безответственно называет поиск общенациональной идеи, способной консолидировать общество, **«старинной русской забавой»**... Но что в этом плане сможет предложить политическая «элита», лоббирующая интересы олигархического «сословия», – даже если она сумеет избавиться от духовной атрофии? Идею «реформирования» трудового законодательства в феодально-рабовладельческом ключе?! Идею тотального перевода на рыночные рельсы всей системы образования и здравоохранения?! Или, может быть, догоняя «цивилизованные народы», она предложит «прорубить окно» в строящийся в Калифорнии гей-город (<http://www.cottage.ru/news/?id=213547>), рассматривая ценности субкультур «нетрадиционной ориентации» в качестве средства, способного объединить распавшийся и потерявший ценностные ориентиры российский социум и обеспечить инновационно-духовный прорыв в будущее?! Жизненно необходимых для преобразования страны и объединяющих российское общество идей и ценностей не заменят ни вошедшие в моду суетливые посиделки политических топ-менеджеров с байкерами и рокерами, ни их аффилиативное общение с надежно «прописавшимся» ниже уровня морали, «креативно-раскрепощенным» Comedy club.

Однако проблема заключается не только в том, что вопрос о духовных основаниях преобразования, модернизации России находится за порогом ощущения государственной власти. К сказанному уместно добавить, что осуществляемая властвующей «элитой» политика в социокультурной, духовной сфере способствует интенсивной эрозии тех немногих, но ставших уже традиционными идей и ценностей, которые все еще разделяются **всеми классами и социальными группами страны**, а потому по-прежнему являются важным духовным фактором социальной консолидации. Речь идет о четко обозначившейся тенденции циничной ревизии истории Великой Отечественной войны и роли в ней советского народа. Так, по сообщению ИА «REGNUM», **Совет по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ** опубликовал предложения «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении», – документ, в котором **вина за развязывание Второй мировой войны** – вопреки решениям Нюрнбергского и Токийского трибуналов **была возложена на Советский Союз** (<http://www.regnum.ru/news/1392722>) ... Как сообщает данное информационное агентство, **этот же Президентский Совет с благодарностью принял приглашение посетить мемориал генералу П. Краснову, который присягнул Гитлеру и был его пособником и который в 1947 г. Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к высшей мере наказания**. Определением Военной прокуратуры Верховного суда РФ от

25.12.1997 этот приговор был признан обоснованным, а осужденный – не подлежащим реабилитации (<http://www.regnum.ru/news/polit/1391231>).

Именно духовная анемия правящей «элиты», полная невосприимчивость к нравственной, гуманитарной составляющей модернизации, к общенациональной идее, способной минимизировать социальные противоречия и объединить общество, обрекает страну – в лучшем случае – на такой тип модернизации, который в научной и философской литературе получил название «догоняющей модернизации» [15]. Как справедливо утверждает В. Федотова, модернизация этого типа неизбежно ведет к усилению социального неравенства и несправедливости. В основе такой, подражательной модернизации лежит отказ от национальной идентичности и органичных, традиционных для народа ценностей. Такой путь ставит общество перед отсутствием духовной перспективы, так как народ, утративший базовые и жизненно необходимые духовные основы, не способен «заменить» их новыми.

Альтернативой этому является путь «национальной-», «органической модернизации», которую в 50-е гг. XX столетия выбрала Япония, где «не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре» [15]. Не в этом ли ключ к разгадке «японского чуда»? Не потому ли Япония является абсолютным технологическим лидером, что ее мудрые политические руководители отказались заимствовать идеологию либерализма и остались приверженными традиционным для своего народа ценностям коллективизма и корпоративности. И что было бы с этой страной сегодня, после фукусимской трагедии, если бы, придав забвению свои духовные основы и традиции, она обратилась к индивидуалистическим ценностям либерализма?!...

Законы общественного развития отличаются от характеризующихся логикой жесткого детерминизма и автоматическим действием законов Природы тем, что они осуществляются исключительно через человеческую деятельность. А эта деятельность, как убедительно свидетельствует история, не ограничена грубо материалистическим фаустовым кредо «власть, собственность, преобладание» и – будучи облагорожена сердцем и разумом человека – может приобретать **просветленный характер**. Поэтому в нарастающем движении «цивилизованного человечества» к пропасти вовсе нет фатальной неизбежности.

Но в то же время это движение предостерегает от тупого технократического оптимизма и слепой надежды на то, что наука и технологии сами по себе решат все проблемы. Углубляющийся сегодня цивилизационный разлом обуславливает жизненную необходимость принципиального изменения вектора развития лидирующей сегодня западноевропейской цивилизации. И эта корректировка должна заключаться в качественном усилении духовных, нравственных ориентаций и ценностей. Имея в виду эти императивы нашего переломного времени, ряд исследователей использует понятие **«духовно-экологическая цивилизация»** [16]. Отсюда – Россия, находящаяся на перепутье различных вариантов и моделей модернизации должна учитывать как собственные, внутренние проблемы, так и общий ход развития человечества, который с предельной наглядностью и убедительностью свидетельствует о бесперспективности пути Фауста и Каина...

Но поиск общих духовных оснований дальнейшего цивилизационного развития России и ее модернизации не должен выродиться в ни к чему не обязывающую игру ума и произвол интеллекта. А потому – определение этих оснований должно быть результатом ответственного обращения к тому мировому духовному опыту, который в разные времена демонстрировал свою жизнеохранительную силу и свои конструктивные возможности, – от древнекитайского принципа **Увэй** до сформулированной А. Швейцером **этики благоговения перед жизнью** и принципа **козволюции**, теоретически обоснованного Н. Н. Моисеевым (по-своему возвращающего к принципу недеяния в даосизме). Актуализация из этого духовного богатства тех ценностей и установок, которые наиболее созвучны национальному опыту и традициям – единственно продуктивный путь, – путь, на котором для России открывается шанс избавиться от унижительного статуса «нашей Раши» и стать развитой во всех отношениях державой, уважающей себя и другие страны и народы.

В свете сказанного, в поиске духовных оснований преобразования всей общественной жизни, в определении идеи, обладающей емким конструктивным потенциалом социального единения, новое, небанальное содержание и особую актуальность приобретает выдвинутая А. Гулыгой формула «русской идеи». «...Русская идея, – писал философ, – это предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении» [17, с. 25]. Русская (российская) цивилизация, унаследовавшая от античности понимание человека как микрокосма, в течение многих веков демонстрировала открытость миру, – как Природе, Космосу, так и другим народам. Соборное миропонимание, являющееся одной из фундаментальных духовных основ русско-российской цивилизации, нашло наиболее адекватное «инструментальное» выражение в этической философии В. С. Соловьева. «Безнравственно по существу всякое практическое утверждение чего-нибудь вне его должной связи или соотношения со всем», – писал философ, выражая соборное понимание нравственности [18, с. 407]. С точки зрения В. С. Соловьева, в основе нравственности лежат три чувства: **стыда** – по отношению к тому, что ниже нас; **жалости** – по отношению к тому, что равно нам; **благоговения, преклонения** – по отношению к тому, что выше нас [18, с. 543-544].

Из образовавшегося в современном мире цивилизационного разлома существует лишь один конструктивный выход. Этот выход предполагает радикальный отказ от понимания человека как одномерного существа и потребляющей машины, «возвращение» его в качестве органичной части в лоно Живого Космоса, Природы. И на этом спасительном и для модернизирующейся России, и для всего человечества пути этическая философия В. С. Соловьева, в которой своеобразно аккумулировалась вся мировая духовная история и история этической мысли, является не набором абстрактных положений, а **конкретным механизмом** сохранения жизни на Земле.

Выберет ли Россия окончательно путь «всеобъемлющей оргии материального», трансформирующей цивилизацию технократическую в «некротическую», или же властвующей «элите» страны хватит мудрости и политической воли, чтобы не наступать на «грабли» западноевропейской модернизации постчеловеческого типа и сформулировать имеющую прочные духовные основы стратегию освобождения от технократических некрозов фаустовской цивилизации? Этот вопрос пока остается открытым. Однако является ясным и определенным то, что конструктивный ответ на него предполагает одно необходимое условие: **государственная власть страны**, в лихие годы ельциновской криминальной революции «бракосочетавшаяся» с олигархическим капиталом – основным источником некротизации российского общества – **должна осуществить ревизию своих социальных основ и в качестве главного ориентира рассматривать общенациональные интересы.**

Примечания

1. Лосев А. Ф. История философии как школа мысли // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
2. Бердяев Н. А. Проблема человека. (К построению христианской антропологии) // Ступени. Философский журнал. 1991. № 1. С.82.
3. Трубецкой Е. Н. Два мира в древнерусской иконописи // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994.
4. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988.
5. Тэн И. Философия искусства. М., 1996.
6. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993.
8. Панарин А. Народ без элиты. М., 2006.
9. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 88.
10. Десягин М. Г. Архаизация как основная тенденция современности // Наше дело. 2010. № 2. С. 8.
11. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М., 2011.
12. Бодрийар Ж. Прозрачность зла // Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. М., 2007.
13. Рудницкий Л.А. Россия осталась без промышленности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/biznes-i-finansy/ekonomika-rossii/promyshlennost/11610>.
14. Келер Я. Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/keler>.
15. Федотова В. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35984>.
16. Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2010.
17. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М., 1995.
18. Соловьёв В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1988.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

А. В. АХСЯНОВ

Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова, г. Ярославль

ВОЛНЫ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ XVIII—XX ВВ.

С точки зрения кардинальной смены технологических способов производства человеческая история знает две величайшие революции. Первая связана с заменой собирательства и пастушества земледелием (неолитическая), вторая – с переходом от аграрного общества (традиционного) к индустриальному или современному (модернизация). Следовательно, модернизация – явление цивилизационного масштаба, глобальный феномен мировой истории. Под знаком модернизации прошли XVII–XX вв. мировой истории. Под модернизацией мы понимаем всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, становления современных мотивационных механизмов и т.д.

Модернизация – комплексный процесс. Она захватывает различные сферы общественной жизни – экономическую, социальную, политико-правовую, культурную. Хотя изменения в этих сферах связаны между собой и коррелируют друг с другом, уровни и характеры взаимосвязей могут варьироваться в широком диапазоне.

Непременным атрибутом модернизации многие авторы считают частную собственность и рынок, особенно мировой. Безусловно, что именно они дали толчок модернизации и сопутствовали ее успеху. Однако возникает вопрос: имела ли место модернизация в тех странах, где названные компоненты не получили классического развития, но состоялась индустриализация (стержень модернизации). К этим странам в первую очередь относится Россия. Прошла она стадию модернизации или только вступает в нее, интегрируясь в мировой рынок? Нам представляется, что нельзя игнорировать ни петровский, ни сталинский этапы модернизации. Тот и другой были ответом на вызов своего времени, носили характер догоняющей и незавершенной модернизации, но они имели место в истории, и с этим необходимо считаться [1, с.4]

В мировом модернизационном процессе выделяют три главные фазы, а иногда пишут о трех модернизациях. Первая (доиндустриальная) – XVI–XVII вв. – переход от аграрного и ремесленного производства к общественным – «таким, которые, во-первых, могли использоваться людьми только сообща, что предполагало кооперацию и разделения функций в процессе труда, во-вторых, представляли собой результат самого обыкновенного развития (например, мануфактура). Вторая (ранняя индустриальная модернизация) – переход от мануфактуры к машинному и фабрично-заводскому производству. Третья модернизация (позднеиндустриальная) проходила в странах Западной Европы, США и Японии в первой половине XX в. Ее отличительные признаки – преобразование процесса труда на научной основе, возникновение поточного производства» [2, с. 44-45].

Теория модернизации привнесла в научный обиход такие термины, как органическая и неорганическая модернизация, эшелоны модернизации. Модернизация, связанная с внутренним развитием капитализма, представляется органической. Если же она вызвана влиянием этого развития извне, то является неорганической. Первая как бы реагирует на кризис эволюционного развития, вторая – на вызов другой страны или цивилизации, более мощной и динамичной в экономическом и военном отношении. Неорганическая модернизация может быть и результатом попыток правящих классов разрешить внутренние социальные проблемы страны по примеру более развитых стран. Вызванная развитием капитализма в других государствах, она не всегда означает такое развитие внутри страны (модернизация России при Петре I или сталинская индустриализация) [3, с. 81].

В. Хорос выделяет три эшелона модернизации: первый – Западная Европа, Канада, США, Австралия. Определяющими чертами являются органический характер модернизации, ее длительность и постепенность, синхронность вызревания основных предпосылок буржуазной формации. Второй эшелон – Россия, Япония, Турция, некоторые страны Восточной Европы, Латинской Америки. Эти страны находятся на «полупериферии» (термин И. Валлерстайна), а Япония вошла в «центр» миросистемы. Модернизация осуществляется на независимой национальной основе. Третий эшелон – страны Азии, Африки и Латинской Америки – мировая «периферия», изначально развивались через систему колониализма и зависимости в качестве сырьевого придатка «центра» [4, с.15].

История России на протяжении XVIII–XX вв. может рассматриваться в рамках эволюционистской и цивилизационной парадигм. Различные по своему существу эти подходы взаимодополняют друг дру-

га. Действительно, весь ход человеческой истории убеждает в том, что в ней присутствует развитие, прогресс, несмотря даже на возможность серьезных кризисов и реверсивных движений.

Среди концепций российской цивилизации наиболее реалистична концепция ее «раскола», отсутствия «нормативной середины» [5, с.59], обуславливающих противоборство «восточного» и «западного» начал. Концепция эта не нова, ее, в частности придерживался и Ключевский, рассматривавший исторический путь России как поле столкновения «почвы» и «цивилизации».

Этот дисбаланс между «европейским» и «азиатским» измерениями общества, как считает социальный философ А. С. Ахиезер, служит постоянным источником нестабильности и ориентационных колебаний на протяжении столетий. В российском обществе, полагает А. С. Ахиезер, господствует циклическая динамика – модифицированный инверсионный цикл, перманентно восстанавливающий то, что уже было, но лишь отчасти, ограниченно и неполно [6, с.263].

«Азиатский» компонент в российском обществе, по мнению многих специалистов, манифестируется главным образом в самодержавной и централизованной форме управления, которая обычно приравнивается к восточным деспотиям или «гидравлическим» культурам Востока (терминология К. Виттфогеля). Р. Пайпс характеризует тип правления в царской императорской России как «патримониальный» (система, в рамках которой политическая власть и частная собственность совпадают) [7, с.87].

Специфика России обусловила особенности ее модернизации. Если на Западе модернизация прокладывала себе путь как результат внутреннего развития, на своей собственной базе, то в нашей стране во многом использовался опыт других держав, который силой авторитарного режима навязывался не всегда удачно. Инициатором модернизации выступало государство – наиболее активная и сильная общественная структура. Главными целями модернизации были поддержка военно-политического влияния державы и укрепление ее позиций в мире [8, с.269-270].

Первым образцом российской модернизации на основе заимствования западных образцов некоторые историки считают петровские реформы. С этим можно согласиться, если сделать оговорку, что петровские реформы были своего рода протомодернизацией, поскольку западная цивилизация, из которой Петр позаимствовал по преимуществу технологические и организационные образцы, сама была еще в начале модернизационных преобразований. Вторым примером модернизации России служат реформы, а по большей части намерения Екатерины II. Некоторые авторы даже полагают, что с эпохи Екатерины II в России берет начало либерализм [9, с. 93], т.е. основополагающая идеологическая и институциональная традиция западной цивилизации.

Бесспорно, ярчайшим образцом российской модернизации явились реформы Александра II, охватившие два десятилетия XX в. Они включали в себя не только экономические, но также социальные, политические и правовые реформы, которые были уже опробованы и дали прогрессивные результаты в лоне западной цивилизации. Следующий пример российской модернизации – деятельность С. Витте и П. Столыпина в конце XIX – начале XX в., прогрессивный характер которой в сегодняшней России не отрицают, кажется, ни западники, ни почвенники, ни антикоммунисты, ни коммунисты [10, с.129].

Революция, произошедшая в октябре 1917 г. возглавляемая большевиками, преследовала одновременно две противоположные цели с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. С одной стороны, она свергала нарождавшиеся буржуазные отношения в России и тем самым нарушала естественный ход модернизационного перехода, а с другой – уничтожала феодальные пережитки, которые тормозили этот переход. Такой парадокс порождался тем, что большевики приняли побочное противоречие эпохи (классовую борьбу) за основное (переход от традиционного общества к современному). Позднее, с 1930-х годов они перешли к модернизации, более того, максимально ее форсировали, делая это искусственно, ценой огромного напряжения и жертв [1, с.67].

Сталинская индустриализация представляла собой имперскую модернизацию. Но при этом альтернативы самой модернизации в то время не было. Большевистский социализм в действительности явился продолжением и ужесточением прежней имперской модели модернизации, которая реализовывалась теперь под другими идеологическими лозунгами.

Н. С. Хрущев в значительной мере осуществил замыслы своего предшественника. Та атмосфера всеобщего подъема и веры народа в свои силы, которую породила «оттепель», – важный фактор модернизации – быстро рассеялась с началом брежневского правления [2, с.83].

Брежневский режим в принципе не мог провести какую-либо модернизацию без изменения системы управления и производственных отношений. Бюрократизм, антиинтеллектуализм, казнокрадство и ориентация на отсталые слои населения были несовместимы с движением вперед. Система искала способы самоконсервации [2, с.83].

Причина неудач М. С. Горбачева, состоит в том, что у него и его сподвижников отсутствовала стратегия реформ, адекватная природе советского общества. Однако не было и не могло быть такой стратегии и у демократов, не говоря уже о консерваторах-традиционалистах, как ввиду оторванности последних от реалий жизни, так и потому, что они ориентировались на силы, которым в российских условиях модернизация не нужна и даже опасна [2, с. 83-84].

В начале 1990-х годов страна вступила в полосу либеральных реформ, которая обернулась развалом прежнего государства, постсоветской деиндустриализацией и демодернизацией.

Сегодня развитие страны переживает грандиозную социальную, экономическую, культурную и технологическую революцию, суть которой – переход от индустриального общества (капитализма) к постиндустриальному, где главными «средствами производства» становятся наука, культура, информация.

Для того чтобы общество смогло принять и реализовать эволюционный путь становления гражданского общества и правового государства, исторического пространства XIX–XX вв. не хватило. Возможно, более успешным окажется XXI в. Если России суждено совершить успешную модернизацию, то очевидно, что ее руководящие идеи будут опираться на достижения, опыт и результаты Великой реформы [11, с. 25].

Примечания

1. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000.
2. Красильщиков В. А., Зиборов Г. М., Рябов А. В. Модернизация России (Мировой опыт и наши перспективы) // Кентавр. 1992. № 3. С.80-89.
3. Красильщиков В. А. Вдогонку за уходящим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.
4. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. М., 1993. № 7. С. 3-40.
5. Ерасов Б. С. Россия в евразийском пространстве // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 59-71.
6. Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта: Социокультурная динамика России. Новосибирск, 1997. Т.1.
7. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
8. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.
9. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995.
10. Соргин В. В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века. // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 124-135.
11. Медушевский А. Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. №1. С. 25.

С. И. БОНДАРЕНКО

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул

ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН К МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ГОДЫ НЭПА (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Сущность нэповской модернизации чаще всего сводится к анализу сугубо экономических вопросов. На самом деле это было время больших перемен не только в хозяйственной, политической, но и социокультурной сфере. Социокультурная сфера складывается из великого множества элементов: образование, медицинское обслуживание, досуг, спорт, и т. д.

Среди нововведений Советской власти нельзя не отметить создание и налаживание системы сельского здравоохранения. Настоящее медицинское обслуживание крестьянства в России отсутствовало до второй половины XIX в. и начало его проникновения связано с созданием земств.

В губерниях же, где отсутствовала земская организация (в их число входила и Сибирь), обеспеченность медицинской помощью была очень и очень слабой. В конце XIX в., в Томской губернии на 30–40 тысяч человек приходилась одна шестикоечная больница. На ее содержание в год отпускалось всего 900 руб., половина из которых уходила на отопление. Сибирские центральные врачебные заведения на все мероприятия по борьбе с эпидемиями имели в своем распоряжении только по 1500 руб. в год на губернию [1, с. 144]. Борьба с эпидемиями носила в основном бумажно-предписательный характер или сводилась к лечению отдельных случайно выявленных больных. На рубеже веков в неземских губерниях один врачебный участок приходился в среднем на 101 800 человек (в земских в среднем 42 060 человек) [1, с. 144]. В неземских губерниях в год на врачебную помощь на одного жителя тратили 16,6 копеек, в земских – 34 копейки.

Советская система охраны здоровья населения Сибири организационно стала оформляться с 23 сентября 1919 г. К концу 1920 г. Сибздрав окончательно оформился как представительный орган Наркомздрава по Сибири.

Характеризуя сельское здравоохранение Сибири к началу 1920-х гг., врач А. Грицианов писал: «не надо упускать из виду, что сельское население Сибири в 75% совершенно свободно от всякой медицинской помощи и для него, в целях борьбы с эпидемиями, санитарное просвещение крайне необхо-

димо. Минувшим летом с Сибири была огромная эпидемия малярии. Каждый крестьянин отлично знает, что в борьбе с ней самым верным и могучим средством является хинин. Что он верил в хину, лучшим доказательством служит то, что, при всей бедности, он в разгар эпидемии за шесть порошков ее платил спекулянту коровой. Но хины не стало, равно, как не стало ни врачей, ни больниц. И население бросалось в объятия самого разнузданного знахарства, принявшего в последнее время самые уродливые формы. Маляриков по шею зарывали в назем, или засыпали кладбищенской землей, оставляя в таком положении до изнеможения, выжимали конский кал и выпаривали свиную подстилку и жидкостями поили больных, заставляли больных носить на шее живых мышей и лягушек; запекали вшей в хлеб и кормили им больных, обмывали на 12 дверях скобы и этой водой поили больных, привязывали на 12 дней к шее больного змеиную кожу, обмывали кошек, собак, коров и этой водой поили больных. Если бы заняться перечислением всех способов, к которым ныне прибегала деревня в борьбе с эпидемией малярии, можно было бы написать целую брошюру.

Такое тяжчайшее, вернее, отчаянное положение деревни, когда все село беспомощно лежит в малярии, а поля нуждаются в уборке хлеба, и служит причиной размножения примеров беспросветной тьмы и отчаяния» [2, с. 63].

А. М. Большаков, ссылаясь на отчёт А. И. Мискинова, заведующего лечебным отделом в Наркомздраве, писал: «Сокращение сети коек может быть объяснено лишь в незначительных случаях недостатком средств, но главным образом отсутствием у органов здравоохранения этих губерний правильного плана и от недостаточного внимания к вопросам сельской участковой медицины». Так, например в 1924 г. в городе один врач приходился на 1 191 больных, в деревне эта цифра составляла 35 000. В Омской губернии процент пустующих фельдшерских участков составлял 62 %, в Ярославской же только 17 %, Владимирской – 25 % [3, с. 89-90].

Примером отчаяния может служить письмо селькора Ф. Криволапова из села Вторая Карповая, Рубцовского уезда Алтайской губернии в «Крестьянскую газету» (1925 г.), адресованное Сталину [4].

Крестьянин пишет: «Товарищ Сталин. Я должен дать голос из далекой Сибири Медвежьего уголка, из глуши Алтая, о жизни темной деревни и полудикого человечества Сибиряка. При власти Советов в нашем захолустном крае, во-первых, не изживается темнота и невежество, во-вторых, здравоохранение жизни утопает в Эпидемиях разных болезней, а поэтому человечество в Алтае больное. Медработники в деревню и не заглядывают. О здоровье Сибирского крестьянства, болезнь настигла опасная. В Алтайской губ. распространяется сифилис, а так же и другие Эпидемии оспа, корь, малярия, тиф свирепствуют во всю. А медработники о том и думать забыли, чтобы сделать здоровую Новую Сибирскую деревню, если будет здоровая деревня то будет мочная наша Советская государство и в Сибирской деревне до сих пор не изжито лечение болезни невежеством знахарей и шептух. От чего гибнут жертвы человечества в Сибирском глухом уголке Алтая».

Находились и такие крестьяне, которые говорили: «Вам фельдшер нужен (то есть властям), а нам священник нужен» [5]. Распространению болезней во многом способствовал сам быт крестьян.

Описание Маслянинского р-на Новосибирского округа, составленное учителем В. Казанцевым, даёт наглядное представление о санитарно-гигиенических условиях жизни крестьян (1925 г.): «Только крепкие средняки и зажиточные находятся в более сносных гигиенических условиях, сносных только сравнительно, так как и у них наблюдается много антисанитарных явлений. Спят все вместе, едят из одной посуды, вытираются одним полотенцем, пища не закрывается. Что касается бедняков здесь дело в несколько раз хуже. В помещениях страшная грязь, теснота, спертый, гнилой воздух, по стенам гнездятся клопы и тараканы. Ограды обыкновенно содержаться в чистоте, но зато улицы заваливаются навозом и мусором. Небольшие речки, по которым располагаются деревни и посёлки загрязняются отбросами и навозом и могут великолепно служить для распространения всякой заразы. Нет ничего удивительного в том, что в районе часто появляется та или иная эпидемия» [6].

Несоблюдение правил гигиены вызывало распространение инфекционных заболеваний. Распространёнными заболеваниями были малярия, сифилис, трахома. Множество проблем было связано с организацией сельского здравоохранения, материальным обеспечением.

Газета «Сельская правда» опубликовала несколько заметок о деревенском здравоохранении. Практически все заметки анонимные. Крестьяне выделяли такие проблемы как отсутствие медикаментов и как следствие - спекуляция ими. Например, в Морозовском врачебном участке Щегловского у. Томской губернии десятикопеечный порошок хинина фельдшерица продавала за 20 копеек. Другая проблема – это взяточничество сельских врачей. Но, как отмечает корреспондент из с. Коченево, Новониколаевского уезда крестьяне и сами никак не могут отвыкнуть от дачи взяток. «Спросил я как-то одного крестьянина: «Зачем даешь взятку? Он ответил, что если не даешь, то плохое лекарство дадут и не вылечишься» [7].

Другой проблемой сельского здравоохранения было свободное расписание сельского врачебного персонала. «Частенько бывает во время занятия врачебный персонал уходит, оставляя больницу на замке. Больные должны ждать пока дежурный фельдшер сходит, куда-либо в гости, попить чайку» [8]. «В Прокудском фельдшерском пункте Новониколаевского уезда дела идут сравнительно ничего. Одно

только плохо, что фельдшер Шилиев иногда просыпает, принимает больных с десяти до одиннадцати часов вечера. Поздний прием – нежелательная вещь. Крестьянину чем раньше, тем лучше» [7].

Таким образом, в связи с плохим материальным снабжением сельских фельдшерских пунктов, свободным расписанием врачей крестьяне старались с помощью взяток приблизить медицинскую помощь к себе. И как показывают заметки сельских жителей в западносибирской прессе, это явление имело место быть вплоть до конца 1920-х гг.

Особые проблемы возникли у сельских жителей при районировании в 1926 г. Материалы обследований состояния сельского здравоохранения так же говорят о недостаточном обеспечении деревни медпомощью. В Муромцевском районе Омской губернии обследователь констатировал отсутствие врача на всем участке. Два фельдшера обслужить население были не в состоянии [9].

Обследователь Муромцевского района Омской губернии, изучив работу районной больницы, пришёл к выводу «больница ведёт в работе правильное направление, но материальные средства крайне скудны, а потому больница не удовлетворяет в полной мере всех нужд населения посему необходимо последовательное усиление ее с каждым наступающим годом материальными средствами и организационными мероприятиями» [10].

Нельзя не поставить в заслугу новой власти увеличение ежегодных отпускаемых средств на содержание сельских больниц. По данным врачебного участка с. Маслянино Новосибирского округа можем наблюдать значительное ежегодное увеличение средств сельским больницам [11].

Таблица 1

1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
4 000 рублей	8 935 рублей	14 631 рублей	17 299 рублей

Одной из заслуг новой власти была возможность получения крестьянами санаторно-курортного лечения. Конечно, не все курорты были равно доступны, но сам факт их появления, и возможность ими пользоваться вызывали положительные эмоции у крестьян. Однако, как и все новое, незнакомое крестьяне воспринимали курортное лечение с недоверием, даже боязнью. В материалах обследования д. Варюхино Томского у. (1925 г.) читаем: «Идем к Александру. Расспрашиваем про болезнь. Туберкулез очевиден. Ехать, то хочет, но нет лошади, отдал жене, которая недели три как ушла от него. Затем председатель согласилась увезти Александра, а в действительности не повезла, благодаря чему Александр опоздал на курорт. Пришлось для получения медицинской помощи отправить в город Томск на Комитетские средства» [12].

Источники в целом свидетельствуют о позитивном отношении крестьян к модернизационным шагам советской власти в области здравоохранения. В то же время крестьяне видели те пороки, на которые власть мало обращала внимания: взяточничество, нерегулярность предоставления медицинских услуг, складывающаяся система приоритетов в медицинском обслуживании.

Примечания

1. Привалова Т. В. Быт российской деревни 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв. М. 2000.
2. Грицианов А. Дело здравоохранения до 1923 г. // Жизнь Сибири. 1924. № 2. С. 63.
3. Большаков А. М. Современная деревня в цифрах. Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период. Л. 1925. С.89-90.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 91. Л. 38, 38 об.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.П-2. Оп.1. Д.180. Л.185.
6. ГАО. Ф.217. Оп.1. Д.115. Л.20, 21.
7. Сельская правда. 1924. 22 августа
8. Сельская правда. 1924. 20 августа.
9. ГАО. Ф.П-2. Оп.2. Д.544. Л.79.
10. ГАО. Ф.П-2. Оп.1. Д.180. Л.68.
11. ГАО. Ф.217. Оп.1. Д.115. Л.25 об.
12. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп..1 Д. 1743. Л. 26.

Т. Е. КОРШУНОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

До сих пор широко распространено мнение, что историческая реальность – это то, что было на самом деле. Истоки такого понимания истории восходят к позитивистской концепции, согласно которой исследователь обязан фиксировать и представлять факты без субъективного восприятия. Однако различные точки зрения, зачастую противоположные, на одно и то же историческое событие показы-

вают нерешённость вопроса о проблеме исторической реальности и недостаточности позитивистского воззрения на эту проблему.

В одном интервью, опубликованном в российском журнале, Стивен Спилберг приводит свои воспоминания: «Отец и мой дядя (которые воевали на Тихом океане – прим. авт.) ... после выхода «Спасти рядового Райана» (о действиях американских солдат в Европе во время Второй мировой войны – прим. авт.) спрашивали: «А как насчёт парней, которые воевали на другой стороне Земли?! А мы ведь тоже кое-что сделали для победы!» [1, с. 16]. По поводу этой реплики сразу вспоминается фильм «Неизвестная война» советско-британо-американского производства режиссёра Романа Кармена, в котором используются документальные хроники военных действий СССР. Название «Неизвестная война» было использовано для англоязычной версии. В русском показе оно звучало как «Великая Отечественная». После премьеры фильма в США Тенгиз Семенов вспоминал: «Женщина подошла ко мне, вся в слезах, и говорит: вы мне открыли глаза, я никогда не думала, что советские женщины тоже плачут, когда у них умирают дети» [2].

Кроме этого, в Википедии можно найти понятие «преодоление прошлого», означающее «политику новых демократических государств в отношении восприятия государств-предшественников и собственной истории» [3]. Далее в этой статье данное определение конкретизируется следующим образом: «В Германии преодоление национал-социалистического прошлого началось с юридических мероприятий: наказания виновных в преступлениях против человечности и военных преступлениях и реабилитации жертв нацизма. “Преодоление прошлого” было начато победившими Германию государствами (прежде всего, США и Великобританией)» [3].

Вот что пишет по поводу Второй мировой войны известный советский публицист Стрельников:

«– Вы знаете, миссис Грин, сколько потеряла наша страна за последнюю войну? – спрашиваю я. – 20 миллионов мужчин, женщин и детей.

Этого не может быть! – удивляется она. Мы в США тоже переживали лишения. Ввели карточки на бензин для автомашин. Курицу не каждый день можно было купить... Я жду, когда она допьёт свой кофе чтобы раскланяться и уйти. Слишком неравны ставки, чтобы их обсуждать. Отсутствие курицы на столе – против 20 миллионов погибших. Карточки на бензин – против трагедии ленинградцев. Единственная бомба, принесённая японским воздушным шаром и убившая шесть фермеров, – против 1700 разрушенных советских городов...» [4].

Мы, русские смеёмся над представлениями американцев о том, что это они выиграли Вторую мировую войну, так как уже априорно мы уверены в обратном. Однако, парад 9-го мая 2010 г. на Красной площади с участием войск НАТО свидетельствует о том, что впоследствии нам может навязываться другое мнение.

Подобное несоответствие взглядов представителей различных наций на одно и то же событие показывает насколько различаются представления об одном и том же историческом событии. В данном случае и те и другие уверены в том, что исключительно их представления соответствуют исторической реальности, что именно такая точка зрения показывает исторические события так, как они были на самом деле. Такая многозначность взглядов на историческую реальность вызывает необходимость прояснить понятие реальности исторической реальности.

Проблема понятия реальности разрабатывается подробно в философских трудах (например, В. Рудневым в работе «Словарь культуры XX века» или в работе «Морфология реальности»), в которых ставится под вопрос представление о реальности как совокупности материальных предметов физического мира. Если не вдаваться в критику, общий смысл понятия реальности можно сформулировать следующим образом: реальность – представление о том, что есть. И, в таком случае, историческая реальность – представление о том, что было в прошлом. Однако, чтобы разобраться со смыслом и значением исторической реальности следует более четко определить смысл самой истории постольку, поскольку историческая реальность является частью истории.

С одной стороны, история является для нас рядом определённых фактов прошлого, с другой – история представляется той действительностью, в которой человек существует и которая была бы невозможна без этого исторического наследия.

Эрнст Кассирер говорил, что история, с одной стороны, – это исторические свидетельства и факты, а с другой – воспоминания человека и его отношение к историческим событиям, часть его настоящего, протянутая в прошлое [5, с. 116-131]. О. Ф. Болынов утверждает, что история – объективная взаимосвязь событий, а историчность – субъективная форма бытия отдельного человека, которая задана историей [6]. Однако, стоит заметить, что история не исчерпывается этой двоякостью. История – это не только именно та часть настоящего человеческой жизни, которая имеет отношение к прошлому. История охватывает всю человеческую жизнь постольку, поскольку человек существо социальное.

Возможно, история – понятие европейское и не имеет большого значения для представителей другой культуры. Однако для нас, ввиду нашей ориентированности на европейскую форму рациональности, история является основополагающим условием бытия. А коль скоро каждый причастен к этому, если можно так сказать, «процессу» истории, и имеет доступ к достоянию прошлого, то можно сделать вывод, что любой человек, любая нация может интерпретировать исторические события в силу своей образованности и прагматических устремлений.

Что касается американцев с их системой образования, после которого «половина опрошенного (в ходе социологического анализа – прим. авт.) взрослого населения (США – прим. авт.) не знает, что Земля обращается вокруг Солнца за 1 год» [7, с. 30] или, что «каждого второго взрослого ставит в тупик задача определить одну сторону квадрата при известной другой его стороне» [7, с. 31], то тут можно предположить, что историческое прошлое для них актуализируется в лучшем случае в голливудских блокбастерах. Поэтому подобная причастность к фактам Второй мировой войны, например, вызывает у них соответствующую национальную гордость, в достоверности которой США пытаются убедить все другие страны. В чём они могут возыметь успех в России, если реформы нашего образования будут действовать так, как задумано правительством.

Поэтому мы должны отличать историческую реальность от идеологических агитаций, трезво смотреть на историческую ситуацию, а не впадать в гипнотическое очарование очередной реалистичной кинокартины.

Мы можем усмехаться убеждениям американцев об их победе во Второй мировой войне, пока подобная убежденность не выходит за пределы убеждений среднестатистического американца. Но когда предпринимаются попытки убедить в своей правоте население России, стоит серьезно задуматься над нашим настоящим и будущим, о том, какая история будет у нас дальше.

Историческая реальность – это не только факты, но это и отношение человека к ним, т.к. исследование определённых фактов избирательно. Но историческая реальность – это также не только отношение человека к фактам, так как такое понимание истории грозит искажением исторических событий и перекосом смысла в какую-либо сторону.

Поэтому в осмыслении явления исторической реальности нужно учитывать оба этих момента. То есть помимо фактов должно быть элементарное понимание, некоторая объективность, ввиду столкновения различных пониманий истории. Однако история, именно ввиду её многогранности, может зачастую идти на поводу идеологических, экономических и др. нужд, вследствие чего историческая реальность предстаёт тем или иным образом, в соответствии с этими нуждами. И в данном случае рефлексирующему человеку (если у него нет цели заработать или продвинуться по карьерной лестнице) следует ориентироваться в изобилии исторических фактов, чтобы иметь своё адекватное представление об исторической ситуации.

Если история является для человека источником для поиска оснований своего бытия, то он стремится к познанию истории менее предвзято, чем тот, кто пытается заработать на репрезентации исторических событий в нужном ключе.

Человек может убедить аудиторию в том, что определённое событие происходило именно так, как он считает. Однако его мнение в любом случае будет носить личный отпечаток эмоций, будет взвешено в соответствии с субъективной системой ценностей, представлениями о добре и зле и т.д. То есть, историческое событие прошлого не может быть представлено объективно, так, как оно было на самом деле.

Поэтому историческая реальность не может быть объективной, коль скоро к ней причастен человек, подверженный влиянию бэконовских идолов. Историческая реальность может быть адекватной историческим событиям, при условии того, что учитывается не односторонность события, а разносторонность сведений об этом событии, которая помогает получить более взвешенную информацию.

Таким образом, можно сделать вывод, что историческая реальность не может быть представлена однозначно объективно, ввиду того, что помимо субъективных особенностей исследователя, отражающихся на понимании исторических фактов, на конструирование исторической реальности могут влиять идеологические, политические, экономические и другие факторы.

Следовательно, можно говорить не об объективной исторической реальности, в отношении которой существует стремление представить всё так, как было на самом деле и принять это как раз и навсегда утверждённую данность, а об адекватной точке зрения, в которой учитывается разносторонность и достаточность сведений об историческом событии.

Поэтому, в отношении исторических событий мы должны, в соответствии с высказыванием Б. Спинозы, «не смеяться, не плакать, но понимать».

Примечания

1. Флаги наших отцов // Телепарк. 2011. № 14. 11-17 апреля. С. 16-17.
2. Неизвестная война // Stepashka. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stepashka.com/2849-the-unknown-war-o.html>
3. Преодоление прошлого // Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Преодоление_прошлого
4. Великая Отечественная война // Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Великая_Отечественная_война
5. Кассирер Э. Лекции по философии и культуре // Культурология XX век. Антология. М., 1995. С. 104-162.
6. Болльнов О. Ф. Философия экзистенциализма // Библиотека Елены Косиловой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/bollnow.htm>
7. Холтон Дж. Что такое антинаука? // История и философия науки: хрестоматия. Барнаул, 2008. С. 27-53.

**ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НА РУБЕЖЕ 70–80-Х ГГ. XVIII В.**

Рубеж 70–80-х гг. XVIII в. в российской истории ознаменовался целым рядом административных преобразований. В 1775 г. императрица Екатерина II подписала указ именуемый «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Целью реформы являлось разграничение компетенций между отдельными административными структурами региона и приведение их к единому общегосударственному образцу. В сферу действия реформы были включены и Алтайские горные предприятия, находившиеся в ведении императорского Кабинета.

Указ о новой административной структуре был подписан 1 мая 1779 г. [1]. Необходимо отметить, что проведение в жизнь этой реформы растянулось на несколько лет. Так, на юге Западной Сибири преобразования проходили уже в конце 70-х гг. XVIII в. Согласно первому пункту этого документа была сформирована Колыванская область, которая по законодательству второй половины XVIII века, как административно-территориальная единица, приравнивалась к губернии. Чаще всего такая практика административного деления существовала на приграничной территории государства.

Следующей территориально-административной единицей являлся уезд. Размер его определялся от 20 000 до 30 000 человек (ст. 16, 17). Указом 1779 г. Колыванскую область предписывалось разделить на 4 уезда, в соответствии с проживающим населением: Барнаульский, Томский, Кузнецкий и Бурлинский [2]. Однако, с учетом того, что территория Колывано-Воскресенских заводов не была густо заселена, указывалось сформировать уезды численностью 15 000 – 16 000 человек. Данные положения указа носили временный характер. Вновь назначенному правителю Колыванской области генерал-майору Борису Ивановичу Меллеру поручалось представить план о разделении уездов на утверждение.

Сложившаяся ранее система управления производством, приписным населением была изменена. Существовавшая с 1747 г. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства упразднялась. Все учреждения в соответствии с их функциями можно разделить на четыре большие группы. Первая группа – это структуры с административными функциями: наместник, Губернское правление, приказ общественного призрения и прокурор при губернском правлении. Отступления от всероссийских «Учреждений...» 1775 г. были допущены в определении статуса должности областного правителя. Он в действительности совмещал функции должностей наместника губернии и генерал-губернатора, т.е. возглавлял непосредственно Областное правление, и был подчинен Сенату. Как начальник Колывано-Воскресенских предприятий, которые оставались в прежнем ведомстве, областной правитель подчинялся Кабинету. В эту же группу входили уездные административные учреждения. К ним относились: нижний земский суд, уездный стряпчий и уездный доктор.

Ко второй группе можно отнести учреждения, выполнявшие хозяйственно-финансовые функции. К губернским органам управления относились: Казенная палата, губернский казначей и губернский землемер. Наличие на территории области кабинетских горных заводов внесло небольшие коррективы. Главный хозяйственно-финансовый орган Колыванской области получил название Казенный департамент и, помимо определенных функций его обязанностью было управление металлургическим производством [3]. В силу этого данный департамент, как и правитель области, подчинялись Сенату и, одновременно, императорскому Кабинету. Такое двойственное подчинение департамента и областного правителя породило много противоречий в структуре управления. На уровне уездов к хозяйственным органам были отнесены уездный казначей и уездный землемер.

Третья группа была представлена судебными учреждениями. К губернским относились: палаты гражданского и уголовного судов, верхний земский суд, губернский магистрат, верхняя расправа и совестный суд. Отступлениями от общегосударственного документа 1775 г. в структурном плане были образование одного судебного департамента вместо двух палат. Из системы сословных судов был исключен верхний земский суд, вторая инстанция, рассматривавшая дела дворянского сословия. Причиной этого был тот факт, что дворянство региона находилось на горнозаводской службе, в силу чего при необходимости их дела рассматривались ведомственными инстанциями.

Наряду с этим, в Колыванской области целая категория мастеровых и горнозаводских специалистов не входила в компетенцию губернской судебной системы. Заводская служба на Алтайских кабинетских предприятиях приравнивалась к военной. Вследствие этого суд для них был определен военный.

К четвертой группе относились учреждения и должностные лица городской администрации, такие как: комендант, городничий, сиротский суд и городской словесный суд. По указу 1779 г. они были сформированы в полном объеме в уездных городах Колыванской области.

В целом реформа 1779 г. оказала большое влияние на развитие административной системы Колывано-Воскресенского округа. По определению исследователей в период с конца 70 – начала 80-х

г. XVIII в. временно общегосударственные интересы доминировали над ведомственными в политике правительства [4, с. 32].

Еще одним результатом административных реформ стало появление нового учреждения – Горного совета. С ликвидацией Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства управление заводским производством перешло в Казенный департамент. Здесь, наряду с производственными делами рассматривались хозяйственные вопросы в целом области. Однако административная практика показала, что для управления горным делом такого масштаба чиновников Казенного департамента было недостаточно. Поэтому возникла идея создать некий совещательный орган при областном правителе, куда бы вошли горнозаводские специалисты. Этот проект был изложен в инструкции Миллеру, который подписан главой Кабинета А. Олсуфьевым 24 сентября 1779 г.

Функции нового административного учреждения определялись следующим образом: «...поступать в рассмотрении новых рудников... и иных приисков, тако же новых для распространения заводской пользы... предпринимаемых горных работ важных починок или исправлений; все, что в сем полезном намерении по положению таковых горных консилиумов или советов определено будет...» [5]. В нормативном документе Кабинета вновь учрежденная административная единица не имела точного названия: «горные консилиумы или советы», и её формирование передавалось на рассмотрение заводской администрации. Такая же неопределенность была как в отношении состава совета, так и круга полномочий. Более четко было сказано, что Горный совет не имел право принимать решения относительно открытия или закрытия заводов и рудников. Это была прерогатива Горной экспедиции императорского Кабинета.

Из дальнейшей практики работы Горного совета видно, что на его заседаниях обсуждались работа горных предприятий за прошедший год, было подведение итогов и примерное планирование на следующий; решались и другие организационные вопросы. Так, 13 марта 1785 г. собранием горных офицеров был рассмотрен вопрос об открытии Барнаульского горного училища. В частности, были определены методы обучения, предметы, объем знаний и навыков, необходимых выпускникам данного учебного заведения. В документе того заседания значилось количество преподавателей и учащихся [6].

Горный совет в некоторой степени заменил ликвидированную Канцелярию горного начальства. Практика работы Алтайских предприятий требовала создания собственного административного учреждения. Канцелярия до 1779 г. была именно такой структурой, где обсуждались выше изложенные вопросы горнозаводскими специалистами. Однако нельзя Горный совет напрямую отождествлять с ней. Вновь учрежденный орган не действовал постоянно, офицеры собирались на его заседания по необходимости. Вместе с тем, Канцелярия горного начальства имела более обширные полномочия в решении производственных вопросов, тогда как совет являлся совещательным органом при горных чиновниках Казенного департамента. При дальнейшем реформировании административной системы Колывано-Воскресенских заводов Горный совет остается, как неотъемлемая его часть.

Вновь назначенный областной правитель Колыванской области Б. И. Меллер прибыл в Барнаул в конце января 1780 г. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства функционировала до 15 июня. Торжественному открытию области согласно императорскому указу 1779 г. предшествовала полугодовая подготовка. Б. И. Меллер лично осмотрел горные предприятия и пограничные территории округа. С 14 февраля 1780 г. начал работать Горный совет. В его состав вошли: коллежский советник И. И. Леубе, обер-бергмейстер А. И. Гань, обер-бергмейстер Н. Д. Делил-де-ла-Кроер, обер-гиттенфервальтер Н. П. Плохов и гиттенфервальтер И. Черницын. 16–17 июня были обнародованы «Учреждения о губерниях ...» 1775 г. и указ об открытии Колыванской области 1779 г. Новые административные учреждения начали действовать 19 июня [7].

Согласно архивным документам, в частности, журналу Б. И. Меллера, составленному для отчета в Кабинет июне 1780 г., Барнаульский завод определяется, как областной город. В этом же году для купцов и мещан был образован Барнаульский городской магистрат, который просуществовал до 1783 г. Как значится в журнале, Барнаульский завод был переименован в областной город вместе с открытием Колыванской области до начала работы новых административных структур и рассмотрения ими каких-либо вопросов. Судя по документу, такое решение не связано напрямую с просьбой посадского населения и не обозначается как решение местной администрации. Вместе с тем, в нашем распоряжении нет законодательного документа об официальном присвоении Барнаульскому заводу статуса города. На наш взгляд, такое решение было действительно временным, и в незначительной степени уступкой посадскому населению. Вероятно, этот вопрос рассматривался Кабинетом одновременно с открытием Колыванской области и организацией новой местной администрацией. Но он не был одобрен императорским указом.

В 1781–1782 гг. шло структурное и функциональное уточнение вновь образованного аппарата управления. Новые административно-территориальное деление было утверждено именным указом от 20 октября 1782 г. [8]. Составлено оно было на основе предложений областного правителя

Б. И. Меллера. Область делилась на пять уездов с центрами: Семипалатинская крепость, Берский острог, Бийская крепость, города Кузнецк и Красноярск. Областным городом в указе определяется Берский острог. В результате Барнаульский завод не получил статуса областного города, хотя и в это время и в последующие годы он практически остается областным и губернским центром.

10 января 1782 г. Б. И. Меллер подал в Кабинет рапорт с предложениями по количеству членов Казенного департамента и распределению между ними функций. Основной смысл этого документа сводится к тому, что численность аппарата управления горно-металлургическим производством в рамках Казенного департамента должна быть значительно увеличена. Правитель области предлагает в его штат определить трех экспедиторов [9].

Уточнения были внесены и в судебно-полицейскую систему управления. Противоречия возникли между сложившейся практикой военных судов, которые рассматривали дела горных служителей и заводских мастеровых, и учрежденным судебным департаментом. По указу 1775 г. последнему определялась судебная власть над всем населением губернии. Доношением от 14 декабря 1781 г. Б. И. Меллер извещает об этом императорский Кабинет и просит вынести решение по данному вопросу [10]. Указом из Кабинета от 16 июля 1782 г. предписывается судить данные категории населения по-прежнему военным судом [11].

Уточнения потребовал и статус Колывано-Воскресенского горного батальона. На основании заключения генерального прокурора правительствующий Сенат издал указ от 10 июня 1782 г. об определении военной команды горных заводов в его ведение. Основанием для этого решения являются нормативные документы, в которых значилось, что батальоны заводов и монетных экспедиций состоят под управлением Берг-коллегии и, следовательно, Сената [12]. В ответ на это последовало заключение императорского Кабинета от 3 августа 1783 г., в котором говорится, что Колывано-Воскресенский батальон является его подчиненной структурой. В доказательство глава Кабинета А. В. Олсуфьев ссылался на указ 1764 г. [13].

Данные документы, на наш взгляд, отражают стремление Кабинета и местного горного начальства в период административных реформ, по возможности, сохранить созданную в предыдущие десятилетия систему управления. Меняется структура, но сохраняются основные элементы предыдущего административного устройства. Это объясняется тем, что перед Областным правлением и департаментами, как и перед Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства стояли одни и те же задачи: управление горно-металлургическим производством и приписным населением.

Следующим этапом административно-территориальных реформ стали мероприятия, отраженные в нормативных документах 1783 г. 6 марта Сенату был дан указ о переименовании Колыванской области в губернию. О причинах новых преобразований говорилось следующее: «Область Колыванская в настоящем состоянии своем учреждена была в 1779 г. по тогдашним обстоятельствам, когда еще настоящего по Учреждениям нашим не было введено в губернии к оной ближняя, а между тем, намерение наше к тому клонилось, дабы сей край, как лучшее имел управление, так и заранее приготовлен был к надлежащему и единообразному с прочими устройству...» [14].

Именным указом 12 мая 1783 г. было утверждено новое территориально-административное деление Колыванской губернии. Она определялась в составе пяти уездов: Колыванский, Семипалатный, Бийский, Кузнецкий, Абаканский. Губернским городом значился Берский острог, который переименовывался в г. Колывань [15]. Губерния была открыта 28 июля, и сенатским указом от 23 октября 1783 г. об этом было объявлено в государственные учреждения [16].

Штатное расписание вновь учрежденной Колыванской области от 16 мая 1783 г. не внесло больших изменений в сложившуюся административную систему управления. Основу ее составлял императорский указ о губерниях 1775 г. Во главе губернии определялось Губернское правление. Губернатором Колыванской губернии был назначен Борис Иванович Меллер, ранее возглавлявший областное правление Колыванской области. На этой должности он находился до 1796 г.

Главный хозяйственно-финансовый орган губернии Казенный департамент, был переименован в Казенную палату, согласно положениям всероссийского указа. Значительно расширен был и состав палаты. В 1783 г. были дополнительно определены советник для таможенных дел, четыре ассесора, один из которых был для горных дел, а один для соляных.

При проведении реформ конца 70 – начала 80-х годов XVIII в. наибольшие изменения и дополнения относились к хозяйственно-финансовым органам управления губернии. Уже в 1779 г. состав Казенного департамента Колыванской области был значительно расширен по сравнению с положениями указа 1775 г. Та же тенденция наблюдается и при организации Казенной палаты Колыванской губернии в 1783 г.

Судебный департамент был реорганизован на основе положений «Учреждений о губерниях...» 1775 г. Были сформированы две самостоятельные палаты уголовного и гражданского суда. В каждую судебную палату входили председатель, два советника и два ассесора. Тем самым, с 1783 г. численность губернских судебных учреждений увеличилось по сравнению со штатным расписанием

1779 г. Первое время должность председателей обеих судебных палат занимал Иван Ильич Гревенц. С 1785 г. председателем Палаты гражданского суда был назначен Василий Иванович Борисов. В 1796 г. председателем Уголовной палаты Кольванской губернии стал Иван Васильевич Ланской. Еще одним изменением в структуре губернских судебных учреждений было образование верхних и нижних надворных судов.

В остальном судебная система как губернии, так и уездов не претерпела изменений ни в структурном, ни в количественном отношении. Городская администрация была сформирована в составе трех комендантов и двух городничих. Состав городского магистрата не был изменен. В 1783 г. он был переведен в г. Бийск.

Итак, административно-территориальные преобразования начала 80-х годов XVIII века не затрагивали сформированную уже систему управления. Сложившаяся в 1779 г. при формировании Кольванской области на основе положений императорского указа 1775 г., в 1783 г. она осталась в прежнем виде. Изменения, обозначенные выше: замена Областного правления Губернским, реорганизация Казенного и Судебного департаментов, организация верхнего и нижнего надворных судов можно рассматривать, как последовательное проведение в административную практику положений указа 1775 г.

Об административно-территориальных изменениях конца 70 – начала 80-х гг. XVIII века, на наш взгляд, можно говорить как о единой реформе. Преобразования по указу 1779 г., положения нормативных документов 1780–1782 гг., уточнялись и оформлялись законодательными актами 1783 г. В целом, они различались по степени влияния на формирование губернской системы управления населением и на развитие административного аппарата Кольвано-Воскресенских заводов. Кабинетские заводы были включены в сферу действия всероссийского указа о губерниях 1775 г. В образованную в 1779 г. Кольванскую область, помимо горных предприятий и приписанных к ним крестьян, вошли селения, ранее находившиеся под управлением губернских и военных линейных учреждений. Это стало основной причиной того, что административный аппарат структурно был изменен полностью. В значительной степени, от общей администрации была отделена судебная власть, которая передавалась специальному учреждению – судебному департаменту. Увеличилось количество чиновников. Но, вместе с тем, мы не можем говорить о качественном изменении системы управления Кольвано-Воскресенскими заводами. Центральным органом управления оставался императорский Кабинет и предприятия, как и до 1779 г. не были подчинены другим государственным структурам. Функции Канцелярии горного начальства перешли областному правителю, полномочия которого можно соотнести с должностью главного командира заводов, горным чиновникам, определенным в составе Казенного департамента, и Горному совету. Изменения, сделанные Б. И. Меллером в 1782 г., свидетельствуют о стремлении сохранить сложившиеся ранее принципы управления в рамках новых административных структур. Без изменений сохранилась система военного суда для горно-заводских служителей, которые были исключены из ведения судного департамента области. На прежних основаниях остались заводские (рудничные) конторы. Они не изменились ни в структурном, ни в функциональном плане.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. XX. № 14868. С. 814-817.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1. Д. 3363. Л. 3 об.
3. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 3363. Л. 3 «а».
4. Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в). Барнаул, 1997.
5. ГААК (Государственный архив Алтайского края) ФР. 1736. Оп. 1. Д. 60. Л. 46 об.
6. ГААК. ФД. 169. Оп. 1. Д. 298. Л. 168–182 об.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 18. Д. 315. Л. 21–23 об.
8. ПСЗ РИ. 1-е изд. Т. XXI. № 15548.
9. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 330. Л. 1-4.
10. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 331. Л. 1 «б» – 1 «б» об.
11. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 331. Л. 10 об.
12. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 346. Л. 3–3 об.
13. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 346. Л. 12–14.
14. ПСЗ РИ. 1-е изд. Т. XXI. № 15679.
15. ПСЗ РИ. 1-е изд. Т. XXI. № 15733.
16. ПСЗ РИ. 1-е изд. Т. XXI. № 15853.

БЫЛ ЛИ ВОЗМОЖЕН ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ РОССИИ В 1917 Г.?

Чтобы приблизиться к пониманию и сущности такого исторического феномена, как российские революции, необходимо представить общую социально-политическую ситуацию в России на рубеже XIX–XX вв., учитывать традиции российской государственности и направления общественно-политической мысли.

После аграрной реформы в 1861 г. в России ускорился процесс модернизации. Страна по уровню развития производительных сил занимала промежуточное положение между государствами Западной Европы и колониальными полуколониальными странами Азии. По мнению У. Ростоу, Россия вступила в стадию «взлета» в 1890 г., завершившуюся в 1914 г., в то время как Франция, США, Германия миновали эту стадию еще в середине XIX в.

Предпосылками «взлета», считает американский ученый, явилось развитие торговли, банковской системы, транспортной сети, возникновение современной бюрократии и увеличение числа образованных людей, а также активные усилия государственной власти и «молодого», энергичного класса частных предпринимателей. Другой американский исследователь, П. Грегори, отмечает такие характерные черты российской действительности, как технологическая отсталость, многочисленность и высокие темпы роста народонаселения, относительная отсталость аграрного сектора. Эти особенности обусловили более низкие показатели доходов на душу населения по сравнению с индустриальными державами. Однако П. Грегори рассматривает их не в качестве признаков стагнации российской экономики, а как различие России и Запада в темпах роста и модернизации экономики [1, с. 50].

Подобная точка зрения напоминает концепцию выдающегося русского историка С. М. Соловьева. Он писал: «Движение народов по историческому пути нельзя сравнивать вообще с беганьем детей в догонялки или конскими бегами, к которым прилагается одно слово “отстать”, в историческом движении может быть совершенно другое: здесь внутренние силы, средства могут быть равны или их может быть даже больше у того, кто движется медленнее, но внешние условия разные, а они-то заставляют двигаться медленнее, задерживают...» [2, с. 52].

К началу XX века в большинстве европейских стран жизнь государства строилась на основе конституции. В России, несмотря на отдельные попытки, не удавалось ограничить власть абсолютного монарха «жесткими рамками» конституции. Огромная империя управлялась через бюрократические структуры, интересы которых не совпадали с интересами и потребностями государства.

Гражданские свободы существовали формально, политические партии были запрещены и могли действовать лишь нелегально.

Хотя реформа Александра II и положили начало созданию органов самоуправления (земств), монархическая основа русского государства осталась без изменений. Сотни лет царского самодержавия, с его официальны культот верховного правителя, осененного божественной благодатью, сформировали у значительной части народа лояльный, царепослушный склад ума. Самодержавие вместе с русским православием представлялось естественным порядком вещей.

Рост числа образованных людей в развивающейся России происходил в условиях проникновения в страну революционных, социалистических, в том числе и марксистских идей.

Заслуживают внимания мысли Н. А. Бердяева, который писал: «Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей и учений и к их своеобразной переработке. Но усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией было в большинстве случаев догматическим. То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, ... у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения. Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей» [3, с. 18].

С другой стороны, социалистические настроения русского «мыслящего пролетариата» – особенно в 40–50-е гг. прошлого века – удивительным образом сочетались с надеждами на прогрессивное самодержавие. Даже Н. Г. Чернышевский, один из основоположников теории русского социализма, в 1848 г. записал в дневнике, что России нужно самодержавие, чтобы защищать интересы низших классов и подготавливать будущее равенство [4, с. 21].

Парадоксально, но освобождение крестьян от крепостной зависимости радикализировало определенную часть русской интеллигенции. Возникновение в России нигилистических революционных «кружков» год в год совпадает с отменой крепостного права. В 1861 г. появилась прокламация Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Чернышевский открыто объяснил свое негативное отношение к реформе 1861 г. тем, что они улучшили положение крестьян и тем самым отвратили их от революции. С. Г. Нечаев, ставший прототипом героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы» Верховенского, позднее признавал: «Само правительство того и гляди додумывается до сбавки подати и до тому подобных благ. Это было бы сущее несчастье ... вся наша работа пропадет» [5, с. 284].

Эти призы показывают, насколько проблематичны утверждения о «любви», «сострадании», «сочувствии» революционеров к угнетенным.

Убийство активистами «Народной воли» Александра II спровоцировало контрреформы Александра III и последующую реакцию.

Один из «отцов» русского либерализма Б. Н. Чичерин в книге «Россия накануне двадцатого столетия» писал о пореформенных десятилетиях: «В то время как русское общество должно было усвоить себе новые для него гражданские начала, требовавшие разумного понимания действительности и бережного отношения к свободе и праву, ему внушали, что все это вздор, что весь существующий порядок обречен на погибель. Социалистическая пропаганда ... отравила и доселе отравляет значительную часть русского юношества. Она породила явления, которые сдвинули Россию с пути правильного развития и открыли широкие двери реакции...» [6, с. 40].

Народнические революционные организации в своей борьбе делали ставку на крестьянство. Однако сформированием в России промышленного пролетариата и распространением в интеллигентских кружках марксизма часть радикалов переходила на позиции социал-демократии. В 1883 г. в Женеве Г. В. Плехановым была основана первая русская марксистская группа, участники которой считали, что «только рабочие способны воспринять идею социализма, только они способны действовать революционно. Поэтому необходимо создать весовую рабочую партию: освобождение рабочего класса может быть достигнуто только путем его усилий» [7, с. 44].

Идею создания революционной партии захватила В. И. Ульянова (Ленина), который уже в начале 1890-х гг. был активным революционером-марксистом. В 1903 г. на II съезде РСДРП из-за вопроса о характере партийной организации произошел раскол. Большевики во главе с Лениным требовали создания организации профессиональных революционеров, спаянных железной дисциплиной, беспрекословно исполняющих директивы ЦК. Меньшевики, во главе с Мартовым, отстаивали внутрипартийную демократию. Организационный вопрос, как отмечает русский эмигрантский историк Ю. В. Измestьев «был лишь внешней причиной раскола. Внутренние причины были глубже. Ленин, подобно Нечаеву, считал, что в политической борьбе должны быть отброшены все нравственные принципы...» [7, с. 28].

О генезисе большевизма писал и Н. А. Бердяев: «Ткачев, подобно большевикам, проповедует захват власти революционным меньшинством и использование государственного аппарата для своих целей. Он пишет в 1875 г. письмо к Энгельсу, в котором говорит, что пути русской революции особые и что к России не применимы принципы марксизма. Маркс и Энгельс говорили о буржуазном характере революции в России и были скорее “меньшевиками”, чем “большевиками”... Ткачев более предшественник большевизма, чем Маркс и Энгельс» [8, с. 139].

Таким образом, радикальный русский революционизм С. Г. Нечаева и П. Н. Ткачева стал идейным и организационным предшественником большевизма, использовавшего марксизм для теоретической «самолегитимизации». Недаром и Г. В. Плеханов, уже после II съезда РСДРП, выражал сомнения относительно истинности марксизма Ленина, проводя параллель между ним и Бакуниным, также проповедовавшим централизм. В свою очередь Л. Д. Троцкий в брошюре «Наши политические задачи», опубликованной в 1904 г., утверждал, что Ленин скорее якобинец, чем марксист. Он предсказывал такую ситуацию, когда «партийная организация замешает собой партию, ЦК замешает партийную организацию и, наконец, “диктатор” замешает собою ЦК» [4, с. 36-37]. В том же году в «Дневнике социал-демократа» Плеханов писал, о большевистской концепции: «В конце концов, в ней все вертится вокруг одного человека, который...соединяет в себе все власти».

Вера Засулич уже утверждала, что у Ленина такое же представление о партии, как у Людовика XIV о государстве. Наконец, острая критика Ленина содержалась в статье Розы Люксембург (июль 1904 г.), которая осуждала его политику «ультрацентризма» как бюрократическую и не демократическую. Увидев специфически русскую направленность ленинского проекта, она с горечью говорила о «человеческой личности, которую давит и топчет российский абсолютизм» и которая вновь является теперь в «облике русского революционера..., с легкостью провозгласившего себя вершителем истории» [9, с. 47-48].

Подведем итоги.

1. Модернизация российской экономики в конце XIX – начале XX в. не сопровождалась реальным участием населения в политической жизни страны. Революция 1905 г. показала, какая пролегла «пропасть» между народом и теми кто им управлял.

2. Правящий класс России, после реформ Петра I, был «оторван» от национальных корней. Народ не понимал смысла и задач государства. Еще в 1812 г., вслед за Французской армией, в некоторых местностях жгли и грабили барские усадьбы, терроризировали представителей власти. И только откровенно грабительская практика оккупантов, глумление и кощунство над религиозными чувствами русских, подтолкнули народ к активному сопротивлению. Но настоящая катастрофа произошла на третьем году Первой мировой войны. Русский крестьянин в солдатской шинели отказался защищать государство. Таков итог векового «вымывания» национального сознания.

3. Часть русской интеллигенции, некритически восприняв западные революционно-социалистические идеи не жалела ни сил, ни самой жизни для пропаганды и вытеснения из сознания народа традиционных, христианских ценностей. Труды не пропали даром. В условиях кризиса власти не было конкуренции и противодействия агрессивной революционной идеологии.

4. Монархия и церковь шли через века «рука об руку», оберегая друг друга. После 1905 г. этот союз стал губителен для обеих. Церковь – институт государства – несла ответственность и за свои ошибки, и за неудачи и преступления власти, падал ее авторитет, разрушались вековые духовные традиции народа.

И все-таки возьмем на себя смелость утверждать, что сценарий, разыгранный на просторах Российской Империи, не был единственно возможным. Государство, созданное Петром I, имело силы и возможности реализовать себя в новых условиях. Но расклад политических сил, личность последнего императора, Николая II, трагическим образом привели к роковому исходу.

Русский религиозный мыслитель, историк, публицист Г. П. Федотов писал: «Нельзя приуменьшить значение личной ответственности в истории. В самодержавной монархии не может быть особенно тяжелой ответственности царя. Но бывают годы в жизни народов, годы кризисов, распутий, когда чаша личной ответственности начинает перетягивать работу бессознательных исторических сил. В русской революции только два человека сыграли роковую, решающую роль, не сводимую к типическим факторам, к воздействию групп. Эти два человека Николай II и Ленин. Первый спустил революцию, второй направил ее по своему пути» [10, с. 172].

Примечания

1. См.: Селунская Н. Б. Россия на рубеже XIX–XX веков. М., 1992.
2. Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
4. Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. М., 1991.
5. Шафаревич И. Есть ли у России Будущее? М., 1991.
6. Новое время. 1990. №4.
7. Измestьев Ю. В. Россия в XX веке: исторический очерк 1894-1864. Нью-Йорк, 1990.
8. Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 139.
9. Корр Э. История Советской России. Кн.1.: пер. с англ. М., 1990.
10. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991.

С. А. ЛИПИНА

Ижевский государственный технический университет, г. Ижевск

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Модернизация была императивом развития России на протяжении нескольких столетий, что вызывалось преимущественно не внутренними условиями, а давлением внешних факторов – индустриальным развитием ряда западных держав, хреватого экономическим и военным отставанием страны. Это угрожало ее национальной безопасности и самому суверенному существованию. Вопрос о том, быть или не быть российской модернизации в условиях колониальной экспансии Запада не стоял: отказ от нее означал бы упадок и крах российской государственности, а вместе с ней и российской цивилизации. Модернизация в России в виде или на основе многочисленных разнообразных по задачам реформ – инициировалась и проводилась сверху, государством, а иначе и быть не могло в силу цивилизационных, исторических особенностей ее развития [1]. Основным вектором модернизационного процесса являлась индустриализация (а еще ранее – протоиндустриализация).

Существенную роль в становлении предпринимательства и «проиндустриализации» сыграла политика центральной власти и ряд экономических преобразований.

Отмена крепостного права в России в 1861 г. и последующие реформы, в том числе, перевод ижевских оружейников в 1866 г. из военного ведомства в гражданское и увольнение части из них с Ижевских железоделательного и оружейного заводов, создали условия и дали толчок для возникновения и развития частного оружейного производства в Вятской губернии. Этому способствовало и то, что казенные Ижевские заводы не выпускали охотничьих ружей для населения. Большинство освободившихся квалифицированных мастеровых Ижевских заводов и составили контингент самостоятельных кузнецов и слесарей – оружейников.

Большая часть освободившихся оружейников сосредоточилась в с. Ижево и близлежащих деревнях, занявшись привычным для себя ружейным делом, но уже в частном порядке. Так, ижевские кузнецы

А. Храмов, В. Малаков, П. Прилуков, З. Федоров, П. Погорелов, Е. Иванов ковали «вещи для ружейных замков и приборов» с последующей их продажей другим мастерам, осуществлявшим сборку ружей [2].

Кустарное производство ряда оружейных мастерских Ижевска к началу XX в. переросло в мелкоотварную форму промышленности. Их владельцы – И. С. Васильев, И. А. Егоров, И. С. Колпаков, П. И. Мезрин, И. В. Минеев, И. П. Пономарев, П. И. Рохлин, Н. Ф. Тукмачев – находили сбыт своему товару на ярмарках Урала и Поволжья. Известно, что Пономарев продавал до 350 ружей на ярмарках в г. Чердыне Пермской губернии [3]. Отметим, что к этому времени аналогичные заведения в Тульской губернии «прекратили свое существование» [4, с. 86]. На фабричный уровень производства ни одно из частных оружейных предприятий Тулы не вышло. В начале XX в. ижевские частные оружейники оставались единственными крупными производителями отечественного охотничьего оружия. Среди них особо заметны предприятия И. Ф. Петрова, А. Н. Евдокимова, Н. И. Березина, выделение которых из общей массы предпринимателей отмечается уже в 1870–1880 гг.

По данным 1888 г. наиболее крупным по числу рабочих (47 чел.) было предприятие И. С. Березина, поставлявшее на рынок 3 000 охотничьих ружей на сумму 5 000 руб. Ему значительно уступали заведения А. Н. Евдокимова (25 рабочих; сумма производства 1 100 руб.) и И. Ф. Петрова (30 рабочих; 3 600 руб. соответственно) [5]. В 1890-х гг. предприятие И. С. Березина перешло к его сыну – Н. И. Березину, а лидирующее место в конкурирующей тройке занял Иван Федорович Петров.

В конце 1880-х гг. Петров построил в заречной части поселка Ижевского завода небольшую фабрику, где вначале делали одноствольные, а затем и двуствольные охотничьи ружья. Обладая незаурядными коммерческими способностями, он вскоре превратился в крупного предпринимателя. В фабричных и торговых делах ему ревностно помогали его четыре сына: они ездили по ярмаркам, бывали за границей, перенимали новинки ружейного производства.

Фабрикант И. Ф. Петров был высококвалифицированным специалистом-ружейником, умевшим подобрать квалифицированных рабочих и выпускавшим действительно добротные ружья. В своем преискусурате 1911 г. он писал: «До основания своей фабрики я собственноручно вырабатывал ружья, а потому, благодаря моей опытности и знанию ружейной техники, покупатели и охотники всегда относились ко мне с полным доверием, как специалисту по оружейному делу. Будучи сам ружейным охотником и мастером по производству ружей и оценке их качества, я легко вникал в нужды своих заказчиков и охотников, имея при себе в управлении фабрикой и складами не менее компетентных в ружейном деле сыновей, большой штат опытных мастеров, оборудовав свою фабрику новейшими усовершенствованиями, специально-ружейными станками и машинами» [6, с. 31].

В Екатеринбурге, Омске, Нижнем Новгороде фабрикант имел свои магазины. В 1894 г., установив связь с закавказскими торговцами, фабрикант Петров отгрузил в их адрес 1710 ружей, в том числе в Кутаиси – 1050, в Потти – 210, в Ленкорань – 150, в Тифлис – 250 и в Батуми – 50 [7, с. 12]. Успеху способствовала широкая реклама в виде красочных иллюстрированных каталогов и преискусурантов, плакатов, объявлений в газетах, почтовых открыток с изображением охотничьих сюжетов и даже крупных надписей на крышах пакгаузов железнодорожных станций сибирских железных дорог.

До 1900-х гг. И. Ф. Петров изготавливал шомпольные ударно-капсюльные одноствольные и двуствольные ружья, а затем перешел на переделываемые из винтовок систем Бердана-2 и Крнка; одноствольные и двуствольные курковые ружья, а также двуствольные бескурковые ружья центрального боя с гладкими и нарезными стволами.

Армейские винтовки систем Крнка и Бердан-2 переделывались и в гладкоствольные, и в нарезные ружья. Охотничья винтовка Крнка предназначалась для стрельбы в крупного зверя: медведя, лося, кабана, моржа.

Двуствольные ружья центрального боя собирались из деталей выделки Ижевского оружейного завода. Они выпускались 12, 16 и 20 калибров. По заказу эти ружья выпускались и в более дорогом исполнении.

По индивидуальным заказам И. Ф. Петров делал дробовые ружья крупных калибров, восьмого и даже четвертого, а также шомполки с ударно-кремневыми замками для невзыскательных охотников и для приверженцев старины. С 1900 г. фабрика Петрова выпускала в месяц по 450–500 ружей разных систем, преимущественно переделные и шомпольные, с 1910 г. стала изготавливать одноствольные ружья центрального боя системы Ивер-Джонсона, но конструктивно несколько измененные.

Петров занимался также и перепродажей иностранного охотничьего оружия. В 1902 г. Петров, реализуя в год более 60 двуствольных, заряжаемых с казны ружей своего изготовления, продал одновременно более 300 дешевых заграничных ружей. В различное время реализовывалась продукция фирм «Зауер», «Пипер», «Винчестер», Ф. Н. Ивер Джонсон 2, «Маузер», «Шмидт и Габеоман» и др., через торгового агента Попова поставлялось оружие Тульского завода. Покупаемые за границей готовые ружья и пистолеты его мастера подвергали дополнительной проверке на качество боя и безотказность работы механизмов, доводя оружие до кондиции. Но большую часть прибыли давало оружие собственного производства.

Вместе с ружьями своей фабрики Петров продавал продукцию кустарей-надомников и мелких предпринимателей: Матявина, Никитина, Колпакова и других.

Для изготовления ружей Петров выписывал с казенного завода основные детали, например затворы, гладкие стволы; часто он покупал всевозможные оружейные отходы, отдельные детали и части устаревших образцов, которые подправлял или переделывал, после чего пускал их в работу.

Как правило, машинная обработка деталей производилась на фабрике, а значительное количество лож, замков и других деталей изготовлялось кустарями-надомниками. Окончательная сборка ружей, окраска, гравирование производились на фабрике.

Непосредственно на фабрике в 90-х гг. XIX в. работало до 230 человек, не считая значительно большего числа надомников. Количество работников на ружейной фабрике И. Ф. Петрова в 1914 г. достигло 228 мужского и 18 женского пола.

В 1901 г. на фабрике Петрова функционировало шесть токарных станков, десять сверлильных и два деревообрабатывающих, приводимых в действие паровой машиной в 8 л. с. Через пять лет станочный парк вырос еще на 10 единиц [8], среди которых был гильошировочный станок стоимостью 450 руб., изготовленный по заказу в ствольно-коробочной мастерской Ижевского оружейного завода [9]. В 1913 г. на фабрике действовало 69 станков, молот, 2 штампа, 3 горна, печи Феллениуса. Машины увеличили «интенсивность труда рабочих». Годовой объем производства за период с 1900 по 1913 гг. вырос в 5,8 раза [10, с. 96]. По данным статистики годовой объем производства в 1909 г. достиг 92 800 руб. [11, с. 76].

С начала Первой мировой войны фабрика стала выполнять заказы Ижевского оружейного завода, количество основных рабочих на ней возросло более чем вдвое.

Фабрика И. Ф. Петрова сыграла положительную роль в развитии производства охотничьего оружия и подготовке кадров оружейников. За высокое качество ружей и охотничьих принадлежностей И. Ф. Петров получил на различных промышленных и сельскохозяйственных выставках следующие награды: в 1888 г. – медаль в г. Глазове, в 1890 г. – медаль в г. Казани, в 1907 г. – в г. Сарапуле, в 1907 г. – медаль в г. Ростове-на-Дону, в 1907 г. – Grand Prix (высшая награда в Бельгии, г. Брюссель), в 1910 г. – медаль от Общества сибирских охотников в г. Иркутске [12, с. 31].

Чтобы показать товар лицом, ижевские фабриканты умело использовали рекламу. Один из сыновей И. Ф. Петрова, Василий Иванович, учредил при оружейной фабрике рекламное агентство, завалившее покупателей рекламными открытками и каталогами.

С петровскими ружьями вплоть до 1918 г. соперничала продукция оружейной фабрики А. Н. Евдокимова. В начале XX в. его фабрика представляла собой процветающее предприятие, оборудованное по последнему слову техники. Выпуск ружей доходил до 9 300 шт. в год. Одноствольные и двухствольные шомпольные ружья, изготовляемые на фабрике Евдокимова, славились резкостью боя, прочностью и отличным качеством отделки, пользовались устойчивым спросом. Евдокимов имел свои торговые точки в Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Вятке и Перми.

На Казанской научно-промышленной выставке в 1890 г. ружья фабрики Евдокимова были удостоены серебряной медали [13, с. 129], а на международной выставке в 1910 г. в Лондоне за ружье, гравированное Н. В. Маланиным, фабрика Евдокимова была удостоена награды [14, с. 113].

Кроме оружейной фабрики, А. Н. Евдокимов имел мукомольные и крупяные мельницы, лесопилку, мануфактурные магазины, владел одним кирпичным и пятью деревянными домами, которые сдавал внаем рабочим ижевских заводов. Первым в Ижевске Евдокимов стал владельцем катера «Фабрикант» в 1910 г., построил дачу на Юровском мысу, сохранившуюся до 2003 г.

В 1870 г. была основана оружейная мастерская И. С. Березина, позже преобразованная в фабрику охотничьих ружей. Сын, Н. И. Березин, после смерти отца в 1896 г. значительно расширил дело отца. В 1904 г. он построил небольшой чугунолитейный завод в Вятском переулке Ижевска. Помимо чугунного литья, на заводе изготовляли детали ружей (ствольные коробки, курки, спусковые скобы и крючки), которые продавали частным оружейникам [15, с. 31-32]. В начале XX в. за хорошее качество продукции оружейная фабрика Н. И. Березина была награждена Большой серебряной медалью [16]. В 1911 г. Н. И. Березин был первым предпринимателем в Ижевском поселке, оснастившим свою фабрику дизельным двигателем мощностью 60 л. с. В 1914 г. на фабрике Н. И. Березина действовало 2 дизельных двигателя суммарной мощностью в 160 л. с. [17, с. 29]. В 1913 г. Н. И. Березин ввел в строй первую частную электростанцию [18, с. 14].

В 1899 г. на оружейной фабрике Березина работало 50 рабочих, объем производства составлял 50 000 руб. [19]. К началу Первой мировой войны объемы производства фабрики значительно выросли, численность рабочих выросла более чем втрое.

До начала XX в. в Ижевском поселке работала небольшая фабрика сельского обывателя М. А. Будакова. На ней работало 12 рабочих, годовой объем производства составляла 1 100 руб. [20]. В 1908 г. его фабрика перешла к В. И. Петрову.

В конце 1914 г. в условиях Первой мировой войны частные оружейные фабрики Вятской губернии, выпускавшие охотничьи ружья, стали выполнять заказы Ижевского оружейного завода по обработке стволов для трехлинейных винтовок С. И. Мосина из заготовок сталелитейного завода, прекратив изготовление охотничьего оружия [21, с. 48]. Кроме этих работ, зимой 1916 г. И. Ф. Петров обязался к апрелю 1917 г. поставить Ижевскому оружейному заводу 100 000 березовых ложевых болванок [22].

В 1918 г. предприятия и лесные дачи всех владельцев оружейных фабрик Ижевска были национализированы и присоединены к Ижевским заводам [23, с. 26-29].

Таким образом, зародившаяся в Вятской губернии в конце 60-х гг. XIX в. частная оружейная промышленность по производству охотничьих ружей в форме мелкотоварного производства к концу XIX в. складывается как мануфактура, переросшая в начале XX в. в фабрику. Частные оружейные фабрики Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв. являлись единственными в России крупными частными производителями сравнительно недорогого и качественного охотничьего оружия, пользовавшегося устойчивым спросом на внутреннем рынке России, в первую очередь, на Урале и в Сибири. Охотничьи ружья, изготовленные в частных мастерских Вятской губернии, продавались в сорока годах России и экспонировались на международных выставках.

Примечания

1. Сенявский А. С. Концепция модернизации и ее исследовательский потенциал в изучении российской истории XX в. (теоретико-методологические и инструментальные аспекты) // Actio Nova. 2000. М. 2000. С.213-244.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 574. Оп. 1. Д. 383. Л. 415-416.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 180. Л. 38.
4. Шокарев Ю. В. Производство охотничьего оружия тульскими оружейниками во 2-ой половине XIX в. // Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX – начале XX вв.: сб. ст. М., 1977. С. 86.
5. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1149. Л. 126-126 об.
6. Горбов М. Знаменитые ружья. Петров // Охота и охотничьи ружья. 1983. № 5. С. 31.
7. Изметинский Н. Л., Михайлов Л. Е. Ижевские ружья. Т. 1. Ижевск, 1995 С. 12.
8. ГАКО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 8. Л. 9, 30.
9. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3831. Л. 9.
10. Васильев А. П. К истории ижевского частного оружейного производства (1867–1917 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. 1861–1985: сб. ст. Устинов, 1986. С. 96.
11. Пугаева Н. П. Развитие промышленности Удмуртии в периоде капитализма (1861–1917 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. 1861–1985: сб. ст. Устинов, 1986. С. 76.
12. Горбов М. Знаменитые ружья. Петров // Охота и охотничье хозяйство. 1983. № 5. С. 31.
13. Пушкарёва Н. Г. Ружейные конкуренты // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1995. № 1-2. С. 129.
14. Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XX вв. / отв. ред. Н. П. Лигенко. Ижевск, 2008. С. 113.
15. ГАКО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 135. Л. 16, 18; Горбов М. Ижевские оружейники. Ижевск, 1982. С. 31-32.
16. ЦГА УР. Ф. Р-15. Оп. 2. Д. 31. Л. 20 об.
17. Липина С. А. Модернизационные процессы в промышленности Удмуртии накануне и в годы Первой мировой войны (1910–1917 гг.). Ижевск, 2010. С. 29.
18. Жилин С. Оружейный фабрикант // Центр. 2000. 27 июля. С. 14.
19. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 394. Л. 18.
20. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1193. Л. 56.
21. Обзор Вятской губернии за 1915 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1916. С. 48.
22. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4578. Л. 336–338.
23. Вятское народное хозяйство. 1919. № 7. С. 26–29.

О. А. ЛИТВИНОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ТЕХНИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ. В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Модернизационные процессы в нашей стране, как свидетельствует история, инициировались, как правило, сверху. В этой связи возникают вопросы о специфике восприятия обществом имевших место обновлений и об использовании со стороны государства методов моделирования позитивного настроения в обществе в отношении реализуемых мероприятий. Для краткого анализа проблемы автор обратился к непродолжительному периоду советской истории – второй половине 1920-х гг. Именно с середины 1920-х гг. в нашей стране начала осуществляться техническая модернизация, более из-

вестная под термином «индустриализация». Известный факт, что процесс индустриализации, начавшийся в советской стране в 1925–26 гг., очень скоро приобрёл форсированный характер и был сопряжён с силовыми методами со стороны государства. Неслучайно в настоящее время в литературе, в том числе и учебной, встречается термин «сталинская модель модернизации». Согласно общепринятой точке зрения, дискуссии о путях экономического развития страны имели место на протяжении периода 1920-х гг. Однако постепенное укрепление И. В. Сталина на политическом Олимпе в совокупности с внешними факторами (ухудшение международной обстановки, отсутствие мировой революции) способствовали тому, что экономика нашей страны стала развиваться мобилизационным путём, исключая даже незначительные элементы рыночных отношений. Думается, что выбор модели экономического развития в определённой степени определялся и психологическими установками советского социума, что учитывалось большевистскими лидерами в процессе кампании по техническому переоснащению промышленности.

Анализ процесса индустриализации в Советской России требует изучения причин данного явления. Как известно, Первая мировая война, спровоцировавшая в России в 1917 г. две революции, и Гражданская война приостановили начавшийся в нашей стране в конце XIX в. процесс формирования индустриального общества. Поэтому после окончания Гражданской войны перед большевиками стояла задача не только восстановления рухнувшей экономики, но и задача создания мощной индустрии. Широкомасштабную программу экономических преобразований представлял план ГОЭЛРО, принятый VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г. Однако возникает вопрос: насколько население советской страны оказалось готово к индустриализации? Каким был эмоциональный настрой городского населения, в частности рабочих, т.е. людей, чей образ жизни в первую очередь оказывается подвержен изменениям в результате модернизационных процессов? Автор попытается ответить на поставленные вопросы.

Не секрет, что из событий Гражданской войны социум вышел «больным». Политические изменения, сопряжённые с террором, парализация промышленных предприятий, имевшие место в годы войны, не могли не сформировать у людей равнодушное отношение и к процессу работы, и к непосредственному месту работы. Неслучайно в 1921 г. в прессе констатировалось, что одной из самых больших проблем на промышленных предприятиях были прогулы рабочих.

В мае 1921 г. в газете «Советская Сибирь» была опубликована статья с символическим названием «Вывезет напряжённый труд» [1]. В этой передовице приводились сведения о пропущенных рабочих днях на предприятиях Москвы в сравнении с дореволюционным периодом. Имеет смысл сослаться на цифровые данные, которые автором структурированы в нижеприведенную таблицу.

Таблица 1 – Сведения о ежегодных пропущенных рабочих днях на предприятиях Москвы

	До революции 1917 г.	После революции 1917 г.
Рабочих дней	264	300
Болезни	7,4	20
Праздники		68,3
Другие причины неявки на работу	16,6	57,7
Из них:		
Простой предприятий		8,2
Исполнение общественных обязанностей		14,6
Очередные отпуска		9,6
Прогулы		25,3

В этой же статье подчёркивалось, что прогулов на крупных предприятиях было значительно больше, чем на мелких [1]. Заметим, что проблема прогулов поднималась не только в периодических изданиях, но и в официальных документах. Так, согласно одной из сводок Алтайского отдела ГПУ, в Бийске весной 1923 г. на текстильной фабрике им. Будённого из-за ежедневных прогулов простаивало 25-27 станков [2, л. 9]. Таким образом, в начале 1920-х гг. для государства определилась серьёзная социально-экономическая проблема – необходимость повышения качества работы, причём причины этой проблемы во многом имели психологическое происхождение: изменение отношения к производственному процессу за период Гражданской войны.

Что касается рабочих, то, как следует из документов, их интересовали совершенно иные вопросы. Реализация новой экономической политики с весны 1921 г., вызвавшая развитие элементов госкапитализма, не привела к рассасыванию социальных проблем. Так, тенденция сдачи промышленных предприятий в аренду, провоцировала зачастую состояние неуверенности у работников этих предприятий. Сводки местных отделов ГПУ отмечают, что хотя владельцы заводов (как правило, они были бывшими собственниками предприятий) пользовались уважением среди рабочих, всё же на отдельных фабриках или заводах настроение рабочих могло быть угнетённым. Например, на Барнаульском пивоваренном заводе,

сданном в аренду его прежнему собственнику Ворсину, подобное настроение рабочих в официальных документах объяснялось жёсткими наказаниями за дисциплинарные проступки. Как указывалось в сводке Алтайского отдела ГПУ за март 1923 г., «администрация за малейшее противоречие “выкидывала со службы”» [2, л. 2]. Материалы отделов ГПУ за тот же период времени отмечали также о низкой заработной плате рабочих в условиях роста цен на продукты и товары широкого потребления. При этом составители сводок отмечали, что виновником создавшегося положения рабочие считали власть и администрацию предприятий, которая, не подчиняясь распоряжением Профсовета, организовывала процесс найма и увольнения работников в разрез с ограничениями профсоюза [2, л. 5].

Анализ архивных материалов и периодических изданий позволяет уловить ещё ряд причин, вызывавших чувства незащищённости у людей. Это острота жилищного вопроса (в начале 1920-х гг. в городах имел место процесс муниципализации жилья, что приводило к ухудшению жилищных условий у ряда горожан), безработица, сбой в снабжении продовольствием. Таким образом, хотя городское население в 1920-е гг. составляло небольшой процент от общего числа жителей страны (в Сибири этот показатель составлял около 10%), острота социальных вопросов создавала напряжённую обстановку. Можно говорить о том, что психологическое состояние советского городского социума начала 1920-х гг. характеризовалось отсутствием чувства стабильности и безопасности. При этом общество ожидало, что именно властные структуры урегулируют имеющиеся социальные проблемы. Многочисленные жалобы, поданные представителям государственной власти в случае возникновения проблемных ситуаций, – свидетельство тому.

Между тем государство, по сути дела, проранжировало проблемы, требующие решения. И в ранге этих проблем вопросам социального характера, а также задаче технической модернизации в начале 1920-х гг. отводились далеко не первые места. Первоочередность задач определялась более глобальными проблемами, что хорошо прослеживаются из материалов периодики. Так осенью 1921 г. главной темой газетных публикаций была тема преодоления голода, в 1922–23 гг. – проблема борьбы с инфекционными заболеваниями. Отдельным вопросом, освещавшимся в прессе, был вопрос о введённом в деревне продналоге. В течение первой половины 1920-х гг. все вышеперечисленные задачи постепенно решались, и к середине 1920-х гг. актуальность приобрёл уже вопрос о качественном обновлении промышленности. Нельзя не отметить, что процесс индустриализации в условиях существования целого клубка социальных проблем, мог стать универсальным способом комплексного урегулирования ситуации. Достаточно посмотреть на материалы Первого Сибирского краевого съезда профессиональных союзов, состоявшемся в ноябре 1925 г. В докладе председателя Сибпромбюро Тамарина отмечалось, что необходимо «поставить вопрос перед центром категорически о том, что Сибири необходима постройка заводов, так как это имеет общегосударственное значение» [3]. При этом в прениях по докладу указывалось, что наряду с решением производственных задач необходимо обязательное решение и социальных вопросов. В частности, говорилось, что в пятилетнем плане развития промышленности в Сибири отсутствовали ассигнования на улучшение технических условий труда, на охрану труда, не были включены расходы на улучшение жилищных условий рабочих [3].

Интересно, что именно с середины 1920-х гг. в советской прессе лейтмотивом стала проходить тема обновления промышленности. При этом слово «индустриализация» появилось далеко не сразу. В качестве примера можно указать газету «Советская Сибирь». В течение октября 1925 г. в ней вышло три заметки, посвящённые техническим усовершенствованиям. Обязательным элементом таких заметок была информация о том, что автором какого-то изобретения был человек из рабочей среды. Часто авторы заметок, а по стилю изложения это явно были рабкоры, использовали эмоциональный оттенок. Можно привести пример из статьи «Переворот в пимокатной промышленности»: «Действительно, труд пимоката тяжёлый. Пока он смастерит пару пимов, с него “40 потов слезет”» [4]. Нельзя не заметить, что заголовки публиковавшихся материалов вызвали патетические чувства. Например, статья, повествующая об усовершенствовании золотника у паровоза, была озаглавлена «Победа рабоче-изобретателя» [5].

В результате изучения материалов периодики 1920-х гг. напрашивается вывод о том, что государство посредством газетных публикаций постепенно формировало у населения своеобразный способ мышления, в основе которого лежала мысль о необходимости обновления промышленности. Можно сказать, что сначала процесс индустриализации был запущен в сознание людей, связанных с промышленным производством, а лишь за тем был озвучен сам термин «индустриализация», и этот процесс стал осуществляться на практике. В сознании рядовых рабочих стала выращиваться идея признания их достижений в области техники, идея уважения к их профессиональной деятельности, идея возможной самореализации. Параллельно с этим в тех же газетах периодически отмечалось о постепенном снижении безработицы, налаживании снабжения рабочих, что демонстрировало решение элементарных социальных проблем и давало надежду на дальнейшее позитивное развитие ситуации. В совокупности все эти меры должны были создать у людей, работавших на промышленном предприятии, чувство уверенности в завтрашнем дне. Иначе говоря, в теории индустриализация, реализуемая мобилизационным путём, помимо технологического прорыва могла решить проблему дисциплины (интерес государства), а также урегулировать социальные проблемы (разрешить конфликты с администрацией, ликвидировать безработицу, улучшить условия труда, жилищный вопрос).

Актуальным мог оставаться вопрос о низком уровне жизни. Однако грамотно организованная агиткампания настраивала население на оптимистичный лад.

Анализ механизмов «раскрутки» в советском социуме идеи индустриализации невольно наталкивает на теорию мотивации А. Маслоу, известную как «пирамида потребностей». Человеческие потребности Маслоу выстроил в следующей иерархии: физиологические, потребность в безопасности, социальные, самореализации, уважения и признания. Действительно, удовлетворение необходимых физиологических потребностей, решение социальных проблем, достижение чувства безопасности у человека, в совокупности с возможностью самореализации через техническое творчество и признание заслуг – всё это государство могло решить за счёт технической модернизации. Работа Маслоу «Мотивация и личность», посвящённая проблемам мотивации, была издана гораздо позднее рассматриваемых событий – в 1954 г., причём в стране с совершенно иной социально-политической и экономической системой, однако большевистские лидеры как бы интуитивно улавливали возможность решения социальных задач посредством технического переоснащения промышленности.

Между тем в реальности сложно было увидеть решение социальных проблем на рубеже 1920–1930-х гг. В качестве примера имеет смысл привести отрывок из письма ленинградского рабочего, приехавшего в Магнитогорск на одну из строек пятилетки. Данный документ датируется июнем 1931 г. «Нам работы не дают по специальности, так как монтаж неизвестно когда начнётся. Мы четыре дня ничего не делали, сидели в палатках да ходили, искали начальство. Нам дали работу: стройку барачков. Мы подняли бузу, подавали в трудсекцию о расторжении договора... Так что попали мы в ловушку, ходишь и концов не найдёшь. Сейчас пока строим бараки. Но, сам понимаешь, какие мы плотники, а иначе работы нет. Очень много каждый день рабочих уезжают обратно, но отсюда очень трудно выбраться – ни за что не выпускают, но я всё равно приеду, так как жить невозможно: ...работы по специальности нет, спецодежды не дают, кормят очень плохо, находимся в палатках, а погода стоит холодная и дождливая», – писал автор письма [6, с. 17-18]. Данный источник позволяет делать выводы и о социальной ситуации, имевшей место в действительности, и о пессимистических настроениях в обществе, причиной которых была не только тревога из-за отсутствующей стабильности, но и горечь по причине профессиональной нереализованности. В дополнение к отмеченному можно вспомнить и о существовавшей карточной системе на продовольствие в городах, и о тяжелейших условиях труда на «стройках века». Наконец, нельзя не упомянуть о политической обстановке в стране. Начавшийся большой террор, в том числе и против технической интеллигенции, в результате которого под чистки попадали не только представители инженерных специальностей, но и в ряде случаев специалисты со средним образованием, окончательно развеивал надежду на признание заслуг квалифицированных кадров, а также формировал у значительной части общества чувство страха перед каждым наступающим днём.

Таким образом, в действительности техническая модернизация, инициированная сверху, не решала проблемы потребностей отдельных индивидов. Думается, отчасти по этой причине для реализации идеи индустриализации государство применило мобилизационный путь. При этом для успешности этой силовой модели прессой создавался позитивный настрой в обществе. Именно сочетание мобилизационного пути развития экономики с хорошо продуманной идеологической кампанией и способствовало созданию мощной промышленной базы в советской стране в кратчайшие сроки.

Примечания

1. Советская Сибирь. 1921. 5 мая.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-2. Оп. 4. Д. 22.
3. Советская Сибирь. 1925. 20 ноября.
4. Советская Сибирь. 1925. 17 октября.
5. Советская Сибирь. 1925. 15 октября.
6. Общество и власть 1930 г.: Повествование в документах. М., 1998. С. 17-18.

М. С. ПЕТРЕНКО

*Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета, г. Новосибирск*

ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Сама постановка вопроса о противоречиях российской модернизации предполагает разделение автором так называемых модернизационных теорий общественного развития, восходящих к социологии Э. Дюркгейма и М. Вебера. Не являясь убежденным сторонником данных концепций, я, тем не менее, допускаю использование такого контекста для рассмотрения социально-исторических процессов. Это позволяет осмыслить многие особенности и противоречия в истории России, а также помогает понять современные социальные реалии.

Теории модернизации при всем их разнообразии тяготеют к рассмотрению истории общества как процессу линейного развития от простого традиционного к всё более сложному, рационально организованному с высоким уровнем разделения труда и узкой специализацией. Предполагается, что страны Западной Европы прошли этот путь, и Россия также движется в том же направлении, хотя несколько отстает в своем развитии, оставаясь обществом с незавершенной модернизацией. Поэтому у нас можно наблюдать по сей день как элементы традиционного общества, например, «блат», деление на «своих» и «чужих», дуализм норм, когда воровать у «своих» нельзя, а у «чужих» можно, так и общества современного типа: высокая подвижность культурных форм, конфликт «отцов» и «детей», растущая рациональность, утверждение экономического мышления, ориентированного в повседневной жизни на минимизацию издержек и максимизацию полезности, прагматизм, утилитаризм.

Осмысление России как страны с незавершенной модернизации объясняет многие явления нашей современной жизни. А. Н. Олейник, например, считает, что в условиях незавершенной модернизации между нормами повседневной жизни и официальными нормами возникает разрыв, в котором наибольшие шансы на успех оказываются у структур, организованных по типу мафии. Поэтому, утверждает автор, нормы тюремного мира пронизывают все нашего общество сверху донизу от государственных институтов до повседневной жизни [1].

Об особенностях российской модернизации пишут давно. Большинство ученых выделяют следующие специфические черты модернизационных процессов. Во-первых, длительность (свыше 300 лет). По большому счету процесс модернизации начался еще в конце XVII в. и никак не может завершиться. Россия упорно не желает становиться «полноценным» западным обществом. Во-вторых, ведущая роль государства. Во многом это было связано с тем, что главной причиной реформирования общества обычно выступало растущее отставание от Запада. Это не обязательно должно было стать фактором, подталкивающим Россию к преобразованиям. Решающую роль здесь сыграл присущий западной цивилизации экспансионизм. Давление Запада на Россию всегда усиливается, как только Запад начинает чувствовать слабость своего восточного соседа. Реформы Петра I в значительной степени были вызваны частыми поражениями России в XVII в. в войнах с Польшей, главным в то время восточным форпостом западной цивилизации. Военная реформа, введение рекрутской системы, породившие целый ряд других преобразований, стали прямым следствием поражения России в битве под Нарвой в 1700 г. Отмена крепостного права и переход к капиталистической модели развития также явился результатом поражения России в Крымской войне. «Перестройка» М. С. Горбачёва находится в прямой зависимости от «холодной войны». Советский Союз все более явственно проигрывал в противостоянии Западу, что и поставило перед тогдашним руководством страны ряд задач по реформированию нашего общества.

В ведущей роли государства в деле проведения реформ в первую очередь и обнаруживаются противоречия российской модернизации. С одной стороны государство инициирует обновление, с другой – консервирует архаичные черты, используя традиционные методы и институты для достижения целей, исключая данные институты и методы. При этом упраздненные институты не уничтожаются, а лишь отодвигаются на второй план, чтобы быть выдвинутыми вновь спустя время. Это ведет к разрушению системной целостности общества и ввергает страну в очередной кризис, рождая потребность в стабильности и консервации, что ставит задачи модернизации со временем еще острее. Этот процесс сопровождается усилением социокультурного раскола в обществе, как правило, на западников и почвенников, но не только. Разрушение целостности системы порождает растущую социальную дифференциацию, ослабление государства, что требует вновь усиления властных структур. Отсюда – инверсионный характер перемен в России. На смену реформ приходят контрреформы [2].

Итак, как было сказано выше, начало модернизации следует искать в реформах Петра I. Сами по себе преобразования начались задолго до Петра, но именно Пётр I придал им тот размах, ту силу, которая и превратила реформы в настоящую революцию со всеми своими неизбежными противоречиями. Совершенствуя аппарат управления, Пётр I запустил механизм неконтролируемого роста бюрократии, создав все условия для казнокрадства и всевластия чиновников. Развивая промышленность, Пётр I уничтожил экономические стимулы к труду, похоронив зачатки свободного предпринимательства и зарождающиеся капиталистические отношения. Создавая Академию наук, музейное дело, развивая культуру, Пётр I уничтожал русские обычаи, высмеивал и вытапывал русский традиционный уклад жизни, объявляя его отсталым, откровенно насмехаясь и издеваясь над собственным народом. Женитьба на собственной духовной внучке (крестным отцом Екатерины был сын Петра Алексей), претензия на духовное отцовство над народом, бритый бород (без бород изображали бесов) воспринимались людьми так, как если бы Пётр I публично заявлял о себе «Я Антихрист!» Пётр не мог не понимать, как его поступки воспринимаются соотечественниками. Значит, он сознательно противопоставлял себя русскому народу. Именно Пётр I превратил русского крестьянина в раба, призывая при этом народ образовываться и помогать своему правительству. Как справедливо писал В.О. Ключевский: «Он надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, остава-

ясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная» [3, с. 526].

Итогом петровской модернизации стали колоссальные успехи страны во внешней политике, которые были достигнуты не только ценой огромных потерь. Результатом реформ стал социокультурный раскол русского общества. С одной стороны привилегированное дворянство, которое начинает давить на монархию, добываясь от самодержца все новых и новых привилегий, с другой – нищее бесправное крестьянство, на протяжении всего XVIII в. неуклонно теряющее свои права. Раскол общества был усугублен расколом культурным. Дворянство стало постепенно усваивать европейский лоск, народ же остался жить духовно и социально в Московской Руси, что рано или поздно должно было взорвать Россию. Деспотизм Петра похоронил сам себя. С одной стороны в России установилась абсолютная монархия. Слово царя стало законом. С другой – царь, потеряв прежнюю религиозную опору в обществе, разрушив системную целостность государства, породил цепь дворцовых переворотов, выявивших общую слабость власти, которая к тому же оказалась в зависимости от дворянства, все больше заставлявшего царей считаться с их интересами. К середине XVIII в. власть уже откровенно обслуживает дворянские потребности, все более отодвигаясь на второй план, сначала оттесняемая влиятельным дворянством, а в XIX в. бюрократией. Поэтому к концу XIX в. идея самодержавия полностью обанкротилась. Ярким свидетельством этого является тот факт, что среди белогвардейцев в годы Гражданской войны монархистов почти не было.

Попытки модернизации общества Екатериной II изначально были обречены на провал, поскольку главный центр модернизации – государство, к тому времени уже было серьезно ослаблено. Екатерина II могла всё, но при условии, что это не противоречит дворянским интересам. Искренне мечтая об отмене крепостного права, Екатерина II отлично понимала, что дворяне ей этого не дадут сделать. Российское дворянство лишь на словах увлекалось темой либеральных преобразований. В светских салонах дворяне много рассуждали о свободе, гражданском обществе, правовом государстве, а затем шли на псарню и до полусмерти избивали своих крепостных крестьян. Причина такого парадоксального состояния умов XVIII в. кроется в расколе, порожденном петровскими преобразованиями. Русские дворяне стали иностранцами в своем Отечестве, откровенно презиравшие русский народ, а зачастую и свою Родину.

Новая попытка модернизации была предпринята в начале XIX в. Александром I. Император обладал всеми необходимыми качествами реформатора, властью, волей. Объективно ему никто не мешал осуществить задуманное, но, как говорили о нем современники: «Он открыл дверь, но побоялся переступить через порог». Историки до сих пор стараются понять причины такой непоследовательности государя. Представляется убедительной следующая позиция. По всей видимости, Александр I, будучи человеком высокообразованным, отлично понимал, что в России объективно нет социальных сил, которые могли бы стать социальной базой возможных буржуазных преобразований. Дворянство было сплошь консервативно, буржуазии не было, крестьянство мировоззренчески оставалось в допетровской Руси. Всем социальным группам России идеалы свободы и гражданского общества были глубоко чужды. Лишь небольшая горстка умствующей молодежи, начитавшаяся французских просветителей, совершенно далекая от России и повседневной жизни русского народа грезилась об обновлении страны. Пойти в таких условиях на демократизацию, значило бы ослабить государство и породить новую Смуту. Вот эта боязнь общей дестабилизации, боязнь хаоса, во многом оправданная в силу отсутствия в обществе реальных стабилизирующих механизмов, кроме самого государства, и остановила Александра I на полпути. Это общая трагедия значительной части русских либералов, людей искренне радеющих за свое Отечество, за освобождение народа, но объективно не востребованных им. Не случайно именно в те годы появляется в литературе образ лишних людей и одиноких романтических героев: Чацкий, Онегин, Печорин. А. С. Пушкин, воспевший в юные годы идеалы свободы, вскоре понял всю бессмысленность своих наивных мечтаний, что очень ярко выразил в своем стихотворении «Свободы сеятель пустынный», в котором сравнил русский народ со стадом, которому нужен бич, а не свобода.

Было бы грубейшей ошибкой полагать, что отсутствие в России глубоких преобразований на буржуазно-либеральной основе являлось следствием консервативности сознания правителей России и вообще следствием субъективного фактора. Ограниченность русской интеллигенции как раз заключалась в том, что она так и не поняла ни в XIX, ни в XX вв., что проблема деспотизма, отсутствие свобод коренится не в дурной власти и не в дурных учреждениях. Плановая экономика, жандармерия, НКВД, КГБ есть не причина отставания России, а следствие. И, разрушив эти тираннические структуры, либеральная интеллигенция не только не осуществит реализации своих надуманных модернизационных проектов, а наоборот, ввергнет Россию в пучину анархии и лишь увеличит разрыв с развитыми европейскими странами. Это отлично понимали и Александр I, и его брат Николай I, который в 1842 г., выступая в Государственном совете, сказал: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь – было бы злом, конечно, еще более гибельным» [4, с. 150].

Великие реформы 60-70-х гг. XIX в. не решили задач модернизации. И дело даже не в непоследовательности Александра II. Сама по себе отмена крепостного права и переход к капиталистической модели развития в российских условиях не могли не носить противоречивый характер. До сих пор в исторической литературе нет однозначной оценки реформ, хотя преобладают положительные. В этой связи обычно отмечают бурный рост промышленности в пореформенный период, раскрепощение сознания, ослабление гнета в духовной сфере. Однако отмена крепостного права нанесла мощный удар по сельскому хозяйству, которое стало приходить в упадок, а это в те годы была главная отрасль российской экономики, в деревне проживало 89% населения. Уровень жизни освобожденных крестьян стал катастрофически падать, началось разорение помещиков, увеличилось общее количество бедных в России, что не могло не привести в дальнейшем к росту социальной напряженности в обществе. Обнищавшее население попадало под новый гнет – экономический, не менее жесткий и беспощадный чем крепостничество. Произошло ослабление государства. Свобода породила не столько активную созидательную жизнедеятельность, сколько рост деструктивных элементов, высвободив зажатую в прошлые годы разрушительную силу. Начался рост преступности, нигилистических настроений, терроризма. Уступки либеральной общественности не столько успокоили общество, сколько взбудоражили. Сам царь-освободитель был убит. И это при всей умеренности реформ. Не случайно реформы вызвали неоднозначную оценку русских либералов. Б. Н. Чичерин, западник, один из самых ярких и авторитетных идеологов русского либерализма, последовательный защитник создания в России буржуазного общества и государства, отнесся к переменам весьма сдержанно, если не скептически. Основные принципы буржуазного государства: «либеральные меры и сильная власть» в пореформенной России оказались разрушенными. Ситуацию в стране Б. Н. Чичерин оценивал диаметрально противоположно: «стеснительные меры и слабая власть», что неизбежно ведет к разгулу анархии [5, с. 206].

Модернизация Александра II, укрепив международное положение России, стимулировав развитие общества, подрывала его социальные устои. Реформы дали простор деятельности для так называемой «русской буржуазии». По словам М. Е. Салтыкова-Щедрина, это был слой, состоящий «из кабатчиков, процентчиков, железнодорожников, банковых дельцов и прочих казнокрадов и мироедов», ублюдков крепостного права, стремящихся «восстановить оное в свою пользу, в форме менее разбойнической, но, несомненно, более воровской» [6, с. 349]. Переход к капиталистической модели развития не привел к укреплению и росту буржуазии европейского типа, которой, как справедливо заметил Р. Пайпс, в России попросту никогда не было. Американский историк резко противопоставляет русского купца западному капиталистическому предпринимателю, сравнивая его с восточным торговцем, основной чертой которого является обман [7]. Не случайно в обществе сложилось стойкое отвращение к капитализму, который в российских условиях неизбежно приобретал хищнический разрушительный характер. Возможно, поэтому вся русская литература, ополчилась против расползающегося во все стороны буржуазного мещанства со всем его бытом, психологией, мировоззрением. У нас нет ни одного сколько-нибудь известного писателя XIX – начала XX вв., который бы воспевал нарождавшуюся русскую буржуазию. Поэтому нет ничего удивительного в том, что капиталистический проект, в конечном счете, провалился. Не имея нравственной поддержки в обществе, буржуазия не имела шансов на будущее. Тем более она так и не стала самостоятельной социально-экономической и политической силой в обществе, целиком зависела от самодержавия, и оказалась не способной перевести русское общество на рельсы европейского цивилизованного капитализма, когда оказалась у власти в 1917 г.

Сам русский капитализм, как порождение модернизации 60–70-х гг. XIX в., носил искусственный характер, насаждался во многом сверху, и не имел в русском обществе надлежащей опоры, а потому был обречен. Значительную часть промышленной продукции давали государственные предприятия, крупные частники в основном работали на государственный заказ, поскольку платежеспособность населения была очень низкой. Экономика по-прежнему носила мелкотоварный характер. Главным источником финансирования русского капитализма оставалось государство. Поэтому элементы плановой экономики в России мы получаем задолго до прихода большевиков к власти.

Степень разрыва между дореволюционной Россией и советской сильно преувеличена из идеологических соображений как той, так и другой стороной. Советский проект не был чем-то особенно оригинальным. Истоки русского коммунизма, как справедливо показал Н. А. Бердяев, коренились в самом русском обществе. И сталинская модернизация была проведена традиционными методами, ничуть не жестче методов Петра I. В ее основе лежал все тот же мобилизационный сценарий, упор на силу принуждения, что с одной стороны обеспечивало гигантский скачок вперед, превращение СССР всего за 10-15 лет в сверхдержаву, с другой – консервацию старых архаичных основ традиционного общества с неизменно ведущей ролью государства.

Современный виток модернизации многие исследователи считают последним, поскольку он затронул все общество, а не только его верхушку. Его главной особенностью, непохожестью на все предыдущие периоды является отсутствие идеологических установок. Никто не знает, что мы строим, куда идем и зачем. Известный ученый В. Е. Грум-Гржимайло считал русский народ народом-идеалистом:

«Мы легко миримся с недостатками и лишениями жизни, имея всегда впереди мечту, цель, подвиг. Нет подвига, нет цели, и русский человек опускается. На сцену являются карты, водка, лодырничество» [8, с. 14]. Сейчас «идеальное», как важнейший компонент социальной жизни, исключен из сферы социально-экономического и политического жизнеустройства, что рождает оправданную озабоченность мыслящей части общества за судьбу страны. Поэтому нынешний период модернизации во многом является критическим. Либо Россия преодолет затянувшиеся реформы и станет современным обществом, либо пойдет по пути деградации и упадка.

Примечания

1. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. 1.
3. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: В 2-х кн. Мн.; М., 2000. Кн.2. Лекция 68.
4. Россия под скипетром Романовых. 1613-1913. М., 1991.
5. Левандовский А. А., Чернов С. Л. Б. Н. Чичерин «Москва сороковых годов» // Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Убежище Монрепо // Собр. соч.: в 20 тт. М., 1965. Т. 13.
7. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
8. Грум-Гржимайло В. Е. Русский народ // Неделя. 1989. № 1. С. 14.

А. М. ПЛЕХАНОВА

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ БУРЯТИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Процессы развития имеют не только временное, но и пространственное измерение; они приобретают особенности в зависимости от геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития, специфики национального менталитета и т.д. Пространственное измерение применимо при изучении экономического пространства, в данной статье – промышленного развития Бурятии¹ в первой трети XX в. с целью выявления региональных особенностей модернизации. Актуальность данного исследования продиктована тем, что в региональной историографии советского периода тезис об обреченности до революции народов края на отсталость заслонял необходимость более продуманного определения стартового уровня, с которого началась здесь советская индустриальная модернизация.

Начало модернизационных процессов на территории Бурятии связано с проведением Транссибирской железной дороги. Однако сооружение магистрали, призванной сыграть роль катализатора модернизации, не привело к существенной трансформации экономического пространства, оно лишь закрепило процесс развития региональной экономики не столько за счет местной промышленности, сколько в результате экономических связей с промышленностью европейской России. Продукция местного производства оказалась неконкурентоспособной с промышленными изделиями центральных районов, в результате сюда хлынул поток товаров более дешевых, чем могла предложить местная промышленность. За магистралью закрепились роль транспортировщика продукции обрабатывающей промышленности из центральной России в обмен на продукцию местной добывающей промышленности.

Проведение магистрали стало причиной упадка и без того слабо развитой промышленности региона, ее распыления и превращения в кустарную [1, с. 29; 2, с. 70]. Достаточно сказать, что с начала эксплуатации дороги и до Первой мировой войны сумма денежных вложений в производства по обработке животных продуктов сократилась на 5%, а по обработке растительных – на 20%. В то же

¹ До революции территория Бурятии не была выделена в самостоятельную административную единицу. Она входила в состав Забайкальской области и Иркутской губернии. Идея автономии бурятского народа, зародившаяся в ходе национального движения начала 1900-х гг. и окончательно оформившаяся в период революционных потрясений 1917 г., получила свое практическое воплощение в начале 1920-х гг. Однако в связи с продолжавшейся до ноября 1922 г. интервенцией на Дальнем Востоке территория Бурятии входила в состав двух государственных образований с аналогичными названиями: восточные аймаки – в состав Бурят-Монгольской автономной области ДВР, западные – в состав Бурят-Монгольской автономной области РСФСР. 30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление об объединении автономных областей и образовании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики.

время число предприятий по обработке растительных веществ увеличилось в 5 раз, а по обработке животных продуктов – на 13% [3, с. 45].

Быстрый рост получили лишь отрасли, обслуживающие в первую очередь саму дорогу и ведущееся вокруг нее строительство: угледобывающая, цементная, лесопильная. Так, в первом десятилетии XX в. были построены новые лесопильные предприятия, крупный, по масштабам того времени, Заиграевский цементный завод, паровые мельницы. В Забайкалье действовали четыре каменноугольных месторождения, на которых работало около 1000 человек. Наиболее крупными по добыче угля и по числу занятых рабочих являлись Тарбагатайские копи, темпы роста которого обеспечивались усиленной механизацией. Но, будучи импульсом развития данных отраслей, железная дорога была и их главным потребителем: на ее нужды уходила большая часть добытого угля и цемента, на нее главным образом работали лесопилки. Самым крупным предприятием с относительно высоким уровнем механизации было Верхнеудинское депо, где была сосредоточена основная часть рабочих кадров.

К 1913 г. фабрично-заводская промышленность Бурятии была представлена 30 предприятиями, в которых было занято 1648 рабочих [4, с. 12]. В среднем на одно предприятие приходилось 36 тыс. руб. продукции. Из общей массы производств технически вооруженным был лишь Заиграевский цементный завод. Остальные предприятия были мелкими, примитивно оснащенными, с низкой производительностью труда. Кроме того, имелось около 100 старательских приисков по добыче золота и ряд кустарно-ремесленных предприятий, среди которых преобладали производства, связанные с обработкой сельскохозяйственного сырья – кожевенное, мельничное, деревообрабатывающее, кузнечно-слесарное и др.

Первая мировая война, угроза потери индустриальных районов в европейской России заставили царское правительство пересмотреть свою экономическую политику в Забайкалье. Регион со слабо развитой промышленностью не мог служить форпостом на пути продвижения и усиления влияния России в центрально-азиатском пространстве. Приоритет стратегических интересов мог стать причиной ускорения темпов модернизации края.

Однако практическое осуществление планов самодержавия по модернизации региональной экономики было прервано революционными событиями 1917 г. и гражданской войной, которые нанесли существенный удар слабо развитой на территории Бурятии промышленности. Не способствовала увеличению темпов производства и начавшаяся, в связи с установлением Советской власти, национализация промышленных предприятий. Владельцы заводов распродавали более ценное производственное оборудование, ликвидировали значительную часть имущества. Так, например, при национализации промышленности в г. Верхнеудинске полностью сгорели лесопильный и мыловаренный заводы [2, с. 71]. В годы Гражданской войны предприятия либо закрывались, либо влачили жалкое существование. В с. Кабанск, например, из-за отсутствия сырья были закрыты мыловаренное предприятие И. Матуса, свечное и маслобойное предприятия Я. Файнберга [5]. Росло количество безработных.

К концу 1922 г. фабрично-заводская промышленность Бурятии была представлена 16 действующими предприятиями с 854 рабочими [4, с. 12]. Количество предприятий сократилось почти наполовину, объем производства – более чем в 3 раза по сравнению с 1913 г. С 1923 г. (после организационного оформления Бурят-Монгольской АССР) в промышленной сфере республики в условиях новой экономической политики начинается осуществление мероприятий, направленных на восстановление промышленных предприятий. Нэп в экономике, будучи дуалистической административно-рыночной системой, в большей или меньшей степени давал возможность решать проблемы, стоящие перед слабо развитой промышленностью региона.

Состояние предприятий, переданных с образованием республики Народному комиссариату промышленности и торговли (НКПТ), было критическим: свободных оборотных средств не было, запасы сырья и топлива были ничтожны, наличное оборудование предприятий, за исключением винокуренного завода, оказалось ветхим, примитивным и требовало капитального ремонта. Верхнеудинский стекольный завод, например, имел запас топлива на день сдачи на 7 месяцев, запас сырья – на 1 месяц, Чикойский кожзавод – сырья вообще не имел, топлива – на 4 месяца [6].

В форме собственности предприятий заметное место занимал частнохозяйственный капитал. Это было одной из особенностей промышленности республики, связанной с тем, что в той части Бурятии, которая входила в состав ДВР, Декреты РСФСР о национализации не были осуществлены. Так, из 30 предприятий, переданных НКПТ, лишь 6 являлись государственными, 8 – кооперативными и 16 – частными [7]. Такое положение руководством республики было признано недопустимым, и поэтому ЦИК Бурят-Монгольской АССР своими постановлениями № 66 от 27 мая и № 76 от 18 июня 1924 г. национализировал все наиболее крупные частные предприятия [8], часть из которых после снабжения сырьем и топливом была пущена в ход. Был достроен, оборудован и возобновил работу Селенгинский сульфатный завод. После капитального ремонта стала действовать Верхнеудинская паровая мельница. Был произведен капитальный ремонт и переоборудование Верхнеудинского стеклоделательного, Чикойского кожевенного и Киранского солеваренного заводов, государственной типографии в Верхнеудинске.

Некоторые предприятия, такие как Брянский цементный завод, Верхнеудинский завод «Механлит», Березовский кирпичделательный и чугунолитейный заводы, Онохойский лесозавод, признанные нерентабельными, были законсервированы [9]. В целом, следует отметить, что одной из особенностей развития нэповской экономики были высокие темпы подъема предприятий, во-первых, лучше других

сохранившихся в годы войны и революции; во-вторых, насыщенных более менее крупными производствами.

В 1925 г. постановлением ЦИК БМАССР от 17 июля в результате реорганизации НКПТ был образован Центральный Совет народного хозяйства (ЦСНХ), который стал вести государственную промышленностью республики, вести наблюдение за кооперативной и частной. Все промышленные предприятия ЦСНХ в целях предоставления им наибольшей самостоятельности были переведены на хозрасчет и на новые уставы, составленные на основании Декрета о местных трестах, состоящих на хозяйственном расчете [10, с. 28].

Новая система хозяйствования предусматривала предоставление предприятиям самостоятельности в решении производственных, финансовых вопросов. Однако свобода хозяйственной деятельности заводов была относительной. Невозможность распоряжаться собственной продукцией, развернувшаяся по инициативе партии кампания за снижение отпускных цен на товары местной промышленности подтверждают данное положение. При всей обоснованности многих мер при установлении цены на продукцию все большую роль играли не себестоимость товара, а внеэкономические факторы, как-то: важность продукции для государства, значимости предприятия и др. Например, на Верхнеудинском стеклозаводе, несмотря на повышение себестоимости продукции на 12 %, отпускные цены на стеклоизделия в 1927 г. были снижены на 10 % [11]. Таким образом, превалирование внеэкономических методов государственного регулирования промышленного производства приводило к замене нэповской дуалистической системы чисто административной.

Развитие промышленности Бурятии в годы нэпа шло в рамках восстановления ранее действовавших предприятий, и лишь частично – по пути расширения и их частичной реконструкции. Капиталовложения в промышленность складывались из внутрипромышленных накоплений, из средств, выделенных местным бюджетом, и часть поступала из госбюджета. Так, финансирование промышленности автономных республик РСФСР в 1926–27 бюджетном году увеличилось по сравнению с 1925–1926 гг. на 55 %, тогда как в целом по Федерации – на 40 % [12, с. 40]. Такая помощь, оказываемая не только Бурятии, но и другим регионам страны, носила централизованно-директивный характер, когда материальные ресурсы и финансы распределялись по всей стране. Тем не менее, средств катастрофически не хватало. Руководство республики сетовало на то, что «центр средств на усиление капитала промышленности отпускает в недостаточной степени» [13], что свидетельствовало о возраставшем региональном «индустриальном самосознании».

На наш взгляд, нэп в промышленности сыграл свою историческую роль: довоенный уровень промышленного производства был достигнут. К концу 1928 г. промышленность Бурятии была почти полностью восстановлена. В 1927–1928 гг. промышленными предприятиями было выпущено валовой продукции на сумму 5 975 тыс. руб., что составляло 230 % от уровня 1923–1924 гг., стоимость имущества увеличилась на 207 %. По сравнению с 1913 г. валовая продукция промышленности республики увеличилась в 1,5 раза. Преимущественное положение перед другими укладами в экономике заняла государственная промышленность. Уже в 1924–1925 гг. в промышленности республики государственный сектор по валовой продукции занимал 88,52 %, кооперативный – 11,12 %, частный – 0,36 %, в 1927–1928 гг. соответственно 92,29; 7,64 и 0,07 % [14].

Однако при всех своих достижениях Бурятия к концу 1928 г. оставалась районом с крайне низким уровнем развития промышленности. К концу 1928 г. в СССР валовая продукция промышленности составляла 48 %, а сельского хозяйства – 52 %, в Бурятии лишь 14 и 86 % соответственно [15]. Доля валовой продукции промышленности республики в экономике РСФСР выражалась в 0,04 %, тогда как сельскохозяйственная продукция составляла 0,45 %, а население – 0,52 % [2, с. 70]. В 1920-е гг. в Бурятии практически не велось нового промышленного строительства, проводилось только восстановление, переоборудование и расширение старых предприятий. Промышленность по-прежнему была представлена небольшими предприятиями добывающей и в основном пищевкусовой промышленности, которые не могли удовлетворить растущий спрос на промышленные товары. В 1925–1926 гг. потребности населения в хлопчатобумажных тканях были удовлетворены на 75 %, в металлоизделиях – на 60 % [10, с. 76], в 1927–1928 гг. соответственно – на 50 и 62,1 % [16].

Полная загрузка к концу 1928 г. простаивавших в годы социальных катаклизмов производственных мощностей, физический и моральный износ основного капитала требовали значительных инвестиций для обновления машинного парка, для нового промышленного строительства. Таким образом, необходимы были новые подходы для дальнейшего индустриального развития республики.

Модернизационные задачи в области промышленности были определены в Постановлении СНК РСФСР от 28 июня 1928 г., принятом после заслушивания отчетного доклада СНК БМАССР о его деятельности. В числе первоочередных были отмечены следующие: исследование и изучение территории республики с целью изыскания наилучших форм использования природных богатств; развитие производства по обработке продукции сельского хозяйства, в первую очередь, животноводческого сырья (кожевенного, овчинно-шубного); сооружение предприятий по разработке асбеста и графита, механизированной обработке стекла, лесопильной, лесобумажной и лесохимической промышленности др. [17, с. 2-3]. Для решения поставленных задач планом первой пятилетки Бурят-Монгольской АССР были предусмотрены капитальные вложения в государственную цензовую промышленность в сумме 16,7 млн. руб., в том числе на новое строительство – 13,9 млн. руб.

Несомненно, достижение указанных задач было возможным и на базе продолжения нэпа. Но, думается, что темпы промышленного роста были бы явно недостаточными для ускоренного осуществления «договоряющей модернизации», уменьшения степени отставания советской экономики (тем более национальных окраин) от передовых стран, что в условиях нарастания на протяжении 1930-х гг. угрозы новой мировой войны делало крайне проблематичным сохранение Советского Союза в качестве субъекта мировой политики. В этой связи становится понятной необходимость огосударствления советской экономики и вытеснения частного капитала к концу нэпа. Именно государственная собственность позволила в последующем обеспечить форсированный вариант модернизации, на основе концентрации ресурсов на ключевых «направлениях прорыва» [18, с. 51]. При самой покровительственной политике в отношении частного капитала (слабого в дореволюционной экономической модели, еще более ослабленного в результате социальных потрясений начала XX в.) вряд ли он был способен (при любом политическом режиме) стать основным мотором масштабной индустриализации [19, с. 250]. Мы считаем правомерным вывод представителей модернизационной теории о том, что крутой поворот 1929 г. был объективен, и солидарны с мнением В. В. Алексеева об отсутствии в конце 1920-х гг. альтернативы «большому сталинскому скачку» [20, с. 30]. При любом политическом режиме, любом общественном устройстве основной вектор развития страны, и республики в частности, остался бы тем же: курс на ускоренную индустриальную модернизацию.

Примечания

1. Козьмин Н. Н. Бурятия в географическом и хозяйственном отношении. Верхнеудинск, 1924.
2. Самойлович П. Бурят-Монгольская АССР. М., 1933.
3. Козьмин Н. Н. Естественно-географический и экономический очерк Буреспублики // Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1923–1924. Верхнеудинск, 1925.
4. Социалистическое строительство в Бурятии за десять лет. Верхнеудинск, 1933.
5. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 325. Д. 252. Л. 15, 17.
6. НАРБ. Ф. 753. Оп. 1. Д. 96. Л. 9 об.
7. НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 7.
8. НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 1. Л. 122; Ф. 248. Оп. 11. Д. 1. Л. 104.
9. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 567. Л. 2.
10. Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1925–1926. Верхнеудинск, 1927.
11. НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 988. Л. 37.
12. Тармаханов Е. Е. Развитие промышленности Бурятской АССР за годы строительства социализма (1917–1941 гг.). Улан-Удэ, 1968.
13. Бурят-Монгольская правда. 1927.
14. НАРБ. Ф. 753. Оп. 1. Д. 666. Л. 2.
15. НАРБ. Ф. 195. Оп. 6. Д. 44. Л. 5.
16. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 562. Л. 337.
17. Постановление СНК РСФСР по докладу СНК БМАССР о его деятельности // Жизнь Бурятии. 1928. № 7-9. С. 2-3.
18. Сенявский А. С. Модернизационный процесс в XX веке: общероссийские и региональные аспекты // Индустриальное развитие Сибири в контексте модернизационных процессов. Улан-Удэ, 2007. С. 51.
19. Горинов М. М. Советская история 1920–30-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 250.
20. Алексеев В. В. Позднеиндустриальная модернизация // Индустриальное развитие Сибири в контексте модернизационных процессов. Улан-Удэ, 2007.

К ВОПРОСУ ЗАСЕЛЕНИЯ СТАРООБРЯДЦАМИ ЗАБАЙКАЛЬЯ АЯНСКОГО ТРАКТА ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

К середине XIX в. геополитические интересы России на укрепление своих позиций на Дальнем Востоке требовали давно назревших преобразований и энергичных исполнителей. Назначенный в сентябре 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев (будущий граф Амурский) после первой встречи с императором во всеподданнейшем докладе от 8 января 1848 г. четко обозначил первоочередные задачи, стоящие перед отдаленной и самой обширной губернией Российской империи. В докладе говорилось «о неудобствах Охотского порта и возможности перенести порт в другое место; о средствах к улучшению сообщений с Охотским морем и Камчаткой» [1, с. 119].

Свою первую поездку по губернии Н. Н. Муравьев совершил в 1849 г. на Камчатку. Познакомившись с построенным к тому времени более южным, чем Охотск и перспективным портом Аяном, с дорогой Аян-Якутск пришел к убеждению, что аянская дорога вполне обеспечит перевозку необходимых грузов для портов Дальнего Востока. Губернатор предпринимает энергичные меры по коренному и ускоренному улучшению этого стратегически важного тракта за счет привлечения нового колонизационного людского материала. Надо сказать, что до открытий экспедиции капитана Г. И. Невельского и основания им в 1850 г. поста Николаевск, освоение территории Аянского тракта было объективной необходимостью и тщательно продуманной акцией, а никак уж не «авантюрой – порожденной административно-бюрократической системой, какой-то чиновничьей прихоти».

По инициативе Н. Н. Муравьева было разработано детальное положение Комитета Министров об устройстве и заселении тракта между Амгинской слободой и Аянским портом. Объявлялось о вызове желающих выехать на поселение. В Национальном архиве Республики Бурятия нами найдено дело «Переписка о вызове желающих на заселение Аянского тракта (Якутской области) жителей Верхнеудинского Округа», в котором были напечатаны «Правила о переселяющихся на новый Аянский тракт, между Амгинской слободой и Аяном». В них предусматривались пособия и льготы новоселам:

- отчислялись от прежних обществ без их согласия, освобождались от недоимок прежних лет платежей, податей и рекрутских повинностей;
- снабжались безденежно в течении первого года мукой по два пуда на месяц на каждую мужскую душу старше 15 лет и по одному пуду – на женщин и детей, семенами хлеба и овощей, земледельческими, рыболовными и звероловными орудиями и снастями, домашним скотом и одеждой;
- выделялось 50 руб. на каждое семейство и др. [2].

Рассылая эти Правила по волостным правлениям, заседатель Верхнеудинского земского суда штабс-капитан Языков особо подчеркнул: «Крестьянам Новодесятниковского селения и прочих жителей волости (Тарбагатайской – прим. авт.) особенно из старообрядцев показать им выгоды» [3]. Это внимание было обусловлено значительным перенаселением и существенным недостатком пахотной земли и сенокосов.

Таблица 1 – Количество земли в Тарбагатайской волости (в десятинах) [4]

№ п/п	Селение	Население человек	Пахотная земля	Сенные покосы	Пастбища
1.	Тарбагатайское	1153	3045	435	214 ½
2.	Жиримское	616	1806	129	193 ½
3.	Бурнашевское	395	1164	97	291
4.	Десятниковское	905	2006 ¼	160 ½	240 ¾
5.	Барское	179	368	92	184
6.	Куналейское	2097	4812 ½	437 ½	1312 ½
7.	Пестеревское	410	995	99 ½	199
8.	Надеинское	787	1188	148 ½	148 ½
9.	Куйтунское	2065	3164	395 ½	593 ¼
10.	Старобрянское	564	564	141	141
11.	Новобрянское	888	1291 ½	452 ½	724
12.	Талецкое	214	584 ½	167	167
13.	Саянтуевское	122	290	58	5
	ИТОГО:	10395	21278 ¾	2813	4414

О степени наделённости землей свидетельствуют статистические данные, содержащиеся в Таблице 1. Всего же приписанной к Тарбагатайской волости было 190 426 $\frac{3}{4}$ десятины земли. Однако в хозяйственном обороте (земля под строениями, пахотная, сенные покосы и пастбища) находилось 29 254 десятины или 15,3% всей земли. Остальная, большая часть была занята лесами (15 260 десятин) и непригодной к эксплуатации земли (145 913 десятин), всего 161 173 десятин или 84,7%. Земли, находившейся в хозяйственном обороте, приходилось на одного жителя волости – 2,81 десятины, пахотной земли – 2,04 десятины.

Малоземелье, обрекающее на вечную нужду и полуголодное существование, подвигло государственных крестьян и особенно старообрядцев к новому переселению.

Вскоре после объявления Правил стали поступать многочисленные заявления отдельных крестьян и семей с просьбой выехать на Аян. Так, 27 апреля изъявили желание 18 семей из Тарбагатая, 24 семей из Куйтуна. К июню поступили именные списки из всех селений, 14 июля Тарбагатайским волостным правлением был составлен именной список всех желающих выехать, с указанием возраста каждого члена семьи. Списки затем уточнялись и расширялись.

Таблица 2 – Число семей и крестьян Тарбагатайской волости, желающих выехать на Аянский тракт [5]

№ п/п	Селения	Число семей	людей		
			мужчин	женщин	всего
I	II	III	IV	V	VI
1	Тарбагатайское	13	43	38	81
2	Бурнашевское	12	42	31	73
I	II	III	IV	V	VI
3	Десятниковское	13	37	33	70
4	Куйтунское	45	129	126	255
5	Куналейское	17	65	51	116
I	II	III	IV	V	VI
6	Жириимское	18	47	46	93
7	Надеинское	6	18	22	40
8	Новобрянское	15	39	40	79
9	Старобрянское	5	8	14	22
10	Пестеревское	2	4	6	10
11	Талецкое	8	14	20	34
	ИТОГО:	154	446	427	873

Однако после этого поток заявлений не прекратился. Так, в августе поступили заявления от 4 семей Куйтуна, из Куналея и Новобрянского по две семьи. Талецкого селения – пять, из четырех селений Иволгинского общества – 6 семей [6].

Непрекращающийся поток заявлений заставил управляющего Верхнеудинским округом 15 сентября 1851 г. уведомить о прекращении приема заявлений. Всем сельским старшинам из Тарбагатайского волостного правления было направлено открытое предписание, ссылаясь на решения губернатора и Верхнеудинского земского суда, и полученным выпискам из именного списка их утвержденного «Лицам, переселяющимся на Аянский тракт» предписывает сделать распоряжение:

1. Чтобы поименованным в списке лицам немедленно было объявлено о разрешении им переселяться;
2. Чтобы они были исключены из оклада с 1 января будущего 1852 года;
3. Чтобы штатное начальство наблюдали за точным исполнением предписанных уже на сей случай переселения правил;
4. Чтобы переселяемые на Аян перешли в Иркутский округ еще по зимнему пути, так, чтобы в начале весны они находились уже на Ленских пристанях;
5. Дабы объявить всем прочим лицам сей волости, изъявившим желание переселяться, что просьбу их удовлетворить не можно, а переселяемые не могут отменить свое решение» [7].

Из присланной 23 сентября 1851 г. выписки от генерал-губернатора Восточной Сибири именного списка лицам, переселяемым на Аянский тракт, следовало, что из Мухоршибирской и Итанцинской волостей получили разрешение 25 семей в составе 71 мужчины и 45 женщин. Выписка по Тарбагатайской волости содержала именной список 36 семей в составе 106 мужчин и 45 женщин всего 201 человека [8]. Однако, как показывает изучение документов архивных дел, до декабря месяца список уточнялся и расширялся. 5 ноября в Иволгинскую сборную избу от командования иркутского казачье-

го конного полка пришло распоряжение о переходе и сопровождении крестьян Забайкальской области в Иркутск через Байкал по зимнему пути [9].

Заселение Аянского тракта было важным и трудным делом, во главе которого стоял М. С. Корсаков – будущий генерал-губернатор Восточной Сибири, в то время адъютант и чиновник особых поручений при Н. Н. Муравьеве. «Наиболее важные и ответственные поручения были связаны с переносом Охотского порта и организацией транспортировки тяжелых грузов в Камчатку. Корсаков проявил себя в них усердным исполнителем, честным и добросовестным... таким же он был и во время осуществления еще одного важного и трудного дела – в 1851 году ему пришлось заниматься заселением Аянского тракта. Крестьяне переселенцы, всего 102 семейства, были перевезены по Лене из Забайкалья и Иркутской губернии и размещены в 27 селениях, на расстоянии в 700 верст» [1, с. 249].

Найденные нами документы, содержащиеся в делах 119, 180 и 207 фондов Национального архива Республики Бурятия, позволяют установить и назвать поименно всех забайкальских крестьян, выехавших добровольно на поселение по Аянскому тракту Якутской области.

Таблица 3 – Число семей и крестьян Верхнеудинского округа, выехавших на Аянский тракт [10]

№ п/п	Селения, волости	Число семей	Людей		
			мужчин	женщин	Всего
I	II	III	IV	V	VI
	Тарбагатайская волость				
1	Тарбагатайское	4	11	14	25
2	Жиримское	2	6	3	9
3	Куйтунское	26	62	61	123
4	Новобрянское	7	18	19	37
5	Пестеревское	1	3	3	6
6	Надеинское	2	4	7	11
7	Десятниковское	5	11	13	24
8	Бурнашевское	3	14	4	18
9	Куналейское	7	18	11	29
	ВСЕГО:	57	147	135	282
	Мухоршибирская волость				
1	Мухоршибирское	1	2	3	5
2	Харашибирское	1	2	3	5
3	Хонхолойское	3	7	6	13
4	Хараузское	1	2	3	5
5	Старозаганское	1	4	3	7
6	Шаралдайское	7	20	15	35
7	Ключевское	2	7	3	10
	ВСЕГО:	16	44	36	80
	Итанцинская волость				
1	Карымское	1	3	3	6
2	Иркилинское	1	1	2	3
3	Итанцинское	1	5	2	7
	ВСЕГО:	3	9	7	16
	ИТОГО	76	200	178	378

Таким образом, из 102 семей, поселенных на Аянском тракте, 76 семей или $\frac{3}{4}$ были крестьяне селений трех волостей Верхнеудинского округа. Сравнительный анализ данных Таблицы 2 и Таблицы 3 показывает, что доля выехавших на поселение к числу желающих составила в Тарбагатайской волости семей 37%, людей – 32,3%. Из 45 семей Куйтуна выехало 26(57,7%) и 48,2% крестьян. Из 12 семей Бурнашевского селения выехало 3, а из 5 семей Старобрянского и Талецкого селений Иволгинского общества ни одной. Аналогичное положение было и в Мухоршибирской волости.

В числе крестьян, выехавших на Аян, больше всех было Борисовых и Спиридоновых из Куйтуна по 4 семьи. И это не случайно, т.к. на начало 1851 г. в 9 семьях Борисовых насчитывалось 76 мужчин и 74 женщины, всего 150 человек.

Сравнительный анализ фамильного состава новоселов показывает, что абсолютное большинство из них были крестьяне – старообрядцы.

Таблица 4 – Фамильный и численный состав крестьян Верхнеудинского округа, выехавших на Аянский тракт [10]

№ п/п	Фамилия, Число семей	Волость			Людей		
		Тарбагатайская	Мухомор-шибирская	Итанцинская	Мужчин	Женщин	Всего
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
1	Алейников	-	1	-	2	3	5
2	Алексеев	1	-	-	3	2	5
3	Архипов	-	1	-	4	5	9
4	Астаченков	1	-	-	3	2	5
5	Балаганский	-	-	1	3	3	6
6	Бондарев	1	-	-	2	2	4
7	Борисов	4	-	-	8	8	16
8	Бутковской	2	-	-	5	8	13
9	Бучалов	1	-	-	2	2	4
10	Вишняков	1	-	-	1	3	4
11	Воробьев	-	2	-	5	3	8
12	Гаврилов	1	-	-	3	2	5
13	Гардамонов	-	1	-	2	3	5
14	Герасимов	-	1	-	1	1	2
15	Грезной	1	-	-	3	5	8
16	Емельянов	2	-	-	5	4	9
17	Ефимов	2	-	-	6	6	12
18	Ефремов	1	-	-	4	2	6
19	Ефстифеев	1	-	-	2	3	5
20	Иванов	3	-	-	9	5	14
21	Игнатъев	-	1	-	2	3	5
22	Ильин	1	-	-	2	2	4
23	Кириллов	1	-	-	2	5	7
24	Киселев	2	-	-	6	7	13
25	Китаев	2	-	-	5	4	9
26	Козлов	-	1	-	3	2	5
27	Кушнарев	2	-	-	5	2	7
28	Левантуев	-	-	1	1	2	3
29	Лезунов	1	-	-	1	-	1
30	Леонов	1	-	-	2	2	4
31	Мальцов	1	-	-	3	4	7
32	Малютин	1	-	-	6	1	7
33	Маньков	-	1	-	3	1	4
34	Матвеев	2	-	-	5	4	9
35	Минаев	2	-	-	7	7	14
36	Митрофанов	-	1	-	3	3	6
37	Наумов	-	-	1	5	2	7
38	Николаев	3	-	-	8	3	11
39	Носков	-	1	-	4	3	7
40	Осипов	1	-	-	3	3	6
41	Петров	-	-	-	4	2	6
42	Ревцов	1	-	-	4	1	5
43	Родионов	1	-	-	3	3	6
44	Рыжаков	1	-	-	3	2	5
45	Соловьев	-	2	-	3	3	6
46	Спиридонов	4	-	-	12	12	24
47	Степанов	2	-	-	3	3	6
48	Филлипов	1	-	-	1	3	4
49	Хохлов	-	1	-	4	3	7
50	Черных	-	1	-	4	1	5
51	Чистяков	1	-	-	4	5	9
52	Шепунов	1	-	-	2	3	5
53	Шипилов	1	-	-	1	1	2
54	Яковлев	2	-	-	3	4	7
	Всего: семей	57	16	3	200	178	378

Таблица 5 – Возрастной состав крестьян, выехавших на Аянский тракт [10]

Волость	До 14 лет		С 15-41 лет		Старше 41года		Всего		
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Всего
Тарбагатайская	66	67	59	52	22	16	147	135	282
Мухоршибирская	14	10	23	20	7	6	44	36	80
Итанцинская	3	4	4	3	2	-	9	7	16
Итого:	83	81	86	75	31	22	200	178	378

Анализ возрастного состава крестьян Верхнеудинского округа, поселенных на Аянский тракт, показывает, что требования Указа об ограничении возраста (45 лет – мужчин, 40 лет – женщин) не всегда выполнялось. Так, крестьян в возрасте свыше 41 года насчитывалось 53 человека (13,3%) из них 8 человек были в возрасте свыше 51 года, а жителю Новобрянского села Алексею Ивановичу Киселеву было 77 лет, Наталье Кондратьевне Шепуновой – 65 лет. Нельзя не заметить большого числа детей в возрасте до 15 лет (166 человек или 41,7%). При этом детей от двух недель до 5 лет насчитывалось 69, от 6 лет до 10 лет – 52, от 11 лет до 15 лет – 45. В том числе детей до 1 года 12 мальчиков и 7 девочек.

Данные, полученные в ходе 10-й переписи (1858 г.) свидетельствуют о подлинности сведений, содержащихся в именном списке. Так, в семье десятниковского крестьянина старообрядца Корнелия Перфильевича Степанова отмечено, что его первый восемнадцатилетний сын от первой жены Власей был перечислен на Аян в 1852 г. Аналогичная картина и с Матвеевыми, Чистяковыми, Вишняковыми [11].

Поселенные по Аянскому тракту забайкальские старообрядцы во многом способствовали развитию производительных сил и культуры Якутии и Дальнего Востока особенно в постановке почтового дела и земледелия. Однако в связи с необходимостью освоения Амура, Уссурийского края и Приморья с начала 60-х гг. XIX столетия начнется их новое переселение. История и обстоятельства этого переселения является предметом отдельного исследования.

Примечания

1. См: Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири – середина XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
2. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 180. Оп.1. Д. 3241. Л. 5, 5 об, 6.
3. НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л. 7 об.
4. Таблица 1 составлена нами на основе источников: НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1689; Оп. 2. Д. 345. Л. 155 об, 156.
5. Таблица 2 составлена нами на основе именного списка: НАРБ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 3241. Л. 29-44; Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л. 105-121 об.
6. НАРБ. Ф. 207. Оп.1. Д. 3241. Л. 74, 75, 77, 77 об.
7. НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л. 125, 125 об.
8. НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л.126-130.
9. НАРБ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 416. Л.19, 19 об.
10. Таблицы 3,4,5 сосчитаны и составлены нами на основе именного списка: НАРБ. Ф. 180. Оп. 2. Д. 2581. Л. 10-17 об.
11. НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1755. Л. 23.

**МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ И ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА (XVIII–XX ВВ.)**

Российская армия на всем протяжении отечественной истории являлась важнейшим государственным институтом и инструментом внешней политики. Важнейшей задачей, возложенной на вооруженные силы, являлось обеспечение военной безопасности российского государства. Модернизационные процессы в российской армии всегда были обусловлены изменением задач, стоящих перед государством. На каждом историческом этапе преобразования военной системы являлись неотъемлемой частью общей модернизации страны.

Именно новизна задач, встававших перед Россией, требовала коренных преобразований всей государственной системы, в том числе и вооруженных сил. Так было и в начале XVIII в., когда общая социально-экономическая, политическая и военная отсталость России не соответствовала характеру и содержанию исторических вызовов российскому обществу.

Военная реформа была вызвана неспособностью армии старого образца выполнить поставленные перед ней новые задачи. Важнейшими из них являлись: выход России к Балтийскому и Черноморскому побережью и закрепление на новых стратегически важных территориях. Успешность проведенной реформы во многом определялась тем, что она стала составной частью петровских преобразований системы государственного и общественного устройства. Подписание Ништадтского мира способствовало изменению внешнеполитического статуса России, в достижении которого армия и флот сыграли решающую роль.

В результате реформ начала XVIII в. российская армия стала одним из наиболее современных государственных и социальных институтов России. Этому способствовало четкое осознание политической элитой важности вооруженных сил не только для обеспечения военной безопасности, но и для модернизации всех устоев российского общества.

Изменение принципов комплектования армии сыграло значительную роль в формировании общей гражданской идентичности разнородного, многонационального российского общества. В инструкциях полковнику пехотного полка (1764 г.) и полковнику конного полка (1766 г.) обращалось внимание командиров на тесную взаимосвязь воинского воспитания и обучения солдат. Рекруту должно было объясняться, что русский солдат, в число которых и он теперь попал, всегда отличался храбростью, что он теперь не крестьянин, а солдат, и это дает ему много преимуществ в сравнении с прежним существованием [1].

В армиях Елизаветы и Екатерины II можно было относительно легко продвигаться по службе, даже с низших ступеней. Такие амбиции всячески поощрялись. Во время Семилетней войны можно было видеть, как оставшиеся без офицеров полки вели в бой младшие командиры, а батальонами командовали сержанты [2, с. 153]. В 1760-х гг. капитан Томского пехотного полка Андрей Серебряков был выходцем из крестьянских детей, а капитан Александр Мартышов – из солдатских детей. Выходцами из солдатских детей также были: 38-летний премьер-майор Сибирского драгунского полка Никита Копотов и 47-летний премьер-майор Олонецкого драгунского полка Василий Арбенов [3]

В Отечественной войне 1812 г. героически сражались с неприятелем подпоручик Кондрашин А. Н., капитан Пихтин С. Ф., подпоручик Пихтин П. Ф., поступившие на военную службу в Томский пехотный полк из солдатских детей [4]. За мужество и героизм, проявленные при обороне Смоленска, орденом Святой Анны 3-го класса был награжден штабс-капитан полка Какташев П. С. – выходец из солдатских детей [5].

Как отмечается в работе «Россия: народ и империя, 1552–1917», военная служба, была, возможно, единственной сферой, в которой крепостные начинали ощущать себя гражданами, членами своеобразного национального сообщества, обладающими чувствами гордости и собственного достоинства. Армия цементировала российское общество, поглощая крепостных и превращая их в граждан. Кроме того, в солдатской артели у нижних военных чинов появлялись пусть скромные, но все же права собственности [6, р. 188, 478].

Новые исторические вызовы безопасности государства, появившиеся к середине XIX в., поражение в Крымской войне потребовали решительных и принципиальных изменений во всех сферах жизни и деятельности российского государства, в том числе и в военной. Российские армия и флот к исходу 1870-х гг. стали одними из самых современных в мире. Не только по имеющимся вооружениям и боевой технике, но и по передовым для того времени принципам и методам обучения и воспитания военнослужащих. Вооруженные силы явились важнейшим гарантом проведения либеральных реформ императора Александра II.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. военная реформа явилась одним из важных направлений преобразований в СССР. Базисом военных преобразований служили проводимые индустриализация, коллективизация и повышение грамотности и культурного уровня значительных слоев населения.

Успешность военной модернизации России всегда основывалась на системности, неразрывной связи с общими преобразованиями в государстве, глубоком анализе источников военной опасности и военных угроз, высокой ответственности элиты за принимаемые решения в жизненно важной для государства военной сфере.

Военная реформа, проводимая в России с начала 1990-х гг. в силу объективных и субъективных причин свелась исключительно к сокращениям воинских формирований и общей численности вооруженных сил. Отсутствие четкого видения определения цели и этапов реформы, характера и содержания потенциальных угроз военной безопасности, в сочетании с безответственностью не только отдельных чиновников, но и государства в целом, привели к тому, что вооруженные силы России по своим боевым и мобилизационным возможностям уступают сегодня практически всем ведущим армиям мира. Важнейшим показателем, по которому, современную Россию можно причислить к клубу ведущих держав, является наличие ядерного оружия.

Исторический опыт свидетельствует, что своей слабостью Россия всегда провоцировала в отношении себя вооруженную агрессию. И наоборот – сильная и боеспособная армия обеспечивала надежную защиту от любых притязаний на российские территории. К сожалению, за последние 300 лет к началу войны государство всегда ставило армию в самые невыгодные условия. Исключением из этого горького «правила» стали лишь две войны: Русско-турецкая 1877–1878 гг. и война с Японией 1904–1905 гг. Вследствие этого общую неподготовленность государства и армии к военным испытаниям приходилось «компенсировать» жизнями солдат, офицеров и мирного населения, своими территориями.

Изменение характера и спектра угроз военной безопасности России в начале XXI в. требуют повышение ответственности государства и элиты в целом за модернизацию российского общества в целом и вооруженных сил в частности. Разработка и принятие федерального закона «О военной реформе», определение конкретных исполнителей и лиц, ответственных за проводимые изменения, сегодня становится судьбоносным для нашей страны. При этом представляется важным четкое согласование основополагающих внешнеполитических, социально-экономических и военных преобразований. Только при этом условии проводимая сегодня военная модернизация России достигнет своих целей и обеспечит нашей стране достойное будущее.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. 16. № 12289; Там же. Т. 17. № 12543
2. Рамбо А. Русская армия в эпоху Семилетней войны // Звезда. 2003. №3. С. 153
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 490. Оп. 3/214. Д. 83. Л. 138 об., 139 об., 169 об.
4. РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 981. Л. 5, 9, 19 об., 204 об.
5. РГВИА. Оп. 1. Д. 981. Л. 9.
6. Hosking G. Russia: People and Empire, 1552 – 1917. L., 1998.

Е. В. СУБЕРОВ

Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТСКОЙ ТРУДОВОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ В Г. БИЙСКЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (1943–1945 ГГ.)

Кровопролитная Великая Отечественная война унесла жизни миллионов людей, множество детей стали беспризорными и безнадзорными. К концу войны насчитывалось 678 000 детей, оставшихся без родителей, а после войны общая численность осиротевших детей достигала 3 млн. чел [1].

В Советском Союзе существовали детские воспитательные трудовые колонии. В них направлялись дети от 11 до 16 лет, систематически нарушающие внутренний распорядок дня и дезорганизующие нормальную обстановку в детском доме или интернате, а так же беспризорники задержанные за хулиганство и мелкие кражи [2, с. 44].

На основании приказа начальника УНКВД Алтайского края № 1062 от 2 августа 1944 г. [3] установил, что в алтайские трудовые воспитательные колонии направляются подростки в возрасте от 11 до 16 лет:

- а) беспризорные дети, не имеющие родителей и определенного места жительства;
- б) задержанные за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, возбуждение уголовного преследования против них было прекращено.

В Алтайском крае детская колония для несовершеннолетних дислоцировалась в г. Бийске. В 1943 г. там насчитывалось 1505 колонистов [4, л. 25]. В ней несовершеннолетние заключенные занимались общественно полезным трудом. В колонии работала: столярная мастерская, бондарный цех

(где изготавливались бочки и кадки), пилюрама, строительная бригада, механический и ложечный цеха.

Основной задачей колоний для несовершеннолетних была попытка перевоспитания трудных подростков с помощью труда. В колониях создавался актив в лице командиров отделений, совета воспитанников, членов общественных комиссий. По сути, детские трудовые воспитательные колонии копировали структуру взрослых исправительно-трудовых колоний.

В ряде детских колоний внутренний распорядок содержал в себе элементы лагерного режима, имели место случаи грубого обращения с воспитанниками со стороны обслуживающего персонала, было неудовлетворительно организовано бытовое обслуживание (плохо отапливались помещения, питание было низкого качества)

Помимо актива, в детских колониях были широко представлены представители уголовного мира, проводившие небезуспешно свою идеологическую пропаганду. Часто решающим на формирование мировоззрения подростков была «блатная философия», а не марксистско-ленинская идеология.

Тяжелый, ежедневный, монотонный физический труд, постоянный контроль и разнообразные наказания со стороны администрации отбивали желание работать у большинства несовершеннолетних. К тому же, распространенная в лагерях «воровская идея» запрещала преступникам работать, предлагая другую жизнь, состоящую из воровства, азартных игр, частых половых контактах и злоупотребления алкоголем.

Администрация пыталась нейтрализовать представителей воровского мира с помощью агентурно-осведомительной сети. В 1943 г. в детской трудовой колонии для несовершеннолетних действовало 2 резидента, 25 общих осведомителей, 21 сторожевых осведомителей. Существовала и самоохрانا в количестве 12 человек формировавшаяся из самих заключенных [4, л. 25].

Усугубляло ситуацию присутствие в детских колониях взрослых заключенных. Проводившиеся проверки трудовых колоний постоянно выявляли факты нахождения в них взрослых заключенных, которые терроризировали воспитанников, прививали им криминальную субкультуру.

В 1943 г. в Бийской трудовой колонии для несовершеннолетних преступников малолетки жили и работали совместно со взрослыми з/к, что негативно сказывалось на дисциплине. В связи с этим фиксировалось большое количество случаев воровства, хулиганства, отказов выполнять требование администрации [4, л. 11].

Нередко сотрудники колоний отправляли малолетних нарушителей режима во взрослые лагеря. В инструктивном письме Прокуратуры СССР от 10 января 1945 г. N 1-Т-13 «О работе прокуроров по делам несовершеннолетних» указывалось, что в детских колониях имело место незаконная практика медицинского освидетельствования осужденных воспитанников врачебным персоналом с тем, чтобы перевести трудновоспитуемых несовершеннолетних подростков в лагерь для взрослых [5, с. 303].

Деятельность детской трудовой воспитательной колонии в г. Бийске Алтайского края (1943-1945 гг.) соответствовала карательной политики советского государства в рассматриваемый период и способствовала зачастую не перековки малолетних преступников в добропорядочных советских граждан, а еще большего их вовлечения в преступный мир. Большинство воспитанников трудовых колоний для несовершеннолетних преступников не только не вставали на путь исправления, а становились еще более опасными для общества преступниками.

Примечания

1. Славко А. А. Динамика численности беспризорных детей в России 1920-1940 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 6. С. 163.

2. Ложкина И. А. Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны (на материалах детских домов и интернатов Удмуртской АССР). Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010.

3. Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (ОРАИ ИЦ ГУВД АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 7 а. Л. 83-85.

4. ОРАИ ИЦ ГУВД АК. Ф.12. Оп.1. Д. 408.

5. Пилявец Ю. Г., Калиниченко К. В. Деятельность трудовых колоний МВД СССР для несовершеннолетних правонарушителей в 50-е годы // История отечественной уголовно-исполнительной системы: сб. ст. Псков, 2006.

А. Е. СТЕФАШОВ

Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень

ПРОМЫШЛЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: СУЖДЕНИЯ ТЮМЕНСКОГО КУПЦА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Одной из ключевых проблем современного российского общества является потребность формирования экономики инновационного типа, нацеленной на повышение эффективности деятельности, ин-

тенсификацию производства, внедрение научно-технических новаций и т.п. Решать проблемы, связанные с модернизацией экономики может, очевидно, субъект активного деятельного психологического склада, постоянно готовый не только к жизненной гонке, но способной конструктивно преобразовывать общество, руководствуясь ценностями и смыслами современной культуры продуктивного предпринимательства. Поскольку экономическое поведение индивидов и организаций находится под сильным влиянием их представлений о том, каков путь к успеху, следовательно, экономическая модернизация зависит от того, как меняются воззрения людей на протяжении длительного исторического времени на возникновение общественного богатства.

В качестве одного из источников «взрачивания» культуры современного продуктивного предпринимательства, носители который способны осуществить модернизацию российского общества, как правило, предлагается обращение к отечественному дореволюционному историческому опыту проведения модернизационных процессов. В российской истории можно выделить несколько волн модернизации, одна из которых относится к периоду второй половины XIX – началу XX вв., когда были инициированы процессы преобразования традиционного общества в индустриальное, под модернизацией, в первую очередь в тот период понималось развитие промышленного производства страны, создание фабрик и заводов. Характеризуя развитие промышленности в России в XIX в., М. И. Туган-Барановский отмечал: «Крестьянская фабрика была органическим продуктом народной жизни и никоим образом не может быть названа “искусственным явлением” подобно крупным фабрикам прошлого века» [1, с. 156]. Модернизационные процессы с разной степени интенсивности проходили в различных регионах дореволюционной России, в том числе в городе Тюмени, который во второй половине XIX в. был самым большим уездным городом Тобольской губернии. В 1860-е гг. в Тюмени были построены три судосборочных завода, здесь начинался водный путь до Томска, в 1861 г. в городе проживало 12 593 жителей. В 1885 г. до города была проведена идущая от Перми через Екатеринбург железная дорога. В 1897 г. в Тюмени проживало 29 544 жителей, а в губернском центре Тобольске – 20 544 жителей. Тобольск находился в состоянии упадка: новых зданий строилось мало, а прежние сильно постарели. Несмотря на все усилия тоболяков, до города в тот период так и не была проложена железная дорога, торгово-промышленное значение Тобольска было незначительно [2, с. 104].

В этой связи плодотворным является исследование того, как российские предприниматели второй половины XIX – начала XX вв. представляли себе социокультурные основы промышленной модернизации дореволюционной России. Одним из источников изучения таких мнений является анализ воспоминаний и мемуаров выходцев из купеческой среды из различных регионов России. Из всех представителей тюменского купечества записки о своей предпринимательской карьере, свои размышления о ценностно-смысловых основаниях предпринимательства, а также своем опыте создания и развития промышленных предприятий оставил только один купец из Тюмени – Николай Мартимьянович Чукмалдин, который считается в современной Тюмени одним из замечательных и выдающихся граждан этого города дореволюционного периода.

Н. М. Чукмалдин родился в 1836 г. в Тобольской губернии, в деревне Кулаково, в 16 верстах от города Тюмени, в крестьянской семье. Жизненный путь Чукмалдин начал приказчиком торговой лавки в Тюмени, затем занимался оптовой торговлей чаем и шерстью, был одним из учредителей ряда промышленных предприятий в Тюмени. Он совместно с тюменским издателем Константином Николаевичем Высоцким составил «Записку о плавании по реке Туре пароходов и о направлении предполагаемой железной дороги», в который обосновывалась необходимость строительства железной дороги, соединяющей волжско-камский бассейн с Тюменью. В 1872 г. Чукмалдин переехал в Москву, где продолжил свою предпринимательскую карьеру и через несколько лет сколотил миллионное состояние. Через всю жизнь Н. М. Чукмалдин пронес увлечение публицистикой, печатался в «Тобольских губернских ведомостях», «Сибирской торговой газетой» и других. В 1901 г. Н. М. Чукмалдин умер в Берлине, в соответствии со своим завещанием он был похоронен на своей малой родине, в деревне Кулаково [3, с. 337-365].

По утверждениям современников, Н. М. Чукмалдин являл собой образ русского хозяина с открытой душой, с недюжинным умом и с огромной нерусской энергией, создавшего себе положение и богатство кристально честным путем, никому ничем не обязанного. Он прошел тяжелый путь от бедного деревенского босняка до просвещенного богатого коммерсанта. Избытки от своих накопившихся богатств он не превращал в неподвижный ком золота, а употреблял на благотворительную деятельность. В деревне Кулаково, где прошли юные годы Н. М. Чукмалдина, на его средства была построена большая каменная школа, при ней библиотека-читальня, столярная мастерская, чудесный сад. В последний год своей жизни купец построил церковь, всего на поддержку своей деревни он израсходовал 20 тыс. руб. В Тюмени Чукмалдин поддерживал общество попечения об учащих в начальных училищах по присылкой книг, то обуви, то учебных пособий, был инициатором открытия клуба приказчиков. Ему принадлежала заслуга создания в Тюмени уникальной библиотеки старинных рукописных и старопечатных книг. Городу Тюмени Чукмалдин предлагал в дар, приобретенный у директора Тюменского реального училища Ивана Яковлевича Словцова редкий по своему содержанию музей, но так как от дара город отказался, музей был пожертвован реальному училищу. В этом музее находился единственный экспонат скелета мамон-

та, выставленного в то время в Сибири для обозрения публики. В советское время именно этот музей явился базой современного Тюменского областного краеведческого музея.

Воспоминания Н. М. Чукмалдина, озаглавленные «Записки о моей жизни: посмертное издание по рукописи, во второй части начерно отделанной автором» были изданы в 1902 г. в Москве в типографии А. В. Васильева и К [4]. В 1997 г. это произведение Н. М. Чукмалдина, его путевые очерки, в которых нашли отражение его впечатления от поездок по ряду стран мира, а также посмертная биография купца, написанная одним из теоретиков сибирского областничества несколько лет проживавшего в Тюмени в последней четверти XIX в. Петром Михайловичем Головачевым, вышли отдельной книгой под названием «Мои воспоминания: избранные произведения» в Тюмени [3]. Записки представляют собой серию отдельных зарисовок о западносибирском быте, предпринимательской деятельности автора. Будучи человеком конкретного склада мышления, Чукмалдин не писал аналитических статей о модернизации, а размышлял, каким бизнесом следует заниматься, каких этических норм следует придерживаться, чтобы добиться предпринимательского успеха в условиях, когда в России происходили процессы, связанные с началом преобразования традиционного общества в индустриальное.

В предпринимательской деятельности Н. М. Чукмалдин особо выделял два способа стяжания богатства: торговое предпринимательство и промышленное производство. Значительная часть его записок пронизана «торговым духом», представляет собой своеобразные наставления, как и когда следует покупать товары, как и когда следует эти товары продавать, чтобы получить от заключенных сделок ощутимый барыш. «Если не умеешь предугадывать этого в большинстве случаев», – писал он, – «тогда бросай торговлю и занимайся чем-нибудь другим, где бы ты был, выражаясь биржевым языком, “в курсе дел”» [3, с. 200]. Но не все предприниматели из Тюмени придерживались представления, что торговля – это главный двигатель экономики. С некоторым удивлением Н. М. Чукмалдин фиксировал наличие другого подхода относительно того, какая сфера деятельности является определяющей для развития экономики. Он отмечал, что существовало иное, новое мнение, что «торговля – “это полудело”, а фабричное и ремесленное производства – “вот настоящее дело”» [3, с. 178].

Занимаясь первоначально розничной, а затем оптовой торговлей, Н. М. Чукмалдин с интересом присматривался к развитию заводского производства в регионе. Он совместно с купцом Дмитрием Ивановичем Лагиным, торговцем мануфактурой, стал зачинателем ряда промышленных предприятий в Тюмени. Мотивы экономического поведения Н. М. Чукмалдина и Д. И. Лагина укладываются в русло теории «корыстной заинтересованности», согласно которой действия субъектов в условиях рыночной экономики подчинены достижению только одной цели – максимизации денежного дохода. Хотя оба купца не имели никакого опыта организации фабричного производства, но, как писал Н. М. Чукмалдин, «теоретические выкладки и подсчеты обещали нам вернейшую прибыль, не говоря уже про славу пионеров дела», оба учредителя были уверены «в необыкновенной выгодности такого предприятия» [3, с. 131].

Весьма обстоятельно Чукмалдин описал свои, как он выражался, «промышленные опыты». Компания решила организовать в Тюмени промышленное предприятие – ткацкую фабрику хлопковых изделий. Пряжу предполагалось получать из Москвы, ткачей-рабочих нанять из находившихся в Тюмени ссыльных поселенцев. Особо веским казался аргумент, что топливо и лесные материалы в Тюмени, по крайней мере, в пять раз дешевле, чем в Москве или Владимирской губернии. Было арендовано здание для ткацкой фабрики, выписаны из Москвы станы, челноки, шпуль и т.п. С большим трудом было пущено 10 ткацких станков. Если ломался челнок, то требовалось искать мастера для исправления, за ремонт которому приходилось платить дороже, чем стоило новое орудие. Не хватало какого-нибудь цвета пряжи, и останавливался ткацкий стан на два месяца, пока требуемая пряжа из Москвы не будет доставлена. С иронией Чукмалдин писал про «славные минуты иллюзии», когда на готовую продукцию был наклеен ярлык «Сибирская фабрика», и компаньоны понесли ткани в свои лавки для продажи потребителям. «Два года мы возились с этой фабрикой», – подвел итог автор записок, – «пока решили, что лучше ликвидировать ее, чем продолжать предприятие, явно не имевшее будущности» [3, с. 132]. Затем Н. М. Чукмалдин и Д. И. Лагин в деревне Кулаково устроили спичечную фабрику и мыловаренный завод. Но новое производство спичек и новый способ варки мыла разбились в прах о суровую действительность. Тюменский купец пришел к выводу, что поскольку фабричное производство представляло собой инновационный вид предпринимательской деятельности, постольку «надо помнить непререкаемый закон житейский: “Берись за такое только дело, которое знаешь не меньше твоего мастера или приказчика. Иначе будет верная неудача”» [3, с. 132–133].

В записках Н. М. Чукмалдина можно найти оригинальный ответ, каким образом до тонкостей изучить промышленное дело и создать технически передовое фабричное производство. Направляясь на нижегородскую ярмарку по своим торговым делам через Вятскую губернию, Н. М. Чукмалдин обратил внимание, что города Вятка, Слободской и некоторые села являлись центрами спичечной промышленности. По утверждению Н. М. Чукмалдина, спичечное производство было впервые организовано в городе Слободском купцом И. А. Ворожцовым [3, с. 191]. Чтобы практически изучить технологию спичечного производства, И. А. Ворожцов отправился в Варшаву, нанялся простым рабочим на спичечную фабрику, где проработал полгода. Вернулся домой хорошим специалистом в спичечном деле. «Фабрика его в

Слободском, первая по времени, пошла с самого же начала удачно», – констатировал Н. М. Чукмалдин, – «и скоро заняла видное место не только в Вятской губернии, но на всем Урале и в Сибири, служа рассадником таких же фабрик как у себя в краю, так и в других местах по направлению на восток, вплоть до самого Иркутска» [3, с. 191].

Купец из Тюмени пришел к выводу, фабричное производство представляет собой сферу деятельности выгодную для вложения капитала, но руководить фабрикой должен специалист, прекрасно знающий производственные процессы. Насколько эффективно работали эти принципы, тюменский предприниматель описал на примере своего очередного промышленного опыта. Н. М. Чукмалдин в Тюмени поддерживал деловые отношения с помещиком Загорским, проводившим лабораторные опыты, с целью разработать технологии, чтобы химическим путем получать из пустых и малоценных отходов ценные фабрикаты. Загорский завел постепенно свечной, мыловаренный и клееваренный заводы, но дела шли медленно и вяло. Н. М. Чукмалдин покупал у него клей для продажи в Москве, затем превратился в компаньона Загорского по эксплуатации крахмального завода и выработке химического продукта – синь-кали. Партнеры разделили функции: Загорский взял на себе управление заводом, Чукмалдин отвечал за финансовую сторону проекта. На длительное время Н. М. Чукмалдин отлучился из Тюмени, чтобы совершить путешествие по России и за границу. Вернувшись, узнал, что компаньон Загорский забрал у его доверенного денег на развитие завода – половину состояния Чукмалдина. Однако готовые фабрикаты были дурно выработаны, нестандартного характера, продавались с убытком. Дела купца оказались в трудном, критическом положении.

Промышленный проект потерпел крах из-за того, что компаньон Чукмалдина нарушил взятые на себя обязательства. Тюменский купец писал: «Как, – думал я, – сделать такую непростительную ошибку, доверить больше половины своего состояния в чужие руки? Где же были мой разум и опытность, такими тяжелыми уроками приобретенные?» [3, с. 179]. Любая предпринимательская деятельность, особенно требующая крупных вложений капитала, как развитие промышленных предприятий, немислима, по мысли Чукмалдина, без такой социальной добродетели, как доверие, честность в денежных делах, добросовестность при выполнении финансовых обязательств. Для предпринимателя очень значимо, чтобы его компаньоны были надежными, солидными людьми, иначе можно потерять часть или все свое состояние. Но доверительные отношения формировались в довольно узких группах, связанных неформальными отношениями. «В Тюмени, бывало, нужны деньги», – отмечал Н. М. Чукмалдин, – «на неделю, на две, близкий человек одолжит их, если только они у него есть, на слово, без всякого документа и расписки. Наоборот, если есть свободные деньги у меня, я также дам их на время близкому человеку. И деньги всегда возвращались в назначенный срок вполне, по крайней мере, в нашем кружке» [3, с. 182]. В экономических отношениях в масштабах дореволюционного российского социума, по мысли Н. М. Чукмалдина, был распространен тип предпринимателя, про которого тюменский купец с горечью писал: «Кто не дорожит своей репутацией и не думает о будущем, для того обман другого в целях барыша всегда выгоден и заманчив. Он ясно осознает, подделывая тот или иной товар, устраивая тот или иной фокус надувательства, что все это узнается впоследствии, но узнается тогда, когда он получил уже деньги, и взыскать с него за это нет возможности. Им, видимо, руководит правило: только бы захватить деньги, а там “хоть трава не расти”» [3, с. 146]. Деловой мир дореволюционной России был представлен также предпринимателями иного типа, которые руководствовались правилом, что честный коммерсант всегда может получить кредит. Большинство российских предпринимателей того периода, по мнению Н. М. Чукмалдина, представляли собой нечто среднее между этими двумя типами.

Наконец, Н. М. Чукмалдин повествует о своей последней попытке приобщения к индустриальному производству. Продавая оптом на нижегородской ярмарке сибирскую шерсть, торговля которой расширялась и приносила большие барыши, Н. М. Чукмалдин пришел к мысли устроить войлочную фабрику в Арзамасе, которой он владел до конца своей жизни. Но, фактически, это была первоначально не фабрика, а типичная мануфактура, где ручным способом выделялись незатейливые войлоки, большей частью из шерсти, нераспроданной на нижегородской ярмарке. В дальнейшем требования изделий стали разнообразнее, появился спрос на специальные сорта в Германии. Н. М. Чукмалдин взял обязательство на поставку высококачественных войлоков для немецкого потребительского рынка. Мануфактура была преобразована в фабрику: были поставлены паровой двигатель с чесальными машинами и другими необходимыми приспособлениями. «Дело, казалось, обставлено было в этом отношении удовлетворительно», – рассуждал Н. М. Чукмалдин, – «Войлоки выходили хорошего качества, но когда к концу отчетного года наработали их много и подсчитали стоимость, то оказалось, что цена их выходила настолько высокою, что фабрика дала убыток» [3, с. 193-194]. Два года фабричное предприятие было убыточным. Затем купец распродал машины и снова вернулся к мануфактурным способам производства. Только через несколько лет Н. М. Чукмалдин снова решился перейти к машинному производству войлоков, закупил и поставил самые лучшие и новые машины. В итоге нескольких попыток Н. М. Чукмалдину удалось организовать эффективное промышленное производство, про которое он с гордостью констатировал: «Результат оказался как раз противный первому неудачному опыту. В то время машины приносили убыток, на этот раз они приносят прибыль, и что главнее всего: избавляют рабочих от трудной и вредной для здоровья работы – битья шерсти “на лучках”» [3, с. 194].

Итак, анализ записок тюменского купца Н. М. Чукмалдина как исторического источника показывает, что предприниматель, участвовавший в повседневных процессах промышленной модернизации России второй половины XIX в. должен был обладать не просто духом предприимчивости, а быть носителем особого «фабричного духа». Обращение к изучению исторического опыта модернизационных процессов в России способствует распространению новых положительных знаний об этих явлениях, создает импульс для развития интенций продуктивного предпринимательства в современном российском обществе.

Примечания

1. Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997.
2. Очерки истории Тюменской области / отв. ред. В. М. Кружинов. Тюмень, 1994.
3. Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания: избранные произведения. Тюмень, 1997.
4. Чукмалдин Н. М. Записки о моей жизни: посмертное издание по рукописи, во второй части начерно отделанной автором. М., 1902.

В. А. ЧОЛАХЯН

*Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Институт истории и международных отношений, г. Саратов*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (КОНЕЦ XIX В. – 1930-Е ГГ.)

В экономическом отношении Нижнее Поволжье во второй половине XIX в. представляло собой ярко выраженный аграрный регион с низким уровнем развития промышленности. Основными её отраслями являлись предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья и деревообрабатывающая промышленность в Саратовском крае, а также добыча соли и рыболовство в Астраханской губернии. В результате концентрации производства и специализации хозяйства в Нижнем Поволжье в конце XIX в. появились отрасли, почти полностью ориентированные на всероссийский рынок. На рубеже XIX–XX вв. здесь производилось до 80 % растительного масла, 15 % пшеничной муки и 90 % горчицы [1, с. 71; 2, с. 11-12; 3, с. 87-88]. Рыболовство и рыбная промышленность Астраханской губернии в 1913 давали до 65 % продукции по всей России [4, с. 23].

Наибольшие темпы модернизации в Нижнем Поволжье, как и в целом по России, демонстрировали металлургические и металлообрабатывающие производства. Бурное развитие мукомольного и маслособойного производства требовало совершенствования оборудования и техники, что, в свою очередь, способствовало модернизации механических и чугунолитейных производств. В Саратовской губернии в середине 1890-х гг. работало 38 механических и металлообрабатывающих предприятий, вырабатывавшие более 80 % всего промышленного производства.

Активное железнодорожное строительство в 1890-е гг. потребовало открытия новых производств по обслуживанию подвижного состава. В 1895 г. в Саратове начали работу ремонтные мастерские Рязано-Уральской железной дороги, вскоре ставшие крупнейшими по количеству рабочих предприятий города (свыше 1000 работников). За семь лет подобные мастерские появились ещё в шести городах губернии, в которых работало почти 3,5 тыс. человек при ежегодном производстве в сумме 1,3 млн. руб. [5].

Проникновение иностранного капитала в Нижнее Поволжье ознаменовалось строительством в 1898 г. металлургического завода «Урал-Волга» в Царицыне и Волжского сталелитейного в Саратове. Учредителями завода в Царицыне выступили Парижско-Нидерландский банк, Парижский международный банк совместно с Петербургским международным, Учётным и Ссудным банками, а в Саратове – Французская анонимная кампания [6].

В этом же году был открыт гвоздильно-проволочный завод акционерного общества «Б. Гантке» с немецким капиталом в Саратове, в котором в 1904 г. уже работало 400 рабочих, а объём производства составлял 890 тыс. руб. [7]. Аналогичный завод открыли французские инженеры П. Г. Гардиена и А. М. Валлоса в Царицыне.

В конце XIX в. начинается строительство цементных заводов в Вольске. Первый цементный завод был построен в 1897 г. на средства «Санкт-Петербургского товарищества для производства Глухоозёрского портланд-цемента и других строительных материалов». В 1900 г. Вольский купец М. Ф. Плигин построил завод по производству цемента. В октябре 1901 г. завод был продан саратовскому мукомолу Д. Б. Зейферту [8, с. 96-98].

В 1913–1914 г. в окрестностях Вольска вступили в строй ещё два цементных завода. Владельцами их были Санкт-Петербургское акционерное общество «Ассерин» [8, с. 97] и «Саратовское акционерное общество по производству портланд-цемента». Пайщиками последнего состояли известные са-

ратовские мукомолы – Ф. П. Шмидт, О. П. Шмидт, В. А. Колесников, М. Ф. Волков и другие, а основной капитал выражался в сумме 1,5 млн. руб. [8, с. 97].

За период с 1900 г. по 1914 г. производство Вольских цементных заводов увеличилось с 3,2 млн. пудов до 20,1 млн. пудов, составив 13,7 % всего цементного производства в России [9, с. 5-7].

Создание новых технологий, развитие инфраструктуры (в первую очередь железнодорожного сообщения) привело к появлению в губернии новых видов производств (металлургическая, цементная и нефтеперерабатывающая промышленность), работавших на привозном топливе и сырье. Они не имели непосредственной связи с работавшими здесь ранее фабрично-заводскими и кустарными предприятиями, а являлись следствием привлечения в экономику края столичного и иностранного капитала.

В результате модернизационных процессов общий объем промышленного производства в Саратовской губернии за 1891 – 1914 гг. возрос почти в 4 раза, а фабрично-заводских отраслей – в 2,5 раза. Столь значительный рост промышленности отразился и на количестве рабочих. Если в 1891 г. их численность составляла 19 069 чел., то в 1914 г. – 51 283 чел., причём 81 % рабочих трудилось на фабрично-заводских предприятиях [10, с. 7-8; 11, с. 28-29].

Основными промышленными центрами губернии стали Саратов, Царицын и Вольск. Из всех городов Поволжья выделялся Царицын, входивший в двадцатку наиболее развитых в промышленном отношении городов России. Саратов возглавлял список городов второго разряда, а Балашов и Вольск входили в третий разряд городов с числом рабочих более тысячи человек [8, с. 126].

Таким образом, характеризуя в общем индустриальное развитие Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX вв., можно отметить, что в процессе модернизации нашли отражение как общероссийские, так и региональные особенности, при этом динамика её развития отличалась постоянным ростом. Российская модель пореформенной модернизации, выразившаяся в форме капитализма, имела серьёзные социальные проблемы, отягощённые многочисленными пережитками прошлого. Именно они обусловили и стимулировали интерес к социалистическим моделям переустройства России, обещавшим обществу быстрое и радикальное освобождение от экономического, социального и политического неравенства.

Октябрьский переворот и Гражданская война прервали естественный, эволюционный процесс экономического развития России. Они стали мощным источником как разрушительных, так и модернизирующих импульсов. Хозяйственная политика советского государства в 1918–1920 гг. завела страну в тупик и заставила Ленина пересмотреть тактические установки большевиков, что выразилось в переходе к новой экономической политике. Её осуществление в Нижнем Поволжье началось с 1923 г., что объяснялось объективными трудностями, сложившимися в регионе: большие разрушения в годы Гражданской войны, засуха и голод 1920 и 1921 гг. Перевод предприятий на хозрасчёт и создание губернских трестов и уездных объединений при сохранении различных форм собственности (государственной, кооперативной и частной) позволило к 1926/27 г. обеспечить восстановление региона. И хотя доля частной и кустарной промышленности здесь составляла примерно 17 %, именно они в наибольшей степени сделали потребительские товары доступными населению.

Многообразие хозяйственных укладов, развитие мелкого и среднего производства на основе рыночных отношений сохраняли известную преемственность развития дореволюционной экономики и потому порождали у определённой части населения возврат от революционного романтизма к большому социальному реализму.

Однако во второй половине 1920-х гг. объективное взаимодействие различных укладов и отраслей экономики стало активно «регулироваться» властными структурами, а идеологические установки большевиков диктовали необходимость ограничения и вытеснения частного сектора в промышленности и торговле.

Нижнее Поволжье стало одним из регионов интенсивного промышленного развития. Переход к директивному планированию и централизованному, командно-административному методу управления обусловил создание в 1928 г. Нижне-Волжского края в составе трёх губерний (Саратовской, Сталинградской и Астраханской), Автономной республики немцев Поволжья и Автономной Калмыцкой области. Крайняя ограниченность материальных финансовых ресурсов стала одной из главных причин не только укрупнения территориальных образований, но и выделения приоритетных направлений развития промышленности. Из 505,1 млн. руб. капиталовложений в промышленность Нижнего Поволжья в годы первой пятилетки 384,6 млн. направлялось на организацию в регионе крупного машиностроения [12; 13, с. 2].

За годы первой пятилетки валовая продукция всей промышленности Нижнего Поволжья увеличилась на 238 %, хотя по плану намечалось на 358,6 % [14]. Из преимущественно аграрного региона оно превратилось в один из развитых индустриальных центров СССР. Было построено свыше 25 крупных промышленных предприятий, освоено производство тракторов, комбайнов, аккумуляторов, высококачественных сталей и т.д. Удельный вес края в союзной промышленности удвоился [15].

Особенностью второй пятилетки в индустриальном развитии Саратовского края являлось завершение строительства некоторых объектов, начатых ещё в годы первой пятилетки, а также появление

таких новых важных отраслей промышленности, как нефтеперерабатывающая и машиностроительная. Из общей суммы капиталовложений в экономику Саратовского края (1 302 млн. руб.) в промышленность вкладывалось 455 млн. руб. или 34,2 %. Основная масса средств – 193,6 млн. руб. по-прежнему направлялась в тяжёлую промышленность [16, с. 171]. Эта сумма в 2,2 раза превосходила капитальные вложения в первую пятилетку и больше, чем в 9 раз – вложения за 1918–1928 гг. [17, с. 37]. Темпы роста валовой продукции почти в 1,5 раза превысили её увеличение в годы первой пятилетки. Если валовая продукция промышленности СССР за 1933–1937 гг. увеличилась в 2,2 раза, то по Саратовской области – в 2,6 раза, составив в государственной промышленности 480,4 млн. руб., а в кооперативной 56,1 млн. руб. [17, с. 37].

В результате промышленного строительства в Сталинградской области в годы предвоенных пятилеток появились два крупных индустриальных узла: Сталинградский, включавший основные предприятия тяжелой промышленности, и Астраханский район, ставший центром пищевой промышленности (рыбной и консервной), а также общего и специального судостроения.

На основании имеющихся в нашем распоряжении статистических данных переписи социалистической промышленности (1938–1939 гг.) можно констатировать, что за период 1932–1939 гг. число предприятий в Сталинградской области увеличилось более чем в 2 раза, рабочих – на 40 %, а валовой объем производства – на 263 %. По числу предприятий и объему валовой продукции ведущее место в 1939 г. занимала пищевкусовая отрасль (496 предприятий, выпустивших продукцию на 372 657 тыс. руб.). На втором месте (350 предприятий) оказалась металлообрабатывающая отрасль, объем производства которой вместе с черной металлургией составлял 359 407 тыс. руб. [18, 19].

Сопоставление данных о состоянии промышленности за 1913 г. и 1939 г. позволяет сделать вывод о коренных изменениях в структуре экономики Сталинградской области. Число предприятий увеличилось более чем в 4 раза, а рабочих – на 125 %. Резкое увеличение производственных фондов в 1928–1940 гг., более чем в 6 раз, позволило обеспечить быстрый экономический рост: объем валовой продукции в 1939 г. в сравнении с 1913 г. (согласно официальным данным) увеличился на 805,5 %. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в отраслях тяжелой промышленности: металлургическое производство увеличилось в 12 раз, а металлообработка – в 28,5 раза [20].

Справедливости ради следует признать, что подобные сравнения темпов индустриального роста в стоимостных выражениях, почти повсеместно применяемых советскими историками и экономистами, да и некоторыми нынешними российскими учеными, вряд ли могут служить основанием для воссоздания объективной динамики развития экономики. Об этом достаточно аргументировано отмечено в исследованиях Г. И. Ханина [21, с. 74-75]. Поэтому, стоимостные данные о восьмикратном увеличении промышленного производства в Саратовской и Сталинградской областях на протяжении довоенных пятилеток, на наш взгляд, требуют проверки другими, нестоимостными формами учета. Для этого можно использовать натуральные показатели, прямо характеризующие изменение выпуска ключевых видов промышленной продукции в тот или иной период. Весьма убедительно сопоставление некоторых из таких показателей за 13 лет развития Саратовской губернии перед Первой мировой войной (1900–1913 гг.) и 12 лет довоенных пятилеток (1928–1940 гг.). Так, в 1914 г. Царицынский металлургический завод «Урал-Волга» выплавил 173,9 тыс. т. стали и 128,3 тыс. т. проката, а в 1938 г. – соответственно 744,6 тыс. т. и 550,4 тыс. т., что дает общий рост производства в 4,2 раза, а по официальным стоимостным показателям – в 12,1 раза [22].

Аналогичная картина складывалась и в цементной промышленности.

Таблица 1 – Динамика развития цементной промышленности [23]

Численность рабочих	Валовая продукция
1900 г. – 817 чел.	3,2 млн. пуд. (51,2 тыс. т.)
1914 г. – 2242 чел.	20,1 млн. пуд. (321,6 тыс. т.)
1927/28 г. – 3355 чел.	262,9 тыс. т.
1932 г. – 4664 чел.	220,5 тыс. т.
1933 г. – 4514 чел.	201,7 тыс. т.
1934 г. – 4360 чел.	435 тыс. т.
1935 г. – 4867 чел.	457 тыс. т.
1936 г. – 5993 чел.	673 тыс. т.
1937 г. – 4658 чел.	485,1 тыс. т.
1938 г. – 4395 чел.	601,4 тыс. т.
1939 г. – 5705 чел.	599,8 тыс. т.
1940 г. – 5712 чел.	545,8 тыс. т.

Из Таблицы 1 видно, что за 14 дореволюционных лет производство цемента в Саратовской губернии выросло в 6,2 раза, в то время как за предвоенные советские пятилетки – в 2 раза при росте чис-

ла рабочих в 1939 г. в сравнении с 1914 г. в 2,5 раза. Доля вольских цементных заводов в общероссийском цементном производстве в 1914 г. составляла 13,7 %, а в 1937 г. – 14 % [24, с. 68].

Статистические данные улова рыбы за тот же период характеризовались отрицательной динамикой.

Таблица 2 – Уловы рыбы в Астраханском регионе [25]

Улов рыбы	1914 г.	1926 г.	1928 г.	1932 г.	1937 г.	1940 г.
Улов рыбы (тыс. т.)	445	441,3	232,3	183,2	240,7	220,8

Важнейшую роль в индустриальном развитии Нижнего Поволжья играли экстенсивные факторы, и, прежде всего, рост численности работавших. За 1928–1940 гг. количество рабочих в промышленности Саратовской области увеличилось с 11 605 до 82 711 чел., то есть более чем в 7 раз, в том числе в тяжелой индустрии – в 4,3 раза. В Сталинградской области число рабочих выросло с 60 946 до 185 324 чел., или в 3 раза, в том числе, в машиностроении и металлообработке – в 3,5 раза [26].

В Нижнем Поволжье, по официальным стоимостным показателям, общий объем валовой промышленной продукции за 1928–1940 гг. увеличился в 8 раз (в неизменных ценах 1926/27 г.), а численность работающих – примерно в 3,5-4 раза. Однако официальная статистика не учитывала рост цен и прочие факторы, о которых говорилось выше. Натуральные показатели, весьма грубые и тоже неточные, свидетельствуют о 4-5-кратном увеличении промышленного производства.

В результате выбора стратегии форсированной индустриальной модернизации на основе жёсткого регулирования и централизованного планирования в годы первых пятилеток определились контуры советской модели экономического развития страны. В отличие от рыночной экономики, основанной на свободной конкуренции, советская плановая система с её нерыночным характером и внеэкономическим принуждением к труду ориентировалась на экстенсивный экономический рост и была подчинена политическим интересам правящей элиты.

Примечания

1. Отчёт СБК 1901-1902 гг. Саратов, 1903.
2. Морозов В.К. Подсолнечник. Саратов, 1959.
3. Маркушина С.В. Промышленность Саратовской губернии в условиях капиталистической модернизации середины XIX – начала XX вв. Дисс. ...канд. ист. наук. Саратов, 2005.
4. Астраханская губерния. Экономическое, культурное, административное и финансовое состояние. Астрахань, 1928.
5. Статистический обзор Саратовской губернии за 1902 год. Саратов, 1903. Ведомость № 4.
6. Бовыкин В. И. Французское предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и zahraniчные инвестиции в России. М., 1997.
7. Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. Ведомость № 4.
8. Маркушина С. В. К истории Вольских цементных заводов // Саратовское Поволжье в панораме веков. Саратов. 2000.
9. Варнин Е. Г. Портланд-цементная промышленность Саратовской губернии. Саратов, 1922.
10. Статистический обзор Саратовской губернии за 1894-1914 гг. Саратов, 1905.
11. Саар Г. Саратовская промышленность в 90-х - и в нач. 900-х гг. Саратов, 1928.
12. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 18. Л. 4;
13. Материалы к построению перспективного хозяйственного и культурного строительства Нижне-Волжского края. 1928/29–1932/33. Саратов. 1929.
14. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 1003. Л. 15 об.
15. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 442. Оп. 1. Д. 137. Л. 21.
16. Индустриализация Нижнего Поволжья. 1926-1941. Волгоград, 1984.
17. Саратовская область за 70 лет. Саратов. 1987.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 15. Д. 2602. Л. 13-16;
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 36. Д. 873. Л. 60-61; Оп. 37. Д. 416. Л. 2-3.
20. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 37. Д. 416. Л. 13-16.
21. Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991.
22. Подсчитано автором: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 977. Л. 7, 16; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 873. Л. 60-61; Оп. 37. Д. 416. Л. 2-3.
23. Таблица составлена по: Цемент. Его производство и применение. СПб., 1900. № 4. С. 5; То же за 1912. № 4. С. 114-115; Варнин Е. Г. Портланд-цементная промышленность Саратовской губернии. Саратов, 1922. С. 5-22; Челинцев В. Сырьевые ресурсы Саратовского края // Нижнее Поволжье. Саратов, 1924. № 1. С. 43-44; Маркушина С. В. Промышленность Саратовской губернии в условиях

капиталистической модернизации середины XIX – начале XX вв. С. 117.; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 37. Д. 523. Л. 56-72; Народнохозяйственный план по Саратовскому краю на 1935 г. Саратов, 1935. С. 18; План хозяйственного и социально-культурного строительства Саратовской области на 1937 г. Саратов, 1937. С. 5; Нижнее Поволжье. 1924. № 1. С. 43-44.

24. Социалистическое строительство Союза ССР (1933-1938 гг.). Статистический сборник. М., 1939.

25. Таблица составлена по: ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 78. Л. 12, 12 об.; Астраханская губерния. Экономическое, культурное, административное и финансовое состояние. Астрахань, 1928. С. 23; Народное хозяйство Астраханской области: стат. сб. Саратов, 1958. С. 25.

26. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 2602. Л. 1-4, 13-16.

Ю. П. ШВЕЦ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

КРАХ РЕФОРМ ИВАНА IV ГРОЗНОГО

В российской исторической науке найдется не так уж много вопросов, которые бы вызывали к себе столь же большой интерес как политическая деятельность первого русского царя Ивана Грозного. При этом удивительно то, что по мере прогресса российской исторической науки разногласия в этом вопросе нисколько не уменьшаются.

Первым историком, попытавшимся дать оценку деятельности Ивана IV, был Н. М. Карамзин, который придерживался точки зрения о двух Иванах – добром правителе в 40–50-х гг. и злом диктаторе в 60–70-х гг. XVI в. При этом политика опричнины Ивана IV трактовалась Н. М. Карамзиным как деятельность безумного тирана, лишённая какого-либо политического смысла [1, с. 34].

Противоположного мнения по этому вопросу придерживался основоположник государственной школы С. М. Соловьёв, рассматривавший исторический процесс с позиций становления государственности. Поскольку деятельность Ивана IV, по мнению С. М. Соловьёва, сводилась к замене родовых начал государственными, то все, что способствовало упрочению российского государства, признавалось им прогрессивным. В то же время С. М. Соловьёв осуждал жестокость Ивана Грозного во время опричнины [2, с. 201].

Более взвешенную характеристику деятельности Ивана IV дал российский историк В. О. Ключевский, высказавший мысль о том, что репрессии Ивана Грозного были направлены не только на бояр, но и практически на все слои российского общества [3, с. 94].

Иного мнения на этот счет был С. Ф. Платонов, считавший, что основным содержанием царствования Ивана Грозного была борьба царя в союзе с дворянством против боярства, являвшегося главным тормозом на пути централизации страны [4, с. 75]. Данную позицию разделяли многие российские историки более позднего периода, в том числе М. Н. Покровский, П. П. Смирнов, С. В. Бахрушин и Р. Г. Скрынников. Бояре-вотчинники рассматривались ими как сторонники «удельной системы» и, следовательно, раздробленности России. Иван Грозный в борьбе с ними опирался на дворян-помещиков, олицетворявших собой централизаторские тенденции. В связи с этим опричный террор, по мнению указанных авторов, был тем шагом, который ослаблял экономические и политические позиции боярства, укрепляя положение служилых людей и завершая централизацию России.

Однако уже во второй половине XX в. такие историки, как С. Б. Веселовский и А. А. Зимин, выяснили, что опричный террор не изменил структуру феодального землевладения в России, потому что был направлен не только против бояр, но и против всех сословий российского общества [5, с. 87].

В 70–80-е гг. XX в. В. Б. Кобрин показал, что боярство не было аристократической оппозицией централизаторской деятельности Ивана IV, так как все централизаторские реформы царя происходили по «приговору Боярской думы», т.е. были разработаны Иваном Грозным в союзе с боярскими верхами [6, с. 49].

Таким образом, теория С. Ф. Платонова и его сторонников также оказалась несостоятельной, поскольку пришла в противоречие с имеющимися фактами. После этого в российской истории не осталось больше никакого теоретического объяснения фактам правления Ивана IV. Пришлось снова вернуться к утверждению о психической неполноценности Ивана IV Грозного, что и было сделано Т. В. Черниковой. Таким образом, двухсотлетняя история изучения правления Ивана Грозного вернулась к констатации своей неспособности разобраться в деятельности Ивана IV Грозного, подтверждением чему служит обвинение его в сумасшествии.

Приступая к попытке объяснения политики Ивана IV, мы должны обратить внимание на определенную закономерность российского исторического процесса, а именно на его повторяемость. Заключается она в том, что многие российские политические реформы имеют двойственный характер: они начинаются с демократических преобразований, а заканчиваются контрреформами [7, с. 115]. Примером этому могут служить события периода правления Ивана IV Грозного, а именно реформы Избранной рады и опричина; эпоха великих преобразований Александра II и контрреформ Александра III; свержение самодержавия в России и установление тоталитарного сталинского режима, наконец, демократические реформы Горбачева и Ельцина и последовавшее за этим «наведение порядка» при В. В. Путине.

Общей особенностью этих преобразований было то, что все они начинались с политических реформ, после чего производились изменения в экономической сфере. Однако известно, что осуществление сначала политических, а затем уже экономических преобразований является примером европейского реформирования линейного типа. В то же время российская цивилизация напоминает цивилизацию восточного, а не европейского типа, так как для нее характерно восточное господство государства над обществом, а не европейское доминирование общества над государством [8, с. 109]. При этом российская цивилизация именно *напоминает* восточную цивилизацию, а *не является* ею. В отличие от классической восточной цивилизации, в которой господство государства над обществом объясняется экономическими особенностями, в российской цивилизации такое же соотношение государства и общества вызвано политическими причинами [9, с. 56].

В связи с этим особенностью российской цивилизации является ее смешанный, так называемый евразийский характер, для которого характерны элементы как европейской, т.е. западной цивилизации, так и восточной цивилизации. К числу первых относится наличие в структуре российской цивилизации экономики и общества европейского типа, а к числу вторых – господство государства над обществом, типичное для восточных цивилизаций.

Данная особенность российской цивилизации не была понята отечественными реформаторами, считавшими и считающими, что Россия является европейской цивилизацией и проводившими реформы по европейскому образцу. В том случае, если в неевропейской российской цивилизации проводить реформы по-европейски, т.е. с демократических преобразований, то в ней начинается дезорганизация и хаос, заканчивающиеся ее распадом, получившим название Русской смуты [10, с. 83]. При этом российским реформаторам предстояло выбирать из двух вариантов: или полный распад России в случае продолжения демократических преобразований, или прекращение реформ и возвращение страны в исходное состояние. Осознав это обстоятельство, реформаторы начинали обратный процесс. При этом сами они, выражаясь словами В. С. Черномырдина, не понимали, почему получилось как всегда, тогда как они хотели, чтобы получилось как лучше, и ошибочно считали, что причиной их неудач является не их непонимание особенностей российской цивилизации, а отсталость российского народа, еще не созревшего до демократических реформ [11, с. 42].

Примером первого и, к сожалению, не последнего в России опыта неудачного проведения реформ явились преобразования Ивана IV Грозного. На начальном, демократическом этапе реформ Избранной рады в стране был создан первый представительный орган власти – Земский собор, были отменены боярские кормления, а местное управление и суд были переданы в руки избранных населением старост и судей. В годы правления Избранной рады в стране появились первые органы исполнительной власти – приказы.

Таким образом, была сделана попытка проведения в России реформ по европейскому образцу, т.е. разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Однако добиться эффективного управления страной демократическими мерами Иван Грозный не смог, так как ослабление централизации было воспринято населением как сигнал к дезорганизации. Ослабление страны проявилось в поражениях русской армии в Ливонской войне [9, с. 97]. Ответом на это стала попытка Ивана IV укрепить государственную власть с помощью политики опричины, что привело к падению правительства Избранной рады и террору против всех сословий российского общества.

Таким образом, причину неудачного реформирования страны Иван Грозный увидел не в объективных особенностях российской цивилизации, которая не может быть реформирована по европейскому образцу, как он пытался осуществить, а в субъективных действиях российского населения, которое злоупотребило, по мнению царя, предоставленными ему политическими свободами.

В связи с этим возникает вопрос о том, как реформировать неевропейские цивилизации, наподобие российской. Ответом на данный вопрос может стать опыт проведения китайских реформ. В отличие от России китайские реформаторы начали проведение преобразований не с политики, а с экономики. В результате этого им удалось предотвратить распад своей страны и добиться одного из самых

высоких в мире темпов экономического развития. После того, как уровень экономического развития Китая достигнет среднемирового, они приступят к политическим реформам. Таким образом, мировой опыт показывает, что в цивилизациях восточного типа, и в России в том числе, проведение вначале экономических, а затем уже политических преобразований является правильным способом их реформирования. Всякое несоблюдение данной очередности при реформировании цивилизаций восточного типа ведет к их децентрализации и провалу реформ, примером чего может служить деятельность Ивана IV Грозного.

Исследование реформ Ивана IV имеет не только исключительно исторический интерес, но и оказывает влияние на современный политический процесс в России. Так, известный американский советолог Р. Пайпс в своей книге «Россия при старом режиме», изданной в США около 20 лет назад, отмечает, что на эту особенность российской цивилизации, т.е. на ее распад в случае проведения в ней демократических реформ, уже давно обратили внимание в Америке и успешно ее использовали в своей внешней политике, особенно при президенте Рональде Рейгане [12, с. 225]. В связи с этим представляется не случайным стремление США и Западной Европы толкнуть Россию на путь проведения в первую очередь политических преобразований, что уже принесло им пользу в виде распада СССР. Проведение подобной политики в отношении России способно ослабить ее и устранить в качестве сильного конкурента для Запада.

Примечания

1. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 4 кн. Кн. 3. Ростов н/Д, 1997.
2. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 18 кн. Кн. 3. М., 1989.
3. Ключевский В. О. Курс российской истории. В 9 т. Т. 2. М., 1987.
4. Платонов С. Ф. Иван Грозный. М., 1998.
5. Веселовский С. Б. Царь Иван Грозный. М., 1999.
6. Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989.
7. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996.
8. Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997.
9. Ионов И. Н. Российская цивилизация. М., 1995.
10. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997.
11. Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.
12. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004.

МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Е. В. БЕЗВИКОННАЯ

Омский государственный педагогический университет, г. Омск

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ (НОВЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ)

Политическое развитие современных демократических государств направлено на совершенствование существующих управленческих стратегий, придание им нового целевого направления и смыслового значения. В процессе становления данных управленческих технологий неизбежно возникает проблема концептуального обоснования (обобщения) сложившихся практик, придания им системного содержания и целевой направленности. Данная политико-управленческая задача, стоящая перед государственным механизмом, соответствовала возможностям и целям постнеклассической науки, ориентированной на поиск целостных концепций, моделей исследования управленческих процессов на всех уровнях властной вертикали.

Политические процессы, происходящие в странах Западной Европы в 70-х гг. XX в., заставили переоценить традиционный административный подход к построению властной вертикали, основанный на преобладании вертикальных иерархических связей, приоритете «субъект-объектных» отношений и административных методов управленческого воздействия. Следует указать на следующие тенденции в развитии политической ситуации. Во-первых, интенсивное развитие рыночной экономики обусловило переход части услуг из статуса государственных в статус рыночных, обеспечивающий большую их эффективность и ориентированность на конкретный результат. В сложившихся условиях государство вынуждено преобразоваться в «клиентоориентированную организацию» [1], трансформировать административный аппарат для решения проблемы повышения качества государственных услуг, оказываемых населению. Во-вторых, формируется новое для государственных структур понятие «эффективность государственного управления», определяемое способностью властных институтов создавать и вступать во взаимодействия с другими субъектами общества (сетевыми структурами). Эффективность системы управления напрямую связана с кооперативным взаимодействием публичных, частных и групповых интересов в процессе выработки и реализации согласованной и целенаправленной управленческой модели. В-третьих, совершенствование технологий управления бизнес-процессами, освоение методик бенчмаркинга, коучинга, аутсорсинга, инжиниринга и др. позволило существенно повысить эффективность управленческих процессов на предприятиях и учреждениях частного сектора экономики. Отсутствие альтернативных технологий управления в системе государственной власти заставило обратиться к накопленному опыту рыночных структур.

Изменения политической ситуации в странах Западной Европы обусловили выбор собственной модели государственного управления, основой которой послужила концепция нового публичного менеджмента (New Public Management). Следует обратить внимание на достаточно устойчивую тенденцию, присущую современному российскому политическому сообществу – адаптировать концепцию публичного менеджмента к реалиям политической системы России. Зачастую она проявляется в механическом использовании вместо понятия «публичное управление» термина «государственное управление», что является отражением общей внутренней направленности российского политического процесса на централизацию властных полномочий в руках государственных институтов.

Разнообразие трактовок принципов (положений) концепции нового публичного менеджмента и форм их проявлений позволяет выявить ключевые ее особенности. Во-первых, концепция ориентируется на изменение содержания и целевой направленности политического управленческого процесса. На смену традиционного административного механизма принятия решений и делегирования ответственности должна была прийти ориентация на клиента в лице отдельных граждан и общества в целом. Соответственно, основным критерием эффективности властных решений должна стать степень удовлетворенности услугой, а также способность органа власти экономить имеющиеся ресурсы, т.е. соотносить поставленные цели с возможным и достижимым результатом. Условно этот механизм можно назвать «рыночной оценкой деятельности государственных структур» [2].

Во-вторых, возникает проблема управляемости отдельных структурных подразделений на местах, способности органов власти выработать эффективные механизмы взаимодействия с ними. Условно ее можно определить как проблема «руководства», соединяющая вопросы традиционного администрирования и собственно управления. Согласно определению Л. В. Сморгунова, руководство – это «система кооперирования общественных, государственных и международных институтов, частных, государственных и смешанных структур для обеспечения удовлетворения общественных интересов и решения общественных проблем» [2, с. 217]. Задачу кооперации публичных интересов политическое

руководство в лице административного аппарата может реализовать только при условии активного участия в политическом процессе посредством проявления, в том числе, и самостоятельной инициативы в сфере публичной политики (public policy-making).

В-третьих, неизбежно придается большое значение вопросу формирования профессиональной (мультипрофессиональной) команды, способной принимать взвешенные и продуманные решения вне жесткой бюрократической иерархии [3, р. 25]. Возможность участия в принятии политических решений определяется не столько уровнем профессиональной подготовки служащих, сколько их вовлеченностью в совместную деятельность, способностью осуществлять организационные (исполнительно-распорядительные) и контрольные функции. Задачей политического руководства становится создание условий для формирования данной профессиональной команды посредством делегирования полномочий (децентрализация) и создания независимых агентств, ослабления иерархических связей (деконцентрация).

Предложенные концепцией нового публичного менеджмента принципы способствовали изменению стратегии государственного строительства в странах Западной Европы с традиционного Public Administration на New Public Management, что предполагало трансформацию системы публичного управления и направлений государственной политики. Технологии бизнес-управления оказались весьма действенными методами регулирования системы управления в условиях нестабильной внешней среды, перманентных рисков и «вызовов» [4, с. 5]. Перераспределение ответственности за политические решения между различными уровнями властной вертикали предопределило изменение политической культуры и политического сознания, способствуя созданию условий для повышения уровня гражданской активности населения. Изменение статуса органов государственной власти и местного самоуправления с властных институтов на специализированные корпорации, оказывающие узкий спектр услуг высокого качества населению, актуализировало проблему повышения эффективности их деятельности. Несомненно, концепция нового публичного менеджмента реализовывалась в европейских странах достаточно неравномерно, в различном объеме и сочетании, но совершенно очевидно, что она оказалась чрезвычайно технологичной, функциональной и действенной для решения ключевых проблем бюрократического административного управления и повышения эффективности всей системы государственного управления [5, с. 74].

Переходный характер концепции обусловил наличие системных недостатков, которые в дальнейшем привели к ее переосмыслению в рамках концепций политических сетей, «перестройки правительства», governance-управления и др. Ее отличительным свойством стала идеализация подходов и методик менеджмента, придание им статуса универсального средства устранения недостатков государственного управления, отказ от механизмов политического управления. Результатом явилась низкая скоординированность системы управления, ее неэффективность, неустойчивость механизмов управления рисками и сложнопрогнозируемость их развития в стратегической перспективе.

Преодоление указанных недостатков становилось возможным только при условии выработки иных парадигмальных оснований политического управленческого процесса, сохраняя ключевые принципы концепции нового публичного менеджмента [6]. В качестве наиболее показательного примера реализации переходной концепции государства, ориентированного на потребителя, своеобразной «сервисной структуры», предоставляющей определенные услуги населению; а также формирующего механизмы внутригосударственного и гражданского контроля качества выполнения государственных обязательств, следует назвать Российскую Федерацию. Запоздалый характер административной реформы 2000-х гг., реализуемой в трактовке ГУ-ВШЭ и Министерства экономического развития Российской Федерации, обусловил применение комплексного подхода к методологии преобразовательной активности государства. В качестве базовых концепций выступили: идея рациональной бюрократии, новый публичный менеджмент, демократическое и сетевое управление [7].

Ключевые задачи административной реформы в России получили официальное закрепление в распоряжении Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 года (ред. 28 марта 2008 г.) №1789-р «О концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 годах» [8]. В качестве основных следует назвать: внедрение в органах исполнительной власти принципов и процедур управления по результатам; разработка и внедрение стандартов государственных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти, а также административных регламентов в органах исполнительной власти; реализация единой вертикально интегрированной автоматизированной системы мониторинга результативности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по достижению важнейших показателей социально-экономического развития Российской Федерации и исполнения ими своих полномочий; создание многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг; повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и гражданского общества, а также повышение прозрачности деятельности органов исполнительной власти и др. В результате решения указанных задач должны были сформироваться условия для приобретения российским государством статуса политической публичной корпорации, оказывающей государственные услуги посредством системы исполнительных органов власти, обладающих автономией и самостоятельностью в процессе принятия управленческих решений [9]. Превращение государственно-

го механизма в политико-управленческую структуру обеспечило возможность существенного ограничения его вмешательства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекратить избыточное государственное регулирование.

Очевидность направленности административной реформы в Российской Федерации в контексте концепции нового публичного менеджмента оказывается весьма сомнительной, поскольку она объединяет несколько противоречивых подходов, которые не только не дополняют друг друга, но и не позволяют реализоваться в полном объеме. Так, сохранение принципов рациональной бюрократии и административного управления не позволяет создать необходимые условия для формирования и развития партисипативной демократии, расширения гражданской инициативы и повышения уровня политической культуры населения. Достаточно показательными в этом отношении являются опросы общественного мнения, проводимые Фондом общественного мнения (ФОМ). Согласно мониторингу гражданской активности населения за 2007 г. уровень доверия населения к власти значительно снизился. Оценки гражданами 68 субъектов Российской Федерации степени учета органами власти интересов населения распределились следующим образом – положительно – 18 %, отрицательно – 69 %. При этом, граждане, признавая значительное влияние региональной и местной администрации на решение вопросов местного значения (69 % и 40 % соответственно), достаточно низко оценивают возможности и ресурсы форм самоорганизации населения – территориальное общественное самоуправление (3 %), некоммерческие организации (2 %) [10, с. 90]. Разнонаправленный характер административных реформ становится источником возникновения сложностей в процессе реализации политических решений, выборе направлений эволюции современной модели политического управления в России.

Переходный характер концепции нового публичного менеджмента определяется преобладанием инструменталистского подхода к определению целей и содержания политического управления в современном государстве с использованием принципов и методов бизнес-структур в условиях рыночной экономики. В сложившихся условиях поиска оптимальной модели политического управления должны быть направлены на развитие отдельных принципов концепции нового публичного менеджмента посредством формирования горизонтальных сетевых структур, расширения координационных коммуникационных взаимодействий между субъектами политического процесса, включения местного сообщества в структуры публичного управления и т.д. С другой стороны, необходимо сохранить тот позитивный потенциал, который заложил новый подход к политическому управлению, развивая и конкретизируя его в рамках концепций публичного управления, политических сетей, governance-управления, корпоративного управления и др. Взвешенный подход к разрешению проблем современного государственного и муниципального управления позволит выработать обоснованные технологии принятия и реализации управленческих решений на всех уровнях властной вертикали.

Примечания

1. Княгинин В. От «административного государства» к «рыночному» // Российское экспертное обозрение. 2008. № 2.
2. Государственная политика и управление: учебник. Ч. 1. Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л. В. Сморгунова. М., 2006.
3. Jones L., Thompson F. Public management: Institutional renewal for Twenty-First Century. Sanford, 1999. P. 25.
4. Административная реформа в Российской Федерации: основные этапы реализации / под ред. А.Б. Логунова // Аналитический вестник СФ ФС РФ. 2006. № 22 (310). С. 5.
5. Сморгунов Л. В. Сравнительный анализ административных реформ в западных странах // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2000. № 1. С. 74.
6. Бакушев В. Административная реформа – нужна, но прежде – ее концепция // Власть. 2002. № 6. С. 10–16.
7. Сморгунов Л. В. Способности государства и современная административная реформа в России // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. 2007. № 2 (4). С. 7–9.
8. Собрание законодательства РФ. 2005. №46. Ст. 4720.
9. Вишняков В. Г. Административная реформа в России: от кризиса государственного управления к эффективному государству // Журнал российского права. 2003. № 13; Греф Г. Наиболее сложная реформа – это реформа самих себя // Эксперт. 2002. № 46. 9 декабря.
10. Гражданское общество. Социологический атлас. Сер. 1. Вып. 3. Показатели гражданской активности. М., 2007.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ НА РЕШЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ИСТОРИИ РОССИИ

На протяжении всей истории России стратегия модернизаций была различной и в различных областях приводила к спорным и неоднозначным результатам.

Модернизация – это усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями, нормами, техническими условиями, показателями качества. Некоторые авторы в определении «модернизация» делают упор на коренном изменении всех сфер общества: экономической, политической, социальной и т.д., обращая внимание на их особенности, специфику функционирования, взаимодействие. Современной России по вопросам модернизации, а особенно во внутренней и внешней политике, экономике приходится учитывать, согласовывать свои действия с различными международными организациями, ориентируясь при этом на западные образцы.

Характерной чертой современной модернизации является возрастание значимости экологических проблем, особенно в таких отраслях промышленности как в нефтеперерабатывающей, химической, металлургической, горнодобывающей, энергетической. Здесь с необходимостью все процессы производства осуществляют в соответствии с нормативными актами об охране окружающей среды, иногда даже в ущерб экономическим показателям.

В России есть все условия использовать международный опыт для разработки экономической стратегии, учитывающей экологическую составляющую. Формируется целая отрасль производства энергосберегающего и экологически безопасного оборудования, приборов для контроля состояния окружающей среды. Разрабатываются ресурсосберегающие технологии, вторичное использование отходов после их обработки (рециклирование) и т.д. Все это позволяет снизить антропогенное воздействие на окружающую среду. Далее, для ликвидации экологического невежества следует обратить внимание на экологическое образование, формирование экологического мировоззрения. Но, к сожалению, в плане реализации экологической политики в настоящее время в России довольно слабая нормативно-правовая основа, недостаточно разработаны положения единого государственного органа в области стратегии экологической модернизации, нет сбалансированности экономических, социальных и экологических проблем.

Экологическая модернизация необходима для обеспечения продовольственной безопасности страны. Дело заключается в том, что значительная часть земельных ресурсов выведена из сельскохозяйственного оборота по экономическим причинам, а на оставшихся землях, особенно вблизи крупных городов, стало очень выгодно применять высокие дозы удобрений и агрохимикатов для повышения урожайности сельскохозяйственных культур. Но химизация сельскохозяйственного производства приводит к снижению качества продукции, а иногда такая продукция даже представляет угрозу для здоровья населения. Поэтому для обеспечения качественным, безопасным, экологически чистым продовольствием необходимо провести модернизацию ряда отраслей экономики и органов государственного управления, что позволит вывести сельскохозяйственную промышленность на необходимый уровень.

Процессы модернизации в политике, экономике и т. д. не всегда положительно влияют на экологию, охрану окружающей среды, часто и наоборот. Например, во время правления Петра Великого, который «прорубил окно в Европу», была уничтожена огромная часть дубрав в Европейской части России под предлогом строительства флота. Период восстановления экосистемы дубового леса может достигать 1000 лет. Далее, реформы Александра II, в частности, отмена крепостного права (1861 г.), привели к негативным экологическим последствиям, так как значительная часть земли была отобрана у крестьянских общин в пользу помещиков. Дороговизна аренды пахотных угодий привела к массовой вырубке лесов, принадлежащим общинам, и превращению их в поля и пастбища. В результате нарушилось экологическое равновесие, резко усилилась засушливость климата, участились неурожаи, в некоторых районах начался голод.

Модернизации XX века также оказывали неоднозначное влияние на экологию. Революция (1917 г.) и гражданская война (1917–1922 гг.) связанные с политическими реформами и сменой общественно-политического строя, негативно отразились на экологической обстановке. Боевые действия, голод, разруха, вторжение иностранных интервентов способствовали массовому браконьерству и разграблению природных богатств страны.

Во время существования СССР принимались законы, направленные на охрану природы, организовывались заповедники и заказники, ограничивалась вырубка лесов. Однако ускоренная индустриализация страны привела к загрязнению атмосферы и водоемов в промышленных районах. Химизация сельского хозяйства вызвала загрязнение почв и сельскохозяйственной продукции различными токсинами.

кантами, во многих реках и озерах отмечалась массовая гибель рыбы. Отбор воды из рек Амударья и Сырдарья для орошения хлопковых полей привел к высыханию Аральского моря и тяжелым экологическим последствиям. Освоение и эксплуатация нефтегазовых месторождений в Западной Сибири негативно повлияло на состояние тундровых и таежных экосистем на обширных пространствах.

Попытка модернизации экономики, предпринятая в 1985–1991 гг. предусматривала реализацию природоохранных мероприятий, но развал СССР и проведение рыночных реформ сделали эти задачи второстепенными.

Итак, при разработке стратегии очередной модернизации необходимо учитывать опыт прошлых лет, положительные и отрицательные результаты ранее проводимых реформ, и в частности, в области экологической политики.

К. Ю. ВОЙНОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ИМИДЖ СТРАНЫ КАК МНОГОМЕРНАЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В эпоху «информационного общества» изменения, происходящие в мире и тесно связанные с ними процессы модернизации, являются важнейшими факторами языкового развития: появляются «новые информационные технологии, непосредственно влияющие на процесс осмысления и интерпретации информации» [1, с. 5], поступающей к человеку главным образом в языковой форме. Представления людей об окружающем мире вообще и о странах, в частности, существенно расширяются, еще и потому, что в современном глобализующемся мире многие страны занимаются целенаправленным созданием, развитием и продвижением собственного положительного имиджа, посредством создания текстов разного типа. Как отмечает И. И. Степанова, «позитивный образ страны является важным инструментом привлечения инвестиций, расширения туристического бизнеса, усиления национальной гордости и т.д.» [2]. В этих условиях особую актуальность приобретает исследование тех языковых и неязыковых средств, которые используются в текстах для создания имиджа страны, являющегося сложной познавательной структурой.

Необходимость изучения имиджа страны обусловлена, в первую очередь, качественно новым уровнем развития социума, главной ценностью которого становится самая различная информация, в том числе и информация о других странах, поступающая к реципиенту по различным каналам коммуникации. Наряду с такими каналами коммуникации, как Интернет и СМИ, в репрезентации и последующем формировании имиджа страны немаловажную роль играют тексты туристической дестинации.

Существуют различные подходы к пониманию и определению имиджа. Впервые этот термин был введен в оборот американским экономистом и социологом К. Боулдингом в 60-х годах XX века. В своей книге «Имидж» он рассматривает имидж личности, затрагивая при этом сферу экономической и политической жизни общества [3]. В 70-х годах понятие имиджа, как специфического феномена, постепенно расширяется, он рассматривается в политологии и социальной психологии как «средство достижения личного успеха», а позже, как «эффективный прием воздействия и манипуляции» [4]. В отечественной науке одним из первых понятие «имидж» вводит О. А. Феофанов, занимающийся исследованием рекламы и общества. Он определяет имидж как основное средство психологического воздействия рекламодателя на потребителя. При этом важно, что имидж трактуется как «образ-представление, методом ассоциаций наделяющий объект дополнительными ценностями (социальными, психологическими, эстетическими), не имеющими основания в реальных свойствах самого объекта, но обладающими социальной значимостью для воспринимающих такой образ» [5, с. 149]. Проблемой имиджа занимаются и другие ученые. Так, М. М. Поплавский трактует имидж как «общее впечатление, которое оказывает человек на окружающих, восприятие вас другими людьми» [6, с. 12]. Г. Г. Почепцов, повторяя предыдущую мысль, определяет имидж как «взгляд другого, восприятие меня другими» [7, с. 54]. Е. Г. Горшкова и О. В. Бухаркова рассматривают имидж как специально проектируемый образ объекта или явления, *который целенаправленно внедряется в сознание целевой аудитории* [8] (курсив мой – К.В.). Авторами подчеркивается, что главная цель создания имиджа видится в формировании благоприятного отношения к объекту, таким образом, акцентируется эмоционально-оценочный аспект формирования имиджа. А. Ю. Панасюк уделяет особое внимание соотношению понятий «имидж» и «образ» и приходит к выводу, что эти понятия зачастую являются взаимозаменяемыми, но только в значении «внешний вид» и только в связи с обсуждением одной из составных частей имиджа [9]. Автор понимает под имиджем объекта «отношение человека к сформированному у него в результате восприятия характеристик объекта образу этого объекта (человека, предмета, явления)». Психологи подчеркивают, что в имидже просматриваются черты стереотипа, эмоционально окрашенного образа, как отражение в психике внешних и (или) внутренних характеристик объекта или явления. По мнению Д. И. Спичевой, имидж может пониматься как *«сформированный в психике людей образ объекта или мысленный образ действительности, устойчиво воспроиз-*

водящийся в индивидуальном или массовом сознании» [10] (курсив мой – прим. авт.). Такое понимание имиджа особенно актуально для нашего исследования, поскольку оно тесно связано с сознанием и, по сути, рассматривается как ментальное когнитивное образование.

Как видно из вышесказанного, ученые по-разному интерпретируют понятие «имидж» и с разных сторон подходят к его осмыслению. Зародившись в политологии и социологии, понятие «имидж» и область его употребления начинают постепенно расширяться. Появляются работы, в которых термин «имидж» употребляется не только применительно к человеку или объекту, но и применительно к такому понятию, как страна, что имеет для нашего исследования принципиальное значение.

Ю. Г. Лозовский справедливо отмечает, что особая значимость механизма формирования имиджа страны заключается в рассмотрении его как особого объекта лингвистики, имеющего свою структуру и языковые средства репрезентации этой структуры [11]. Определяя имидж в этом аспекте, А. П. Панкрухин утверждает, что имидж страны – это «специально созданный и признанный общественностью *положительный образ территории*, развитый на базе уже имеющихся у нее конкурентных преимуществ» [12] (курсив мой – прим. авт.). При этом источником информации о территории становятся тексты туристической дестинации, как особая познавательная структура, формирующая имидж страны.

А. Ф. Горохов предлагает разграничить органический и искусственно сформированный имидж страны [13]. Под органическим имиджем понимается набор определенных представлений, сформированных в мышлении индивида под воздействием различных естественных факторов. На органический имидж оказывает влияние, в первую очередь, сам индивид-турист, его внутренние ассоциации, его представления о стране, накопленная информация, то есть то, что обусловлено его жизненным опытом. Искусственный имидж страны формируется намеренно посредством проведения соответствующей коммуникационной политики предприятий туризма и туристических администраций [13]. На наш взгляд, искусственный имидж страны формируется главным образом через тексты туристической дестинации, где через символизацию основных ценностей и ресурсов территории в сознании и восприятии потенциального туриста строится определенный имидж страны.

Для нас представляется принципиально важным рассмотреть имидж с позиций лингвистики, выделить не только языковые средства создания и формирования имиджа, его структуру и компоненты, но и изучить механизмы использования разнообразных языковых средств воздействия на реципиентов, поскольку возможности, предоставляемые языком для осуществления воздействия значительны, ибо язык является не только средством общения, но и средством контроля, манипулирования.

Как уже было отмечено, языковые механизмы формирования имиджа страны представлены, прежде всего, текстами туристической дестинации. Термин «туристическая дестинация» был введен сравнительно недавно – в середине 1980-х гг. и до сих пор не получил однозначной трактовки. В традиционном понимании дестинация это географическая территория, локальность, имеющая определенные границы, которая может привлекать и удовлетворять потребности достаточно широкой группы туристов. А. П. Панкрухин определяет дестинацию как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков дестинации, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа» [14]. Ссылаясь на определение Всемирной туристической организации, А. Ф. Горохов в своей работе отмечает, что имидж туристической дестинации до совершения потенциальным туристом туристической поездки есть не что иное, как распространенное и устойчивое представление об отличительных или исключительных свойствах дестинации, с помощью которых она выделяется среди других [13].

Следует отметить, что такой имидж складывается в представлении туриста до совершения путешествия и является одним из основополагающих факторов, предопределяющих выбор дестинации туристом. На этом этапе важную роль в формировании положительного или отрицательного имиджа страны играют тексты туристической дестинации, воздействующие на реципиента с помощью вербальных и невербальных языковых средств. Имидж, сложившийся после совершения туристической поездки не идентичен предыдущему, в восприятии туриста он предстает как многомерная структура, как совокупность эмоциональных и рациональных представлений, формирующаяся из сопоставления всех особенностей дестинации, собственного опыта, а так же полученной информации, влияющей на создание определенного образа [13].

Как мы видим из определений различных авторов, понятие «туристической дестинации» представляет собой сложное и многогранное явление, толкование которого неоднозначно, прежде всего, в силу сложности, динамичности и противоречивости самих явлений, описываемых с его помощью. Подчеркивая целенаправленный характер понятия дестинации, под текстом туристической дестинации мы будем понимать поликодовый текст, адресованный потенциальному туристу и представляющий знания об уникальных характеристиках страны и исключительности ее территорий, посредством различных знаковых систем. К таким текстам мы относим туристические каталоги, путеводители, рекламные брошюры и пр.

Примечания

1. Гришаева Л. И., Пастухов А. Г., Чернышова Т. В. Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография. Орёл, 2010. С. 5.
2. Степанова И. И. Рецензия на монографию Э. Галумова «Имидж против имиджа» // Корпоративная имиджелогия. 2007. №1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ci-journal.ru/article/66/200701rezenzia_galumov
3. Boulding K. E. The Image: Knowledge in Life and Society. N-Y, 1956.
4. Шепель В. М. Имиджелогия. Как нравиться людям. М., 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.victoria.lviv.ua/html/interesno/image.html>
5. Феофанов О. А. Реклама и общество. М., 1974. С. 149.
6. Поплавский М. М. Как создать имидж. М, 1996. С. 12.
7. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. М, 2006. С. 54.
8. Бухаркова О. В., Горшкова Е. Г. Имидж лидера: технология создания и продвижения. СПб. 2007.
9. Панасюк А. Ю. Материалы Второго Международного симпозиума по имиджелогии / под ред. Е.А.Петровой. М., 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.socialpsychology.narod.ru/nauka/rits/image04_pred.html
10. Спичева Д. И. Феномен имиджа в современных научных исследованиях. М., 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pr.tsu.ru/articles/139/>
11. Лозовский Ю. Г. Языковые средства создания имиджа известной личности: на материале СМИ Приморского края: дис. канд. ... филол. наук. Владивосток, 2009.
12. Панкрухин А. П. Территориальный маркетинг // Маркетинг в России и за рубежом. 1997. № 3; 1999. №№ 5–6.
13. Горохов А. Ф. Комплексный подход к формированию маркетинговой стратегии развития туристической дестинации: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. СПб., 2007.
14. Панкрухин А. П. Территориальный маркетинг // Маркетинг в России и за рубежом. 1999. №№ 5–6. С. 130.

В. В. КАЛИНОВ

Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина, г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Формирование национальной инновационной системы (НИС) России требует решения, по меньшей мере, двух взаимосвязанных задач: совершить рывок к инновационной экономике и вплотную приступить к осуществлению глубокой социальной политики. В национальной инновационной системе (НИС) принято выделять суперструктуру, которая обеспечивает непосредственное продвижение разработок; и инфраструктуру, формирующую условия успешного протекания инновационных процессов. Инновационная инфраструктура, одновременно являясь фактором успешного формирования и развития НИС, представляет собой совокупность субъектов, осуществляющих материально-техническое, финансовое, организационно-методическое, информационное, консультационное и иное обеспечение инновационной деятельности. В процессе реализации государственной инновационной политики важной задачей является создание элементов инновационной инфраструктуры, способных обеспечить разработку и производство инновационной продукции. Это, прежде всего, технополисы, технопарки, промышленные парки, инновационные парки, научные парки, бизнес-инкубаторы и т.д.

Указанные инфраструктурные элементы, в свою очередь, предполагают создание льготных условий для функционирования начинающих свою деятельность малых инновационных предприятий, способствуя тем самым их становлению и последующему устойчивому развитию. Опыт ведущих стран демонстрирует достаточную эффективность подобных организационных форм, обеспечивающих инновационную деятельность. Так, во Франции, Южной Кореи, Японии преобладают технополисы, в Германии, Великобритании, Сингапуре, Финляндии, Таиланде, Индии – научно-технологические, софтверные, научно-промышленные парки, в Китае – зоны развития новых и высоких технологий, в США – бизнес-инкубаторы и ИТЦ [1, с.198]. Основную часть финансирования научно-технологических парков за рубежом осуществляет государство (от 60 % в Великобритании до 100 % в Бельгии) [2].

В 1990-е гг. предпринимались попытки формулирования национальной инновационной политики РФ. В частности, были созданы Инновационный комитет в рамках Высшего экономического совета при Президиуме Верховного Совета (1992 г.) и Фонд содействия малым предприятиям научно-технической сферы (1994 г.); принят Федеральный закон №88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ» (1995 г.); включен в федеральную программу «Реформирование и экономическое развитие РФ в 1995–1997 гг.» (1995 г.) раздел «Инновационная и научно-техническая

политика». Впервые были введены понятия «федеральная инновационная политика» и «государственная инновационная политика Российской Федерации».

Эксперты справедливо полагают, что первым концептуальным документом в области формирования современной государственной научно-технической политики явились «Основные положения концепции развития науки и техники Российской Федерации в 1992–1993 гг.», определившие семь новых приоритетов государственной научной политики, в том числе: сохранение лучших российских научных школ за счет стабильного бюджетного финансирования; переход от финансирования научных организаций к финансированию целевых проектов и программ; обеспечение множественности источников финансирования; создание региональных фондов поддержки научно-технического развития [3, с. 22-23].

Во второй половине 1990-х гг. были утверждены еще два важных концептуальных документа: «Концепция реформирования российской науки на период 1998–2000 гг.» и «Концепция государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества» (одобрена Постановлением Правительства РФ от 20 января 2000 г.).

В марте 2002 г. были приняты «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» (от 30.03.2002 г. № Пр-576), которые стали важнейшим документом, обозначившим переход от политики сохранения научно-технического потенциала к его воспроизводству в условиях становления национальной инновационной системы. Сферы науки и технологий была отнесена к числу высших приоритетов РФ.

С 2006 по 2010 гг. планировалось завершить формирование национальной инновационной системы и целостной, эффективной структуры научно-технического комплекса. Были определены приоритеты: ИТК, индустрия наносистем и новых материалов, живые системы, энергетика и энергосбережение, рациональное природопользование, авиационные и космические системы, транспортные, безопасность и борьба с терроризмом, военная и специальная техника.

Правительством РФ в 2004 г. были приняты постановления «Об инновационном агентстве», «Об инновациях в промышленности», «Об инновациях в космосе», «О промышленных инновациях». В этом же году был принят закон о поправках ко многим ранее принятым законам и разработанная Концепция участия Российской Федерации в управлении имущественными комплексами государственных организаций, осуществляющих деятельность в сфере науки (из-за намерения приватизировать часть научных учреждений вызвала негативную реакцию у части научного сообщества, депутатов Государственной Думы, и в итоге, не была принята).

Утвержденным оказался документ под названием «Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года» (2005 г.), определяющие цель, направления, задачи государственной инновационной политики, механизмы и основные меры по ее реализации. В этом документе намечалось к 2010 г. осуществление структурных преобразований в экономике, обеспечивающих рост доли в валовом внутреннем продукте наукоемких высокотехнологичных отраслей экономики. Документ содержал толкования таких понятий, как инновационная деятельность, инновационная система, инфраструктура инновационной системы и т.п. Был разработан и утвержден ряд федеральных целевых программ. Предусматривалась реализация конкретных мер с целью создания благоприятной экономической и правовой среды в отношении участников инновационной деятельности; формирования инфраструктуры инновационной системы; создания системы государственной поддержки процесса коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

В «Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года» (утверждена Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике 15 февраля 2006 г.) определялась стратегическая цель: формирование сбалансированного сектора исследований и разработок и эффективной инновационной системы, обеспечивающих технологическую модернизацию экономики и повышение ее конкурентоспособности, значимым явился комплекс инструментов и мер по достижению этой цели.

В 2005 г. был принят Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», в котором предусматривается порядок создания и деятельности на территории Российской Федерации технико-внедренческих особых экономических зон.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, принятой в 2006 г., среди основных направлений реализации перехода страны на инновационный путь развития, в частности предусматривалась структурная диверсификация экономики на основе повышения конкурентоспособности перерабатывающей промышленности и высокотехнологичных отраслей.

Исследование показало, что на региональном уровне (субъектов Федерации, краев и областей) также были разработаны соответствующие концептуальные и нормативно-правовые документы по развитию инновационной деятельности, например: «О мерах по развитию инновационной деятельности в республике Башкортостан»; Республиканская инновационная программа на 2008–2012 г. в Бурятии; «Об инновационной деятельности и научном инновационном обеспечении развития экономики в республике Дагестан»; «Об инновационной деятельности в Алтайском крае»; «О стратегии развития

науки, научно-технической и инновационной деятельности в Мурманской области на период до 2015 г.» и др. Только за период 2003–2007 гг. в субъектах Российской Федерации было принято более 60 нормативно-правовых документов по инновационной деятельности.

Особый интерес представляет ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». От реализации этой программы ожидается создание эффективной системы воспроизводства, продвижения и обновления научных и научно-педагогических кадров для организаций государственного сектора науки и образования и высоких технологий.

Тема инновационного развития страны явилась ключевой в обращении Президента РФ Д. А. Медведева к гражданам России в известной статье «Россия – вперед!»: «*В течение ближайших десятилетий Россия должна стать страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами: «умной» экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности*» [4].

Таким образом, на втором этапе инновационная политика в Российской Федерации приобрела концептуальную проработанность в целом, соответствие провозглашенных принципов, целей и задач как общемировым, так и общенациональным требованиям и тенденциям развития. В тоже время, блокирующими факторами для ее практической реализации явились: сохранение прежней управленческой модели в сфере исследований и разработок, ведомственно-корпоративный подход к принятию решений, неразвитость интеграционных процессов между наукой и производством, низкая инновационная восприимчивость промышленного сектора, квалификационные и возрастные диспропорции в кадровой сфере. В нормативно-правовой и законодательной базе функционирования национальной инновационной системы до сих пор отсутствует закон «Об инновационной деятельности». Так, в январе 1998 г. проект федерального закона «Об инновационной деятельности в Российской Федерации» был принят к рассмотрению Государственной Думой, но содержал много неточностей и поэтому был отозван. Второй законопроект «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике» прошел все этапы рассмотрения и чтения в Государственной Думе, был одобрен Советом Федерации, но в январе 2000 г. был отклонен В. В. Путиным.

Динамика инновационного развития, как ключевого направления модернизации, в целом невысока. Данные недавних опросов свидетельствуют о сохранении тенденции: инновационная активность промышленных предприятий, особенно средних (численностью до 250 человек), упала. Как показал опрос 1000 крупных и средних предприятий восьми отраслей промышленности, проведенный в 2009 г., только 3 % предприятий, попавших в выборку, ориентируются на уровень мирового рынка; в большинстве среднетехнологичных отраслей инновации были новыми только для внутреннего российского рынка, а в низкотехнологичных преобладают имитаторы. Соответственно, сократилось и число предприятий, финансирующих НИОКР – с 54,8 % в 2005 г. до 36 % в 2009 г. [5, с. 6]. Такой результат только отчасти можно объяснить влиянием кризиса.

Для функционирования инновационной среды важны:

- экономическая свобода;
- отсутствие коррупции;
- отсутствие бюрократических барьеров;
- совокупность условий для развития малого бизнеса;
- конкурентоспособность;
- доступность венчурного капитала;
- лояльное отношение общества к коммерческому успеху;
- защищенность от криминала и произвола чиновников;
- механизмы исполнения контрактов.

Практически по всем перечисленным аспектам у России имеются серьезные проблемы.

Главной проблемой, на которую в последнее время постоянно обращает внимание правительства президент Д. А. Медведев, является неблагоприятный инновационный климат в стране. К числу факторов, блокирующих активизацию инновационных процессов, можно отнести также слабую координацию правительства и бизнеса, недостаточное инвестирование инновационных процессов, низкую инновационную активность промышленного производства, отсутствие систем реальной защиты прав интеллектуальной собственности, практическое отсутствие национальной системы венчурного финансирования, неразвитость информационной среды, низкие темпы коммерциализации проектов, недостаточную мотивацию научного труда, «утечку умов», возрастную и квалификационную деформацию кадрового потенциала НИС, не отвечающую современным требованиям материально-техническую оснащенность, слабость интеграционных процессов, неэффективность системы налогового стимулирования вложений в инновационную деятельность, практическое отсутствие системы консалтинговых услуг, неразвитость научного потенциала предприятий и т.д.

Правительство России, разрабатывая концептуальные документы, механизмы формирования НИС, пытается применить зарубежный опыт. Но отличием отечественной организационной структуры государственного регулирования сфер науки и инновационной деятельности является высокая степень централизации и низкая степень координации межведомственных взаимодействий. Сравнитель-

но недавно начались изменения, направленные на придание ей большей гибкости, сформировались структуры, позволяющие включить в процесс разработки концептуальных основ, выбора приоритетов не только чиновников, но и других участников НИС, в частности, представителей бизнеса.

Примечания

1. Рожков Г. В. Региональные зоны роста инновационной экономики. М., 2009.
2. Мясникович М. В. Научные основы инновационной деятельности. Минск, 2003.
3. Семенов Е. В. Концептуальные основы государственной научной политики в постсоветской России // Вестник международных организаций. 2008. №1 (16). С. 22-23.
4. Медведев Д. А. Россия – вперед! [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения 25.03.2010 г.).
5. Дежина И. Г. Большие проекты как стимул инновационного развития России // Инновации. 2010. № 6(140). С. 6.

Т. В. ЗАМОСТЬЯНОВА, О. И. КУНГУРОВА

Ижевский государственный технический университет, г. Ижевск

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Научная актуальность и практическая значимость изучения государственной политики в сфере правовой защиты семьи, особенно молодой, не вызывает сомнений. Семья является одним из важных социальных институтов и, с точки зрения перспектив общественного развития, представляет собой один из определяющих факторов социально-экономического и демографического развития общества. На основе последних (2009 г.) выборочных исследований и экспертных оценок в Российской Федерации насчитывалось около 10 млн. молодых семей, что составляет приблизительно одну пятую часть от их общего числа (<http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/>).

Специфика этой категории населения определяется тем, что она находится в процессе своего становления, интенсивного развития, нестабильности внутрисемейных отношений, освоения социальных ролей, жизненных стратегий каждым членом семьи, а также ее социализацией в обществе как самостоятельного субъекта. Именно поэтому решение вышеперечисленных проблем предполагается с помощью создания эффективной системы государственной поддержки этой малой социальной группы, связанной брачными взаимоотношениями, общностью быта, эмоциональной близостью, взаимными правами и обязанностями по отношению друг к другу.

На конституционном уровне закреплён принцип государственной охраны, поддержки и защиты всех семей, данные положения напрямую касаются изучаемой категории – молодых семей [1, с. 3]. За последние 20 лет разработана значительная нормативная правовая база, регулирующая сферу семейных отношений [2].

Основополагающими плановыми документами, на основе которых строится государственная политика в отношении молодой семьи в современной России являются Концепция и Стратегия государственной молодежной политики Российской Федерации, принятые в 2001 г. на основе Указа Президента РФ от 14.05.1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики». Кроме этого действует Концепция государственной политики в отношении молодой семьи, утвержденная Министерством образования и науки от 08 мая 2007 г. № АФ-163/06. В соответствии с указанным рамочным документом основной задачей государственной молодежной политики является законодательное предоставление молодой семье самостоятельного социального статуса объекта государственной семейной политики и практическая реализация потенциала этого статуса во всех сферах ее жизнедеятельности.

Действующее законодательство на основе данных плановых документов предполагает разнообразные формы поддержки молодых семей, однако для оценки его социальной эффективности необходимо детальное изучение всех нормативно-правовых актов действующих в Российской Федерации.

Анализ законодательства в области государственной поддержки семей позволяет сформулировать основные направления мер поддержки: прямая государственная денежная помощь семьям в связи с рождением и воспитанием детей; натуральные выдачи семьям, имеющим детей; различные льготы, субсидии и компенсации семьям, имеющим детей (трудовые, пенсионные, налоговые, жилищные, и др.); социальные услуги, предоставляемые семьям, имеющим детей.

Для более детального изучения правовых актов, обратимся к рассмотрению нормативной базы в области семейных отношений на уровне субъектов Российской Федерации. В качестве примера возьмем Удмуртскую Республику [3, с. 4].

Основополагающим нормативным документом, определяющим региональную молодежную политику в субъекте, является закон от 29.12.2005 г. № 79-ПЗ «О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике». В качестве основных направлений нормативный акт закрепляет поддержку молодых семей, и в качестве мер предлагает: предоставление краткосрочных и долгосрочных кре-

дитов и займов на строительство и приобретение жилья, обустройство домашним хозяйством, приобретение предметов домашнего обихода длительного пользования, другие неотложные нужды; создание консультационных пунктов для молодой семьи; содействие организации семейного отдыха, летнего отдыха детей и молодежи. Указанные положения являются недостаточными в качестве направлений поддержки и не в полной мере реализуются в подзаконных актах республики.

Рассмотрение нормативно-правового обеспечения деятельности органов государственной власти в России и ее субъектах в области молодежной семейной политики позволяет говорить о том, что основной акцент в законодательстве сделан на поддержку малообеспеченных, многодетных семей, семьях группы социального риска, что оставляет вне пределов оказываемой протекции все молодые семьи.

Анализ всех нормативно-правовых актов, действующих в Российской Федерации, а также в Удмуртской Республике, дает возможность выявить основные проблемы законодательного обеспечения социальной защиты молодых семей:

- недостаточная четкость в законодательном определении функций органов и учреждений в сфере поддержки молодых семей;
- противоречия в законодательстве в области определения юридического статуса молодой семьи;
- отсутствие координации республиканского и муниципального уровней управления в реализации задач семейной политики;
- отсутствие необходимой дифференциации в социальной поддержке семей, недостаточно выраженный профилактический характер мер социальной политики;
- несовершенство законодательства, определяющего возможность улучшения жилищных условий молодых семей;
- существует обширная нормативно-правовая база, регулирующая область семейных отношений. Однако ни один из законов напрямую не регулируют общественные отношения в сфере поддержки молодых семей.

Вышеописанные проблемы позволяют сделать вывод о том, что как на федеральном, так и на региональном уровнях отсутствуют нормативно-правовые акты, учитывающие интересы всех молодых семей. Именно поэтому, необходима разработка законов: «О государственной поддержке молодых семей в Российской Федерации» и «О государственной поддержке молодых семей в Удмуртской Республике». Для реализации указанных нормативно-правовых актов необходимо внести изменения и дополнения в Указ Президента Российской Федерации № 712 от 14 мая 1996 г. «Об основных направлениях государственной семейной политики», разработать и принять Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах государственной поддержки молодой семьи».

Принятие законов «О государственной поддержке молодых семей в Российской Федерации» и «О государственной поддержке молодых семей в Удмуртской Республике» способствовало бы значительной активизации социальной политики, повернуло бы государство к необходимости решения проблем молодой семьи и определило механизмы, ориентирующие на создание условий молодой семье для решения ее ключевых проблем. В указанном законе необходимо отразить следующие направления регулирования сферы государственной поддержки молодых семей.

1. Закрепление юридического статуса молодой семьи.
2. Обеспечение государством соблюдения прав молодой семьи в решении социальных проблем.
3. Совершенствование системы государственных социальных гарантий с целью повышения уровня благосостояния молодых семей.
4. Пропаганда семейного образа жизни, повышение престижа социально благополучной семьи и др.
5. Совершенствование целевых программ, направленных на обеспечение жильем молодых семей.
6. Совершенствование и развитие сферы социального обслуживания молодых семей.
7. Организация поддержки предпринимательства молодых семей.
8. Организационные мероприятия по защите прав и интересов молодых семей в социально-трудовой сфере.
9. Охрана репродуктивного здоровья и здоровый образ жизни молодых семей.
10. Формирование у молодежи установки на создание крепкой, социально здоровой семьи.
11. Законодательное закрепление поддержки молодых семей в приобретении жилья и возможности социального найма жилых помещений.

Реализация указанных положений в принятом законе приведет к укреплению института молодой семьи, закреплению основных направлений ее социальной поддержки. Инициатива принятия данного нормативного акта должна исходить от молодой семьи как объекта государственной поддержки, депутатов молодежных парламентов субъектов Российской Федерации, молодежных организаций, специализированных центров молодой семьи.

Примечания

1. Конституции РФ. М., 2010.

2. Концепция государственной молодежной политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf141-10/vestniksf141-10090.htm>; О концепции государственной политики в отношении молодой семьи: распоряжение министерства образования и науки РФ № АФ-163/06 от 8.05.2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.admhmao.ru/socium/molod/Yprav/1760.htm>; Семейный кодекс РФ от 29.12.1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/family/>; О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/posobie/>; О мерах по социальной поддержке многодетных семей: федеральный закон от 05.05.1992 г. № 431. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ethnocid.netda.ru/state_rf/president/elzin050592.htm; Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 03.07.1998 г. № 124. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2365>; Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.07.1999 г. № 120. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.femida.info/52/oospb001.htm>; Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/>; О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: федеральный закон от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.molodezh67.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=171&Itemid=18; О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12151286/>; О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части государственной поддержки граждан, имеющих детей: федеральный закон от 5.12.06 г. № 207. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/100176>; Об образовании: федеральный закон от 10.07.1992 № 3266-1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/edu/43_1.html; О Подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей», входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы: постановление Правительства РФ от 28.08.2002 г. № 638. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/oficial/doc/postan_rf/638.shtml; О правилах предоставления субсидий за счет средств федерального бюджета молодым семьям – участникам подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей», входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы, в случае рождения (усыновления) ребенка: приказ Министерства образования РФ от 10.07.2003 г. № 2975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sirota-lo.ru/content/view/155/143/>; Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: федеральный закон от 10.12.1995 №195-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.legis.ru/misc/doc/567/>.

3. Конституция УР. Ижевск, 2009; О государственной молодежной политике в УР: закон УР от 29.12.2005 г. № 79-РЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.udmurtialaws.ru/index.php?ds=891854>; О государственной молодежной политике в УР: закон УР от 29.12.2005 г. № 79-РЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.udmurtialaws.ru/index.php?ds=891854>; Об утверждении Республиканской целевой программы демографического развития УР на 2009–2010 годы: постановление Правительства УР от 28.12.2009 № 380. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw0532010-02-16.html>; О размере, порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия на ребенка: постановление Правительства УР от 14.02.2005 г. № 19. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://udmurtia.news-city.info/docs/sistemsz/dok_ieqadi.htm; О предоставлении молодым семьям компенсации процентной ставки по жилищным кредитам и займам и социальных выплат при рождении (усыновлении) детей (наличии детей) за счёт средств бюджета Удмуртской Республики: постановление Правительства УР от 01.06.2009 г. № 132. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izh.ru/izh/info/35206.html>; О внесении изменений в Положение о порядке предоставления молодым семьям компенсации процентной ставки по жилищным кредитам и займам и социальных выплат при рождении (усыновлении) детей (наличии детей) за счёт средств бюджета Удмуртской Республики, утверждённое постановлением Правительства Удмуртской Республики от 1.06.2009 г. № 132: постановление Правительства УР от 22.06.2009 № 161. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=383812>; О мерах по реализации в Удмуртской Республике подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы: постановление Правительства УР от 16.11.2009 г. № 329. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/udmurtia/215673/>; О жилищных займах гражданам за счет средств бюджета УР: постановление Правительства УР от 9.04.2007 г. № 52. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/udmurtia/164903/>.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Проблема социально-отклоняющегося поведения имеет значительную актуальность применительно к несовершеннолетним, поскольку именно в этом возрасте закладываются основы формирования личности.

Социализация формирующейся личности подростка является одной из основных в социологии, изучающей установленные и действующие в обществе механизмы передачи социального опыта от поколения к поколению, соответствующие процессы и институты социализации. Социализация призвана обеспечить постоянный личностный рост. Социализация является успешной, если индивид осваивает необходимые социальные роли, одобряемые данным обществом, социальные нормы, стереотипы поведения, социальные ценности. Но не всегда социализация происходит как поступательное движение вверх. Это сложный процесс, который, особенно в подростковом возрасте, сопровождается кризисами. Человек не всегда может справиться с кризисом социализации, и дальнейшее развитие его личности может пойти по нисходящей траектории.

Особенно губительно злоупотребление алкоголем в подростковой среде - поражается и настоящее, и будущее общества. От этого страдает все общество, но в первую очередь под угрозу ставится подрастающее поколение: дети и подростки. Так как употребление алкогольных напитков особенно активно влияют на не сформировавшийся организм, постепенно разрушая его. При систематическом употреблении алкоголя развиваются опасные болезни, а также сохраняется высокий уровень заболеваемости алкогольными психозами. Они не только опасны для здоровья человека, но и практически неизлечимы. Общественное отношение к ранней алкоголизации сегодня в подавляющем большинстве случаев характеризуется как негативное и отвергающее. Социальный аспект проблемы заключается в том, чтобы понять всю сложность взаимоотношений между подростком, употребляющим алкоголь и разными уровнями его социального окружения.

В нашем исследовании мы ставим целью исследование особенностей употребления алкоголя в подростковой среде. Реализуя данную цель, в 2010 г. был проведен опрос среди учащихся школ в возрасте 14-18 лет. Исследование проводилось в старших классах пяти школ города Барнаула. Сбор научной информации осуществлялся с помощью анонимного анкетирования. Всего было обработано 720 анкет.

Выборочная совокупность исследования по составу исследуемых признаков адекватны пропорциям генеральной совокупности. Применение количественных методов основано на предположении о том, что изучаемая совокупность признаков подчиняется определенному статистическому закону распределения, в данном случае – нормальному закону (гауссовское распределение). Проведенный анализ в виде теста хи-квадрат показал, что для уровня значимости $\alpha = 0,01$ $\chi^2 > \chi^2_{\text{крит.}}$ [1,2]. Таким образом, с вероятностью 0,99 можно утверждать, что выборочная совокупность исследования распределена по нормальному закону.

В ходе социологического опроса учащимся задавался вопрос об употреблении ими спиртных напитков, при этом представлялась возможность оценить частоту их употребления по шкале: «каждый день», «два-три раза в неделю», «раз в месяц и реже» и «никогда». Полученные материалы показывают, что спиртные напитки «каждый день» употребляют 2% опрошенных, «два-три раза в неделю» – 4,2%, «раз в месяц и реже» – 32,8% и «никогда» – 61%.

Исследуя проблему систематического употребления спиртных напитков, необходимо заметить гендерные различия: юношей употребляющих «два-три раза в неделю» и чаще оказалось 4,9%, девушек – 1,3%.

Среди основных особенностей отношения подростков к употреблению алкоголя особый интерес представляет их отношение к людям, употребляющим спиртные напитки. Данные, полученные в ходе исследования, показывают, что 11,1% опрошенных подростков одобряют такое поведение. При этом обнаружены различия при сравнении ответов подростков употребляющих и не употребляющих спиртные напитки. Так, 62,5% подростков, склонных к употреблению алкоголя, и 35,9% подростков не употребляющих спиртные напитки, одобряют такое поведение, не видя ничего отрицательного, что позволяет говорить о формировании толерантного отношения к людям, систематически употребляющим алкоголь.

Одним из важных неблагоприятных факторов приобщения подростков к употреблению спиртных напитков является негативный пример родителей, употребляющих алкоголь. Не имея перед собой положительного примера для подражания среди родителей, подростки начинают «перенимать» асоциальное поведение родителей как основу и для своего поведения. В семьях, в которых концентрируются различные отрицательные факторы (правонарушения, совершаемые родителями и иными членами семьи, пьянство и алкоголизм, систематические конфликты и скандалы), дети оказываются заброшенными, у них пропадает привязанность к родителям. Негативные факторы, воздействующие на подростков со стороны родителей, играют основную роль при выборе дальнейшего типа поведе-

ния. По результатам нашего исследования, значительная часть родителей употребляют алкоголь. «Один раз в месяц» и чаще употребляют спиртные напитки 56,7% отцов (отчимов) и 23,6% матерей (мачех).

Когда в семье систематически употребляет алкоголь один из родителей, это приводит к разводам, которые отрицательно сказываются на социализации подростков, так как супругам после развода обычно не удается сохранить нормальные отношения, столь важные для полноценного развития подростка. Утрата возможности более или менее регулярно общаться с родителем, покинувшим семью, по мере необходимости прибегать к его помощи, сочувствию, одобрению травмирует психику подростка. Если же оба родителя систематически употребляют спиртные напитки, это вдвойне опасно. На наличие часто и много пьющего родителя указали 5,5%. Случаев наркомании в семьях не указал ни один из подростков.

В нетрезвом состоянии между родителями случаются скандалы, драки; в момент ярости, повышенной раздражительности могут кричать, наказывать своих детей за незначительные ошибки в поведении, и часто это провоцирует ответное агрессивное поведение подростка и как следствие появление асоциального поведения. Тенденция к асоциальному поведению прослеживается в отношениях респондентов к соблюдению законов. Так, 66,5% подростков, которые употребляют спиртные напитки, считают, что законы не должны неукоснительно соблюдаться, и при определенных обстоятельствах могут быть нарушены, т.е. намечается переход от девиантного поведения к делинквентному.

В современных условиях семья является основным социальным институтом, который функционально влияет на эффективность процесса социализации подростков. Формирование нормативных образцов поведения подростков играет ведущую роль в становлении личности, выступая в качестве исходной социокультурной среды жизнедеятельности детей и подростков. Именно в семье ребенок получает свой первый социальный опыт, овладевает элементарными знаниями, моделями поведения, нормативными и ценностными представлениями. Через призму семьи преломляются социальные нормы, ценности, она может усиливать, ослаблять или нейтрализовать их воздействие. Семья закладывает фундамент для дальнейшего развития личности ребенка: станет ли он девиантом или, напротив, успешно социализируется в обществе – во многом зависит от состояния семьи, ее социальных, экономических, структурных и психологических параметров. При оценке взаимоотношений подростков с обоими родителями было установлено, что «довольны отношениями с отцом» 62,6%, с матерью – 89,6% от общего числа опрошенных. При этом желающих видеть свою будущую семью, похожей на настоящую, оказалось всего около трети подростков (29,9%), затруднились ответить 42,4%.

В ходе социологического опроса мы выясняли у подростков отношение их родителей к употреблению спиртных напитков. В этой связи, выясняли: информированность родителей об употреблении спиртных напитков, возможные способы наказания и откуда подростки берут деньги на приобретение спиртных напитков.

Ответы подростков на вопрос о том, знают ли их родители, что они употребляют алкоголь, показывают, что 32,6% родителей информированы об употреблении спиртных напитков их ребенком. Среди основных способов наказания учащихся за употребление спиртных напитков доминирует применение физического насилия (42,3%), на применение психологического и экономического насилия указали 34,5% и 18,3% соответственно. И, наконец, незначительное число подростков (4,9%) фиксируют явное устранение своих родителей от проблемы употребления ими спиртных напитков, таким образом, родители создают ситуацию неопределенности на проявление девиантного поведения подростка. Особое внимание заслуживает вопрос о том, откуда учащиеся берут деньги на приобретение спиртных напитков. Большинство употребляющих алкоголь подростков (75,6%) указывает на то, что их карманные деньги, которые дают им родители. Таким образом, большинство родителей не контролирует траты своих детей, то есть подросток может «сэкономить» деньги на обед и приобрести алкоголь или сигареты.

Несмотря на большое многообразие проведения досуга, большинство опрошенных подростков проводят свободное время следующим образом: 46,1%, – гуляют на улице с друзьями, 10,1% – у телевизора, 9,4% – играют в компьютер и лишь 19,3% отдают предпочтение чтению книг, занятиям спортом, посещению театров и т.д.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что в современной социально-экономической ситуации отсутствуют эффективные механизмы, предупреждающие употребление спиртных напитков в подростковой среде. Во-первых, не соблюдаются законодательные нормы, запрещающие продажу спиртных напитков подросткам. Во-вторых, формируется толерантное отношение к людям, систематически употребляющим алкоголь. В-третьих, родители не только не контролируют деньги, выделяемые подростку, но и часто сами подают отрицательный пример подросткам. В-четвертых, прослеживается тенденция к делинквентному поведению среди подростков, употребляющих алкоголь. В-пятых, бессодержательный досуг создает предпосылки для употребления спиртных напитков.

Эффективное решение проблемы употребления спиртных напитков в подростковой среде может быть осуществлено посредством профилактических мероприятий. Профилактика должна включать в себя три этапа.

Первый этап. Первичная профилактика – имеет целью предотвратить возникновение нарушения или болезни, предупредить негативные исходы и усилить позитивные результаты развития подростка. На этом этапе работа по профилактике алкоголизма должна быть направлена:

- воздействие средств массовой информации о вреде алкоголизма и изменение школьной политики по отношению к алкоголю, наркотикам и табачным изделиям;
- предоставление подросткам возможности овладения определенными поведенческими навыками, облегчающими следование здоровому образу жизни;
- выявление детей группы риска;
- работу с родителями (предоставить родителям необходимую информацию по проблеме; оказать помощь в осознании собственных семейных и социальных ресурсов, способствующих преодолению внутрисемейных проблем и т.д.);
- работу с педагогическим коллективом (подготовка специалистов, способных проводить уроки по позитивной профилактике алкоголя в школах и по выявлению группы риска).

Второй этап. Вторичная профилактика – это раннее выявление начавших употреблять алкоголь подростков (группа риска) и оказание им помощи в преодолении пагубной привычки, во избежание возникновения у них психической и физической зависимости от интоксикации алкоголя. На этом этапе работа должна быть направлена:

- выявление, лечение и наблюдение за подростками группы риска;
- создание реабилитационных центров, где все методы психотерапевтической работы направлены на социализацию и адаптацию подростка;
- оказание профессиональной медико-психологической и психотерапевтической помощи нуждающимся родителям.

Третий этап. Третичная профилактика подросткового алкоголизма направлена на восстановление личности и ее полноценного функционирования в социальной среде:

- реализация реабилитационных программ (психотерапевтические, психологические и социальные методики интеграции личности в общество);
- создание групп взаимопомощи;
- физическое и психическое восстановление, а также восстановление и дальнейшее функционирование личности в обществе;
- восстановление и позитивное развитие социального функционирования, (создание новых межличностных связей, наполнение их позитивным человеческим смыслом, духовным содержанием, а также восстановление либо построение новой здоровой социальной сети).

Профилактика алкогольной зависимости представляет собой стратегию, направленную на снижение факторов риска данного заболевания либо на усиление других факторов, которые понижают восприимчивость к появлению болезни.

Примечания

1. Рабочая книга социолога / под общ. ред. и предисл. Г. В. Осипова: 3-е изд. М., 1977.
2. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности: 6-е изд. М., 2003.

А. А. КОРЧАГИН

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

НЕДОСТАТКИ ОРГАНИЗАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ УБИЙСТВАХ

Современная ситуация в России характеризуется ростом числа преступлений, в том числе особо тяжких – умышленных убийств. По данным ГУВД Алтайского края в 2004 г. в Алтайском крае было зарегистрировано 519 убийств, в 2005 г. – 541, в 2006 г. – 478, в 2007 г. – 409, в 2008 г. – 380, в 2009 г. – 295, в 2010 г. – 264 убийства.

Количество убийств и покушений на них за период в Алтайском крае с 2004 г. по 2007 г. уменьшилось на 110 фактов или на 21,2 % (с 519 до 409), в текущем году – на 31 факт (с 246 до 215 или на 12,6 %). Наибольшее их количество было зарегистрировано в 2005 г. (541). Во многом это связано со значительным ростом числа уголовных дел, возбужденных органами прокуратуры по фактам безвестного исчезновения граждан в результате проверки отказных материалов и розыскных дел по ним. Так, в 2005 г. было возбуждено 99 уголовных дел, тогда как в 2004 году – 38, в 2006 году – 44. При уменьшении количества зарегистрированных убийств, вместе с тем, отмечается снижение их раскрываемости. Так в 2009 г. было раскрыто 94% убийств, в 2010 г. – 91,4%. В качестве основных

причин снижения раскрываемости убийств можно назвать допускаемые органами дознания и следствия недостатки проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, а также нарушения действующего уголовно-процессуального законодательства.

Отмечая общие недостатки, характерные для работы по всем тяжким преступлениям против личности, необходимо остановиться на качестве осмотров мест происшествий, проведение которых по-прежнему остается на низком профессиональном уровне.

Ненадлежащее обеспечение охраны и ограничения доступа посторонних к месту происшествия, в отдельных случаях приводит к изменениям обстановки, уничтожению следов, оставленных преступниками. В результате СОГ по прибытии изымает окурки, слюну, следы обуви, СПР и иные следы, оставленные человеком. Впоследствии по назначенным вещественным доказательствам назначаются экспертизы (порой дорогостоящие), тратится драгоценное время и, в результате, эксперты усугубляют, что след (как правило, следы пальцев рук) оставлен сотрудником правоохранительных органов.

Продолжают иметь место случаи выезда следственно-оперативных групп не в полном составе, в большинстве случаев это касается выездов на осмотры по криминальным сообщениям о фактах причинения тяжкого вреда здоровью. Изучение протоколов осмотров мест происшествий свидетельствует о том, что в ряде случаев осмотры проводятся поверхностно, достаточного внимания обнаружению, фиксации и изъятию материальных следов преступления не уделяется.

Нередко осмотру подвергается только непосредственно место происшествия, прилегающая территория не осматривается или осматривается поверхностно.

В процессе работы по преступлениям против личности на первоначальном этапе нередко случаи минимального сбора информации в отношении потерпевшего, его связей, что, в дальнейшем, влияет на ход их раскрытия.

Одной из проблем в раскрытии убийств является отсутствие должной организации оперативного сопровождения уголовных дел после установления и задержания лиц, подозреваемых в совершении убийств, что влечет освобождение от ответственности виновных. Одним из таких примеров является уголовное дело № 115639, возбужденное 14.05.2007 г. по факту обнаружения обгоревшего трупа Пенкина Виктора Ефимовича, 23.03.1952 г.р. у автотрассы с. Ново-Бураново – с. Березовка Краснощековского района с черепно-мозговой травмой. 27.05.2007 г. за совершение данного преступления задержаны Л., 1985 г.р., К., 1988 г.р.

Первоначально подозреваемые давали признательные показания, проведены проверки показаний на месте, изъяты: одежда, монтировка, чехлы, проведен осмотр автомобиля, по результатам экспертиз кровь не обнаружена, в настоящее время подозреваемые от показаний отказались. 14.10.2007 г. уголовное дело было приостановлено по п. 1 ст. 208 УПК РФ.

В «борьбе» за высокую раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений, в ходе работы по криминальным сообщениям, где обстоятельства причинения телесных повреждений неочевидны, возбуждается ст. 112 УК РФ, что делается, как правило, с ведома руководства ОВД и квалификация преступления не меняется до получения результатов судебно-медицинской экспертизы. Сбор первоначального материала поручается участковым уполномоченным милиции, которые зачастую не обладают навыками, необходимыми для качественного сбора доказательственной базы по преступлениям данного вида. В результате к моменту переквалификации в уголовном деле, в лучшем случае, имеются скудные объяснения потерпевшего, его ближайших родственников и результаты судебно-медицинской экспертизы. Лица, находившиеся в момент причинения телесных повреждений рядом с потерпевшим, не устанавливаются и не опрашиваются. Одежда пострадавшего, в которой он находился, не устанавливается, изымается несвоевременно, а иногда и вообще утрачивается. Зачастую такие уголовные дела, несмотря на то, что преступление очевидное или получевидное, впоследствии приостанавливаются по п. 1 ст. 208 УПК РФ из-за отсутствия доказательственной базы.

При выявлении возможного подозреваемого, зачастую, оперативные сотрудники отработку его в полном объеме не проводят, ограничиваются опросом с использованием «Полиграфа», результатам которого безоговорочно верят. Крайне редки случаи «отработки» фигурантов оперативным путем в условиях дежурной части. Имеют место случаи, когда фигуранты не дактилоскопируются, их фото-, видеосъемка не проводится, образцы для сравнительного исследования не изымаются.

Отсутствие должного контроля за ходом расследования, зачастую, приводит к необоснованному приостановлению уголовных дел по различным надуманным основаниям, как правило, за неустановлением лица, совершившего преступление. Перечисленные недостатки существенно снижают раскрываемость и качество расследования уголовных дел об убийствах. В целях улучшения раскрываемости и качества расследования уголовных дел об убийствах, необходимо:

- дальнейшее совершенствование взаимодействия следователей с органами дознания при расследовании данных убийств. Взаимодействие должно выражаться в регулярном проведении совместных совещаний, обмене имеющейся следственной и оперативной информацией, совместном планировании следственных действий и оперативных мероприятий;

- целесообразной является, на наш взгляд, специализация следователей по расследованию убийств. Должны быть следователи, знающие специфику расследования данной категории уголовных дел, умеющие на основе анализа складывающихся ситуаций определять наиболее вероятные направления расследования и с учетом этого планировать и осуществлять следственные, оперативно-розыскные действия;

- изучение практики показывает, что при расследовании убийств, практически не используется помощь экспертов-психологов, экспертов-психиатров в целях составления психологического облика неизвестного убийцы. Это, на наш взгляд, является серьезным недостатком, снижающим эффективность раскрытия и расследования данных дел, что должно быть устранено;

- следует значительно улучшить технико-криминалистическое и техническое обеспечение следователей, оперативных работников и экспертов, ибо, как показывает практика, эффективность проводимых следственных и оперативных мероприятий оказывается не высокой из-за отсутствия таких средств.

Необходимо дальнейшее изучение практики раскрытия и расследования убийств в целях повышения эффективности борьбы с ними криминалистическими методами.

М. В. КРУЧИНСКАЯ

Ижевский государственный технический университет, г. Ижевск

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЧАЛА 1990-Х ГГ.: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ

Институт местного самоуправления, его становление и развитие составляют основу демократических преобразований в современной России. В начале 1990-х гг. был сделан выбор в пользу западно-европейской модели организации местной власти, основанной на идее права местного сообщества на самоорганизацию без вмешательства со стороны государственной власти.

Реализация данной концепции была осложнена действовавшей в советской политической системе практикой функционирования местных Советов как органов государственной власти на местах. Её преодоление было осуществлено в рамках политики демократизации, результатом которой стал постепенный переход от органов государственной власти на местах к органам местного самоуправления.

Правовое сопровождение данного процесса было подготовлено принятыми на уровне союзного центра (1990 г.) и РСФСР (1991 г.) законами о местном самоуправлении [1].

Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» и вносимые в соответствии с ним изменения в Конституцию СССР, не меняли природу местных Советов как органов государственной власти и управления (ст. 145). Однако в нее было включено понятие местного самоуправления, которое определялось в законе как «самоорганизация граждан для решения непосредственно или через избираемые ими органы всех вопросов местного значения». В качестве механизма реализации самоуправления выступали местные Советы, органы территориального общественного самоуправления населения (советы и комитеты микрорайонов, домовые, уличные, квартальные, сельские комитеты и другие органы), а также местные референдумы, собрания, сходы граждан, иные формы непосредственной демократии. Первичным территориальным уровнем местного самоуправления признавался сельсовет, поселок (район), город (район в городе). Закон предоставил право союзным и автономным республикам самостоятельно определять и другие уровни, исходя из местных особенностей.

Одним из основных принципов местного самоуправления определялось сочетание местных и государственных интересов в деятельности Советов. Основой местного хозяйства рассматривалась коммунальная собственность, включавшая имущество, создаваемое или приобретаемое органами местного самоуправления за счет принадлежащих им средств, а также передаваемое им безвозмездно союзными и республиканскими органами. При этом коммунальная собственность была не чем иным, как разновидностью государственной собственности, отданной вышестоящим уровнем органов государственной власти в управление и хозяйственное ведение органам местного самоуправления [2, с. 20]. Местные Советы получали возможность ставить вопрос о передаче им в собственность предприятий и учреждений, принадлежащих другим собственникам, но имеющих большое значение для обеспечения населения коммунально-бытовыми и социально-культурными услугами.

В рамках реформы 24 мая 1991 г. понятие «местное самоуправление» и «органы территориального общественного самоуправления» были включены не только в статьи, посвященные местным Советам, но и в названия соответствующих разделов (разд. VII и гл. 17). Согласно новой редакции ст. 137 Советы народных депутатов на уровне края, области, автономной области, автономного округа все еще оставались местными органами государственной власти.

В то же время согласно ст. 138 «местное самоуправление в районах, городах, поселках и сельских населенных пунктах осуществляется населением через соответствующие местные Советы народных депутатов, как главное звено системы местного самоуправления, органы территориального общественного самоуправления населения, а также местные референдумы, собрания, сходы граждан и иные формы непосредственной демократии» [3, с. 5-6].

Принятый 6 июля 1991 г. Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» в полной мере отразил процессы суверенизации местной власти и разгосударствления управления, происходившие в стране. Он предусматривал: расширение сферы государственной власти, к которой были отнесены края, области, республики в составе РСФСР, автономные области, округа; формирование новой территориальной структуры местного самоуправления – районы, города, районы в городах, поселки, сельские пункты и территориальные общественные образования; децентрализацию законодательства в сфере местного самоуправления; создание новой экономической и финансовой базы самоуправления; деконцентрацию власти на уровне местного самоуправления.

Понятие «местное самоуправление» было определено в Законе как система организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения исходя из интересов населения, его исторических, национально-этнических и иных особенностей. Ст. 7 установила принцип разграничения полномочий органов местного самоуправления и органов государственной власти [4].

Были разделены функции местных представительных и исполнительных органов на основе разграничения их полномочий в основных сферах деятельности. В организационном отношении это выразилось в запрете должностным лицам местной администрации одновременно являться и депутатами соответствующего Совета, а в функциональном – в закреплении полномочий главы администрации как его собственной компетенции с одновременным изъятием из компетенции Советов права решать любой вопрос, отнесенный к данному уровню власти, т.е. Совет не мог принимать на себя решение дел, отнесенных к ведению администрации.

За местными Советами закон закрепил довольно широкий круг полномочий в сферах местной жизни: утверждение бюджета, планов, программ социально-экономического развития и отчетов об их исполнении; образование внебюджетных и валютных фондов, определение их статуса и целевого назначения; установление местных налогов и сборов, цен и тарифов; установление порядка назначения на должность и освобождения от нее руководителей муниципальных предприятий, учреждений и организаций; определение льгот, в том числе налоговых, в целях стимулирования отдельных видов предпринимательской деятельности; определения порядка предоставления и изъятия земельных участков; утверждение правил учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и др.

Таким образом, была сделана попытка развести полномочия Совета как представительного органа власти и как органа местной администрации [5, с. 90; 6, с. 90]. Местная администрация, заменившая в результате критики коллегиальных начал в управлении исполкомы местных Советов, была включена в систему местного самоуправления как орган управления, осуществляющий исполнительно-распорядительные функции. Данный закон и местную администрацию как орган управления, и местное самоуправление в целом не относил к государственной власти, определяя их самостоятельность.

Принципиальное новшество состояло в том, что местная администрация, будучи подотчетна местным Советам и вышестоящим исполнительным и распорядительным органам, уже не являлась органом соответствующего местного Совета в отличие от прежних исполкомов, которые хотя и были фактически независимы от Советов, но юридически считались их исполнительными и распорядительными органами. В то же время Советы получали право утверждения структуры администрации, размера расходов на ее содержание и освобождения от должности руководителей ее органов и подразделений. Большинством в 2/3 своего состава Совет мог поставить вопрос о наличии оснований для отзыва мэра.

На практике исполкомы на время были наделены всеми полномочиями местной администрации. Главы администраций, пришедшие на смену председателям исполкомов местных Советов, действовали, как правило, на принципе единоначалия. Хотя многое зависело от того, наделял ли Совет действовавшего председателя исполкома полномочиями главы администрации или нет. Введение этой должности было, безусловно, ответом Президента на поддержку рядом местных органов действий ГКЧП в августе 1991 г. [7].

Оценивая ситуацию в Удмуртии, председатель комиссии по вопросам законодательства, законности, привилегий, прав и обращений граждан Верховного Совета УР П. Н. Дианов отмечал, что на уровне местных, в частности, городских Советов действует администрация, образованная не путем выборов, предусмотренных в законе, а временно преобразованная из исполкомов [8].

Постановление Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» предписывало Верховным Советам республик в составе РСФСР привести свое законодательство в соответствие и до 1 октября 1991 г. внести в Президиум Верховного Совета РСФСР предложения по передаче объектов государственной собственности в муниципальную [9].

В сложившихся условиях Верховным Советом УР была предпринята попытка создать новую правовую базу местной власти. К разработке и предварительному обсуждению привлекались работники местных Советов. Более 250 замечаний и предложений поступило из городов и районов республики по проекту Закона о местном самоуправлении в Удмуртской Республике, около 50 – к Закону о выборах глав местной администрации, 75 – к проекту Закона об административно-территориальном устройстве Удмуртской Республики [10]. Отдельно разрабатывались рекомендации по обеспечению бюджетных прав местных Советов, укреплению экономической и финансовой базы местного самоуправления.

На сессиях Верховного Совета УР рассматривались многочисленные законодательные инициативы местных Советов, в частности, Глазовского, Можгинского, Сарпульского горсоветов, Красногорского, Можгинского и некоторых других райсоветов. Была изучена и одобрена инициатива Сарапульского горсовета об учреждении страхового фонда местного самоуправления. Для координации работы по развитию местного самоуправления в республике, обеспечения взаимодействия Верховного Совета с местными Советами и их органами Президиумом Верховного Совета УР было принято Положение о соборании председателей городских и районных Советов народных депутатов Удмуртской Республики.

17 октября 1991 г. Верховным Советом УР был принят Закон УР «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике». Ст. 3 определила структуру системы местного самоуправления: представительные органы власти – местные Советы народных депутатов; органы управления – местная администрация; органы территориального общественного самоуправления населения; местные референдумы. Ст. 9 к обязанностям органов государственной власти и управления Удмуртской Республики отнесла содействие развитию системы местного самоуправления на территории республики. Законодателями было определено восемь направлений деятельности органов государственной власти: 1) сбалансированная бюджетная политика; 2) распределение средств, выделенных на финансирование республиканских программ, и контроль за их расходованием; 3) организация мероприятий республиканского характера с привлечением районов и городов; 4) решение вопросов административно-территориального устройства республики; 5) осуществление полномочий, переданных им на договорной основе районными, городскими Советами; 6) передача на договорной основе районным, городским Советам своих отдельных полномочий; 7) оказание методической помощи; 8) разрешение споров между отдельными Советами [11].

Закон УР «О выборах главы местной администрации в Удмуртской Республике» от 15 октября 1991 г. установил порядок проведения выборов. Кандидаты на должность главы местной администрации могли быть выдвинуты от трудовых коллективов, политических партий, профессиональных союзов, общественно-политических движений, избирателей по месту жительства. Ст. 23 определила порог явки избирателей в 50 %. Избранными считались кандидаты на должность главы местной администрации, получившие на выборах больше половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании [12].

Полное разделение государственной власти и местного самоуправления произошло по конституционной реформе 21 апреля 1992 г. Согласно редакции ст. 85 Конституции РФ Съезд и Верховный Совет РФ, представительные органы республик, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга «образуют систему представительных органов государственной власти в Российской Федерации». Следовательно, только на двух уровнях – федеральном и субъектов Федерации – существует государственная власть. В ст. 85 была включена ч. 2 следующего содержания: «Местные Советы народных депутатов – районные, городские, районные в городах, поселковые, сельские – входят в систему местного самоуправления».

На этом был завершён первый этап формирования правовой базы местного самоуправления в России. Дальнейшее ее оформление осуществлялось в условиях жесткого политического противостояния исполнительной (Президент РФ) и законодательной (Верховный Совет РФ) ветвей власти и, во многом, явилось следствием тех процессов. Был осуществлен окончательный отказ от советской формы организации местной власти, на смену которой пришла западноевропейская модель местного самоуправления. Конституционное закрепление новой формы организации местной власти породило множество трудностей в процессах управления, особенно в регионах. В частности, в Удмуртии новая система организации местной власти сложилась раньше на уровне города, чем республики, то есть до принятия Закона УР «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике» (27 января 1994 г.). По Уставу г. Ижевска, вступившего в действие 28 октября 1993 г., всенародно избранный мэр стал совмещать должности председателя Городской Думы и Главы администрации. Была ликвидирована властная субъектность районов г. Ижевска – оставались только назначаемые мэром главы районных администраций.

Это предопределило необходимость и основные направления последующих преобразований местной власти, которые сопровождались совершенствованием ее правовой базы в 1995 и 2003 гг.

Примечания

1. Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР: закон СССР // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 44. Ст. 914; О местном самоуправлении в РСФСР: закон РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010, 1011.
2. Бегунов А. Г., Семенов Ю. В., Шишкин М. И. Государственное регулирование развития местного самоуправления. Ижевск, 1999.
3. Авакьян С. А. Местное самоуправление в Российской Федерации: концепции и решения нового закона // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1996. № 2. С. 5-6.
4. О местном самоуправлении в РСФСР: закон РСФСР // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.
5. Цейтлин Р. С., Сергеев С. А. История государственного управления и муниципального самоуправления в России. М., 2004.
6. Местное самоуправление / под ред. В. И. Васильева. М., 1999.
7. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1146.
8. Архивный отдел Администрации г. Ижевска. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2524. Л. 33-34.
9. Удмуртская правда. 1991. 27 августа.
10. Информация о работе Президиума Верховного Совета Удмуртской Республики двенадцатого созыва (апрель 1990 г. – февраль 1993 г.) Ижевск, 1993.
11. Удмуртская правда. 1991. 5 ноября.
12. Удмуртская правда. 1991. 13 ноября.

В. М. ЛОПУХОВ, Н. Г. ЛОПУХОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «ЭЛЕКТРОННАЯ РОССИЯ (2002–2010 ГОДЫ)» В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

28 января 2002 г. постановлением Правительства РФ № 65 утверждена Федеральная целевая программа (ФЦП) «Электронная Россия (2002–2010 годы)». ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)» (далее Программа) была запланирована как своеобразная попытка рывка в «цифровое будущее», которое для развитых стран уже стало настоящим. Программа напрямую не была ориентирована на достижение мгновенных экономических результатов. Например, стимуляция развития российского рынка высоких технологий не являлась ее непосредственной задачей. Хотя после пяти лет её проведения (в 2007 г.) Минэкономразвития России отнесло её к низкоэффективным программам, она дала некоторые положительные результаты.

Согласно целям Программы, реализация ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)» – это переход на электронный документооборот между Федеральными структурами, как способ повышения качества предоставляемых государственных услуг. Согласно поэтапному переходу на электронный документооборот, в стране должна произойти существенная реорганизация отношений между государственными структурами, бизнес-сообществами и гражданами [1].

Это означало, что органы власти всех уровней должны стать более доступными для граждан, а их деятельность – более прозрачной и более эффективной. Прозрачность должна быть достигнута за счет обязательной электронной публикации и создания баз данных по всем документам, не имеющим статуса секретных, эффективность – за счет перевода в электронную форму значительных объемов документооборота.

За время реализации программы её паспорт три раза получал изменения, утверждённые постановлениями Правительства Российской Федерации от 15 августа 2006 г. № 502, от 10 сентября 2009 г. № 721 и от 9 июня 2010 г. № 403. Но из всех редакций можно выделить две цели Программы, как особо значимые при модернизации современного российского общества:

- повышение оперативности предоставления государственных услуг, требующих межведомственного взаимодействия, снижение числа обращений граждан и организаций в органы государственной власти и сокращение времени вынужденного ожидания, внедрение единых стандартов обслуживания населения, создание условий для предоставления государственных услуг на принципе «одного окна»;
- расширение возможности доступа граждан к информации для реализации своих конституционных прав, в том числе к сведениям о деятельности органов государственной власти.

Использование информационных и телекоммуникационных технологий в современном информационном обществе Алтайского края, как и всей Российской Федерации, является необходимым условием обеспечения соответствия государственного управления ожиданиям и потребностям населения.

В изменениях Программы 2010 г. говорится, что «многими органами государственной власти созданы сайты в сети Интернет, на которых размещается нормативная правовая, справочная и новостная информация, связанная с деятельностью этих органов. Имеется опыт успешного обмена данными в электронном виде между ведомствами, а также между государственными органами, населением и организациями». Так, в Алтайском крае успешно функционируют официальные сайты Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) Алтайского края, Управления Федеральной налоговой службы по Алтайскому краю, Отделения по Алтайскому краю Пенсионного фонда РФ, Управления Федеральной миграционной службы по Алтайскому краю, Главного управления экономики и инвестиций Алтайского края, Управления по труду и занятости населения Алтайского края, Управления Алтайского края по обеспечению деятельности мировых судей, Главного управления внутренних дел по Алтайскому краю и другие (Рисунок 1). Также функционирует Портал государственных услуг Алтайского края.

На официальном сайте Департамента государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России указаны 122 целевых индикатора, выделенных в Программе (<http://fcp.vpk.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2007/134/>). Те индикаторы, выполнение которых измеряется в процентном эквиваленте, на 2010 г. имели значение 100%. Вот те показатели результативности мероприятий Программы, которые, по мнению автора, являются особо значимыми и популярными для населения Алтайского края:

- прием налоговой декларации по налогу на доходы физических лиц, земельному налогу, налогу на имущество;
- государственный технический осмотр транспортных средств;
- регистрация автотранспортных средств и прицепов к ним;
- государственная регистрация юридических лиц и физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств;
- таможенное оформление товаров;
- информирование о положении на рынке труда в Российской Федерации, правах и гарантиях в области занятости населения и защиты от безработицы;
- информирование застрахованных лиц о состоянии их индивидуальных лицевых счетов в системе обязательного пенсионного страхования согласно Федеральным законам от 01.04.1996 N 27-ФЗ (ред. от 8.12.2010) «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» (принят ГД ФС РФ 08.12.1995) и от 24.07.2002 N 111-ФЗ (ред. от 27.12.2009), «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 26.06.2002);
- прием от застрахованных лиц заявлений о выборе инвестиционного портфеля (управляющей компании) или о переходе в негосударственный пенсионный фонд для передачи им средств пенсионных накоплений;
- информирование граждан о предоставлении государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг;
- оформление, выдача, замена и учет выданных паспортов гражданина Российской Федерации, а также иных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации в пределах Российской Федерации;
- предоставление библиографической информации из государственных библиотечных фондов;
- предоставление информации из государственных библиотечных фондов в части, не касающейся авторских прав;
- предоставление гражданам и организациям доступа к информации о квалификации медицинских и фармацевтических работников;
- предоставление гражданам и организациям информации об оказании высокотехнологичной медицинской помощи населению Российской Федерации за счет средств федерального бюджета;
- регистрация лекарственных средств, предоставление гражданам и организациям доступа к информации о лекарственных средствах, прошедших регистрацию;
- предоставление официальной статистической информации по запросам граждан и организаций;
- прием, регистрация и рассмотрение в органах внутренних дел Российской Федерации сообщений о преступлениях и иной информации о правонарушениях;
- предоставление сведений об административных правонарушениях в области дорожного движения;
- прием квалификационных экзаменов и выдача водительских удостоверений;
- государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним;
- постановка объектов недвижимости на государственный кадастровый учет;
- предоставление сведений, содержащихся в государственном кадастре недвижимости, размещение публичных кадастровых карт в сети Интернет.

Рисунок 1 – Примеры сайтов Государственных органов Алтайского края

Ту или иную услугу можно получить на сайтах Государственных органов Алтайского края с различной степенью удобства и полноты.

Так, выполнение показателя «государственный технический осмотр транспортных средств» можно увидеть на сайте ГИБДД Алтайского края [2]. Есть информация по вопросам прохождения государственного технического осмотра. К сожалению, услуга записи через Интернет на техосмотр транспортного средства предоставляется в экспериментальном тестовом порядке только на одном пункте, адрес которого на страницах ГИБДД и самого пункта техосмотра отличаются номером дома. Присутствует инструкция о прохождении техосмотра.

В соответствии с пунктом 3 постановления Правительства РФ № 880 «Госавтоинспекция может привлекать в установленном порядке на конкурсной основе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к участию в проверке технического состояния транспортных средств с использованием средств технического диагностирования при государственном техническом осмотре» [3]. Поэтому заявка на прохождения техосмотра принимается не на сайте ГИБДД Алтайского края, а на сайте коммерческой компании «АвтоИнфо» (<http://www.awtoinfo.ru/?q=node/10>).

Показатели, определяющие прием налоговых деклараций, можно увидеть на официальном сайте Управления Федеральной налоговой службы по Алтайскому краю [4].

В качестве недостатков при предоставлении органами государственной власти населению требуемой информации в Паспорте программы 2010 г. были отмечены: отсутствие необходимой нормативной правовой базы, базовых стандартов, регламентов, одинаковых форматов хранения данных, рекомендаций и общей классификации применяемых информационных систем. Это видно из сравнения сайтов указанных Государственных органов [1].

Некоторые сайты (например, сайт отделения Пенсионного фонда РФ по Алтайскому краю) сами не предоставляют услуги, переводя пользователя на Федеральный интернет-портал государственных услуг [5], несмотря на то, что достаточно успешно функционирует Портал государственных услуг Алтайского края [6]. Портал предоставляет 16 групп услуг как физическим, так и юридическим лицам. Имеются различные инструменты поиска услуги.

Интернет-технологии позволяют гражданам Алтайского края получить информацию при обращении на сайты Государственных органов в режиме вопрос-ответ или через гостевую книгу. Очень популярна информация об адресах, телефонах органов, телефонах «горячих линий», новостная информация и информация соискателям о вакансиях.

Сегодня видно, что в Российской Федерации созданы все необходимые предпосылки для совершенствования работы государственного аппарата по предоставлению государственных услуг населению и организациям на основе широкого использования информационных и коммуникационных технологий.

Примечания

1. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)»: постановление Правительства РФ от 28.01.2002 N 65 (ред. от 09.06.2010).
2. Официальный сайт ГИБДД Алтайского края. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.22.gibdd.ru>.
3. О порядке проведения государственного технического осмотра транспортных средств, зарегистрированных в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31.07.1998 № 880 (ред. от 13.11.2010).
4. Официальный сайт Управления Федеральной налоговой службы по Алтайскому краю. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.r22.nalog.ru>.
5. Интернет-портал государственных услуг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gosuslugi.ru>.
6. Портал государственных услуг Алтайского края. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gos.alregn.ru:85/web/guest/main>

О. В. МЕЖЕНИНА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕЗИДЕНТА РФ КАК ЭЛЕМЕНТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Президентство в России, как и любой другой институт, имеет определенные точки опоры. К важнейшим из них, несомненно, относится верхушка чиновничества. Иначе и быть не может, так как основная масса политических руководителей выросла в советский период и впитала в себя дух номенклатурной системы. Б. Ельцин, как профессиональный советский чиновник, был инициатором и организатором собственного аппарата, правда, с заимствованием из западных аналогов названием. Администрация Президента была создана в июле 1991 г. для обеспечения его деятельности. В это же время, а именно, после августовских событий 1991 г. появился в России институт полномочных представителей Президента в субъектах Федерации. Объяснялось это необходимостью преодоления политического кризиса после «августовского» путча.

С самого начала природа этого института имела двойную суть. С одной стороны, он был связующим звеном между президентом и органами власти на местах, но с другой – изначально формировался как контрольный орган за деятельностью региональных властей, что в условиях политической нестабильности давало президенту хороший шанс стабилизировать свою власть. Интересен тот факт, что должность представителя президента вызвала особую неприязнь депутатского корпуса, который неоднократно принимал решения о ее упразднении. В 1993 г. Конституция закрепила за президентом уже апробированное им право назначать полномочных представителей, она стала правовой основой дальнейшего развития этого института. В 1990-е гг. неоднократно менялся статус полномочных представителей Президента. Сначала они представляли главу государства в субъектах Федерации, а в 1996 г. в очередном Указе Президента дали определение понятию «регион», который мог совпадать с границами территориальных субъектов Федерации или объединять несколько субъектов. То есть институт полномочных представителей в субъектах Федерации был преобразован в институт полномочных представителей в регионах. В итоге количество полпредов сократилось, а полномочия их теперь точно соответствовали президентским. Таким образом, этот институт приобретал некую самостоятельность в рамках президентского института.

В рамках преодоления «расползания» регионов и усиления «вертикали власти» идея усиления полномочий полпредов, казалась многим необходимой и своевременной. Считается, что в 1990-е гг. полномочные представители Президента не выполняли своих функций и были лишь номинальными фигурами. Указом от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе Президента РФ в Федеральном округе» было создано семь федеральных округов, которые во многом совпадают с военными. Только Калининградская область, не относится ни к какому военному округу, являясь самостоятельной военно-административной единицей, а Нижегородская относится не к Поволжскому, а к Московскому военному округу.

Известно, что идея создания федеральных округов под предводительством «неких генерал-губернаторов» принадлежала еще «младореформаторам», однако в середине 1990-х у них не хватило административных ресурсов для реализации этого проекта, поскольку требовалась поддержка силовых структур. Но когда к власти пришел В. В. Путин, идея была претворена в жизнь – вышеупомянутый указ был подписан спустя несколько дней после инаугурации нового российского лидера.

Подобного рода инициатива имеет исторические аналоги, ведь недаром в отечественной прессе полпредов Президента уже окрестили «наместниками», «генерал-губернаторами» и пр. Первоначально большинство из назначенных полпредов в прошлом занимали генеральские должности (исключение составил только полпред Приволжского округа С. В. Кириенко). Именно этот факт дал остроловам повод окрестить федеральные округа – генерал-губернаторствами, а некоторые даже сравнивают Федеральные округа с Совнархозами. Ряд исследователей считали появление нового института временной мерой, на период становления новой власти [1, с. 64]. Хотя другие исследователи (Р. Саква, З. Бжезинский) считают, что учреждение федеральных округов есть пара-конституционная мера и лишь изображается как средство оптимальной организации исполнительной власти.

Долгое время в отечественной прессе муссировалась целесообразность утвержденной «нарезки» на федеральные округа после опубликования соответствующего перечня. Например, если «резать» округа, исходя из экономических соображений, экономического районирования, то их должно быть значительно больше. Поэтому учреждение федеральных округов именно в таком виде порождает, по меньшей мере, одну очень серьезную проблему – фактическое разрушение ассоциаций экономического взаимодействия, которые формировались ранее с учетом экономического потенциала регионов. Существуют точки зрения, согласно которым столицы Федеральных округов следовало бы располагать в тех регионах, которые являются проблемными или «наименее развитыми», дабы стимулировать социально-экономическое развитие соответствующего субъекта Федерации.

Полномочия полпреда в 2000 г. претерпели некоторые изменения. До реформы эта должность напоминала полномочия дьяков Приказа Тайных дел при дворе Алексея Михайловича в XVII в. («над послами и над воеводами досматривать и царю, приехав, сказывать»), то есть контролировать исполнение решений президента в субъектах федерации. Теперь они расширились. В числе новых функций полпредов появился анализ эффективности деятельности правоохранительных органов в федеральном округе, а также их кадрового обеспечения. Все это повлияло на структуру территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и систему органов прокуратуры. Особую роль играют в деятельности полпредов кадровые полномочия. Особенно актуальны они стали после изменения порядка назначения глав субъектов Федерации, поскольку сбор материалов о кандидатах и их представление в Администрацию Президента России аккумулированы в аппарате полпредов. Все это делало их положение по отношению к органам власти в субъекте Федерации более весомым. Хотя стоит учитывать, что полпред не наделен самостоятельной компетенцией, его назначение – только обеспечение осуществления полномочий президента. Как пишет З. Хисамова: «Полпреды любят называть себя “щупальцами президента”, и это очень точная метафора. Щупальцами можно обнаружить что-нибудь, затянуть и съесть. А чтобы построить что-нибудь, нужны руки» [2, с. 62]. В последние годы был создан механизм обратной связи с федеральными органами, что привело к установлению взаимоотношений полпреда со всеми федеральными органами исполнительной власти. Таким образом, у института полномочных представителей усилены позиции именно в государственном управлении. Мало того, в последнее время все чаще встречаются предложения о расширении полномочий полпредов в регулировании экономики, определении бюджетной политики и межбюджетных отношений [3, с. 177]. Однако данное предложение представляется неправомерным, поскольку возможность вмешательства в бюджетный процесс того или иного субъекта Федерации со стороны полпреда противоречит Конституции РФ, ибо статус представителя Президента никак не закреплен в Основном законе страны, а региональный бюджет – сфера ведения местного законодательного органа.

Несмотря на формально определенные задачи, можно выделить как минимум четыре неформальные функции института представителей Президента РФ:

- превращение полпредов в своего рода контролеров решений Центра в регионах (этаких «дембаронов»), при этом мыслится, что главы администраций на местах будут покорно исполнять их указания;
- полпред, как рычаг давления на тайных или явных соперников и вообще на «окружающую политическую среду» (неподконтрольные Кремлю олигархи, «старая команда» президентской администрации, ставленники «Семьи» в Правительстве РФ и т.д.);
- активное участие (порой совместно с Генпрокуратурой и иными правоохранительными органами) в управлении региональными выборами;
- создание эффективных механизмов взаимодействия государства и общества, Президента и граждан.

Понятно, что исполнение поставленных Президентом как формальных, так и неформальных задач, во многом зависит от личностного фактора полномочных представителей. По результатам деятельности президентских «наместников» за первый год можно констатировать то, что одни из них справились, а другие оказались не в состоянии совладать с поставленными задачами. Также

становится ясным и то, что для Президента некоторые из его представителей являются фигурами компромисса.

Логика президентских назначений в целом проследить можно. Например, назначения в Центральном и Северо-Западном Федеральных округах связаны были с необходимостью контроля информационных и финансовых потоков в Москве и Санкт-Петербурге, там во главе округов были поставлены наиболее преданные президенту люди – Полтавченко и Черкесов. То есть перед всеми полпредами были поставлены определенные неформальные задачи. Судя по частым кадровым перестановкам, не все из них справились. Некоторые «наместники» не справились, ибо в «подведомственных» им субъектах Федерации большую роль играют руководители олигархических группировок, многие из которых и определяют экономическую ситуацию в регионе. Часто их аппараты формируются из представителей местных правящей и бизнес элит, в результате институт полпредства превращается в очередной инструмент лоббизма со стороны крупных финансово-промышленных групп в «высших эшелонах власти».

Исходя из вышесказанного, хотелось бы отметить, что если и существует необходимость сохранения этого института, то только при выполнении полпредами другой задачи, а, именно, содействие созданию механизмов взаимодействия государственных структур и общества, то есть создание тех промежуточных органов управления, которые и являются основой гражданского общества. Именно через посредство подобного рода структур должны обеспечиваться конституционные права граждан, как экономического, так и социального порядка (зарплаты, пенсии, пособия), вноситься предложения о применении мер юридической ответственности к конкретным должностным лицам, которые посягнули на конституционные права и свободы граждан.

Судя по всему, институт полномочных представителей Президента РФ все еще находится в процессе становления, а его дальнейшая судьба еще не решена окончательно. По сути, представители президента, чья легитимность основана лишь на указе главы государства, изначально были таким уникальным субститутутом власти – то есть образованием, дублирующим существующие и более легитимные институты. Наличие таких надстроек придает системе власти в России определенную устойчивость и маневренность, что в ситуации неразвитости политических институтов крайне важно. Благодаря этому полпреды достаточно мобильны и способны в любой момент переориентироваться на новые возникающие задачи. Пока внятно и четко круг этих задач, по всей видимости, так не определился. Поэтому переназначения полпредов Дмитрием Медведевым говорит о том, что этот субститут в ближайшее время трогать не будут.

Примечания

1. Лысенко В. Безопасность регионов и от регионов // Эксперт. 2000. №46(258). С. 64.
2. Хисамова З. Щупальца Президента // Эксперт. 2000. № 44 (256). С. 62.
3. Дегтев Г. В. Становление и развитие института президентства в России. М., 2005.

В. А. МЕЛЁХИН, А. П. МИХАЙЛОВ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ В СТРУКТУРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ

Современная отечественная социология определяет религию как мировоззрение и поведение отдельного человека, группы, общности, которые обуславливаются верой в существование сверхъестественного [1, с. 639]. Как самостоятельная дисциплина, социология религии имеет свой предмет исследования. Она изучает генезис, социальные функции, место и роль религии в обществе, её структуру. Эта дисциплина рассматривает религию в качестве социальной подсистемы в общем социальном контексте, исследует взаимосвязи религиозных групп, общностей, институтов с другими общественными группами и институтами. К предметной области социологии религии относятся такие проблемы секуляризации и религиозности. Социологический анализ религии предполагает выявление её социальных, гносеологических, психологических корней [1, с. 748].

В структуре социологии религии следует выделять следующие уровни знания:

- система фундаментальных положений, раскрывающих сущность религии, её отношение к экономическому базису, её социальные корни и т.д.;
- система знаний с меньшей степенью общности по сравнению со знаниями первого уровня. К понятиям этого уровня относятся: структура религии, функции религии, уровни религиозного сознания, культ, религиозные объединения, религиозная группа, секта, церковь и т.п.;
- совокупность операционально-интерпретируемых понятий и эмпирических обобщений: религиозность, критерии религиозности, состояние религиозности, типы людей по отношению к религии и др. Операциональная интерпретация понятий играет важную роль в разработке методики конкретно-

социологических исследований, а эмпирические обобщения служат основой дальнейшего теоретического анализа [2].

Социология религии – наука во многом эмпирическая, основывающаяся на фактах, т.е. тех моментах социальной действительности, которые можно увидеть, строго зафиксировать и научно описать. Для социолога религиозность, прежде всего, доступное наблюдению поведение человека в широком смысле слова, которое включает его деятельность, а также факторы, которые включены в эту деятельность. Исходя из эмпирических данных, социология и в области изучения религии стремится к познанию реальных, конкретных связей, взаимодействий, институтов, проникая в сущность социальных явлений, постигая их природу, раскрывая до самых первооснов религию как социальный феномен. В контексте взаимодействия социологического знания с психологическим анализом религиозности следует понимать, что психолог имеет дело с религией как психическим феноменом, а не социальным. Его интересует не те процессы, которые происходят в обществе под воздействием религии, не функции, выполняемые религией в обществе в отличие от морали, права, искусства или философии, а скорее субъективная сторона религии, религия в контексте человеческой психики. Психология религии изучает психологические законы развития и функционирования религиозных чувств, потребностей, мотивов и т.д., их структуру и направленность, влияние на нерелигиозные сферы жизнедеятельности (психику индивида и её структуру).

При всём различии, социологический и психологический подходы исследования религиозности как социального явления имеют общее поле предметного взаимодействия, взаимно предполагая и дополняя друг друга.

Центральная тема социологии религии – взаимодействие религии и общества. Социология концентрируется на социальном «измерении» религии, её влиянии на социальное поведение. Социологу в своей исследовательской деятельности следует опираться на исторические данные, но в отличие от историка обобщать правила, образцы поведения, способы религиозной мотивации, а не отдельные факты исторического порядка, характеризующие ту или иную религию.

Общий для всех наук о религии, включая социологию религии принцип – опора на сбор и анализ эмпирических данных. Этот конституирующий научные знания о религии принцип одновременно является разделительной чертой между научным исследованием религии и феноменологическим, философским и телеологическим.

Социолог, изучая религию, имеет дело с тем, что доступно его чувственному восприятию. Поэтому в социологический анализ религиозности не включается сверхъестественное, ограничивая своё познание сбором эмпирических данных. Социолог изучает то, что может быть измерено, что можно наблюдать и проверить. Он не может удовлетвориться общим впечатлением или теологическими аргументами в подтверждении, например, тезиса о том, что религиозная вера вызывает и обуславливает нравственное поведение или атеист, человек неверующий, уже по этому факту аморален.

Только эмпирические данные могут подтвердить или опровергнуть это утверждение. Социолог, в результате исследования должен подтвердить или опровергнуть такое утверждение и только располагая соответствующей информацией, он может строить теоретические модели.

Социология религии – научная дисциплина, которая, если исходить из понимания того, что она есть теория среднего уровня (по Р. Мертону) в своей эмпирической части основывается на фактах: моментах социальной действительности, которую можно увидеть, строго зафиксировать и научно описать.

Для социолога феномен религии – совокупность поведенческих актов индивидов, социальных групп, вербальных действий индивидов и продуктов их деятельности (материальной и духовной), т.е. то, что делают, высказывают и думают люди, их мнения, достижения и реализация как процесс их социально-жизненной активности.

Таким образом, областью, к которой относится предмет социологии религии, является лишь доступное наблюдению поведение человека в широком смысле слова, которое включает его деятельность (действия, отказ от действий, речь или напротив молчание и т.д.), а также факторы, которые включены в соответствующую деятельность: среда обитания, климат и другие объективные условия жизни.

Не только объективные условия жизни изучаются социологией религии, она исследует также и субъективные суждения по поводу отношений, складывающихся в результате того, что люди придерживаются той или иной веры, а отсюда и соответствующее следствие, которое может иметь существенное значение на формирование общественных отношений в целом.

Социология религии в настоящее время сложилась как самостоятельная социологическая дисциплина. Она позволяет понять уникальную сущность религии, определить её роль и место в жизни любого общества на всех этапах его развития. Знание основных проблем социологии религии помогает глубже разобраться в тех социальных процессах, которые происходят сегодня в российском обществе, и определить влияние на них различных религиозных конфессий.

Примечания

1. Энциклопедический социологический словарь / под ред. Г. В. Осипова. М., 1995. С. 639.
2. Вох И. Социология религии // Социология религии: классические подходы: хрестоматия / под ред. М. П. Гапочки. М., 1994.
3. Веремчук В. И. Социология религии: учебное пособие для студентов вузов. М., 2004.
4. Яблоков И. Н. Методологические проблемы социологии религии. М., 1972.
5. Гараджа В. И. Социология религии: учеб. пособие для вузов. М., 1996.

Т. В. НАЙМУШИНА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

В течение последних нескольких десятилетий экологическая тематика является едва ли не самой обсуждаемой всем человечеством. Существует множество научных и философских исследований, посвященных осмыслению сложившегося ныне состояния экологических отношений и поиску путей разрешения всего комплекса экологических проблем. Обсуждение экологической проблематики широко развернулось во всех сферах общественного сознания и на всех уровнях его функционирования – от обыденно-эмпирического до научно-теоретического и философского.

Сегодня условия цивилизационного развития – расширение природопользования, развитие техно-сферы, распространение эпидемии урбанистического мировосприятия, этика глобализма и гигантомании, возникновение технократического и потребительского стиля мышления – привели к отчуждению человека не только от природы, но и от человеческого сообщества, от самого себя. Этим объясняется бесконечное множество современных экологических проблем естественного, социального и социоприродного характера, способных привести человечество к глобальному экологическому кризису, на грань выживания. В связи с данным замечанием необходим поиск реальных путей и средств, позволяющих гармонизировать отношения в экокомплексах любого порядка [1, с. 40-46].

Поскольку речь идет о судьбах человечества и его культуры, то в обсуждении экологической тематики сегодня принимают активное участие не только естествоиспытатели (как было, например, еще несколько десятилетий назад), но и философы, социологи, культурологи, педагоги, представители творческой интеллигенции.

Сегодня человечество стоит на «развилке» путей, определяющих его последующее существование. В философской литературе этому вопросу отводится немало места. В частности, широко рассматривается проблема смены глобальных культурных эпох – техногенно-потребительской и духовно-экологической (ноосферной). Причем, первая рассматривается уже как реальность, а вторая – как тенденция, перспектива социальной эволюции.

Итак, *техногенно-потребительская цивилизация – это культурно-исторический тип организации общества, характеризующийся приоритетом достижения материальных благ над духовным совершенствованием личности, социума, социоприродных отношений.*

Ведущим концептом является антропоцентризм. Именно антропоцентризм составляет мировоззренческую основу техногенно-потребительской цивилизации. В подобных условиях техногенно-потребительской цивилизации чудовищные трансформации претерпевает образ самого человека, который становится элементом «космополитичной аморфной массы, лишенной корней». Из бесконечного «божественного микрокосма он превращается в конечное и смертное невротическое существо». Это моральный тип личности-эгоиста, тип «человека-аккумулятора».

Специфическими особенностями общественного сознания в техногенно-потребительской цивилизации являются:

- абсолютизированный антропоцентризм (отражает формулу «человек – венец и властелин природы»);
- отсутствие фундаментальности (отражает формулу «узкая специализированность знания приносит лучшие результаты в различных сферах жизни»);
- прикладная направленность (отражает формулу «истинно знание, имеющее практическое применение и приносящее практическую пользу»; отсюда приоритет естественнонаучного знания, неразрывно связанного с экспериментом и конкретно-образным мировосприятием);
- духовная деградация (отражает формулу «достижение материальных благ – высшая цель жизнедеятельности»).

Подобное сознание можно определить как *антропоцентристское техногенно-потребительское сознание*. В соответствии с качеством такого сознания формируются и картины мира. Но утверждение, что в техногенно-потребительской цивилизации формируется экологическое сознание и ЭКМ, на наш взгляд, несколько условно и метафорично, потому что в описанном нами типе общества степень развития экологического сознания чрезвычайно незначительна, значит, и отдельной экологической

картины мира как формы интеграции экологического знания, видимо, не существует или существует в крайне извращенном виде. Говоря об ЭКМ, культивируемой техногенно-потребительским обществом, в частности, с помощью системы образования, следует отметить, что, по сути, в этой картине искажены представления об оптимальных системно-структурных отношениях. Хотя, конечно же, нельзя отрицать, что и в техногенно-потребительском обществе есть личности, которые вопреки социокультурным обстоятельствам являются отдельными носителями подлинного экологического сознания и подлинной ЭКМ. Но, к сожалению, их единицы, и их голоса можно сравнить с гласом вопиющего в пустыне.

Видимо, реальным стратегическим направлением, способным перевести познавательные, ценностные, образовательные концепты в принципиально иное русло, должен стать переход к духовно-экологической цивилизации, в которой кардинальные изменения претерпевает восприятие мира и отражение его в сознании. Рассмотрим, в чем же заключается суть данного типа цивилизации.

Духовно-экологическая цивилизация – это культурно-исторический тип организации общества, при котором имеет место приоритет духовного развития, а материальное производство выступает лишь средством достижения данной цели.

Ведущим концептом во всех областях является эгоцентризм. Эгоцентризм составляет мировоззренческую основу духовно-экологической цивилизации и во всех проявлениях он означает приоритет духовной «вертикали» бытия и отказ от абсолютизации культа его телесной «горизонтальности».

В этой связи важнейшее значение в становлении духовно-экологической цивилизации приобретает такое направление как оптимология нравственных отношений. Значимо то, что под нравственным отношением следует понимать отношение взаимодействия и бесконфликтного сосуществования человека и мира во всех его проявлениях.

В подобном контексте совершенно иное содержание, чем в техногенно-потребительской цивилизации, приобретает качество личности. Человек уже выступает не как центр Мироздания, вокруг которого и для которого все существует, а как органичная часть огромного мира – Микрокосм в системе Макрокосма [2, с. 20-25].

Бесспорным является то, что главная целевая установка духовно-экологической цивилизации – приближение к социальной и социоприродной гармонии, которая опирается на особое, во многом противоположное антропоцентристскому техногенно-потребительскому, качество сознания. Его можно обозначить как *эгоцентристское ноогенное сознание*. Оно имеет следующие черты:

- эгоцентризм (представляет объектом познания целостный Мир-Систему и отдельные предметы мира, в качестве которых выступает экоконтинент «Си – ОС», где Си-человек – элемент мира (экоконтинента), воплощающий системно-структурные взаимосвязи; сочетает космологическую, биологическую, социальную, культурологическую, духовно-нравственную и пр. сущности человека);
- фундаментальность (предполагает холистичность, выражающуюся в сочетании философско-научной теоретико-методологической обоснованности и внерациональных способов познания, раскрывающих сущность мира и его предметов);
- широкая направленность («обслуживает» потребности не только материально-практических сфер жизни за счет оптимальной и обоснованной прогностичности, практичности и деловитости, но и духовные запросы; отсюда высокий уровень развития не только естественнонаучного, но и гуманитарного знания);
- связь с естественной природой (выработка трепетного, заботливого и самоограничительного отношения к природе);
- развитая внерациональность (отражение эстетической чувственности, образного мышления, сердечной эмоциональности, нравственного идеала, культурных традиций; отсюда высокий уровень развития духовно-творческих способностей);
- духовная направленность (признание главенства духовных ценностей над материальными).

Только с таким сознанием связаны по-настоящему холистичные и духовно наполненные экологическое сознание и ЭКМ. Если изначально такие формы сознания и знания существуют на уровне коллективного субъекта – социокультурной общности, то впоследствии при определенных условиях они становятся атрибутами индивидуальной личности. Массовое формирование эгоцентристского ноогенного типа экологического сознания и ЭКМ, основанной именно на таком сознании, – задача всех духовно-интеллектуальных процессов в обществе, в том числе экологического образования.

В более конкретном виде мы предлагаем следующее определение экологического образования. *Экологическое образование – это всеобщий, комплексный, непрерывный процесс обучения, воспитания и просвещения личности, который направлен на создание интегрированной системы экологических знаний и умений, экологических ценностных установок, экологоориентированных поведения и деятельности, обеспечивающих глубинное осмысление экологических отношений в системе «человек – общество – природа» и оптимальное участие в них.*

Сразу подчеркнем, что между ЭКМ и экологическим образованием существует диалектическая связь. Они неразрывно диалектически взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга: с одной стороны, экологическое образование формирует ЭКМ у индивидуального субъекта, т.е. у того, на кого

оно направлено (обучаемого), с другой – ЭКМ коллективного субъекта (общества, в котором существует определенная система образования) составляет содержание эколого-образовательного процесса.

Рассмотрим теперь, какие же функции, необходимые для использования их в системе экологического образования, выполняет ЭКМ? Мы представляем их в следующем виде.

1. ЭКМ сосредотачивает в себе культурное своеобразие мировосприятия того или иного народа, демонстрирует экологические ценности той или иной социокультурной общности. По сути, ЭКМ является носителем экологических традиций, архетипов отношения человека к миру. Совершенно очевидно, что современный педагог должен быть носителем именно национальной системы образования.

В данном случае ЭКМ отражает принцип культурологичности экологического образования.

2. ЭКМ формирует у обучаемого знания о цельности Мира-Системы, о единстве живой и неживой природы, рациональных и внерациональных способах познания, о закономерностях материального и духовного взаимодействия человека, общества, природы, всего мира.

В данном случае ЭКМ отражает принципы холизма, фундаментальности, междисциплинарности экологического образования.

3. ЭКМ воспитывает ценностные ориентации экологического характера у обучаемого, мотивы и потребности экологически целесообразного и оптимального поведения, выражающегося в проявлении на материальном и духовном уровнях любви ко всему миру. В этом случае ЭКМ служит сильным, не только логическим, но и эмоциональным, душевным основанием бережного отношения к ближнему, к природе, к своей родине, к традициям своего народа.

В данном случае ЭКМ отражает принципы духовности, аксиологичности и моральной соотнесенности экологического образования.

4. ЭКМ через образовательный процесс развивает интеллектуальные способности обучаемого к глубинному анализу экологических ситуаций, альтернативному мышлению в выборе способов решения экологических проблем.

Таким образом, ЭКМ предполагает наличие в современном образовательном процессе тенденции перспективного действия умений и навыков, практической готовности человека не только к обучению, но и к самостоятельной практической деятельности в огромном и сложном мире. Педагог сам должен обладать необходимым запасом практических умений и навыков для того, чтобы иметь способность непосредственно продемонстрировать их обучаемому.

В данном случае ЭКМ отражает принцип праксеологичности экологического образования [3, с. 15-20].

Данные положения, по сути, составляют основу экологического образования современной молодежи. Деятельность педагога, как транслятора основных идей ЭКМ с социокультурного уровня на личностный, направлена на то, чтобы привить молодым людям, начинающим жизнь в огромном и сложном мире, ощущение своего единения с ним, рациональное, нравственно-ценностное и ответственное отношение к самим себе и миру. Особо важное значение здесь приобретает проблема формирования холистичных индивидуального экологического сознания и экологического мировоззрения.

Немалый вклад в разработку основ экологического сознания внес Д. Л. Андреев. Многие ученые обвиняют его в излишней эмоциональности и наивности по данной проблеме. Но, на наш взгляд, именно благодаря этим качествам, русскому философу удалось весьма образно передать черты «человека облагороженного образа» – носителя подлинно экологического сознания.

Проблема формирования экологического сознания, неразрывно связанного с ЭКМ, чрезвычайно активно обсуждается сегодня и выдвигается многими учеными в качестве ключевой. Но до конца сущность экологического сознания, его функции, уровни, генезис и место в структуре общественного сознания не разработаны. Очевидно, что в современных условиях абсолютно отсутствует единая стратегия оптимизации отношений человека с самим собой и окружающей средой, как на уровне глубокого теоретического осмысления экологической проблематики, так и на уровне ее практического решения. Действительно, со времен «серебряного века» российской культуры в отечественной науке и философии всегда уделялось недостаточно внимания исследованию духовных аспектов экологического направления в познании.

Таким образом, ЭКМ демонстрирует необходимость коренного изменения философии и методологии экологического образования, базирующегося на принципиально новом целостном, синтетическом представлении о мире и месте в нем человека. Современное экологическое образование, в основе которого лежит холистическая и духовно наполненная эоцентристская ЭКМ, должно дать ясное, аргументированное и адекватное знание об основных закономерностях и принципах взаимодействия человека, общества и природы. Формирование личности с эоцентристским ноогенным типом экологического сознания формулируется как главная цель экологического образования.

Кроме того, экологическое образование через «внедрение» в сознание молодежи ЭКМ социокультурного пространства (т.е. формирование индивидуального экологического сознания) обозначается нами в качестве перспективного направления для формирования экологического мировоззрения.

Специфика экологического образования предполагает, что кроме деятельности различных учебных заведений, в которых формируется фундамент экологических знаний, важным является обеспечение широкой общественности достоверной экологической информацией, благодаря опосредованно-образовательной деятельности различных экологических общественных организаций и средств массовой информации, просветительской деятельности лучших людей общества, воздействию произведений искусства экологической тематики, деятельности творческих клубов, туристических центров, музеев и т.п.

Поэтому сегодня особую актуальность имеет разработка интегративных, сквозных эколого-образовательных программ, в основе которых были бы заложены различные картины целостного мира, в том числе ЭКМ, а также основы методологии постижения этой целостности, философские основания дальнейшей самостоятельной познавательной и духовно-преобразующей деятельности личности, коллектива, населения региона, государства и в идеале – всего человечества.

Наконец, последнее, на чем еще хотелось бы заострить свое внимание, говоря о модернизационных процессах в экологическом образовании. Мы констатировали необходимость формирования целостной картины мира в сознании каждой личности. Но выполнение данной задачи невозможно без наличия в образовательном процессе достойного педагога, который должен быть исследователем, уметь видеть и передать ученикам принцип единства мира. Педагог должен обладать естественнонаучной и гуманитарной культурой, владеть рациональными и внерациональными знаниями в рамках ЭКМ.

Примечания

1. Урсул А. Д. Перспективы экоразвития. М., 1990.
2. Ушакова Е. В. Системная философия и системно-философская картина мира на рубеже третьего тысячелетия. Ч.1. Барнаул, 1998.
3. Наймушина Т. В. Экологическая картина мира как форма интеграции экологического знания: дисс. ...канд. филос. наук. Барнаул, 2006.

3. В. РОГАЧ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

СЕМЕЙНЫЙ ФУНДАМЕНТ НОВОЙ РОССИИ

В настоящее время семью принято считать фундаментом, на котором основан общественный порядок. Она всегда является главной силой в производстве и распределении товаров и услуг – это и определило экономическое начало в семейных отношениях. Семья как экономическое явление – это форма организации экономических процессов, когда предоставление экономических благ обеспечивают члены семьи, действующие в условиях экономической свободы и конкуренции и имеющие целью получение своей выгоды. Это не просто социально-экономическая среда, а своего рода микрокосм, ибо ее структура являет собой наиболее близкую к «оригиналу» модель структуры общественной.

Социально-экономическая среда семьи включает макро- и микроуровни. Сущностью первой являются объективные господствующие в обществе производственные отношения, а также те надстройки, которые не зависят от воли и сознания человека.

Благодаря своему сложному строению макроэкономика использует механизм взаимодействия. С одной стороны, речь идет о взаимодействии в рамках кооперации субъекта – семьи, а с другой – макроэкономика отражает взаимодействие множеств, предоставленных массовыми рынками. Это означает, что в пространстве субъектов макроэкономики его невозможно свести к традиционному государственному управлению, когда семья и домашнее хозяйство утверждает себя в качестве единственного или лидирующего субъекта, которому противостоит рынок и все общественные институты. Нерв макроэкономического взаимодействия – внутренняя конвергенция макросубъектов экономики, которая диверсифицируется на уровне общественной коммуникативной практики.

Микросреда есть непосредственное окружение членов семьи, повседневно воздействующее на их сознание и поведение. Соотношение макро- и микросреды – одно из проявлений общего и особенного. Хотя семья общественно обусловлена, она, тем не менее, относительно самостоятельна из-за специфики экономической функции, а также своей неоднозначности в качестве автономной системы. Специфика экономической функции семьи – это, прежде всего, целенаправленное поведение ее членов, которое четко структурируется на цели, средства и результаты. Именно экономическое поведение представляет собой совокупность действий, создающих целостное представление об образе жизни.

С нашей точки зрения очень важным, а точнее основополагающим принципом исследования жизненного уровня населения является принцип посемейного подхода. Социально-экономическая кате-

гория жизненного уровня складывается как результат распределения создаваемых в обществе материальных благ и услуг, по своему существу дифференцированное понятие, которое должно рассматриваться с позиций конкретных семей-потребителей, то есть как бы «снизу». Оценка блага на уровне семьи осуществляется двояко: с одной стороны, человеком и его потребностями, а с другой стороны – трудом и преобразуемой природой. Удовлетворение потребностей всегда ограничено и одной из главных задач является эффективное использование семейных ресурсов. Каждая семья поставлена перед множеством проблем и главной является материальная. Уровень обеспечения благами определяет в какой-то степени уровень счастья человека. Бедность, нищета свидетельствуют о недостатке благ. Их достаток – благосостояние, порождающее богатство, а в условиях рынка богатство приобретает форму капитала семьи. Благосостояние – богатство – капитал – вот логическая цепочка оценки блага на уровне семьи. Для каждой формы поведения есть своя причина. Человек совершает действия из-за того, что он чего-то хочет, желает или в чем-то нуждается. Через поведение как фактор преломляются все экономические категории, а познание экономических законов развития общества и семьи является основой формирования экономического мировоззрения.

В последнее время отмечается рост российской экономики и увеличение доходов россиян, на основании чего часто делаются выводы относительно улучшения социально-экономического положения в стране. Однако при детальном изучении российского социума оказывается, что положение дел в экономической сфере не так однозначно, как кажется, а порой и просто тяжелое. Об этом свидетельствует социально-психологическое состояние сограждан, характер проблем, с которыми они сталкиваются, а также специфика переживаний и страхов на уровне семьи.

Современное российское государство является пока еще государством переходного типа. А это означает, что его основные институты, органы и учреждения характеризуются определенной противоречивостью, а нередко и противостоянием, чему мы, россияне, являемся непосредственными свидетелями.

Исследования последних лет показывают, что противоречие между необходимостью сохранить социально-ценностные экономические нормы основания семьи как качество, обеспечивающее ее стабильность, и их разрушением индивидуально-ценностными составляющими является одним из противоречий современной семьи. Это противоречие, надо полагать, не зависит от степени богатства общества. И как нам представляется, оно еще больше будет проявляться в среде обеспеченных семей, поскольку такие качества, как плюрализм и конкуренция как источники индивидуального нормативного поведения, обеспечиваются свободой и всесторонне развитой личностью.

Социальный детерминизм индивидуально-нормативных ценностей членов семьи, позитивный характер их воздействия на семейную общность определяется характером демократических преобразований общества, включая условия, определяющие общечеловеческие ценности (развитый рынок, предпринимательство и др.)

В условиях резкой социальной поляризации населения семья теряет возможность осуществлять свою экономическую функцию. Вызывает тревогу потеря высокого социального статуса семьи интеллигенции: учителей, врачей, учёных, инженерно-технических работников, служащих, многие из которых вынуждены порывать со своей профессией и переходить в менее престижные сферы деятельности или эмигрировать. Наряду с этими семьями, появились обеспеченные и даже богатые семьи, которые составляют, по неофициальным данным, около 10% российских семей.

Интересную классификацию современных семей предложил социолог М. С. Мацковецкий [1, с. 32-34].

1. Маргинальная семья – имеет люмпенизированный характер, отличающийся крайней бедностью, низкими доходами, высоким уровнем алкоголя, наркотиков, плохие жилищные условия.

2. Кризисная семья – находится ниже черты бедности на уровне физического выживания. Удельный вес населения, живущего на 2 доллара в день в 2002 г. составил 12.1% [2, с. 26].

3. Благополучная семья – решает свои проблемы без внешней помощи, но не в состоянии пользоваться дорогостоящими услугами.

4. Процветающая семья – имеет высокие доходы, позволяющие реализовать все виды дорогостоящих услуг.

Таким образом, будет методологически верно рассматривать бедность как сочетание низкой имущественной обеспеченности, плохих жилищных условий и низкого душевого дохода. Более глубокие социальные последствия имеет так называемая глобальная бедность семьи, у которых отсутствуют такие важнейшие компоненты благосостояния, как жилье и имущество. Одним из факторов бедности является высокая иждивенческая нагрузка, которая предопределяет низкий уровень душевых доходов. В программе «Поединок» от 2 июня 2011 г. В. Соловьев отметил, что 80% многодетных семей живут за чертой бедности.

Одной из основных причин такой ситуации является инфляция. От инфляции семьи страдают по-разному, в зависимости от рода занятий и получения доходов. По этому признаку все семьи можно разбить на две группы.

Первая – семьи, получающие фиксированные доходы, то есть их доходы не зависят от уровня трудовой активности. Это пенсионеры, безработные, инвалиды, студенческие и многодетные семьи, работники отраслей, услуги которых оплачиваются по фиксированным ставкам из средств государственного бюджета (медицина, образование, армия и т.д.)

Вторая – семьи, получающие переменные доходы. В эту группу входят те, кто работает в производственных отраслях, а также предприниматели и творческая интеллигенция. Они могут добиваться роста заработной платы за счет повышения цен на свои товары и услуги и соответственно смягчить или даже предотвратить падение своих реальных доходов.

Таким образом, инфляция, обесценивая заработки трудоспособных членов семьи, порождает разницу между номинальными и реальными доходами. Если номинальный доход – это сумма денег, полученная семьей за определенный период времени, то реальный доход показывает, какое количество товаров и услуг может приобрести семья на свои реальные доходы. В минимальной потребительской корзине, утвержденной Росстатом, 45-50% составляют продукты питания, на которые в большей степени и распространяется уровень инфляции.

В монографии «Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение» приводится еще одна классификация в разрезе домохозяйств различного социально-демографического типа. Комбинация различных источников доходов зависит от состава семьи и прежде всего иждивенческой нагрузки на работающих членов. Выделены следующие социально-демографические типы:

- молодые семьи, где основным источником дохода является заработная плата и помощь родственников;
- домохозяйства не пенсионеров, где есть взрослые старше 30 лет. Их источники дохода те же, что и у первого типа;
- смешанные домохозяйства пенсионеров и непенсионеров. Их источниками доходов являются заработная плата, пенсии и льготы, выплаты на детей и в меньшей степени стипендии, то есть среднее число источников достигает 3,1;
- семьи пенсионеров, основным источником дохода которых является пенсия.

Процветающая семья позволяет себе дорогостоящие товары и услуги. Непрерывный поток массовой информации стал неотъемлемой частью жизни большинства этих семей. При этом следует различать:

- информационный фонд семьи, состоящий из профессиональной, общеобразовательной, культурной, справочной и развлекательной информации;
- информационно-технологические возможности семьи, то есть наличие компьютеров, интернета, электронной почты, мобильных телефонов, цифровой обработки информации, программных продуктов, а также навыков их использования;
- информационное поле семьи, то есть тематическую совокупность её интересов и вхождение в различные коммуникационные сети.

Эти средства и возможности используются для связи, работы, обучения, отдыха и развлечений. Постепенно компьютерная грамотность начинает осознаваться как ценность, а наличие домашнего ПК уже с середины 1990-х гг. рассматривается как ресурс адаптации, прежде всего в плане конкуренции на рынке труда.

Таким образом, в индивидуальном ценностном отношении процветающая семья имеет одобрение инновационного семейного поведения.

Нами рассмотрено два полярных начала семьи новой России. И, тем не менее, современный человек, обладая качеством самодостаточности, стремится к реализации и утверждению в мире собственного Я. Какую нишу в этой его устремленности занимает семья? Семья – это «Аз семья» каждого из нас. Это «святая земля», на которой издревле стоят человеческие ноги. Это настоящее духовное отечество наше, без коего каждый из нас – духовно бобыль.

Создание семьи – процесс космический. Соединение мужского и женского, духа и тела, проявление в каждом из нас матери или отца – основной закон мироздания. Истинная семья рождает детей, радость, духовную гармонию – все то, в чем человек призван осуществлять свою жизнь на этой земле. Семья – это реальная обитель, пристань, где мы можем быть теми. Кто мы есть в истинном лице. Для сохранения этого богатства требуется большой труд и силы. Семья, в которой сердца открыты друг другу, в которой радость и невзгоды общие – твердыня человека, основа его успеха и мира в душе. Это добровольный союз ради самого человека, в котором он состоит как человек.

Переход к рынку многое изменил в характере отношений человека, в образе и условиях его жизни. Доступность к неограниченному информационному пространству существенно изменил его представления о морально-нравственных ценностях. Деструкция семейных отношений привела к тому, что в последние годы характерной формой брака становится сожитительство. Иллюзорность экономического стимулирования к рождению второго ребенка очевидна, так как материнский капитал не позволит решить практически никаких семейных проблем: этих средств не достаточно для серьезного медицинского лечения, для получения полноценного высшего образования и даже для получения дополни-

тельных платных услуг в общеобразовательной школе. В семейной среде всегда имеются условия для нахождения выхода из ситуации беспомощности, если речь идет о сохранении семьи как целостности. При этом значение устоявшихся социально-экономических ценностей семьи особенно велико.

По Гегелю, лишь семья как целое представляет личность. Семья представляет естественное общество: во-первых, потому, что членами семьи являются не в силу своей воли, а в силу своего естества; во-вторых, потому, что отношения между членами семьи основаны не столько на размышлении и решении, сколько на чувстве и побуждении. Эти отношения являются необходимыми и разумными, но форма сознательного усмотрения отсутствует. Это скорее инстинкт. Семья – это органическое целое. Ее части – это, собственно говоря, не части, а члены, которые имеют свою субстанцию только в этом целом и отдельно от этого целого самостоятельностью не обладают [3, с. 49, 67-68].

Примечания

1. Российская семья в изменяющемся мире // Семья в России. 1995. № 3-4. С. 32-34.
2. Плышевский Б. П. Россия в мире и евроазиатском регионе: уровень жизни // Вопросы статистики. 2008. № 6. С. 26.
3. Гегель Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1973. Т.2.
4. Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л. Н. Овчарова. М., 2008.

Е. П. МИХАЙЛОВ, А. П. МИХАЙЛОВ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ПРИМЕНЕНИЕ АЛГОРИТМА РАВНОВЕСИЯ – ГАРАНТ ЭФФЕКТИВНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Модернизация в России – это крупномасштабное явление, обусловленное активизацией основного процесса мироздания – процесса совершенствования (гармонизации). Учёные отмечали некоторые свойства этого процесса. Эволюционист Жан Батист Ламарк определил единственное направление развития гармонического процесса – к прогрессу, к постоянному совершенствованию системы. Чарльз Дарвин указал, что развитие популяции происходит вслед за ростом среднего. Эти выводы были сделаны на основе эмпирического материала.

Эпоху модернизации как неизбежное явление предсказывал Гегель, связывая её закономерности с деятельностью абсолютного разума. Он учил, что абсолютный разум действует во всей Вселенной, что в истории человечества наступит такой момент, когда люди будут вынуждены познать законы абсолютного разума сознательно и конкретно, что они применяют эти законы для совершенствования, прогресса, что новое совершенное в своей системе они получают, используя неисчерпаемую, вечную энергию абсолюта.

Два века тому назад Гегеля никто не понял, потому что не были развиты науки для расшифровки абсолютного разума и абсолютной идеи. Но сейчас с помощью системного подхода и его основных принципов, фундаментальных наук – высшей математики и теоретической механики – в АлтГТУ удалось установить, что абсолютный разум – это алгоритм равновесия, полученный расчётом методами дифференциального исчисления функции среднего.

В результате дифференцирования была рассчитана большая система простейших процессов, которую учёный М. И. Сергеев определил как автоматизированную систему научных исследований (АСНИ СПП). Это вечная, неизменная структура есть Абсолют.

По простейшим процессам были определены свойства Абсолюта, свойства материи, так как в формуле среднего содержатся и процессы дифференциации и интеграции любого признака материи.

При интерпретации АСНИ СПП была применена работа А. А. Щукиса «Системный подход и его основные принципы». Основными принципами являются принципы равновесия, эволюции, целостности, эмерджентности, математизации. В его работе указано 30 принципов.

Алгоритм равновесия имеет много механизмов, реально действующих, создающих тяготение между элементами системы. Один из них – механико-математический рычаг количественно-качественных изменений материи. По форме он совпадает с механическим рычагом, вращающимся вокруг неподвижной опоры. Примером могут быть весы. Для рычага количественно-качественных изменений материи (РККИМ) опорой служит то, что выдерживает нагрузку с двух сторон рычага. Этот рычаг действует как механизм равновесных нанотехнологий материи. О его точности свидетельствует точность убывания и возрастания продолжительности дня из года в год.

Механизм созидания в алгоритме равновесия содержит простейшие процессы с повышением качества системы или её элементов. Механизм разрушения – с понижением качества.

Алгоритм равновесия содержит уравнение равновесия естественной системы, которое получается сразу из дроби среднего приведением к общему знаменателю.

Алгоритм равновесия – это следящая система, собирающая всю информацию в мире, в обществе. Он ведёт эволюционный процесс на основе достоверной информации. Недостоверная информация в обществе препятствует нормальному режиму функционирования алгоритма.

На основе АСНИ СПП проведено расщепление эволюционного процесса на составляющие компоненты: информационный процесс, который Гегелем назван абсолютной идеей, гармонический процесс (процесс совершенствования). Оба процесса регулируются равновесным процессом, развивающимся в обществе подобно дереву равновесия. В обществе в состав гармонического процесса входит процесс социализации.

Алгоритм равновесия ведёт процессы эволюции циклически. Это связано с тем, что функция развития (положительная функция), выражающая повышение качества системы в зависимости от числа положительных факторов системы ограничена сверху горизонтальной линией на уровне поставленной цели. Когда функция развития достигает цели, то необходимо перейти в новый вышестоящий цикл. Положительная функция формируется только в пределах меры, верхняя грань которой есть верхний уровень системы ценностей. Это есть цель развития.

Таким образом, необходимо утверждать, что мир развивается не хаотично, не случайно. Случайные события входят в состав алгоритма равновесия и подчиняются строжайшей детерминации. Поэтому гипотезы о стохастической картине мира несостоятельны.

В состав алгоритма равновесия входят парадоксальные процессы, которые формируются при движении общества к старым пройденным циклам. Но заново эти циклы сформироваться не могут. В алгоритме равновесия нет механизмов восстановления старых циклов. Если биопопуляция не выходит в прогрессивный цикл развития, то происходят парадоксальные явления, не совместимые со здравым смыслом. Социологи отмечают, что наблюдается зигзаг эволюции. Это связано с аналогией информационного и гармонического процессов. Поэтому вопрос о достоверности научной информации становится актуальным.

Активация равновесных парадоксальных процессов в данный эволюционный момент показывает, что время изучения равновесия давно наступило. Необходимо учитывать коррекцию алгоритма равновесия и применить принцип оптимизации, лежащий в основе деятельности.

Эволюционное воздействие регрессивного характера вызывает множество парадоксальных явлений во всей цивилизации. Сознание современных людей не выдерживает нагрузки. Поэтому возрастает число инсультов, инфарктов, катастроф, наркоманов, самоубийств. Усиливается демографический кризис.

Но силы равновесия направлены на совершенствование. И нужно знать, по каким законам выстраивать этот гармонический процесс вместе с Абсолютом равновесия. В этом и будет заключаться принцип оптимизации. Сейчас общество движется против алгоритма равновесия и терпит огромные потери. Выбор прогрессивной системы ценностей, выход в прогрессивный цикл развития, применение во всех сферах жизнедеятельности принципов целостности, оптимизации, математизации по алгоритму равновесия обеспечат успех модернизации и в России и во всём мире.

Два существенных фактора имеют решающее значение в эффективности модернизации. Это наука и человек. Теория равновесия естественных систем отсутствует в современной науке. Абсолют равновесия настолько многогранен, что позволяет создать и теорию цикличности, и теорию противоречий, дать новую концепцию человека. Академик И. Т. Фролов в 1983 г. писал, что «вся мощь научного знания будет посвящена человеку».

Применение абсолюта равновесия в гуманитарных науках обеспечит гуманитарный прогресс, который сгладит острые противоречия в обществе и в человеке. Рассмотрение в структуре человека равновесно-информационной-эволюционной системы (РИЭСЧ) сделает его творцом цикла гармонизации.

С. М. ПАНАРИН, С. Ю. ШИШКИНА

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ

Еще в середине первого десятилетия XXI в. гражданское общество (ГО) Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) в рамках представлений российской бюрократии носило образцово-показательный характер. Окружной бюджет позволял напрямую субсидировать некоммерческие организации (НКО) всего лишь по критериям социальной пользы и обоснованности расходов. В округе росло количество НКО, при главах администраций многих городов и районов округа не первый год функционировали Общественные советы. Развивалось трехстороннее сотрудничество профсоюзов,

работодателей и органов власти в сфере трудовых отношений. Руководители НКО активно взаимодействовали с местными властями, особенно с отделами, занимающимися социальной защитой населения и молодежью. Эти отношения выстраивались в основном вокруг финансирования через различные целевые программы и другие статьи бюджета, грантовую поддержку, предоставление помещений и субсидии на их содержание. Важным шагом на пути решения задач развития ГО в ЯНАО являлся проводимый в регионе конкурс социально значимых проектов среди НКО.

Организации ГО, сформированные зачастую «сверху», отличались малочисленностью, временным составом, иногда производственным принципом формирования. Люди не получали качественной информации о характере деятельности организаций. При этом опросы показывали наличие интереса у населения к гражданским инициативам. Демократические ценности и демократию, как политический режим, поддерживали даже респонденты старших возрастных групп. У них наблюдалось стремление согласовать решения авторитарного типа (концентрация власти в одних руках) с демократическими процедурами (многопартийность, парламентаризм). Этот феномен массового политического сознания объясняет столь долгое существование организаций ГО без широкой социальной базы.

В 2008 г. ГО ЯНАО пережило своеобразный дефолт. Его последствия ощутимы по сей день. Они проявляются в сокращении номенклатуры общественных организаций и их численности, в географических и функциональных диспропорциях. Причины общие для страны в целом. Они связаны с экономическим кризисом. Поток грантов иссяк. Небедное население Ямала (по данным ВЦИОМ в 2008 г. 51% жителей ЯНАО относили себя к среднему классу) своим поведением в данной ситуации ничем не отличалось от жителей депрессивных регионов. Люди не нашли в себе сил пожертвовать какой-то долей своих средств и свободного времени во благо групповой солидарности, создать или реконструировать коллективные формы выживания.

В политической публицистике и оценках гражданских активистов чувствуется раздражение по поводу иждивенчества ямальцев, их «патерналистского» менталитета. Но наблюдения указывают на более рациональные основания событий. Они коренятся в системе взаимоотношений организаций ГО и государства. Государство в своей региональной составляющей с помощью правового инструментария старается предельно формализовать деятельность общественных организаций. В федеральном центре частичный отказ от этой практики произошел в 2009 г.

Региональные власти Ямала разработали проекты прогрессивных законов в 2007 г. Спустя несколько лет, они все еще актуальны. Например, в законопроекте «Об обсуждении населением Ямало-Ненецкого автономного округа законопроектов Ямало-Ненецкого автономного округа и других вопросов, требующих законодательного решения» закрепляется право граждан на непосредственное участие в управлении делами государства с учетом полномочий органов государственной власти автономного округа. В пояснительной записке к проекту закона подчеркивается, что граждане и их объединения могут быть привлечены к участию в обсуждении проектов законов автономного округа или дополнений к ним, принятие которых затрагивает интересы значительного числа граждан.

Назрела необходимость реформы в области финансирования организаций ГО. Практикующийся государственный/муниципальный грант имеет сравнительно немного оснований для выделения, ограничен объемом и временем, не эффективен с точки зрения контроля над расходованием средств. Законопроект «О взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления с общественными объединениями» определяет источники государственного финансирования деятельности общественных объединений через регламентацию таких механизмов, как социальный заказ, конкурс социально-значимых проектов, целевое финансирование общественно полезных программ с условием целевого использования средств финансовой поддержки. Кроме того, законопроект устанавливает возможность предоставления налоговых и иных льгот, а также участия общественных объединений в работе органов государственной власти и местного самоуправления. Следует заметить, что необходимость внедрения закона подтверждается повседневной практикой. В многочисленных целевых социальных программах ЯНАО не только не находится места столь эффективному инструменту управления как социальный заказ, но даже не упоминаются сами НКО.

Другой важнейшей проблемой в отношениях власти и ГО является общественный контроль и общественная экспертиза в частности. В большинстве субъектов России законодательно урегулированы вопросы проведения публичных слушаний и общественных экспертиз, а также создание консультативных и экспертных советов. На уровне муниципалитетов в ЯНАО проблема не стоит. Представители общественных организаций во всех муниципальных образованиях регулярно участвуют в обсуждении важнейших решений legislatures, в т. ч. вопроса о распределении бюджетных средств. Общественность принимает участие в обсуждении проектов окружных и федеральных законов в рамках слушаний в муниципальных legislatures.

Однако на уровне округа ситуация неоднозначна. При Администрации ЯНАО действует Совет по взаимодействию с религиозными организациями, Общественный Совет при департаменте образования округа, Молодежная палата при Законодательном Собрании ЯНАО. С 2007 г. работает Общественная палата ЯНАО. О деятельности двух первых организациях сведений в прессу не поступает. Правовой статус Общественной палаты меняется. По измененному 18 декабря 2009 г. закону ЯНАО

«Об Общественной палате Ямало-Ненецкого автономного округа» она получила право приглашать на свои пленарные заседания руководителей органов государственной и муниципальной власти; направлять своих членов для участия в работе общественных советов и органов государственной власти автономного округа и местного самоуправления автономного округа, принимать решения о проведении общественной экспертизы и направлять запросы на получения информации в органы власти. Но главная проблема сохраняется и в новой редакции закона: Общественная палата, обладая значительными полномочиями и возможностями, формируется недемократическим путем.

Закон Ямало-Ненецкого автономного округа № 7-ЗАО от 1 марта 2009 г. «О противодействии коррупции в Ямало-Ненецком автономном округе» подтверждает право Общественной палаты автономного округа проверять на предмет коррупционности нормативные правовые акты и проекты нормативных правовых актов автономного округа. Названный закон предусматривает участие общественности в консультативных советах по борьбе с коррупцией, выдачу НКО субсидий, которые реализуют проекты, направленные на предотвращение коррупции в автономном округе. Но в законе нет положения об участии общественных организаций в процессе формирования в обществе нетерпимого отношения к коррупционным правонарушениям, в профилактике правонарушений. Такое участие, на наш взгляд, естественно, по крайней мере, для общественных организаций, включенных в процесс социализации молодежи.

Кроме того, администрации стремятся контролировать ГО с помощью искусственно созданных общественных организаций и патронажных сетей, политических акций, проводимых совместно с «партией власти». От патерналистского варианта развития ГО теряет эффективность сама региональная государственная власть и муниципалитеты: излишние социальные расходы, потеря потенциальных рабочих мест для населения, невозможность обеспечить правопорядок малочисленными силами полиции, отсутствие авторитетных лидеров среди населения в условиях высокой степени этнорелигиозной конфликтности, отсутствие качественного кадрового резерва для муниципальных служб и многое другое.

В целом развитие взаимоотношений государства и ГО в ЯНАО отражает патерналистскую практику, но относительно прежнего состояния носит прогрессивный характер. Движение идет под влиянием федеральной власти. Законы, подготовленные в рамках либерально-демократического концепта, не приняты Законодательным Собранием ЯНАО. Законодательство о гражданском обществе региона дискретно и не систематизировано. Соблюдение баланса между созависимостью государства и ГО и самостоятельностью последнего остается наиболее острой проблемой. Большие финансово-экономические возможности у органов государственной власти, в какой-то мере препятствуют достижению такого баланса. Эта ситуация не выгодна в итоге ни государству, ни ГО. Общественные организации, объединенные огосударствленными советами, получающие средства по преимуществу в виде субсидий никогда не будут привлекательны для населения. Следовательно, не станут массовыми и вряд ли способными участвовать в модернизации региона.

Если рассматривать перспективы развития взаимоотношений государства и ГО в рамках современной идеологической парадигмы и соответствующей законодательной базы региона, то они видятся авторами в одностороннем направлении: 1) субсидирование части затрат НКО, связанных с оплатой за электрическую и тепловую энергию, найма помещений; 2) предоставление грантов начинающим НКО; 3) обеспечение общественных организаций информационной и консультационной поддержкой; 4) формирование положительного имиджа третьего сектора среди населения; 5) создание условий для курсовой подготовки лидеров НКО.

И. В. РОГОЗИНА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

КОГНИТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА ЭПОХИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Неугасающий интерес лингвистов к исследованию языка политической медиакоммуникации отражает осознание той роли, которую он играет в формировании политической картины мира, обеспечивая тем самым протекание процессов социально-политического взаимодействия членов любой лингвокультурной общности людей, имеющей доступ к продукту современных масс-медиа. Вместе с тем, и язык испытывает на себе влияние ряда факторов, к числу которых относится и действие политических сил, репрезентируемое в современном мире, главным образом, средствами массовой информации. Поэтому несомненным достоинством антропоцентризма современной науки о языке является то, что он позволяет получать ответы на вопросы, связанные не только с воздействием политической медиакоммуникации на язык, но и с влиянием языка политики на мышление и сознание индивида [1].

Политические лидеры и иницилируемые ими политические процессы закономерно оказываются в фокусе внимания масс-медиа, моделирующих политическую реальность. Генетически детерминированное иерархическое устройство социума предопределяет и иерархизированность сознания языко-

вой личности, в силу чего интерес к медиасообщениям о лидере страны и других ведущих политиках является для языковой личности одним из центральных. Как следствие, формируемые реципиентом политических медиасообщений политические концепты-антропонимы как особые когнитивные структуры хранения и представления знания о политических деятелях, характеризуются ядерной локализацией в политической концептосфере индивида и позволяют идентифицировать особенности политического сознания, политического мировидения свойственного определенной лингвокультурной общности людей.

На наш взгляд, особый интерес представляет собой изучение языкового сознания наивного носителя языка, помещенного в особую, медийную систему координат, характеризующую, как правило, неравновесным, зачастую вербализуемым только с одной стороны медиавзаимодействием с политически статусной языковой личностью. Именно в условиях подобного речевого дисбаланса и происходит формирование политических концептов-антропонимов, заключающих в своей структуре то, что индивид «знает, думает, представляет» [2, с. 9] о другом индивиде, облеченном властью и занимающем высокостатусное положение в иерархическом социально-политическом устройстве общества.

Известное определение концепта, принадлежащее Ю. С. Степанову и многократно цитируемое в научной литературе, на наш взгляд, вполне применимо и к сфере политической медиакommunikации и как нельзя лучше отражает сущностные свойства политического концепта-антропонима. Это структура, посредством которой, с одной стороны, политика входит в ментальный мир индивида, а с другой, – индивид сам входит в политику, «а в некоторых случаях и влияет на нее» [3, с. 40]. Как особая структура политического знания политический концепт-антропоним, фиксируя особенности исторического и политического этапа развития общества, становится «опорной точкой» политической коммуникации на определенном историческом отрезке, поскольку другие политические концепты так или иначе с ним соотносятся.

Избрание политического деятеля на пост президента, его включенность в широкий политический контекст задает вектор формирования соответствующего концепта-антропонима, поскольку такое имя собственное, начинает эволюционировать, и, как и другие лексические единицы подвергается семантической трансформации и концептуализации. Как следствие концепт-антропоним начинает постепенно увеличивать количество своих репрезентантов, обретая, с одной стороны, свои специфические особенности, а с другой, по всей вероятности, повторяя путь, пройденный в своем формировании другими политическими концептами-антропонимами, репрезентирующими фигуру политического лидера на определенном историческом отрезке развития общества. На начальном этапе формирования концепта-антропонима его имя постепенно проникает в ментальные структуры индивида, выступая в качестве базисного когнитивного образования для сортировки «многообразного, исторически изменчивого социального опыта» [4, с. 43-44], который, наслаиваясь, постепенно приводит к возникновению многомерной, познавательной структуры, становящейся частью политической концептосферы индивида.

Как правило, в языке цельный, нерасчлененный объект обозначается словом, а не сочетанием слов, однако в медиаречи имя политического концепта-антропонима часто оказывается представленным словосочетанием. Это словосочетание состоит из двух лексем – имени нарицательного, специфицирующего социально-политический статус индивида, и имени собственного, представляющего собой особый словесный знак, предназначенный для выделения и идентификации единичного одушевленного объекта [5, с. 21]. Структура политического концепта-антропонима как структура хранения и представления знания является результатом взаимодействия имени собственного с именем нарицательным на определенном социально-политическом фоне. Пользуясь удачной фразой Гудкова, можно сказать, что ономастический компонент имени концепта представляет собой «социально-говорящее имя» [6]. Поэтому в работе под политическим концептом-антропонимом понимается когнитивная структура хранения и представления политически релевантного знания, о политических и государственных деятелях, представленная лексемой-антропонимом, либо словосочетанием ее содержащим.

Для проведения свободного ассоциативного эксперимента было выбрано словосочетание-стимул – «президент Медведев» в качестве имени политического концепта-антропонима. Предлагая указанное словосочетание в качестве вербального стимула, мы исходили из предположения о том, что его двукомпонентность позволит минимизировать реакции, фиксирующие официальный статус политического деятеля, «приклеенный» к антропониму средствами массовой информации, и тем самым выведет респондентов на когнитивно значимые для них свойства политического лидера. Эта презумпция основывалась на том, что имя политического концепта-антропонима – это особый знак, который «представляет собой не только средство для передачи знания, но также является особым рода контейнером для хранения преломленного в сознании опыта» [7, с. 129].

В свободном ассоциативном эксперименте приняло участие 266 студентов и преподавателей технических и экономических специальностей Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова. В ходе эксперимента было получено 258 реакций (при восьми отказах).

В основу моделирования структуры концепта был положен критерий вербализации когнитивного признака. Принадлежность ассоциатов к таким компонентами концепта как понятие, представление, предметное содержание и др. не принималась во внимание, так как репрезентанты разных компонентов концепта способны фиксировать один и тот же когнитивный признак. Полученные ассоциаты обнаружили определенные тенденции в сортировке социально-политического опыта и связанную с ними вариативность в способах выражения когнитивных признаков, детерминируемую познавательной направленностью каждого из респондентов на конкретный, выбранный им аспект выполнения политическим лидером своих президентских полномочий. Как следствие результаты эксперимента позволили выявить девять групп ассоциатов, каждая из которых зафиксировала какой-либо один когнитивный признак.

Совокупность реакций первой группы зафиксировала ту политическую реальность, на фоне которой функционирует политический концепт-антропоним, выражая «нечто, кроме самого себя» [8, с. 43]. Очевидно, в силу этого для 56 респондентов, или 21,7 % от их общего числа когнитивно значимым оказался «*преемственно-тандемный*» характер политической власти в современной России. Ассоциаты этой группы указывают на связь, а иногда и зависимость президента Медведева от своего предшественника на этом посту: *Путин* (45), *премьер-министр Путин* (1), *премьер Путин* (3), *премьер* (2), *первая часть пары* (1), *преемник Путина* (1), *Путинозамениитель* (1), *замена* (1), *Медведепут* (1). Обращает на себя внимание единичная реакция *Медведепут*, представляющая собой новообразование из начальных слогов фамилий участников политического тандема. Новообразование указывает на такую «слитность» двух политических деятелей, когда один видится и воспринимается через другого. Здесь также проявляет себя характерная для современного русского языка тенденция активного использования имен собственных в качестве базовых основ словообразования [9]. Вместе с тем, многочисленной оказалась группа ассоциатов, связывающих политического лидера страны с *другими политическими фигурами* настоящего и прошлого: *Обама* (2), *Назарбаев* (1), *Жириновский* (1), *Ленин* (1).

Реакции, репрезентирующие значимость для респондентов *высшего положения президента в социально-политической иерархии страны и связанной с ним полноты власти* составили вторую группу ассоциатов: *президент* (7), *глава* (6), *глава государства* (3), *глава России* (1), *главный* (5), *главнокомандующий* (1), *первый* (1), *верхушка власти РФ* (1), *лидер* (4), *начальник* (2), *командор* (1), *вождь* (1), *человек, владеющий страной* (1), *рулит тему!* (1), *монархия* (1). Этот когнитивный признак оказался актуальным для 34 респондентов (13,2 % от общего числа).

Эксперимент показал, что для 8,9 % респондентов (23 реакции) актуально знание о *месте осуществления политическим лидером своих властных полномочий*: *Россия* (10), *РФ* (1), *Русь великая* (1), *страна* (3), *Москва* (4), *Кремль* (2), *Красная площадь* (2).

Мы также сочли возможным выделить в отдельную группу 22 реакции (8,1%), совокупность которых эксплицирует политический концепт-антропоним «президент Медведев»: *человек* (5), *политик* (3), *демократия* (1), *срок* (1), *власть* (6), *управление* (1), *государство* (2), *правительство* (2), *Единая Россия* (2).

Наличие реакций, составляющих следующую группу, подтверждает обязательность «сочетания знания и переживания», о котором говорит А. А. Залевская [10, с. 43], поскольку оценивается то, что физически или духовно существенно для человека, а оценка представляет оцениваемого человека как цель, на которую обращен мир [11, с. 181]. В силу этого когнитивно значимой для 58 информантов (22,5 % всех реакций) стала оценка деловых и интеллектуальных качеств президента, а также связанные с ней положительные и отрицательные эмоции. Эмоционально-оценочный аспект концепта-антропонима содержит все возможные градации в проявлении эмоций и оценок в отношении президента Медведева – от восторженных с элементами обожествления до резко отрицательных, усматривающих в нем даже некое «бесовское» начало.

Положительная оценка и эмоция была зафиксирована 25 респондентами, или 9,7 % от общего числа участников эксперимента: *кумир* (1), *молодец* (5), *наш президент* (1), *орел* (1), *мужик !!* (2), *дядя* (1), *крутой* (2), *да* (3), *нормально* (1), *нормальный деятель* (1), *работяга* (1), *пытается* (1), *уже лучше* (1), *лучшая жизнь* (1), *пойдет* (1), *ничего* (1), *знаю* (1). Количество ассоциатов, представляющих отрицательную эмоцию/оценку составило 36, или 14 % от общего количества реакций. Значимыми для этой группы респондентов стали следующие когнитивные признаки, связываемые с президентом Медведевым:

- несамостоятельность – *не решает* (1), *марионетка* (3), *матрешка* (1), *заводной Мишка* (1);
- необходимость ухода с политической арены – *отставка* (2), *в отставку* (1), *нужно сменить* (1), *следует переизбрать* (1), *не верю* (1), *нет* (2) *лучше Путин* (1), *конец близок* (1);
- несоответствие ожиданиям и вызываемые этим эмоции и оценки – *плохой президент* (1), *ни о чем* (1), *цирк* (1), *отвращение* (1);
- вредоносное начало – *бес* (1), *агент США* (1), *жид* (1).

Что касается последних реакций, то приходится согласиться с М. В. Колтуновой в том, что конкретно-исторический тип культуры определяет форму речевого поведения его представителей [12].

Эксперимент также показал, что для определенной части информантов (5,4% от общего числа респондентов) когнитивно значимыми являются *внешние, физические данные* президента Медведева: *маленький* (4), *голова* (3), *головастик* (1), *маленькие плечи* (1), *лучезлазик* (2), *хоббит* (1), *мистер Бин* (1), *женщина* (1). Представляется, что приведенные ассоциаты указывают на значимость для отдельных респондентов физического, сенсорного восприятия президента страны, результаты которого они связывают с другими, сущностными для политического лидера страны качествами. В ряде случаев для вербализации особенностей физических данных президента респонденты прибегают к их метафоричному описанию, используя такие уже существующие знаки, как *головастик*, *хоббит* и *мистер Бин* с целью альтернативного наименования президента через имя нарицательное или другое имя собственное. Иными словами, в этих реакциях прослеживается тенденция описывать одни явления внутреннего мира через другие ментальные образования, ставшие элементами концептуальной системы в результате либо практической деятельности, либо других граней индивидуального опыта.

Особую группу ассоциатов составляют «восстановленные» 20-ю респондентами (7,8%) *инициальные компоненты антропонима*, входящего в состав словосочетания-стимула: *Дмитрий Анатольевич* (3), *Дмитрий* (9), *Дима* (4), *Димка* (1), *Диман* (1), *Ди* (1), *Дмитрила* (1). Реакции варьируются от уважительных имени-отчества и полного имени до дериватов уменьшительно- и пренебрежительно-ласкательных. На наш взгляд, выраженная фамильярность отдельных реакций свидетельствует о действии стереотипа социального восприятия другой личности, проявляющего себя в альтернативном способе ее именования с целью сокращения психологической дистанции. По этой причине представляется возможным отнести к этой же группе реакций и ассоциаты-прозвища, образованные от антропонима-фамилии в качестве альтернативных наименований субъекта: *медведь* (3), *Мишка* (2).

Интересным представляется появление «современных» ассоциатов, связанных с феноменом Интернета: *превед* (1), *твиттер* (1), *twitter* (1), *превед Медвед* (2). Следует признать, что реакция в форме ассоциата *шмель*, которую зафиксировало 9 респондентов, оказалась неожиданной. Однако оказалось, что источником этой реакции стали воспоминания однокурсников Д. Медведева, которым запомнилось, как на свадьбе друга он переоделся в цыгана и от души спел песню «Мохнатый шмель».

Проведенный анализ результатов эксперимента позволяет сделать вывод о том, что образ политического лидера, как и любая другая когнитивная структура, является результатом специфической когнитивной деятельности, состоящей в схематизации фрагментов политической реальности. Вместе с тем, схематизация как способ приобретения политического знания позволяет выявлять те аспекты, связанные с личностью президента страны, познание которых когнитивно значимо для наивного носителя языка. Как следствие репрезентанты концепта-антропонима отражают личность политического лидера в ее различных ипостасях – как индивида политического, индивида социального, индивида физического и индивида интеллектуального. Вместе с тем, полученные реакции также фиксируют особенности устройства когнитивной системы носителей языка в конкретную историческую эпоху [4]. Поэтому выявленный набор когнитивных признаков, связываемых с фигурой президента страны, и их иерархия через соотношение единичного и общего отражают фрагмент современного национального политического сознания российской лингвокультурной общности.

Примечания

1. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144-238.
2. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004.
3. Степанов Ю. С. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Сер. Литература и языки. Т. 58. 1999. № 4. С. 40.
4. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.
5. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.
6. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. Филология. М., 1998. С. 116-129.
7. Кравченко, А. В. Знак, значение, Знание. Очерк когнитивной философии языка Иркутск, 2001. С. 129.
8. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
9. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М., 2000. С. 90-141.
10. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 43.
11. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 181.
12. Колтунова, М. В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 100-115.

К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Правовое регулирование модернизации экономики осуществляется нормами различных отраслей права: вопросы правового статуса хозяйствующих субъектов, оформления товарно-денежных отношений регламентируются нормами гражданского законодательства; взаимоотношения работников и работодателей регулируется нормами трудового права; правовой статус хозяйствующих субъектов как налогоплательщиков определяются нормами налогового права и т.д. Проводимый руководством страны курс на модернизацию экономики поставил также задачу модернизации законодательства. Это и неудивительно.

В основе действующего гражданского законодательства лежит Гражданский кодекс (ГК), разработанный в начале-середине 90-х гг. прошлого века. На тот момент опыта правового регулирования рыночных отношений, да и самих рыночных отношений в России еще не было. Многие положения гражданского законодательства выдержали проверку временем, однако современные потребности государства и бизнеса требуют перехода к качественно новому уровню правового регулирования.

В сфере корпоративного законодательства требуется совершенствование организационно-правовых форм для целей модернизации, инновации, инвестирования. Действующие нормы не отвечают современным задачам привлечения капиталов, интеграции и глобализации российской экономики. Отсутствует четкая правовая регламентация положения и функционирования таких новых экономических форм ведения бизнеса как «сетевая» организация и «виртуальная» организация [1]. Принятый 2 августа 2009 г. Федеральный закон № 217-ФЗ [2], дающий право бюджетным научным и образовательным учреждениям создавать хозяйственные общества в целях практического применения, внедрения результатов интеллектуальной деятельности требует серьезной доработки. Должны прекратить свое существование такие нехарактерные для бизнеса организационно-правовые формы как унитарные предприятия, а их реформирование не должно приводить к созданию такого же с точки зрения правового положения субъекта, но с другим наименованием.

В области трудовых отношений современное законодательство не учитывает и не регулирует такие новые формы привлечения работников, как «фриланс», аутсорсинг. Заключение договора аутсорсинга для хозяйствующих субъектов чревато негативными налоговыми последствиями, что подтверждается множественной судебной практикой, а регламентация осуществляется в рамках гражданского законодательства. Преобладание императивных норм в регулировании отношений работодателя и работника не позволяет гибко реагировать на возникающие ситуации. Необходимо предоставление большей свободы участникам трудовых отношений в процессе выработки условий их взаимоотношений. Несвершенство трудового законодательства ведет к отсутствию мобильности трудовых ресурсов, что не отвечает требованиям модернизации экономики.

Налоговое законодательство в настоящее время характеризуется высокой нестабильностью, тенденцией к увеличению налоговой нагрузки на бизнес, неуниверсализацией льготных режимов и порядка их предоставления. Все это не может стимулировать предпринимателей вкладывать материальные ресурсы в долгосрочные дорогостоящие проекты, направленные на модернизацию. Выбирая способы регулирования предпринимательской деятельности, необходимо учитывать как «положительные» стимулы (льготные ставки, освобождение от уплаты, отсрочка, рассрочка, налоговый кредит), так и «отрицательные» (повышенные ставки и т.п.). Особо требуется проработать вопросы налогообложения объединений хозяйствующих субъектов, оперируя не только понятиями взаимозависимости и трансфертного ценообразования, но и консолидированного налогоплательщика.

Институт частной собственности должен быть надежно защищен правом и государством и мотивировать развитие трудовой и предпринимательской активности. Равенство собственников должно обеспечиваться в реальной конкурентной среде, без использования административного ресурса в целях «защиты» отдельных групп участников рынка, как это наблюдается в антимонопольной практике.

Государственное регулирование экономики не должно страдать гигантоманией, с поддержкой анклавной модернизации. Динамичный малый и средний бизнес и есть основа конкуренции и модернизации российской экономики. Сфера «ручного управления», доля госсектора должна постепенно сокращаться.

Интенсивно развивающиеся экономические отношения требуют создания новых правовых средств, способных эффективно регулировать происходящие процессы. Реформирование законодательства должно обеспечить правовое поле для проведения модернизации экономики и всех остальных сфер жизнедеятельности.

Примечания

1. Кузнецов Ю. В. Некоторые вопросы развития предпринимательства в условиях модернизации экономики // Проблемы системной модернизации экономики России: социально-политический, финансово-экономический и экологический аспекты: сб. статей. Вып. 9. СПб., 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ibl.ru/konf/021210/5.htm>.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности: федеральный закон от № 217-ФЗ от 02.08.2009 // Российская газета. 4 августа. 2009. № 142.

О. Б. СОЛОВЬЁВ

Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск

ИНСТИТУТЫ ЗНАНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Развитие современной науки оказывает огромное и преимущественно единообразное воздействие на любое общество. Ф. Фукуяма выделил два аспекта этого воздействия. Во-первых, технологии предоставляют решающее военное превосходство странам, которые ими обладают, и, если принимать во внимание возможность силового решения конфликтов, никакое государство, дорожащее своей независимостью, не позволит себе пренебречь модернизацией вооружений. Во-вторых, достижения современной науки предопределяют горизонты экономического производства. Ф. Фукуяма пишет: «Техника открывает возможность неограниченного накопления богатств, и тем самым – удовлетворения вечно растущих желаний человека. Этот процесс гарантирует рост однородности всех человеческих обществ, независимо от их исторических корней или культурного наследия. Все страны, подвергшиеся экономической модернизации, должны весьма походить друг на друга: в них должно существовать национальное единение на базе централизованного государства, они урбанизируются, заменяют традиционные формы организации общества вроде племени, секты и клана экономически рациональными формами, основанными на функции и эффективности, и обеспечивают своим гражданам универсальное образование. Растёт взаимосвязь таких обществ через глобальные рынки и распространение универсальной потребительской культуры» [1, с. 12-13].

Диктует ли логика современного технико-технологического прогресса универсальное направление капиталистического развития? Пожалуй, не существует однозначного ответа. По мнению американского футуролога, опыт Советского Союза, Китая и других социалистических государств показал, что страны с высоко централизованной экономикой способны выйти на тот уровень индустриализации, который Европа достигла в конце 1950-х гг. Однако социалистическая экономика оказалась в значительной степени неадекватной постиндустриальному обществу, в котором информационные и технологические инновации играют главную роль. СССР так и остался индустриальным гигантом, несостоятельность которого в конкуренции с постиндустриальным сообществом вполне очевидна. Вместе с тем для развития науки, как об этом убедительно свидетельствует опыт США, Германии, СССР и Китая, важны не столько либеральные и демократические свободы, сколько основополагающая поддержка со стороны государства. При этом свобода профессиональной деятельности учёных, без которой так или иначе придёт в упадок любая наука, может быть обеспечена лишь при условии невмешательства власти в научные исследования, а значит, лишь при наличии множественных независимых источников финансирования, как это ныне происходит в постиндустриальных обществах. В странах с транзитивной экономикой множественность источников финансирования чревата распылением средств и отставанием в стратегически важных направлениях развития, как это произошло с освоением космоса и созданием водородной бомбы в США в начале 1950-х гг.

Цели модернизации обуславливают, почему в современную модель экономического управления наряду с такими факторами производства как земля, труд и капитал должны быть включены институциональные формы получения и организации знания. Это, несомненно, относится в первую очередь к постиндустриальным обществам, но также и к индустриальным обществам, которые желают быть «современной, устремлённой в будущее молодой нацией», занимающей достойные позиции в мировом разделении труда [2]. Земля как фактор производства была институционализована в обществе суверенитета. Собственник земли, феодал, воплощал законную власть. Позднее дисциплинарные общества институционализовали капитал в либерально-демократических системах политических партий. Политическая власть капитала стала возможной во многом благодаря буржуазным революциям, потрясшим Европу в новое время. Труд как фактор производства также имел революционное значение, пока не был институционализован кейнсианскими реформами в формах жёсткого государственного регулирования рыночных отношений. Таким образом, обрели второе дыхание профессиональные союзы, возникла система социального обеспечения и охрана труда. Что касается знания, его институционализация в политической системе государства была осуществлена разве что в утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида» или в фантастических романах И. А. Ефремова, хо-

тя необходимость институционализации знания становится всё более настоятельной вместе с ростом значения науки как нового фактора производства.

Ныне роль научного сообщества не может и не должна ограничиваться разработкой экспертных оценок экономического развития страны, к которым и прибегают-то впервые за последние двадцать лет: такие оценки, к примеру, были даны в материалах заключительной сессии 2008 г. Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России». Уровень производительности труда на одного занятого в российской экономике по паритетам покупательной способности составляет 27 % от уровня производительности в США и 42 % от уровня Германии и Японии. Это означает, что российская экономика находится в стадии развития Западной Европы конца 1960-х гг. и Южной Кореи начала 1990-х. Не лучше обстоит дело и с инфраструктурными изменениями. Общая протяжённость российских федеральных автодорог на 1 ноября 2009 г. составляла 43700 км, при этом темпы реконструкции и обновления автодорог страны не превышают 1 % в год, а строительство идёт ещё меньшими темпами. В то же время за период с 1997 по 2008 гг. в Китае сдано в эксплуатацию 55000 км хайвэев. В 2008–09 гг. фактически было прекращено федеральное финансирование строительства метрополитенов в российских городах-миллионерах, в то время как Госсовет КНР принимает решение о строительстве 89 новых линий метрополитена общей протяжённостью около 2500 километров в 22 городах страны. Согласно программе расширения действующих метрополитенов и строительства новых, в Китае планируется освоить более 146 млрд. долл. Деятельность по планированию, изысканию средств и привлечению фирм к строительству координирует Национальный комитет.

Очевидно, что даже поверхностное сравнение строительства и поддержания в рабочем состоянии одной только транспортной сети свидетельствует о крайне бедственном положении всей экономической инфраструктуры на постсоветском пространстве. С ухудшением состояния инфраструктуры и продолжением монетаристского курса рассчитывать на высокотехнологичный рывок отечественной экономики не приходится, даже если инновационный путь развития и декларировать политически. Провозглашалось политической властью и превращение России в международный финансовый центр. Как видим, смыслы, декларируемые субъектом власти, зачастую идут вразрез со знанием реальной экономической ситуации в стране.

Вероятно, что вне систематического контроля и участия науки разрозненные усилия правительства по модернизации экономики, будь то внедрение последних медицинских, энергетических или информационных технологий, разработка космических и телекоммуникационных систем, радикальное увеличение энергетической эффективности, модернизация государственных предприятий, создание комфортабельных условий для научных исследований мирового уровня, рискуют так и остаться «словами, отлитыми в граните», не более чем вербальными инвестициями в рыночную экономику. Перед лицом подобных задач недостаточно, чтобы наука играла роль служанки по вызову у частных и государственных корпораций. Существует настоятельная необходимость в организации научного сообщества как мощного института знания, который может быть наделён властными полномочиями с тем, чтобы разделить ответственность не только за технологическое развитие, но также и за принимаемые с его одобрения экономические решения. Институты знания, таким образом, могут быть вовлечены в современные технологии власти как в обществах с постиндустриальной экономикой, так и в обществах, которые ещё только намечают пути экономического развития. Это будут общественные и политические институты знания.

Потребителю необходимо знать, что на деле происходит с экономикой, какие его ждут перспективы. Ему также необходимо представлять, что это будет за общество, если науке суждено стать рефлексивной частью государственной власти. Об этом трудно судить, так же как и о том, будет ли наука «мозгом» государственного регулирования или, прежде всего, верхушкой дерева корпоративного управления. Однако вряд ли это общество будет тоталитарным, поскольку тоталитаризм был выбором дисциплинарных обществ. Будет ли это Китай или Арабские Эмираты? И почему не США или другое постиндустриальное общество? Эта возможность становится более вероятной, если одержит победу новый образ жизни, при котором человеческие потребности смогут найти общее решение с глобальными экологическими проблемами.

Что касается России, преодоление хронического экономического отставания, также как и выявление технологического паритета с другими странами, областей отставания от мирового уровня, глубоких разрывов между фундаментальными исследованиями и внедрёнными в хозяйственную практику технологиями – всё это в любом случае требует институционализации науки в проектировании и принятии властных решений. Институционализация знания особенно актуальна при разработке и принятии наиболее важных, судьбоносных для социально-экономического развития страны решений. В целях устойчивого экономического развития необходимо создание единой системы экзаменационных проверок уровня знаний и компетентности чиновников всех ветвей власти как на региональном, так и на федеральном уровне. Чем выше по должности, тем компетентней по роду своих занятий, – вот каков, по-видимому, принцип грядущего контроля. Возможно, это единственный путь избежать засилья посредственности на государственных должностях. Суть в том, что скорее учёным следует инспектировать правительственных чи-

новников, чем бюрократии имитировать усилия по экономическому развитию. Таким же образом институтам знания следует подвергать анализу энергетические, транспортные, коммунальные корпоративные проекты, прежде чем собственники не наметили их к исполнению. Следует добиваться такого положения дел, когда не столько исследовательские коллективы управляются бюрократической машиной, сколько действия представителей власти контролируются научным сообществом. Будет ли этот научный контроль всеохватным, тоталитарным? Едва ли. Это вопрос о технологиях власти в постиндустриальных обществах или вопрос о том, как приблизиться в своём развитии к этим обществам, а не вопрос об отказе от либеральных и демократических исторических завоеваний. Создание единой системы государственного прогнозирования, с помощью которой субъект власти на научной основе определял бы приоритеты стратегического развития страны, концентрируя усилия на базовых направлениях, необходимо в такой же степени как единые инновационные цепочки, где уже есть все звенья – от идей до их коммерциализации.

Во время серьёзного экономического спада политическая власть в России пытается создать дополнительный текущий доход за счёт расходования государственных фондов. Означает ли усиление роли государства, как прямого источника конечного спроса, первый шаг на пути к реализации кейнсианской модели экономического управления? Пожалуй, нет лучшего способа погубить технологическую модернизацию, как возложив её на одни только рыночные механизмы, увязшие в топливно-сырьевом секторе производства. Интересы нефтяного и газового капитала, единолично формирующие субъект власти, ведут страну в никуда: без наукоёмких производств и современной инфраструктуры бизнеса – основы постиндустриальной экономики – невозможны ни самостоятельная внешняя политика, ни государственный суверенитет.

Как средний путь между раздаточной и рыночной экономикой, кейнсианские преобразования способствовали развитию экономики и технологий власти. Они сделали возможным наукоёмкое производство и новейшую бизнес-инфраструктуру; именно они послужили основанием современной постиндустриальной экономики. Супервычисление, альтернативные источники энергии, нано- и биотехнологии не могут не опираться на мощное финансирование школьных программ, целевой государственной политики подготовки кадров и, что не менее важно, обеспечения достойного уровня жизни этих кадров у себя в стране, а не за рубежом. В условиях глобального финансового кризиса дисциплинарные общества вынуждены размещать крупные государственные заказы, способные оживить совокупный спрос в масштабах национальной экономики, на предприятиях, модернизирующих производство. Так или иначе, при любом – лучшем или худшем – стечении обстоятельств инновационное развитие не может не реализовываться сценарий кейнсианской модернизации экономики.

В настоящий момент альтернативной возможностью инноваций и модернизации является естественное историческое развитие событий, всё более углубляющее противоречия между технологиями власти и уровнем развития производства на постсоветском пространстве, между резким увеличением потребления за счёт кредитования и уровнем развития производительных сил, соответствующим дисциплинарному обществу. Общественная система, как система с рефлексией, стихийно начинает вести себя по-другому, не дожидаясь рефлексивных мер политической власти. Промедление с принятием мер во время экономических потрясений только усиливает стихийность и непредсказуемость поведения общества, самоорганизация которого приобретает формы противостояния и сопротивления существующему порядку вещей.

Возможна ли модернизация экономики без модернизации власти, без институционализации знания в структурах политической власти? Нельзя не согласиться с мнением о том, что для достижения целей экономической модернизации необходим целый социальный слой, для которого модернизация есть не фиктивная кампания, спущенная сверху, а вопрос выживания и самоформирования в собственной стране, вопрос постепенного прихода к власти. В то же время в современной России и ряде других государств на постсоветском пространстве принятие решений и реализация прав собственности субъектом власти игнорирует знание, необходимое как для принятия политических решений, так и для эффективного управления собственностью. В кризисных и послекризисных условиях, так же как и при модернизации всей хозяйственной деятельности и реформировании экономики по рыночному образцу, подобное невежество субъекта власти и вынужденное «безразличие», почти экзистенциальная отстранённость субъекта знания ни много ни мало ставят под угрозу целостность всей социальной системы.

Примечания

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2005.
2. Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: news.kremlin.ru/transcripts/5979

ПРОТЕСТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ¹

На фоне череды революционных событий, потрясших страны бывшего постсоветского пространства в прошлом десятилетии, события года нынешнего, всколыхнувшие арабский мир – никто не станет отрицать и нарастающие тенденции проявления протестных настроений среди населения России.

В стабильных социально-экономических системах мотивация к протесту имеет многофакторный характер и не является жестко детерминированной уровнем относительной депривации (рассматриваемой, прежде всего, в терминах материального благосостояния). Существенно более высокие показатели депривации наблюдаются в условиях, когда политическая и социально-экономическая ситуация характеризуется высокой степенью нестабильности. Таким образом, показатели относительной депривации тесно связанные с индексом фрустрации (измеренной с помощью Bradburn scale). Однако, ни один из этих показателей, как и переменные, фиксирующие объективное экономическое положение, не коррелируют с потенциалом протеста. Таким образом, готовность к протесту не является прямой психологической реакцией на фрустрацию или экономическую депривацию, на ухудшение условий жизни в целом.

Протестные настроения развиваются, как правило, в социальной среде, жизнь в которой ухудшается и человек длительное время не может адаптироваться к постоянно дестабилизирующимся условиям. Нарастание неудовлетворенности своей жизнью усиливает его протестный потенциал, снижает доверие ко всем политическим институтам власти и олицетворяющим ее политическим лидерам.

В частности социологи наблюдают картину, которая означает, что в обществе возникла «социальная напряженность, которая не спадает» – такого мнения придерживается замдиректора «Левада-центра» А. Гражданкин. Но слабый рост готовности к протестам говорит лишь о том, что в обществе повышается и «уровень раздражения» ситуацией в стране, и «степень усталости» от нынешней власти. Потому и заметно меняется число тех, кто не прочь присоединиться к акциям, на которых выдвигаются политические требования. К 1 мая 2011 г. таких стало 19%, год назад было 13%, в 2009 г. – 11%. Впрочем, и этот рост не таит в себе опасности для власти, так как 75% россиян выходить на улицу с политическими требованиями, ни в защиту экономических прав не собираются.

Изучаемые нами результаты массовых опросов социологических служб, направленных на выявление уровня общественного недовольства – в целом, не таят серьезных расхождений, и в этом мы придерживаемся единого мнения с социологом М. Тульским.

Протестные кампании в современной России связаны с наиболее значимыми событиями общественно-политической жизни. Примеры протестных кампаний с удачным или неудачным исходом так или иначе по инерции проецируются на сложные политические ситуации между представителями общественности и представителями власти и капитала.

Протестным кампаниям присуще осуществление совместных действий: сбор документов о незаконности данного строительства; сбора подписей против строительства; проведения протестных акций и других совместных действий по защите архитектуры города/ леса от уничтожения.

Запланированные мегапроекты по строительству федеральной трассы Москва–Санкт-Петербург и Охта-центра в Санкт-Петербурге, спровоцировавшие подъем протестного движения, представляют собой объекты капитального строительства. В случае реализации проектов (строительства делового центра и скоростной автотрассы): текущее и последующее возмущение общественности было бы вызвано: нарушением архитектурного облика и нарушением экологического баланса соответственно. В обоих случаях протестная активность была подогреваема «бюджетностью» проектов (один оплачивался из местного, другой – из федерального бюджета).

Для эффективности протестных действий инициативными группами были созданы общественные организации, координирующие протестную деятельность в рамках непрерывного протеста («Гражданская коалиция в защиту Петербурга», «Движение в защиту Химкинского леса»). Продвижение федеральных проектов сопровождалось протестными кампаниями под эгидой акций «Строительная политика не в ущерб экологии и гражданским правам». Рассматриваемые локальные протестные кампании являлись проводниками и продолжателями дела в том числе всероссийской акции «Стратегия-31» в защиту права на свободу собраний. Отчасти протестные кампании были вдохновлены успехом победоносной кампании в защиту Байкала (2004– 2006). Наблюдается определенная преемственность завершившихся и текущих и, по всей видимости, предстоящих протестных кампаний,

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4928.2011.6

продолжающих в каком-то смысле общее дело, нечто вроде «перманентной революции» на территории России.

Протестные движения в большей степени направлены против политики, осуществляемой представителями исполнительной власти. Ухудшение ситуации для протестных движений находило отражение в призывах к действующим главам городов уйти в отставку.

Таким образом, диалог власти с общественностью происходит на фоне дискредитации демократического режима, призванного осуществлять волю большинства ставленниками народа. В результате мы наблюдаем не только диктат одного единственно правильного решения проблемы, но и отсутствие паритетных условий при включении больших масс в политику.

Протестные кампании обладают определенным объединяющим началом: сплачивают представителей противоположаемых политических сил, в том числе политической оппозиции разной идеологической направленности: коммунистов и демократов; неофашистов и антифашистов, националистов, анархистов – в результате сплачивая между собой представителей режима (министры, депутаты представительных органов) и его противников. Таким образом, объединение имеет целью наиболее эффективное совместное противодействие планам по реализации скандальных проектов.

Анализ протестных кампаний позволяет констатировать преемственность, проявляющуюся в перенимаемом опыте ведения протестных действий, способности к объединению оппозиционных организаций и политических сил различной идеологической направленности, конфронтационную настроенность в отношении всех ветвей местного уровня власти. Локальные протестные кампании во многих известных случаях приобретают характер международного скандала.

Исход протестной кампании не находится в прямой зависимости от интенсивности и масштабности акций самих протестующих, но в большей мере определяется обстоятельствами объективного порядка: решением «сверху». Однако, организация акций протеста, приобретающих черты организованности и долгосрочности и принимающих характер протестной кампании со своими представителями из числа инициаторов – весьма ответственное предприятие со стороны зарождающегося гражданского общества. Таким образом, прогресс видится не только в количестве успешных протестных кампаний, сколько в качественном аспекте – формировании протестными кампаниями «политической субъектности», в отличие от аморфности безликой массы одновременно протестующих.

Пространственные рамки определяются спецификой изучаемого события и будут, как правило, совпадать с географическими границами региона, однако, примечательным является тот, факт, что инициатива кампаний экологического протеста – защита национальных богатств поддерживается во всех частях страны, в результате приобретая трансграничный региональный характер. В качестве примера следует привести митинги и пикеты, проводимые в 2010 г. участниками, требовавшими оградить Байкал. Они прошли в Иркутске, Ижевске, Краснодаре, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Саратове, Чебоксарах и Якутске.

Так, демонстрации и пикеты часто осуществляются, например, для защиты гражданских и социальных прав населения, закрепленных законодательно. Чаще всего участники таких акций протестуют против нарушения неких договоренностей (закрепленных в виде законов, формальных и неформальных норм) со стороны органов власти или других политических субъектов. Они не выступают за кардинальные преобразования политической системы, а призывают лишь к корректировке проводимого политического курса, институционального контекста и т.п. Поэтому в странах стабильной демократии уровень протестной активности населения, часто конвенциональной по своей сути, может рассматриваться как один из показателей зрелости гражданского общества.

Проводя параллели между протестной активностью россиян прошлого века и проявлением общественного протеста в новом тысячелетии, можно отметить, что формы протестного поведения граждан со временем не претерпели особых изменений, возможно стали отличаться большей театрализованностью: сжигание чучел, напоминающих первых лиц государства и представителей региональной элиты, выпускание в небо воздушных шаров, по форме напоминающих медведя, с привязанным к ним обращением к Президенту. Основное отличие состоит в массовости и результативности коллективных действий.

В перспективе представляется возможной интенсификация протестов по поводу возможного строительства ядерных центров (в г. Ангарске в 2007 г.), атомных электростанций (в г. Муроме Владимирской области против строительства Нижегородской АЭС в 2009 г.). По сути эскалация протестной активности в связи с внедрением «мирного атома» – общемировая тенденция в том числе в связи с событиями начала 2011 г. – с аварией на атомной электростанции «Фукусима-1». Протестами будут сопровождаться не столько экономические или политические реформы, реформы ЖКХ или МВД, но инициативы, несущие потенциальную угрозу жизни и здоровью людей. Таким образом, повышением уровня протестных настроений будут сопровождаться проекты по превращению городов в зоны потенциальных техногенных катастроф.

ПРЕИМУЩЕСТВА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КАМПАНИЯХ¹

Бурное развитие и применение современных информационных технологий являются основным трендом мирового развития последних лет. Ключевая роль в этом процессе принадлежит сети Интернет, которая эволюционировала из способа обмена информацией в особое коммуникативное пространство. Это коммуникативное пространство активно используется не только обычными пользователями сети, но и различными политическими факторами всех уровней. Интернет является альтернативой средой для проведения политических кампаний, бросая вызовы традиционным способам ведения политических баталий. На сегодняшний день невозможно достичь политических целей без использования сети Интернет.

Ключевые факторы столь возросшего влияния Интернета на общество и на политику это его интерактивность и глобальность. Данная виртуальная реальность уникальна, она противоречива и неоднозначна. Интернет для многих стал синонимом «свободы», отсутствие государств.

Сегодня российское общество имеет все шансы стать «информационным». Эта перспектива оказывается достижимой благодаря появлению множества новых каналов связи и коммуникации, основным из которых, безусловно, является интернет. Интернет становится универсальным средством взаимодействия людей, а так же их самоорганизации, в этом контексте необходимо отметить тенденции бурного развития блогосферы и социальных сетей, которые сегодня становятся неотъемлемым элементом «интернет-жизни».

Исследование, проведенное агентством «Роуз креативные стратегии» совместно с компанией HeadHunter в 2010 г. показало высочайшую активность российских пользователей в социальных сетях – 89% интернет-пользователей имеют аккаунты (зарегистрированы) в различных социальных сетях; 49% проводят в них от 5 до 10 часов в месяц, а 23% – 20 часов и более. Стоит так же добавить, что основная аудитория социальных сетей – молодые люди в возрасте до 34 лет (66% от общего числа) и люди среднего возраста до 55 лет (30%); не менее 23 % пользователей имеют высшее образование, и 66% – среднее и среднее специальное; доход большинства (около 80%) можно отнести к среднему и высокому.

Таким образом, пользователей социальных сетей в России можно условно назвать целевой аудиторией. Такой подход необходим, потому как социальные сети сегодня перестают быть только средством коммуникации, постепенно они превращаются в новый сегмент интернет – рынка. Многие компании уже используют возможности социальных сетей для продвижения товаров и услуг, раскрутки брендов и пр. Однако сети могут быть использованы не только для получения прибыли.

Они являются своего рода «круглым столом», где происходит коммуникационный обмен, в результате которого формируется общественное мнение, и даже шире – информационное поле.

Безусловно, социальные сети, как инструмент диалога являются незаменимыми в политических (в том числе и избирательных) кампаниях. Преимущества в данном случае совершенно очевидны:

- возможность взаимодействовать с потенциальными избирателями напрямую;
- возможность анализировать шансы на победу в избирательной гонке исходя из объективных данных;
- возможность вовлечения в политический процесс (повышения электоральной активности) молодежи;
- низкая затратность (по сравнению с размещением агитационной информации в СМИ).

Социальные сети – достаточно новое и мало изученное явление в политической жизни, этот факт служит причиной распространения большого количества стереотипов и заблуждений. По своему содержанию они совершенно не похожи на другие каналы информационного воздействия, в связи с этим важно учитывать специфику их применения в политических (и особенно избирательных кампаниях). В ходе данного исследования были выделены четыре тренда, которые должен учитывать политический деятель (активист) при работе с сетями.

1. Распад иерархии. Развитие новых медиа влечет за собой распад привычных иерархий: начальник – подчиненный, депутат – избиратель и т.д., границы между такими позициями, безусловно, не исчезают, но становятся весьма размытыми. В корне меняется привычная схема субъектно-объектных отношений – потенциальный избиратель перестает быть только объектом воздействия и манипуляций, он сам может принимать участие в процессе разработки идей, программных установок и т.д. Прелесть концепции

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-33-00232а1

«равный с равными» в том, что «потребитель политического продукта» становится его создателем – идеями и критикой вносит реальный вклад.

2. Короткие коммуникации. Социальные сети не могут и не должны использовать ту же форму подачи информации, которая, к примеру, характерна для сайтов политических деятелей. Здесь совершенно неприемлемы слишком большие выдержки из программы или видео с двухчасовым выступлением, пользователи социальных сетей просто не найдут времени для потребления этой информации.

3. Индивидуализация. Несмотря на то, что пользователей социальных сетей можно считать определенной группой, или целевой аудиторией, о характеристиках которой говорилось выше, кандидату (политическому деятелю) необходимо условно подразделить ее еще на несколько составных частей и работать с каждой отдельно. Важная информация (взгляды, позиции, установки) должна быть донесена до каждого в различной форме и с разными акцентами. Избиратель должен чувствовать сопричастность с деятельностью политика, находить понятный ему «мини-бренд» внутри глобального бренда кандидата.

4. Виртуализация. Современные медиа позволяют дублировать некоторые элементы реальности в виртуальный мир. Как правило, виртуализация осуществляется в игровой форме – это наиболее простой и эффективный способ взаимодействия с потенциальным избирателем. Этот тренд соотносится с первым – стирание границ иерархии. Кандидат, использующий социальные сети в качестве одного из предвыборных инструментов, должен лавировать между двумя крайностями: «непререкаемый авторитет» и «свой в доску», находя золотую середину.

Несмотря на то, что на первый взгляд, использование социальных сетей в политических кампаниях кажется весьма тривиальным процессом, это не так, существует множество подводных камней и потенциальных ошибок, которые легко совершить при работе с сетями. Вот некоторые из них.

1. Жесткая модерация. Люди высказывают любые мнения, в том числе негативные, главное — реагировать быстро, говорить открыто и умело направлять дискуссию. Совсем от провокаций отказываться не стоит. Есть ряд тем, на которые люди не любят рассуждать, в таких случаях отрицательные реакции даже помогают сдвинуть дело с мертвой точки. Однако затевать акции, которые заведомо вызовут массу негатива, не стоит.

2. Непоследовательность. Использование социальных сетей бесполезно, если не проводить агитационную работу последовательно, методично и постоянно. Диалоги необходимо поддерживать, отвечать на все сообщения.

3. непрофессионализм. Работа в социальной сети – весьма трудоемкий процесс, требующий определенных навыков и знаний. Как правило, сам политик в одиночку не может справиться с этой задачей, стоит задействовать специальное агентство или членов команды.

4. Быстрая победа. Не стоит ждать моментальных результатов от работы с пользователями социальных сетей (к примеру, повышение рейтинга на несколько позиций и др.). Стоит помнить о важности «долгосрочных инвестиций».

5. Нецелевые сообщения. Использование социальных сетей в политических кампаниях способно привлечь внимание к кандидату, повысить его шансы на победу исключительно среди молодежи и незначительного числа людей среднего возраста, (на людей старших возрастных групп намного эффективнее будут действовать более традиционные методы агитации).

На Западе уже существует множество примеров успешных политических (в том числе и избирательных) кампаний, проведенных благодаря активной работе в блогах и социальных сетях (особенное распространение эти технологии получили в США на президентских выборах в 2008 г., и на выборах в Конгресс в 2009 г.). Российская практика на сегодняшний день, к сожалению, не богата эмпирическим опытом в этой области (это обусловлено, и сравнительно недавно возросшим интересом к социальным сетям, и консервативностью в применении новых технологий).

Работа в сетях диктует особенности подхода к определению имиджа кандидата. Поскольку большая часть пользователей – молодые люди до 35 лет, на них, как правило, не действует слишком «отшлифованный» образ «человека слова и дела», расставляющего основные акценты на своей социально ответственной позиции (это классический, традиционный подход – он слишком тривиален в глазах сегодняшнего активного интернет-пользователя). Вместо «черного» или «белого» образа намного уместнее выбрать срединный «серый» (если кандидат по своей воле «спускается с пьедестала», его не пытаются убрать оттуда на сильно другие). К тому же, как уже говорилось выше, сегодня пользователям хочется видеть в сети виртуализированную фигуру кандидата, предстающую в динамике, для получения устойчивого интереса к персоне необходим так называемый «экшн».

Вся работа в сети (обсуждения, сообщения на стене, заметки и т.д. должно размещаться от лица кандидата (ни в ком случае – его помощника или администратора группы) – теряется связь между политиком и его избирателями – посетителями страницы, они перестают ассоциировать его (кандидата) с его заявлениями, действиями и пр. Более того, отсутствие самого кандидата на его собственной страничке в сети может служить раздражающим фактором (как в случае с группой «В Контакте» Е. Р. Урлашова, участники которой даже создали тему о бессмысленности общения в группе в отсутствии самого депутата).

Социальные сети должны давать возможность для подписчиков (или просто посетителей) самим создавать темы, выкладывать видео и фотографии. Такая концепция взаимодействия, безусловно, таит в себе много скрытых опасностей – спам, неадекватные темы, нецензурная лексика и др., однако с этим может справиться модератор группы. Не стоит забывать, что социальные сети – это особая площадка для диалога, а не электронный вариант «агитки», и прелесть социальных сетей именно в том, что они предоставляют кандидату так называемую «обратную связь».

Успешность использования социальных сетей в проведении политических кампаний также будет определяться степенью «открытости» площадки, отсутствием жесткой модерации комментариев. Как правило, наличие негатива в комментариях только «подогревает» сторонников кандидата к защите его взглядов. Так же, не стоит забывать, что посетители страницы (группы) могут быть достаточно внимательными для того, что бы заметить изменение количества комментариев и их содержания, если это будет отмечено хотя бы один раз – можно смело считать всю проделанную ранее работу в сети бессмысленной тратой времени и ресурсов.

Проведенные эксперт-опросы показывают, что пока эффективность использования социальных сетей в политических кампаниях не является высокой. Участники исследования обосновывают это тем, что целевая аудитория социальных сетей – молодежь, если и интересуется политикой, то практически в ней не участвует, контакты виртуальной сети зачастую просто дублируют реальные межличностные контакты, отсюда проблема притока новых сторонников.

Пока социальные сети слабо задействованы в проведении политических кампаний. Эксперты оценили перспективы использования социальных сетей в федеральных выборах кампаниях 2011–2012 гг. (выборы депутатов ГД РФ и Президента РФ) на 52 % из 100 (средние). По их мнению, интерес к социальным сетям может возрасти потому, что федеральные выборы – это всегда знаковое событие, и было бы вполне логично, если новшеством этого электорального цикла стали бы избирательные кампании в сетях, однако на сегодняшний день ожесточенной борьбы на выборах не ожидается (результаты прогнозируемы) и новые технологии могут просто не понадобиться.

На сегодняшний день, фактор новизны социальных сетей как инструмента политических кампаний, дает политикам и их технологам «фору» в отношении воздействия на интернет-аудиторию – потенциального потребителя политической продукции не так сложно удивить, но это не означает, что технологий, которые сейчас используются, достаточно для уверенной победы в любой кампании, их формирование всё еще является перспективным направлением политического маркетинга.

Е. И. СТЕПАНОВА

Балтийский государственный технический университет, г. Санкт-Петербурга

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ И ЖИЗНЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА (ПРИМЕР СТУДЕНТОВ СПГУ ИТМО)

Изучение российского высшего образования является одним из значимых направлений – как в социологии, так и в сфере социальной политики. Значимость результатов данного направления исследований позволит в принципе формировать более эффективную политическую компанию по укреплению статуса и качества высшего образования в стране, повысить эффективность процесса обучения. Развитие этого направления в перспективе обеспечит вклад в повышение благополучия страны, экономического роста, усиления статуса страны в мировом масштабе.

Образование является двигателем экономического роста страны. Для успешного стратегического развития страна, если она хочет стать конкурентно-способной на мировом уровне, должна развивать образовательную среду. Хорошее профессиональное образование должно стать востребованным как среди молодежи, студентов, так и среди работодателей. Значительные перекосы в объемах в подготовке отдельных специальностей приводят к «затовариванию» рынка труда, девальвации статуса дипломированного специалиста. А это, так или иначе, ведет к снижению экономического роста в стране и увеличивает необеспеченность населения.

Выборка

Для прояснения ситуации со студентами перед лицом высшего образования в стране и непосредственно обучения в вузе было проведено исследование – о жизненных ценностях учащейся молодежи и месте образования среди таковых, о мотивации студентов на получение высшего образования, об удовлетворенности специальностью и обучением, об осознании перспектив, обеспечиваемых их специальностью. Проводили исследование среди студентов разных специальностей, в университетах Санкт-Петербурга и Парижа.

В данном материале представлены результаты опроса в Санкт-Петербургском государственном университете информационных технологий, механики и оптики (СПб ГУИТМО), являющемся одним из лидеров в подготовке специалистов в области информационных и оптических технологий. Берутся данные опроса 2010 г., в котором приняли участие студенты 1-го и 3-го курсов факультета «Информационных

технологий и программирования», в сумме выборка составила 76 человек (М – 60 чел. / 80%, Ж – 16 чел. / 20%; 1 курс – 31 чел., 3 курс – 45чел.). Возраст опрошенных 17–19 лет.

Целью исследования являлось прояснение значимых аспектов образовательной мотивации студентов. Изучалась мотивация студентов на поступление в данный вуз, привлекательные и непривлекательные моменты обучения в вузе, рассматривались профессиональные ориентиры и намерения студентов по окончании вуза, их жизненные планы на будущее.

1. Мотивация поступления студентов в ИТМО

На вопрос о причинах и факторах, по которым нынешние студенты выбрали данный вуз, дано в сумме 93 суждения. В целом тематика высказываний делится на две группы: (1) студенты целенаправленно поступали в данный вуз и (2) причиной поступления послужили внешние обстоятельства. Большее число респондентов указали целенаправленную мотивацию – 55% ответов (Табл. 1). Значительное количество респондентов с высоким уровнем мотивации на поступление в данный вуз свидетельствует о двух вещах: о высоком уровне их подготовки и о готовности к освоению привлекательной для них профессии в рамках также привлекательного учебного заведения.

Таблица 1 – Выбор вуза и факультета (76 человек, 93 фразы)

Реплик	I. Выбор определялся привлекательностью специальности (42 фразы)
10	Интерес к профессии
7	Желание учиться в вузе технического профиля
4	Нравится специальность
4	Продолжают учебу по специальности
3	Востребованность и престиж профессии ИТ
2	Стремление получить данную специальность
2	Захотел и поступил
2	Любовь к ПК
2	Нравится профессия
2	Целенаправленно шли
2	Притягивают компьютеры
2	Увлечение с детства программированием
42	ИТОГО – 45,2%
	II. Выбор определялся привлекательностью вуза (25 фраз)
9	Престиж вуза
3	Реклама вуза
1	Договор у школы с данным вузом
6	Посоветовали близкие – 5, рекомендовали друзья – 1
19	ИТОГО – 20,4%
	III. Случайные/косвенные обстоятельства (20 фраз)
2	Желание приобщиться к жизни в СПб
1	Нашел в справочнике
1	Не прошла в другой вуз
1	Назло родителям
1	Пригласили
14	Другие случайные обстоятельства
20	ИТОГО – 21,5%
12	IV. Разное (12 фраз) – 12,9%

Группа высказываний от высоко мотивированных респондентов составила почти половину реплик, среди которых лидируют такие ответы, как «интерес к профессии», «желание учиться в техническом вузе», «нравится специальность». Есть даже такие респонденты, кто продолжает учебу по данному профилю, увлекается этой профессией с детства («Занимаюсь программированием с шестого класса», «Всегда тянуло к компьютерам»).

Среди относительно внешних обстоятельств поступления в данный ВУЗ важную роль сыграли престижность вуза, договор школы с ИТМО, советы близких и др.

Случайные обстоятельства отметили примерно четверть студентов и дали 20 разных формулировок.

В целом можно отметить, что процент целенаправленно поступивших в ИТМО составил половину респондентов. К этой же группе высказываний надо присоединить группу «внешних» мотивов, отметивших в первую очередь престиж вуза, опыт других людей – в совокупности с первой группой мотивов это уже дает 60% целенаправленной мотивации студентов ИТМО.

Итак, резюмируем: почти 60% студентов ИТМО имели явно выраженную мотивацию получить образование именно в данном вузе. Все студенты намерены завершить учебу и так или иначе – ближайшее время или несколько более отдаленной перспективе решить вопрос своего трудоустройства. Это подтверждает тот факт, что студенты ИТМО оправданно занимают высшую строчку в ранжировании профессиональных устремлений учащейся молодежи.

В современных установках общества на развитие инновационной экономики в стране и настоятельности ориентаций научно-образовательной политики страны на выявление мотивированной молодежи – опыт становления мотивированной молодежи на примере студентов ИТМО, несомненно, требует более тщательного изучения.

2. Послевузовские намерения студентов

Обратимся к вопросу – как студенты предполагают реализовать себя в профессиональном плане после окончания вуза.

Ответы на вопрос о привлекательных вариантах трудоустройства показали, что 70% респондентов связывают свою деятельность с профессией/работой, близкой к своей специализации: «работать по специальности», «работать программистом», «работать в сфере ИТ». Единичные ответы указывают на уже более продуманные стратегии трудоустройства, отмечая конкретную сферу деятельности / характер работы: «Консультант по внедрению ERP систем», фриланс, свои проекты. Кто-то планирует получать второе высшее.

Можно отметить, что в этих выборках есть лишь по единичному упоминанию идея учебы в аспирантуре и работы преподавателем. Так что перспектива научной деятельности и преподавательской деятельности пока никак не видится современным студентам.

3. Жизненные планы

Для более детального анализа были предложены вопросы, направленные на изучение жизненных стратегий студентов. Эти вопросы позволяют увидеть, какие жизненные перспективы наиболее привлекательны для студентов данного вуза, какова широта их взглядов. Чем шире представления у студентов о своих планах на будущее, тем выше уровень их образования, который напрямую зависит от учебного заведения, в котором учится студент.

Предлагалось ответить на два корреспондирующих вопроса: (1) планы на два года вперед, (2) планы на семь лет вперед.

Полученные ответы можно разбить на две больших группы. Первая группа ответов связана непосредственно с проблемами ОБУЧЕНИЯ – закончить вуз, получить хорошие знания, получить второе высшее, заниматься саморазвитием. Вторая группа – ОБУСТРОЙСТВО ЖИЗНИ: поиск работы, обеспечить материальное благополучие, купить дом, машину, создать семью.

В группе «Образование / знание» прослеживаются тенденции.

1. Тема «заниматься саморазвитием» отмечается менее настоятельная для будущего (с 18-ти до девяти фраз).

2. Третьекурсники (видимо, все) на период до двух лет отмечают «закончить вуз (53 фразы) и первокурсники вынуждены «переехать» с подобными планами на следующий период (29 ответов). В ближайшие два года респонденты хотели бы получить определенный опыт работы, а многие настроены уже устроиться на работу.

В итоге за период до семи лет все 100% студентов намереваются завершить вопрос обучения в вузе и решить также корреспондирующую с этим проблему – найти подходящую работу.

В принципе первый период сфокусирован на позициях, связанных с образованием, знанием, учебой.

Многие студенты (видимо, большинство их с 3-го курса) – всерьез уже на ближайшие два года рассматривают идею поиска работы, не откладывают ее на после окончания вуза.

С удлинением временной перспективы (на семь лет) прослеживается увеличение внимания к нескольким определенным позициям:

- найти работу (еще 50% респондентов отметили это своей задачей, в сумме это 100%);
- создать семью (30%) – основная масса студентов примеряется к этой жизненной идее не в короткой, а в более отдаленной перспективе в семь лет;
- материально обеспечить свою жизнь – материальная независимость, квартира, машина (18 реплик).

Поиск работы по профессии в обеих временных рамках имеет максимально высокие показатели, что свидетельствует о систематическом внимании студентов к решению этой жизненной позиции.

Такого рода динамика жизненных ориентиров скорее является фундаментальной для студенческой молодежи вообще, а не только для данной группы респондентов.

4. Качество обучения

Разобравшись с мотивацией студентов, далее проанализируем и сравним, какие привлекательные и не очень привлекательные стороны в своем обучении видят студенты ИТМО (Табл. 2). Характер выделяемых как существенные детали, видимо, тоже должен работать на профессиональную идентичность студентов, усиливая или ослабляя ее.

Таблица 2 – Привлекательность разных аспектов обучения (всего 274 фразы)

Положительные стороны в обучении	Кол-во суждений		Отрицательные стороны в обучении
Качество образования	58	70	Плохое качество обучения
Перспективная профессия	42	0	–
Оснащенность вуза	28	11	Состояние помещений и оборудования
Возможность самосовершенствоваться	25	0	–
Престиж вуза	21	4	Несоответствие вуза своему статусу в рекламе
Хороший преподавательский состав	18	11	Низкий уровень преподавателей
Дружный коллектив	16	0	–
Свободный график	11	9	Неудовлетворенность сеткой расписания
Удовлетворенность Болонской системой	11	22	Неудовлетворенность Болонской системой
Наличие практики	8	3	Мало практики
Состояние столовой	8	10	Низкое качество и дорогая столовая
Бесплатное обучение	4	9	Растущая высокая стоимость обучения
–	0	19	Много лишних предметов
–	0	7	Мало предметов по специализации
Разное	35	35	Разное
Всего (76 чел.)	274	201	

Студенты дали значительный перевес положительным оценкам (на 73 фразы больше было отмечено в обучении хорошего, чем плохого).

Статистический анализ был подкреплен конкретными высказываниями студентов. Важно было бы учесть курс, на котором учатся студенты – должно быть разное восприятие, если это студенты 1-го курса или 3-го. Наверное, по последним двум позициям выражают неудовольствие, прежде всего, студенты 1-го курса. Это можно будет уточнить позже.

Выводы

В данном вузе большое число студентов имеет крепкую мотивацию на получение профессии и дальнейшую работу по данной специальности. Сфера ИТ оценивается как очень перспективная, специалисты высоко оплачиваются, студенты ощущают, что на рынке труда высокая востребованность специалистов данной области.

Качество образования в вузе студенты оценивают положительно из-за высокого статуса вуза. Конечно же, немалую долю в оценку качества обучения внесла престижность направления, по которому учатся студенты.

Однако есть и существенные претензии, которые, наверное, могут быть рассмотрены с определенным вниманием и как-то учтены и скорректированы в работе вуза.

Предполагается, что характер восприятия профессиональных перспектив должен существенно отличаться у студентов других специальностей – ведь ИТ- специальности легко прикладываются к любой работе, здесь легко быть на высоте, профессиональная работа не требует специального оборудования, работа этого профиля не требует современно оснащенных предприятий для их будущей работы.

И другое дело – если речь идет о технических специализациях, типа лазерных технологий, электроники и др. Тут уже наверняка студенты будут видеть меньшие профессиональные перспективы и могут выступать даже своего рода экспертами, непроизвольно оценивающими неудовлетворительное состояние нашей промышленности, исследовательских КБ и др. Однако это только наши предположения – изучение других категорий студентов не проводилось, а это могло бы дать очень интересные диагностические в каком-то смысле результаты.

Г. М. ТИМОФЕЕВ

Пермская государственная медицинская академия, г. Пермь

МОДЕРНИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Курс на модернизацию России, провозглашенный президентом Д. Медведевым, это не только преодоление технологического отрыва страны от развитых государств. Главное в модернизации – это переход российского общества на новый уровень развития, отвечающий критериям конкурентоспособности в современном мире. По сути дела нам необходимо, как и во времена горбачевской перестройки, менять все – идеологию, политику, экономику, социальную сферу, внешнюю политику, законодательную базу для стимулирования инновационного развития. Поэтому без развития демократических институтов никакое построение инновационной экономики, никакая модернизация просто невозможны. Если модернизация на индустриальном этапе развития общества могла быть

реализована при разных политических режимах: демократических, авторитарных и тоталитарных, то модернизация в условиях постиндустриального общества возможна только при условии роста индивидуальной активности и творчества самих работников. А вовлечение масс в процесс модернизации возможно только при условии их участия в принятии политических решений, то есть в условиях демократии. Об этом свидетельствует и опыт Японии, Южной Кореи и ряда стран Латинской Америки и Южной Европы, где переход к инновационному этапу модернизации сопровождался процессом их демократизации.

Социально-политические аспекты процесса модернизации сегодня объективно вышли на первый план, ибо без их решения никакие качественные изменения в экономике невозможны. Об этом говорил и Д. Медведев в своем выступлении на мировом политическом форуме в Ярославле (сентябрь 2010 г.), где он прямо указывал, что добиться реальной модернизации страны, правящая власть сможет, лишь помогая народу раскрепоститься, и заявил, что России нужна демократия, как обязательное условие для развития страны. Однако в Послании президента Д. Медведева Федеральному Собранию (ноябрь 2009 г.) достаточно ясно сказано, что перемены не могут затрагивать основу сложившейся социально-политической системы. И здесь ясно проявляется страх правящей политической элиты перед возможными переменами, что и парализует все его действия в этом направлении.

Правящая власть вынуждена действовать в обстановке тотального недоверия народа. Народ не верит ни в какую модернизацию, для большинства россиян, непрерывно обманываемых последние 20 лет государством, любой намек на «опять реформы» вызывает негативную реакцию. Проблема заключается в том, что для современной России необходима, как и в «горбачевские времена» новая «революция сверху». Однако страх перед ней вызывает отторжение у всех – элиты, бизнеса, чиновников, населения. Поэтому правящей властью и взят идеологический курс на консерватизм. А суть консервативной программы «Единой России» состоит в том, что партия власти согласна модернизировать экономику, но ничего не менять в социально-политической системе. Курс «Единой России» на сохранение сложившейся социально-политической системы в стране, а по сути – сохранение тепличных условий для правящей бюрократии, является главным препятствием для проведения подлинной модернизации.

Вперед Россия может двинуться только через глубокую реформу политической системы. В статье «Россия, вперед» Президент по сути, признал необходимость замены «суверенной демократии» составительной, но при этом якобы все надо делать медленно, осторожно, во избежание революционных потрясений. Все это говорит о слабости его позиции как Президента. Дмитрий Медведев пока, прямо скажем, не очень похож на подлинного реформатора. За годы своего президентства он не принял ни одного политического решения, которое противоречило бы «путинскому стилю». А все разговоры об особом пути развития демократии в России, это по сути попытки оправдать отсутствие демократии в стране. Ни в одной стране с инновационной экономикой нет какого-то «национального пути развития» демократии. Все эти государства развиваются на базовых демократических принципах. Исследование модернизационных процессов свидетельствует о том, что любой технологический скачок является результатом не столько усилий государственных властей «сверху», а следствием роста добровольной экономической активности «снизу». Данные социологических исследований свидетельствуют: бум предпринимательской активности 1990-х гг. в стране утрачен. И во многом это результат усиливающейся тенденции в течение последнего десятилетия политического отчуждения государственной власти от народа, отстранения людей от политики. По свидетельству социологов «Левада-центра» сегодня 84% россиян считают, что они перестали влиять на политику. Оттесненные на обочину политической и общественной жизни, они все в большей мере перестали чувствовать ответственность за то, что происходит в России. Уже сегодня 13% наших соотечественников хотели бы уехать на постоянное жительство за границу, а 35% родителей хотели бы, чтобы их дети учились и работали не в России. И не случайно наиболее активная, образованная и состоятельная часть населения последнее десятилетие стала присматривать себе место на Западе: выводила капиталы, отправляла детей на учебу, покупала недвижимость.

Важным стимулом модернизации является национальная солидарность. Успех возможен только в том случае, когда воля народа и воля власти действуют в одном направлении. А отсутствие политического единства между народом и политической элитой ведет к тому, что в России сегодня нет коллективного запроса на модернизацию. Модернизация не нужна политической и экономической элите, которая стремится, прежде всего, сохранить нажитое за годы ельцинской приватизации, а не развивать страну, ни «широким слоям населения», которому еще далеко до «гражданского общества». Однако это не означает, что обстановка в стране не будет меняться. Скорее, напротив, именно объективная ситуация будет толкать руководство страны и наиболее прогрессивную часть элиты к все более решительным шагам по пути модернизации страны по всем направлениям, в т. ч. и политическом.

Создание инновационной экономики не самоцель. Речь сегодня идет о том, чтобы создать такое общество в России, которое соответствовало бы современным требованиям мирового развития, поэтому требуется системная перестройка российского общества. И прежде всего в плане демократизации, ибо без подлинной и всесторонней модернизации у страны нет будущего.

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ – 20 ЛЕТ СПУСТЯ

*Мостов обрушенных обломки –
Наш путь. Он скорбен был и крут...*

*Дай Бог надежду, что потомки –
Где ложь, где правда – разберут.*

Р. Гамзатов

В истории принято обращаться к юбилейным датам, значимым по историческим меркам событиям, явлениям, фактам.

В этой связи целесообразно заметить, что 11-й год нового столетия примечателен тем, что 20 лет назад в России сменился политический курс государственного развития, была заложена президентская форма правления и начался цикл непрерывных, судьбоносных для Отечества преобразований. Россия вновь обрела государственный суверенитет, демократическая Европа рукоплескала кремлевскому свободомыслию, щедро засылала своих волонтеров-советников в города и веси с целью привить либеральной элите подлинные демократические ценности, приобщить к тайнам рыночной экономики и навсегда стереть имперские стереотипы тоталитаризма из деформированного сознания россиян.

В официальных документах, научно-исследовательской литературе, публицистике это время называют по-разному: перестройка, реформация, ползучая контрреволюция, модернизация, масштабная трансформация, национальное обновление и т.д. Суть, однако, не в этом. Номинация вторична, первично содержание, результат политических деяний.

По истечении сравнительного небольшого, но соизмеримого с человеческой жизнью периода, хочется понять – насколько логичным, целесообразным, а, главное, результативным было решение на революционное изменение политического и социально-экономического курса страны, насколько оправданным был отказ от *эволюционного изменения*, как, например, в Китае? Насколько адекватными национальным интересам были действия тех, кого сегодня история чтит, а от кого ждет покаяния?

Возможно, кто-то возразит – достаточны ли 20 лет для такой оценки? Способны ли мы понять диалектику радикальных изменений, да и вообще, есть ли диалектика в том, что наворочено за эти 20 лет? Сложилась ли условия, необходимые для понимания всего многообразия творений авторов и прорабов перестройки, реформ и модернизационных вариаций?

Рассказывают, что идеолог китайского чуда Дэн Сяопин в ответ на вопрос, какое влияние оказала Великая французская революция на ход мировой цивилизации, ответил, что со времени взятия Бастилии прошло всего лишь 200 лет, а этого времени мало для подведения итогов. Действительно, большое видится на расстоянии.

Тем не менее, задача нашей конференции – порассуждать о прошедшем неоднозначном времени, сверить свои позиции и мысли, попытаться непредвзято сравнить то, что потеряли с тем, что обрели заново. Тем более что мы все чувствуем, как сжимается время, как актуальна его историческая оценка и содержание.

Не менее привлекательно и другое: необычайно пополнился арсенал мемуаров, воспоминаний и свидетельств очевидцев, участников всех событий, широк спектр форм и методов подачи их материалов по телевидению, радио, Интернету, в газетах и журналах.

Очень верно заметил эту особенность академик В. И. Жуков, отвечая на вопрос: «Советский Союз распался или был разрушен?». Видный ученый-социолог в своем фундаментальном монографическом исследовании «Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований» пишет: «Сейчас имена многих демонов самой масштабной политической провокации хорошо известны. Со временем в деталях будет известно и то, что скрывается за фразой М. С. Горбачева: “Всего я вам никогда не скажу”. И не надо. С каждым годом картина становится понятней и без лукавых откровений полубразованных политических нахалов. Кто внутри ГКЧП играл роль провокатора, кого втянули в заговор обманом, а кто всегда был политическим бараном, история раскроет и без носителей “общечеловеческих” ценностей» [1, с. 16].

Важно другое, когда политики врут, ответственность науки за просвещение народа резко возрастает. Следовательно, такой первичный анализ и собственные оценки политических, социально-экономических, нравственно-правовых и других процессов в современных геополитических координатах, перед новыми глобальными вызовами – цель настолько необходима, насколько мы видим себя, говоря словами Л. Н. Гумилева, способными к самоидентификации.

Исходным геополитическим началом всех изменений в конце XX в., которые, как бы сказал М. В. Ломоносов, «утомили Россию», было наличие двух сверхдержав: Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, этих двух перенасыщенных бомбами и ракетами до безумия империй зла, лучшие умы которых с равнопеременным успехом убеждали все прогрессивное человечество, какая

же из них подлинно источник мировой угрозы. В этом «холодном» противостоянии формировался милитаристский потенциал развития цивилизации. Вторые и третьи страны, затаив дыхание, наблюдали за гонкой вооружений, за широкой поступью западной демократии и хилым торжеством восточной версии марксистско-ленинского учения, хитро оценивая экономическую целесообразность вовремя примкнуть к НАТО или к Варшавскому Договору, войти в Общий рынок и в Совет экономической взаимопомощи.

Эта эпоха ушла в историю. Сегодня на мировой авансцене, как считает живой классик политологии Зб. Бжезинский, только одна сверхдержава – Америка. Именно ей уготована роль всемирного эталона подлинной демократии, миротворца и локомотива цивилизационного прогресса. О месте России в мире живой классик политологии и геополитики сказал, что она слишком слаба, чтобы быть партнером США, но и пациентом не может быть, так как сильна. Эта точка зрения, бесспорно, вызывает раздражение, а нередко и ненависть. Рефлексия «Великой шахматной доски» больно ударила по национальной безопасности США, её великодержавности, развеяла миф о всеобщей привлекательности американского образа жизни. Более того, именно территория Соединенных Штатов стала стратегической целью № 1, осажденной крепостью международного терроризма и его форпоста – Аль-Каиды. В сентябре этого года исполнится ровно 10 лет со дня террористической атаки Манхэттена.

Усиливающаяся конкуренция между Западом и Востоком, нарастающие противоречия в экономике, экологии, культуре, духовной сфере, между военно-политическими блоками и торговыми союзами, очевидно, дополняются крупномасштабными внутренними конфликтами. Обратите внимание, какой обеспокоенностью встречены мировым сообществом события на севере Африки и в странах арабского Востока. Невольно напрашивается вопрос – а не является ли сегодняшний политический кризис в странах Магриба и Аравийского полуострова запоздалым, но закономерным эхом российского сценария геополитической драмы? Может быть, «арабская весна» 2011-го имеет те же корни, что и «российская осень» 1991-го?

Ведь все, что произошло вчера у нас и происходит сегодня у них, формировалось на вопиющих проявлениях социальной несправедливости и правового нигилизма, на разломах нищеты и роскоши, на фоне обострения национальной неприязни и религиозного экстремизма, в условиях гражданской усталости и экономической экспансии, государственно-политического тупика, в котором оказались и те и другие.

Но, все же об итогах за 20 лет.

Россия вступила в XXI век ослабленной экономически и надорванной духовно, понесла значительные потери как внутри страны, так и в международном масштабе, с большим национальным дискомфортом, карикатурной демократией и с всегда присущими геополитическим амбициями. Северо-Кавказская гражданская война, какими бы дефинициями ее не маскировала официальная пропаганда, как родимое пятно на историческом лице России, свидетельствует об организационной слабости власти, о декларативности конституционных принципов национальной политики, о недостатке с одной стороны политической воли, с другой государственной мудрости власть придержащих.

Затратная экономика и военно-промышленный комплекс поглощали значительную долю национального дохода. Система управления всей народно-хозяйственной архитектурой разрушалась безответственностью прежних руководителей и некомпетентностью новых. Резко падали производительность и дисциплина труда, эффективность социальных институтов. Государство управлялось не законом, а понятиями чиновников и политиков, присвоивших право толковать закон. Между спросом и предложением возник колоссальный разрыв, что вызвало протестную реакцию. Дефицит товаров, унижительная система карточного распределения стали главной характеристикой потребительского рынка. Страну охватил кризис. Был провозглашен циничный лозунг: «Можно все, что не запрещено законом». Под ним сформировалась пятая колонна коррупционеров, спекулянтов и воров. Волна смутного времени вновь захлестнула Россию. Начались криминально-бюрократические трансформации: передел государственной собственности, формирование политической олигархии, отмывание и вывоз за рубеж украденных у народа денежных средств, подверглись разрушению источники экономического развития, а именно: резко сократились крупные инвестиции, свертывалось наукоемкое производство, фундаментальная наука, началась деквалификация трудовых ресурсов и девальвация высшего профессионального образования.

По данным Всемирного банка [2] (Доклад о мировом развитии – 2011) Россия находится на одном уровне с республиками бывшего СССР, в частности Азербайджаном, Беларуссией, Казахстаном и Литвой. Установленный минимум в этой группе в год на одного человека составляет 3 тыс. 946 долларов, а максимум – 12 тыс. 195 долларов США. Что касается ВВП, то этот показатель в период с 2000 по 2009 г. рос в среднем на 5,9 %. По данным Высшей школы экономики за 20 лет рыночных реформ индекс благосостояния граждан России вырос на 32%, но при этом не стояли на месте цены на продовольственные товары, бытовую технику и коммунальные услуги. В целом неплохо. Но есть у нас, как говорили советские руководители, и отдельные недостатки.

В важнейшей сфере – энергетике, Россия проигрывает сегодня в конкурентной борьбе иностранным компаниям и по качеству, и по цене производимого энергооборудования. 80 % используемой в

нашей стране энергопродукции закупается за рубежом. На совещании по развитию энергомашиностроения В. Путин заявил, что если российские компании будут закупать оборудование для отрасли за рубежом, то все окончательно захиреет и это станет закреплением сырьевой направленности работы нашей энергетики [3]. На модернизацию отрасли в ближайшие 10 лет потребуется 11 трлн. руб. [3].

Глубочайший системный кризис охватил аграрный сектор страны. Вот несколько подтверждающих примеров:

- по уровню добавленной стоимости, созданной в расчете на одного работающего в агросфере, Россия занимала 37 место в мире. В денежном выражении – \$47 этот показатель был в 100 раз ниже, чем в США, Финляндии, Голландии и других европейских странах;

- удельный вес потерь произведенной продукции составлял от 10% (мясо) до 60% (молоко). Этот уровень потерь в 10-20 раз превышал аналогичные показатели развитых аграрных держав;

- физический объем российского ВВП в 1991 г. составлял менее четверти ВВП США. Россия замкнула третью десятку государств по объёму ВВП и перешла в группу развивающихся государств по его душевому исчислению;

- Россия по сравнению с США стала продавать в 17 раз меньше танков, в 20 раз ракетных комплексов. В целом доля России на рынке вооружений сократилась втрое.

Сильнее других пострадала социально-нравственная сфера. Порожденные в этой области процессы, как полагают специалисты, опасны своими последствиями,

- во-первых, содействовали распространению в обществе настроений социальной враждебности, агрессивности, склонности к силовому утверждению своих притязаний, настроений вседозволенности и безнаказанности;

- во-вторых, формировали устойчивый слой участников преступной деятельности, экстремистских социально-политических проявлений;

- в-третьих, усиливали социальную напряженность, способную трансформироваться в острые социальные конфликты;

- в-четвертых, способствовали образованию очагов этнонационального возбуждения, возникновению межнациональных кризисов и сепаратистских выступлений.

В итоге, как писал наш знаменитый соотечественник А. А. Зиновьев, Запад добился интеллектуального превосходства над нашими руководящими идиотами. Здесь нужно, отмечал он, только уточнить – перевеса Запад добился не над нашими руководящими идиотами, а вместе с ними.

Вот на фоне этого историко-политического полотна и была реализована стратегия ультралиберальных реформ в центре которой была пресловутая шоковая терапия Гайдара-Чубайса.

Какие же социально-значимые индикаторы характеризуют нынешнее экономическое состояние России?

Одни из важнейших – благосостояние, т.е. уровень жизни, рынок труда, уровень безработицы.

По решению ООН нищета как социальная категория определяет состояние человека, жизненный уровень которого ниже \$1 в день. Сегодня в России 26% бедных, в Европе – 17%. Доходы 10% самых бедных и 10% самых богатых разнятся в 17 раз! В СССР это показатель равнялся четырём.

Россия вошла в десятку самых опасных стран мира для инвестиций. По мнению *Political Risk Atlas 2011*, Россия входит в число стран с «чрезвычайно высокими» политическими рисками и самой нестабильной бизнес-средой. Первое место у Сомали, далее Конго и Судан. Перед Россией в рейтинге Пакистан и КНДР. Исследование охватывает 196 стран мира оцененных по 41 параметру. В рейтинге 2010 г. Россия занимала 15-е место.

Ежегодно Россия теряет по численности населения целую область примерно равную Псковской, республику типа Карелии или крупный город, такой как Краснодар.

За последние 10 лет на 40% сократилось население на Дальнем Востоке и на 60% на Крайнем Севере. В Сибири за последние годы исчезло 11 000 деревень и 290 городов.

Смертность только от сердечно-сосудистых заболеваний и болезней системы кровообращения превышает 1 400 000 человек.

Ежегодно по причине употребления табака в России умирает 270 000. Курят почти 70% мужчин и более 30% женщин. 26 000 детей не доживают до 10 лет, ежедневно умирает 50 младенцев, 70% из них в родильных домах.

Можно было бы продолжить этот цифровой ряд и дальше, но дело не в этом. Уже приведенного достаточно для того, чтобы понять – наша задача вскрыть и обнародовать причины возникших проблем. Сопоставить прежние методы политического руководства с современными конструкциями управления государством. Нам надо вместе с лучшими представителями научной и творческой интеллигенции попытаться взглянуть на проблемы без идеологических пристрастий, без поиска виноватых, тем более «врагов народа». Это уже было в нашей истории. Современная молодежь, а это в большинстве своем студенты, нуждается не только в профессиональных знаниях, передовых технологиях, но, прежде всего в четких нравственно-правовых ориентирах, в умении гармонично сочетать личный интерес с общественным, государственным, руководствоваться в повседневной жизни высо-

кими гуманистическими принципами, уважительным отношением друг к другу. Помочь им в этом обязаны мы – преподаватели гуманитарных дисциплин. Двадцатилетний, т. е. очевидно затянувшийся период модернизационных реформ, его итоги – более чем убедительный повод сконцентрировать интеллектуальный потенциал на человеческом, молодежном факторе. Ни какая нанотехнология, ни какие суперкомпьютеры не помогут сделать Россию великой, сильной и уважаемой страной до тех пор, пока высшей ценностью общества и государства не станет конкретный человек и его семья. Осознание этой позиции должно начинаться и крепнуть в стенах вуза, оно должно опережать накопление знаний и компетенций. Более того, высокая политическая и правовая культура, мощный духовно-нравственный стержень, достоинство и честь должны быть главными из них. Все остальное вторично!

Рост ВВП, инвестиционную привлекательность, военный потенциал, национальную безопасность, государственный суверенитет и международный авторитет державе приносят люди, на первом месте у которых совесть и честь. Вся история России, и прошлая и новая, доказательство тому. Вот почему цель и задачи нашей конференции можно выразить словами российского историка В. О. Ключевского, который мудро заметил – история никого и ничему не учит, она только наказывает тех, кто пренебрегает ее уроками.

Примечания

1. Жуков В. И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. Изд. 2-е, перераб. и доп. В 3 т. Т. 1. Россия на рубеже тысячелетий: социология экономики и политики (1985–2005). М., 2007.
2. Российская газета. 2011. 12 апреля. № 77 (5453).
3. Российская газета. 2011. 11 апреля. № 76 (5452).

Н. В. ЦЫГАНЕНКО

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

РЕЛИГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Изучение социальных функций и потенциала религии в процессах модернизации становится особенно важным в связи с кардинальными изменениями в духовной сфере постсоветской России. Смена знака в отношении к религии на общественно-политическом уровне требует пристального научного внимания к ее роли в социокультурных трансформациях. В настоящей работе мы попытаемся ответить на два вопроса: может ли религия быть фактором социальных изменений вообще и в современном российском обществе, в частности.

Существует прямая зависимость развития любого общества от совокупности социальных институтов, сформировавшихся в ходе его многовековой эволюции и придающих той или иной социальной системе неподражаемое своеобразие. Одним из таких институтов является религия. М. Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» показал, насколько социально-экономическое развитие общества зависит от состояния духовного мира личности, от ее развития и социокультурной устремленности [1]. Религиозно обусловленная хозяйственная этика, показывает М. Вебер, становится максимой поведения специальных групп, жизненное поведение которых решающим образом воздействует на формировании нового общественного уклада.

Легитимация новых социальных институтов, по мнению Вебера, опирается на устойчивые социальные ценности, которые на протяжении всей истории развития общества формировались в рамках религии. Поэтому религия обеспечивает легитимацию новых социальных изменений. Этот вывод Вебера имеет важное значение не только для понимания социальных трансформаций, но и для понимания роли религии в социальной системе.

Идею зависимости прогресса от ценностных оснований культуры и религии развивает и подтверждает серьезными исследованиями современный ученый Лоуренс Харрисон. Анализируя социальное и культурное развитие около ста двадцати стран современного мира, он обращает особое внимание на несомненную роль наиболее влиятельных в этих странах религий в ускорении развития либо же в стагнации этих стран. Л. Харрисон выделяет десять показателей модернизации, среди которых: индекс человеческого развития (ИЧР), который включает в себя образование, здравоохранение, данные о доходах на душу населения, грамотность населения в целом и женская грамотность, рождаемость, свобода, демократия, ВВП на душу населения, коэффициент Джини, доверие, коррупция.

По данным Л. Харрисона, наибольшей модернизационной креативностью обладают протестантские конфессии [2]. «Чемпионами» прогресса являются страны, на развитие которых влияние оказало лютеранство (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания и Исландия). Они занимают лидирующие позиции согласно вышеуказанным индикаторам модернизации: Норвегия и Дания первые по показателям

доверия в мире, по конкурентоспособности Финляндия заняла 1 место, Швеция – 3, Дания – 5, Норвегия – 6, Исландия – 10.

Конфуцианство более расположено к прогрессу, нежели ислам, индуизм, буддизм (в понятие конфуцианства Харрисон вкладывает не столько непосредственно учение Конфуция, сколько культуру Восточной Азии в целом, в которой, несомненно, конфуцианство занимает основное положение, но также в него вплетены элементы даосизма, буддизма и другие верования). Средние показатели стран этой группы – Японии, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура – схожи с показателями католических стран по индексу человеческого развития; грамотности, включая женскую; ВВП на душу населения; распределению доходов. Уровень доверия в основном выше именно у приверженцев учения Конфуция, нежели у католиков, а уровень коррупции примерно одинаков.

В тех странах, где доминирует православие, сложен сравнительно низкий уровень как демократических свобод, так и успешных предпринимательских инициатив. Здесь особенно высок уровень бедности, снисходительного отношения к нарушителям морали и закона, коррумпированности и иных препятствий модернизационным процессам. Россия по многим критериям модернизации занимает периферийные позиции: по ИЧР 71 место из 182, по степени свободы 5,5 позиция (7 – наихудший показатель), по шкале коррумпированности 2,2 балла (1 – наихудший показатель), по индексу конкурентоспособности 63 место из 182.

С помощью этих данных мы можем продемонстрировать важность культуры изменений, потому что за каждым из представленных индикаторов скрывается социокультурная подоплека. В число таких социокультурных параметров включена религия. Ее потенциал определяется степенью влияния на реальное сознание и поведение людей.

Социологический анализ роли и места религии в социокультурной структуре модернизирующегося общества, на наш взгляд, включает в себя исследование нескольких аспектов, а именно: 1) изменения взаимоотношения государства и религии; 2) изменения отношения граждан общества к религии и 3) отношения религии к социальной модернизации. Анализируя *первый аспект* отметим, что особенности современной российской религиозной ситуации, именуемой часто как «религиозный ренессанс», обусловлены следующими причинами.

1. Политическими и правовыми переменами в стране, которые выразились в ликвидации административных и нравственных гонений и запретов на верующих. Получив реальную свободу для нормального, естественного развития, религия и церковь опираются сегодня в значительной степени за счет не реализовавшегося ранее потенциала. С принятием в РСФСР закона «О свободе совести» в 1989 г., «О свободе совести и религиозных организациях РФ» в 1997 г. число религиозных организаций стремительно возрастает. Так, только в период с 1991 по 2001 г., отделом регистрации общественных и религиозных объединений Управления Министерства юстиции по Алтайскому краю зарегистрировано более 154 организаций РПЦ (Русской православной церкви), в том числе 10 монастырей и православное духовное училище.

2. Ситуацией социальной нестабильности, связанной с трансформацией политической и экономической систем, снижением уровня жизни значительной части населения, что вызывает чувство экзистенциальной опасности и, как следствие, стремление к религии как к надежному социальному ориентиру. Структурная перестройка всего общественного уклада болезненно отражается на индивидуальных судьбах и актуализирует спрос на религию как средство утешения, защиты и надежды на будущее. В итоге меняется статус религии в ценностной иерархии населения: из категории терминальных, смысложизненных ценностей – целей она переходит в категорию инструментальных ценностей – средств.

3. Потребностью заполнить духовный вакуум, образовавшийся вследствие болезненных трансформаций социальной системы и разрушения прежней идеологии и ценностной иерархии, привлекли внимание граждан к мировоззренческому и гуманистическому потенциалу религии. Внутренняя потребность людей цивилизованно решать проблемы личного и общественного бытия способствуют тому, что они обращаются к религии и церкви как оплоту моральных ценностей. Кроме того, религия явилась своеобразной оппозицией господствовавшего официального коммунистического, советского мировоззрения в ситуации его кризиса, символизируя новую мировоззренческую парадигму общества. На практике это реализовалось как экстремальная смена общественных настроений от атеистического полюса к религиозному. Появилась своеобразная интеллектуальная мода на религию, что, отчасти объясняет неоднозначность духовных установок общества. Более того, религия начинает активно использоваться в качестве средства социальной мобильности, в формировании привлекательного имиджа в политической или иной карьере.

4. Немаловажное значение имеет и историческая традиция активизации прогрессивной деятельности религиозных организаций в сложные периоды истории (например, в годы Великой Отечественной войны), что повышает их авторитет как надежной общественной силы, традиционного института, способного на полезные в духовном и социальном плане дела. Экспансия чуждых национальному самосознанию проамериканских и прозападных ценностей, распад СССР и снижение авторитета страны на международном уровне создают угрозу потери социокультурной идентичности

россиян. В таких условиях этногеничные религии повышают свое значение как культурная ценность и национальное достояние народа, создают предпосылку для укрепления его национального самосознания.

Анализируя *второй аспект* отметим, что в современном российском обществе, которое характеризуется как модернизирующееся, религиозность является в большей мере внешним атрибутом поведения, чем внутренней ценностно-мотивационной составляющей личности.

В ходе эмпирических исследований религиозности населения Алтайского края (2001 г. – выборка 800 человек, 2011 г. – выборка пилотажного исследования 70 человек) нами выявлены следующие тенденции:

- в современных условиях модернизации российского общества статус религии определяется процессами секуляризации и индивидуализации религии;
- религиозность является в большей мере внешним атрибутом поведения, чем внутренней ценностно-мотивационной составляющей при реализации религиозных потребностей личности;
- установлена приоритетность компенсаторной и мировоззренческой функций религии;
- религиозное поведение строго не дифференцируется ни в культовых, ни в социальных действиях респондентов [3].

Оценивая в целом религиозную ситуацию в Алтайском крае и степень влияния религии на жизнедеятельность населения данного региона, можно сделать следующие выводы:

- современная религиозная ситуация в данном регионе детерминирована в первую очередь факторами кризисного, трансформируемого социума и религиозность распространяется экстенсивно во многом за счет высвобождения потенциала, накопленного в предшествующий период;
- среди индивидуально-личностных факторов наибольшая связь установлена между религиозностью и полом респондентов: уровень религиозности выше среди женщин, в их сознании сильнее укоренились и религиозные и околорелигиозные верования; выше оказались показатели культовой активности;
- средоточием религиозной жизни в Алтайском крае являются города, в которых выше уровень религиозности и активнее деятельность как традиционных, так и нетрадиционных религиозных организаций. Данный факт может быть отнесен к одной из отличительных особенностей религиозной ситуации в крае, поскольку в других регионах страны исследователи фиксируют более высокий уровень религиозности в сельской местности;
- наиболее восприимчивыми к религиозным и околорелигиозным верованиям являются молодые люди в возрасте до 30 лет, тогда как культовая активность в двух сравниваемых возрастных группах (до 30 лет и старше 30 лет) не имеет существенных различий;
- номинальный уровень религиозности, измеренный на основе самоидентификации респондентов, характеризуется как средний на том основании, что доля верующих в общей массе опрошенных составила 28%. Реальный уровень религиозности, измеренный на основе ряда показателей воцерковленности, оказался значительно меньше и составил в группе номинальных верующих 17%.

В крае преобладает внеинституциональная религиозность, что обусловлено объективными историческими причинами: длительным перерывом в деятельности религиозных организаций, в религиозном образовании и воспитании целых поколений, а так же социальными факторами - экстенсивным ростом симпатий к религии в условиях кризисного социума. Такая модель религиозности характеризуется низкими показателями культовой активности и малой глубиной и осознанностью религиозного сознания, что, в свою очередь, предопределяет низкую способность религиозности влиять на жизнедеятельность населения региона и состояние нравственности.

На основе типологического анализа сделаны выводы о преобладании неопределенного отношения к религии большинства жителей края, о чем свидетельствует высокая доля колеблющихся между верой и неверием. Нами зафиксирован отход населения от атеизма и преобладание симпатий к религии, о чем свидетельствует соотношение атеистически – ориентированных и религиозно-ориентированных групп, составивших в целом 41% и 59% соответственно. В целом же высокая доля атеистически ориентированных респондентов является отличительной особенностью религиозной ситуации в крае, поскольку в стране в целом и в некоторых других регионах уровень атеистичности оказывается ниже.

Среди конфессиональных моделей религиозности преобладает православная. При этом доля православных выше доли верующих, что свидетельствует об оценке населением православия не только как религиозной, а скорее как национальной и культурной ценности.

Преобладающая внеинституциональная религиозность, характеризующаяся неопределенностью мировоззрения граждан относительно религии, оказывается неспособной стать фактором влияния на систему ценностей населения региона и его жизнедеятельность. В целом религиозные установки и ориентиры, например, касающиеся сферы семейно-брачных отношений, слабо интегрированы в сознание и поведение даже воцерковленных верующих. Чаще всего представители разных типов религиозности демонстрируют приверженность светской, модернистской системе семейных ценностей; в их суждениях не обнаружено существенных различий, которые были бы детерминированы степенью

религиозной убежденности. В целом потенциал религии в решении насущных проблем человечества и степень ее влияния на различные сферы общественной жизни оценивается довольно скромно. В системе ценностных ориентаций большинства жителей края религия занимает периферийное положение.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что нынешнее состояние религиозности россиян не может служить значимым мировоззренческим основанием для осуществления социокультурной модернизации.

Примечания

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.
3. Цыганенко Н. В. Типы религиозности в Алтайском крае: теория, методика и основные результаты социологического исследования // Сибирский социологический вестник. 2004. № 1. С. 181-189.

О. Н. ШЕВЦОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Модернизация современного российского общества столкнулась с рядом проблем, содержание которых показывает, что в стране либо эволюция заканчивается, либо необходимо искать новые пути формирования гражданского общества, к которому так стремится современная Россия. Здесь и возникает проблема равенства полов, которая уже достаточно реализована в современной мировой практике и показывает, что женщины вносят особый вклад в общественную жизнь и могут повлиять на политическую систему, занимая руководящие посты. Решение данной проблемы – это интерес всего общества и государства в период модернизации и создания цивилизованного общества. Достаточно сказать, что современная государственная политика Российской Федерации, нацеленная на достижение равенства женщин и мужчин в обществе, направлена на преодоление всех форм и проявлений дискриминации по половому признаку, на создание политических предпосылок и необходимых социальных условий для реализации природных способностей женщин и мужчин во всех сферах трудовой, общественной и личной жизни.

Успешное осуществление общенациональных планов и программ социально-экономического и политического развития РФ и каждого из ее регионов в период модернизации зависят от того, какую гендерную политику проводит государство. Ее значимость возрастает по мере совершенствования политической системы общества и развития демократических институтов, институтов гражданского общества.

В 2002 г. в России принята «Гендерная стратегия Российской Федерации», которая в цели «Развитие демократии» главной задачей ставит достижение политического паритета в реализации равных прав для мужчин и женщин, а именно:

- обеспечение справедливого распределения правовых возможностей и обязанностей между мужчинами и женщинами во всех сферах жизнедеятельности;
- оказание содействия и поддержки саморазвитию и самоорганизации институтов гражданского общества, деятельность которых направлена на защиту прав человека и гражданина, недопущение дискриминации по признаку пола и обеспечение гендерного равенства во всех сферах жизнедеятельности;
- создание дополнительных преимуществ для занятия должностей в органах государственного, муниципального управления и местного для представителей того пола, роль которого принижена (в настоящее время – это женщины);
- включение в состав обязательных квалификационных требований к лицам, занимающим государственные должности в системе государственного и муниципального управления знаний по гендерной проблеме;
- включение в состав должностных инструкций государственных должностных лиц положения о недопущении гендерной дискриминации при исполнении профессиональных обязанностей [1].

Когда мы говорим о гендерном равенстве, то, прежде всего, имеем в виду Конституцию РФ, которая в своей статье 19 зафиксировала, что «женщины и мужчины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Это означает, что женщины и мужчины обладают равным статусом, имеют равные условия для того, чтобы вносить свой вклад в развитие государства и пользоваться его результатами [2].

В современном российском обществе существует ряд факторов, которые обуславливают неравенство полов. Наиболее важные из них:

- не реализованы в государстве цели, намеченные в документах Пекинской конференции;
- слабость женского движения в стране;
- минимальное участие женщин в принятии решений;
- отсутствие энтузиазма и политической активности у женщин в большей степени объясняется

условиями сегодняшней социально-экономической ситуации: домашняя нагрузка на женщин усилилась в условиях экономического кризиса, снизилась возможность доступа к детским дошкольным учреждениям, к различным формам семейного отдыха;

- патриархальный подход к женщине проявляется сегодня буквально во всем, в том числе и в политической сфере, например, отмена квот на представительство женщин в высших органах власти.

Нельзя утверждать, что властные структуры устранялись от руководства процессом продвижения женщин в сферу управления. В 1996 г. Правительство РФ утвердило своим постановлением Концепцию улучшения положения женщин РФ. Одной из стратегических задач этой концепции являлось оказание содействия участию женщин в процессе принятия решений на всех уровнях. Однако равные права и равные возможности, а точнее, «их реализация связывается преимущественно с мерами пропагандистско-воспитательного характера».

30 июня 1996 г. был принят Указ Президента РФ «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Анализ реализации указа показывает, что данная проблема остается не решенной на всех уровнях власти до сих пор. Женщины занимают большинство должностей низшей ступени государственной службы и незначительное количество должностей высшего уровня.

В действительности женщины лишены доступа к политической и государственной власти. Правительственные структуры как государственные, так и региональные по своему составу мужские:

- 13,5 % женщин в 1-й Государственной Думе (1993–1995гг.);
- 9,7 % женщин во 2-й Государственной Думе (1996–1999гг.);
- 7,6 % женщин в 3-й Государственной Думе (1999–2003 гг.);
- 9,8 % женщин в 4-й Государственной Думе (2003–2007 гг.);
- 13 % женщин в 5-й Государственной Думе (2007–2011 гг.).

Женщины, как правило, являются рядовыми членами различных комитетов и занимают вторые роли или отсутствуют [3].

Женщины в российской политике нежелательны для мужчин. Не осознается женская разносторонность, ценность взгляда женщин на мир, тем самым не признается необходимость и значимость вовлечения женщин в политику.

Что мы видим на практике в органах управления в Алтайском крае? В Алтайском Краевом Законодательном Собрании работают 10 женщин из 68 депутатов. Немаловажно отметить и то, какие должности занимают эти женщины. Солнцева И. В. сохранила пост председателя комитета по социальной политике, Штань С. И. назначена на пост председателя комитета по муниципальному самоуправлению, Быкова Н. А. является заместителем председателя комитета по здравоохранению и науки, Кравцова Л. И. – заместитель председателя комитета по социальной политике. Мы видим, что некоторые из них являются председателями комитетов или заместителями, но наиболее важные комитеты, например по экономической политике, промышленности, по бюджету и другие занимают мужчины.

Такую же картину мы можем наблюдать и в структурах городских властей, например, Барнаульской городской думе, в составе которой всего три женщины из 35 депутатов, в Бийской городской думе – пять женщин из 21 народного представителя.

В Алтайском крае существует ряд женских организаций, которые считают основной своей целью улучшение положения женщин в стране, проведение в жизнь принципа равных прав и свобод и равных возможностей для мужчин и женщин, как это предусмотрено Конституцией РФ.

С 1987 г. организация «Союз женщин России» существовала как краевой Совет женщин. В 1992 г. она стала краевым отделением Союза женщин России, которая работает в тесном контакте с рядом других женских объединений: Союз матерей, Комитет солдатских матерей, клуб «Боевые подруги». В состав краевой организации входят районные и городские отделения Союза женщин России (до 60 коллективных членов). Председатель краевого отделения Союза женщин России Надежда Ремнева отмечает, что «женщинам не стоит сидеть и ждать. Пришло время самим решать свои проблемы».

Краевое отделение Союза женщин России так определяет свои основные задачи:

- улучшение положения женщин Алтая;
- сохранение и укрепление семей;
- охрана материнства и детства;
- защита культуры и нравственности в крае, духовности в семьях.

4 марта 2011 г. в крае состоялось торжественное мероприятие, посвященное 20-летию Союза женщин России и международному женскому дню. Приоритетом совместной работы администрации Алтайского края и Союза женщин России является поддержка семей с детьми, охрана материнства и детства. Краевой Союз женщин России вместе с другими общественными организациями, входящими в Общественную женскую палату при Губернаторе Алтайского края, ведет активную работу с семьями групп «социального риска». Ключевая из них – программа «Демографическое развитие Алтайского края» на 2010-2015 гг. Ее основные положения: улучшение положения женщин на рынке труда, пол-

ное обеспечение детей дошкольным образованием. Таким образом, краевая организация реализует на территории края мероприятия по вопросам семьи, демографии и гендерной политики, разработанные на основе Плана Союза женщин России и программы деятельности Союза до 2012 г. «Равенство. Развитие. Мир в XXI веке».

Гендерная стратегия РФ предусматривает и основные механизмы гендерной политики.

1. Укрепление демократических институтов, среди которых особое место должны занять институализированные формы гендерного мониторинга, контроля и управления, в том числе соответствующие службы в федеральных и региональных органах всех ветвей власти, а также специализированные консультационные и экспертные советы и комиссии по гендерной политике. Деятельность этих структур заключается в реализации гендерной стратегии.

2. Введение обязательной гендерной экспертизы всех без исключения социально значимых планов и проектов: государственных, международных и корпоративных.

3. Развитие гендерной статистики отслеживающей изменения в доступе к вакансиям, квалифицируемым как профессиональные, технические, административные и управленческие должности, связанные с принятием решений, а также распределение парламентских мест, занимаемых женщинами и мужчинами.

4. Существенное повышение уровня представительства женщин в органах законодательной и исполнительной власти, как на федеральном, так и на местном уровне [1].

Какие меры помогут женщинам реализовать свои возможности в сфере управления? К основным технологиям, выработанным в мировой практике можно отнести следующие:

- квотирование мест для женщин в законодательных и исполнительных органах власти;
- привлечение женщин к деятельности политических партий;
- правовое и гендерное просвещение женских масс;
- координация деятельности женских организаций с целью продвижения женщин во власть;
- расширение системы общественного воспитания детей;
- создание эффективной системы ухода за престарелыми родителями;
- переход к реализации на практике к реализации родительского, а не материнского права.

Главная идея квот состоит в том, чтобы привлекать женщин на уровень принятия политических решений и не допустить изоляции женщин от политической жизни. В основе квот лежит современная концепция равенства женщин и мужчин. При внедрении квотирования в практику партийной и политической жизни необходимо учитывать три фактора:

- разработка четких правил и процедур квотирования;
- влияние со стороны женских организаций и других групп;
- подготовка к решению конфликтных ситуаций.

Как показывает мировая практика, три главных фактора обуславливают общее увеличение представительства женщин в законодательных органах власти:

- 1) политическая партийная квота для женщин;
- 2) наличие законов, требующих, чтобы соотношение представителей полов в списках кандидатов от партий соответствовало соотношению полов в стране;
- 3) замена избирательной системы с одномандатного на пропорциональное представительство.

Необходимо отметить, что во всем мире, так и в России положительная тенденция возрастания участия женщин как в общественно – политической, так и в экономической жизни страны, дает нам право утверждать, что роль женщины в современном мире будет кардинально пересмотрена и оценена по достоинству. Женщины во всем мире своими активными действиями доказывают, что они способны на большее, чем быть просто хранительницами семейного очага, их позиция в обществе становится все более значимой и весомой.

Демократическое переустройство общества не представляется возможным без политической воли самих партий, которые своей политикой способствуют продвижению женщин, достижению цели гендерного равенства в обществе.

Развитие российской демократии будет зависеть от решения гендерного равенства, если эта политика будет реализована, то Российская Федерация построит демократическое общество и цивилизованное государство.

Примечания

1. Гендерная стратегия Российской Федерации 2002. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства труда и социального развития Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/docum/rf/strategy/strategy.htm>.

2. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М., 2009.

3. Шведова Н. А. Политические аспекты гендерной стратегии в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://femin.ru/ig/ig006.php>.

ЭКОНОМИКА РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Т. С. АЛЕКСЕЕВА

Алтайская академия экономики и права, г. Барнаул

ПОНЯТИЕ «БЕЗОПАСНОСТЬ» В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

После десяти лет динамичного экономического роста Россия столкнулась с серьезнейшими экономическими проблемами. Мировой финансовый кризис затронул все стороны жизни российских граждан, он методично привел к падению производства, росту безработицы, снижению доходов населения, падению совокупного мирового спроса на группы товаров и услуг, и, как следствие, вызвал рост рисков и угроз в политической, экономической и социальной сферах, негативно повлиял на развитие партнерских отношений с западными странами, уменьшил роль России в решении политических вопросов, подорвал национальные интересы российского государства.

В соответствии с «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации, национальные интересы России являются «совокупностью внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства» в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной и других сферах, носящих долгосрочный характер и, определяющих основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства [1].

Реализация национальных интересов России возможна только на основе устойчивого развития экономики, где устойчивость экономики характеризуется прочностью и надежностью ее элементов, вертикальных, горизонтальных и других внутрисистемных связей, способностью выдерживать внутренние и внешние «нагрузки», но в новых рыночных условиях, когда российская экономика стала «открытой», а государственные границы «прозрачными» или во многих местах «размытыми», гораздо более сложной и масштабной, чем раньше, перед государством стала проблема обеспечения ее безопасности, в сферу интересов которой входит не только защита реального сектора экономики, защита финансовой, налоговой, информационной систем, а также обеспечение целостности инвестиционных, инновационных и недопущение инфляционных процессов, включая и безопасность государства в целом.

Выход из создавшегося положения видится в цивилизованном, правовом решении указанных проблем, не ущемляющем интересы партнеров и обеспечивающим экономический рост и безопасность РФ.

Формирование научного понятия безопасности, с теоретической точки зрения, является вопросом принципиальной важности, так как, во-первых, это понятие должно отразить сущность данного явления и, во-вторых, корректно его сформулировать, выделить наиболее важные элементы содержательной части проблемы, как методологические, так и относящиеся к сфере прикладной деятельности. Происходящие дискуссии и обсуждения различных концепций и разработок по проблемам безопасности в среде научных работников, общественных и государственных деятелей, политиков свидетельствуют о значительном разбросе мнений, отсутствии завершенной методологической основы, стремлении подойти к решению проблемы порой лишь на основе зарубежного опыта, в основном, американского, при игнорировании опыта собственной страны.

Дискуссии обнаруживают и другую крайность в случаях, когда разработку проблемы пытаются вести с сугубо правовых или философских позиций. Так, в работе под названием «Безопасность человека» указывается, что «Безопасность – это философская категория. Она не является чем-то предметным, материальным и выступает некой абстрактной формой выражения жизнеспособности и жизнестойкости конкретного мира» [2, с. 170-175].

В качестве альтернативного решения этой проблемы можно было бы предложить рассмотрение безопасности как явления, тождественного гомеостазису системы, под которым принято понимать тип динамического равновесия, характерного для сложных саморегулирующихся систем и состоящего в поддержании существенно важных для сохранения системы параметров в допустимых пределах [3, с. 66].

Л. И. Шершнева утверждает, что «в основе новой концепции безопасности, ее структур и механизмов должно лежать новое ноосферное представление о целях и жизненно важных интересах и базовых ценностях России, ее роли и месте в мировом сообществе» [4, с. 13].

Поскольку широкое распространение получило следующее определение безопасности: «защищенность общества, личности, государства от опасностей и угроз», следует отметить, что такое определение безопасности термином «защищенность», фактически отрывает действие защиты от нападения (защищать – значит оборонять, загроаживать, закрывать кого-либо или что-либо). При этом принижаются и теряют свое значение важнейшие свойства и функции безопасности – превентивные

действия обеспечения безопасности: снижение, ослабление, устранение и предупреждение опасностей и угроз.

Анализ этих и других определений, каждое из которых со своих позиций раскрывает природу такого явления, как безопасность общества, личности или государства, позволяет выделить в них наиболее существенные, базовые элементы:

во-первых, под безопасностью понимается состояние потенциальной жертвы, объекта опасности;

во-вторых, безопасность весьма часто рассматривается как способность объекта, явления, процесса сохранить свою сущность и основную характеристику в условиях целенаправленного, разрушающего воздействия извне или в самом объекте, явлении, процессе;

в-третьих, безопасность – категория системная, она свойство системы, построенной на принципах устойчивости, саморегуляции, целостности. Безопасность призвана защитить каждое из этих свойств системы, так как разрушительное воздействие на любое из них приведет к гибели системы в целом;

в-четвертых, безопасность рассматривается как решающее условие (гарант) жизнедеятельности личности, общества, государства, что позволяет им сохранять и умножать материальные и духовные ценности;

в-пятых, безопасность в абсолютном своем выражении – отсутствие опасностей и угроз материальной и духовной сферы;

и, наконец, в-шестых, несущим элементом всех понятий выступает угроза как реальный признак опасности. Причем угроза в этом контексте приобретает качество сущностной характеристики. На основе анализа всех подходов и раскрытия содержания безопасности явствует, что угроза и борьба с ней являются сущностью безопасности.

Безопасность в исходном и в самом общем смысле слова – это состояние, при котором объекту не угрожает опасность, обеспечена защита от опасностей. Но для людей быть в безопасности вовсе не значит жить без опасностей. Последние существуют всегда или почти всегда и в определенных пределах могут даже иметь положительное значение, становятся одной из причин необходимой активности человека. Опасности, стрессы, проблемы, трудности не только неизбежны в жизни людей, но и до некоторой степени полезны, поскольку они играют также и мобилизующую роль в деятельности, поведении, опасности, как проблемы, являются двигателем, толчком к дальнейшей динамики, к развитию.

Следовательно, безопасность – это, скорее, не отсутствие опасности, а защита от нее. Она составляет одно из условий самоопределения, саморазвития личности, общностей, человечества в целом.

В условиях нестабильности современной общественной жизни, характеризующейся относительно низким уровнем правовой культуры населения, определенным противостоянием интересов центра и регионов, наличием иных негативных социальных процессов, в том числе ростом числа террористических проявлений, вопросы обеспечения общественного порядка, безопасности личности, выдвигаются в число приоритетных объектов внимания органов государственной власти.

Значительная роль в обеспечении безопасности, принадлежит органам государственной власти, призванным в соответствии с Конституцией РФ защищать права и свободы граждан, обеспечивать законность, правопорядок, общественную безопасность. Однако, несмотря на принимаемые в этом направлении меры, обеспечение безопасности нельзя оценить в целом как удовлетворительное.

Так в статье 1 Закона Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», ранее действующего, под понятием безопасности понималось состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества государства от внутренних и внешних угроз [5]. Данный закон развивал и фиксировал круг жизненно важных интересов, определяя их как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. Также, к основным объектам безопасности данный Закон относил: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность, ст. 3 Закона формулировала понятие «угроза безопасности», определяя ее как совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства.

В настоящее время действующий Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [6] не раскрывает понятие безопасности, объектов безопасности, ни угроз и рисков безопасности, что не дает возможность сформировать само понятие безопасности, и возможность выделения видов обеспечения безопасности. Такое положение создает дополнительные сложности в применении мер по предотвращению угроз в различных сферах обеспечения безопасности, а также не дает возможность определить цель принятия данного закона.

Таким образом, основательным будет утверждение, что в Законе «О безопасности» 1992 г. государство определяло одно из основных направлений своей деятельности – устранение, нейтрализацию, пресечение таких условий и факторов, которые угрожают личности, обществу и самому государству, что дает нам возможность утверждать о соответствии концепции о функциях государства, сложившихся в теории российского государства и права.

Отсутствие закрепленного понятия «безопасность», в нормативных актах, а также отсутствие общего научного понятия, дает возможность понимать под безопасностью, что это состояние защищенности личности, государства от внешних и внутренних угроз, базирующееся на деятельности людей, общества, государства, мирового сообщества народов по выявлению, изучению, предупреждению, ослаблению, устранению опасностей и угроз, способных погубить их, лишиться фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести недопустимый ущерб, закрыть путь для выживания и развития [2, с. 170].

Не вдаваясь в полемику по всем вопросам, ограничимся лишь двумя основополагающими выводами.

Что же является предметом безопасности и что составляет ее сущность? Как следует из высказываний различных авторов, состояние защищенности личности, общества, государства; национальных интересов; устойчивое состояние системы по отношению к неблагоприятным воздействиям и т.д., составляют предмет безопасности. Но все это, как представляется, лишь отдельные, хотя и весьма важные, стороны предмета, причем именно те стороны, которые подвержены, с точки зрения содержания, определенным изменениям. Так, например, интересы личности, общества и государства в различные исторические периоды развития страны далеко не идентичны.

Каждая из этих частных сторон неизбежно меняется в зависимости от конкретности обстановки, но они всегда остаются составной частью общественных отношений, определяемых качественным состоянием бытия как концентрированного выражения ценностных ориентаций конкретной цивилизации.

Тогда, вероятно, если иметь в виду именно такой подход, можно утверждать, что предметом безопасности являются общественные отношения, бытие народа, выражающее сущность цивилизации. Тогда и термин «защита» становится слишком узким, не отражающим в полной мере потребности бытия. Мало защитить, важнее – не допустить формирование условий, которые привели бы общественные отношения в целом к состоянию, требующему их защиты.

Иначе говоря, задача безопасности выходит далеко за пределы необходимости защиты данного состояния бытия и заключается, прежде всего, в формировании условий, обеспечивающих стабильное, прогрессирующее развитие общественных отношений, сохранение, укрепление и обогащение бытия, т.е. защищенности качественного состояния общественных отношений, обеспечивающих прогрессирующее развитие личности, общества и государства.

Система безопасности призвана обеспечить решение следующих задач:

- разработка и реализация правовых актов (нормативного и индивидуального характера), а также мер по защите жизненно важных интересов личности, отдельных социальных групп и общества в целом;
- формирование, обеспечение и развитие органов сил и средств обеспечения и защиты общественной безопасности;
- восстановление объектов защиты, пострадавших в результате последствий угроз и посягательств на общественную безопасность.

Проблемы обеспечения безопасности в условиях модернизации экономики могут быть разрешены только благодаря целенаправленным усилиям всех государственных органов с активным подключением общественных организаций. Направленность этой деятельности должна регламентироваться стройной законодательной системой в области национальной безопасности.

Примечания

1. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
2. Парубов А. И. Организационно-правовые основы государственного управления регионом при чрезвычайных ситуациях: административно-правовое регулирование. Саратов, 2007.
3. Леонов М. А. Гомеостатические процессы и теория безопасности. // Безопасность. 1994. № 4. С. 66.
4. Шершнева Л. И. Основы концепции безопасности // Безопасность. 1994. № 14. С. 13.
5. О безопасности: закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 09.04.1992. № 15. Ст. 769; Собрание законодательства РФ. 30.06.2008. № 26. Ст. 3022. (утратил силу).
6. О безопасности: федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Российская газета. 2010. 29 декабря.

ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Энергетические проекты требуют огромных капиталовложений и отличаются окупаемостью, которая растягивается на многие годы или даже десятки лет, что ведёт к возникновению повышенной рискованной нагрузки. Чем более масштабен энергетический проект, чем большие инвестиции необходимы для его реализации, тем большее количество сторон вовлечено в его реализацию и тем больше различных рисков присущи проекту. В результате, складывается необходимость всё больше уделять внимание организации финансирования подобного рода инвестиционных проектов. В мировой практике для реализации масштабных и капиталоемких проектов уже несколько десятилетий активно используется проектное финансирование. Российские компании и банки, постепенно интегрируясь в мировое экономическое пространство и в связи с исчерпанием источников обеспечения «восстановительного роста», неизбежно сталкиваются с потребностью в реализации проектов, аналогичных по своей сложности и масштабности с теми, что осуществляются их конкурентами на мировых рынках. Поэтому проектное финансирование (далее ПФ) становится потенциально все более востребованным и необходимым в России.

Одним из условий покупки частными инвесторами энергетических компаний было требование РАО ЕЭС «России» о выполнении инвестиционной программы. В случае невыполнения или срыва срока ввода новых мощностей владельцы ОГК или ТГК обязаны заплатить штрафы в размере до 25% стоимости нереализованного проекта.

В настоящее время, в условиях кризиса, снизилось потребление электроэнергии промышленными предприятиями, что противоречит сценарным условиям развития энергетической системы страны. Энергетические компании обратились в Министерство Энергетики с вопросом пересмотра инвестиционной программы и переноса сроков ввода новых объектов.

Несмотря на это, выполнение проектов в рамках инвестиционной программы необходимо осуществлять по нескольким причинам. Во-первых, высокая степень износа основного оборудования требует его реконструкции или модернизации. Во-вторых, после завершения кризисных явлений последует рост экономики и промышленности, что потребует дополнительных генерирующих мощностей, которых у энергетических компаний может не оказаться. В-третьих, выделение ремонтного персонала со специализированной техникой из составов станций было ошибочным мероприятием, в ходе реформирования энергетической отрасли. В результате снижение затрат на ремонт не имело места, имело место расширение управленческого аппарата, был потерян квалифицированный ремонтный персонал, снизилось качество ремонтных работ. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС показало необходимость пересмотра ремонтной политики энергетических компаний и замены изношенных производственных фондов, что так же потребует значительных финансовых средств. В настоящее время остро встал вопрос о создании собственных ремонтных служб в сетевых и генерирующих компаниях.

Исходя из вышесказанного, кроме источников, заложенных в программе РАО «ЕЭС России» (собственные и привлеченные средства, дополнительная эмиссия акций), энергетическим компаниям необходимо интенсивно использовать иные источники привлечения инвестиций для реализации проектов.

Проектное финансирование определяется учебниками как «финансирование проекта, в котором источником возврата вложенных средств служат доходы этого же проекта», т.е. средства выделяются под будущие денежные потоки проекта. В России классическое проектное финансирование встречается редко. В нашей стране чаще всего под этим термином понимается либо финансирование проекта, либо проектное финансирование с элементами корпоративного финансирования, т.е. под общие риски текущего бизнеса [1].

Для того, что бы разобраться, что собой представляет проектное финансирование, необходимо привести его признаки.

Первый признак – использование различных инструментов финансирования инвестиционных проектов, т.е. не только банковского кредитования, но и, например, эмиссии корпоративных ценных бумаг и др.

Второй признак – обеспечением в проектном финансировании выступают будущие денежные потоки от реализации проекта (прибыль), дополнительным обеспечением могут служить активы проектной компании.

Третий признак – создание проектной компании – специального юридического лица, непосредственно реализующего проект.

Четвертый признак заключается в следующем: исходя из факта ограниченности (а иногда полного отсутствия) обеспечения в проектном финансировании реализуется многосторонняя и многосвязная система распределения рисков между различными участниками проекта.

К пятому признаку относится адекватная обеспеченность собственным капиталом проектной компании, сформированным за счет средств инициаторов и спонсоров проекта [2].

По существу, проектное финансирование – это финансирование, обоснованное надежными и устойчивыми параметрами проекта, не требующее дополнительных гарантий, кроме доказательной его эффективности, и не связанное с платежеспособностью организатора проекта. В связи с этим оценка надежности возврата кредита и процентов, выполняемая кредитором по проектному финансированию, осуществляется на основе потоков наличности самого проекта независимо от финансовых характеристик его организатора, поскольку задолженность последнего не является регрессионной. Под регрессом понимается требование о возмещении предоставленной займа суммы. Проектное финансирование не накладывает на организатора проекта юридических обязательств погашения задолженности по проекту или уплаты процентов, вызванных недостаточным поступлением наличности для обслуживания кредита.

Одним из основных моментов проектного финансирования является создание отдельной компании для реализации проекта, при этом инициатор проекта (ОГК, ТГК) берет на себя 30 % затрат, а недостающие 70 % предоставляет банк. То, что 30 % затрат обеспечивается инициатором проекта, является как бы обязательным обеспечением. Следует отметить, что не все расходы могут быть приняты банком, в качестве вклада инициатора в проект. При привлечении проектного финансирования не учитываются так называемые невозвратные издержки: (содержание офиса, затраты на маркетинговые исследования, на проведение технологической экспертизы выбранного оборудования и т.п. Банк так же не примет в расчет расходы, которые инициатор не сможет подтвердить.

Как правило, инициатору, желающему привлечь проектное финансирование необходимо сформировать проект таким образом, что бы он стал кредитором инвестиционно привлекательным, для этого потребуются:

- подобрать управленческую команду;
- выбрать площадку строительства станции, арендовать земельный участок и оформить все правоустанавливающие документы на него (только для нового строительства);
- подготовить проект или предТЭО и собрать все разрешения (Ростехнадзор, ГУ ЧС, Управление Госэкспертизы и пр.);
- заключить договора по проекту (с генеральным проектировщиком, генеральным подрядчиком, потенциальными поставщиками основного оборудования, субподрядными организациями на осуществление общестроительных работ на площадке, с потенциальными поставщиками топлива и покупателями электроэнергии и тепла);
- подготовить финансовые, учредительные и залоговые документы по компании-заемщику и поручителям;
- подготовить комплект документов, обосновывающих возвратность средств (экономическое обоснование проекта, подробную финансовую модель, презентацию и краткое резюме).

Формирование инвестиционно привлекательного проекта потребует немалых усилий и может занять достаточно продолжительное время. В данном случае можно воспользоваться услугами опытной компании, занимающейся привлечением проектного финансирования, что поможет более эффективно найти банк-кредитор и сэкономить время.

Рассмотрим отличительные особенности проектного финансирования от других источников финансирования.

1. Наличие опытной команды для реализации проекта. Главный критерий успешности любого инвестиционного проекта заключается в наличии слаженной и опытной управленческой команды. Инициатору предстоит подтвердить в ходе встреч с кредитором профессионализм и опыт ключевых сотрудников, задействованных в проекте.

2. Заключение договоров на покупку электроэнергии с ключевыми потребителями. Для того, что бы заинтересовать банк принять участие в финансировании того или иного проекта, как уже отмечалось, необходимо иметь покупателя на продукцию (электроэнергию). В настоящее время один из банков работает с клиентом, который собирается построить две электростанции в Москве и собирается вложить в проект порядка 30 % необходимых средств. В качестве гарантии продажи электроэнергии от станций клиент предъявил договор с Правительством Москвы о покупке электроэнергии от этих станций по фиксированной цене, в течение определенного времени.

3. Кроме долгосрочного договора на покупку электроэнергии, банк может запросить договор на снабжение проектируемых станций топливом (газом или углем). С учетом того, что лимиты газа ограничены заключить долгосрочный договор с ОАО «Газпром» на поставку газа под проектируемую электростанцию по фиксированной цене довольно сложно. Немного проще обстоит дело при использовании в качестве топлива угля.

4. ПФ предусматривает обособление проекта от остальной деятельности компании и создание специальной организации по управлению проектом — проектной компании (компания специального назначения — SPV), действующей исключительно в целях реализации проекта. Как правило, это оз-

начает, что сам проект, все основные и оборотные активы данного проекта, все связанные с ним денежные потоки выносятся за баланс организации-учредителя проекта.

5. Одним из важных элементов проектного финансирования, кроме упомянутых выше является то, что банк-кредитор берет на себя часть рисков проекта и будет требовать, что бы прибыль от реализации проекта поступала в первую очередь к нему, т.е. выручка сначала будет поступать не в компанию, созданную для реализации проекта, а в банк, который и будет заниматься ее распределением. Этому моменту следует уделять особое внимание при переговорах с банком-кредитором.

6. В отличие от инвестиционного кредитования, при котором источником возврата кредита является вся хозяйственная и финансовая деятельность заемщика, включая доходы, генерируемые проектом, при проектном финансировании возврат вложенных средств осуществляется на этапе эксплуатации проекта за счет доходов, генерируемых самим проектом. В дополнение, в качестве залога могут выступать активы заемщика, но их размер, как правило, не сопоставим со стоимостью проекта.

7. Понятие проектного финансирования нельзя смешивать с понятием венчурного финансирования, которое предполагает инвестирование средств одновременно в несколько проектов с изначальным ожиданием того, что часть этих проектов окажутся убыточными. Это связано с использованием при их реализации новых, неапробированных ранее технологий. В отличие от венчурного финансирования проектное финансирование всегда осуществляется в расчете на прибыльность конкретного проекта, осуществляемого на основе известных и успешно зарекомендовавших себя в прошлом технологических решений. К тому же на выпускаемую продукцию в рамках проекта при применении ПФ, как правило, существует повышенный рыночный спрос и существуют биржевые котировки, что облегчает формализацию и расчёт будущих денежных потоков [3].

Так же необходимо обозначить критерии привлечения проектного финансирования.

1. Главный критерий применения проектного финансирования заключается в наличии слаженной и опытной управленческой команды в рамках создаваемой компании специального назначения. Инициатору предстоит подтвердить в ходе встреч с кредитором профессионализм и опыт ключевых сотрудников, задействованных в проекте.

2. Наличие долгосрочных договоров покупки тепловой и электрической энергии. В настоящее время один из банков работает с клиентом, который собирается построить две электростанции в Москве и собирается вложить в проект порядка 30 % необходимых средств. В качестве гарантии продажи электроэнергии от станций клиент предъявил договор с Правительством Москвы о покупке электроэнергии от этих станций по фиксированной цене, в течение определенного времени.

3. Долгосрочный договор на снабжение проектируемой станции топливом (газом или углем). С учетом того, что лимиты газа ограничены заключить долгосрочный договор с ОАО «Газпром» на поставку газа под проектируемую электростанцию по фиксированной цене довольно сложно. Немного проще обстоит дело при использовании в качестве топлива угля.

4. Отсутствие у создаваемой компании специального назначения финансовой истории, что позволяет банку контролировать финансовые потоки новой компании. Предельно важно повысить «прозрачность» управления проектом до приемлемого для инвестора уровня, для чего и создается новая компания.

5. Распределение рисков между участниками проектного финансирования. В частности банк-кредитор берет на себя часть рисков проекта и будет требовать, что бы прибыль от реализации проекта поступала в первую очередь к нему, т.е. выручка сначала будет поступать не в компанию, созданную для реализации проекта, а в банк, который и будет заниматься ее распределением. В отличие от традиционных видов кредитования при квалифицированной подготовке и реализации проектное финансирование, по существу, позволяет гарантировать результаты проекта, а не только оценить платежеспособность заемщика и рассмотреть все риски инвестиционного проекта. Это дает возможность создать жизнеспособное предприятие и привлечь инвестора.

6. При кредитовании проектов с помощью проектного финансирования разрабатывается механизм контроля над целевым использованием кредитов. Поэтому кредитное соглашение включает обязательства заемщиков по предоставлению информации о ходе реализации проекта.

По мнению автора, одним из наиболее эффективных способов реализации крупномасштабных энергетических долгосрочных проектов выступает применение метода проектного финансирования. Механизму проектного финансирования при реализации инвестиционных проектов в энергетике следует уделять большее внимание. Данный источник инвестирования в энергетике является перспективным. За рубежом накоплен огромный опыт реализации энергетических проектов с использованием механизма проектного финансирования на протяжении 20 лет. ПФ можно использовать при отсутствии у компании (ОГК, ТГК) собственных средств при реализации проекта, когда в качестве поручителя перед банком-кредитором может выступать государство или энергетическая компания. В настоящее время механизм ПФ реализуется на двух СП: между группой компании «Синтез» (ТГК-2) и китайской корпорацией Huadian Power International Corporation Limited для реконструкции Тенинской котельной г. Ярославль строительством ПГУ и между ОАО «ОГК-1» и ОАО «ТНК-ВР» для строительства двух ПГУ 400 МВт на Нижневартовской ГРЭС.

Примечания

1. Йескомб Э. Р. Принципы проектного финансирования. М., 2008.
2. Абрамов Д. В. Методы управления рисками при организации проектного финансирования в России: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Иваново, 2009.
3. Сафронов Ю. С. Проектное финансирование в российских условиях // Управление проектами. 2008. № 4.

В. В. ВЫБОРНОВА, Д. А. КАРИМОВА

Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА С ЦЕЛЬЮ СНИЖЕНИЯ ИЗДЕРЖЕК

Модернизация стала сегодня ключевым термином дня, главным словом эпохи. Такую же примерно роль 20 лет назад играло слово «демократия». Модернизация сейчас, как демократия тогда, должна, согласно распространенным представлениям, спасти страну, вывести ее к новым историческим рубежам и горизонтам развития.

Модернизация – усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. Модернизируются в основном машины, оборудование, технологические процессы (http://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/).

Правительство РФ распорядилось выделить в 2011–2012 г. на осуществление мероприятий по модернизации и технологическому развитию экономики более 18 млрд. руб. (<http://www.rian.ru>).

В настоящее время выделяют 10 направлений модернизации экономики:

1) беспрецедентная программа приватизации крупных государственных активов; 2) создание специального суверенного фонда, который разделит риски с иностранными инвесторами путём совместных инвестиций в проекты модернизации экономики; 3) развитие российского финансового сектора; 4) создание новых крупных рынков с едиными правилами регулирования; 5) создание новых возможностей для инновационного предпринимательства и венчурных инвестиций; 6) программа энергоэффективности; 7) использование механизмов трансферта технологий для модернизации российской промышленности; 8) распространение широкополосного интернета по всей территории России и предоставление возможностей для любого законного бизнеса с его использованием; 9) образовательная и интеллектуальная сфера; 10) масштабные инфраструктурные проекты, в том числе проведение крупнейших международных спортивных соревнований.

Понимание невозможности автоматического ускорения технологического прогресса просто в ходе осуществления рыночных реформ пришло, хотя и с опозданием, достаточно давно. Но только в докризисный период 2006–2008 г. произошли «точечные подвижки» в ходе реализации ряда инфраструктурных проектов и нескольких целевых программ. К сожалению, они не оказали ощутимого влияния на инновационную активность российских предприятий в большинстве рыночных сегментов. Технологическое отставание от ведущих стран мира продолжало усиливаться. Ныне необходимость перелома такой тенденции стала просто неотложной.

Одной из целей модернизации производства является снижение издержек производства. Систематическое снижение издержек — основное средство повышения прибыльности предприятия. В условиях рыночной экономики, когда финансовая поддержка убыточных предприятий является не правилом, а исключением, как это было при административно-командной системе, исследование проблем уменьшения издержек производства, разработка рекомендаций в этой области – один из краеугольных камней всей экономической теории.

Можно выделить следующие основные направления снижения издержек производства во всех сферах национальной экономики:

- использование достижений НТП;
- совершенствование организации производства и труда.

Реализация достижений НТП заключается, с одной стороны, в более полном использовании производственных мощностей, сырья и материалов, в том числе и топливно-энергетических ресурсов, а с другой – в создании новых эффективных машин, оборудования, новых технологических процессов. Наиболее характерная черта НТП второй половины XX – начала XXI в. – переход к принципиально новому технологическому способу производства. Его преимущество не только в более высокой экономической эффективности, но и в возможности производить качественно новые материальные блага, услуги, которые существенно изменяют весь уклад жизни, приоритеты жизненных ценностей.

Совершенствование организации производства распадается на ряд составляющих. Можно выделить два основных подхода.

1. Упрощение изделий, уменьшение количества его составных частей.

2. Более тесная интеграция проектирования изделий с проектированием и разработкой технологии производства.

Снижение числа компонентов в конструкции изделия само по себе недостаточно раскрывает потенциал для повышения эффективности производства, который можно извлечь при совершенствовании проектирования изделия. Дело в том, что проектирование изделия теснейшим образом связано с проектированием или разработкой технологии его производства. И на базе более тесной интеграции этих процессов можно также извлечь немалую пользу.

Можно получить сравнительные преимущества в конкурентной борьбе, оснастив свое предприятие первоклассным оборудованием, но сохранять эти преимущества на протяжении многих лет можно, только постоянно создавая новые изделия и применяя новые технологии производства. Разработка новой продукции лежит в основе как борьбы за рынок, так и лояльного отношения к вашему предприятию потребителей и торговых посредников. Новые технологии способствуют укреплению сравнительных преимуществ путем снижения издержек производства и цен на продукцию, повышения ее качества и надежности, за счет большей гибкости производства. Эффективное сочетание обоих процессов – разработки новых изделий и создания новых технологий – увеличивает отдачу от каждого из них.

Еще одним фактором успеха является борьба с потерями. Вовсе не удивительно, что потери в виде выбракованных или негодных материалов, бракованных изделий самым непосредственным образом связаны с качеством продукции. Кроме того, снижение брака означает не только повышение качества, но и уменьшение потребления сырья, материалов, а также затрат труда. Но что особенно интересно, уменьшение потерь сырья и материалов на предприятии часто приводит к повышению производительности куда в больших размерах, чем это можно было бы объяснить просто экономией материально-энергетических затрат.

Опыт ряда японских фирм показывает, что даже незначительное снижение числа дефектов против среднего уровня, наблюдаемого за длительный период времени и считавшегося вполне удовлетворительным, может резко повысить общую эффективность производства на предприятии.

Один из управляющих проектом на заводе «Mazda» так описал основополагающую философию управления компании: «В идеале новая система организации на предприятии должна быть подобна воде, плавно текущей по трубам. Применительно к производству это означает устранение пробок и затоплений (внутрипроизводственных запасов и незавершенного производства), обеспечение максимальной синхронности функционирования производства в данный период времени».

Для того чтобы добиться искомой синхронности в деятельности подразделений и цехов, интегрирования производственных операций, требуются изменения в размещении оборудования и последовательности технологических операций, сокращение времени наладки станков, более быстрое и оперативное поступление информации (а также повышение ее точности) о возникающих производственных проблемах, улучшении в качестве обработки деталей.

В чем же, собственно, заключались изменения, происшедшие на заводе «Mazda»? Прежде основные технологические операции были размещены по цехам. Партии изделий двигаются по основным стадиям технологической обработки (формовка, монтаж, покраска и сушка, сборка и т. д.), после каждой операции эти партии инспектируются (контроль или проверка качества) и затем складываются на полках в ожидании последующей обработки в следующем цехе. После реконструкции места складирования изделий и пункты контроля качества в цехе были ликвидированы, внутрипроизводственные заделы, и незавершенное производство резко сокращены. Весь производственный процесс стал более интегрированным и целенаправленным.

В итоге требуется значительно меньшее число операций, чтобы управлять таким производством. Меньшее количество транспортировщиков, чтобы доставлять материалы, узлы и детали с мест их обработки в места хранения. Результатом такой организации является десятикратное ускорение технологического цикла и повышение эффективности всего производства, а вследствие этого снижение издержек производства.

Подобного рода изменения в базовой структуре производства сопровождаются также различными подходами в системах управления производством.

1. Это постоянная борьба со всеми видами потерь на производстве, постоянный поиск улучшений в методах и формах организации производства, путей прогресса в области повышения производительности, гибкости и оперативности производства, качества продукции, в уровне обслуживания потребителей.

2. Этот прогресс, базирующийся не на крупных технологических прорывах, не на массивных инвестиционных инъекциях в производство, выливающимися в крупномасштабное обновление производственного аппарата, а на незначительных, на первый взгляд, но постоянных, каждодневных улучшениях имеющегося производственного потенциала предприятия.

3. При этом не должно быть места противопоставлению - качество или снижение издержек, уровень обслуживания потребителей или гибкость производства. Все показатели эффективности производства и управления должны улучшаться одновременно.

Зарубежные фирмы прикладывают все усилия для снижения производственных затрат в соответствии с принципом «снижения затрат путем исключения потерь». Реализуя принцип «сокращение расходов путем полного исключения потерь», «Toyota» особое внимание уделяет методам производства «точно вовремя» и «дзидока» [1].

Система «точно вовремя» – это метод сокращения времени выполнения заказа благодаря постоянной готовности к изменениям, при которых запас не превышает минимума, необходимого для обеспечения непрерывного производственного процесса. Этот метод позволяет выявить недостатки или избыток оборудования и рабочей силы.

Первым требованием системы производства «точно вовремя» является необходимость информации о том, сколько и каких изделий должно быть изготовлено к определенному времени.

В корпорации «Toyota» применяется следующая система – «вытягивание» последующим участком изготовленных изделий у предшествующего вместо поставки деталей от предшествующего участка к последующему, т.е. с линии сборки обращаются к предыдущему процессу за необходимыми и в необходимое время. Тогда на предыдущем участке взамен изъятых у него деталей производят новые. Чтобы изготовить эти детали, участок получает необходимые заготовки от очередного предыдущего. Цепочка всех процессов дает возможность в целом осуществлять производство «точно вовремя», не прибегая к пространственным производственным нарядам для каждого участка.

Вторым требованием системы производства по методу «точно вовремя» является условие «штучного производства и доставки», при котором на каждом участке изготавливается по одной единице, и, кроме того, только одна единица находится в запасе, как между станками, так и между участками.

«Автономизация» (по-японски «дзидока») предполагает автоматический автономный контроль за нарушением процесса обработки. Автономным станком является такой станок, на котором установлено устройство автоматического останова. На заводах «Toyota» все станки снабжены средствами автономного контроля, что позволено предупреждать брак в массовом производстве и при поломке выключать оборудование, а так же облегчает выявление и устранение причин неполадок. Для исправления нужно лишь обратить внимание на остановленное оборудование и рабочего, его остановившего. Для реализации метода «дзидока» фирма «Toyota» внедрила большое число разнообразных организационных и технологических решений.

Что касается США, большим и малым американским промышленным фирмам необходимо ускорить движение производственных процессов. «Если вы не столь быстры, как ваши конкуренты, то вы в тревожном положении. А если вы лишь наполовину поспеваете за ними, то вы обречены на вымирание в данной сфере бизнеса», – замечает Дж. Сталк из консультативной фирмы «The Boston Consulting Group» (<http://bibliotekar.ru/biznes-23/28.htm>).

С учетом этого обстоятельства в «General Electric» перед лицом усиливающейся конкуренции со стороны западногерманской компании «Siemens AG» была произведена полная модернизация организации производства на предприятии в Салсбери (шт. Сев. Каролина), выпускающем коробки электронных прерывателей, а пять других предприятий такого же профиля в других районах страны были закрыты (<http://www.vedomosti.ru>).

Среди предпринятых на высокоавтоматизированном заводе в Салсбери мер была реорганизация управления на всех уровнях (от цехов до заводоуправления), изменение подхода к производственному планированию (в частности, было осуществлено упрощение конструкции изделия – количество составных элементов было уменьшено с 28 тыс. до 1275). Была также установлена компьютеризованная система сбора и обработки заказов, внесения соответствующих изменений в технологические процессы.

Главное сегодня – больше ориентироваться в управлении на перспективу, на достижение долгосрочных, стабильных хозяйственных результатов. Те компании, которые стремятся получить быстрый выигрыш, обречены на неудачу. Нельзя все изменить за один год. Сейчас на 12 заводах, которые находятся под общим руководством Н. Гаррити, введены четырехлетние планы развития, в рамках которых предусматривается сократить наполовину уровень запасов и уровень брака на предприятиях.

Важным фактором ускорения производственных процессов является также бригадная форма организации и стимулирования труда, цель которой – устранить традиционное для промышленности разделение управления, инженерно-технических и производственных служб на изолированные «феодалные» владения.

Промышленность сегодня, как никогда ранее, нуждается в инженерах с широкой подготовкой, которые могли бы возглавить подобные производственные бригады. Таким образом, для модернизации производства следует учитывать опыт разных стран.

Примечания

1. Сеница Л. М. Организация производства: учеб. пособие. Мн., 2007.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СУЩНОСТИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

В современных рыночных условиях хозяйствующие субъекты самостоятельно оценивают и осуществляют свою финансово-хозяйственную деятельность. При этом основными направлениями являются обеспечение стабильности развития, устойчивого положения на рынке и экономический рост, что, в свою очередь, невозможно без оценки финансовой устойчивости предприятия.

При исследовании экономической литературы был сделан вывод о том, что финансовая устойчивость является составной частью финансового состояния предприятия. При этом такие авторы как Л. Т. Гиляровская, В. В. Ковалев, В. В. Бочаров, В. Г. Когденко подчеркивают значимость данного элемента анализа по сравнению с другими, используемыми при оценке финансового состояния предприятия.

В. В. Бочаров, под финансовой устойчивостью понимает стабильное превышение доходов над расходами, свободное маневрирование денежными средствами и эффективное их использование в процессе текущей (операционной) деятельности [1, 58].

В. В. Ковалев дополняет определение, данное В. В. Бочаровым, и под финансовой устойчивостью понимает такое состояние финансовых ресурсов, их распределение и использование, которое обеспечивает развитие фирмы на основе роста прибыли и капитала при сохранении платежеспособности и кредитоспособности в условиях допустимого уровня риска [2, с. 72].

Г. В. Савицкая приводит несколько собственных определений финансовой устойчивости. В одном случае – это способность субъекта хозяйствования функционировать и развиваться, сохранять равновесие своих активов и пассивов в изменяющейся внутренней и внешней среде, постоянно поддерживать свою платежеспособность и инвестиционную привлекательность в границах допустимого уровня риска, в другом – способность предприятия своевременно производить платежи, финансировать свою деятельность на расширенной основе, переносить непредвиденные потрясения и поддерживать свою платежеспособность в неблагоприятных обстоятельствах [3, с. 26].

А. Ю. Юданов в отличие от ряда авторов, предпочитает связывать устойчивость со стабильностью. Признаком финансовой устойчивости, по его мнению, является способность предприятия «оказываться в привилегированном, относительно менее уязвимом положении во время кризисов... удачно их преодолевать» [4, с. 8].

Представленные дефиниции финансовой устойчивости не противоречат, а дополняют друг друга, тем самым, расширяя границы ее определения. На основе представленных определений выделим основные характеристики, которые, на наш взгляд, отражают сущность финансовой устойчивости:

- стабильное развитие предприятия не только за счет роста прибыли, но и за счет сохранения равновесия между активами и пассивами предприятия;
- сохранение и поддержание платежеспособности и кредитоспособности предприятия в границах допустимого уровня риска;
- свободное маневрирование денежными средствами;
- особое положение, при котором предприятие даже при наступлении неблагоприятных ситуаций остается финансово устойчивым.

Одной из характеристик финансовой устойчивости является сохранение и поддержание платежеспособности и кредитоспособности предприятия. В экономической литературе нередко отождествляют данные понятия.

Ряд авторов, в том числе, В. В. Ковалев, Н. Н. Селезнева, Л. Т. Гиляровская, В. В. Бочаров сходятся во мнении, что внешним признаком финансовой устойчивости является платежеспособность. При этом под платежеспособностью понимается способность предприятия выполнять свои финансовые обязательства, вытекающие из коммерческих, кредитных и иных операций платежного характера [1, с. 74].

Несколько другая позиция у Г. В. Савицкой. В своей работе она отмечает то, что платежеспособность является внешним проявлением финансового состояния предприятия [3, с. 59].

На наш взгляд данное понятие является составной частью финансового состояния предприятия. Но с другой стороны, понятие платежеспособности (которое в свою очередь является следствием ликвидности) связано с понятием финансовой устойчивости, поскольку показывает, может ли предприятие при наступлении неблагоприятной ситуации мобилизовать свои денежные средства для погашения текущих обязательств.

Таким образом, можно сделать вывод, что финансово устойчивое предприятие всегда платежеспособно. Однако платежеспособное предприятие не всегда финансово устойчиво. Ведь погасить долги можно за счет получения новых кредитов и займов.

В связи с этим, термины «финансовая устойчивость» и «платежеспособность» не могут рассматриваться как тождественные.

При необходимости предприятие должно иметь возможность привлекать заемные средства, то есть обладать гибкой структурой финансовых ресурсов. Поэтому другим проявлением финансовой устойчивости, по мнению ряда авторов, в том числе В. В. Бочарова, М. И. Бакановой, является кредитоспособность. Предприятие считается кредитоспособным при наличии у него предпосылок для получения кредита и способности своевременно возратить кредитору взятую ссуду с уплатой причитающихся процентов за счет собственных финансовых ресурсов [1, с. 75].

Из определения кредитоспособности ясно, что данной характеристики также недостаточно для того, чтобы предприятие считалось финансово устойчивым.

Поэтому понятия «платежеспособность» и «кредитоспособность» предприятия, на наш взгляд, являются составляющими именно финансового состояния предприятия, но при этом выступают одними из характеристик финансовой устойчивости.

Примечания

1. Бочаров В. В. Финансовый анализ. СПб., 2009.
2. Ковалев В. В. Финансовый анализ: Методы и процедуры. М., 2006.
3. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник. М., 2008.
4. Юданов А. Ю. Секреты финансовой устойчивости международных монополий. М., 1991.

В. Г. ДАЙНЕКО

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА НАКОПЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В нашей стране начался переход к инновационному развитию, развиваются новые элементы механизма накопления интеллектуального капитала, которые должны быть адекватными инновационному вектору развития российской экономики. Категория «интеллектуальный капитал» выражает исторически определенные отношения по поводу формирования и использования знаний, имеющих экономическую ценность, интеллектуальных способностей работников и хозяйствующих субъектов, обеспечивающих их эффективное использование с целью получения дополнительного дохода.

Институциональные проблемы накопления интеллектуального капитала становятся актуальными в условиях активной модернизации экономики. В текущий переходный период развития российской экономики стало очевидным, что механическое перенесение многих западных институтов, а также ускоренное внедрение в российскую экономическую жизнь новых формальных правил тормозит ее развитие, вызывая ответную реакцию консервативных сил. Поэтому необходимо достижение оптимального сочетания старых и вновь формируемых институтов, регулирующих процессы воспроизводства интеллектуального капитала.

Основными субъектами накопления интеллектуального капитала выступают: работники, создающие персональный интеллектуальный капитал, предприятия и фирмы, являющиеся в современной экономике основными кластерами интеграции интеллектуального капитала и государственные структуры, образуемые с целью накопления интеллектуального капитала определенного качества, необходимого для решения разнообразных задач экономического развития.

Накопление интеллектуального капитала и формирование интеллектуальных свойств работника является двойственным: с одной стороны, это потребление знаний и ресурсов, необходимых для этого (как собственных затрат времени, так и материально-финансовых ресурсов общества); с другой стороны, – это производство субъекта, обладающего необходимыми для деятельности интеллектуальными силами и свойствами, способного осуществлять интеллектуальную деятельность, оперировать с информацией.

Накопление интеллектуального капитала работников под воздействием рыночного механизма происходит неравномерно, особенно в высокотехнологичных отраслях экономики, и выражается в следующем: оказывается недостаточным уровень развития интеллектуальных способностей и объем накопленных знаний, требующихся для выполнения определенных видов работы; имеется несоответствие качества интеллектуального капитала работников уровню сложности рабочего места; усиливается структурная диспропорция, связанная с соотношением двух составляющих интеллектуального капитала работника, отражающих его качество – репродуктивной части капитала (комплекс интеллектуальных способностей, обеспечивающих применение знаний, полученных в процессе образования, их адаптирование к конкретным условиям) и продуктивной части капитала (комплекс интеллектуальных способностей, позволяющих генерировать новое знание, создавать интеллектуальные продукты, необходимые для данного производства); перенакоплению в ряде случаев интеллектуального капитала, когда знания и интеллектуальные способности используются неэффективно, не полностью, а соответствующие затраты не только не дают отдачи, но и являются прямым вычетом.

Накопление интеллектуального капитала предприятия имеет свои особенности, что обусловлено структурой его интеллектуального капитала, содержанием входящих в него элементов. В процессе накопления интеллектуального капитала организаций возникает необходимость управления созданием и трансфером знаний, информационным взаимодействием с внешней средой, распространением знаний внутри фирм. Внутренний трансфер знаний объективно формирует особые межсубъектные отношения, возникающие в ходе взаимодействия сотрудников, коллективов подразделений, он приобретает различные формы передачи знаний в процессе выработки и принятия решений, совместной интеллектуальной деятельности. Фирма тем самым представляет организацию, в которой происходит постоянное воспроизводство знаний, которые должны быть институционализированы и кодифицированы. В процессе накопления интеллектуального капитала фирм происходит постоянное превращение скрытых знаний в явные и обратно, образуя спиралевидный поток знаний.

Предприятия все активнее накапливают свой интеллектуальный капитал за счет внешней среды. На этапе разработки и поиска необходимых интеллектуальных продуктов предстоит решить центральную альтернативную проблему: в какой мере осуществлять собственный НИОКР, в какой мере использовать внешние источники заимствований. Получение нужных объектов интеллектуальной собственности осуществляется разными способами, имеющими разные затраты и отдачу. Во-первых, это лицензионная деятельность по приобретению патентов и ноу-хау у сторонних предприятий. Во-вторых, деловая разведка, включающая сбор технологической информации. В-третьих, приобретение интеллектуальной собственности в межфирменной кооперации и создание стратегических альянсов с другими фирмами. В-четвертых, систематический анализ общедоступной информации, в том числе, осуществление бенчмаркетинга и мониторинга патентной информации.

В деятельности современных предприятий накапливаемые ими знания и ноу-хау, развиваемые интеллектуальные способности играют неоднозначную роль. С одной стороны, они становятся основой приобретения конкурентных преимуществ и превращения предприятий в интеллектуальные организации. С другой стороны, эти элементы интеллектуального капитала, становясь устойчивой, инерционной системой, не позволяют появляться новому, усиливают косность в деятельности предприятий, делают его менее гибким и конкурентоспособным. Данные негативные явления представляют институциональные ловушки, в частности, так называемую ловушку компетентности. Другой институциональной ловушкой, имеющей также негативное значение, является ловушка перенакопления интеллектуального капитала фирмы, что выражается в избыточной квалификации работников, содержании ненужных патентов и других нематериальных активов. Действительно, в современных условиях более важное значение имеет качество и структурированность интеллектуального капитала, чем просто экстенсивное его накопление. Таким образом, основным противоречием динамичного развития современных предприятий как интеллектуальных организаций является противоречие между обновлением (возникающей при этом хаотичностью и необходимостью реструктуризации интеллектуального капитала) и стабильностью, устойчивостью.

Эффективные институты являются необходимым фактором модернизации российской экономики. Появление таких институтов возможно как в результате импорта или естественного отбора в ходе конкуренции институтов. Однако целиком надеяться на эти механизмы нельзя. Необходима государственная поддержка в укоренении новых форм. Кроме того, возможно воспроизводство старого институционального содержания под видом новых норм, в результате чего формируются так называемые «институциональные ловушки», тормозящие процесс реформирования. Например, новый для нашей страны институт грантов и конкурсов нередко воспроизводит старые правила отбора претендентов и финансирования научных проектов. Так возникают институциональные ловушки, которые по мнению специалистов, представляют главную опасность при проведении институциональных реформ

Стратегическое развитие России объективно будет связано не только с решением проблемы темпов экономического роста, но, прежде всего, с переходом на инновационный путь развития. Для этого необходим пересмотр приоритетов в механизме инвестирования интеллектуального производства. Инвестиции в сектор знаний (затраты на высшее образование и НИОКР) в странах ОСЭС составляют в среднем вдвое больше (в % от ВВП), чем в России. Эти инвестиции – одна из ключевых проблем успешности перехода на инновационный путь развития.

По нашему мнению, в настоящий момент возможна реализация одной из двух моделей экономического развития России, которые имеют разные эффекты воздействия на спрос интеллектуального капитала. Во-первых, ресурсоориентированная модель с защищенными от иностранной конкуренции секторами (сфера услуг, торговли и другими). По сути такая стратегия реализовывалась в 1990-е гг. в нашей стране и провоцирует возникновение «голландской» болезни, т.е. постепенную деиндустриализацию большинства отраслей экономики. Во-вторых, возможно развитие по модели диверсификации и расширения индустрии инноваций, ядром которой будет наука, в том числе фундаментальная и прикладная. Эта модель связана с развитием высокотехнологичных отраслей, что позволит создать новые рабочие места для миллионов людей, обладающих интеллектуальным капиталом и стремя-

щихся эффективно его реализовать в своей стране. Для этого также необходимо решение проблемы низкой оплаты интеллектуального труда, слабой поддержки научной деятельности со стороны государства и катастрофического падения спроса на интеллектуальные продукты.

Е. Ю. ДАЙНЕКО

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Для развития инновационной экономики в России необходимо ликвидировать институциональные барьеры, тормозящие эффективную коммерциализацию интеллектуальной собственности необходимого качества.

Разрывы в цепочке превращения продуктивной идеи в подготовленный интеллектуальный продукт и последующее создание коммерчески ценного инновационного продукта, т.е. выведение на рынок новой продукции, созданной на основе интеллектуальной собственности. Основной проблемой здесь является слабость возможностей фирм влиять на инновационную цепочку и в частности на фундаментальные исследования, которые являются необходимыми в проведении прикладных разработок. Разрыв в прикладной фундаментальной науке в России увеличивается и одной из причин этого является фактор коррупции, когда под видом новых институтов конкурсного выделения средств они достаются не вполне компетентным, а иногда и непрофильным структурам, но так или иначе связанными с чиновниками.

Важнейшей закономерностью коммерциализации интеллектуальной собственности является формирование ее в федеральных и региональных структурах, в крупных вузах и инновационно-активных предприятиях. Этот процесс на региональном уровне связан с особенностями изменения структуры экономики, системой научного обслуживания. Центрами консолидации и последующего развертывания реализации интеллектуальной собственности в регионе могут быть крупные транснациональные корпорации, международная лаборатория, группа университетов. Анализ многочисленных данных подтверждает тенденцию концентрации интеллектуальной собственности на ведущих инновационных фирмах. Корпорации объективно становятся владельцами коммерчески ценных интеллектуальных продуктов, интегрируя их в кругооборот своего капитала.

Камнем преткновения в недавнем прошлом был вопрос о правах на интеллектуальные продукты, полученные в ходе разработок на основе бюджетных ассигнований. Несомненным тормозом для накопления интеллектуального капитала было несовершенство части санкций нарушителям прав собственности на интеллектуальные продукты. В конце 1990-х гг. государство в нашей стране попыталось закрепить эти права за собой, но в результате не было получено никаких доходов от интеллектуальной собственности. Такой подход только демотивировал изобретателей и ученых. В течение последних лет изобретательская активность в России на фоне высоких темпов экономического роста оставалась на прежнем низком уровне. Многие интеллектуальные продукты утаивали и использовались в очень узких секторах, либо российские специалисты патентовали свои интеллектуальные продукты за рубежом, не реагируя на норму предварительного патентования в своей стране. В результате в настоящее время Россия имея существенный изобретательский потенциал на порядок, отстает от лидеров по количеству поданных заявок в США, Китая, в котором наблюдается беспрецедентно высокие темпы роста патентования, и Японии. Теперь в нашей стране с принятием четвертой части ГК РФ изобретатели и ученые на законных основаниях могут получить права на созданную ими интеллектуальную собственность в ходе реализации бюджетных программ исследований.

Крупной проблемой в коммерциализации интеллектуальных продуктов является неразвитость рынка интеллектуальной собственности. Инфраструктура коммерциализации интеллектуальной собственности в развитом состоянии представляет сеть разнообразных организаций, выполняющих многочисленные функции: экспертно-консалтинговую, финансово-инвестиционную, интеграционную, научно-образовательную и другие. Подобная сеть может быть создана при заинтересованном участии государственных структур и частных фирм. Особо значимо на первых этапах создания инфраструктуры участие государства, поскольку затраты весьма значительны, а отдача может быть косвенной, да и то в отдаленной перспективе.

В последние пять лет в России начал разворачиваться пилотный проект по созданию специализированных центров коммерциализации технологий, которые после соответствующей подготовительной работы смогут быть интегрированы в российские и европейские сети трансферта технологий, в международные научно-исследовательские консорциумы. На первом этапе особое внимание отводится обучению персонала, организации тренингов (мастер-классов), способам эффективной коммерциализации интеллектуальной собственности.

Центры коммерциализации смогут выполнять многогранные задачи: проведение экспертизы интеллектуальных продуктов, отбор наиболее перспективных на основе технологического маркетинга; оформление инвестиционного меморандума и поиск заинтересованных инвесторов; консультации и сопровождение на стадии внедрения интеллектуальной собственности и др.

Центр коммерциализации технологий нацелен на получение дохода от объектов интеллектуальной собственности, созданных как в государственных организациях, так и в частных фирмах. Для этого используются различные инструменты: лицензионные договоры, договоры об уступке, исследовательские контракты, создание высокотехнологичных (инновационных) фирм. Одной из практических проблем формирования центров коммерциализации является четкое понимание, на каких клиентов ориентированы услуги центра, и в каких именно услугах они нуждаются. На региональном уровне эти центры должны стать связующим звеном между научно-образовательными центрами и корпорациями, способствовать интеграции интеллектуальных продуктов в мировой рынок интеллектуальной собственности.

Государство в российской практике занимает особую роль в финансировании исследований и разработок. Даже в кризисные годы отмечается высокая доля государственного финансирования, чего нет ни в одной из развитых стран мира, в среднем она составляет около трех четвертей общего объема финансирования. Однако попытки государства закрепить за собой права собственности и пытаться получать доходы привели к полному провалу. Государство вынуждено было признать, что в отношении большинства объектов интеллектуальной собственности, оно является неэффективным собственником. Все запланированные доходы были исключены из доходов бюджета. Следует учитывать, что главный интерес чиновников в структурах, осуществляющих госзаказ на исследования и разработки, связан с максимально возможным освоением финансовых средств. Таким образом, экстенсивное наращивание финансирования не приводит к увеличению объектов интеллектуальной собственности, а главное к повышению их качества, степени коммерческой готовности.

В последние годы развитые страны умножили свои усилия в сфере нанотехнологий. Российское правительство существенно увеличило финансирование этого направления в нашей стране, однако пока общий итог освоения этой сферы не в нашу пользу: за 10 лет иностранцы получили три тысячи патентов, тогда как российские – немногим более ста. Решение проблемы увеличения высокой степени готовности интеллектуальных продуктов должно основываться на принципиально новом подходе – переходе от управления затратами к управлению результатами, от экстенсивного наращивания количественных показателей исследовательской деятельности к широкомасштабной капитализации интеллектуальных продуктов.

Среди многочисленных проблем коммерциализации интеллектуальной собственности, связанных с нормативно-законодательным оформлением, квалификацией кадров и др., важное значение для российской действительности имеет проблема инфраструктуры коммерциализации.

Наиболее предпочтительный, однако пока редкий, вариант покрытия затрат по созданию интеллектуального продукта в рыночной экономике – это коммерциализация в инновационном процессе производства. Не более пяти процентов объектов интеллектуальной собственности на российских предприятиях становятся элементом инновационного продукта. Лишь около трех процентов запатентованных изобретений эффективны, т.е. приток доходов превышает затраты. Существенно повысить эффективность использования интеллектуальной собственности возможно только при создании инфраструктуры ее коммерциализации.

Частные предприятия пока не столь активны в развитии инфраструктуры, они меньше государственных организаций участвуют в финансировании интегрированных структур, малых инновационных организаций, хотя крупные фирмы получают от них более трети объектов интеллектуальной собственности для последующей коммерциализации.

В процессе коммерциализации важно учитывать влияние глобализации. Институты международного трансфера становятся все более значимыми в установлении фирмами международных связей и использования ими объектов интеллектуальной собственности. Они позволяют снизить транзакционные издержки воспроизводства интеллектуальной собственности фирмы.

Т. Л. ДАНИЛЬЧИК

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИРМЫ КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Модернизация экономики предполагает создание условий для перехода на инновационный путь развития и появление мотиваций у субъектов рынка для активизации инновационных процессов. Если к первому фактору можно отнести процесс формирования инновационной сферы как самостоятельной отрасли хозяйствования, то во втором случае речь идет о предпринимательском факторе, дающем возможности для инициации инноваций снизу. Для осуществления инновационного процесса необхо-

димо, чтобы хозяйствующий субъект обладал инновационным потенциалом, содержание и величина которого определяют характер и направление вектора развития. Обоснование системных признаков и структуры инновационного потенциала, адекватная оценка его величины могут и должны являться основанием для принятия решения о выборе направлений и технологии реализации инновационных процессов из возможных альтернатив.

Понятие инновационного потенциала, являющегося отражением основных тенденций развития инновационных процессов в экономике, формулировалось и уточнялось в результате теоретических, методологических и эмпирических исследований ученых и практиков. Вместе с тем, оно и сейчас не имеет однозначной трактовки, отсутствует комплексное изучение сущности и структуры инновационного потенциала как социально-экономического феномена.

Анализ экономической литературы позволяет выделить несколько подходов к пониманию данной категории. Так, инновационный потенциал отождествляется с упорядоченной совокупностью ресурсов, обеспечивающих осуществление инновационной деятельности [1, с. 25]. Он трактуется также как единство научно-технических, технологических, инфраструктурных, финансовых, правовых и иных возможностей, обеспечивающих восприятие и реализацию новшеств [2, с. 18]. В других концепциях инновационный потенциал рассматривается как мера способности и готовности экономического субъекта осуществлять инновационную деятельность. При этом под способностью понимается наличие и сбалансированность структуры компонентов потенциала, а под готовностью – достаточность уровня развития потенциала для формирования инновационной активности организации [3, с. 88].

Не смотря на то, что каждое из приведенных определений инновационного потенциала дает характеристику лишь отдельных его составляющих, не формируя целостного представления о данной дефиниции, все современные исследователи рассматривают инновации как источник развития лишь при условии активного их использования, а также создания благоприятной среды для их инициирования.

Как комплексное, многофункциональное понятие инновационный потенциал фирмы должен включать в себя целый ряд базовых элементов (системных признаков), которые предполагают и обуславливают друг друга, выступая как совокупность детерминант воспроизводственных возможностей хозяйственной единицы.

Инновационный потенциал фирмы:

- выступает связующей основой каждого элемента общего ее потенциала, обуславливая специфику всего воспроизводственного цикла на микроуровне;
- отражает наличие и сбалансированность ресурсов, уровень развития которых достаточен для осуществления эффективной инновационной деятельности;
- содержит скрытые возможности ресурсов, которые могут быть приведены в действие для реализации инновационной стратегии;
- характеризует способности организации к прогрессу на основе трансформации имеющихся ресурсов в новое качественное состояние;
- включает в качестве составляющей побудительные стимулы (мотивации) к реализации имеющихся возможностей;
- охватывает организационный (стиль управления, формирование целевых рабочих групп и т.п.) и институциональный (включая как формальные, так и неформальные нормы и правила игры) механизмы, обеспечивающие инновационную активность;
- рассматривается с позиций динамики, то есть как основа непрерывного приращения нового знания.

Структурно инновационный потенциал может быть представлен как совокупность ресурсной, процессной и результативной составляющих, которые предполагают и обуславливают друг друга и проявляются при использовании как его триединая сущность [4, с. 126].

Ресурсная составляющая инновационного потенциала представляет собой основу для его формирования. Она включает в себя ряд компонентов, имеющих различное функциональное назначение, основными из которых являются:

- материально-технические ресурсы, определяющие технико-технологическую базу потенциала, масштабы и темпы инновационной деятельности фирмы. В свою очередь, сами они формируются в отраслях, производящих средства производства, которые путем применения новых технологий закладывают в них потенциальные возможности, реализуемые или нереализуемые впоследствии;
- информационные ресурсы (базы знаний, алгоритмы, программы, проекты и т.д.), выступающие движущей силой инновационного потенциала, переводящие материальные факторы из латентного состояния в активное;
- финансовые ресурсы, представляющие собой органическое единство наличных ресурсов и возможностей их альтернативного вложения, отображающие способность фирмы создать инновационные блага и услуги. Причем, роль данного ресурса весьма неоднозначна: с одной стороны, в силу своей ограниченности он вынуждает фирму искать наиболее экономичный вариант из

возможных альтернатив, с другой – его лимитированный характер может затормозить или погасить формирование и реализацию самого инновационного потенциала;

- человеческий ресурс, выступающий главной креативной компонентой, оказывающей непосредственное влияние, как на ресурсную, так и на процессную и, особенно, результативную составляющие инновационного потенциала.

Не менее важной компонентой инновационного потенциала является результативная составляющая, которая выступает отражением итога реализации имеющихся возможностей (в виде нового блага, полученного в ходе осуществления инновационного процесса). Являясь результатом количественных и качественных изменений системы в целом, данная составляющая несет в себе возможности вывода на новый уровень развития не только инновационный, но и совокупный потенциал фирмы [3, с. 94].

Третьим элементом инновационного потенциала является процессная составляющая, обеспечивающая дееспособность и эффективность функционирования фирмы как единой хозяйственной единицы. Она характеризует возможность целенаправленного осуществления инновационной деятельности, то есть определяет способность системы на принципах коммерческой результативности привлекать ресурсы для инициирования, создания и распространения различного рода новшеств. Процессную составляющую можно охарактеризовать через трансформацию научных достижений в фактор приращения нового знания, обеспечения взаимосвязи новатора как с наукой, предоставляющей прогрессивные идеи, так и рынком, потребляющим готовый продукт, а также методы и способы управления инновационным развитием.

Тесная взаимосвязь ресурсной, процессной и результативной составляющих инновационного потенциала определяет необходимость выявления на практике их оптимального соотношения (исходя из роли и значимости, которую каждая из них играет в процессе формирования и развития потенциала). Так, например, ограниченность необходимых ресурсов временем и пространством может быть полностью или частично преодолена интенсификацией их использования, применением новых методов организации инновационного процесса. При этом очевидно существует определенный предел отклонения величины компонентов инновационного потенциала от оптимального уровня. Дальнейшее изменение любого из элементов может повлечь за собой либо снижение отдачи от него самого, либо уменьшение эффективности функционирования остальных элементов, существующих в системном единстве.

Обоснование системных признаков и структуры инновационного потенциала позволяет сформулировать методологические подходы к его оценке и реализации. Так, для анализа фактического состояния инновационного потенциала фирмы необходима система базовых показателей, воспроизводящих его ресурсную, процессную и результативную компоненты, например, таких как:

- интеллектуальный потенциал, определяемый количеством специалистов, занятых инновационной деятельностью в общей численности трудящихся;
- научно-технический задел по инновациям (патенты, ноу-хау и т.д.);
- удельный вес нового оборудования и инструмента, новых технологий в общем их количестве;
- наличие сервисных услуг, пользующихся платежеспособным спросом;
- удельный вес новых видов деятельности в общем объеме выполняемых работ и т.п.

Для определения уровня достаточности потенциала необходимо разработать нормативную модель, отражающую пограничные характеристики его удовлетворительного и неудовлетворительного состояния. Анализ рассогласования фактических и нормативных показателей позволит выделить сильные и слабые стороны инновационных процессов на микроуровне. Данный алгоритм оценки инновационного потенциала в конечном итоге может служить основой для разработки мероприятий, направленных на поддержание позитивных и преодоление негативных тенденций развития фирмы [5].

Инновационный потенциал фирмы определяется целым рядом факторов, которые условно можно разделить на следующие группы: факторы собственно инновационного процесса как сложной обособленной системы; факторы внутренней среды, характеризующие ее конкурентоспособность и конкурентные преимущества; факторы внешней среды, определяющие привлекательность инновационного рынка для организации.

В первой группе факторов выделяют такие элементы инновационного процесса как постановка целей, выработка инновационных решений, разработка проектов и программ.

Отправной точкой процесса принятия инновационного решения является формирование инновационной цели. Она представляет собой желаемый результат деятельности фирмы, который может быть достигнут в определенные сроки за счет повышения инновационного потенциала. Инновационная цель зарождается на стадии фундаментальных разработок, где генерируются идеи, и уточняется в зависимости от ресурсных возможностей фирмы, а затем реализуется в форме проектов и программ.

При разработке инновационных решений следует исходить из специфических особенностей, присущих инновационным проектам и программам: высокой степени неопределенности получаемых научно-технических результатов; длительности периода разработки и доведения продукта до конечного потребителя; высокой степени риска достижения коммерческого успеха; значительным объемом необходимых

инвестиционных вложений; высокой доходности в случае коммерческого успеха; цикличности развития инновационных процессов.

Отбор инновационных проектов и программ, связанных с привлечением различных ресурсов, основными из которых являются инвестиционные и временные затраты на НИОКР и технологическое освоение массового производства новой продукции, как правило, проходит в три этапа. Первый этап заключается в формулировке задач, стоящих перед данной инновационной структурой, и в определении приоритетных направлений научно-технического развития с учетом поставленных целей. На втором этапе формируется исходное множество проектов. На третьем – проводится отбор наиболее перспективных проектов и программ. После получения результатов экспертизы, необходимо выбрать проекты и программы, которые получили максимальные оценки, и сопоставить их суммарную стоимость с объемом выделяемых ресурсов.

Состав второй группы факторов складывается из возможностей самой фирмы, проявляющихся в различных аспектах ее финансово-хозяйственного комплекса, состояния организационной структуры управления, уровня коммуникационной системы и т.д. Решающим фактором формирования адекватной инновационному процессу внутренней среды фирмы является наличие четко сформулированной инновационной стратегии, которая на долгосрочной основе создает необходимые предпосылки для генерирования новых идей. Ответственность за инновационную стратегию лежит на плечах высшего руководства, задача которого состоит в выявлении управленческого потенциала, необходимого для создания эффективных условий функционирования фирмы, в систематическом «просмотре внутренних запасов» управленческих талантов, в определении масштабов и целей необходимой управленческой подготовки и выделении соответствующих ресурсов.

Когда фирма использует нововведение как ответную реакцию на изменение рыночных условий в целях сохранения своих позиций, принято говорить об адаптивной инновационной стратегии. Такая стратегия, характеризующая концентрацию усилий на частичных изменениях технологии, продукта, рынков, идущих в русле традиционных для фирмы путей достижения успеха, лишает ее возможности находить новые конкурентные преимущества, видеть и использовать инновационные перспективы развития.

Конкурентная стратегия, основанная на использовании нововведений в качестве отправного пункта для достижения успеха, требует устойчивого самосовершенствования фирмы через постоянную оценку и экспериментирование в области анализа и решения возникающих проблем.

Инновационные возможности, предоставляемые фирме ее внешней средой, во многом зависят от инновационной политики государства. Огромные затраты на НИОКР, риск при их проведении, необходимость определения приоритетных направлений развития, координация деятельности государственного и частного сектора, разработка новых и пересмотр действующих законодательных актов, способствующих активизации инновационного процесса – все это требует государственных гарантий, финансирования, организационной и информационной помощи со стороны правительства.

Таким образом, инновационный потенциал фирмы необходимо рассматривать как одну из важнейших количественных и качественных характеристик инновационного процесса на микроуровне, поскольку успех хозяйственной единицы сегодня определяется не столько благоприятной рыночной конъюнктурой, сколько наличием ее инновационных возможностей и их реальным воплощением на практике.

Примечания

1. Лисин Б., Фридлянов В. Инновационный потенциал как фактор развития // Инновации. 2002. № 7. С. 25.
2. Афонин И. В. Инновационный менеджмент. М., 2005.
3. Кравченко С. И. Исследование сущности инновационного потенциала // Научные труды Донецкого национального технического университета. Сер. эконом. Вып. 68. Донецк, 2003. С. 88-94.
4. Решетников А. В. Управление реализацией инновационного потенциала в промышленности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.smartcat.ru/p_plant/book_113/index.shtml.
5. Москвина О. С. Инновационный потенциал как фактор устойчивого развития региона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://journal.vscs.ac.ru/php/jou/30/art30_02.php

Е. Е. ДОСУЖЕВА, О. Л. ЛЯМЗИН

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

О ВКЛЮЧЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ В МНОГООТРАСЛЕВУЮ ИННОВАЦИОННУЮ ИНТЕГРИРОВАННУЮ СТРУКТУРУ: ОПТИМИЗАЦИЯ РЕСУРСОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ

Очевидно, что без инновационного развития у России нет стабильного будущего. В целях повышения глобальной конкурентоспособности государства в экономической, научной, промышленной и других сферах деятельности Правительством РФ был взят курс на развитие науки и инноваций в стране.

Сам термин «инновация» в переводе с латинского языка означает «введение чего-либо нового, обновление, новшество» [1]. Понятие «инновация» было введено в экономическую науку Й. Шумпетером [2], который трактовал этот термин как результат научно-технического процесса – привнесение эффективных изменений в процесс производства, освоение новых методов производства или рынков сбыта продукции. Он также разделил понятия «изобретение» и «инновация». Изобретение, по Шумпетеру, являет собой лишь теоретическую разработку, тогда как инновация является введенным в практическое использование изобретением, которое приносит доход. Инновации способствуют не только долгосрочному росту экономики, они также оказывают значительное влияние на занятость населения путем формирования новых организаций, а с ними и дополнительных рабочих мест, развитие конкурентных преимуществ продукции, увеличение прибыли от ее реализации, а также позволяют эффективно применять новые материалы и технологии в производстве.

Наряду с Й. Шумпетером среди зарубежных ученых наиболее значительный вклад в теорию эволюции экономики на основе инновационного развития внесли Б. Санто, Б. Твисс, Г. Менш, М. Хучек, Р. Солоу, П. Ромер, Э. Мэнсфилд и П. Друкер. Б. Санто подошел [3] к определению инновации, как к процессу, в ходе которого улучшается качество производимого продукта, что приводит к увеличению прибыли от его реализации. Брайан Твисс также рассматривает [4] инновацию как процесс, в котором теоретическая идея или ее исполнение дополняются рыночным характером. Г. Менш считает [5] инновации средством перехода экономики от регрессивного состояния, в котором начинаются образовываться инновации, к прогрессивному. М. Хучек видел [6] инновацию, как процесс разработки и внедрения чего-либо нового и его коммерциализация, добавление потребительских ценностей товару. Р. Солоу рассматривает [7] инновации как внешний фактор экономического роста. Пол Ромер напротив считает [8] инновации, как следствие накопления научного и технического опыта и знаний, внутренним источником развития экономики. Э. Мэнсфилд имел схожую с Й. Шумпетером позицию относительно определения термина «инновация» [9], однако делал упор на пользу инноваций для общества. П. Друкер трактовал [10] понятие «инновация» как «разработку и внедрение нового, ранее не существовавшего, с помощью которого старые, известные элементы придадут новые очертания экономике данного бизнеса». «Инновация – это не изобретение и не открытие, – пишет Друкер, – хотя и то и другое может иногда потребоваться. Но она фокусируется не на знаниях, а на эффективности, а в бизнесе – на экономической эффективности. Это успешная попытка найти и включить в свой бизнес последнюю частичку, которой недостает, чтобы превратить уже существующие элементы: знания, товары, покупательский спрос, рынки – в новое и гораздо более продуктивное целое».

Среди отечественных ученых, как и среди зарубежных, нет единого мнения в толковании термина «инновация». Более всего разработан этот вопрос в трудах таких исследователей, как Ю. П. Морозов, Р. А. Фатхутдинов, А. И. Анчишкин, В. Г. Медынский, С. Д. Ильенкова, С. Ю. Глазьев, Ю. В. Яковец, А. И. Пригожин и П. Н. Завлин.

Известный экономист Ю. П. Морозов считал [11], что инновации – это коммерциализация новшеств в виде новых технологических решений, новых продуктов. Р. А. Фатхутдинов [12], В. Г. Медынский [13] и С. Ю. Глазьев в своей работе «Теория долгосрочного технико-экономического развития» [14] под инновациями понимают результат внедрения новации и получение социально-экономического, экологического или какого-либо другого полезного другого эффекта. А. И. Анчишкин видел [15] в инновациях, прежде всего средство экономии трудовых затрат. С. Д. Ильенкова считает [16], что инновация является внедрением новшества на рынке или в производстве. Ю. В. Яковец рассматривает инновации как «качественные изменения» [17] в технологиях и формах управления и организации производства. А. И. Пригожин в своей работе «Методы развития организаций» [18] дает определение инновации как процесса развития освоения и распространения новых технологий. П. Н. Завлин напротив считает [19] инновации результатом научной деятельности, предназначенной для улучшения процесса производственной, экономической, социальной или какой-либо другой общественной деятельности.

На международном уровне также предпринимаются попытки стандартизации понятия «инновация» и систематизации инноваций. Членами Организации экономического сотрудничества и развития была разработана серия документов объединенных в, так называемую, «Семью Фраскати», которая состоит из Руководства Фраскати, посвященному вопросам измерения ресурсов, затрачиваемых на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, Руководства Осло, содержащее рекомендации по измерению и анализу данных по инновациям и Руководства Канберры – руководства по измерению и управлению человеческими ресурсами в сфере науки и технологий.

В российской законодательной практике термину «инновация» впервые было дано определение в проекте Федерального закона «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике» [20]. В нем понятие «инновация» трактуется как «конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке (инновация-продукт), нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности (инновация-процесс)». В законопроекте «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации» [21], внесенного на рассмотрение в Государственную Думу РФ 2 февраля 2011 г. к инновационной продукции относят «товары, в которых использованы результаты научной и (или) научно-технической деятельности, или

товары, работы и услуги, которые произведены или оказаны способом, представляющим собой результат научной и (или) научно-технической деятельности».

Согласно исследованию Ф. Мачлупа [22], термин «интеграция» в экономике в современном его понимании впервые использовали в 1930-х гг. Э. Ф. Хекшер в 1931 г. в своей книге «Меркантилизм» [23] и Г. Газдицке и Герт фон Йерн [24] в 1933 г. в их двухтомном издании «Производственно-экономическая интеграция Европы: изучение взаимозависимой торговли европейских стран». В. В. Любецкий [25] выделяет следующие признаки экономической интеграции: взаимное проникновение бизнес-процессов участников интеграции, развитие научной и исследовательской деятельности в производстве, структурные изменения участников интеграции, вызванные необходимостью следовать целям интеграции, согласование и координирование целей, стратегии и политики участников интеграционного процесса, а также кластерная направленность интеграции. Существуют и другие признаки интеграционного процесса, такие как осознание и согласование участниками интеграции их общих целей, добровольный характер интеграции, положительный эффект от совместной работы невозможный без интеграции участников, образование тесных научных, производственных и торговых связей и другие.

Под объединением экономических субъектов могут подразумеваться не только межгосударственные объединения, но и интеграция отдельных организаций, а также частногосударственное партнерство. В действительности, с конца 30-х гг. понятие «экономическая интеграция» стало применяться не только в отношении интеграции на государственном уровне, но и в связи с межорганизационной интеграцией. С точки зрения микроэкономики Оксфордский толковый словарь [26] устанавливает значение термина «интеграция», как «объединение двух или более компаний под одним контролем в целях взаимной выгоды, уменьшения конкуренции, снижения издержек за счет сокращения накладных расходов, обеспечения большей доли рынка, объединения технических или финансовых ресурсов, сотрудничества в области исследований и разработок». Исходя из всего вышесказанного, определим экономическую интеграцию, как процесс объединения экономических субъектов и развития связей между ними, направленный на достижение уникального позитивного эффекта для каждого из участников этого процесса.

Многоотраслевые интегрированные инновационные структуры, как один из видов научно-производственной интеграции организаций, призваны обеспечивать полную реализацию всех этапов инновационного процесса. Многоотраслевой характер обусловлен объединением отраслей науки и индустрии, в котором отрасль науки проводит научно-исследовательскую деятельность по разработке нового продукта или улучшении качества уже существующего, а индустриальная отрасль осуществляет его производство, либо внедрение. В XXI в. научно-производственная интеграция все чаще сводится к цепочке элементов «вуз» – «НИИ» – «предприятие» [27], в отдельных случаях к ней добавляются такие элементы, как «школа» или «ссуз» [28], что зачастую продиктовано, прежде всего, необходимостью, по мнению разработчиков проекта данного вида научно-производственной интеграции, формирования непрерывного образовательного процесса. Элементы цепочки «вуз – НИИ – предприятие» в свою очередь имеют свои субэлементы [29]: вузы – «стандартные» и учебно-научно-инновационные комплексы (УНПК); НИИ – академические учреждения и отраслевые НИИ и КБ; предприятия — крупные и малые инновационные. В этой цепочке вузы и УНПК осуществляют подготовку специалистов, оказывают услуги консалтингового типа, а также занимаются научно-исследовательской деятельностью, академические учреждения выполняют фундаментальные исследования, в то время как, отраслевые НИИ и КБ на основе фундаментальных исследований совершают прикладные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, по окончании создания опытного образца конечного продукта малые инновационные предприятия проводят выпуск пробной партии продукта, затем, после успешного завершения предыдущей стадии, происходит массовый выпуск продукта крупными предприятиями. Имеется и другое проявление многоотраслевого характера научно-производственной интеграции. Каждый из элементов цепочки «вуз – НИИ – предприятие» принадлежит одной или нескольким отраслям. Например, вузы могут подразделяться на технические, медицинские, гуманитарные, педагогические и классические университеты, предприятия – принадлежать аграрной, машиностроительной, горнодобывающей, строительной или химической экономической отрасли и так далее. Вследствие объединения элементов «вуз», «НИИ», «предприятие», принадлежащих различным экономическим отраслям, в единую интегрированную структуру, образуется многоотраслевой характер как интегрированной структуры в частности, так и научно-производственной интеграции в целом.

Одним из вопросов теории инновационного менеджмента является оценка эффективности интеграции организаций, осуществляющих инновационную деятельность. Современный экономический словарь объясняет понятие «экономической эффективности» как «результативность экономической деятельности, экономических программ и мероприятий, характеризуемая отношением полученного экономического эффекта, результата к затратам факторов, ресурсов, обусловившим получение этого результата; достижение наибольшего объема производства с применением ресурсов определенной стоимости» [30]. В настоящее время отчетливо существует проблема подбора организаций для формирования результативной многоотраслевой инновационной интегрированной структуры, а также последующего развития интегрированной структуры путем включения в нее новых организаций, так как

не все организации приемлемы и эффективны для включения в многоотраслевую интегрированную структуру, как для самой организации, так и для интегрированной структуры – поскольку процесс интеграции симметричен. Недостаточная разработанность этой проблемы в трудах отечественных и зарубежных авторов определили актуальность темы нашего исследования. В результате исследования будет получен алгоритм оценки эффективности интеграции организации и многоотраслевой структуры на базе развития инноваций, что позволит осуществлять подбор организации для включения в многоотраслевые интегрированные инновационные структуры, формирование которых столь необходимо для страны в целом.

Теоретическая и практическая значимость нашего исследования будет состоять в разработке предложений и рекомендаций по оценке эффективности и обоснованию целесообразности выбора организаций для формирования многоотраслевой структуры на базе развития инноваций, а затем и включения новых организаций в эту структуру. Предложенные рекомендации в дальнейшем могут быть использованы при решении проблем, связанных с обеспечением эффективного управления организацией.

Примечания

1. Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.
2. Шумпетер Й. Теория экономического развития. (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): пер. с англ. М., 1982.
3. Санто Б. Инновация как средство экономического развития: пер. с венгер. М., 1990.
4. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями: пер. с англ. М., 1989.
5. Mensch G. Stalemate in Technology: Innovation Overcome the Depression. Cambridge, Mass, 1979.
6. Хучек М. Инновации на предприятиях и их внедрение. М., 1992.
7. Солоу Р. Экономика ресурсов и ресурсы экономики. 1974.
8. Romer P., Rivera-Batiz L. Economic Integration and Endogenous Growth // Quarterly Journal of Economics CVI. 1991. May. P. 531–555.
9. Мэнсфилд Э. Экономика научно-технического прогресса. М., 1970.
10. Друкер П. Ф. Новые реальности. В правительстве и политике. В экономике и бизнесе. В обществе и мировоззрении. М., 1994.
11. Морозов Ю. П. Инновационный менеджмент. М., 2000.
12. Фатхутдинов Р. А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. М., 2000.
13. Медынский В. Г. Инновационный менеджмент. М., 2008.
14. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.
15. Анчишкин А. И. Наука – техника – экономика: 2-е изд. М., 1989.
16. Ильенкова С. Д., Гохберг Л. М., Ягудин С. Ю. Инновационный менеджмент: учебник для вузов. М., 2003.
17. Яковец Ю. В. Ускорение научно-технического прогресса: Теория и экономический механизм. М., 1988.
18. Пригожин А. И. Методы развития организаций. М., 2003.
19. Завлин П. Н. Инновационный менеджмент / под ред. П. Н. Завлина, А. К. Казанцева, Л. Э. Миндели. СПб., 1997.
20. Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике в Российской Федерации: концепция Федерального закона / Ю. В. Яковец. Подготовлено по заказу Минэкономики России. М., 1997.
21. О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации: проект федерального закона № 495392-5.
22. Fritz M. A History of Thought on Economic Integration. New York, 1977.
23. Heckscher E.F. Merkantilismen: ett led i den ekonomiska politikens historia. Stockholm, 1931.
24. Gaedicke H., Eynern von G. Die produktionswirtschaftliche Integration Europas // Eine Untersuchung über die Außenhandelsverflechtung der europäischen Länder. Berlin, 1933.
25. Любецкий В. В. Мировая экономика: учебно-методический комплекс. М., 2008.
26. Батлер Б., Джонсон Б., Сидуэлл Г., Вуд Э. Финансы: Оксфордский толковый словарь. 2003.
27. Лямзин О. Л., Титова В. А. Об основах взаимодействия участников многоотраслевых интегрированных структур на базе развития инноваций // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 16. С. 74–82.
28. Шайдуллина А. Р. Функции интегрированного образовательного пространства «ссуз – вуз – предприятие» // Образование и саморазвитие. 2009. № 3 (13). С. 74–79.
29. Лямзин О. Л., Титова В. А. Согласование деятельности базовых элементов многоотраслевых интегрированных структур в отечественных условиях // Системное управление, проблемы и решения. Электронный научно-информационный журнал. 2007. Вып. 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://supir.ru/index.php?m=articles&article_id=40. (Дата обращения: 14.03.2011).
30. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.. Современный экономический словарь: 2-е изд., испр. М., 1999.

МЕСТНЫЕ БЮДЖЕТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Местные бюджеты играют все более возрастающую роль в реализации экономической и социальной политики государства. Их величина и степень сбалансированности во многом определяют перспективы социально-экономического развития территорий.

Сегодня муниципальные образования испытывают существенные затруднения из-за недостатка бюджетной самостоятельности. По сути это подрывает реальную финансовую основу органов местного самоуправления.

Вызывает сомнение сам принцип самостоятельности бюджетов, характеризующийся восьмью положениями в Бюджетном кодексе Российской Федерации. Современные реалии показывают, что даже безусловное соблюдение данных положений не может гарантировать местным бюджетам действительную самостоятельность. В частности, одним из таких положений является право органов государственной власти и органов местного самоуправления устанавливать налоги и сборы, доходы от которых зачисляются в соответствующие бюджеты бюджетной системы Российской Федерации. Это положение действительно гарантирует определенную самостоятельность местных бюджетов, но в весьма ограниченных пределах. Речь идет только о региональных и местных налогах. Число местных налогов ограничено двумя – земельным и налогом на имущество физических лиц. Их доля в налоговых доходах местных бюджетов составляет менее 10 %, а в общей сумме их доходов не достигает и 3 %.

Принцип самостоятельности бюджетов подкрепляется также правом и обязанностью соответствующих органов власти самостоятельно обеспечивать сбалансированность «своих» бюджетов. Действующее бюджетное и налоговое законодательство Российской Федерации практически не устанавливают конкретных механизмов, позволяющих законодательным и представительным органам субъектов Федерации и муниципалитетов обеспечить сбалансированность соответствующих бюджетов. Отсутствует положение, гарантирующее независимость нижестоящего бюджета от вышестоящего бюджета. Не предусмотрены в Бюджетном и Налоговом кодексах Российской Федерации и механизмы, способствующие обеспечить подобную независимость.

Для обеспечения самостоятельности местных бюджетов явно недостаточно просто провозгласить тезис о наличии собственных источников их доходов, более важно установить конкретный перечень, размер и уровень собственных доходов в доходах бюджета.

Нарушение принципа самостоятельности местных бюджетов подтверждает и тот факт, что в России государство приоритетно по отношению к муниципалитету, и приоритетом является финансовое обеспечение государственных полномочий, а не решение вопросов местного значения.

Во-первых, имеет место высокая степень зависимости муниципалитетов от финансовой помощи: например, в среднем объем финансовой помощи в бюджетах муниципальных образований с учетом доходов, полученных от дополнительных нормативов отчислений, достигает 70 %.

Во-вторых, существуют достаточно жесткие ограничения в расходовании бюджетных средств.

В-третьих, имеет место минимизация собственных налоговых полномочий.

В-четвертых, превалирование целевых межбюджетных трансфертов, предоставляемых муниципалитетам из вышестоящих бюджетов, прежде всего, в форме субвенций и субсидий. Возможность делегирования государственных полномочий муниципалитетам в одностороннем порядке сама по себе позволяет рассматривать систему местного самоуправления как некое продолжение государственной власти в финансово-бюджетном аспекте. Особенно когда доля субвенций в доходах муниципальных районов и городских округов Российской Федерации достигает порядка 30–60 % (Таблица 1).

Таблица 1 – Динамика структуры доходов местных бюджетов Российской Федерации, (%)

Показатели	2009 г.		2010 г.	
	Собственные доходы	Субвенции	Собственные доходы	Субвенции
В среднем по Российской Федерации	71,2	28,8	77,9	22,1
В среднем по Алтайскому краю	52,2	47,8	40,0	60,0

Причем, как видно из таблицы, отмечается резкое различие данного показателя. Если в среднем по местным бюджетам Российской Федерации удельный вес субвенций составляет не более 30 %, то в Алтайском крае (аграрном дотационном депрессивном регионе) – почти в два раза выше.

На сегодняшний день принципы самостоятельности бюджетов по-разному воспринимаются как самими участниками бюджетного процесса, так и законодателями регионального уровня.

Данные разногласия можно объяснить тем, что Бюджетный кодекс Российской Федерации не поясняет, почему, по каким классификационным признакам те или иные доходы включаются в группу собственных.

С принятием Налогового Кодекса Российской Федерации, количество местных налогов было сокращено с двадцати трех до пяти (земельный налог, налог на имущество физических лиц, налог на наследие и дарение, налог на рекламу, местные муниципальные сборы). В соответствии с действующим бюджетным и налоговым законодательством Российской Федерации осталось два налога: земельный налог и налог на имущество физических лиц, которые не покрывают значительную часть расходных обязательств.

Незавершенность государственного нормативно-правового регулирования вопросов, связанных с формированием налогооблагаемой базы местных налогов, приводит к серьезным проблемам в доходной части местных бюджетов.

Федеральное налоговое законодательство устанавливает в отношении местных налогов исключения из объектов налогообложения и виды налоговых льгот (которые покрываются из бюджета соответствующего уровня, хотя сами льготы предусмотрены федеральным законодательством). Следует отметить, что большинство региональных законодательных органов власти трактует свои полномочия по установлению налоговых льгот более широко, нежели это предусмотрено Налоговым кодексом Российской Федерации.

Налог на доходы физических лиц (НДФЛ) является основным доходным источником бюджетов муниципальных образований. По разным оценкам от 10 до 20 % организаций Российской Федерации применяют различные «серые» и «черные» схемы минимизации выплат, связанных с заработной платой работников. Уплата НДФЛ по месту работы, а не жительства налогоплательщика приводит к тому, что местные бюджеты недополучают финансовые ресурсы для развития инфраструктуры муниципальных образований и осуществления расходных обязательств.

Целесообразно установить порядок уплаты НДФЛ по месту жительства налогоплательщика, что позволит создать более благоприятные условия для проживания граждан.

Важнейшим перспективным источником расширения доходной базы местных бюджетов является совершенствование системы имущественных налогов, которые в соответствии с мировой практикой должны быть местными налогами. И тут основным источником может быть модернизация земельного налога.

В настоящее время значительное количество земель, которые могли бы служить источниками доходов муниципальных бюджетов, освобождено от уплаты земельного налога в результате принятых на федеральном уровне решений. При этом часть земель вообще не учитывается как объект налогообложения.

Кроме того, на территории муниципального образования к резкому сокращению доходной базы местного бюджета приводит то, что практически все земельные участки, занятые органами государственной власти, признаются ограниченными в обороте в целях обороны, безопасности и таможенных нужд и, следовательно, не должны являться объектом налогообложения земельным налогом.

Законодательно не урегулированы вопросы, связанные с определением кадастровой стоимости объектов недвижимости и порядка проведения их государственной кадастровой оценки. Основная проблема состоит во множестве поставщиков и неоднозначности информации, передаваемой в налоговые органы для определения сумм земельного налога.

Серьезным препятствием является недостаточность финансирования расходов на проведение работ по оценке стоимости земли, объектов недвижимости из местных бюджетов, которые не заинтересованы в финансировании указанных расходов ввиду незначительности поступления средств земельного налога.

Поступления налога на имущество физических лиц не являются серьезным источником доходов местного бюджета.

С одной стороны, правовые механизмы формирования имущественных прав физических лиц требуют совершенствования и дальнейшего развития. С другой – муниципалитеты имеют различный потенциал поступления данного налога, потому что собственность физических лиц, как и их доходы, дифференцирована по группам домохозяйств и неравномерна по территориям.

Что касается единого налога на вмененный доход, то органам местного самоуправления делегировано право устанавливать значение корректирующего коэффициента К₂. Для установления его обоснованных размеров необходимы детальная информация по видам деятельности и данные по конкретным налогоплательщикам. Ведение учета по видам деятельности налоговыми органами не осуществляется. В таких условиях принять полностью обоснованные значения К₂, учитывающие баланс интересов налогоплательщиков налога, с одной стороны, и бюджета, с другой, – крайне проблематично. Целесообразно одновременно с наделением муниципальных образований полномочиями по

установлению К2 предоставлять им право получения любой информации по данному вопросу в налоговых органах.

Межбюджетные трансферты, поступающие из регионального бюджета в местные, подчиняются в своем распределении общим принципам, на которых строится в современных условиях вся система трансфертного механизма в межбюджетном регулировании. Однако конкретные модели создания и распределения средств из различных фондов финансовой помощи муниципальным бюджетам на региональном уровне только формируются. В ряде случаев в основу разработанных методик оказания финансовой помощи посредством дотаций закладывается расчетный дефицит территории без оценки бюджетной обеспеченности. Или оценка бюджетной обеспеченности муниципальных образований осуществляется на основе фактических доходов и расходов местных бюджетов, что не позволяет объективно оценить финансовые потребности муниципалитетов в дополнительных средствах. Действующие методики – достаточно сложны и непрозрачны.

Дифференцированное установление отчислений в бюджет в существующих условиях также мало приемлемо, так как может явиться одной из форм административной дискриминации и правового произвола со стороны вышестоящего бюджета. Такой механизм не способствует стимулированию экономического развития, порождает паразитирование одних территорий за счет других. В результате экономический механизм регионального управления препятствует экономическому развитию страны, порождает дефицит бюджета как на территориальном, так и на региональном уровне.

Решению проблем местных бюджетов уделяется значительное внимание в среднесрочных и долгосрочных программах социально-экономического развития Российской Федерации.

«Концепция межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до 2013 года» одобренная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 августа 2009 г. N 1123-р подводит некоторые итоги государственной бюджетной политики в области формирования доходов местных бюджетов и определяет мероприятия по их укреплению.

Одним из ключевых моментов является дальнейшее развитие стимулов к увеличению доходов бюджетов муниципальных образований.

В документе отмечается необходимость предусмотреть в Бюджетном кодексе Российской Федерации требования к порядку определения объема дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городских округов) и дотаций на выравнивание бюджетов поселений, предусматривающие определение их объема исходя из необходимости достижения уровня бюджетной обеспеченности, устанавливаемого законодательными органами субъектов Российской Федерации.

Установить требования к порядку предоставления субсидий, предусматривающие недопустимость использования нескольких субсидий по одному направлению, определение четких конечных целей и сроков их достижения, по завершении которых предоставление субсидий должно быть прекращено.

Предполагается проведение анализа бюджетного и налогового законодательства Российской Федерации в целях определения проблем, препятствующих росту налогового потенциала муниципальных образований по местным налогам, и выявление путей их решения.

В «Бюджетном послании Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011–2013 годах» отмечается необходимость рассмотрения возможности участия органов местного самоуправления в осуществлении отдельных полномочий по администрированию местных налогов в соответствии с соглашениями, заключаемыми с налоговыми органами.

В целях усиления заинтересованности органов местного самоуправления в развитии малого и среднего предпринимательства, как следствие, в целях увеличения поступлений в местные бюджеты представляется целесообразным закрепить за бюджетами муниципальных районов и городских округов фиксированную величину отчислений от налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения.

При этом необходимо рассмотреть возможность предоставления органам местного самоуправления права определять отдельные элементы данного налога.

Потребуется и серьезная корректировка принципов предоставления межбюджетных трансфертов.

Методологическая помощь в реализации бюджетной политики возлагается на Правительство Российской Федерации

Проведение данного комплекса мероприятий должно способствовать стабилизации ситуации, вызванной кризисными явлениями, увеличению доходной части местных бюджетов, сокращению дотационности и повышению бюджетной обеспеченности.

Примечания

1. Воробьева Л. Т. Проблемы планирования доходов и расходов бюджетов // Финансы и кредит. 2010. №32.

2. Завьялов Д. Ю. Оценка эффективности выравнивания уровня бюджетной обеспеченности на субрегиональном уровне // Финансы. 2009. №8.

3. Информация о результатах мониторинга местных бюджетов Российской Федерации за 2009–2010 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minfin.ru>.
4. Пансков В. Г. К вопросу о самостоятельности бюджетов // Финансы. 2010. № 6.
5. Слепов В. А. Приоритетные направления развития межбюджетных отношений // Финансы. 2009. № 3.

Т. Э. ЗУЛЬФУГАРЗАДЕ

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТАНДАРТИЗАЦИИ В СФЕРЕ СПОРТИВНОГО ОБОРУДОВАНИЯ

Существенный количественный и качественный рост спортивных мероприятий национального и, что не менее значимо, международного уровня, ежегодно проводящееся в Российской Федерации, постоянное участие российских спортсменов во все большем количестве соревнований и по все большему числу видов спорта высоких достижений за рубежом, грядущая зимняя олимпиада «Сочи–2014», развитие детского и юношеского спорта, а также внедрение на территории России международных, общеевропейских и иных национальных стандартов, предопределили важность подготовки нового поколения профессионалов, обладающих не только достаточными знаниями и навыками в таких технических областях как стандартизация и метрология, но и в базовых областях гуманитарных знаний: иностранные языки, психология, сравнительное право, правовое и экономическое обеспечение управленческой деятельности, получившие таким образом умения переводить, правильно толковать, подавать документы на регистрацию и реализовывать на практике иноязычные нормативы и правила.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению развития стандартизации в сфере спортивного оборудования, определимся более точно с **понятием и основными направлениями стандартизации** в целом.

Стандартизация – деятельность (государственных органов или саморегулируемых организаций – СРО) по установлению правил и характеристик в целях их добровольного многократного использования, направленная на достижение упорядоченности в сферах производства и обращения продукции и повышение конкурентоспособности продукции, работ или услуг. Исключение из требования добровольности составляют те стандарты, которые призваны обеспечивать исполнение регламентов: они **обязательны**.

В систему стандартизации также входят рекомендательные правила и характеристики объектов технического регулирования для их добровольного применения, направленные на достижение упорядоченности в сферах производства и обращения продукции и повышение качества и конкурентоспособности продукции, работ или услуг.

К **основным документам по стандартизации** относят:

– стандарты:

- государственный военный;
- международный, межгосударственный и региональный;
- национальный;
- отдельных сфер регулирования;
- стандарт организаций;

– правила;

– условия.

Цели стандартизации – обеспечение:

- повышения уровня безопасности;
- качества и конкурентоспособности;
- единства измерений;
- рационального использования ресурсов;
- взаимозаменяемости технических средств;
- технической и информационной совместимости, сопоставимости;
- исполнения государственных заказов;
- добровольного подтверждения соответствия продукции;
- содействие соблюдению технических регламентов;
- и др.

Принципы стандартизации:

- добровольное применение стандартов;
- максимальный учет интересов заинтересованных лиц;

- международный стандарт как основа;
- недопустимость препятствования обращению продукции;
- непротиворечие регламентам;
- единообразию.

Предметная классификация стандартов:

Основополагающий стандарт – нормативный документ, содержащий общие или руководящие положения для определенной области. Обычно он используется либо как стандарт, либо как методический документ, на основе которого могут разрабатываться другие стандарты.

Терминологический стандарт – нормативный документ, содержащий определения терминов, примеры их применения и т.д.

Стандарт на методы испытаний – нормативный документ, устанавливающий методики, правила, процедуры различных испытаний и связанных с ними действий (например, отбор образца для проверки).

Стандарт на продукцию – нормативный документ, содержащий требования к продукции, которые обеспечивают соответствие продукции ее назначению. Данный стандарт может быть полным или неполным. Полный стандарт на продукцию устанавливает также правила отбора образцов для испытаний, порядок проведения испытаний и т.д. Неполный стандарт на продукцию содержит часть требований к продукции (например, только требования к правилам поставки и др.).

Стандарт на процесс (услугу) – нормативный документ, содержащий требования соответственно к процессу (например, к технологии производства) или услуге (например, оказание услуг в области автотранспорта, банковского обслуживания и т.д.).

Стандарт на совместимость – нормативный документ, устанавливающий требования к совместимости как продукта в целом, так и его отдельных частей. Данный вид стандарта может быть разработан на целую систему (например, на системы очистки воздуха, системы сигнализации и др.).

Стандарт с открытыми значениями – нормативный документ, содержащий перечень характеристик, которые конкретизируются в договорных отношениях (т.к. в некоторых ситуациях требования определяются поставщиками, а в других – потребителями).

Методическое положение – нормативный документ, содержащий методику, способ осуществления процесса, операции, с помощью которой можно достичь соответствия требованиям нормативного документа.

Описательное положение – нормативный документ, содержащий описание конструкции, состава исходных материалов, размеров деталей и частей изделия.

Уровневая классификация стандартов:

- Международные.
- Межгосударственные.
- Национальные стандарты.
- Отраслевые стандарты.
- Стандарты организаций.

Обратимся к **особенностям стандартизации в области физической культуры и спорта (ФКиС) в России.**

Российская национальная система стандартизации не уступает по широте охвата системам стандартизации развитых в экономическом отношении стран. При этом весь массив действующих документов по стандартизации представляет собой гигантскую, но не структурированную отрасль права, включающую около 400–500 тыс. документов, поэтому хозяйствующие субъекты могут даже не подозревать об их существовании.

Кроме того, в настоящее время даже на уровне законодательных актов Российской Федерации документы по стандартизации называются совершенно по-разному – нормативные документы, стандарты, условия, требования, нормативы, нормы и т.д.

Другая проблема – низкая степень гармонизации российских стандартов с международными, в том числе в сфере ФКиС. Это является неприемлемым в нынешних условиях, так как одним из основных принципов стандартизации является принцип «применения международного стандарта как основы разработки национального стандарта» (статья 12 Закона о техническом регулировании).

Уровень гармонизации документов, разработанных и действующих в сфере ФКиС, с международными документами, в целом, по предварительным оценкам, ниже, чем в промышленности Российской Федерации. Вопрос гармонизации документов, действующих в различных секторах в сфере ФКиС, нуждается в дополнительном анализе, принятии по его результатам необходимых решений с целью приведения документов в соответствие с требованиями законодательства о техническом регулировании и потребностями сферы ФКиС.

С вступлением в силу Федерального закона «О техническом регулировании» начался новый этап развития стандартизации, который связан с реализацией положений Закона и изменением статуса стандартов.

Государственные стандарты Российской Федерации трансформируются в национальные стандарты, которые совместно с международными стандартами могут служить основой для разработки технических регламентов, способствуют соблюдению обязательных требований, устанавливаемых в технических регламентах (пункт 8 статьи 7 Закона «О техническом регулировании»). В целях повышения конкурентоспособности продукции и услуг национальные стандарты могут содержать опережающие требования к ним.

Федеральным законом «О техническом регулировании» предусмотрен такой вид документа в области стандартизации как стандарт организации – единственный документ, в котором юридически закрепляются локальные требования, нормы и правила, необходимые для обеспечения деятельности организаций (в том числе в сфере ФКиС) в области технического регулирования.

В то же время разработка национальных стандартов, кроме прямого использования международных стандартов, и трансформации нормативных документов органов государственного регулирования может проводиться путем перевода на национальный уровень части стандартов ведущих компаний в сфере ФКиС. Однако стандарты организаций не являются элементом национальной системы стандартизации. Организации самостоятельно решают все вопросы разработки, утверждения, учёта, изменения и отмены своих стандартов.

Для использования во всей сфере ФКиС разрабатывается комплекс основополагающих стандартов, представляющий собой, вместе с техническими стандартами, общероссийскими классификаторами технико-экономической и социальной информации (в том числе правила их разработки и применения) систему стандартизации сферы ФКиС.

С учетом того, что стандартизация является инструментом технической политики в таких основных направлениях, как:

- обеспечение конкурентоспособности продукции;
- внедрение инноваций;
- устранение (устранение) технических барьеров;
- защита прав и интересов изготовителей и потребителей, деятельность по стандартизации

должна быть направлена на повышение качества и обеспечение безопасности продукции, услуг и объектов (обеспечение соблюдения требований технических регламентов), достижение максимального экономического эффекта за счёт отражения в стандартах различного уровня применяемых и разрабатываемых в сфере ФКиС передовых достижений науки, технических и спортивных технологий.

В этой связи предлагаем следующие **основные направления совершенствования российской системы стандартизации в сфере физической культуры и спорта**.

Для эффективного реформирования деятельности по стандартизации в сфере ФКиС необходимо решить следующие задачи.

1. Обеспечить создание и развитие Системы стандартизации сферы ФКиС, адаптированной к требованиям и запросам её участников и рынка. Разработать структуру системы стандартизации и функции её участников с использованием предшествующего российского и международного опыта.

2. Разработать правила и процедуры разработки и утверждения стандартов сферы ФКиС, в том числе, с целью повышения уровня гармонизации разрабатываемых и применяемых документов по стандартизации с международными документами.

3. Создать механизм разработки стандартов всех уровней в целях содействия соблюдению требований технических регламентов и направленных на повышение уровня безопасности, обеспечение охраны труда, экологию, информационную и техническую совместимость.

4. Обеспечить применение при разработке стандартов системных методов планирования.

5. Создать экономическую модель системы стандартизации, адекватную новым экономическим условиям, обеспечивающей привлечение всех заинтересованных сторон к работам по стандартизации и их финансированию.

Решению поставленных задач будет способствовать:

а) на уровне международной стандартизации: активное участие представителей органов по сертификации, Минспорттуризма России, научных организаций, саморегулируемых организаций, общественных объединений предпринимателей и потребителей сферы ФКиС в работе соответствующих технических комитетов Международной организации по стандартизации (ISO), а также использование опыта зарубежных стран, например, национальные стандарты Германии (DIN), Великобритании (BS), Канады (CSA), NIST (США) и др.; организаций и обществ в области спорта и здорового образа жизни, например, MFA, AFAA, ACSM, AFFA, SGMA, IHRSA и др., изложенного в соответствующих нормативных документах;

б) на уровне национальной стандартизации: активное и постоянное участие представителей органов по сертификации, федерального органа исполнительной власти, научных организаций, саморегулируемых организаций, общественных объединений предпринимателей и потребителей сферы ФКиС в работе технических комитетов по стандартизации, созданных (создаваемых) национальным органом Российской Федерации по стандартизации в таких приоритетных для сферы ФКиС направлениях, как медицина, образование, строительство; экология и защита окружающей среды, материалы и др.

в) на уровне корпоративной стандартизации:

- создание органа по добровольной сертификации
- реформирование деятельности по стандартизации в сфере в процессе развития Системы сертификации сферы ФКиС;
- приоритетная разработка стандартов сферы ФКиС в виде комплексов взаимосвязанных документов Системы стандартизации сферы ФКиС по направлениям деятельности ее предприятий и организаций.

Предлагаемые меры по реформированию деятельности по стандартизации должны быть учтены при формировании нового статуса стандартов и разработке комплекса основополагающих документов «Система стандартизации сферы ФКиС» (ТК/ТС) в соответствии с требованиями Федерального закона «О техническом регулировании».

Включение в государственные стандарты на оборудование, материалы и конструкции, транспортные средства показателей их энергоэффективности. Стандартизация является одним из признаков любого современного государства и является инструментом, применяемым одновременно в экономике, внутренней и внешней политике и науке. Сложно переоценить важность стандартизации в рассматриваемой сфере. По прогнозам ИСО/МЭК, стандартизация в области энергетических и минеральных ресурсов имеет пятый приоритет из 12 актуальных в период до 2010 г. направлений стандартизации. Расход электроэнергии на производственные нужды – это потребление электроэнергии районными котельными и электробойлерными установками, как состоящими на самостоятельном балансе, так и на балансе электростанций, а также на перекачку воды гидроаккумулирующими электростанциями и перекачивающими установками (приложение к Правилам учета электрической энергии, утв. Минтопэнерго 19 сентября 1996 г. и Минстроем 26 сентября 1996 г.). Основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим наиболее важные общественные отношения по поводу стандартизации, является Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», в частности его глава третья.

6. Сертификация энергопотребляющего, энергосберегающего и диагностического оборудования, материалов, конструкций, транспортных средств, а также энергетических ресурсов. Сертификация энергопотребляющей продукции и энергоресурсов является мощным инструментом правового регулирования как в экономической, так и в политической сферах. По своей сути сертификация является подтверждением соответствия продукции и ресурсов установленным требованиям путем выдачи соответствующего документа государственного образца (сертификата) и (или) нанесения специальных знаков, пометок (маркирование). Путем введения сертификации государство поощряет позитивные тенденции и одновременно ограничивает или запрещает тенденции нежелательные. Таким образом, сертификация является правовым инструментом одновременно и диспозитивным, и императивным.

7. Сочетание интересов потребителей, поставщиков и производителей энергетических ресурсов.

8. Заинтересованность юридических лиц — производителей и поставщиков энергетических ресурсов в эффективном использовании энергетических ресурсов достигается путем введения системы льгот и преференций.

Модернизации систем стандартизации спортоборудования в области ФКиС предполагается не только за счет средств федерального и регионального бюджетов, но и на условиях государственно-частного партнерства в данной сфере. Полагаем, что практическая реализация вышеперечисленных предложений позволит надлежащим образом обеспечить безопасность спортивных и физкультурно-оздоровительных услуг в нашей стране, а также обеспечить высокий уровень проведения спортивных соревнований любого уровня.

И. В. КОВРИЖНЫХ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ВОСПРОИЗВОДСТВО РАБОЧЕЙ СИЛЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Модернизация российской экономики является важнейшим условием эффективного инновационного развития страны. При этом стратегия инновационного развития страны опирается на одно из главных конкурентных преимуществ – на реализацию человеческого потенциала.

Развитие человека, инвестиции в человеческий капитал – это основная цель и условие прогресса будущей России. Сегодня важно понимание того, что рабочая сила – это инвестиционный товар, вложение в который осуществляется в надежде на отдачу в будущем.

Актуальность рассматриваемой проблемы объясняется тем, что объективно встает вопрос тесной увязки движения рабочей силы со структурными изменениями в экономике, с трудовыми отношениями, с социальной защитой работников и качеством их жизни. Научная новизна исследования заключается в методологическом подходе к воспроизводственным процессам. Анализ проблемы основан

вается на принципе единства стоимости и потребительной стоимости, которые формируют специфический рынок рабочей силы. Это позволяет выявить важные моменты в управлении движения рабочей силы в рамках предприятия, региона, общества.

В условиях рыночных отношений эффективное функционирование предприятий предполагает создание гибкой системы управлений, что делает необходимым своевременно дать качественную оценку использования рабочей силы во времени, в динамике ее движения, определить какой элемент структуры рынка рабочей силы является наиболее важным, чтобы экономически обоснованно воздействовать на этот процесс через механизм управления.

Каждый хозяйственный субъект нуждается в обоснованной информации о механизме движения общественного труда. Причем движение рабочей силы необходимо рассматривать в контексте фаз воспроизводственного процесса. От этого значительно зависит действительность всех стимулирующих систем хозяйствования.

Принято считать, что воспроизводство рабочей силы осуществляется только в рамках общества. Вместе с тем, в ее формировании, использовании, обновлении участвует капитал предпринимателя, домашнее хозяйство. Анализ показывает, что исходной стадией движения рабочей силы является ее формирование, которое определяется соотношением и структурой естественного и миграционного источников. В фазе производства рабочей силы происходит потребительное производство рабочей силы, способствующее укреплению здоровья и совершенствованию физического развития работника.

Распределение рабочей силы по отраслям экономики и предприятия является связующим звеном в системе управления. В фазе распределения рабочей силы взаимодействуют природные и социально-экономические факторы, что обуславливает необходимость сбалансированности капитала и совокупной рабочей силы соответствующих профессий и специальностей на предприятиях, отрасли, регионах, отдельных стран мирового хозяйства. На этой стадии складывается механизм включения и функционирования работника в составе наемного персонала, его отношение к труду и результатам труда, что зависит от степени совпадения интересов человека и работодателя.

Необходимо отметить процесс повторного распределения рабочей силы. Происходит движение работников между предприятиями и отраслями экономики между видами занятости и территориями. Для нормального воспроизводства рабочей силы необходим обмен, формы которого определяются отношениями собственности, при этом обмен носит товарный характер.

Определяющей фазой в системе управления является фаза потребления рабочей силы. Потребление рабочей силы предполагает наиболее рациональное ее использование на производстве, то есть реализации ее потребительной стоимости. Поэтому в современных условиях важно рассмотреть проблемы движения рабочей силы предприятия, прежде всего, с практической точки зрения, чтобы обоснованно воздействовать на процесс воспроизводства рабочей силы через управление на уровне, как предприятия, так и региона.

Что определяет свободную систему движения рабочей силы? Это, прежде всего, обособленность субъектов отношений рынка рабочей силы человека – владельца рабочей силы – производителя и потребителя рабочей силы – предприятие, государство. Речь должна идти об экономической обособленности субъектов товарных отношений на рынке рабочей силы. У каждого участника рыночных отношений имеется своя собственность: у продавца рабочей силы – способность к труду, у покупателя – рабочее место.

Важно, чтобы собственник рабочей силы как личность постоянно сохранял отношение к своей рабочей силе как к своей собственности. Поэтому право владения остается у работника, а покупатель рабочей силы имеет право лишь временно распоряжаться и пользоваться ею в процессе производительного потребления. Причем, речь должна идти о том, что неограниченная свобода товарно-денежных отношений может подорвать воспроизводство рабочей силы.

Возможно, что речь должна идти не просто о купле-продаже рабочей силы как о любом другом товаре, а об особых арендных условиях найма рабочей силы. Подобный подход к определению товара рабочая сила потребует пересмотра многих нормативных документов, что создает более обоснованные условия для реализации отношений субъектов на рынке рабочей силы. Причем, взгляд на природу рабочей силы как арендной категории не изменяет ее товарных характеристик: изменяется лишь характер движения, взаимодействия субъектов этих отношений.

Рабочая сила является товаром и по форме и по содержанию. Ее товарный характер определяется свойствами, а также характером инвестирования. Рабочая сила является товаром и потому, что осуществляет движение в рамках капитала, производственных фондов в товарной форме, подчиняясь законам обращения товаров, законам движения капитала, материальной базой которого являются технико-технологические факторы производства, объединенные кооперированным трудом. Рабочая сила является товаром, так как осуществляет воспроизводство через единство индивидуального, общественного воспроизводства и домашнего хозяйства.

В основе рассматриваемых явлений лежат стоимостные процессы. Стоимость рабочей силы не может сводиться к минимуму средств существования, она должна включать потребности, порожденные экономическими, социальными, культурными условиями формирования рабочей силы в конкрет-

ном регионе. Важно учитывать тот факт, что потребительная стоимость рабочей силы подвержена влиянию исторических и социальных условий и находится в прямой зависимости от способностей рабочей силы в постоянном динамичном развитии и совершенствовании.

У рабочей силы тесные и строгие рамки или границы потребительной стоимости и стоимости, которые определяют ее место в рыночных условиях воспроизводства. Речь должна идти, прежде всего, о движении рабочей силы как всеобщем элементе. Это процесс количественных и качественных изменений. Содержание непрерывности, характер оборота рабочей силы, его ритм определяется именно в процессе производства и зависит от него.

Производство выступает как носитель постоянного возобновления процесса труда во всем многообразии форм и связей. Рабочая сила как элемент производительных сил развивается. Каждый раз, когда человеку необходимо включиться в определенную конкретную деятельность, проявляется его способность к труду как целесообразной деятельности. Человек обладает соответствующими данному уровню развития производительных сил и конкретному производству свойствами. Причем данные свойства находятся в постоянном динамичном развитии и совершенствовании. Это такие качества, как воспитание, образование, профессиональная подготовка, квалификация, творческий уровень, психофизические свойства, культурный уровень, социально-психологические качества, социальная активность.

В процессе потребления рабочей силы не только реализуются отдельные стороны полезности рабочей силы, но и приумножаются в конкретных условиях производства, рабочего места. Это важное положение экономической теории, которое позволяет по-новому взглянуть на воспроизводство рабочей силы в целом и на рыночный механизм движения ее стоимости, полезности и особенно – предельной полезности, ибо граница потребления, потребности в данной конкретной рабочей силе проявляются на рабочих местах.

Так как спецификой движения рынка рабочей силы является осуществление свободной системы воспроизводства, речь должна идти о движении рабочей силы предприятия, в первую очередь, так как именно на нем осуществляются основные периоды воспроизводства рабочей силы.

В стране до сих пор осуществляется процесс простого воспроизводства рабочей силы, причем он затрудняется низкой долей фонда заработной платы в национальном доходе. На деле произошел отрыв заработной платы от требований закона возмещения затрат рабочей силы даже в размере прожиточного минимума. Заработная плата покрывает лишь часть расходов, другую часть должно взять на себя государство. При этом важно учитывать динамику изменения всех качеств рабочей силы и потребности в ней, чтобы рационально управлять ее движением. Особое место отводится региональной политике в данном вопросе. Необходимо планировать и прогнозировать, обосновывать систему движения рабочей силы.

Рабочая сила – фактор не только экономический, но и социальный, что требует учета движения рабочей силы на уровне предприятия, региона, страны. Поэтому речь должна идти о системе механизмов влияния на процесс движения рабочей силы частных и государственных предприятий, частных предпринимателей, саморегулирование со стороны работника и прочее.

Движение рабочей силы предприятия создает возможность воспроизводиться самому капиталу и обуславливает воспроизводство социально-экономических условий с учетом развития производительных сил и производственных отношений. Механизмом создания материальной основы данного процесса является механизм заработной платы, которая свободна с позиций движения рабочей силы, в то время как фонд заработной платы, являясь денежным капиталом, ограничен издержками и фондом возмещения на предприятии.

Движение этих форм объективно обусловлено единством индивидуального и общественного воспроизводства, осуществляемого через единство меры труда и меры потребления.

Поскольку заработная плата является мерой конкретного индивидуального труда каждого работника, то ее количественная и качественная определенность – дело предприятия. Но так как заработная плата связана с мерой потребления, реализуемой обществом, она должна корректироваться на величину имеющегося фонда индивидуального потребления. Отсюда в современных условиях необходимо сочетание общественного регулирования фонда заработной платы и самостоятельностью его использования.

Таким образом, спецификой движения рабочей силы является осуществление свободной системы воспроизводства. При этом рабочая сила рассматривается как динамичная категория. Ее стоимость и потребительная стоимость постоянно изменяется в процессе создания и потребления. Это во многом определяет специфику регионального рынка рабочей силы.

Управление трудовыми ресурсами как система в регионе включает внепроизводственное звено (подсистемы формирования и распределения) и внутрипроизводственное звено (внутрифирменное использование рабочей силы). Они взаимосвязаны между собой и образуют единый воспроизводственный процесс. Механизм движения рабочей силы помогает определить возможности использования выявленных закономерностей в управлении хозяйственными процессами на предприятии и в обществе в целом.

Наряду с проблемами производственного характера, возникают вопросы нравственные и психологические в процессе движения рабочей силы. Поэтому «на местах» должно осуществляться своего рода социальное маневрирование. Важно учитывать элементы стихийного на рынке рабочей силы, такие как стоимость и цена рабочей силы, спрос и предложение, конкуренция, закон стоимости колебание цен на факторы производства, неоднородность рабочей силы и ее неравновесное соотношение, предельная полезность и другие.

Одновременно возникает необходимость в целенаправленном воздействии на рынок рабочей силы. Это означает, что в единой системе общественного производства условия жизни человека, его способности к труду и отношения по поводу формирования, использования и обновления рабочей силы выражают необходимость регулирования процесса движения со стороны общества в целом.

В современных условиях вопросы совершенствования регулирования рыночных процессов на предприятии ставит общество перед необходимостью приведения в соответствие производительных сил и производственных отношений. Поддержание связей предприятия, регионов с внешней средой предполагает участие государства в системе управления движением рабочей силы. Важно подчеркнуть, что планирование, финансирование, контроль за процессом движения рабочей силы во всех фазах воспроизводства должен осуществляться обществом в целом.

Таким образом, эффективность использования той или иной формы регулирования обусловлена значением ее в общественном и индивидуальном воспроизводстве рабочей силы конкретным содержанием, параметрами функционирования во времени и пространстве, возможностями быстрого реагирования на потребности предприятия, региона и общества в целом. При этом в центре внимания должен быть человек, с его потребностями и возможностями, так как только уверенный в завтрашнем дне работник способен развивать свой творческий потенциал.

В ближайшие годы регионы будут конкурировать за трудовые ресурсы. Важно учитывать ряд моментов для принятия оптимальных управленческих решений: адаптировать учебные программы в вузах под потребности экономики региона, привлекать квалифицированные кадры, разрабатывать привлекательные социальные пакеты и т.д.

Сегодня образовательный потенциал России недоиспользуется, около половины выпускников учебных заведений не работают по полученной специальности, что приводит к неэффективному использованию рабочей силы в обществе.

За годы трансформации экономики произошло ухудшение качества рабочей силы и условий воспроизводства. Поэтому исследование проблемы инвестиций в человеческий капитал тесно связано с существующей проблемой повышения эффективности используемых производительных сил в условиях внедрения инновационных технологий. При этом важно анализировать и оценивать выгоды инвестиций в человеческий капитал с точки зрения воспроизводственного процесса.

Н. С. ЛИСИЦЫНА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ

Формирование подходов, основанных на концепциях стратегического управления, является важной задачей компании, рассчитывающей на долговременный успех на рынке в современных условиях. К сожалению, в настоящее время руководители многих фирм недооценивают значение бизнес планирования и грамотного стратегического управления. Тем не менее, грамотное бизнес планирование необходимо не только вновь создающимся фирмам и уже существующим.

Выбор маркетинговой стратегии для уже существующей фирмы, осуществляется в несколько этапов.

Прежде всего, выявляются конкурентные преимущества фирмы. Для оценки возможности успешного выхода компании на рынок сопоставляются данные анализа внешней и внутренней среды и на их основе проводится сравнение характеристик данной фирмы с аналогичными характеристиками конкурентов, а также с ожиданиями потребителей и партнеров.

Фирма определяет свои сильные и слабые стороны и выделяет те направления, в которых она может добиться успеха. Представление о собственных конкурентных преимуществах делает возможным разработку стратегий.

Далее разрабатывается базовая стратегия, т.е. краткое описание того, как компания собирается достичь своих целей на глобальном рынке.

Опираясь на принятую базовую стратегию, руководство компании проводит анализ портфеля подразделений компании на всех уровнях: от общекорпоративного, где существует ряд крупных хозяйственных подразделений, через уровни стратегических хозяйственных подразделений, каждое из которых состоит из ряда линий продуктов; до уровня линий продуктов, где каждая линия рассматривается как портфель из нескольких продуктов.

Анализ портфеля подразделений компании – последняя ступенька перед принятием решений о выборе маркетинговых стратегий, специализации и размещении производства.

Анализ портфеля подразделений компании на корпоративном уровне предполагает рассмотрение географических и продуктных рынков, а также доступных технологий.

На уровне SBU (Strategic Business Unit – Стратегические бизнес Единицы, – это самостоятельные подразделения в рамках одной фирмы, отвечающие за конкретный товар или товарную группу, с концентрацией на конкретном рынке и управляющим, наделенным полной ответственностью за объединение всех функций в одну стратегию) рассматриваются линии продуктов, различные сегменты рынков и альтернативные варианты выхода на рынок. На уровне продуктных линий оцениваются различные маркетинговые стратегии для продуктов. Результаты всех направлений данного анализа взаимосвязаны и должны оцениваться одновременно.

Подходы к определению и формулированию стратегических и оперативных решений и методы их реализации существенно отличаются. Можно сформулировать следующие основные признаки, по которым различаются стратегический и оперативный менеджмент.

1. Уровень разработки.

Стратегия разрабатывается на самом высоком уровне управления компанией, в штаб-квартирах и крупных дивизионах. Оперативные решения принимаются на более низких уровнях управления.

2. Регулярность.

Формулирование стратегии есть, с одной стороны, непрерывный, с другой, нерегулярный процесс. Необходимость в уточнении стратегии возникает чаще всего в случаях появления кризисов, новых идей, возможностей и управленческих инициатив. Оперативные решения принимаются в условиях более определенных и регулярно, а процесс принятия тактических решений, как правило, представляет собой циклический процесс с установленным временным графиком.

3. Неопределенность.

Степень неопределенности при формулировании и реализации стратегии существенно выше, чем при принятии оперативных решений.

4. Количество возможных альтернатив.

Число возможных альтернатив, которые следует принимать во внимание при принятии стратегических решений, существенно больше, чем в процессе оперативного управления. Природа решаемых проблем. Стратегические проблемы, как правило, неструктурированы. Оперативные проблемы обычно структурированы и часто имеют аналоги.

5. Потребляемая информация.

Для формулирования стратегии необходим громадный объем информации не только и даже не столько внутреннего характера. Необходимо принимать во внимание массу различных данных, содержащих сведения об окружающей предпринимательской среде. Очень часто эти данные необходимо экстраполировать в будущее. В противоположность этому, информация для оперативных решений большей частью – внутренняя информация компании, описывающая прошлое.

6. Временные горизонты.

Стратегический план определяет долгосрочные цели и задачи стратегической бизнес единицы (SBU). В современной литературе предлагается разрабатывать его на 3–5-летний период.

Длительность стратегического плана маркетинга существенно зависит от отрасли, в которой действует SBU. Оперативный (или тактический) план маркетинга обычно является годовым и является более детализированным, чем стратегический.

7. Соподчинение.

Стратегические решения являются основой для принятия оперативных. Тактика формулируется в рамках принятых стратегий и реализуется для достижения стратегических целей.

8. Детализированность.

Стратегия формулируется широко и гораздо менее детализирована, чем оперативные решения.

9. Персонал, вовлеченный в процесс принятия решений.

Оперативные решения вырабатывает и реализует средний управленческий персонал, в то время как принятие стратегических решений – прерогатива высшего руководства.

10. Точность оценки.

Эффективность принятых стратегий оценивать гораздо сложнее сравнительно с результатами реализации оперативных решений. Очень часто последствия стратегических решений проявляются только со временем, когда становится трудно, а иногда и невозможно выделить степень воздействия различных факторов. Последствия оперативных решений чаще всего приближены к моменту принятия решения и в силу этого, как правило, очевидны.

Выработка стратегий компании осуществляется с помощью формализованных процедур, которые описаны широко описаны, по этапам и применяемым техникам анализа и моделирования, в соответствующей литературе. Коротко остановимся на алгоритме построения стратегического управления.

Кратко его можно представить в виде блоков, представленных Схемой 1.

Схема 1 – Алгоритм построения стратегического управления

Коротко остановимся на некоторых блоках.

I. МИССИЯ

Процесс стратегического управления начинается с формулировки миссии (Mission Statement) или заявления о предназначении фирмы. Миссия – это краткое, но четкое определение целей и приоритетов компании. Миссия фирмы должна вызывать доверие как у сотрудников фирмы, так и у клиентов, как настоящих, так и потенциальных.

Обычно определение миссии организации преследует решение следующих задач.

1. Выявить область активных действий организации и отсеять пути развития, которые ведут в никуда.
2. Определить основные принципы конкурентной борьбы.
3. Выработать общую базу для разработки целей организации.
4. Выработать концепцию деятельности, вдохновляющую сотрудников организации.

При разработке миссии учитываются следующие группы факторов.

1. Истории возникновения и развития организации, ее традиций, достижений и промахов, сложившийся имидж.
2. Существующий стиль поведения и способ действия собственников и руководителей.
3. Ресурсы, т.е. все то, чем организация может управлять: наличные денежные средства, признанные продуктовые марки, уникальные технологии, талант сотрудников и т.п.
4. Окружающая среда, представляющая совокупность всех факторов, которые воздействуют на возможности организации достигать своих целей с помощью выбранных стратегий.
5. Отличительные достоинства, которыми обладает организация.

Миссия не содержит конкретных указаний относительно того, что, как и в какие сроки следует делать организации. Такие сведения получаются при формулировании целей организации.

II. ЦЕЛИ

Цели, которые устанавливает для себя фирма, уточняют и детализируют фирменное заявление о предназначении, а так же дают ясное представление о направлении развития. Важная задача постановки целей – утверждение стандартов для оценки деятельности организации.

Определение сферы бизнеса, целеполагание, определение краткосрочных и долгосрочных задач (программ), определение стратегии достижения цели образует стратегический план.

III. SWOT-АНАЛИЗ

SWOT-анализ получил свое название от английских терминов Strengths (Силы), Weaknesses (Слабости), Opportunities (Возможности) и Threats (Угрозы).

SWOT-анализ включает в себя внутренний анализ сильных и слабых сторон фирмы, а также внешний анализ возможностей, которые несет в себе окружающая среда (под окружающей деловой средой принято понимать так называемые внешние группы давления, т.е. структуры внешней среды, оказывающие влияние на поведение фирмы), и угроз, таящихся в ней, а далее — установление цепочек связей между ними, которые в дальнейшем могут быть использованы для формулирования стратегий организации.

IV. ВЫБОР СТРАТЕГИИ

Выбор эффективной стратегии, соответствующей внутренним параметрам инновационного предприятия и его положению на рынке, базируется на результатах SWOT-анализа.

На основании последовательного рассмотрения всех выше перечисленных факторов принимаются решения по корректировке целей и стратегий предприятия, которые и определяют ключевые моменты организации деятельности.

Так же оценить потенциальные возможности предприятия, степень риска, а так же составить четкое представление о стратегии предприятия, позволяет бизнес план.

Бизнес-план является как инструментом для привлечения инвестиций, так и основой внутрифирменного планирования. Последовательность составления и принципы детализации бизнес-плана для разных компаний и проектов не совпадают.

При составлении бизнес-плана необходимо учитывать, что это всегда итерационный процесс, подразумевающий внесение изменений на основе вновь полученной информации и применения различных сценариев. В то же время существует внутренняя логика структуры бизнес-плана и общепризнанные принципы его разработки.

Резюмируя выше сказанное, хотелось бы обратить внимание на необходимость сведения указанных выше планов в единый документ.

С. М. САЛАШНЕВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ИННОВАЦИИ – ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Понятие инновация в экономической науке разработано австрийским экономистом Й. Шумпетером. Инновация это новый взгляд на какой-то известный процесс, успешное применение нового изобретения или открытия в экономике и других сферах деятельности. Русский экономист Н. Д. Кондратьев писал, что изменения в технике, несомненно влияют на экономическое развитие.

В настоящее время большое внимание уделяется вопросу необходимости модернизации российской экономики. Это в значительной мере объясняется современным технологическим отставанием России от ведущих стран и определяется как уровнем технологической и инженерной культуры, так и состоянием науки и образования.

Решение многих из стоящих перед Россией проблем непосредственно зависит от скорости внедрения инновационного прогресса и путей его решения. Примером инновационного соперничества нашей страны, могут служить реализованные проекты в атомной и космических отраслях в 1940–1960 гг., что повлияло и на расстановку сил во всем мире.

В 1970–1980 гг. в инновационном соревновании Советский Союз начал терять свои позиции. Этот период стал характерен неэффективностью использования интеллектуального потенциала. Максимальный уровень производительности труда в СССР составил всего 29,4 % от американского. В настоящий период производительность труда по-прежнему составляет всего 30 % от американского. За прошедшие 25 лет в нашей стране производительность труда повысилась всего на 0,6 %.

Подтверждением взаимосвязи и экономического роста, и устаревшей технической базы может служить рост ВВП за период с 2001 по 2010 гг.

На этот период было предусмотрено удвоение ВВП, но по предварительным данным его рост составил всего 59,2 %. Основной же причиной российского роста называется экспорт, в котором 85 % составляли нефть, газ и металлы. Удвоить ВВП не удалось в значительной мере за счет кризиса, в 2009 г. экономика страны сократилась на 7,9 %. Однако дело не только в кризисе. Наличие большой доли оборудования со сроком службы более 50 лет, а его в России на настоящий момент более 80 %, является фактором, тормозящим экономический рост, и отрицательно влияет на его темпы.

Согласно «Российскому экономическому индексу», самая большая доля компаний в России, осуществляющих инвестиции, приходится на табачную отрасль – около 40 %. При производстве телекоммуникационного оборудования 36,6 %, в авиакосмической промышленности – 33,6 % и в нефтепереработке – 32,7 %. В остальных отраслях инновации внедряют менее четверти компаний. В целом только 9,4 % российских компаний занимаются инновациями. В целом за 2010 год российский бизнес потратил на инновации 358,9 млрд руб. Собственные же разработки ведут только 16 % компаний, остальные же закупают уже готовые технологии. Основными отраслями высокотехнологичного экспорта являются производители неэлектрических машин и химическое производство.

В новом десятилетии модель экономического роста базируется на инновационном развитии. Инновации имеют ряд особенностей: во-первых, значительную часть всех расходов на инновационную деятельность составляет заработная плата научного и технического персонала, создающего базу новых знаний; во-вторых, научные исследования не дают гарантии получения положительного результата; в-третьих, значительную часть исследований нельзя провести из-за отсутствия собственных средств.

Инновации может осуществлять государство, бизнес и меценаты.

Приоритетом инновационной модели на десятилетие является преимущественно государственное регулирование, для реализации которой создана государственная президентская комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики, а также правительственная комиссия по высоким технологиям и инновациям. Приняты и законодательные меры, направленные на стимулирование инновационных процессов.

В частности внесены поправки в закон о техническом регулировании. В федеральном законе № 217 говорится о создании малых инновационных предприятий при вузах и академических института. На сегодня при российских вузах создано уже более 400 малых инновационных предприятий. Внешены поправки и в иммиграционное законодательство. Иностранцу дается право беспрепятственно приезжать в Россию при установленной заработной плате на уровне 2 млн. руб. Серьезные меры приняты и по отношению к крупному частному бизнесу. На президентской комиссии было принято решение, в соответствии с которым заявки на крупные инновационные проекты с целевым объемом продаж к 2015 г. не менее 15 млрд. руб. будут поддержаны государством.

Необходимо совершенствование экспортного контроля, совершенствование налогообложения – в частности, освобождение от налогообложения прироста капитала, который должен стать инструментом государственного содействия инновационной политике. Могут ускорить инновационный процесс и такие меры, как уменьшение налоговой базы на сумму налогов на НИОКР, грамотное использование права на ускоренную амортизацию.

Определенная работа по модернизации экономики проводится и на территории Алтайского края.

Одобренная АКЗС «Программа социально-экономического развития края на период до 2012 года» приняла статус закона и призвана объединить ресурсы, и обеспечить рост инвестиционной активности. Прошедший год в крае характеризовался увеличением промышленного производства, улучшением финансового положения предприятий. По многим показателям темпы роста опережали общероссийские.

Принимаемые в настоящее время меры по модернизации начинают давать определенные результаты. Начиная с июля 2010 г. в крае наблюдается восстановление инвестиционной активности предприятий. За прошлый год темп роста вложений в основной капитал составил 118 %, или 55,8 млрд. руб. По уровню производственного потенциала край сегодня занимает 28 место в России.

Получил официальное признание и одобрение на федеральном уровне проект «Комплексное развитие Алтайского Приобья», который открывает дополнительные возможности по привлечению в край инвестиций, созданию новых рабочих мест, росту доходов населения.

В Бийске утверждены направления научной, научно-технической и инновационной деятельности. Это создает условия для развития наукоемких отраслей промышленности и модернизации производства. Так, в рамках утвержденных для города приоритетов науки и техники, за прошедшие пять лет реализовано более 200 инновационных проектов. Сегодня наукоград выступает площадкой для отработки новых механизмов региональной научно-технической политики и играет ключевую роль в формировании инновационного направления экономики Алтайского края. В частности на «Алтике» освоен выпуск радио – и магнитопрозрачных корпусов, контейнеров для защиты геофизических приборов при исследованиях нефтяных и газовых скважин, стеклопластиковых труб различного диаметра и назначения. Для производства этих труб используется лента из синтетических волокон, которая пропитывается специальной смолой и наматывается на металлическую болванку слой за слоем. Высыхает и получается легкая и высокопрочная труба. Предприятие за счет государственной поддержки частично компенсировало расходы на покупку нового оборудования, и теперь ее продукция не имеет аналогов в Сибири. В «ИЭС-Металлоцентре» разработали и производят формовочные агрегаты строительных блоков. В качестве наполнителя применяются отходы лесопереработки, которые смешиваются с цементом, специальными добавками и прессуются. При высокой экономичности блоки обеспечивают лучшее теплоснабжение при возведении индивидуального жилья.

Более 20 млн. рублей, выделенных городу из федерального, краевого, а так же городского бюджетов, направлены на исследование и разработку новых продуктов, приобретение новых машин и оборудования для осуществления технологических инноваций и новых технологий.

Преимуществом новой формы поддержки является ее адресная направленность на развитие приоритетных видов деятельности. Для Бийска – это, прежде всего, предприятия малого и среднего бизнеса, представляющие научно-инновационный комплекс города.

По данным крайстатуправления по развитию предпринимательства в целом по Алтайскому краю 36 муниципальных предприятий региона получили господдержку. Из краевого бюджета на эти цели было направлено 6 млн. руб. и 23,7 млн. руб. – федеральные средства. Деньги получили 782 предпринимателя: на субсидирование части банковской процентной ставки по кредитам, возмещение части арендной платы объектов недвижимости, возмещение части затрат инновационным компаниям.

Администрацией Алтайского края заключено соглашение о сотрудничестве с общественной организацией «Деловая Россия». Документом предусматривается создание благоприятных условий для развития предпринимательства и улучшения инвестиционного климата в Алтайском крае.

В крае в настоящее время в стадии разработки находится ряд взаимосвязанных нормативных актов, позволяющих повысить возможности привлечения кредитных ресурсов банковской системы и предприятий для реализации инвестиционных проектов. В числе этих документов – положение о региональном инвестиционном фонде Алтайского края. Также идет разработка краевой программы, направленная на улучшение инвестиционного климата в регионе, создание благоприятной администра-

тивной среды для инвесторов. Ведется подготовка закона Алтайского края о государственно-частном партнерстве. Привлечение ресурсов Общероссийской организации «Деловая Россия» к созданию благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности на территории края позволит обеспечить выработку согласованных и действенных программ для улучшения инвестиционного климата нашего региона и модернизации экономики.

О. М. СЛЕСАРЧУК

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исторически сложившиеся различия в экономическом развитии регионов России оказывают значительное влияние на государственное устройство, структуру и эффективность модернизации экономики.

Уменьшение различий в экономическом развитии создает благоприятные условия для развития внутреннего рынка, оптимизации социально-экономических преобразований, укрепления единства российского государства, в то время как усиление различий затрудняет проведение единой политики социально-экономических преобразований и формирование общенационального рынка, увеличивает опасность возникновения региональных кризисов и межрегиональных конфликтов, дезинтеграции национальной экономики и ослабления целостности государства.

С началом рыночных преобразований различия в социально-экономическом развитии регионов стали усиливаться, что можно объяснить двумя причинами: наличием регионов с разной структурой экономики и значительным ослаблением регулирующей роли государства.

Оценка социально-экономического развития федеральных округов в 2010 г. показывает, что в каждом из них имеются неблагоприятные регионы. В наихудшем положении находятся Сибирский, Дальневосточный и Южный федеральные округа [1, с. 324-327].

Комплексная оценка динамики развития субъектов РФ, входящих в Центральный федеральный округ, позволяет сделать вывод о некоторой стабилизации социально-экономического положения в них.

Оценка социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа позволяет сделать вывод об улучшении ситуации. Вместе с тем ухудшились показатели развития отраслей социальной инфраструктуры и уменьшились объемы инвестиций в основной капитал на душу населения.

Экономические преобразования и структурная перестройка сопровождались усилением межрегиональных различий в уровне жизни и занятости населения, расслоением регионов по основным социально-экономическим параметрам. Нарастание межрегиональных контрастов и концентрация нерешенных социально-экономических проблем в отдельных регионах привели к обострению социальной напряженности, усилению региональных конфликтов.

Для преодоления возникших негативных тенденций предусматривается проводить социальные реформы с максимальным учетом объективных особенностей регионов.

Целью социальной региональной политики является сбалансированное региональное развитие, гарантирующее равные качество и условия жизни для населения вне зависимости от региона, в котором люди живут и работают.

Основными направлениями социальной региональной политики являются:

- выравнивание межрегиональных различий в доходах населения, уровне занятости, социальной инфраструктуре, транспортной сети, коммуникациях, состоянии окружающей среды и т.п.;
- обеспечение на всей территории страны государственных стандартов и гарантий, дифференцированных с учетом объективных особенностей регионов;
- предоставление региональным органам власти и управления реальных возможностей по обеспечению минимальных государственных стандартов;
- выравнивание возможностей для проведения социальных реформ в регионах с различными стартовыми условиями [2, с. 148].

В региональной социальной политике должны также найти отражение вопросы, связанные с развитием и совершенствованием федеративных и национальных отношений с учетом интересов этноса и народностей, проживающих на данной территории.

При решении крупномасштабных и острых социальных проблем потребуется обеспечить взаимодействие федеральных органов государственной власти с органами власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления.

Достижение этих целей будет обеспечено через реализацию трех основных механизмов:

- выравнивание условий бюджетного финансирования социально значимых расходов;
- поддержка социальных реформ и социального развития проблемных регионов;

- адаптация социальных реформ к условиям зоны Севера.

Бюджетное выравнивание является основным инструментом реализации региональной социальной политики. Его использование должно осуществляться в рамках общего механизма межбюджетных отношений на базе принципов бюджетного федерализма.

В 2011–2012 гг. особое внимание должно быть обращено на депрессивные регионы, территории, попавшие в кризисную ситуацию в результате стихийных бедствий, экологических катастроф, военных действий, острых межнациональных конфликтов, а также на регионы, принимающие нерегулируемые потоки беженцев и вынужденных переселенцев.

Поддержка депрессивных регионов должно осуществляться через активизацию действующих рычагов и механизмов развития предпринимательства, диверсификации сферы приложения труда, привлечения частных (в том числе иностранных) инвестиций, реструктуризации предприятий, переподготовки кадров и других. В особо сложных ситуациях возможно введение более мягкого режима ликвидации государственных (казенных) предприятий, приоритетное распределение государственных заказов (особенно оборонных), оказание технической помощи предприятиям в проведении инвестиционных торгов, организации новых эмиссий акций, подготовке бизнес-планов.

Важнейшим направлением модернизации экономики является разработка программ для регионов социального неблагополучия, то есть территорий с низким уровнем жизни населения, слабым развитием социальной сферы или сосредоточением особо острых социальных проблем (попавшие в кризисную ситуацию в результате стихийных бедствий, экологических и техногенных катастроф, военных действий, острых межнациональных конфликтов, а также на регионы, принимающие нерегулируемые потоки беженцев и вынужденных переселенцев).

Нарастание межрегиональных контрастов и концентрация нерешенных социально-экономических проблем в отдельных регионах привели к обострению социальной напряженности, усилению региональных конфликтов. Целью социальной региональной политики является сбалансированное региональное развитие, гарантирующее равные качество и условия жизни для населения вне зависимости от региона, в котором люди живут и работают

Государственное участие в регулировании рынка должно обеспечивать экономический порядок, при котором социальные отношения между членами общества реально формируются в соответствии с господствующими понятиями и общепринятыми правовыми нормами и нормами социальной защищенности и социальной справедливости.

Социальные обязательства общества состоят в обеспечении достойного прожиточного уровня и благосостояния своим нетрудоспособным или относительно нетрудоспособным членам, пенсионерам, а также тем, кто не может работать с высокой нормой прибыли в силу особенностей профессии.

Государство своим присутствием в рыночных процессах должно соединять интересы конкуренции, частной инициативы и получения высоких доходов с социальным прогрессом и социальной справедливостью для всех членов общества. Рыночное хозяйство может и должно ограничиваться во имя более высоких общественных целей там, где оно приводит к социально нежелательным результатам, и таким образом оно трансформируется в социальное рыночное хозяйство.

В силу социальных причин определенные блага в рыночной экономике могут быть коллективными или предлагаться по фиксированным государством ценам. Мы считаем, что через проверку на социальную пригодность нужно проводить жилищную реформу, тарифную политику монополий, пенсионную реформу и политику зарплаты работников бюджетной сферы.

Следует отметить, что государственное присутствие в социальном рыночном хозяйстве может снижаться лишь по мере достижения паритета в создаваемом богатстве, инвестициях и уровне потребления основной части населения.

Таким образом, государственное присутствие в российской экономике не должно превращаться в государственное администрирование или перераспределение экономических и социальных благ. Важнейшей задачей в обеспечении принципа социальной справедливости должна стать выработка тех инструментов воздействия на рыночные процессы, которые позволят преодолеть в первичном распределении национального дохода гипертрофированное перекачивание капитала в спекулятивный оборот, вернуть инвестиционные средства в структуру цен реальных товаропроизводителей, повысить вознаграждение за труд и расширить платежеспособный спрос большинства населения до достойного уровня.

Примечания

1. Социальное положение и уровень жизни населения России: сб. стат. М., 2011.
2. Куприянова А. А. Региональная экономика. М, 2011.

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ УЛУЧШЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭКОНОМИКЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Инновация – это понятие, означающее изобретение или научную идею, которое предполагает создание некоего конечного продукта, дающего прибыль. Проблематика нововведений в нашей стране на протяжении многих лет разрабатывалась в рамках экономических исследований НТП.

Проблемами управления инновационных технологий России в обществе на данном этапе развития следует считать: снижение работоспособности производственной базы ключевых отраслей; снижение потенциала прикладной науки, развитие которой и определяет новые источники развития экономики; Состояние системы образования. Оно явно не соответствует требованиям перевода страны на инновационный курс развития. В системе школьного образования навязывание ЕГЭ может привести к падению креативного потенциала страны. По оценке Д. А. Медведева: «За последние годы у нас полностью разрушена система начального и среднего технического образования».

Таким образом, наблюдается очевидный регресс, а не инновационное развитие России. Фактически осуществлена деиндустриализация страны. Национальная инновационная система (НИС) существует только на бумагах чиновников.

В 2008 г. впервые за все постсоветские годы государство решилось взять стратегическую инициативу российского развития в свои руки. Это нашло воплощение в мероприятиях: министерством экономического развития принята концепция долгосрочного развития страны до 2020 г., в которой рассмотрены аспекты инновационного развития России; сегодня в инновационном развитии ведущую роль традиционно играет линейная модель инноваций. Согласно этой модели разработанная фундаментальная научная идея воплощается в прикладных исследованиях; в дополнение к линейной модели в развитых странах постепенно внедряется «модель множественных источников инноваций», в соответствии с которой инновации могут возникать в любой части инновационной системы. Анализ двух базовых моделей инноваций позволяет сделать вывод, что в центре внимания остается проблема поиска оптимального сочетания нормативного и субъектного подходов. При решении этой проблемы имеет место в большинстве случаев неосознаваемый конфликт двух парадигм: «поддержки инноваций и поддержки конкретных субъектов инновационной деятельности».

Самый трудный и драматический вопрос – вопрос о субъектах инновационного развития, готовых определять образ будущего, взять на себя бремя и ответственность за осуществление намечаемых целей и задач. Имеется в виду наличие и реальное состояние тех общественных и политических субъектов или претендентов на статус таковых, которые не только выражают желание, но и обладают волей и ресурсами, чтобы осуществить проект на практике.

Самый субъективный фактор – причина инертности всех основных участников модернизационного процесса (государство, общественные и политические сообщества, социальные институты). Главные его симптомы: блокировка рефлексии; неспособность объективно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться; отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Указанные симптомы «грубо и зримо» проглядывают в образе мышления и действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти, что достаточно точно фиксируется аналитиками.

Создаваемая «вертикаль власти» задумывалась для решения тактических задач и к настоящему времени не доказала, что она способна решать стратегические проблемы. Она в значительной своей части – не вертикаль власти, а горизонталь преклонения перед «силой» денег. И пока этот культ не будет преодолен, «горизонталь власти» будет действовать в его интересах.

«Вертикаль власти» только кажется управляемой по вертикали. Это иллюзии: высокая управляемость при высоком уровне коррупции бюрократического аппарата невозможна в принципе, ибо в этом случае «горизонтальные» финансовые интересы отдельных групп и ведомств доминируют над интересами государства и общества. То же самое распространяется и на координацию по горизонтали, что можно видеть на примере никак не желающей выйти из «тени» экономики.

Консолидация усилий государства и общества является ключевой проблемой для организации российского развития. Решением данной проблемы может стать создание стратегической системы инновационной поддержки управления и развития РФ, включающей в себя как государственные, так и негосударственные структуры. Со стороны государства в роли элемента этой системы может выступить специально созданное ведомство стратегического развития с полномочиями более высокими, чем у министерств, с возможностями отдельного дополнительного бюджетного финансирования, как целых комплексов, так и отобранных стратегических проектов. Со стороны общества - специально организованные структуры и фонды, ориентированные на проблемы

инновационного развития. Эта стратегическая система инновационной поддержки управления и развития РФ, по своей природе и назначению должна не дублировать, а дополнять и обогащать деятельность исполнительной власти. Одновременно эта система должна быть средоточием консолидации усилий государства и общества, мобилизации интеллектуального и духовного потенциалов страны, подготовки стратегического кадрового резерва. Руководство стратегической системой инновационной поддержки управления и развития РФ должно быть возложено непосредственно на Президента РФ. Только при этом условии возможен успех, а Президент получит в свое распоряжение качественно новый стратегический ресурс.

При этом необходимо дальнейшее развитие парадигмы национальной безопасности, Концепция безопасности должна быть стратегически ориентирована в первую очередь на обеспечение способности к динамичному развитию. Главная угроза в XXI веке – потерять темпы развития. Обеспечение национальной безопасности – это обеспечение способности граждан, общества и государства к совместному социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность стратегических национальных проектов [1].

Такой подход позволит на деле реализовать реальное встраивание общественных механизмов в государственное управление и использование их инновационного потенциала, а не создание бутафорских общественных пристроек и карманных технократических сообществ.

Проблема крайне сложная, ибо неизбежен конфликт двух вертикалей, преодолеть который и направить его энергию на развитие страны сможет только структура, обладающая необходимой информационно-аналитической и прогнозной поддержкой и полномочиями. Вместе с тем следует отметить, что для решения этой проблемы есть определенный задел в виде идей и социальных технологий, начались процессы формирования новой инновационной элиты. Без решения этой проблемы не удастся преодолеть чудовищную коррупцию в РФ и повернуть страну на курс инновационного развития.

Примечания

1. Лепский В. Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 1. Т. 2. С. 24-30.
2. Захаров В. Что и как нужно спасать в российской науке // Независимая газета. 2010. 13 января.
3. Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009.
4. Национальные инновационные системы в России и ЕС. М., 2006.
5. Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 годов: приложение к Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. МЭР РФ, август, 2008.

Я. В. ТРОФИМОВА

Уфимский государственный авиационный технический университет (филиал), г. Ишимбай

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СУБЪЕКТОВ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Модернизация и внедрение инноваций рассматриваются как основные направления развития современной российской экономики. Соответствие европейским стандартам и глобальным трендам становится условием конкурентоспособности субъектов, которое невозможно достичь только собственными ресурсами. Необходимо участие в международном партнерстве, использование передового зарубежного опыта в сфере производства, сбыта, технологий, коммуникаций, менеджмента и т.д. Важным элементом успешного развития становится конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность территорий и городов, что в свою очередь предполагает наличие продуманной маркетинговой стратегии. Кроме того, модернизация российской экономики происходит в условиях глобализации мирового хозяйства, что объективно требует учитывать международный опыт создания конкурентных преимуществ на уровне городов и регионов.

Понятие маркетинга города сложилось ориентировочно в 60-е гг. XX в. в США. С середины 1970-х гг. городское развитие в Европейских странах определялось как экспансия городского расширения, например, строительство в черте города, которое мало учитывало интересы горожан. Ухудшение финансовой ситуации в 1980-е гг. в связи с энергетическим, экологическим кризисами ориентировало планирование городского развития в сторону мелких проектов (например, улучшение состояния жилого фонда, снижение транспортной загруженности). Одновременно происходило обострение городского проблем: отток трудовых, финансовых ресурсов в крупные города и более богатые регионы; рост безработицы и ухудшение социального статуса горожан; снижение инвестиционной привлекательности регионов и городов и т.д. Планирование доходов города практически не рассматривалось. В этот период начались дискуссии о необходимости городского маркетинга в европейских городах. С начала

1990-х гг. городской маркетинг как инструмент городского развития получил широкое распространение в Европе, в частности в Германии. Так, с середины 1990-х гг. более 80 % немецких городов с численностью свыше 10 000 жителей стали использовать различные формы городского маркетинга как инструмента развития города.

Единого подхода к определению маркетинга города нет. Оно используется наряду с такими определениями как маркетинг кварталов, квартир, мест, территорий, регионов. По мнению Ф. Котлера маркетинг мест – это деятельность, предпринимаемая с целью создания, поддержания или изменения отношений и/или поведения, касающихся конкретных мест [1, с. 647]. Российские исследователи определяют территориальный маркетинг как маркетинг в интересах территории, ее внутренних субъектов, а также внешних субъектов, во внимании которых заинтересована территория [2, с. 555]. Согласно современным зарубежным подходам, маркетинг города – это инструмент управления, который позволяет сохранить конкурентоспособность города в условиях конкуренции городов, а также выступает необходимой частью планирования городского хозяйства. Таким образом, особо подчеркивается взаимосвязь между понятиями конкурентоспособности и маркетинга города.

Особенность маркетинга города – это рассмотрение города как продукта привлекательного и разнообразного с точки зрения предложения. Данная задача лежит не только на городских органах управления, но и на отдельных отраслях региона, таких как сфера питания, гостиничное хозяйство, местная розничная торговля, которые совместно создают неповторимый образ города.

Цель маркетинга города – это создание конкурентных преимуществ данной территории и местных предприятий, удовлетворение потребностей конкретного города и целевых групп населения (например, в инвестициях). Это цели высшего порядка, которые влияют на выбор маркетинговой стратегии, разработку маркетинговой программы. При этом должна учитываться специфика региона с выделением наиболее сильных и слабых сторон города (например, используя метод профиля среды или методику SWOT-анализа) и устанавливаться позиция данного города относительно других населенных пунктов (базисное позиционирование). Целями второго уровня будут выступать частные, оперативные задачи, связанные с преодолением слабых и упрочением сильных сторон города (улучшение городской инфраструктуры, повышение культурной привлекательности города, решение экологических проблем).

Можно выделить следующие цели городского маркетинга:

- 1) повышение привлекательности города как места хозяйствования, места проживания, места покупок и туристических объектов;
- 2) создание, корректировка и поддержание городского имиджа;
- 3) улучшение условий торговли;
- 4) ориентация городского управления на интересы горожан;
- 5) создание и повышение имиджа города за пределами региона;
- 6) повышение уровня идентификации (соответствия) горожан облику своего города (например, город – культурный центр страны или особенно гостеприимный город и т.д.);
- 7) повышение дружелюбности различных (целевых) групп населения города;
- 8) совместная работа представителей основных торговых организаций города;
- 9) рост числа жителей (реальных и потенциальных);
- 10) снижение городских проблем (например, улучшение транспортного обслуживания, сбора и переработки мусора, очистки воды и т.д.).

Маркетинговый подход к оценке конкурентоспособности города, на наш взгляд, заключается в определении эффективности применения различных инструментов маркетинга в конкретном городе. Интегрированный маркетинг (как один из составных компонентов современной концепции маркетинга) базируется на сочетании четырех маркетинговых инструментов или Marketing – mix.

Применительно к городу данные понятия приобретают свою специфику. Так, продукт (Product) – это товары, услуги города, формирующие его особый статус (историческая ценность города, трудовые ресурсы, инфраструктура и др.) и сам город как единое целое.

Цена города (Price) – затраты потребителей города (стоимость потребительской корзины, средний уровень доходов населения и отдельных категорий населения, прединвестиционные и инвестиционные расходы при реализации проектов, система налоговых льгот для предприятий, предоставление муниципальных гарантий и субсидий, отношение цены на жилье к доходу). Сюда же можно отнести и расходы, связанные с обслуживанием туристов в данном городе.

Место (распределение) (Place) особо влияет на ценность города в сознании потенциальных потребителей (особые природно-климатические условия, привлекательное месторасположение, например, близость к Центральному региону страны и т.д.).

Продвижение города как товара (Promotion) должно предусматривать рекламу города (создание положительного имиджа города, например, как самого чистого, самого зеленого и т.д.), чему способствует участие города в различных рейтингах; формирование благоприятного общественного мнения (public relations) (например, через создание общественных городских организаций, занимающихся маркетингом города); личные контакты (персонифицированное представление города, например, ад-

министрацией города в государственных учреждениях, встречах с потенциальными инвесторами и т.д.); организацию выставок и ярмарок.

Оценка конкурентоспособности города – комплексный показатель, который определяется всеми участниками маркетингового процесса (населением города, гостями города, исследователями и т.д.). Существуют разнообразные методики оценки конкурентоспособности города, базирующиеся на различных системах показателей. Например, производительность труда, уровень занятости и качество жизни (или уровень функционирования города). Последнее включает в себя способность к обучению и инновациям, отраслевую структуру, характеристики предприятий, бизнес-среда [3, с. 28].

Отдельное направление оценки занимают рейтинги городов. Они показывают место города в системе мирового хозяйства. Рейтинги составляются по конкретным направлениям функционирования городской экономики в разрезе страны или мира, например, рейтинг «Самый экологически чистый город», «Самый безопасный город», «Самый дорогой город», «Самый креативный город» и т.д. Каждый рейтинг предполагает оценку системой показателей. Так, «Самый экологически чистый город» определяется по таким индикаторам как качество воздуха, правильное использование земли, ситуация с мусором, потребление воды. Эти показатели должны подтверждать удобство и комфортность проживания горожан и гостей города при одновременно разумной организации городского хозяйства с точки зрения ресурсозатрат и минимального вреда экологии. По данным 2010 г. Стокгольм был признан самой экологичной столицей Европы [4, с. 92].

Маркетинг города как процесс, включает в себя следующие элементы:

- 1) рассмотрение города как единого целого;
- 2) совместная работа представителей различных слоев населения (политики, управленцы, представители торговли, общественного питания, гостиничного бизнеса и т.д.);
- 3) выделение целевых групп и переговоры с ними;
- 4) оценка сильных и слабых сторон города и определение конкурентоспособности города;
- 5) разработка городской концепции маркетинга, в которой маркетинг города составная часть;
- 6) формулировка целей (и путей улучшения «продукта»);
- 7) анализ тем от экономики, розничной торговли, городского имиджа и привлекательности города до окружающей среды;
- 8) достижение соответствия между управленческими структурами и потребностями участников процесса маркетинга;
- 9) реклама города для внешнего и внутреннего потребления;
- 10) реализация проектов, улучшающих привлекательность города;
- 11) контроллинг.

Таким образом, конкурентоспособность города становится одним из направлений работы в рамках маркетинга города. Чем более высокий уровень конкурентоспособности будет иметь анализируемый город, тем выше будет его привлекательность для различных целевых групп населения и инвесторов. Высокое значение данного критерия может свидетельствовать об успешности проводимой маркетинговой стратегии города.

Целевые группы применительно к маркетингу города можно объединить в следующие основные группы.

1. Жители города (реальные и потенциальные горожане). Данная целевая группа, управляющая маркетингом, должна быть ориентирована на создание оптимального дружественного коммунального управления, путем повышения качества жилого фонда, образовательного предложения, создания привлекательного налогового пространства;

2. Предприятия (реально размещенные и потенциально возможные). Городская инфраструктура, развитая транспортная система, окружающая среда должны способствовать росту прибылей предприятий. Мероприятия городского маркетинга могут включать требования к инвестиционным проектам, снижению налогов и получению субвенций, подготовке привлекательных земельных участков или созданию дешевой инфраструктуры;

3. Туристы – многочисленная целевая группа, которая имеет особое значение. Многие регионы рассматривают туристов как жизненно важный источник пополнения доходов. Целевая группа туристов для целей анализа может быть разделена на такие подгруппы как: дневные туристы, коллективные туристы, туристы, приехавшие на ярмарки, туристы, интересующиеся культурой, городские туристы, молодежные туристические группы, группы пенсионного возраста, курортные туристы, туристы здорового образа жизни;

4. Представители органов власти и городского управления, а также организации городского маркетинга. При этом речь идет о необходимости совместной работы с важнейшими представителями местных отраслей и повышение дружелюбности городских ведомств и чиновников к населению;

5. Иные внешние целевые группы: потенциальные инвесторы, жители окрестностей, других регионов, межрегиональные СМИ, организаторы турпоездов. К внутренним целевым группам можно отнести: местные СМИ, местные турбюро, образовательные учреждения, социальные объединения и общественные организации данного города.

Для российских городов наиболее интересным является изучение опыта деятельности организаций городского маркетинга в европейских городах.

Организации городского маркетинга активно стали возникать в последнее десятилетие на Западе. Большие и малые города Германии активно включились в этот процесс, создавая общественные центры городского маркетинга самостоятельно или привлекая общественное объединение CIMA GmbH для разработки стратегии развития своего города. CIMA – центр кооперации городского и регионального развития и маркетинга в общественном секторе на всем немецкоговорящем пространстве. Сильные стороны данного объединения: коммуникация и кооперация торговли, частного бизнеса (гостиничное хозяйство, ремесленные мастерские, гастрономия и т.д.) и активной части городского общества. Например, общество городского маркетинга в Пенцберге (Penzberg) (Верхняя Бавария, Германия) основано в 2010 г. и состоит из 72 участников. Цель деятельности общества – профессионализация городского маркетинга в городе (16 тыс. жителей). Создание общества рассматривается как первый этап становления городского маркетинга согласно принятой стратегии позиционирования, которая разрабатывалась совместно с обществом CIMA, местными представителями управления, политики и экономики. В городе Карлсруе (Karlsruhe) в 2001 г. создана организация Karlsruhe GmbH, с целью сделать город более привлекательным, подчеркивая его сильные стороны. Общество координирует городское мероприятие «300 лет Karlsruhe – юбилей города в 2015 г.» и презентует город как «студенческий город», рекламирует его, подчеркивая неповторимый образ города и профессионально работая с прессой. Наука, образование и культура – основные вопросы общества. Оно совместно работает с многочисленными институтами и 11-ю общественными организациями. Успешный городской маркетинг города Киль (Kiel) (<http://www.stadtmarketing-kiel.de/>) опирается на поддержку всего населения и предпринимателей города. Городской маркетинг организует различные мероприятия (например, городской праздник, ледовый фестиваль), региональный и сельскохозяйственный рынки, акции (дни выходной торговли для розничной торговли), проекты по развитию отдельных районов. Цель городского маркетинга – повысить привлекательность и качество жизни города для горожан, гостей и инвесторов. В сфере услуг маркетинг города ориентируется на требования программы «Качество сервиса Schleswig-Holstein». В центре городского маркетинга – поддержка предприятий сферы розничной торговли, обслуживания и гастрономии. В городе Бингене (Bingen) (Германия) при участии общества CIMA проведен рыночный анализ и выработана концепция развития города «Shop – in Shop», предполагающая деятельность нескольких крупных арендаторов в сфере торговли и развитие множества маленьких торговых точек. Единой организации, занимающейся городским маркетингом, в городе Любеке (<http://stadtmarketing-luebeck.pfitzner.it/index.htm>) долгое время не было. Действовали согласно отдельным областям городского маркетинга четыре официальных организации: KWL / Wirtschaftsförderung Lübeck GmbH (городской маркетинг), Lübeck-Management e.V. (Citymanagement / розничная торговля), Туристический центр (Tourismus-Zentrale GmbH), городское управление (коммунальный и управленческий маркетинг). Однако, уже в 2005 г. появилась единая координирующая организация в рамках городского маркетинга, первоначально занимавшаяся лишь вопросами внешней рекламы, а затем определившая слоган города как межрегиональный «рынок Любек», который должен привести к созданию «Любек – холдинга, объединяющего деятельность всех городских предприятий». Общественная организация маркетинга города Брауншвейга (Braunschweig Stadtmarketing GmbH (http://www.braunschweig.de/politik_verwaltung)) основана в 2004 г. для влияния на внешнее и внутреннее восприятие города различными целевыми группами. Общество имеет концепцию, конкретные задачи и проводит мероприятия с целью повышения привлекательности и имиджа Брауншвейга, обращает внимание на все внутригородские функции, особенно связанные с хозяйственными и культурными аспектами. Особое внимание уделяется развитию туристического сектора в экономике, путем улучшения туристического предложения, обслуживания гостей, расширения рынка арендуемого жилья, создание информационных бюро, туристических бюро и т.д.

Таким образом, маркетинг как один из современных инструментов управления позволяет сохранить и повысить конкурентоспособность субъектов в условиях конкуренции, а также выступает необходимой частью планирования. Городской маркетинг становится центральным инструментом коммуникаций, кооперации и координации в городе. Объединяя на условиях партнерства различные целевые группы города, возникает синергетический эффект, позволяющий городу достичь более высокого уровня привлекательности и соответственно конкурентоспособности.

Примечания

1. Котлер Ф. Основы маркетинга / пер. с англ. М., 1990.
2. Панкрухин А. П. Маркетинг. М., 2003.
3. Мазилкина Е. И., Паничкина Г. Г. Управление конкурентоспособностью. М., 2009.
4. Власова О. Лучший город на Земле // Эксперт. 2011. № 10. С. 92-94.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДА БАРНАУЛА

Одним из важнейших элементов экономической политики города Барнаула является эффективное управление инвестиционными процессами. Осуществляемая политика должна быть направлена на активизацию инвестиционных процессов и способствовать реализации потенциала развития города Барнаула. Привлечение инвестиций в реальный сектор экономики приводит к росту занятости и повышению доходов населения, расширению налоговой базы и сбалансированности городского бюджета.

За последние годы наблюдается улучшение показателей социально-экономического развития в городе. Проведенный анализ позволил сделать выводы, что наиболее благоприятным для экономики города был 2007 г., когда показатель темпа роста инвестиций составил почти 135%. В то же время финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. существенно повлиял на экономику города. В 2009 г., по сравнению с 2008 г., сократился общий объем инвестиций в основной капитал более, чем на 4 млрд. рублей. Индекс физического объема инвестиций в 2009 г. был самым низким с 2004 г. (86%) и по сравнению с 2007 г. сократился почти в два раза (<http://www.ak.gks.ru/public/Doclib21/>).

В первом полугодии 2010 г. инвестиции в основной капитал в Барнауле составили около 6 млрд. рублей. При этом в инвестициях, вложенных в экономику Алтайского края, доля Барнаула составляет около 50%. В Барнауле, по сравнению с другими городами края, самые большие показатели объема инвестиций на душу населения, а по показателю ввода жилья на душу населения Барнаул занимает второе место после города-курорта Белокурихи (Таблица 1).

В реестр инвестиционных проектов, реализуемых хозяйствующими субъектами в Барнауле, в 2010 г. входило 22 проекта общей стоимостью свыше 4,6 млрд. руб., в то время как в Томске значатся 62 проекта с ожидаемым объемом инвестиций в 131 млрд. руб. (<http://www.invest.barnaul-adm.ru/Proposal/packet.htm>).

Характерно, что инвестиции в отрасли экономики финансируются в основном за счет собственных и привлеченных средств, бюджетные средства не играют существенной роли ни в одной отрасли, за исключением транспорта, жилищного хозяйства, народного образования. Инвестиции в такие отрасли, как торговля, строительство, связь практически не финансируются за счет средств бюджета.

В целом можно утверждать, что, несмотря на наметившиеся позитивные сдвиги в экономике города, остается низкий уровень инвестиционной активности, что не соответствует потребностям народного хозяйства. Низкий уровень инвестиционной активности и эффективности инвестиций привел к образованию в производстве значительных объемов физически и морально изношенного основного капитала. Физический износ основных средств составляет более 73%. Значительно обостряет экономическую ситуацию тот факт, что основной износ промышленно-производственных фондов приходится на крупнейшие предприятия, для модернизации которых требуются большой объем финансовых ресурсов.

Объемы инвестиций не достаточны для модернизации производства и проведения структурной перестройки экономики города. Ужесточение конкуренции регионов и городов за привлечение инвестиций требуют новых подходов к проводимой в городе инвестиционной политике. Это может быть решено посредством проведения эффективной инвестиционной политики, направленной на повышение инвестиционной активности реального сектора экономики.

Основными целями управления инвестиционной деятельностью в городе Барнауле должны являться:

- формирование благоприятной инвестиционной среды, способствующей повышению инвестиционной активности;
- создание условий для объединения усилий участников инвестиционного процесса – организаций, банков, страховых компаний, негосударственных пенсионных фондов, лизинговых компаний;
- формирование развитой инфраструктуры на территории города;
- консолидация инвестиционных ресурсов;
- обеспечение экономического подъема за счет привлечения инвестиций в эффективные и конкурентоспособные производства.

В соответствии с Федеральным законом от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», регулирование органами местного самоуправления инвестиционной деятельности предусматривает создание благоприятных условий для реализации инвестиционной деятельности, а также прямое участие органов местного самоуправления в инвестиционной деятельности.

Оценка инвестиционной привлекательности Барнаула была проведена методом SWOT-анализа (Таблица 1).

Проведенное исследование позволило выделить и ранжировать основные проблемы, сдерживающие инвестиционную активность в городе. Среди факторов, препятствующих активизации инвестиционной деятельности в городе, можно выделить:

- высокая стоимость энергетических ресурсов;
- недостаток собственных средств предприятий для реализации инвестиционных проектов;
- существенный износ основных фондов;
- наличие большого количества убыточных предприятий
- отсутствие эффективных механизмов использования сбережений из капиталодостаточных в капиталододефицитные секторы экономики;
- различие в уровнях и динамики экономического развития секторов экономики.

В тоже время факторами, обуславливающими инвестиционную привлекательность города, являются выгодное географическое положение, активное развитие малого бизнеса, высокий интеллектуальный и кадровый потенциал, активное участие города в федеральных и краевых инвестиционных программах.

Таблица 1 – SWOT-анализ инвестиционной привлекательности Барнаула

Факторы	Позитивные (сильные стороны)	Негативные (слабые стороны)
Географическое положение	Центр трансграничного региона	Наличие конкуренции с экономически развитыми соседними регионами
Природный потенциал	Высокая обеспеченность водными ресурсами, лесным фондом	Развитие опасных природных процессов (оползни, подтопления территорий, речная эрозия)
Трудовые ресурсы	Наличие квалифицированной рабочей силы	Низкий уровень средней заработной платы
Транспортная инфраструктура	Развитая транспортная сеть. Наличие потенциала развития	Высокая стоимость содержания и развития компонентов инфраструктуры. Низкая пропускная способность улиц
Инвестиционный потенциал	Реализация крупных проектов в строительстве. Развитость банковской инфраструктуры. Действующий комплекс мер государственной поддержки, льгот и гарантий при осуществлении инвестиционной деятельности.	Недостаток крупных проектов в промышленности. Ограниченные инвестиционные возможности населения. Неустойчивое финансовое положение предприятий. Недостаток бюджетных ресурсов для реализации социальных проектов.

Повышение степени интеграции города Барнаула в экономику страны, включение предприятий города в межрегиональные связи, усиление функций города как многопрофильного промышленного, туристического и торгово-делового центра будет способствовать росту деловой и инвестиционной активности в городе. Повышению инвестиционной привлекательности города послужит инвестиционный паспорт Барнаула.

Задача повышения инвестиционной привлекательности Барнаула, и как следствие рост инвестиций, должна решаться посредством:

- совершенствования нормативно-правового и информационного обеспечения, развития инфраструктуры и формирования эффективного механизма управления инвестиционной деятельностью;
- обеспечения активного взаимодействия администрации города Барнаула с потенциальными участниками инвестиционного процесса;
- привлечения внимания российских и иностранных инвесторов к городу Барнаулу;
- привлечения средств федерального и краевого бюджетов для реализации мероприятий городских целевых программ;
- обеспечения продвижения инвестиционных проектов предприятий города на российский и внешние рынки инвестиционных ресурсов.

Последовательное осуществление мероприятий позволит улучшить инвестиционный климат, увеличить объемы инвестиций в экономику города, привлечь отечественных и иностранных инвесторов, использовать инвестиционный потенциал населения. Освоение инвестиционных средств будет способствовать росту объемов производства предприятий города, укреплению их экономического состояния, и, как следствие, созданию дополнительных рабочих мест, повышению благосостояния населения, увеличению поступлений налогов в бюджеты всех уровней.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Е. А. АГАФОНОВА, Г. Д. ДЕГТЯРЬ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Научно-техническое развитие современного общества ставит задачу подготовить специалиста с достаточным уровнем профессионализма, конкурентоспособность которого на современном рынке труда определяется не только его высокой квалификацией в профессиональной сфере, но и готовностью к решению профессиональных задач в условиях двуязычной коммуникации, обеспечивающей процессы информационного взаимодействия [1].

Развитие современных технологий и производственных структур привело к необходимости создания профессиональных коллективов, требованием которых является способность будущего специалиста владеть смежными областями знаний. Тесное взаимодействие преподавателей профильных и языковых кафедр помогает решить задачи обучения профессионально компетентного специалиста, способного успешно применять как профессиональные, так и иноязычные навыки и умения. При реализации социального заказа на подготовку современного специалиста, способного эффективно осуществлять профессиональную деятельность в условиях конкурентной среды, необходимо учитывать превращение профессионально-творческого потенциала специалиста в решающий фактор общественного прогресса [2].

Под профессионально-ориентированным обучением понимается обучение, основанное на учете потребностей студентов в изучении иностранного языка, диктуемых характерными особенностями профессии или специальности, которые, в свою очередь, требуют его изучения [3]. Профессионально-ориентированное обучение должно быть нацелено на последние достижения в научной сфере и предоставлять возможность для дальнейшего роста. Отсюда, целью профессионально-ориентированного обучения в техническом вузе является обучение профессионально-ориентированной компетенции, включающей в себя лингвистический, коммуникативный и страноведческий аспекты.

При обучении профессионально-ориентированному на иностранном языке общению в рамках страноведческого подхода ставится задача формирования профессиональной картины мира иноязычного специалиста, которые включали бы в себя ценности культуры страны изучаемого языка и обеспечивали возможность его полноценного и равноправного участия в диалоге культур. Наличие лингвистических знаний дает возможность выпускнику вуза быть в курсе всего нового, что издается в его профессиональной области.

Долгое время овладение различными видами перевода и усвоение профессиональной лексики являлось целью обучения иностранным языкам в технических вузах. В настоящее время основным содержанием учебно-методического комплекса должно стать профессионально-ориентированное деловое общение, основную часть которого составляют задания, направленные на развитие и формирование навыка устной речи и письма: коммуникация – 60% и перевода – 20-30%.

Коммуникативная компетенция достигается использованием профессиональных тем при планировании общения, аутентичных текстов с большим объемом профессиональной лексики. Употребление языковых единиц согласуется с предметно-смысловым содержанием профессионального характера, как в области чтения, так и в устной речи.

При отборе содержания обучения представляется перспективным использовать метод игрового моделирования в виде системы профессионально направленных учебно-ролевых игр. Занятия по игровой методике обучения отличаются от традиционных своей нестандартностью: содержанием, эмоциональностью, инновационными приемами, высокой результативностью, разнообразием игровых моделей. Для их реализации применяются игровые технологии, нацеленные на то, чтобы научить обучающегося осознавать мотивы своего поведения в игре и в жизни, т.е. формировать цели своей собственной самостоятельной деятельности и предвидеть ее ближайшие результаты. К игровым технологиям относятся: имитационные и деловые игры, ролевые упражнения и тренинги, анализ ситуаций и игровое проектирование.

В последнее время деловая игра и кейс-метод стали широко использоваться в процессе преподавания различных дисциплин. Кейс-метод – это метод анализа ситуаций, где студентам предлагается осмыслить реальную ситуацию. Описание такой ситуации на английском языке одновременно отражает практическую проблему и актуализирует определенный комплекс знаний, так или иначе связанных с основной специализацией студентов. Кейс-метод позволяет активизировать способность сту-

дентов высказывать на английском языке свое мнение аргументированно, выслушивать альтернативную точку зрения, приобрести аналитические и оценочные навыки.

Кейсы могут подразделяться на практические, обучающие и научно-исследовательские. Основная задача практического кейса заключается в том, чтобы детально и подробно отразить жизненную ситуацию. Другими словами, кейс-метод создает практическую модель ситуации. При этом учебное назначение такого кейса может сводиться к тренингу обучаемых, закреплению знаний, умений и навыков поведения (принятия решений) в данной ситуации.

Обучающие кейсы формируют у студентов способность анализировать различные ситуации. В обучающем кейсе ситуация, проблема и сюжет могут быть и не реальными, а такими, какими они могли бы быть в жизни. Они характеризуются искусственностью, «сборностью» из наиболее важных и правдивых жизненных деталей.

Научно-исследовательский кейс является моделью для получения нового знания о ситуации и поведении в ней и строится по примеру исследовательской модели. Такой вид кейсов лучше применять при повышении квалификации и переподготовке специалистов [4].

Главным принципом всех описанных кейсов является принцип активной коммуникации, где за основу берутся профессионально-ориентированные ситуации. Эти ситуации реализуются, как правило, через коллективную работу, но при этом все они являются личностно-ориентированными и эффективнее всего реализуются в ситуации активного взаимодействия, когда обучаемые делятся информацией. Таким образом, применение ролевых игр, и в частности кейс-метода, позволяет активизировать познавательную деятельность студентов, их самостоятельность, формирует культуру творческого мышления, создает условия для использования личного жизненного опыта и полученных ранее знаний для усвоения новых, а также активизирует процесс профессионально-ориентированного обучения в техническом вузе.

Кроме того, при формировании коммуникативной компетенции очень важным представляются уроки – презентации. Студентам предлагается подготовить проект в форме электронной презентации. В ходе подготовки к презентации студенты проделывают большую работу: изучают журналы, работают в Интернете, переводят найденный материал, выполняют электронную презентацию и защищают ее. В оценивании презентации могут участвовать не только преподаватели английского языка, но и представители выпускающей кафедры. Подобные презентации оказывают большое влияние на мотивацию студентов, способствуют развитию их творческой активности и самостоятельности. Кроме того, студенты приобретают интеллектуальные, организационные, коммуникативные, конструкторско-технологические умения, развивают проектное мышление. Безусловно, самые первые презентации выполняются довольно слабо, так как студенты не имели навыков презентации материала. Однако со временем они стали чувствовать себя более уверенно, улучшилось качество представления материала и уровень языковой подготовки.

Однако, низкий школьный уровень языковой подготовки у большинства студентов, ограниченное количество часов отведенных на иностранный язык в вузе зачастую приводят к низкой мотивации изучения данной дисциплины. Поэтому в конце учебного курса студенты имеют недостаточную языковую подготовку для решения профессиональных задач и удовлетворения личных потребностей в языковой среде. Преподавателями кафедры английского языка АлтГТУ было проведено тестирование 120 студентов, которые прошли курс обучения иностранному языку в техническом университете, выявляющее уровень языковой подготовки. Высокий уровень владения иностранным языком показали всего 8% студентов, 15% продемонстрировали средний уровень подготовки, оставшиеся студенты показали достаточно низкий уровень языковой подготовки. По нашему мнению, основными факторами, влияющими на качество обучения, является недостаточная разработанность существующих моделей обучения иностранному языку, сокращение часов при возрастании объема учебного материала, нехватка учебных пособий.

Известно, что в технических вузах не имеется возможности уделять достаточное внимание и время постановке произношения студентов и отработке навыков чтения. Чтобы ликвидировать разницу в языковой подготовке, следует предложить студентам самостоятельную работу с использованием технических средств или организовать дополнительные занятия для студентов, не имеющих достаточной языковой подготовки.

Таким образом, выбор методики профессионально-ориентированного обучения в техническом вузе, по нашему мнению, зависит от:

- контингента обучаемых и наполняемости группы;
- длительности обучения;
- начальной языковой подготовки;
- специфики специальности, имеющей свой собственный тезаурус, характерные ситуации взаимодействия.

Примечания

1. Комарова Ю. А. О принципах обучения в интенсивном курсе иностранного языка для научных работников. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://linquaact.hyperlink.ru/articles/komarova.htm>.
2. Артемьева О. А., Макеева М. Н. Система учебно-ролевых игр профессиональной направленности. Тамбов, 2007.
3. Берман И. М. Методика обучения английскому языку в неязыковых вузах. М., 1970.
4. Глазун М. А., Агафонова Е. А. Групповая работа студентов на занятиях по иностранному языку. Кейс-метод // Актуальные проблемы лингвистического образования: материалы V международной конференции. Самара, 2009. С 9-12.
5. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М., 2002.

Г. П. АФАНАСЬЕВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ПЕДАГОГИКА

Развитие педагогической науки на современном этапе не предполагает отказа от наработок прошлых десятилетий, но, опираясь на них, создание новых, соответствующих вызовам настоящего и будущего. При этом не стоит забывать, что педагогика, будучи одновременно и наукой и искусством, подразумевает общение обучаемых с обучающими, непосредственное общение, в первую очередь. Обучение через компьютер снижает эффект воздействия педагога на учащихся, т. е. отбрасывает момент человечности, самое главное в педагогике, и не только в педагогике.

Человек занимает главенствующее место в единстве развития природы и общества. От его позиции зависит в конечном счёте существование мира, ибо общество и природа подчиняются одним и тем же законам в своём развитии. В этом проявляется единство мира. Осознание этой истины повышает ответственность каждого педагога перед обществом и педагогике в целом.

Технологические процессы и их моделирование, захватившие не только мир техники, но и человеческие отношения, выдвигают на первое место в любой деятельности технократические ценности. В педагогической литературе последних лет можно проследить выбор лексики, характеризующей «технологизм» подходов к обучению. Сам термин «технология», применимый в изготовлении продукции, по отношению к педагогической действительности не раскрывает её многообразия, т. к. он изначально ограничен определёнными технологическими параметрами, и, кроме того, сам термин придаёт механистический характер всей педагогической деятельности.

Однажды наша страна уже пережила подобное во время индустриализации, когда даже имена новорождённых свидетельствовали о технологизации мышления населения.

Нетрудно заметить, что тенденциозность механистического уклона в педагогической деятельности приводит к совершенно определённым результатам, а именно к механистическому подходу к своим педагогическим задачам, т. е., в конечном счёте, к людям.

Доминирование технологических тенденций в мире техники неизбежно привело к их фетишизации во всех сферах деятельности человека. Высокие технологии производства индустриальных изделий, процессов и новых технологий, являясь признаком прогресса, проникли в бизнес, в информационные, медицинские сферы и, наконец, в сферы образования и культуры, чем нанесли большой вред для культурного и нравственного развития человека, для мира человеческих ценностей.

Развитие высоких технологий ведёт ко всё большей комфортности бытия, и многие склонны считать это благом. Но повышенная комфортность зачастую делает человека, с одной стороны, беспомощным перед лицом природы – там где нет привычного технологически оснащённого быта, с другой – равнодушным к окружающим, не имеющим комфорта, т. е. с годами всё больше расширяется пропасть между различными категориями людей. Последнее не так безобидно, как может показаться, поскольку отстранение человека от всеобщего, концентрирует его внимание на самом себе, автоматически снижает чувство причастности и ответственности за всё, что происходит в мире. Постепенно, но неуклонно идёт процесс снижения сочувствия, желания бескорыстной помощи и всего того, что называется человечностью, т. к. это связано с дискомфортом, с отказом от своих привычек и т. п. Мера доступности комфорта, хорошего образования, добротного лечения в настоящее время более, чем когда-либо в прошлые десятилетия, диктуется обеспеченными людьми. Поэтому достижениями высоких технологий могут пользоваться только материально обеспеченные люди. По сравнению с остальным населением страны их не так много, но именно на них работает прогресс.

Этот факт обязывает педагога упоминать в студенческой аудитории не только положительные стороны прогресса, но и говорить об относительной ценности научных достижений. Поскольку науку порождает люди, постольку она не может дать ответов на все вопросы современности и носит парадигмальный, изменчивый, неистинный характер.

«Новая научная теория должна удовлетворять трём главным физическим критериям: непротиворечивости, адекватности и перспективности» [1]. На наш взгляд, эти критерии, требующие экспериментального подтверждения, опытной проверки, вполне пригодны и для определения научной ценности педагогических работ, поскольку количество идей и педагогических технологий в настоящее время превысило все мыслимые представления. Информационные технологии, теория управления, теория бифуркаций и синергетика – всё нашло и находит свою нишу в педагогике. Но чётких необходимых и достаточных объективных критериев научной новизны выдвигаемых положений в педагогике не выработано. Исходя из этого, разработка таких критериев на основе физических, созданных В. И. Вейником, представляется жизненно необходимой и актуальной для педагогики.

Кроме того, объективные критерии научной новизны, которые предстоит разработать педагогической науке, должны учитываться и при определении образовательных задач в вузе и в школе. Другими словами, нужна система в содержании образования, выражающаяся в строгом и тщательном отборе учебного материала, представляющего научную значимость для будущего специалиста. Нужна она и в процессуально-методическом плане. При этом излишне уповать на всеобщую технологизацию и компьютеризацию в образовании, т. к. они способствуют не самореализации личности, как полагают некоторые исследователи, а самоизоляции её. Для педагогики это не путь. По нашему представлению, выработке критериев научной новизны педагогических исследований и открытий будут способствовать системные критерии образования, а именно: адаптивность, адекватность, информативность, интегративность, креативность, в случае их функционирования на всех ступенях образования.

Названные системные критерии, по нашему разумению, заставят вспомнить некоторые принципы, принятые веками в нашем образовании и в образовании других стран и народов, которые стремятся сохранить свою самобытность. Без преемственности этого не достичь. Сейчас у нас этот принцип фактически не функционирует, так же, как и многие другие, например, доступности образования, единых учебников в школе и многопрофильности школьного обучения, когда учащиеся ограничиваются выбором пресловутых параллелей: математические классы, гуманитарные и естественно-научные. Лишение человека выбора деятельности, а именно это и происходит из-за вынужденного слишком раннего профилирования, не менее безнравственно, чем лишение его физической свободы.

Экономия на образовании – во имя чего? Ради введения новых технологий обучения? Ну не парадокс ли! Отменить знания, ввести компетенции, при этом разрушить, распродать предприятия, где бы будущие специалисты могли эти компетенции освоить на основании знаний, полученных в аудитории. Парадоксы такого рода можно ещё приводить и приводить.

В качестве вывода хотелось бы отметить, что технологии будут появляться всё новые и новые, но путь оздоровления России не в этом, а в соответствии нравственным позициям своих предков нашего поколения и всех последующих. Этот принцип преемственности поколений должен стать главным для выработки научных критериев в педагогике и в других науках.

Примечания

1. Вейник В. И. Почему я верю в Бога. Исследование проявлений духовного мира. Минск, 2000.

Е. Н. БЕССОНОВ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Одной из наиболее важных и серьезных задач, стоящих перед российским обществом в настоящее время, является модернизация его экономической системы. В этой связи особое значение придается вопросам технологического лидерства. Мировой опыт показывает, что от того, насколько быстро и эффективно решаются эти вопросы, во многом зависит международный престиж страны, ее место в мировом хозяйстве.

Уровень развития экономики страны в значительной степени зависит от уровня образованности общества, от того состояния, в котором находится высшее образование. Поэтому задача модернизации экономики, которая сейчас со всей своей остротой стоит перед Россией, определяет проблемы модернизации высшего образования.

В современных условиях реализации компетентностного подхода повышается значение навыков и умения профессионально работать, ставить и решать новые задачи, принимать серьезные и важные производственные и хозяйственные решения. Компетентностный подход заставляет по-новому взглянуть на целый ряд вопросов, связанных с самостоятельной работой студентов.

Современное общество настолько информатизировано, что невозможно представить себе качественную перестройку высшего образования без использования новых информационных технологий. Интернет-ресурсы поистине неисчерпаемы, и студент должен уметь работать с мультимедийной тех-

ником, которая предоставляет самые широкие возможности использования разнообразной учебной и научной информации.

В связи с этим представляется крайне важным, чтобы преподаватель не просто в совершенстве владел современными информационными технологиями, но и всесторонне использовал их в образовательном процессе. В последние годы особую популярность приобретает система сетевых дневников (блогов). В состав блога могут включаться научные статьи, электронные учебники, раздаточные материалы в виде лекций, схем, таблиц, графиков, статистических данных. Использование блога имеет большое практическое значение. Повышается эффективность работы преподавателя, экономится его рабочее время. Преподаватель может достаточно быстро найти интересующую его информацию, чтобы затем использовать ее в учебном процессе.

Значительную роль в модернизации высшего образования играет научно-исследовательская работа студентов. Многие студенты АлтГТУ им. И. И. Ползунова принимают активное участие в работе научных конференций.

Компетентностный подход имеет огромное значение и вместе с тем порождает ряд серьезных проблем, связанных с научно-исследовательской работой студентов. Прежде всего, это заинтересованность студента в решении научно-исследовательских задач, а также умение подбирать и анализировать научную литературу, умение разрабатывать, проводить экспериментальные исследования, обобщать результаты и делать самостоятельные выводы. Этому очень важно научить студента для его будущей самостоятельной деятельности, к которой он приступит после окончания вуза.

Участие в научной работе предполагает цель, задачи и, что крайне важно, конечные результаты исследования. Студент должен ясно представлять себе, для чего изучается та или иная проблема. Безусловно, большую помощь студенту оказывает преподаватель как научный руководитель. Очень важно найти способы практического использования тех или иных теоретических положений и выводов. Занимаясь исследованиями, студент, во-первых, повышает уровень знания учебной дисциплины, с которой связана тема его доклада на конференции, и, во-вторых, может применять методы научной работы в своей дальнейшей производственной и хозяйственной деятельности.

В условиях рыночной экономики большое значение приобретает конкурентоспособность молодых специалистов на рынке труда, предприимчивость, стремление к лидерству. Поэтому в настоящее время все более острой становится проблема активизации студента в области научно-исследовательской деятельности. Студент должен не просто выполнять задачи, которые ставит перед ним преподаватель, но и проявлять инициативу, сам предлагать новые решения. Это очень важно для будущей работы, когда часто возникают сложные и непредвиденные ситуации, требующие реализации деловых качеств. Даже если молодой специалист в перспективе не будет заниматься научной работой, он должен уметь ориентироваться в быстро меняющейся производственной обстановке, уметь принимать самостоятельно продуманные решения и нести ответственность за выполнение поставленных задач.

В связи с этим возрастают требования к научному руководителю, который должен направлять работу студента, выполнять поддерживающую функцию. Только творческое сотрудничество преподавателя и студента при активном руководстве со стороны преподавателя обеспечивает достаточно высокую эффективность научно-исследовательской работы студентов.

В условиях модернизации высшего образования возникают определенные психологические проблемы. Например, в процессе электронного обучения возникает некоторая опасность снижения уровня «живого» общения между преподавателем и студентом, снижения воспитательной функции преподавателя. Кроме того, в последнее время наметилась тенденция падения общего уровня самостоятельности студента на фоне излишне прагматичного и зачастую потребительского отношения студента к учебе. Отсюда, уменьшение активной роли студента в учебном процессе. Для того, чтобы решить эту проблему, преподаватель, во-первых, должен основной упор делать на резкое повышение качества лекций, сделать их современными и по-настоящему интересными для студентов, и, во-вторых, должен повышать качество и эффективность текущего и итогового контроля знаний студентов.

Таким образом, модернизация высшего образования предусматривает реализацию новых подходов к работе преподавателя и студента. Лекции должны стать более интересными и более увлекательными. От студента требуется проявление большей самостоятельности в изучении тех или иных проблем. При этом представляется очень важным и актуальным переход к плодотворному сотрудничеству преподавателя и студента как субъектов образовательного процесса. Это достаточно сложная задача, но ее необходимо решать уже сейчас. Сама жизнь требует этого.

Е. В. БОДРОВА, В. В. КАЛИНОВ

*Московский государственный университет приборостроения и информатики, г. Москва
Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина, г. Москва*

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В КУРСЕ «ИСТОРИЯ» В СООТВЕТСТВИИ С ФГОС ВПО НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Курс истории помогает молодому человеку, будущему специалисту усвоить значение исторически сложившихся коренных ценностей, не зависящих от социально-политического строя, но определяющих связь времен. В то же время преподавание истории в современной отечественной высшей инженерной школе призвано прививать студентам уважение к таким фундаментальным ценностям, как созидательный труд, демократия, защита родины от внешнего врага, равноправие всех национальностей, воспитывать чувство гордости за вклад своей страны и её народа в мировую цивилизацию, имея при этом ввиду, прежде всего, их позитивное участие в развитии науки и техники, культуры и образования, в решении актуальных социальных, демографических, межнациональных, экологических и прочих проблем глобального характера, стоящих как перед нашей страной, так и перед и всем человечеством.

Преподавание истории в вузах России за последнее десятилетия претерпело такие изменения, каких не знала ни одна дисциплина в системе социогуманитарного образования. Несколько раз менялись названия курсов, их программы, цели, задачи и место истории в гуманитарном цикле, которые подчас диктовались не научной целесообразностью, а политической конъюнктурой. Новый федеральный государственный образовательный стандарт, вводимый в высшей школе с 1 сентября 2011 г., концепция преподавания истории выдвинули цель дать студенту достоверное представление о роли исторической науки в познании прошлого во имя будущего, раскрыть основные этапы и содержание истории Отечества с древнейших времен до наших дней, показать органическую взаимосвязь российской и мировой истории и научить его использовать опыт, накопленный человечеством.

Изучение истории современной России предполагает, на взгляд авторов, обращение к европейской категории современности, восходящей к эпохе Просвещения и понимаемой в масштабе исторической длительности. Цели нынешних реформаторов в общем виде были вполне отчетливо сформулированы еще 200 лет назад их предшественниками – «молодыми друзьями» и либеральными советниками Александра I, завещавшими нам идеалы правового государства и гражданского общества. И как бы ни складывалась впоследствии наша история, ей тогда уже были даны и новая точка отсчета, и ориентиры на будущее, которые должны быть востребованы сегодня в учебном процессе.

Авторы исходят из того, что оценка событий рубежа XX–XXI вв. как периода реформ затушевывает сугубо революционный характер перемен того времени. Особенно это относится к 1991–1993 гг., поскольку тогда налицо были два главных признака революции – смена власти и форм собственности. Что касается третьего, не всегда обязательного, но наиболее трагического ее компонента – гражданской войны, то элементы ее тоже были налицо в виде расстрела парламента в 1993 г., кровавых межнациональных конфликтов. Эту революцию совершили радикально настроенная часть интеллигенции, представители «теневой» экономики, часть партийно-государственной номенклатуры и национальные элиты при пассивном соучастии миллионов простых людей, которые отказали в доверии коммунистам, но не представляли ясной картины будущего.

Особое место в профессиональной ориентации студентов имеют последние темы курса «История». В лекционном курсе, на семинарских занятиях студенты, на наш взгляд, должны уяснить следующие положения. В основе фундаментальных перемен в современном мире, знаменовавших его вступление в постиндустриальную эпоху, лежит научно-техническая революция, в 1970–1980-х гг. принявшая нарастающий характер. Она коренным образом меняет облик общества – экономику, систему социальных отношений, культуру, быт, самого человека. Формирует принципиально новый технологический базис общества на основе высоких технологий, информационно-компьютерных и телекоммуникационных систем, новых источников энергии, средств транспорта и связи, глубокой переработки исходных природных ресурсов, создания новых видов материалов.

Качественные перемены по своей значимости и социальным последствиям несопоставимы с предыдущими сменами технологических укладов. Они знаменуют выход за пределы индустриальной эпохи, тогда как предыдущие уклады представляли собой этапы её развития. Именно с этой точки зрения может быть адекватно оценена сравнительная динамика технологических перемен в России в послевоенные годы в сопоставлении с мировыми процессами. Примерно до середины 1970-х гг. технологическое отставание СССР от развитых стран Запада сокращалось. Это происходило за счет более быстрого наращивания капитальных вложений и основных производственных фондов и их обновления в рамках позднеиндустриального технологического уклада.

Но затем ситуация начала быстро меняться. В то время как в развитых странах развернулся массовый переход к высоким ресурсосберегающим технологиям, применению микропроцессорной и ком-

пьютерно-информационной техники, советская экономика продолжала двигаться по традиционному пути с акцентом на ресурсоемкие производства и технологии. Особенно болезненный характер приобретало отставание в области компьютеризации и телекоммуникаций.

В начале перестройки была принята беспрецедентная программа модернизации отечественного машиностроения с перераспределением ресурсов между отраслями. Начались сокращения военных расходов и постепенная переориентация ВПК и большой науки на гражданские цели. Однако провал экономических реформ в 1980-е гг., распад СССР, разрушение научно-технического потенциала в 90-е гг. XX столетия поставили страну на грань катастрофы. Расходы на научные исследования в Российской Федерации за предыдущие 18 лет сократились более чем в пять раз и приблизились к уровню развивающихся стран. Россия сегодня тратит на науку в семь раз меньше, чем Япония, и в 17 раз меньше, чем Соединенные Штаты Америки. Более чем в два раза уменьшилось количество исследователей. И, конечно же, из этого следует целый ряд серьезных проблем, которые возникли в нашем комплексе, в том числе кадровых, научно-технологических и др. Промышленный комплекс России находится в достаточно сложной ситуации. Сегодня доля России на рынке наукоемкой продукции составляет всего 0,3%. В целом по уровню развития высоких технологий страна откатилась, по самым скромным оценкам, на 10-15 лет назад, а по некоторым направлениям – даже на 20.

Таким образом, стартовые условия очень непростые и, скорее, даже критичные. Это результат системного, в том числе, технологического кризиса. В условиях начавшегося в 2008 г. мирового экономического кризиса необходимо срочно менять стратегию развития. При этом очень важно усилить роль государства как прямого источника конечного спроса. С этой целью следует развернуть финансирование крупных программ, ориентированных на развитие инфраструктуры и техническую модернизацию производства.

Мировой кризис – не самое лучшее время для прогнозирования. Неопределенности в такую эпоху резко возрастают. Но по сценарию, который считают наиболее вероятным специалисты ИМЭМО, в посткризисный период темпы роста мировой экономики несколько повысятся. И основными движителями этого ускорения выступают два фактора – глобализация и инновации. По мнению многих экспертов, специалистов, ученых Российской академии наук, с ныне существующей структурой экономики Россия как высокотехнологичная держава существовать не может. Следовательно, единственно возможным базовым вариантом может быть вариант инновационного развития.

Авторы предполагают такую постановку учебного процесса, которая должна подвести студента к обоснованию постиндустриального обновления технологического базиса России в обозримые исторические сроки.

Во-первых, Россия унаследовала от СССР преобладающую (не менее 60 процентов) часть производственного потенциала, особенно в самых важных для технического прогресса сферах.

Во-вторых, Россия получила мощную индустриальную базу СССР, в том числе топливно-энергетический, сырьевой и машиностроительный комплексы и разветвленную инфраструктуру (пусть эта инфраструктура и нуждается в восстановлении и обновлении).

В-третьих, наше отставание в науке, особенно фундаментальной, все же не такое большое, как в производственном и инновационном отношениях.

В-четвертых, страна и сейчас располагает серьезными и далеко не полностью используемыми научно-технологическими заделами и возможностями в ряде важных областей.

Сохраняются сравнительно высокие позиции и в отношении человеческого капитала, особенно в части образовательного уровня и профессиональной квалификации. Авторы исходят из того, что необходимые масштабные преобразования в технологических основах экономики и человеческом капитале России возможны только на основе сочетания сильных экономических стимулов и активной экономической роли государства. При этом важнейшее значение имеет долгосрочная научно-техническая и образовательная политика.

Заключительные темы курса «История» предполагают постановку и изучение вопроса о пересмотре исторического места и роли капитализма и социализма как социальных систем. Представление о них как сменяющих друг друга общественных формациях не нашло подтверждения. Скорее это два начала, две тенденции экономических и социально-политических отношений, две системы ценностей и ориентаций, порожденных потребностями индустриальной стадии развития общества. Началось противостояние двух социально-экономических моделей индустриального общества: буржуазная – реализовалась на практике, а социалистическая – оппонировала ей, предполагая себя в качестве альтернативы. В этом смысле социализм есть порождение капитализма, его спутник и alter ego.

Мы исходим из того, что путь трансформации современного общества пролегает в иной системе координат, чем альтернатива «капитализм – социализм». Последние выступали как два начала социальной системы индустриального общества, становящейся прошлым. Есть основания полагать, что двухвековая история индустриальной эпохи – лишь преддверие грядущего постиндустриального общества, а социальные институты капитализма и социализма способны обозначить лишь отдельные фрагменты конструкции принципиально новой социальной конструкции. Она, вероятно, будет базиро-

ваться на общецивилизационных ценностях, выросших из тысячелетнего опыта человечества и соответствующих тенденциям постиндустриализма.

В последние десятилетия просматривалась тенденция к изъятию из образования вопросов, касающихся социальных целей и общественных устремлений, тех самых, которые недавно в гипертрофированно политизированном виде пронизывали и деформировали всё содержательное пространство советского образования. Обоснованием такой практики явился принцип деидеологизации общественной жизни.

Однако история уже доказывала неоднократно, что устранение идеологии вообще на деле означает отказ общества от собственного воспроизводства – и в его социальном, и в индивидуальном, человеческом аспекте. Это – уничтожение социального менталитета, осмысленных критериев развития общества. Основной особенностью сегодняшнего мира является поиск новых мировоззренческих ориентиров, отличных от идеалов техногенной цивилизации. Вышесказанное значительно усложняет содержание исторического образования.

Н. Ю. БУХНЕР

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ КОЛЛЕКТИВА ВУЗА

Модернизация – это усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества [1]. Модернизация высшего профессионального образования связана с процессами модернизации, происходящими в экономической и социальной сферах Российского общества.

Экономическая модернизация предусматривает интенсификацию процесса экономического воспроизводства, которая достигается благодаря росту дифференциации труда, энергетического оборудования производства, превращения науки в производственную (экономическую) силу и развития рационального управления производством [1]. Социальная модернизация предполагает формирование открытого общества с динамичной социальной системой [1].

Таким образом, динамичные изменения социально-экономических, политических и других отношений требуют модернизации высшего профессионального образования в России для формирования и развития ее конкурентных преимуществ. В настоящее время задача модернизации образования состоит в превращении образования в мобильную систему, способную отвечать изменяющимся запросам общества. Образование должно стать той движущей силой, которая способна существенно повысить качество жизни граждан. Одним из основных документов, определяющим направления модернизации в настоящее время является Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Пункт 3.3 данной концепции посвящен развитию образования. Согласно данной концепции одним из главных условий развития системы высшего профессионального образования является вовлеченность студентов и преподавателей в фундаментальные и прикладные исследования. Это позволит не только сохранить известные в мире российские научные школы, но и вырастить новое поколение исследователей, ориентированных на потребности инновационной экономики знаний. Фундаментальные научные исследования должны стать важнейшим ресурсом и инструментом освоения студентами компетентностей поиска, анализа, освоения и обновления информации. Стратегическая цель государственной политики в области образования – повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина. Формирование системы непрерывного образования на основе внедрения национальной квалификационной рамки, системы сертификации квалификаций, модульных программ позволит максимально эффективно использовать человеческий потенциал и создать условия для самореализации граждан в течение всей жизни.

Реализация этой цели предполагает решение следующих четырех приоритетных задач.

Первая задача – обеспечение инновационного характера базового образования, в том числе:

- обновление структуры сети образовательных учреждений в соответствии с задачами инновационного развития, в том числе формирование федеральных университетов, национальных исследовательских университетов;
- обеспечение компетентностного подхода, взаимосвязи академических знаний и практических умений;
- увеличение объема средств, направляемых на финансирование научных исследований в вузах;
- развитие вариативности образовательных программ, в том числе создание системы прикладного бакалавриата;

- обновление механизмов финансирования образовательных учреждений в соответствии с задачами инновационного развития;
- обеспечение увеличения оплаты труда работникам образовательных учреждений в зависимости от качества и результатов их труда до уровня, сопоставимого с уровнем оплаты труда в сфере экономики и выше его.

Вторая задача – модернизация институтов системы образования как инструментов социального развития, в том числе:

- создание системы образовательных услуг, обеспечивающих раннее развитие детей независимо от места их проживания, состояния здоровья, социального положения;
- создание образовательной среды, обеспечивающей доступность качественного образования и успешную социализацию для лиц с ограниченными возможностями здоровья;
- создание системы выявления и поддержки одаренных детей и талантливой молодежи;
- создание инфраструктуры социальной мобильности обучающихся;
- развитие финансовых инструментов социальной мобильности, включая образовательные кредиты.

Третья задача – создание современной системы непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров, в том числе:

- создание системы внешней независимой сертификации профессиональных квалификаций;
- создание системы поддержки потребителей услуг непрерывного профессионального образования, поддержка корпоративных программ подготовки и переподготовки профессиональных кадров;
- создание системы поддержки организаций, предоставляющих качественные услуги непрерывного профессионального образования;
- формирование системы непрерывного образования военнослужащих, включая переподготовку при завершении военной службы.

Четвертая задача – формирование механизмов оценки качества и востребованности образовательных услуг с участием потребителей, участие в международных сопоставительных исследованиях путем создания:

- прозрачной, открытой системы информирования граждан об образовательных услугах, обеспечивающей полноту, доступность, своевременное обновление и достоверность информации;
- условий для привлечения иностранных студентов в российские образовательные учреждения;
- прозрачной, объективной системы оценки индивидуальных образовательных достижений учащихся как основы перехода к следующему уровню образования;
- механизмов участия потребителей и общественных институтов в осуществлении контроля и проведении оценки качества образования [2].

В 2011 г. социологической лабораторией «Сила», действующей при факультете Социальных коммуникаций и туризма было проведено социологическое исследование в ГОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова». Цель исследования – определить отношение коллектива АлтГТУ к переменам, происходящим в сфере высшего профессионального образования и в частности, отражающихся на деятельности вуза.

В опросе приняли участие: доктор наук – 4,1%, кандидат наук – 38,3%, преподаватель без степени – 24,6%, АУП – 2,4%, ПОП – 5,4%, УВП – 24,4%. Из них: мужчин – 38,8%, женщин – 59,8%, не указали – 1,4%. Основной метод сбора информации – анкетный опрос. Выборочная совокупность составила 800 человек в г. Барнаул и 250 человек в г. Бийск.

Коллектив АлтГТУ в целом довольно отрицательно относится к переменам, происходящим в сфере высшего профессионального образования в России. Это подтверждает распределение его ответа на вопрос «Как Вы оцениваете мероприятия по реформе образования, проводимые Министерством образования и науки в вузе?» Мнение респондентов о мероприятиях по реформе образования, проводимых министерством образования в вузе разделились: 30% – положительно, 54% – отрицательно. По-прежнему ничего не знают о реформе высшего образования – 8%. Распределение ответов указано на Диаграмме 1.

Полученное распределение ответов свидетельствует о продолжающемся недовольстве неопределенных перемен, происходящих в сфере высшего профессионального образования в России. Этот недовольство началось еще в конце 1990-х гг. и объясняется комплексом разноплановых причин. Среди них можно выделить: недостаточную результативность государственной политики в отношении образования, переход на двухуровневую систему образования, изменение статуса вуза.

Диаграмма 1 – Как вы оцениваете мероприятия по реформе образования, проводимые Министерством образования и науки в нашем вузе? (в %)

Естественным результатом недоверия к происходящим переменам будет сохранение ситуации тревожности относительно своего будущего каждого члена коллектива АлтГТУ. Это проявляется и в отношении к работе, в беспокойстве за своё будущее, в боязни различных перемен в переходе вуза от в основном образовательной к другим функциям.

Заметим что, несмотря на в целом отрицательное отношение к переменам, по сравнению с 2010 годом ситуация выглядит более оптимистичной.

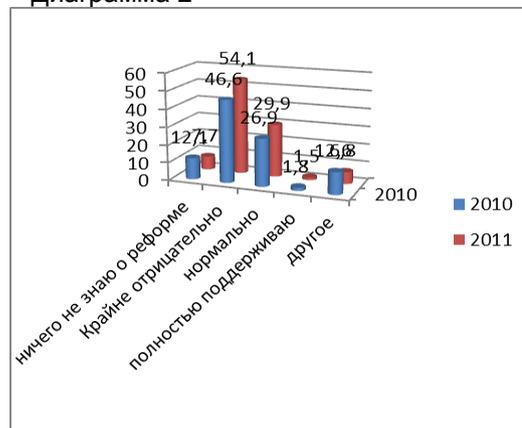
Данный вопрос мы задавали респондентам в 2010 г. и имеем возможность сравнить данные. Можно сказать, что число работников АлтГТУ, положительно относящихся к данному аспекту увеличилось с 26,9% до 29,9%. Уменьшилось число работников ничего не знающих о реформе – 12,1% в 2010 г. и 7,7% в 2011 г. В то же время увеличилось число респондентов, отрицательно относящихся в данной проблеме – 46,6% в 2010 г. и 54,1% в 2011 г. Таким образом, переход на двухуровневую систему образования, смена статуса АлтГТУ являются фактами неизбежными, но признаются таковыми далеко не всеми членами коллектива. Распределение ответов указано в Диаграмме 2 и Таблице 1.

Как вы оцениваете мероприятия по реформе образования, проводимые министерством образования и науки в нашем вузе? (сравнительный анализ 2010 г. и 2011 г. в %)

Таблица 1

	2010	2011
Ничего не знаю о реформе	12,1	7,7
Крайне отрицательно	46,6	54,1
Нормально	26,9	29,9
Полностью поддерживаю	1,8	1,5
Другое	12,6	6,8

Диаграмма 2

1. Таким образом, переход на двухуровневую систему образования, смена статуса АлтГТУ являются фактами неизбежными, но признаются таковыми далеко не всеми членами коллектива.

2. Большинство членов коллектива АлтГТУ сформировало свое отношение к переменам в сфере высшего образования. Вариант ответа «Не знаю» и «Другое» выбрали 14,5% респондентов в 2011 г. в отличие от 24,7% в 2010 г.

Поляризация коллектива в отношении оценки изменений, происходящих в сфере высшего образования, представляет собой довольно важный факт. Это означает, что в активные сторонники в перспективе составят не более половины респондентов. Приведенные данные отражают общую тенденцию опережающего кризисного развития высшего образования.

Однако, вряд ли коллектив АлтГТУ одинок в такой поляризации оценок. Скорее это подтверждение общероссийской тенденции. Например, в исследовании «Отношение современной педагогической общественности России к реформированию вузовского образования», проводимого в 2009-2010 гг. под руководством С. И. Григорьева позитивных оценок данного явления наблюдалось – 11%, негативных – 33%, противоречивых – 54%.

Наибольшие коэффициенты корреляционной зависимости признака отношения к мероприятиям по реформе образования, проводимым Министерством образования и науки в вузе отмечены с таким признаком как события, вызывающие беспокойство в будущем – $S=0,117$. Распределение ответов указано Таблице 2.

Таким образом, мы выяснили, что респондентов, отрицательно относящихся к реформе, в большей степени беспокоит то, что это отразится на их заработной плате – 51,7% или на потере рабочего места – 51,7%. Также эту группу беспокоит ухудшение отношений с коллегами – 45,5%. Респондентов, нормально относящихся к реформе, в большей степени беспокоят перспективы карьерного роста – 47,7%, возможность самореализации, получения новых знаний – 43,8%, на третьем месте беспокойство относительно размера заработной платы – 34,8%. Те респонденты, которые ничего не знают о реформе (к сожалению, до сих пор остаются и такие), в большей степени обеспокоены состоянием своего здоровья – 11,4%, перспективами карьерного роста – 10,5%, потерей работы – 10,3%.

Таблица 2 – Отношение к мероприятиям по реформе образования, проводимым министерством образования и науки в вузе с учетом событий, вызывающих беспокойство в будущем (в %)

	Какие события в будущем вызывают у Вас беспокойство?							
		Потеря работы	Размер заработной платы	Ухудшение отношений с коллегами	Перспективы карьерного роста	Возможность самореализации, получения новых знаний	Состояние здоровья	Другое
Как вы оцениваете мероприятия по реформе образования, проводимые министерством образования и науки в нашем вузе?	ничего не знаю о реформе	10,30%	8,20%	9,10%	10,50%	6,30%	11,40%	6,30%
	крайне отрицательно	51,70%	51,70%	45,50%	36,80%	43,80%	80,00%	62,50%
	нормально	28,70%	34,80%	18,20%	47,40%	43,80%	0%	12,50%
	полностью поддерживаю	0%	0,40%	18,20%	0%	0%	0%	0%

Можно отметить тот факт, что положительное отношение к реформам снижает уровень тревожности респондентов относительно потери работы и размере заработной платы. Эти два факта имеют в сознании коллектива взаимозависимость: потерю работы, уменьшение размера заработной платы респонденты связывают именно с проводимым реформированием, а не со своими личностными особенностями и профессиональной квалификацией. Представляется, что пассивная позиция «от меня ничего не зависит» присутствует в сознании большого числа респондентов. Данная тенденция требует дальнейшего анализа и принятия на основе полученных результатов, поскольку именно социальная поляризация способна спровоцировать глубокие конфликты в среде работников сферы высшего образования и в обществе в целом.

Положительное отношение к реформе характеризует активную жизненную позицию человека в целом, так как характеризует его умение и желание адаптироваться и приспосабливаться к окружающей действительности.

Основными событиями в будущем, вызывающими беспокойство являются: размер заработной платы – 57,1%, потеря работы – 23,2%, перспективы карьерного роста и состояние здоровья по 7,9%. Распределение ответов указано в диаграмме. При ответе на вопрос респонденты могли выбирать более одного варианта ответа. Распределение ответов указано Диаграмме 3.

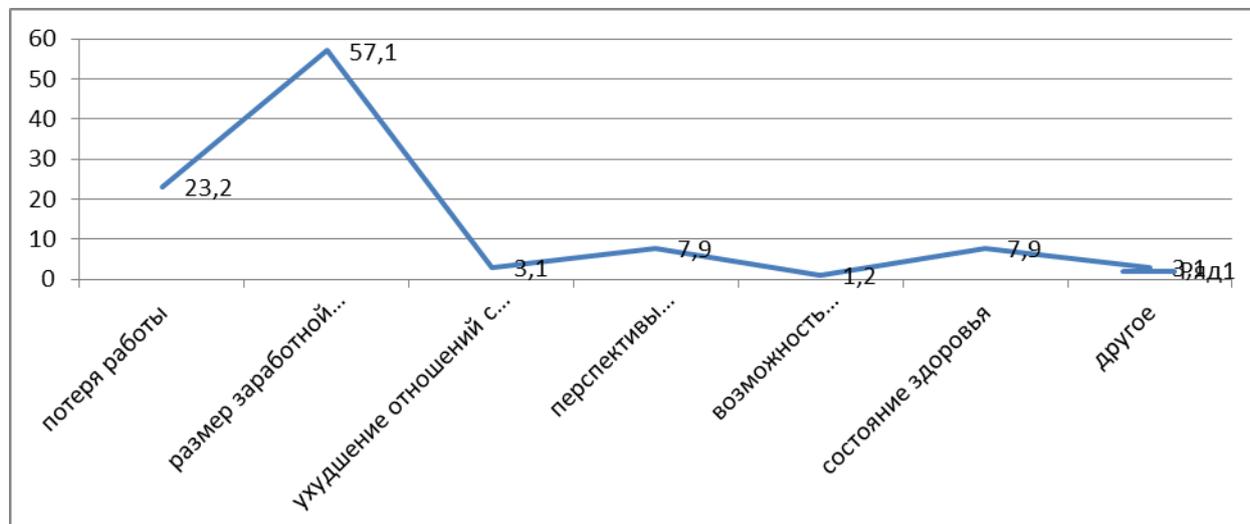

Диаграмма 3 – Какие события в будущем, связанные с работой, вызывают у вас беспокойство?

Таким образом, в России активно идет процесс модернизации высшего профессионального образования. Отношение к нему вузовской общественности не однозначно, но правительство приняло революционные решения в этом направлении. Для реализации задач модернизации в АлтГТУ проходит реорганизация структурных подразделений, создание новых учебных планов и основных образовательных программ, имеющих наибольшее количество общих точек с программами, действующими на евразийском пространстве.

Примечания

1. Модернизация // Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (3.3 Развитие образования). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.smolin.ru/odv/reference-source/2008-03.htm>.

Г. Н. ГЛИОС

*Алтайский филиал Московского государственного университета культуры и искусств,
г. Барнаул*

ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вступление современного российского общества и государства, на рубеже третьего тысячелетия, в глобальные трансформационные процессы коренным образом изменило характер и направление общественного развития. Политические и экономические реформы начала 90-х гг. XX века привели к подрыву устоев предшествующего социалистического государства, плановой экономики и к утверждению новых, во многом противоречивых основ общественного и экономического развития. Безусловно, происходящие процессы затронули все без исключения стороны жизни социума. В первую очередь, они находят отражение в общественном сознании.

Реформирование системы образования современной России также оказалось вовлеченным в глобальные процессы. Система образования в целом перестала выполнять роль воспроизведения духовно-нравственных ценностей, как на уровне общества в целом, так и на уровне отдельных элементов образовательной системы. Причинами данных последствий послужила успешная подмена целей и ориентиров общественного развития, когда на смену диалектико-материалистической парадигме, органично отраженной в системе отечественного образования, пришла утилитарно-прагматическая

модель техногенно-потребительского общества, не учитывающая традиций и специфики социокультурного развития России.

Процесс реформирования российской образовательной системы, таким образом, оказался в значительной степени зависимым от сценария инокультурной модели, предлагаемой в рамках глобализации. Инновационное развитие образовательной системы вступает в противоречие с традициями, отражающими специфику национально-государственных образовательных систем неизбежно порождая сопротивление последних. Поглощение и растворение как следствие глобальных процессов приводит к унификации систем образования, правовых систем, национальных культур, встречая не только осуждение в общественном мнении, но и более решительные формы.

Радикальные перемены в сфере бытия современного российского общества неизбежно привели и к изменениям на уровне общественного сознания, а система образования, как наиболее значимый элемент духовной сферы общества неизбежно отразила в своем движении противоречивые процессы общественного бытия и сознания современной России.

Безусловно, реформационные процессы носят не только конструктивный, созидательный – но и деструктивный разрушительный для современного образования характер. Коммерциализация образовательной системы, сокращение количество бюджетного набора в вузах, превращение образовательного процесса из творческого, в простое оказание образовательной услуги – безусловно пагубные для системы российского образования последствия. Снижение роли преподавателя, нарушение конституционного принципа о доступном и качественном образовании – таков далеко не полный список проблем современного отечественного образования. Данный перечень можно продолжать, поскольку заданный вектор реформирования стремительно наращивает свою динамику.

Трансформационные процессы современного общества приобрели поистине глобальный характер, охватив не только материально-техническую сферу, но и сферу духовной жизни общества. В первую очередь, следует определиться с тем, что мы понимаем под адаптационными процессами. Данное явление может рассматриваться нами, как минимум в двух аспектах. Во-первых – как процесс приспособления (например, к изменившимся социокультурным условиям). Во-вторых, адаптация, как процесс преобразования. В данном случае следует говорить об изменении не только структуры, но и сущностных характеристик рассматриваемого явления.

Современное российское образование оказалось поверженным глобальным реформационным процессам, носящим во многом противоречивый и непоследовательный характер.

В данном случае адаптационные процессы имеют приспособительный, амортизационный характер между требованиями и устремлениями реформаторов системы образования и реалиями российской действительности. Компаративистский подход, позволяющий наиболее оптимально рассматривать происходящие изменения с позиций сравнительного анализа норм международного и российского права в образовательной выявляет наиболее общие закономерности развития образовательных систем в традиционных и трансформирующихся обществах.

Рассмотрение адаптационных процессов современного образования возможно как минимум в двух – ретроспективно-историческом и сравнительно-правовом аспектах, позволяющих анализировать полученные результаты с позиций оптимальности и эффективности. Применительно к системе традиционных ментальных ценностей различных культур компаративистский подход способствует обретению разумного синтеза, как концептуальной основы реформирования системы образования.

Если говорить о смысле преобразований, то наиболее оптимально рассматривать их через категории философии «форма» и «содержание». Ре – форма, по сути своей это преобразование, то есть изменение формы, а относительно содержания изменения носят достаточно неоднозначный характер, в зависимости от того, какой смысл вкладывается в понятие «реформа».

Применительно к сфере образования современной России процессы адаптации приводят как к непосредственному изменению структуры образовательной системы (в рамках Болонского соглашения), но и в плане смены традиционной ценностной парадигмы и изменения содержания образовательного процесса. Безусловно, не все перемены носят положительный характер, поскольку изменений характера социальных отношений в современной России приводит, с одной стороны – к глубочайшей социально-имущественной дифференциации, и к изменению целей и смысла процесса образования, как неотъемлемой части духовной жизни общества. Модернизация образования имеет не только положительные моменты (в смысле приближения образования России к международным образовательным стандартам, конвертации дипломов о высшем образовании, и т.д.), но и негативную сторону, выраженную в снижении критериев научности знания, падении авторитета фундаментальной науки и образования, и как следствие к снижению образовательного уровня населения.

Причиной подобных явлений, несомненно, является мировоззренческий и идеологический кризис, связанный с переходом современного российского общества от одного состояния к другому. Следовательно, и сама образовательная система должна не только адаптироваться к изменившимся условиям, но и сохранить традиционные направления развития. Только на подобных основаниях адаптационные процессы современного образования могут носить оптимальный, а не деструктивный

характер и способствовать вхождению современной России в международное образовательное и экономическое пространство на достойных условиях.

Реформирование современного российского образования на рубеже XX– XXI вв. давно стало объектом наряженных дискуссий, как в политической, так и в научной среде, причем участниками подобной полемики становятся широкие слои населения, поскольку образовательная реформа затрагивает интересы каждого человека. Тема образовательной реформы, несомненно, представляет интерес не только для широкой общественности и СМИ, но требует беспристрастного и углубленного научного анализа. В предлагаемой читателю статье наиболее подробно остановимся на рассмотрении философских и правовых аспектов реформирования образовательной системы современной России.

Философское осмысление образовательной реформы предполагает её теоретико-методологическое обоснование, с позиций целей и перспектив, а также необходимость прогностического анализа тенденций, отчетливо проявивших себя в ходе реформирования.

С позиций философии права реформирование предполагает наличие базовых принципов, благодаря которым проведение реформы образования объективно способствует достижения нового качественного состояния общественных отношений. Поскольку право, в качестве оптимального регулятора общественных отношений, может приводить как к созидательным результатам, так и к деструктивным, разрушительным результатам необходимо определить содержание целей реформирования. Данный вопрос представляется достаточно ясным: либо реформа образования способствует выведению образовательной системы на новую перспективную «орбиту», либо сталкивает российское образование в пропасть, направляя его по катастрофическому и губительному пути.

Разрешение проблем современного образования, несомненно, должно использовать как колоссальный потенциал накопленный на протяжении длительного периода развития отечественной философской, правовой и педагогической науки, так и позитивный зарубежный теоретический опыт и достижения практики. Только при условии оптимального сочетания вышеперечисленных условий возможно реформирование современного российского образования направленного на достижения нового качественного состояния социального развития, ибо только благодаря образованию общество способно либо к деградации, либо к решительному прорыву на новый, вышестоящий уровень. В данных условиях, именно интеллигенции и научно-педагогическому сообществу, обладающим гражданской позицией, принадлежит решающая роль в том, как реализуется образовательная реформа, равно как и та ответственность, которую должно разделять научно-педагогическое сообщество за её результаты.

Т. А. ГОЛОВИНА, А. В. КРЕМНЁВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В России идет становление новой системы образования, ориентированной на мировое поликультурное образовательное пространство. Этот процесс сопровождается существенными изменениями в педагогической теории и практике учебно-воспитательного процесса. В этих условиях преподавателю необходимо ориентироваться в широком спектре современных инновационных подходов к организации учебного процесса. Внедрение новых педагогических технологий в образовательный процесс в высшей школе является одной из составляющих модернизации образования.

В настоящее время обучение иностранному языку в высшей школе претерпевает большие изменения. Более интенсивно стали внедряться в учебный процесс новые информационные технологии, такие как Интернет, мультимедийные обучающие компьютерные программы. Приведу цифры. По данным Всемирного центра интернет-статистики, около полутора миллиарда людей, т.е. каждый четвертый житель планеты, принимают участие в образовательном, профессиональном и личном общении посредством информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) на повседневной основе. Эти цифры свидетельствуют о том, что в современном мире уже практически невозможно полноценно осуществлять профессиональную и межличностную деятельность без информационных технологий.

При подготовке специалистов в сфере межкультурной коммуникации наиболее эффективными с точки зрения формирования навыков иноязычного общения, на наш взгляд, можно считать обучающие компьютерные программы (ОКП) и использованием ресурсов сети Интернет.

Отметим преимущества ОКП. Они позволяют:

- тренировать различные виды речевой деятельности;
- формировать лингвистические способности;
- создавать коммуникативные ситуации;
- автоматизировать языковые и речевые действия.

Кроме того, они обеспечивают реализацию личностно ориентированного подхода и интенсификацию самостоятельной работы студентов (например, при выполнении грамматических тренировочных упражнений).

Также, в последнее время происходит активная интеграция *блог-технологий* в учебный процесс. На сегодняшний день, блог, напоминающий виртуальный личный дневник, является одним из ключевых сервисов общения в социальных сетях Интернет. Выделяются пять основных направлений использования блогов в общей педагогической практике:

- площадка для различного рода дискуссий;
- площадка для консультаций и различного рода знаний;
- площадка для организации обучения студентов по основным и /или дополнительным курсам;
- площадка для организации сетевой исследовательской деятельности студентов;
- площадка для организации дистанционного учебного курса.

Следует отметить важную роль блогов в процессе повышения мотивации обучаемых и развитии у них критического мышления, что, несомненно, положительно сказывается на качестве внеаудиторной самостоятельной работы.

К другим инновационным технологиям, получившим широкое распространение в практике преподавания иностранных языков, относится *проектная деятельность*, в основе которой лежит развитие познавательных навыков, критического и творческого мышления студентов, их умений самостоятельно конструировать свои знания. Различают следующие виды проектов: исследовательские, творческие, ролево-игровые, практико-ориентированные. Каждый из них имеет ряд своих особенностей.

Как было отмечено выше, в современном образовании все больший акцент делается на развитие умений работать с информацией. Социальный заказ общества требует от обучаемых самостоятельности в добывании знаний, критического осмысления получаемой информации, умения делать выводы, аргументировать их, решать возникающие проблемы [1, с. 34-42]. В связи с этим, в сочетании с проектной деятельностью студентов, отметим *поисковый метод*, который требует глубокой проработки основ и проникновения в суть изучаемого понятия, явления, объекта. Одной из форм реализации такой деятельности с использованием сети Интернет является создание *мультимедийного альбома*. Мультимедийный альбом – это коллекция фотографий, картинок, PowerPoint презентаций, карт, историй, аудио и видео клипов, цитат, виртуальных туров по заданной тематике. Они могут создаваться как преподавателями, так и студентами. Если преподаватель хочет, чтобы студенты самостоятельно искали ресурсы, составляли доклады по теме, готовили постеры и презентации, то это самый подходящий формат. Его используют на той стадии, когда у студентов уже есть общее понимание темы. Студенты отбирают материал из предложенных преподавателем сайтов. Это могут быть фотографии, факты, цитаты, видеоклипы, виртуальные туры и т.д. Затем они копируют все это, сохраняют, после чего используют отобранный материал в проектах, результатом которых могут быть газета, постер, коллаж или даже веб-страница.

Мультимедийный альбом – это мощный инструмент, позволяющий создавать информационные структуры для какой-либо темы, используя многообразные формы представления информации: текстовую, графическую, звуковую и видео. Подобный многоплановый подход помогает лучше понять структуру и сущность изучаемого объекта [2, с. 5].

Помимо мультимедийных технологий на занятиях по иностранному языку в высшей школе стали широко использоваться такие инновационные технологии, как, например, *модульное обучение*. Принцип модульности предполагает цельность и завершенность, полноту и логичность построения единиц учебного материала в виде блоков-модулей, внутри которых учебный материал структурируется как учебные элементы. Данная система очень удобна, т.к. элементы внутри блока-модуля взаимозаменяемы и подвижны. Такой подход к изучению языка позволяет студентам постепенно погружаться в детали по схеме «всеобщее – общее – единичное».

Таким образом, в модульной системе преподавания иностранного языка нашла свое отражение единая концепция и программа непрерывного обучения. Именно такая система, как показал опыт, оказалась способной объединить новейшие достижения в области методики преподавания иностранного языка, связать воедино коммуникативный, лингвострановедческий, профессионально-ориентированный, этнолингвокультурологический и другие подходы к изучению иностранного языка.

Под модулем подразумевается законченный, вполне автономный курс, включающий в себя обучение как отдельным, так и всем видам речевой деятельности в зависимости от целей и задач, которые необходимо реализовать в процессе прохождения материала. При полной самостоятельности отдельного модульного курса, он, тем не менее, зависим от других модулей и интегрирован в общий курс иностранного языка [3, с. 188].

Основным условием функционирования каждого модуля является обеспеченность его программой и дидактическим материалом, состоящим из следующих основных компонентов: набора соответствующих аутентичных текстов/учебного пособия; рабочей тетради; словаря-минимума; дидактических материалов для работы с использованием ТСО, компьютерными базами данных и ресурсов Интернет: учебно-методических мультимедийных разработок для самостоятельной работы учащихся. По-

строение учебно-методической разработки для самостоятельной работы учащихся в виде материалов для работы на компьютере открывает широкие возможности как для самостоятельной работы в компьютерном классе, так и для дистанционной формы обучения, которая, как показывает практика, получает все более широкое распространение.

Модульная система обучения иностранному языку имеет ряд преимуществ. Она «состыковывает» все уровни обучения и сокращает разрыв между возникшими в последние годы в силу объективных причин высокими требованиями к уровню владения иностранным языком выпускника вуза. К материалу модульного курса предъявляются унифицированные требования, единые формы отчетности учащихся, стандартизируются цели и задачи, осуществляемые и решаемые в процессе прохождения модуля.

Ввиду логической последовательности и преемственности всех этапов языковой подготовки модульный характер обучения способствует системному овладению лингвистическим материалом, расширению фоновых (лингвострановедческих, профессиональных, культурологических и др.) знаний учащихся, совершенствованию умений и навыков по основным видам речевой деятельности. Модульный характер обучения дает возможность определить интеграционные связи между модулями иностранного языка и модулями специальных дисциплинарных циклов, выявить, на основе этого, возможное сочетание этих образовательных сфер и проводить «бинарные» уроки и даже целые циклы занятий. Принципами модульного обучения при обучении иностранному языку являются индивидуализация и самостоятельность работы [4, с. 197].

Модульное обучение – технология, которая позволяет перейти на субъектную основу обучения и обеспечивает ученику развитие его мотивационной сферы, интеллекта, самостоятельности, склонностей, умений осуществлять самоуправление учебно-познавательной деятельностью. Модульное обучение предполагает четкую структуризацию содержания обучения.

Таким образом, использование инновационных технологий обучения на занятиях по иностранному языку позволяет решить ряд противоречий и затруднений, наиболее часто встречающихся в высшей школе. Например:

- несоответствие между объемом знаний, которые должен усвоить студент, и отводимым на эту работу временем;
- формирование у студентов навыков оперативного использования знаний и умений в нестандартных ситуациях, что особенно актуально в наш информационный век;
- осуществление связи теоретических знаний, полученных на занятии, с практическим их применением;
- активное вовлечение в речевую деятельность студентов разного уровня языковой подготовки;
- повышение интереса студентов к изучению иностранного языка [5, с. 12].

Вместе с тем недостаточно просто интегрировать «модные» технологии в образовательный процесс, следует подготовить студентов к самостоятельному и критическому общению с ними, научить отличать не только их достоинства, но и недостатки, следует добиться построения такого обучения, в котором ИКТ не будут доминировать, а максимально обогатят потенциал учебных занятий.

Примечания

1. Зимняя И. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. №5. С.34-42.
2. Краснова Т. И. Особенности создания и использования мультимедийного альбома при обучении иностранному языку и поддержании познавательного интереса студентов // Лингвистические и культурологические традиции и инновации: сб. материалов IX Межд. науч.-практ. конф., 12-14 ноября 2009 г. Томск, 2009.
3. Милованова П. Г. Профильное обучение и предпрофильная подготовка учащихся в вопросах и ответах. М., 2000.
4. Чошанов М. А. Гибкая технология проблемно-модульного обучения. М., 1996.
5. Беляева В. Е. Модульное построение учебного процесса по иностранному языку // Лингвистические и культурологические традиции и инновации: сб. материалов IX Межд. науч.-практ. конф., 12-14 ноября 2009 г. Томск, 2009.

Т. А. ГОЛОВИНА, М. А. ГЛАЗУН

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

В современных условиях образование продолжает оставаться основой личного и профессионального успеха любого человека. Оно решающим образом влияет на возможности его трудоустройства и жизненный уровень. Конечно, требования, предъявляемые к образованию, сменились: помимо базо-

вых знаний и постоянного овладения новыми, современный работник должен уметь творчески мыслить, принимать решения и самое главное учиться на протяжении всей жизни. Соответственно, кардинальным образом изменились и требования, предъявляемые сегодня к выпускникам российских вузов. Кроме высокого профессионального уровня, современный специалист с высшим образованием должен обладать достаточно высоким уровнем иноязычной коммуникативной компетенции для дальнейшей профессиональной деятельности, включающей профессиональный рост на основе отечественных и зарубежных достижений, обмен опытом с зарубежными коллегами, научные исследования и т.д. [1, с. 19].

Владение иностранным языком стало в настоящее время обязательным компонентом профессиональной деятельности специалиста. Новая социально-экономическая и политическая обстановка в стране, отсутствие физических преград для коммуникации привели к тому, что представители различных профессий могут обучаться за границей или проходить там аккредитацию, следовательно, должны соответствовать высоким международным стандартам. Вполне закономерен тот факт, что значимость дисциплины «Иностранный язык» в системе высшего образования в России возросла. В связи с этим произошли глубокие изменения в вузовском курсе иностранного языка, который носит коммуникативно-ориентированный и профессионально направленный характер, его цель – приобретение специалистами профессионально ориентированной коммуникативной компетенции, уровень которой позволил бы использовать иностранный язык для профессиональной деятельности в рамках межкультурного общения.

Рассмотрим само понятие «компетенция». Компетенция в переводе с латинского, означает круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлен, обладает познаниями и опытом. Это понятие лежит в основе компетентностно-деятельностного подхода. Ведущая идея данного подхода состоит в том, что усваивается не «готовое знание», а «прослеживаются условия происхождения данного знания». При таком подходе учебная деятельность, приобретая исследовательский и практико-преобразовательный характер, сама становится предметом усвоения [2, с. 11]. Соответственно можно говорить о том, что данный подход выдвигает на первое место не информированность обучающегося, а умения разрешать проблемы, возникающие в различных социальных ситуациях.

Фрумин И. О. выделяет четыре основных аспекта реализации компетентностного подхода в образовании:

- ключевые компетентности;
- обобщенные предметные умения;
- прикладные предметные умения;
- жизненные навыки.

Продвижение по каждому из этих направлений способствует повышению компетентности студентов, их готовности к жизни в современном информационном обществе [3, с. 42].

Компетентностный подход в противовес квалификационному предполагает включение не только широких базовых требований к подготовке выпускника, но и требований к его социально-личностным характеристикам. Однако пока, как считают многие аналитики образования, обращение к компетентностной модели означает в большей степени всего лишь теоретизирование вокруг проблем дальнейшего развития высшего образования и уход от конструктивных решений ключевых вопросов образовательной практики. Известный ученый в области иноязычного образования Е. И. Пассов вообще считает, что компетентностный подход непродуктивен, а термин «коммуникативная компетенция» размыт и неопределен [4, с. 205]. Вместе с тем данный термин употребляется сегодня во всех нормативных документах и «отражает произошедшие фундаментальные изменения в понимании сути языкового образования и трактовки целеполагания» [5, с. 41].

Что ожидает преподавателя ИЯ в связи с переходом на компетентностный подход?

Как известно, изменение цели обучения предусматривает изменение содержания, способов и методов обучения. Однако в большинстве предлагаемых проектов программ курсов в рамках ГОС ВПО третьего поколения, в том числе и по иностранным языкам, содержание обучения остается в терминах умений и навыков. Поэтому можно сделать вывод, что коммуникативная компетенция как цель обучения носит обслуживающий характер, приобретая, по словам некоторый исследователей, лишь косметическую функцию [6, с. 33-38]. Многие специалисты отмечают, что формирование иноязычной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых ВУЗов оказалось непростой задачей, поскольку речь идет о качественно новой подготовке студентов. Основные проблемы, мешающие реализации новой цели, - это малое количество часов, отводимое на эту дисциплину, различный уровень подготовки учащихся из разных школ, недостаточная мотивация и загруженность студентов другими предметами, отсутствие навыков самостоятельной работы с иноязычным материалом, в то время как большая часть работы над иностранным языком отводится на самостоятельное изучение.

Заметим, однако, что коммуникативная компетенция дополняет и укрупняет существующую цель обучения за счет расширения социального, профессионального, культурологического и контекстуального аспектов обучения.

Как грамотно организовать обучение ИЯ в соответствии с новыми требованиями?

В новых условиях необходимо, прежде всего, помнить, что компетентностный подход – это развивающий подход, учитывающий индивидуальность каждого студента. Поэтому нашей целью является создание условий для развития его профессиональной компетенции средствами ИЯ. Для этого можно использовать дополнительные тексты по профессии, учебные фильмы и аутентичные художественные кинофильмы, соответствующие мультимедийные программы и пособия, ролевые и деловые игры, что, впрочем, делалось всегда.

Примечания

1. Босова Л. М. Концептуальные основы обучения иностранному языку в неязыковых вузах // Преподавание иностранных языков и культур в неязыковых вузах: материалы межвузовской научно-практической конференции / Московский гуманитарно-экономический институт. М, 2007.

2. Болотов В. А., Сериков В. В. Компетентностная модель: идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10. С. 8—14.

3. Фруммин И. О. Компетентностный подход как естественный этап обновления содержания образования // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: материалы 9-ой научно-практической конференции. Красноярск, 2003. С. 41-44.

4. Пассов Е. И. Методика как теория и технология иноязычного образования. Елец, 2010.

5. Щепилова А. В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку, как второму иностранному. М., 2003.

6. Бужинский В. В. Коммуникативная компетенция как цель преподавания иностранного языка в неязыковых вузах // Язык для специальных целей: система функции, среда: сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф., 11-13 мая 2010 г. / Курск. гос. техн. ун-т. Курск, 2010.

И. В. ГОРДЕЕВА

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Как известно, в основу стратегии устойчивого развития положена идея согласованного управления тремя взаимосвязанными сферами – экономикой, экологией и социальными процессами. Если на начальных стадиях формирования вышеупомянутой концепции приоритетное внимание уделялось экологическим проблемам, то в новом тысячелетии на передний план выходят проблемы социальные, в том числе проблемы образования.

Развитие современного постиндустриального общества «на основе всемерного использования потенциала, заключенного в прогрессе теоретического знания», – факт, не подлежащий сомнению. Превращение научных знаний в непосредственную производительную силу общества, невиданные ранее в истории темпы научно-технического прогресса изменили облик современного мира в большей степени, нежели многие политические и социально-экономические потрясения последних десятилетий. Экономика современных высокоразвитых стран Запада и Востока – это экономика общества, основанного на знаниях, высоком интеллектуальном потенциале и наукоемких отраслях промышленности. Становится очевидным, что гигантский природно-ресурсный потенциал государства вовсе не является гарантией успешного развития последнего, если эксплуатация природных ресурсов не сопровождается внедрением инновационных технологий добычи и переработки первичного сырья. Более того, все большее рассмотрение в литературе получает проблема заменяемости природного капитала знаниями, выполняющими функцию снижения энтропии сложных природных систем [1]. Все это порождает спрос на знания, а формирование «класса интеллектуалов» стимулирует развитие системы высшего образования, ибо уровень интеллектуального развития начинает непосредственно определять материальное благосостояние человека. Формирование экономики, в которой знание само становится важнейшим фактором развития и делает возможным более эффективное применение других производственных факторов, связано с серьезными изменениями в разнообразных областях общественной жизни.

В связи с этим в России назрела необходимость перехода от сырьевой к инновационной экономике, модернизацию которой невозможно осуществить без организации взаимодействия науки (и образования) и бизнеса. В качестве одной из мер по стимулированию данного взаимодействия предлагается вводить курсы предпринимательской деятельности для студентов естественнонаучных и технических специальностей. Однако подобные усилия могут не увенчаться успехом при отсутствии встречных мер. Последнее предполагает *формирование у представителей социума предпринимателей интереса к инновационной деятельности*, что немислимо без стимулирования интереса к науке как таковой и конкретным ее достижениям, в первую очередь в сфере естествознания. Подобная задача становится еще более актуальной с учетом данных опросов

ВЦИОМ, показывающих, что только 1-2% населения России считают профессию ученого престижной [2].

Ведущее значение в национальных образовательных системах приобретает высшая школа, выступающая как фактор повышения качества человеческих ресурсов и наращивания инновационного потенциала общества. Центром воспроизводства интеллектуального потенциала является университет, социально-экономическая роль которого только начинает осознаваться. Университеты играют все более заметную роль в разработке современных гуманитарных и производственных технологий, выполнении научно обоснованных технических и социокультурных проектов. Ожесточенная конкуренция государств в сфере высшего образования приобретает экономический характер, ибо качественное современное образование превращается в основной источник роста экономического благосостояния. Тенденция к интеграции ряда европейских стран в единое образовательное пространство является результатом происходящих в современном мире стремительных и необратимых процессов глобализации. Данное явление постепенно охватывает разнообразные сферы материальной и духовной жизни (экономику, политику, науку и др.) населения различных регионов земного шара. Независимо от отношения каждого из нас к данному широкомасштабному процессу становится очевидным, что игнорировать его более невозможно, и приходится считаться с ним как с неизбежным явлением, принимая во внимание как положительные моменты, так и издержки, и искать свое место в нем.

Высшее образование, являвшееся еще недавно элитарным, постепенно становится массовым, почти обязательным для успешной карьеры в любой сфере деятельности, профессионально ориентированным. Существование университета в культурном контексте общества постмодернизма позволяет переоценить функции высшей школы с учетом новых реалий. Если в условиях модерна универсалистские научные ценности, производителем и хранителем которых являлся университет, носили трансцендентный характер по отношению к большинству сфер жизни, то в настоящее время, по мере расширения роли знания в обществе, они приобретают совершенно новые функции. Соответственно, изменяются и требования к уровню и характеру предлагаемых образовательных услуг: из фундаментального образование превращается в прикладное, нацеленное на решение конкретных практических задач. Приоритетное место начинает занимать не «нагрузка информацией» (нередко избыточной), а обучение умению работать с ней и принимать самостоятельные решения. Ключевой задачей образования в условиях глобализации становится воспитание будущих граждан свободного, интегрированного и вместе с тем разнообразного мира, ответственных, активных в общественной сфере, профессионально преуспевающих и т. д. Очевидно, что все это требует постепенной реорганизации образовательной сферы. Для высшего образования это оборачивается рядом проблем и вызовов – в частности, ростом утилитарности, появлением узкопрофильных и узкоспециализированных программ, сведением исследовательской компоненты образования исключительно к конкретным и прикладным видам научного поиска и недооценкой значения теоретических дисциплин и фундаментальных исследований, снижением интереса к фундаментальному гуманитарному и естественнонаучному образованию, конъюнктурному стремлению к «модным» программам и специализациям и пр. Расширение нормативного поля функционирования института высшего образования в постсоветской России, обретение последним новых прав и возможностей, перспектив и путей развития превращает его в мощное средство легитимации ценностей. Высшее образование становится неременным условием жизненного успеха, а знания превращаются в товар, качество которого предстоит оценивать потребителю.

Не секрет, что в настоящее время наблюдается тенденция к снижению интеллектуального уровня значительной части российского студенчества за счет ухудшения базовой подготовки в преобладающей части общеобразовательных школ. Показательны в этом плане результаты исследования PISA (Programme for International Student Assessment) 2000 г., проведенные на территории ряда стран ЕЭС, СНГ, а также Северной Америки и Юго-Восточной Азии, показавшие недостаточный уровень математической и естественнонаучной грамотности пятнадцатилетних учащихся России по сравнению с их сверстниками из других государств. Акцент в исследованиях делался на выявление межпредметной компетентности, умения критически мыслить и использовать свои знания в разнообразных ситуациях, анализировать наглядную информацию в виде диаграмм, схем, графиков и пр. Именно разнообразный иллюстративный материал и наличие нескольких аргументированных точек зрения по одним и тем же вопросам вызвали наибольшие затруднения у значительной части российских учащихся [3]. Подобные результаты подтверждают тезис не столько о «перегруженности» учебных программ, сколько об излишней «теоретизации» российского образования, оторванности его от конкретных жизненных проблем, таких как экологические, проблемы здорового образа жизни, научно-технологические и др., что свидетельствует о неготовности к успешной адаптации в динамичном обществе. Очевидно, что не будет преувеличением экстраполировать эти данные и на абитуриентов вузов.

В докладе, подготовленном Аналитическим центром «Эксперт» [4], среди факторов, препятствующих качественной подготовке выпускников российских вузов, приводятся следующие:

- «состояние преподавательского корпуса» – недостаток у преподавателей современных практических знаний и опыта, слабый приток молодых кадров, оторванность преподавания от современного бизнеса;
- недостаточная коммуникация между работодателями и вузами в отношении конкретных потребностей работодателей или неспособность последних конкретно сформулировать требования;
- устаревшие, не соответствующие современным потребностям бизнеса образовательные стандарты и учебные программы;
- отсутствие целенаправленной деятельности по формированию у студентов коммуникативных навыков;
- неоднородный и низкий уровень контроля за качеством подготовки выпускников со стороны вузов.

Указанные факторы тесно взаимосвязаны, и кардинально изменить ситуацию возможно только при целенаправленных усилиях всех заинтересованных сторон: высшей школы, работодателей, органов государственной власти и самих учащихся. Образование входит в число безусловных национальных приоритетов во всех цивилизованных государствах. Очевидно, что оно должно соответствовать происходящим в мире радикальным изменениям в области технологий, социально-экономической и политической сферы, формирования нового типа мышления граждан XIX в. Если вплоть до середины минувшего столетия основную роль в формировании представлений о мире играло естествознание, то в настоящее время речь идет о том, что наука должна «повернуться лицом к человеку», приоритет отдается знаниям о человеке и обществе. «Физики» и «лирики», «гуманитарии» и «технари» – противопоставление постепенно уходит в прошлое, естественная и гуманитарная культуры взаимно обогащают друг друга, используя те же модели и методы познания, осознав целостность и хрупкость нашего мира, взаимозависимость различных процессов и явлений. Экономика современного мира, основанная на наукоемких технологиях, требует специалистов нового типа – с высоким интеллектуальным потенциалом. Назревает необходимость интеграции традиционных технологий образования с современными подходами и методологией, нацеленной на опережающее развитие, выработку у учащихся умения работать с информацией, коммуникативных навыков и инновационной активности, одним словом, той профессиональной компетентности, которая требуется от специалиста в новом, нестабильном и глобализирующемся мире.

Примечания

1. Экономика знаний: коллективная монография / отв. ред. д-р экон. наук, проф. В. П. Колесов. М., 2008.
2. Наука в России. От настоящего к будущему / под ред. В.С. Арутюнова. М., 2009.
3. Ковалева Г. С., Красновский Э. А. Основные результаты международного исследования достижений учащихся PISA-2000 // Школьные технологии. 2003. № 5. С. 46-57.
4. Кириллина Ю. Качество образования как комплексная проблема // Высшее образование в России. 2006. № 10. С.45-48.

А. А. ГУСЕВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ОТ БЕЗУЧАСТНОГО СОЗНАНИЯ К УЧАСТНОМУ МЫШЛЕНИЮ

1. Сегодня остро обозначена проблема качества образования. В нашей стране на поверхности вопроса чаще всего слышны социально-политические и нравственные оценки. Вместе с тем, проблема качества образования не только социально-политическая. Она также обусловлена глубокими изменениями в области производства и науки. Индустриальное и постиндустриальное производство обслуживал «совокупный работник» (частичный) как часть технической системы. Инженер, технолог, мастер, рабочий, организаторские и управленческие структуры, пусть в разной степени, но были и остаются отчужденными от результата труда и в том числе от самих себя как личности по причине «частичного труда». Одним из составляющих подготовки кадров «совокупного работника» безусловна была и остается классическая школа. Исторически она, конечно, претерпевала изменения, но никогда не расставалась со своими принципами: обучала будущих специалистов. Прошли столетия, а школа по-прежнему готовит к жизни частичного работника, профессионала. В то время как современное производство, высокие технологии, интенсивно развивающееся информационное пространство нуждаются в качественно ином работнике (трансфессионале) с новым сознанием, способным к мышлению.

Доказано. Знание живое или понимание преподавать или передать невозможно. Знание не передается, оно думается, достигается, создается усилиями самого человека. Истину нельзя понять, если не погрузиться в нее (М. М. Бахтин, М. К. Мамардашвили). «Вживание», «сопереживание», «вчувствова-

ние» (В. Дильтей), рефлексия, способность примерять на себя эпоху, погружать информацию в культуру, находить собственное место в культуре (Л. С. Выготский, М. Хайдеггер и другие), школа должна формировать ум (Э. В. Ильенков) – вот неполный перечень путей становления человека, адекватного эпохе. М. Хайдеггер предложил «неоязычество» современного усовершенствованного образца. Это вживание в архаическое мироощущение, стилистическое переживание, например, в древних греков, а то и в обитателя Крита или Микен. Беспочвенное, не соотнесенное со значением знание остается пустышкой, пустым звуком без наполнения. Г. Юнг считал сознание беспочвенным, если оно не соотнесено с прошлым сознанием (архетипом).

Итак, проблема нового человека и проблема перестройки образования назрела и стала острой. Общество ищет теоретические и практические пути выхода из образовательного и профессионального кризиса. Причем кризис касается не только России – сегодня это глобальная проблема.

2. Страны Европейского сообщества, США, страны Востока также всерьез озабочены состоянием и качеством высшего образования. В 1991 г. в Гонконге, в 2004 г. в г. Алма-Аты созданы международные организации, объединяющие цепь агентств гарантии качества высшего образования. Естественно, была сформулирована модель нового работника, согласно которой квалифицированного частичного работника должен сменить качественно новый тип работника с новым типом целеполагания и компетентности, способный задавать вопросы и находить ответы на них, принимать самостоятельные решения, способный работать в меняющихся нестандартных условиях, проявлять гибкое поведение на рынке труда. Словом, состоялась смена парадигм: «знаниево общество» предлагает заменить квалифицированного частичного работника компетентным работником – трансфессионалом с повышенным спросом на интеллект.

Модель нового работника, в общих чертах сформулированная международным сообществом, вполне можно считать социальным заказом высшей школе. Для выполнения заказа современная школа обязана отказаться от многих признаков классического образования: от авторитарного директивного стиля в преподавании, от монолога, от противостояния педагога академической аудитории и т.п. Студент из объекта образования должен стать субъектом деятельности. Преподавание необходимо сменить на обучение, но не ремеслу, а уму. Это означает: сформировать заинтересованный (мотивированный) пытливым ум, способность к анализу, синтезу, интерпретации. Компетентный работник должен уметь вопрошать, самостоятельно искать ответы на вопросы, грамотно формулировать проблемы, уметь принимать решения и соответственно «расширять» «узкие производственные места». Одним словом, ставка делается на интеллект. Будущего компетентного работника следует учить мышлению.

3. Естественно задать вопрос: можно ли научить человека мыслить? Обучение мышлению иллюзия или реальность? До сих пор считалось, способность к мышлению – удел одаренных детей и личностей. Креативность – явление штучное и скорее случайное, чем закономерное. В философии на этот вопрос нет однозначного ответа. Э. Гуссерль был убежден, что научить мышлению невозможно, мышление – это тайна. М. Хайдеггер, напротив, считал, что человек «уготован», «предназначен мыслить». «Непотаенное должно быть вырвано из потаенности, похищено у нее». Философ при этом не идеализировал человека, отнюдь. Изобличал его настоящее состояние. Утверждал, что человек спасается бегством от мышления, а бегство от мышления и есть основа для бездумности. К сожалению, человек, – утверждает немецкий философ, – никогда не признается в этом даже самому себе, будет отрицать бегство от мышления. Но это не означает и того, что он навсегда утратил способность мыслить. В новых исторических условиях человек обречен на мышление. Чтобы выжить, он должен развить в себе эту способность [1].

Для этого должен осознанно учиться – это, во-первых, и, во-вторых, по мнению М. Хайдеггера, необходимо попасть «в стихию мышления». Философ приводит пример с природной стихией для пловца. Что значит плавать, мы узнаем не из руководства по плаванию. Об этом нам скажет прыжок в реку. Только так познаем мы стихию, в которой должно проходить плавание. Но, какова стихия, в которой должно состояться мышление? Если мы не мыслим, то мы еще не попали в стихию мышления. Мы еще находимся в пути. Но как не заблудиться? [1]

Первым шагом к мышлению М. Хайдеггер называет восприятие. «Это берущее-перед-собой-восприятие есть представление о простом и одновременно сущностном смысле», в котором мы даем бытию (длящемуся и присутствующему) быть как таковым. Но это вовсе не означает того, что бытие помыслено. Оно по-прежнему остается тайной, скрыто, не стало достоянием мышления. Мышление еще не попало в собственную стихию. Поэтому вопрос: «Что значит мыслить?» – остается открытым [1]. Лет на тридцать раньше, чем М. Хайдеггер, эта проблема интересовала М. М. Бахтина, А. А. Ухтомского, Ж. Пиаже и других российских и зарубежных философов и ученых. М. М. Бахтин специально, чтобы от «безучастного» сознания приблизиться к «участному» мышлению, разработал новояз, предложил свой язык философа отличающегося от традиционного субъектно-объектного языка. Он вводит такие понятия как: «участность» и «причастность», ответственность, поступок как бытийное основание субъекта, ответственно поступающая мысль, «участное сознание» и т.д.

Список имен и идей, вложенных в решение сложнейшей философской проблемы, можно продолжить. У каждого свой вклад в общую тему бытия и мышления. Но все идеи о должном, как должно быть. Что, в общем-то, очень важно. Но по-прежнему нет ответа на вопрос: как обучить мышлению? – вопрос остается открытым. Заглянуть «в потаенное» удалось немногим.

4. В 1930-х гг. Л. С. Выготский выходит в науку о мышлении с идеей «зоны ближайшего развития». Он подобно М. Хайдеггеру ищет «стихию» для мышления. Первоначально в качестве «стихии» он избирает «зону ближайшего развития» раннего детского возраста. Психолог, педагог и философ в качестве методологической основы избирает марксистское учение о становлении человека. Исходит из того, что ребенок в процессе воспитания продельывает то, что человечество проделало в течение длительной истории: изменяет свою собственную природу; в процессе сознательной деятельности человек по отношению к данному природой веществу, «сам противостоит как сила природы». Действуя на внешнюю природу и изменяя ее, человек делает себе подвластной работу своих естественных сил. Подчинение себе этой силы природы, то есть своего собственного поведения, и является необходимым условием трудовой деятельности и становления человека. Материалистический взгляд на проблему существенно обогатил возможности молодого психолога. В то время, как большая часть молодых психологов еще училась азбуке марксизма и пыталась приложить ее к психологической науке, Выготский осознанно и глубоко принимает материалистическое мировоззрение, видит в нем методологическое основание своего научного поиска. В результате, для одних наука сводилась к иллюстрациям законов диалектики на психологическом материале, для Выготского – открылась возможность сформулировать актуальные нетрадиционные вопросы и искать на них ответы.

Л. С. Выготский сумел увидеть в проблеме сознания не только вопрос конкретных методик, но прежде всего философско-методологическую проблему колоссального значения, как фундамент будущего здания науки о высшей нервной деятельности. Ученый понимал, что сознание необходимо изучать по-другому, чем декларировала «старая» психология. Сознание надо изучать не как сцену, на которой выступают психические функции, а как духовный орган, организующий и управляющий собственным «Я». Но к духовному органу нужно было еще подобраться. Психолог обратился к первоначальной клеточке «стихии» мышления – условному рефлексу.

5. Путь к мышлению ученый начинает издали, с условного рефлекса. В условном рефлексе он видит начало становления человека с коим психики, первую реакцию, первый социальный контакт человека (пока еще ребенка) с миром. (Иногда говорят о «пробуждении» человеческой психики. Но в данном случае – это всего лишь метафора). В начале XX в. психология и физиология уже знают о двух видах рефлексов: естественном и искусственном, безусловном и условном, врожденном и приобретенном рефлексах. По этому вопросу разногласий нет (Ч. Дарвин и И. П. Павлов). Но этой формулой по существу и исчерпывается поведение животного. Иначе обстоит дело с человеком. Человек располагает чрезвычайно расширенным наследственным опытом. Выготский включает сюда не только физический опыт, но и культурно-исторический, и социальный опыт. Есть и другое, по его мнению, не менее важное отличие рефлексов. В животной среде рефлекс носит приспособительный пассивный характер, если не считать «созидательного» инстинкта у некоторых животных. Хотя инстинкт также носит приспособительный характер. У человека иное, активное приспособление среды к себе.

На основании марксистского учения: «...результат, полученный в процессе труда, имелся перед началом этого труда идеально» (см.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с.189), Выготский делает вывод об «удвоенном опыте» и соответственно выстраивает новую формулу и структуру поведения человека: культурно-исторический, социальный, удвоенный опыт (см. очерк «Сознание как проблема психологии поведения»). Молодой ученый совершает очень важное открытие в психологии на пути к решению проблемы мышления и речи. Он открывает группу «социальных рефлексов» с характерными для них признаками: «обратные» рефлекс, «обратимые» рефлекс и «переплетенные» рефлекс. Перечисленные признаки – реакция на раздражители, которые в свою очередь могут быть созданы человеком. Слово услышанное – раздражитель, слово произнесенное – рефлекс, создающий тот же раздражитель. [2, т.1, с.52-53]. Ничто иное, как рефлекс – раздражители и создают основу для сознания и одновременно выступают основой социального общения, а также становятся основой коллективной координации поведения, «что, между прочим, – отмечает автор очерка, – указывает на социальное происхождение сознания». Вывод о происхождении сознания для 1920–1930-х гг. отнюдь не банален. Напротив, указывает на революционный характер идей ученого. Выготский для себя выстраивает мировоззренческий вопрос и вслед за ним приступает к исследованию путей «пробуждения» человеческой психики и мышления. Для него материалистическое мировоззрение становится методологическим принципом.

Из всей массы раздражителей он выделяет одну группу, группу социальных раздражителей, исходящих от людей в «зоне ближайшего развития». Условные рефлекс заслуживают особого внимания потому, что они объективны и потому, что «уподобляют меня, делают тождественным с собой. Они делаются для меня обратимыми и, следовательно, иным образом определяют мое поведение, чем все прочие». К этой группе раздражителей Выготский относит слово и речь. В речи и лежит источник поведения и источник сознания. «Речь и есть система рефлексов социального контакта, с одной сто-

роны, а с другой, система рефлексов сознания по преимуществу, т.е. для отражения влияния других систем» [2, т.1. с. 52]. Человек может повторить слово, сказанное молча, и повторить слово, сказанное другим человеком. Нет никакой разницы в механизме: «и то и другое обратимый рефлекс-раздражитель». Если и стоит говорить о разнице, то она между рефлексом на рефлекс и рефлексом на раздражитель. В контексте раздражителей – это окружающий мир (природа и общество), в контексте моих рефлексов – это сознание, рефлекс рефлексов, идеальное. Корень этого вывода следует искать в рассуждениях о «Я» и «другом», о чужом «Я». Механизм познания себя и другого один и тот же. Мы сознаем себя, потому что сознаем других. На основании приведенных выводов понимаешь насколько велико значение открытия комплекса и системы социальных рефлексов. И насколько они приоритетны по сравнению с выводами его современников ученых и философов. Вернемся к проблеме мышления.

Решение задачи, сформулированной Хайдеггером, вырисовывается следующим образом. Если для пловца стихия – это река, то к стихии для мышления мы пока что на полпути. Мы пока что вышли к сознанию как рефлексу рефлексов и к внешнему раздражителю сознания – обществу. Без обращения к условному рефлексу сознание не было бы естественным продолжением развития психики и началом формирования высшей нервной системы. Но рефлекс не последняя инстанция в избранной Выготским проблеме. Не покидая идеи «зоны ближайшего развития», он, опираясь на комплексный и системный подход в исследовании психики, открывает и разрабатывает новые идеи, методы и методики. Между системой социальных рефлексов и обучением – формированием способности к мышлению имеют место наблюдение, эксперимент, интерпретация, не традиционные выводы.

6. Итак. Роль знака как условного символа (слово – универсальный знак); интериоризация – фундаментальный закон развития высших психических функций (всякая функция в культурном развитии появляется дважды, сперва – социальном, потом психологическом, сперва как категория интерпсихическая, затем как категория интрапсихическая, в процессе интериоризации формируется сознание). Нельзя не заметить более глубокого понимания проблемы интериоризации Выготским по сравнению с европейской традицией. Не только переход социального внутрь, в психику, «вращивание внутрь». В процессе интериоризации изменяются не только функции, но, главным образом, изменяются и модифицируются отношения, связи функций между собой, возникают новые, ранее не известные связи и возможности. Следующая проблема касается мотиваций деятельности. Выготский обнаруживает, что мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только мотивация может ответить на многие «почему».

В поисках «стихии» мышления Выготский обращается к возрастной психологии. Проводит эксперименты, доказывает, что активная деятельность ребенка детерминирует формирование его мышления в раннем детстве. Однако ведущей в формировании и развитии психики ребенка является внешняя деятельность (игра, обучение, учитель-воспитатель, семья – зона ближайшего развития). Было доказано: обучение и игра вызывают целый ряд функций, находящихся в стадии созревания, лежащих в зоне ближайшего развития. Таким образом, зона ближайшего развития характеризует разницу между тем, на что ребенок способен самостоятельно, и тем, на что он становится способен с помощью учителя. Этот вывод был революционным. До Выготского господствовало воззрение, согласно которому обучение должно идти вслед за развитием ребенка и закреплять достигнутое им. Ученый доказал: обучение должно опережать развитие психики.

Примечания

1. Хайдеггер М. Что значит мыслить? / пер. А. С. Солодовникова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/heideg/thought.html>.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. М., 1982–1984.

И. А. ЖЕРНОСЕНКО

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Необходимость научного осмысления логики развития современной системы Российского и регионального образования не нуждается в специальном обосновании. Образование давно завоевало себе ведущие позиции в процессе формирования отдельной личности, социальной градации общества, культуры народа в целом. XX век внес своеобразие в характер, цели и направленность системы образования. В условиях становления постиндустриального общества наиболее существенно встал вопрос: куда двигаться дальше? Каким будет общество завтра? И что для этого надо сделать сегодня?

Вопросы прогнозирования относятся к категории наиболее сложных, неоднозначных научных задач, имеющих разную степень точности и достоверности на различных этапах развития системы.

Современная наука дает возможность в предвидении будущего целого ряда областей деятельности человека. В культурно-историческом пространстве переходного времени прогнозирование будущего становится насущной потребностью, а не простым любопытством. Время требует все более и более сознательного движения вперед в нашем развитии и оценке современности относительно прошлого и возможного будущего.

Всеобщий характер переходных процессов, охвативших в современной России все системные уровни и элементы культуры, обусловил высокую потребность общества в моделировании будущего по всем направлениям социокультурного развития. Побудительным мотивом для этого стали открытия синергетики, утверждающей, что именно перспективные идеи и модели будущего состояния системы запускают в момент выбора процесс ее саморазвития. Но осмысление будущего имеет первостепенную значимость и для решения современных проблем. По мнению Д. С. Лихачева, «попытки заглянуть в будущее имеют значение не только для раскрытия будущего, но и для того, чтобы осознать настоящее – кроющиеся в нем возможности, отделить творческие силы от нетворческих» [1, с. 167].

Для выстраивания моделей и стратегий культурного развития, отвечающих условиям современной научной парадигмы, важное значение имеют общеметодологические исследования, основанные на синергетических принципах и системном подходе, таких авторов, как М. С. Каган, Э. С. Маркарян, Н. Н. Моисеев, А. И. Уемов, В. В. Василькова и др. По существу, сегодня начался переход к новому способу организации общественного бытия и соответствующему типу культуры. И выявить закономерности этого перехода возможно лишь при условии использования всеобщих методов, характеризующих процессы саморазвития любых сложных и сверхсложных систем, а значит – относящихся и к развитию общества и культуры.

В современных исследованиях формулируются основные положения разворачивания социокультурных процессов в русле синергетической методологии. В. В. Василькова неоднократно подчеркивает, что развитие мира происходит по нелинейным законам, т.е. нельзя сводить его к кумулятивной поступательности. «Темп и направление развития не заданы однозначно; отсюда – новое понимание проблемы управления сложноорганизованными системами: оно должно ориентироваться не столько на желание управляющего, сколько на собственные тенденции развития этих систем, а также допускать возможность существования зон (и моментов), свободных от контроля – непредсказуемых» [2, с. 30]. Эта методология позволяет по-новому оценить тенденции и возможности развития системы образования, но требует некоторого уточнения. Нельзя просто калькировать даже эти универсальные методы исследования сверхсложных систем с естественных процессов на социальные и исторические, т.к. социальные системы содержат в себе особый элемент – человека, обладающего специфическим свойством, отсутствующим в природных системах – разумом и свободой выбора. М. С. Каган акцентирует внимание на одном из основных параметров синергетического подхода – *соотношении закономерности и случайности*. Он настаивает, что при изучении антропосоциокультурных систем требуется дополнительно учитывать отношение «*необходимость - свобода*», т.к. «в поведении человека случайные обстоятельства порождают то или иное действие лишь в результате *свободно принимаемого* им решения» [3, с. 61].

Историческая наука периода социализма, исследуя проблему роли личности в истории, практически сводила ее к нулю, обосновывая указанные положения историческим детерминизмом. Использование методологии синергетического подхода актуализировало значение субъектного аспекта истории. Именно субъективный фактор определяет направленность и качество человеческой деятельности, что собственно, и является историко-культурным процессом, а культурология выдвигается на роль своеобразной теории познания, главным принципом которой становится культурный детерминизм.

В бифуркационной ситуации, когда сломаны привычные стереотипы, связи, формы социокультурных процессов, идет сложный процесс самоорганизации за счет внутренних факторов, имманентно присущих данной системе, и внутренних стимулов, с одной стороны, и проявление субъективных потенций в сложной совокупности внешних обстоятельств – с другой. Изменение политических, социально-экономических основ общества с неизбежностью повлекло за собой новое структурирование культурных процессов, которое, в свою очередь, потребовало серьезных изменений в подходах к управлению ими. Однако принятые сегодня в России модели развития культуры, как правило, прозападного образца, вступают в глубокое противоречие со сформировавшейся отечественной историко-культурной традицией. Сегодня необходимо осознать, что становление культурной политики должно происходить, в первую очередь, с позиций самодетерминации, внутреннего целеполагания.

Культурная политика всегда является составной частью реальной социальной политики. На ее основании формируются научные концепции культурного движения, соответствующие планы и рекомендации. И в то же время необходимо переосмысление роли субъективного и объективного в выстраиваемой стратегии, т.к. прошло время командного стиля руководства, основанного на директивном методе, осуществляемом от центра к периферии.

Образовательная политика является составной, причем, весьма значимой, частью культурной политики. В условиях становления информационного общества, существующего по законам рынка, изменяется структура и векторы образовательной политики. Образование рассматривается теперь не как базовый фактор становления, устойчивости и развития общества, а как сфера услуг. Поэтому образовательные учреждения нередко встают перед дилеммой: с одной стороны, насыщение рынка и удовлетворение потребностей общества социально значимыми образовательными услугами, а с другой – как это сделать в условиях ограниченных ресурсов? Названные проблемы порождают необходимость развития маркетинга в некоммерческих организациях, призванного решить две взаимосвязанные цели: 1) достижение наиболее полного удовлетворения потребностей «целевых аудиторий»; 2) увеличение бюджета организации с тем, чтобы оставаться конкурентноспособным на рынке образовательных услуг.

В условиях становления рынка образовательных услуг возникает проблема соотношения фундаментальности и специализации в образовании. Усиление фундаментальности в подготовке специалистов, с одной стороны отдаляет потребность в послевузовской профессиональной переподготовке, благодаря долговечности и относительной универсальности фундаментальных знаний, но, с другой, стороны, увеличиваются затраты временных, а теперь нередко и финансовых ресурсов на адаптацию выпускников по месту работы. Узкая же специализация влечет за собой опасность несоответствия спроса и предложения.

В свете вышеозначенных процессов напрашивается вывод о том, что назрела насущная необходимость парадигмального изменения системы общего образования. От традиционных подходов, основанных на доминирующей функции естественнонаучных знаний и технико-ориентированных умений и навыков, **необходим переход к гуманистической, культуросообразной модели образования, нацеленной на формирование саморазвивающейся, социально-ориентированной личности, способной к самореализации и к свободному (культурно- и социально-обусловленному) выбору, обладающей высокими морально-нравственными устоями, вооруженной ценностными гуманистическими ориентирами, гражданственным самосознанием.**

Содержание образования в такой школе должно быть сконцентрировано на ценностях мировой, национальной и региональной культуры. Критериями качества образования должны стать не только знания, умения и навыки (которые являются лишь средствами образования), но и развитость, культурность, воспитанность и здоровье учащихся. Модернизация учебного плана должна осуществляться в направлении перехода от предметного преподавания к интегративному, по областям знаний. Помимо введения в учебный план предметов общекультурного и развивающего характера, необходимо вычленять культурологические аспекты содержания во всех образовательных областях. Значительную роль в реализации культурологической составляющей школьного образования может сыграть широкая система дополнительного образования. Для уменьшения объема учебной нагрузки без содержательных потерь необходимо применение интенсивных технологий обучения. Подобные подходы к обучению обеспечивают свободу самореализации личности учащегося и способствуют социально-экономическому прогрессу общества.

Образовательная парадигма, задающая определенные образовательные ценности и цели, всегда жестко скоррелирована с государственной моделью и соответствующим ей типом культуры. Если сущность человека сведена к ролевой функции («винтик» в государственном «механизме» тоталитарного общества), то и школа оказывается нацеленной на передачу конкретных позитивных знаний, где роль гуманитарных наук низводится до уровня второстепенных, обслуживающих основной блок естественных, математических и политехнических предметов, обеспечивающих индустриальный прогресс. Гуманитарные предметы приобретают черты наукообразности, из которых выхолащивается главная их составляющая – **ценностный аспект**, а искусство вообще оказывается чуждым элементом, и, в лучшем случае, играет гедонистическую (развлекательную) роль, либо выполняет социальный заказ государства в качестве одного из средств идеологического воздействия. Воспроизводство социальной модели и соответствующей ей культуры становится целью образовательного процесса, а ребенок – лишь средством этого производства. Обучение в такой культуре «суеверно», так как тип коммуникации между учителем и учеником – однонаправлен.

Если же государство заинтересовано в подлинном прогрессе, оно не может не осознавать, что осуществить этот прогресс может только сообщество культурных индивидов. Русские мыслители, философы, такие, как Н. Бердяев, П. Флоренский, Н. Рерих и другие убедительно доказали, что без **культуры** не может быть **цивилизации**. Культура же, с ее опорой на нравственность, этическое начало, способна развиваться лишь в индивиде. Гуманистическая образовательная парадигма порождает диалогический тип коммуникации, который основан на принципе диалектического единства индивидуального и всеобщего, когда участники образовательного процесса находятся в субъектной (или другодоминантной) позиции. Жесткое тематическое планирование уступает место деятельностному проектированию; предметное содержание оформляется в средство образования человека, теряет свою

статичность и оформляется в эвристический диалог, основанный на предпочтениях и образовательных запросах учащихся.

Просвещенческая образовательная парадигма, выросшая на дефинициях Р. Декарта «мыслю, следовательно существую» и К. Линнея «человек разумный», построенная на принципе передачи ученику совокупности естественно-научных и математических знаний оставалась актуальной вплоть до конца XX века, главной задачей которой являлось быстрое и эффективное превращение ребенка в «человека разумного». При этом система нравственного, эстетического, художественного воспитания мыслится как второстепенный процесс, производный от образовательного и передается в форме набора неких идеологических или «общечеловеческих» (а значит – «ничьих», т.е. культурно недетерминированных и, следовательно, личностно неактуальных) постулатов.

В период перестройки и некоторого духовного плюрализма возникает попытка заменить или дополнить воспитательные идеологические конструкции традиционного образования введением религиозного образования. Однако, эти начинания не дали желаемых результатов, т.к. соединение рационально-сциентистского сознания с религиозным в существующих ныне формах невозможно, ибо имеют противоположные предметы (материальный мир и трансцендентный), а значит – и методы познания.

Выход из создавшегося положения возможен лишь при изменении отношения к детству как особому, но полноценному состоянию человека, содержащему в себе главный механизм саморазвития – способность к творчеству. Как определяет К. С. Пигров: «Культурологически детство – всегда предстает как творчество... Поэтому не только взрослый учит ребенка, но и ребенок учит взрослого, именно, - раскрывая дионисийское измерение мира, ребенок учит взрослому творчеству... Только в столкновении с плодоносным хаосом ребенка образование раскрывает в полной мере свое аполлоническое начало... Постигание детства всегда оказывается исследованием и испытанием творческого процесса в той форме, как он сложился в данной культуре, - испытанием того, - в какой мере эта культура способна дать ответ на вызов мира. Если образование в кризисе, то есть культура не в состоянии справиться с ребенком, то это грозный симптом того, что эта культура и эта цивилизация могут не справиться и с другими внешними вызовами» [4, с. 20]. Свойственные детскому возрасту яркое эмоциональное восприятие окружающего мира, способность к его одухотворению, мощное творческое воображение, стимулирующее продуктивную деятельность, реализующуюся в художественно-образном воссоздании реальности – все эти качества являются необходимым базисом для развития в более старшем возрасте научных и технических способностей. «Качества, характеризующие детство, могут и должны сохранить свою действенную творческую силу рядом с новыми способностями, обретаемыми взрослым. Только в этом случае будут преодолены историческом типе личности – «человека разумного» и «раба божьего» в разносторонне-богатом новом историческом типе личности – «человеке человеческом» [5, с.9]. Эту дефиницию М. С. Кагана можно определить как кредо современной модели образования.

Примечания

1. Лихачев Д. С. Будущее литературы как предмет изучения // Новый мир. 1969. № 9.
2. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной организации. М., 1999.
3. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. СПб., 2000.
4. Пигров К. С. Детство как социально-философская проблема // Дети Севера / Тезисы докладов и сообщений IV Международной конференции «Ребенок в Современном мире». СПб., 1997.
5. Каган М. С. Отношение к детству как явление культуры // Дети Севера / Тезисы докладов и сообщений IV Международной конференции «Ребенок в Современном мире». СПб., 1997.
6. Богданова Е. Л. Принцип культуросообразности образования: ценностный аспект // Культура и социум. / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2000.
7. Валицкая А. П. Региональный принцип в парадигмальных характеристиках образования // Дети Севера / Тезисы докладов и сообщений IV Международной конференции «Ребенок в Современном мире». СПб., 1997.
8. Григорьева Т. П. Синергетика и Восток // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М., 2000.
9. Гудыма А. П. Социально-философские основы стратегии устойчивого развития малочисленных народов Севера. Екатеринбург, 2000.
10. Захарова Л. Н. Типы личности (в зависимости от ценностной ориентации) // Культурологические аспекты развития Западной Сибири / Материалы Всероссийской конференции. Тюмень, 1998.
11. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996.
12. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998.
13. Мосолова Л. М. Общекультурная подготовка как основа образования учителя // Диалоги об образовании. Российский и шведский опыт. СПб., 1999.

МЕСТО И РОЛЬ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В настоящее время широко распространено мнение: для того, чтобы найти интересную, престижную, хорошо оплачиваемую работу, необходимо иметь диплом о высшем образовании. Однако современные вузы ежегодно выпускают большое количество молодых дипломированных специалистов, которые выходят на рынок труда и не могут найти работу по специальности. В России не хватает людей, способных открывать производство и создавать рабочие места. В результате возникает серьезная социальная проблема, выражающаяся в противоречии между стремительным ростом технологий и консервативностью высшего инженерного профессионального образования. Эта проблема может быть решена дополнением высшего профессионального образования обучением знаниям и навыкам предпринимательской деятельности.

Бизнес-образование в техническом вузе должно занимать особое место, так как именно выпускники инженерных специальностей нацелены решать практические задачи в различных отраслях хозяйства. Инженерная мысль, направленная на создание технического новшества для решения той или иной хозяйственной проблемы, требует своего логического продолжения в развитии предпринимательской деятельности. История показывает нам множество примеров инженеров-предпринимателей. Известный всему миру предприниматель Генри Форд, основавший Ford Motor Company и внедривший на своём предприятии конвейерный метод сборки, был инженером-механиком и изобретателем.

Можно привести примеры из истории российского предпринимательства. Путилов Николай Иванович, предприниматель, инженер, изобретатель, преподававший математику, астрономию, навигацию, занимался частной предпринимательской деятельностью. Впервые в отечественной практике организовал производство железа из чугуна, выплавляемого из озёрных руд, участвовал в строительстве сталелитейного завода, купил у казны железодельный и сталеплавильный завод, позже названный по его имени Путиловским заводом [1]. Н. П. Аносов [2], Н. Е. Жуковский, И. И. Сикорский, И. Г. Бубнов и многие другие российские инженеры-предприниматели сыграли особую роль в модернизации России в середине XIX – начале XX вв. [3].

Интенсивное вовлечение профессионально подготовленных инженеров в сферу предпринимательства началось с середины XIX в. и оказало большое влияние на деловую элиту страны. Постепенно в ходе индустриализации техническая интеллигенция, чутко улавливавшая экономическую конъюнктуру, постепенно потеснила предпринимателей дореформенного типа, полагавшихся в основном на деловую сметку. Таким образом, в пореформенный период менялась не только социально-экономическая жизнь огромной империи, но и культурно-психологический облик предпринимателя. Вовлечение инженеров-предпринимателей в те сферы, где требовалась профессиональная подготовка, обусловило появление среди них немалого числа ученых с мировым именем. Очевидно, что инкорпорирование инженеров в предпринимательскую среду оказывало заметное влияние на процесс индустриализации [3].

Модернизация экономики сказывалась на изменении традиционного патриархального уклада предпринимательства. С 1890-х гг. правительство активно содействовало изобретательству, участию России в международных выставках, кроме того, государство способствовало организации научных и профессионально-технических обществ. Российский премьер С. Ю. Витте уделял повышенное внимание совершенствованию специального образования с целью обеспечить экономику собственными кадрами (в XIX в. предприниматели довольно часто прибегали к услугам иностранных инженеров). В эти годы было значительно реорганизовано Императорское Московское техническое Училище, выпускники которого внесли большой вклад в развитие промышленности и предпринимательства в конце XIX – начале XX вв. [3].

Проблема инженерного бизнеса, места и роли технической интеллигенции в деловой среде России по известным причинам до сих пор изучалась слабо. Тем не менее, роль инженеров-предпринимателей в эпоху современной модернизации очевидна. Президент фонда «Сколково» Виктор Вексельберг считает, что основная задача данного инновационного центра – создать «Экосистему», в которой смогут появиться инженеры-предприниматели и возникнет непрерывный поток стартапов. «Работа этой экосистемы ... должна завершиться продуктом университетского образования – инженера-предпринимателя или исследователя-предпринимателя. Это тот кадровый потенциал, который будет служить основой реализации всех тех задач, которые перед нами стоят», – сказал он. Центр «Сколково» задуман как испытательный полигон новой российской экономической политики и инкубатор модернизационных технологий [4].

Инженерное предпринимательство существует и развивается в наше время, и примеров тому немало. Смирнов Сергей Владимирович, частный инженер, предприниматель (г. Новосибирск) создал коллектив единомышленников, увлеченных созданием высокотехнологичного оборудования для обработки пенополистирола. С 2000 г. было разработано более 30 моделей станков и инструментов,

начиная от простых резаков (типа «горячий нож») до сложнейших программно-управляемых комплексов [5]. Нифантьев Аркадий Васильевич инженер, предприниматель (г. Кокшетау), авторизованный региональный представитель фирм-производителей сложной бытовой и промышленной техники: «Bosch», «Siemens», «Gorenje», «Samsung», «Ariston», «Indesi», «Stinol», «Бирюса», «Thermex», «Garaterm», «LG». Обеспечивает установку, обслуживание, гарантийный ремонт продукции указанных марок, а также установку, обслуживание, гарантийный ремонт тепло- и водосчетчиков, систем отопления и кондиционирования, водоснабжения и канализации [6]. Борис Санин, самозанятое лицо, инженер, предприниматель, на основе оригинальной инженерно-конструкторской разработки тепловой машины электростанции создал принципиальные проекты различных вариантов установок мощностью от 1 до 200 кВт (тепло от 4 до 300 кВт для отопления, либо другого технологического использования) [7]. И многие другие инженеры нашли себя в сфере малого бизнеса.

В целях реализации государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства государство формирует и развивает предпринимательскую инфраструктуру, которая должна обеспечить функционирование единой информационной системы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Неотъемлемой частью предпринимательской инфраструктуры являются вузы, которые готовят кадры для рыночной экономики. Вникая в тенденции развития общества, становится понятным, что современный технический вуз должен воспитывать и обучать не просто инженеров, невостребованных в современном производстве, а инженеров-предпринимателей, способных довести свои инженерные решения до конечного рыночного продукта. Потребность российской экономики в инженерах-предпринимателях будет неуклонно расти, причем этот путь должен стать массовым.

В Алтайском государственном техническом университете с 2004–2005 учебного года ведется преподавание ряда дисциплин, формирующих системные знания в области предпринимательской деятельности. Важно донести до студентов, что предпринимательство – это не просто достойный вид деятельности человека, а необходимое условие успешности российской экономики. Кроме того, нужно дать студентам представления об условиях и особенностях этого вида деятельности. Большинство студентов, поступивших в вуз, не имеют об этом никаких представлений, и для них данная информация является своего рода открытием. Не все могут и хотят стать предпринимателями, но есть такие, у которых загораются глаза, возникает желание найти свою предпринимательскую идею. Для них в АлтГТУ предлагается изучение факультативного курса «Основы предпринимательства», организуются и проводятся встречи с известными предпринимателями Алтайского края.

Факультатив организовал и читает почетный член Алтайского союза предпринимателей профессор В. Ф. Чепель, который и сам занимался бизнесом, и более десяти лет помогал другим открывать свое дело, курируя в краевой администрации поддержку малого предпринимательства, а потом возглавляя Алтайский Бизнес-инкубатор и Центр Поддержки Предпринимательства. Изучение факультативной дисциплины «Основы предпринимательства» может стать началом сложного, но интересного и достойного пути к личному успеху, который предполагает взятие на себя ответственности и инициативы самостоятельно выстраивать свой жизненный путь. На факультативе идет речь о том, как избавиться от мифа, что только небольшая часть людей обладает предпринимательскими способностями. Выдающиеся способности редки, но стать специалистом и организовать собственную фирму, в которой всего несколько сотрудников, – это вполне по силам выпускнику технического вуза. Факультатив имеет просветительский, мотивирующий характер. Но после него будет понятно, какие технологические задачи нужно решать и как двигаться дальше.

За последние два года в АлтГТУ регулярно проводились встречи с известными предпринимателями края, информацию о которых можно прочитать в газете «Алтайский политехник» [8, с. 3; 9, с. 4; 10, с. 3; 11, с. 6]. Эти встречи дали много пищи для размышления студентам, преподавателям и самим предпринимателям. В странах с развитой рыночной экономикой, система малого и среднего бизнеса давно уже стабилизировалась и представляет собой сеть предприятий, тесно взаимосвязанных между собой в процессе разделения труда. «У нас привыкли делать все в одном месте, огородившись забором, – отсутствует разделение труда, производительность сводится к нулю. Вместо того, чтобы строить заборы, нужно строить экономические отношения! Чем таскать ветчину из-за границы, я предпочел бы производить ее здесь», – поделился со студентами политеха своим мнением П. М. Тулин, основатель супермаркетов «28 апельсинов» и «Гастроном № 28», Председатель Совета Общественной палаты Алтайского края [8, с. 3].

Для решения задачи подготовки будущих предпринимателей, то есть людей, не имевших практики в этом, но имеющих намерение открыть своё Дело, нужна специальная дополнительная форма обучения. По существу, бизнес-школа такого рода должна доводить специалиста в отношении предпринимательства «с нулевого уровня до среднего». Необходимо создать систему, которая дополнительно к специальному профессиональному обучению в вузе обеспечит психологическую и интеллектуальную подготовку, необходимую для начала и ведения предпринимательской деятельности. Решение всего комплекса задач обеспечения подготовки к предпринимательской деятельности,

которое возможно только при участии многих кафедр, специалистов и предпринимателей даст основания позиционировать АлтГТУ как вуз с хорошей бизнес-компонентой [12, с. 84-87].

Для организации бизнес-образования необходимы различные формы взаимодействия вуза с предпринимательским сообществом [13, с. 28-31]. Но здесь обнаруживаются противоречия. На вопрос студента: «Готовы ли Вы преподавать, чтобы изменить ситуацию?», – Г. Е. Малков, основатель агентства недвижимости «Дом», член Правления Алтайского союза предпринимателей, выпускник строительного факультета АлтГТУ, отвечает: «Я готов, но готов ли вуз меня слушать? Первую лекцию я провожу по целеполаганию. Вижу, что вы заинтересованы. Для начала необходимо понять, чего хотите в жизни, тогда понятно, зачем вы здесь. Когда вы приходите в вуз, чаще всего вы выполняете задачу родителей: закончить вуз, а дальше посмотрим. Нет собственной цели. Наши вузы продают вам дипломы за ваши деньги и время» [8, с. 3].

Пока вопросы места и роли бизнес-образования остаются нерешенными и открытыми, ясно одно – роль бизнес-образования в техническом вузе будет неуклонно расти, она заключается в подготовке инженеров-предпринимателей, способных объединять разные области предметных знаний с целью генерирования и реализации предпринимательских идей. Место бизнес-образования – пронизывать весь учебный процесс в самых разнообразных формах, которые будут постоянно развиваться и совершенствоваться.

Примечания

1. Путилов Николай Иванович // Словари и энциклопедии на академике. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_sp/Путилов.

2. Аносов Николай Павлович (1835-1890), горный инженер, предприниматель // Институт Русской цивилизации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=6572>.

3. Берснева И. В. Российское инженерное предпринимательство конца XIX – начала XX вв. (к истории проблемы) // Международный исторический журнал. 1999. № 1. Академическая наука в студенческой аудитории. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://history.machaon.ru/all/number_01/akademi4/1/index.html.

4. Вексельберг: «Экосистема» Сколково должна порождать поток стартапов // РИА Новости. Москва. 2011. 25 апреля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/nano_news/20110425/367993638.html.

5. СРП: Станки для резки пенополистирола. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://srg-3200.ru/>.

6. Нифантьев Аркадий Васильевич, инженер, предприниматель, Кокшетау [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nav.itacom.kz/index.html>

7. Микро и мини электростанции на отходах и солнечной энергии // Профессионалы.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://professional.ru/Topic/14433902>.

8. Предприниматели Барнаула поделились своими секретами со студентами университета // Алтайский политехник. 2010. № 10 (2377).

9. В гости к предпринимателю // Алтайский политехник. 2011. № 1 (2378).

10. Взаимное сотрудничество не только интересно, но и полезно // Алтайский политехник. 2011. № 2 (2379).

11. Гачман В. Работать есть где, было бы желание // Алтайский политехник. 2011. № 4-5 (2381-2382).

12. Чепель В. Ф. Бизнес-образование как форма интеграции обучения, науки и производства // Механизмы гарантии качества образования: системы, технологии, инновации: материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2009.

13. Чепель В. Ф. О необходимости организованного взаимодействия с предпринимательским сообществом // Гарантии качества профессионального образования: тезисы докладов Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2011.

И. Н. КАЛАНЧИНА

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул

УПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Проблема ценностных оснований и качества управления социальными системами остро актуальна в эпоху цивилизационного кризиса. Мировоззренческий базис и принципы государственного управления в области образования являются важнейшими факторами, определяющими на многие десятилетия все сферы жизнедеятельности социума. Система образования – это ключ доступа к менталитету

нации и является одним из самых мощных инструментов социально-психологического управления. Структура данного способа управления представляет собой **комплекс взаимообусловленных факторов влияния** через систему образования на сознание широких слоев социума, который включает: 1. мировоззренческий базис, ценностные приоритеты которого экстраполируются в образовательную деятельность; 2. методологический аппарат, с помощью которого формируются общие базовые принципы и конкретные технологии для воспроизводства духовного, когнитивного и социального опыта в социуме; 3. целевая направленность, или антрополого-телеологический вектор, который определяет ожидаемые результаты образовательной политики – прежде всего образ личности, который должна формировать система образования.

По сути все возможные и существующие варианты моделей образовательной политики по выше-названным основаниям сводятся к двум противостоящим, полярным комплексам, которые являются проекциями соответствующих мировоззренческих ориентаций в мировой культуре, а именно – техногенно-потребительской и духовно-экологической. Во избежание терминологических споров необходимо уточнить, что по отношению к указанным мировоззренческим установкам существует ряд синонимичных определительных, которые противопоставляются по двум основным признакам – признание/непризнание реальности мира идей, высших смыслов, и, соответственно, приоритета духовных ценностей над материальными, а также наличие/отсутствие нравственного императива.

Суть техногенно-потребительской модели во многом отражает лозунг «прибыль любой ценой», т. е. основным мотивом деятельности здесь является безудержная погоня за материальными благами. Вне каких-либо ценностных ориентиров и критериев здравого смысла – касается ли это эксплуатации социальных систем или истребления природных объектов.

В данном мировоззренческом комплексе присутствует взгляд на человека как на «живой автомат», винтик в социально-производственном механизме. Подобное положение отводится личности в превращенном обществе, для которого характерны тенденции дегуманизации, отчуждения человека от своей высшей, духовной и социальной природы. Изучение этих явлений имеет уже сложившуюся социально-философскую традицию: характерные признаки данного типа мировосприятия четко обозначены в работах многих отечественных и зарубежных авторов: В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Э. Ильенкова, М. Хайдеггера, М. Полани, Г. Маркузе, А. Тоффлера, Ф. Фукуямы и др. «Массовая техническая организация жизни уничтожает всякую индивидуализацию, всякое своеобразие и оригинальность, все делается безлично-массовым, лишенным образа... Но техническая цивилизация, но технизированное и машинизированное общество хотят, чтобы человек был их частью, их средством и орудием, они все делают, чтобы человек перестал быть единством и целостностью, т. е. хотят, чтобы человек перестал быть личностью» [1].

Аксиологические основания в данной модели также превращены, границы между низким и высоким стираются и то, на какие ценности ориентируется человек, признается делом его личного вкуса; а понятие «духовной вертикали» – ценностной иерархии – элиминируется. Игнорируется многовековая гуманистическая традиция, представленная в работах выдающихся мыслителей прошлых эпох и современных авторов, где с тех или иных позиций обосновывается положение о том, что высшие ценности (*Красота, Истина, Добро, Жизнь*) Природосообразны с позиций Универсума, органичны и естественны для человека, и ориентация на них является основным критерием жизнеспособности и «эволюционности» социальных систем.

В границах данной техногенно-потребительской управленческой модели широкое распространение получили технологии манипуляции сознанием: от насаждения различных форм деструктивных культов, наркотизации населения, загрязнения информационной среды, «стирания» исторической памяти – до примитивизации образовательных программ и стандартов, нацеленных на решение «главной» проблемы «избыточности знаний» [2].

Для духовно-экологической (ноосферной) модели, восходящей к философии платонизма, ключевыми ориентирами являются – первичность Идеального, признание духовной природы человека, реальности Идеи Блага, ценности истинного знания, ценности свободы творческого развития через реализацию всех задатков и способностей формирующегося человека [3].

Методологические принципы направлены на формирование системного мышления, целостной картины мира – через освоение фундаментальных знаний, поскольку истинные знания дают прежде всего фундаментальные дисциплины, а истина, и это показывает исторический опыт, – и наиболее технологична. При этом основным методологическим требованием к обучению и воспитанию – является Природосообразность. Это принцип, структурирующий такое обучение, которое гармонично резонирует с биологической, психологической, социальной и духовной природой человека, при этом не только учитывающий законы возрастной психологии и педагогики, специфику когнитивного развития конкретной личности, но также коррелирующий с фундаментальными, мета-основами Универсума, получившими глубокое обоснование в современных исследованиях в области глобального эволюционизма, синергетики и теории ноосферы [4].

Так, исследования в области физики, биологии, психологии, философии, на основе которых формируется синтетическая картина мира, подтверждают, по мнению ряда авторов, существование

«единого, многоуровневого, иерархического бытия, «пронизанного» некими предельно общими законами и принципами» [5, с. 68], находясь в согласии с которыми, и мир в целом, и человечество, в частности, эволюционируют к более гармоничным, совершенным уровням бытия. И, напротив, отклонение от этих всеобщих законов, принципов является фактором, обуславливающим процессы деструкции и энтропии [6].

Закономерно, что в рамках духовно-экологической модели управления образованием предметам гуманитарного цикла уделяется особое внимание, так как творческие способности воображения и систематического логического мышления, духовную сферу ребенка лучше всего формируют филология, история и философия.

Целью же образовательной политики является формирование – **в соответствии с природными задатками ребенка** – гармонически развитой личности, имеющей целостную систему знаний на основе фундаментальных научных открытий; творчески мыслящей и нравственно действующей, имеющей свое неповторимое и оригинальное лицо.

О Природосообразности Идеального и экстраполяции его принципов и ключевых констант в систему образования, писал выдающийся английский мыслитель К. С. Льюис. Излагая свое педагогическое кредо, он подчеркивал, что деятельность учителя связана с некой *сверхцелью образования* – признанием объективных высших ценностей.

По убеждению К. С. Льюиса, с точки зрения развития личности ребенка (отношения к миру, обществу, природе, формирования целостной картины мира) очень важно четкое представление об идеале. Этот идеал (до кризиса гуманистических ценностей) всегда человечеством ощущался эмпирически и обосновывался теоретически. С какими-то вариациями этот идеал личности всегда присутствовал, основанный, в свою очередь, на некоем ядре незыблемых ценностей (хотя формы выражения этих абсолютных ценностей варьировались в зависимости от социокультурных условий и индивидуальных восприятий конкретных людей). Это ценностное ядро можно определить через понятие, которое восточные мыслители называли «дао», другие – «естественным законом», «высшими ценностями», или «первыми принципами практического разума», – это точка отсчета, единственный исходный пункт любой ценностной системы. Если учитель в своем экзистенциальном бытии признает «дао», то и сам стремится соответствовать «дао», и ребенка старается воспитать сообразно с «дао».

Если же «дао» и основанный на нем идеал личности отрицаются, то они должны быть заменены чем-то иным, иначе становится неясным, каким должен быть сам учитель и какие качества ученика он стремится развить. Любая система образования и воспитания всегда явно или скрыто базируется на каком-то исходном фундаменте. При этом Льюис в своем трактате блестяще доказывает следующую мысль: **как только мы ставим сверхцель - идеал образования - в зависимость от каких-то преходящих, прагматических целей или утрачиваем ценностный фундамент, то сразу же начинается разрушение и идеала, и самого образования.**

«Таким образом, цель обучения и воспитания всецело зависит от того, верите вы или не верите в “Дао”. Если вы верите, цель эта в том, чтобы привить ученику оценки и мнения пусть не осознанные, но достойные человека. Если не верите и не забыли логику, все чувства для вас будут какой-то мглой, скрывающей “вещи как они есть”. Тогда вы попытаетесь искоренить чувства из детской души... или оставите несколько чувств по причинам, нимало не связанным с их сообразностью правде. В последнем случае вы займетесь довольно сомнительным делом, а именно – станете «влиять» на учеников, попросту колдовать, чтобы у них в сознании сложился удобный вам мираж... Прежний воспитатель обращался с воспитанниками, как птица с птенцами, которых она учит летать; новый – как хозяин с цыплятами, которых собирается съесть» [7, с. 191].

В настоящее время государственная политика реформ, в том числе и в образовании, обнаруживает все признаки того, что **транслируется техногенно-потребительская модель социально-психологического управления.** В первую очередь игнорируется принцип Природосообразности, поскольку обучение диктуется псевдообразовательными задачами и способы воздействия на личность «воспитуемого» зависят от произвола «воспитателя» и директив органов государственного управления.

В этом смысле весьма показательны интервью «Учительской газете» Ярослава Кузьмина: «В школе 21-го века знания, умения и навыки – не актуальны, главное сегодня – научить молодых людей умению продать себя на рынке...» [8].

При этом разрушается школа мысли, свободного мышления, так как «выхолащивается» та методологическая база, которой всегда славилась отечественная система образования и благодаря которой ее выпускники имели репутацию высокообразованных специалистов разных уровней, способных находить оригинальные решения в самых сложных, нестандартных ситуациях.

Во-первых, утрачиваются уникальные методики по развитию у школьников основ самостоятельного мышления – через развернутые устные и письменные ответы. Сегодня не востребованы и вытеснены тестовой формой ЕГЭ методы обучения написанию сочинений и всем другим видам развернутых письменных и устных форм изложения учебного материала (причем не только в сфере гуманитарных, точных, но и естественнонаучных дисциплин). И, следовательно, у детей не

формируются в полной мере основы мышления – от способности логически структурировать тексты и задачи до умения анализировать и описывать явления, обобщать, рассуждать, выстраивать логические цепочки и обосновывать те или иные умозаключения.

Во-вторых, не соблюдаются - и даже отрицаются! - основные дидактические принципы: системность и последовательность изложения, закрепление материала, соответствие количества часов на преподавание - возрасту ученика и пр. В итоге ребенок просто не может усвоить и «переварить» огромную массу хаотичной и плохо объясняемой информации. На этой основе и возникла спекулятивная идея о перегрузках и «избыточных знаниях» в школе – советского образца.

Под надуманным предлогом перегрузок существенно сокращают образовательные стандарты, школьную программу и базисный учебный план. Особенно заметно это на преподавании русского языка и литературы. В сравнении с 1980-ми гг. количество уроков словесности с 2004 г. сократилось в два раза. Так, если в 4-м и 5-м классах на уроки русского языка и литературы прежде отводилось 11 часов в неделю (7+4), то сегодня – в базисном учебном плане указано 5 часов (3+2). Также в два раза сокращены часы на преподавание естественнонаучных дисциплин: вместо двух часов в неделю – по одному часу.

В-третьих, разрушается социально-психологическая иерархия «учитель-ученик» под предлогом развития самостоятельности детей. Поощряется «свободное» (а на деле - хамское и неуважительное по отношению к учителю) поведение: хождение по классу, громкие разговоры, перебивание учителя и друг друга. И в результате, кроме плохого преподавания и воспитания, дети получают испорченную нервную систему и психику, потому что ритм, ПОРЯДОК, школьная, да и любая дисциплина, для человека **естественны и соответствуют природным законам**, а хаос и бесконтрольность – разрушительны, если даже обозвать их «свободой».

В-четвертых, широко насаждается «рыночный подход» к образованию. Это означает, что вечные цели педагогики - дать ребенку знания о мире, развить его как многогранную, широко мыслящую, нравственную личность – практически отвергнуты. Теперь школа должна – в соответствии со «спросом на рынке» – создать биокомпьютер с единственной мотивацией – потребления, и вложить в него соответствующие программы [9]. В данной системе координат учитель рассматривается не как носитель культурного опыта социума, ответственный за его воспроизводство, а как инструмент для достижения определенных псевдообразовательных целей.

Причем «рыночный подход» прямо противоречит и пропагандируемой «свободе личности», развитию индивидуальности ребенка. О какой индивидуальности и свободе можно говорить, когда все диктуется спросом на рынке?

В лучших российских традициях целью образования было воспитать Человека – разносторонне развитого, нравственного, ответственного, чувствующего себя частью общества и мира. Такими личностями были и сами деятели русской культуры.

Сегодня же подрастающие поколения оказались под воздействием мощного социокультурного вмешательства, в итоге которого остро стоит угроза вымывания творческого личностного начала, торжества массового сознания, легко поддающегося манипулированию. Способствует усилению данных процессов определенным образом организованная система образования, с помощью которой искусственно тормозится когнитивное и духовное развитие целых поколений. По сути это попытка – лишая доступа к качественному и широкому образованию детей – сжать сознание до уровня витальных рефлексов, которая осуществляется в интересах определенных политических кругов – с целью (без затрат на содержание полицейской машины) управлять миллионными массами. Кроме того, эти негативные явления усиливаются потоками продукции масс-медиа, захлестнувшими СМИ и особенно телевидение.

Таким образом, та «модернизационная» модель образования, которая сегодня внедряется, по своей сути не отвечает критерию Природосообразности, носит антигуманный, антиэволюционный, противоестественный характер и направлена на формирование противоречивого, несчастного, зависимого интеллектуально неразвитого существа. С одной стороны, это плохо социализированный, невоспитанный индивидуалист, с мозаичным набором разрозненной информации. А с другой стороны – есть индивидуализм, но нет ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ, так как нет ни глубоких знаний, ни мировоззрения, ни нравственных убеждений. Как констатируют современные исследователи, подобное насилие над Природой человека чревато серьезными не только социальными потрясениями, но и глобальной катастрофой.

Шанс на изменение ситуации есть, но осуществить его можно, только при условии пробуждения социальной ответственности и активности в среде научно-педагогической интеллигенции, поскольку именно она является едва ли не единственным социальным слоем в России, сохранившим верность профессиональному долгу, корпоративное единство и последовательность в отстаивании приоритета духовных ценностей над материальными.

Таким образом, мы должны осознать ту цивилизационную ответственность, которая возложена на нас в силу наших профессиональных и интеллектуальных ресурсов, и, пересмотрев концептуальный

базис государственного управления, в качестве стратегического курса выбрать духовно-экологический вектор развития.

Примечания

1. Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2.
2. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.
3. Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2010.
4. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: наука о взаимодействии. М., 2003.
5. Фотиева И. В. Мораль в современной философско-научной картине мира. Барнаул, 2003.
6. Фриттьоф К. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. К.; М., 2003.
7. Льюис К. С. Человек отменяется, или Мысли о просвещении и воспитании, особенно же о том, как учат английской словесности в старших классах // Льюис К.С. Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты. М., 1992.
8. Учительская газета. 2001. №7.
9. Аргонов В. Ю. Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или новый стимул развития? // Вопросы философии. 2008. № 12. С.22–38.

Т. В. КАТЮХИНА

Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина, г. Москва

РОЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ¹

Сегодня слово «модернизация» стало, чуть ли, не знаковой характеристикой современной эпохи. Модернизировать можно многое: технику, машины, орудия, оборудование, т.е. любые материальные ценности. Это неразрывно связано с развитием экономики разных стран. Но сегодня модернизация касается не только материальных ценностей, но и духовных, образование является одной из таких основных ценностей. Духовные ценности сложнее и дольше модернизировать, труднее подобрать новые критерии оценки, что хорошо, что плохо, что должно быть, что не должно. Создание новой техники – это процесс не равнозначный воспитанию нового поколения общества, когда мы имеем дело не с бездушной техникой, а с живыми людьми. Последствия модернизации не всякой техники могут быть спрогнозированы, что же тогда говорить о человеке, о воспитании его морально-нравственной, духовной стороны. Образование в нашей стране всегда ценилось крайне высоко, и те нормативы, которые лежали в его основе не только образовывали, но и воспитывали человека, а это очень важный аспект. Поэтому возникает закономерный вопрос: в чем может заключаться модернизация в сфере образования? Здесь очень важно, чтобы последствия этой модернизации не приводили бы к тому, что уровень образования оказался ниже ожидаемого. Тем не менее, некоторые последствия такого рода мы уже наблюдаем сегодня в нашем обществе. Но, чтобы понять суть самого процесса модернизации, обратимся к этимологическому значению слова «модернизация». Модернизация – это «усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. Модернизируются в основном машины, оборудование, технологические процессы» [1, с. 660]. Последнее положение в определении лишь подтверждает необходимость ранее заданного вопроса. Но, несмотря на это, в литературе мы встречаем, что выделяют экономическую, политическую, социальную и культурную модернизацию. В чем же заключается культурная модернизация? А заключается она в том, что предполагает формирование высокодифференцированной и, в то же время, унифицированной культуры, базирующейся на комплексной парадигме прогресса, совершенствования, эффективности, счастья и природного выражения личных возможностей и чувств, а также на развитии индивидуализма. И включает в себя культурная модернизация следующие положения:

- дифференциацию главных элементов культурных систем;
- распространение грамотности и светского образования;
- растущую веру в науку и технологии;
- создание сложной, интеллектуальной и институционализированной системы для подготовки к осуществлению специализированных ролей;
- появление новых индивидуальных ориентаций, привычек, характеристик, обнаруживающих себя в большей возможности приспособляться ко все более широким социальным горизонтам;
- расширение сфер интересов;

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 10-06-00196-а

- возможность развивать гибкую институциональную структуру, способную приспосабливаться к постоянно меняющимся проблемам и потребностям [1, с. 661].

Из этих положений видно, что культурная модернизация основана на диалектическом синтезе противоположностей: дифференцированности и унифицированности с целью создания человека, легко приспосабливающегося к меняющимся условиям среды. А в чем же тогда будет заключаться воспитательная функция образования? Ответ на этот вопрос, как показывает практика, оказывается весьма неоднозначный.

Поэтому, говоря о модернизации в образовании, хотелось бы остановиться на двух аспектах и уточнить их различия. Можно говорить о модернизации образования, связанной с внедрением в образовательный процесс новых технологий, практик, оборудования, а можно – о модернизации внутренней стороны этого процесса, т.е. изменение самого взгляда на роль образования в формировании целостного человека. Касательно первого аспекта все выглядит достаточно прозрачно и имеет реальную значимость. Этот аспект модернизации образования крайне важен и необходим. Ни у кого не вызывает сомнения, что уровень развития информационных технологий достиг сегодня такого уровня, что это значительно облегчает труд многих преподавателей. Техническое оснащение вузов помогает преподавателю сделать лекцию или семинар более разнообразными и увлекательными, продемонстрировать материал наглядно. Сегодня у нас на слуху такие понятия как нанотехнологии, робототехника, искусственный интеллект, биотехнологии, беспроводная связь. Но что касается второго аспекта, то здесь все обстоит сложнее, ибо как уже говорилось, образование не только образует, но и воспитывает, а для этого образование должно четко понимать, что модернизация в образовании изменит и самого человека, воспитает нового человека с новыми взглядами на жизнь и свое место в мире. Издревле эта функция была возложена на философию как царицу среди гуманитарных наук, являющуюся основой этой гуманитарной составляющей образования. Она отвечала человеку на все мировоззренческие вопросы. Сегодня же отношение к философии, особенно в технических вузах, достаточно поверхностное и неоднозначное. Тем не менее, недооценивать роль гуманитарных дисциплин даже в технических вузах крайне неграмотно.

Для того чтобы разобраться со всеми этими вопросами подробнее, обратимся к самой концепции модернизации российского образования. В Приложении к приказу Минобрнауки России от 11.02.2002 N 393 в пункте *Роль образования в развитии российского общества* говорится, что «роль образования на современном этапе развития России определяется задачами ее перехода к демократическому и правовому государству, к рыночной экономике, необходимостью преодоления опасности отставания страны от мировых тенденций экономического и общественного развития. В современном мире значение образования как важнейшего фактора формирования нового качества экономики и общества увеличивается вместе с ростом влияния человеческого капитала. Российская система образования способна конкурировать с системами образования передовых стран.... Концепция взаимосвязана с Основными направлениями социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу и определяет приоритеты и меры реализации генеральной, стратегической линии в предстоящее десятилетие – модернизации образования» (<http://www.edu.ru>). Из этого положения мы видим, что модернизация в образовании имеет экономические корни, поэтому очень хочется, чтобы политические и экономические интересы не перекрывали основную суть образования, а способствовали его дальнейшему развитию и финансированию. Эти положения оговариваются и раскрываются в пункте *Основные направления, этапы и меры реализации образовательной политики*. Это такие положения, как:

1. передача оплаты труда работников общеобразовательных учреждений и обеспечение учебного процесса на уровень субъектов Российской Федерации и придание муниципальным учреждениям общего образования статуса государственного образовательного учреждения;

2. обновление содержания образования и совершенствование механизмов контроля за его качеством: принятие государственных стандартов общего образования; организация экспериментальной апробации нового содержания общего образования, его разгрузка, ориентация на потребности личности и современной жизни страны; создание условий для введения профильного обучения в старшей ступени общеобразовательной школы; формирование и приведение в действие независимой от органов управления образованием государственной системы аттестации и контроля качества образования; экспериментальная отработка форм единого государственного экзамена;

3. совершенствование структуры и увеличение бюджетного финансирования образования: обеспечение бюджетного финансирования образования в приоритетном порядке. Ежегодное увеличение доли бюджетных средств, в том числе в рамках федеральных целевых программ, направляемых на развитие образования в части приобретения оборудования и информационных ресурсов, повышения квалификации преподавателей, капитальных вложений, финансирования экспериментальных инновационных площадок;

4. структурная и институциональная перестройка профессионального образования, усиление его ориентации на федеральный и местные рынки труда;

5. повышение социального статуса, государственной поддержки и профессионального уровня работников образования;

6. обеспечение экономической самостоятельности и разнообразия форм образовательных учреждений (организаций), инвестиционной привлекательности системы образования путем внесения поправок в законодательство Российской Федерации и другие нормативные акты, стимулирование таким образом юридических лиц и граждан, инвестирующих в образование или оказывающих ему безвозмездную поддержку (<http://www.edu.ru>).

Это не все положения, входящие в данный пункт, тем не менее, все они направлены в большей степени на изменение внешнего облика образования, а под этими внешними переменами произойдут и внутренние, более скрытые и, может быть, даже более кардинальные и серьезные. Опять же почти нечего не говорится о роли гуманитарного образования в общей системе образования. Тем не менее, в философской среде такие задачи сформулированы. Современный философ М. Эпштейн говорит, что в целом можно сформулировать две основные функции современного гуманитарного образования. Первая из них *критическая*, связанная с отрицательным отношением ко всякого рода опредмеченности, т.е. осуществляется критика естественных наук, которые омассовляют человека. И здесь функция гуманитарных наук заключается в распродмечивании человека, каким его опредмечивают естественные и социальные науки. Вторая функция – *конструктивная* состоит в создании нового образа человека в силу того, что в гуманитарных науках человек предстает в виде незавершенности. Поэтому акт гуманитарного мышления – это акт построения субъекта, это новое именование того, кто именуется, способ самообозначения и самоназначения. Гуманитарные дисциплины демонстрируют нам, что человек как главный предмет исследования не может быть познан до конца, т.е. эти дисциплины создают новые возможности для человека.

Поэтому никогда не нужно забывать, что в процессе обучения человек формирует себя и свое мировоззрение, определяет свое место в мире и выбирает свой путь по жизни. А каким будет этот путь, и с каким багажом ценностей он отправится в этот путь, зависит от внутренней системы образования, от гуманитарной составляющей, от того, что она вложила в человека. А сегодня мы наблюдаем такую картину, когда внутренне конфликтной оказывается ситуация положения вузов, оказывающихся в ситуации оказания «образовательных услуг». Ориентация на «образовательные услуги» ведет к резкой профессионализации учебных заведений. Прагматичное, специализированно-утилитарное отношение к образованию ведет к игнорированию, а, стало быть, и к вытеснению, гуманитарной и общекультурной подготовки, составляющей, во-первых, необходимое противоядие против узколобого технократизма в профессиональной деятельности, и являющейся, во-вторых, условием личностного развития человека. Намечается тенденция редуцирования образования к обучению, а обучения к профессиональной подготовке. А ведь на личностные качества, взгляды, убеждения и ценности учащихся содержание и характер обучения, атмосфера и правила вузовской жизни, общение с преподавателями оказывают непосредственное влияние. Поэтому каждый из типов образовательных учреждений должен вырабатывать собственное воспитательное кредо на основе единой системы ценностных приоритетов. В стремлении к преодолению растущего отчуждения молодежи от культурного наследия находит объяснение широкое внедрение в образование игровых методов и технологий. Однако не нужно забывать, что главное здесь в том, что игра – это форма удовлетворения потребностей, а не способ их развития, а настойчивое и упорное освоение научного знания и культурного опыта не согласуется с гедонистическими установками «игрового сознания». Низкий уровень массовых духовных потребностей определяет снижение общего уровня образованности людей в нашем обществе. Ухудшение качества общего и профессионального обучения столь заметны, что возникает необходимость определения образовательных стандартов – *минимума образованности*, без которого просто невозможно жить в цивилизованном обществе.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что на такие гуманитарные дисциплины как история, философия, культурология, политология, социология, психология должна возлагаться большая часть из задач по реализации ФГОС-3. Они являются дисциплинами, которые обеспечивают образование, в котором человек выступает не как средство, а как цель, они транслируют ценностный мир, они формируют личность, они создают возможность постоянного становления человека и обретения человеком ценностно-ориентированных смыслов в современном обществе информационных технологий.

Несмотря на то, что долгое время гуманитарным наукам приписывался комплекс неполноценности, начиная с конца XX в., все больше технических дисциплин начинают обращаться к гуманитарной проблематике. Естественные науки начинают рассматривать проблемы сознания, свободы, детерминизма, необходимости, а гуманитарные науки сегодня все больше обращаются к простому толкованию текстов, отдавая свое проблемное поле естественным наукам. И эти изменения не являются случайными, ибо стало понятно, что специфика гуманитарных наук помогает найти ключ к развитию современных технологий, в частности, создание искусственного разума, интеллекта, альтернативного естественному, биологическому. Обращаясь к гуманитарной проблематике, наука пытается решить ряд своих вопросов, к примеру, возможны ли альтернативные формы жизни по сравнению с биологическими. Таким образом, то, что считалось ранее изъясном в специфике гуманитарных наук, а именно,

ее субъективность, индивидуальность, распрямленность, оказывается ключом к овладению загадками мира, т.е. развитию цивилизации.

Современная техническая наука создает новые искусственные, виртуальные миры, где действуют свои законы причинности, случайности. В этих альтернативных мирах философия может и должна обрести свое новое призвание не просто переосмыслять уже известное (множить историков философии), а закладывать основы новых миров. Современная техника создает новый пространственно-временной континуум, т.е. альтернативные формы существования того, что считалось единственным – разум, интеллект, мир. Поэтому сегодня роль философов вновь становится актуальной, теперь философы уже не завершители ставшего мира, а зачинатели новых миров, когда становится важен человек не как существо знающее, а как мыслящее, ибо знание есть отражение предметов, а мышление – творческая работа с понятиями, которых может еще не быть. Именно поэтому роль гуманитарных дисциплин и философии в особенности становится наиболее востребованной во всех видах познавательной деятельности человека и в современном информационном обществе в целом, ибо гуманитарные дисциплины создают простор для развития человеческой мысли, самого человека, его ценностей и идеалов.

Примечания

1. Всемирная энциклопедия. Философия / под ред. А. А. Грицанов. М., 2001.

Ж. В. КИМ, Л. С. КИМ

*Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул
Алтайская академия экономики и права, г. Барнаул*

ЭЛЕКТРОННЫЕ УЧЕБНЫЕ КУРСЫ КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В сегодняшнем обществе, благодаря интенсивному развитию аппаратно-технических средств и информационно-коммуникационных технологий, повсеместно происходит процесс модернизации традиционных процессов и методов работы. Высокими темпами информационно-коммуникационные технологии внедряются во все сферы человеческой деятельности: в политику, в экономику, в область государственного и муниципального управления. Последними важнейшими инновациями стали:

- внедрение системы электронных очередей,
- создание электронного правительства,
- организация и поддержка единых информационных баз данных, например, электронная база системы «Город», единая электронная база данных налогоплательщиков, электронная база Дубль Гис (телефонный справочник, объединенный с электронной картой города) и многие другие.

Аналогичные процессы происходят и в системе образования. Практически во всех учебных заведениях всех ступеней образования началось интенсивное внедрение новейших технологий электронного обучения (e-learning) в самых различных организационных формах:

- в виде модернизации традиционного очного и заочного обучения;
- в виде нового уровня развития дистанционного обучения по программам классического высшего образования, дополнительного профессионального образования, довузовской подготовки, магистратуры и т.д.

К использованию электронно-коммуникационных технологий обучения также побуждает современная система проверки уровня подготовки студентов при проведении министерских онлайн-тестирований по изучаемым дисциплинам с использованием дидактических единиц, а также система проведения единого государственного экзамена для оценки качества подготовки выпускников общеобразовательной школы.

На современном этапе развития общества для повышения качества образования необходимо создавать такую организацию учебного процесса, в котором воплощены наиболее современные и эффективные методы обучения, опирающиеся на базу информационно-телекоммуникационных технологий. В учебной практике постоянно появляются новые электронные инструменты и средства, с помощью которых преподаватели могут ставить и решать инновационные задачи. При этом преподаватель должен не только сам уверенно владеть этими технологиями, но и уметь находить варианты их адаптации для образовательных целей.

При электронном обучении создаётся благоприятная информационная среда, исследуя которую обучаемый студент приобретает нужные знания по предмету, а индивидуализация обучения позволяет вплотную приблизиться к глобальной педагогической цели – максимально полное развитие творческих способностей личности. Интеграция сетевых и компьютерных технологий, систем мультимедиа, печатного пособия позволяет объединить в одно время и в одном месте разные виды информации: текст, графику, звук, слайды, видео. Эта совокупность позволяет создать стереоскопичность восприятия учебного материала, что способствует развитию творческих способностей и интел-

лекта. Основой внедрения современного электронного метода обучения является разработка и установка локальных или глобальных сетевых учебных порталов с возможностью создания электронно-коммуникационных курсов со встроенной системой тестирования для осуществления регулярного контроля уровня усвоения изученного материала.

Одной из форм реализации информационно-коммуникационных технологий в обучении является создание электронных учебных пособий и курсов нового поколения, которые обладают всеми возможностями бумажных печатных изданий, но и имеют ряд дополнительных преимуществ. Речь идёт не о тех учебниках и книгах, являющихся электронными версиями специальных форматов (файлы с расширениями pdf или djvu), или нераспечатанными версиями их печатных изданий, или отсканированных версиях печатных изданий, а о полноценных мультимедийных электронных курсах или пособиях.

По мнению многих авторов наиболее удобным является учебное пособие, созданное в виде веб-сайта в формате гипертекстовой разметки и содержащее до нескольких десятков различных учебных материалов типа: учебного плана дисциплины; лекций в формате презентаций; совокупности практических занятий или лабораторных работ; кратких теоретических памяток, индивидуальных многовариантных заданий; методических рекомендаций и решений вариантов типовых заданий; основной и дополнительной литературы, глоссария, банка тестовых заданий.

Преимущества современных электронных учебников над печатными изданиями можно классифицировать на технические, связанные с повышенным удобством работы с мультимедийными курсами за счёт использования современных компьютерных технологий и педагогические, направленные на лучшее усвоение материала.

Технические преимущества основаны на цифровой природе учебных материалов и заключаются:

- в распространении (в отличие от печатных изданий мультимедийные материалы могут распространяться без какого-либо участия материальных носителей, например при помощи Интернет);
- в актуализации (мультимедийный курс обладает динамичностью и мобильностью, что позволяет оперативно производить корректировку электронных данных в зависимости от текущих обстоятельств, в то время как в учебный материал на физическом носителе нельзя внести свежие данные, дополнительные сведения или изменения без его переиздания);
- в интеграции (с развитием Интернет и ростом производительности сетевых соединений появилась возможность неограниченного распространения мультимедийных материалов с минимальными издержками. Поэтому в настоящее время получают распространение учебные порталы, поддерживающие процесс дистанционного образования, принимающего форму самостоятельной формы обучения и содержащих электронные курсы по всем дисциплинам выбранной специальности).

Педагогические преимущества заключаются:

- в разнообразии доступных инструментов обучения (мультимедийные учебные курсы позволяют преподавателю использовать любой метод представления материала: от классических иллюстраций и видеоматериалов до анимированных схем и систем обратной связи с пользователем);
- в гибкости характера используемых технологий (области применения мультимедийных курсов фактически неограниченны и преподаватель может придать мультимедийному материалу любую направленность в зависимости от поставленной задачи: автономное электронное пособие, справочник по изучаемой теме, дополнительный материал для подготовки к лекции, тестовую систему контроля знаний и т.д.);
- в широкой доступности (для использования мультимедийных материалов конечному пользователю достаточно обладать персональным компьютером или ноутбуком и возможностью подключения к сети Интернет при использовании систем дистанционного образования или прохождении курсов в режиме online).

Сегодняшнее программное обеспечение, в частности, программы: eBook Edit Pro, eBook Maestro, HTML2EXE, Eхеbook WM-Publisher и много других, позволяет многим преподавателям создавать автономный мультимедийный электронный учебник, который фактически представляет собой локальный вариант реального сетевого электронного учебного курса, скомпилированного в один исполнимый файл. Он может распространяться на цифровых носителях (CD или DVD дисках) на коммерческой основе. Созданные в нём гиперссылки на реальные ресурсы в Интернете работают в полной мере, например можно осуществить онлайн-тестирование в тестовом портале учебного заведения.

В заключение хотелось бы отметить, что создание, апробация и внедрение такого типа электронных учебников наиболее перспективное направление в модернизации современного образования.

ПОЗИЦИЯ УЧИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Философия, социология, психология, педагогика говорят о необходимости перехода от «школы воспроизведения» к «школе понимания», «школе личностных смыслов», школе личностного роста.

В связи с этим возникает потребность в гуманитаризации образования. В гуманитарной парадигме личность педагога рассматривается как «самоорганизующийся субъект» (А. П. Валицкая, С. М. Годник, В. Е. Ключко, Ю. В. Сенько, В. В. Сериков, В. А. Сластенин и др.), носитель «живого знания», посредник между духовным миром учащихся и учебным предметом, наукой, культурой (В. П. Зинченко). Одной из главных характеристик «самоорганизующегося субъекта» является авторская позиция личности, понимаемая как стремление и способность к инициативе, рефлексии, направленность на саморазвитие, коррекцию своей деятельности. Это поле субъектной педагогики предполагает самоопределение учителя в профессионально-личностной сфере жизни.

Однако, несмотря на то, что еще в конце XX столетия наметилась общая тенденция к гуманитаризации образования, к отказу от сциентистской методологии, в школе до сих пор преобладают авторитаризм, репродукция, информативность, являющиеся барьерами становления авторской позиции учителя.

В настоящее время существуют теоретические и практические предпосылки исследования авторской позиции учителя. Так, в психолого-педагогической литературе рассмотрены формы активности личности (А. Маслоу, А. К. Осницкий, А. В. Петровский, В. А. Петровский и др.); этапы развития субъектного начала человека в онтогенезе (Л. И. Божович, В. И. Слободчиков, Д. И. Фельдштейн и др.), а также уровни и аспекты субъектности (Л. И. Анцыферова, Е. Н. Волкова, В. В. Знаков и др.); условия самодетерминации (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Е. В. Шорохова и др.); проанализированы механизмы и факторы развития и саморазвития педагогов (С. С. Амирова, Р. Бернс, Г. С. Вершловский, Г. Г. Горелова, И. Ф. Исаев, Н. В. Кузьмина, Ю. Н. Кулюткин, Л. М. Митина, Н. Д. Никандров, В. В. Сериков, В. А. Сластенин, Е. Н. Шиянов и др.); исследованы акмеологические особенности профессиональной Я-концепции (Р. Бернс, А.А. Бодалев, А.А. Деркач и др.); намечены подходы к пониманию индивидуальности как способу бытия человека (А. С. Арсеньев, Б. Г. Ананьев, Б. С. Братусь, Л. С. Братченко, И. И. Резвицкий, К. Роджерс, В. Франкл и др.).

Актуальность проблемы становления авторской позиции учителя обусловлена следующими факторами: а) вызовами времени (востребован человек, проявляющий свою индивидуальность, способный к самостоятельному выбору и принятию на себя ответственности за него, действующий инициативно-творчески); б) потребностью в учителе, обладающем гуманистическим мышлением (приоритет индивидуальности над единомыслием, потребностей, интересов ученика – над учебной программой, задач саморазвития – над «передачей» знания в его «готовой» форме); в) недостаточной разработанностью в педагогической науке механизмов актуализации субъектных возможностей учителя; г) отсутствием опыта становления авторской позиции в системе повышения квалификации работников образования и постановки проблемы становления авторской позиции будущих учителей как образовательной задачи в государственных образовательных учреждениях высшего педагогического образования.

Необходимость разработки проблемы становления авторской позиции учителя подтверждают следующие противоречия школьной образовательной практики: а) между стремлением педагога к самовыражению, самореализации и существующими стереотипами, шаблонами, барьерами творческой деятельности; б) между отношением к ученику как самоценности (ученик – саморазвивающаяся система) и требованиями формирования, влияния, изменения, воспитания (ученик – объект манипуляций, объект обучения); в) между гуманистическим представлением об учителе как цельной и целостной личности и её дроблением в связи с отождествлением педагога с определенными функциями, ролями; г) между несвободой учителя (не он определяет цели образования, они ему заданы извне) и стремлением быть субъектом педагогической деятельности (для чего цели и ценности образования должны быть внутренне «присвоены», стать своими).

На формирование нашего представления о позиции оказала влияние концепция Б. Г. Ананьева, трактующего позицию как целостную характеристику человека в единстве его личностного, субъектного и индивидуального начал. Существенными для нас оказались и положения, разработанные Л. И. Божович, которая представляет позицию в виде системы, включающей в себя следующие элементы: **мотивационную сферу** (мотивы, потребности, желания, стремления, намерения), **внутреннюю позицию** (система отношений к Другому и к себе), **самосознание** (познание себя как личности), **ценностные ориентации**, становящиеся стратегической целью, **самоопределение** (понимание своего места в обществе, своего назначения в жизни).

Именно в позиции учитель выражает себя как субъект педагогической деятельности. Согласно В. А. Сластенину, И. Ф. Исаеву, Е. Н. Шиянову, «позиция педагога – это система тех интеллектуаль-

ных, волевых и эмоционально-оценочных отношений к миру, педагогической действительности и педагогической деятельности в частности, которые являются источником его активности» [1, с. 24-25]. При этом различают социальную позицию педагога, которая во многом определяется требованиями, ожиданиями общества, и профессиональную позицию, на выбор которой влияют профессиональные установки, индивидуальные особенности личности (темперамент, характер), влечения, мотивы и цели педагога, его ценностные ориентации, мировоззрение, идеалы.

Педагогическая позиция, по словам В. И. Слободчикова, уникальна. Она одновременно является педагогически-личностной (выявляется во всякой встрече взрослого и ребенка) и педагогически-профессиональной (выявляется при создании условий достижения педагогических целей). В личностной позиции педагог встречается с другим человеком, в профессиональной – с условиями его развития.

Итак, педагогическая позиция понимается как система отношений учителя к педагогической деятельности, выражающаяся в педагогической направленности, педагогической готовности, педагогических установках, педагогическом творчестве.

С точки зрения аксиологического подхода позиция учителя рассматривается как способ реализации им базовых ценностей в деятельности (Ю. К. Бабанский, Е. В. Бондаревская, Н. М. Борытко, А. П. Валицкая, В. А. Сластенин).

Авторская позиция учителя рассматривается нами как интегративная характеристика педагога, включающая в себя совокупность отношений к себе как субъекту педагогической деятельности и ученику как субъекту его собственной жизнедеятельности, проявляющаяся в децентрации и обращенности учителя и ученика друг к другу за со-чувствием, со-мыслием, со-действием и отличающаяся целостностью, самобытностью, креативностью, осознанностью, гуманитарностью.

Позиция – система профессионально-личностных качеств учителя, обеспечивающая его способность строить педагогический процесс как гуманитарную практику, стимулирующую процесс образования личностных смыслов субъектами педагогического взаимодействия, – есть причина, условие и результат профессионального самоопределения, которое является одновременно механизмом саморазвития учителя и критерием сформированности его позиции.

Авторская позиция учителя, предполагающая актуализацию ценностно-смысловой компоненты педагогической деятельности, ориентацию на диалогический характер педагогического взаимодействия, на создание условий для самореализации учащихся, позволяет эффективно решать задачи повышения профессионализма учителя.

Во-первых, она способствует гуманитаризации образования, так как предполагает обращение к личностным смыслам и ценностям, а потому делает преподавание адресным, учитывающим запросы, потребности, интересы ученика, пробуждающим его «вопросание» и жажду поиска ответов. Адресное преподавание означает совместное целеполагание, отказ от предметоцентризма, смещение акцента с поля «значения» на понимание, развитие рефлексивных навыков. Во-вторых, становление авторской позиции есть постоянное самообразование учителя, работа по раскрытию своей сущности. Ученик, наблюдая процесс самосовершенствования учителя, стремится воспитать в себе потребность в самообновлении, саморазвитии, в духовном росте. Таким образом, взаимообращенность к духовному опыту друг друга побуждает учителя и учащегося к постоянному «зановорождению» (М. К. Мамардашвили). В-третьих, авторство учителя неизбежно ведёт к со-авторству с учениками, потому что в процессе взаимодействия оказывается востребованной не только культура педагога, но и культура учащихся, их жизненный опыт, в результате взаимодействия культур происходит расширение сознания через диалогическое соприкосновение с мыслью, с точкой зрения Другого.

Становление авторской позиции учителя осуществляется параллельно со становлением авторской позиции ученика и в этом смысле предполагает со-авторство, которое ведет к взаимообусловленным изменениям педагога и школьника, потому что к личностному и профессиональному росту учителя побуждает ученик (постижение «Я» педагога невозможно без мнения, реакции, восприятия его школьником, ведь учитель смотрит на себя глазами учащегося, оценивает себя с его точки зрения, не может стать самим собой (как учитель) без школьника, поэтому находит себя в ученике, найдя ученика в себе (во взаимоотражении, во взаимопрियाии).

Примечания

1. Сластенин В. А. Деятельностное содержание профессионально-личностного развития педагога // Педагогическое образование и наука. 2006. № 4. С. 4-7.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001.
3. Арсеньев А. С. Философские основания понимания личности: Цикл популярных лекций-очерков с приложениями. М., 2001.
4. Бондаревская Е. В. Смыслы и стратегии личностно ориентированного воспитания // Педагогика. 2001. № 1. С. 17-24.

5. Братченко С. Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М., 1997. С. 201-222.
6. Валицкая А. П. Российское образование: модернизация и свободное развитие // Педагогика. 2001. № 7. С.3-12.
7. Зинченко В. П. Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова): учебное пособие. М., 2002.
8. Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск, 1999.
9. Орлов А. Б. Человекоцентрированный подход в психологии, психотерапии, образовании и политике // Вопросы психологии. 2002. № 2. С. 67-82.
10. Сластенин В. А. Педагогика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2007.
11. Ямбург Е. А. Контуры культурно-исторической педагогики // Педагогика. 2001. № 1. С. 3-10.

К. Л. ЛЕБЕДЕВА

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул

МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Общество через существующую культуру и образовательные каноны влияет на становление человека, адаптируя его к эффективному участию в той жизненной среде, к которой он принадлежит. Каждый этап в развитии человека создает фундамент для его духовного роста. Но поэтапное развитие требует определения содержания программы, включающей в себя социокультурные и духовно-нравственные требования к возрастной периодизации.

Социальная функция детства определяется фундаментом развития производительной силы общества. Действительно, всесторонние усилия воспитания направлены на подготовку человека как общественного существа к успешной и полезной жизнедеятельности в обществе, которое предъявляет своим членам определенные требования для процветания самого социума и личностного роста индивидуума. В настоящее время недостаточно, чтобы человек развивался с учетом сегодняшних общественных требований. Социальный прогресс возможен, когда рост человеческого потенциала опережает и направляет цивилизационные процессы, которые постоянно порождают спрос на человека с более высоким уровнем духовно-нравственного и интеллектуального развития.

Согласно возрастной и педагогической психологии в каждом возрасте необходимо формировать основные фундаментальные формы человеческого сознания, чтобы каждый этап развития являлся переходным «мостиком» для следующей более высокой ступени развития человека.

В основе качественного изменения психических процессов человека по положению теории Л. С. Выготского и Д. Б. Эльконина о периодизации детства лежит сама система деятельности растущей личности и смена типа деятельности в каждый определенный период ее развития.

А. Н. Леонтьев в своих работах делал акцент на том, что каждый период в развитии человека характеризуется совершенно определенной специфической для него ведущей деятельностью. В каждом возрасте, действительно, существует определенный характерный для соответствующего психического развития вид деятельности. Но разные, окружающие ребенка, условия создают предпосылки для осуществления и других видов деятельности, которые могут способствовать опережению психического и деятельностного развития ребенка. Если игра как вид деятельности присуща человеку на ранней ступени его развития, то это не значит, что с ребенком до 7 лет можно или нужно только играть. И, тем более, вовсе не значит, что в старшем возрасте игра уже неприемлема в связи с тем, что она может сдерживать поступательное развитие человека. Игру можно и нужно усложнять, видоизменять по мере взросления и изменения психического потенциала.

Для школьника ведущей деятельностью является учебная деятельность, которая считается более успешной, если включает в себя предыдущие, более простые виды деятельности, способствующие плавному поступательному развитию психических процессов. Требования к формированию человеческой личности следует предъявлять с учетом предвосхищения общественного развития. Процесс формирования такой личности должен включать в себя воспитание потребности в труде вообще через выполнение простейших потребностных операций для удовлетворения собственных желаний и нужд. По мере взросления трудовые операционные действия тоже усложняются.

Семья – это тот первый «плацдарм», который играет определяющую роль в формировании сознательного члена постоянно развивающегося общества. Уровень научно-технического прогресса в информационном обществе требует, чтобы 18-летний человек обладал развитым современным научно-техническим и логическим мышлением. Учебно-воспитательный процесс в современных средних и высших школах следует строить на основе совершенствования методики максимального разви-

тия индивидуальных способностей формирующейся личности, ориентировать ее не просто на приобретение узкопрофессиональных знаний, а на широкую социально-трудовую деятельность.

Целостная личность формируется в процессе приобретения как профессиональных знаний, умений и навыков, так и стилевых качеств и свойств. Это возможно осуществлять только в системе совершенных, социально оправданных межличных отношений на каждом возрастном этапе развития. Сначала – это система семейных отношений, воспитательных отношений в дошкольных учреждениях, затем – система «учитель – ученик», «преподаватель – студент», «руководитель – аспирант», «член кафедры – заведующий кафедрой – коллектив кафедры» и т.п.

Причем, эти связи и отношения должны быть линейными, взаимобратимыми, коллегиальными, социально обусловленными и оправданными. Односторонняя связь и воздействие порождает авторитарный стиль руководства, который противоречит нормам межличных отношений. Только «субъект – объект субъектные» связи в любой системе отношений способны совершенствоваться как самого человека, так и межличностные отношения, пронизывающие всю его жизнедеятельность. Это – общая схема личных связей и отношений, обеспечивающая целенаправленное развитие общественных отношений, способствующих поддержанию порядка в обществе и созданию, в целом, национальной культуры.

Социализация – это процесс становления личности на основе усвоения определенных знаний, ценностей, культурных норм, присущих обществу, в котором данная личность формируется и которое она призвана укреплять своим личностным социально значимым потенциалом. Человеческое общество совершенствуется индивидуумами, которые в нем родились. Социализационные процессы создают непрерывность общественного развития во времени. Это значит, что социальные процессы, происходящие сегодня будут отражены в завтрашних результатах. Развиваясь, общество воспроизводит себя в новом поколении, которое, усваивая весь опыт социума, становится способным к инновационной деятельности.

Развитие человека – это результат взаимодействия биологических и инвайоронментальных факторов. Субъективное биологическое начало в человеке представляет собой движущую первичную силу его развития в социуме, которая, предопределяя его, подвергается мощному воздействию окружающей среды. Сегодня оба эти фактора признаются учеными существенными и взаимообусловленными. Любая генетическая натура впитывает в себя опыт и культуру поколений и преуспевает в своем развитии в такой степени, в которой этому способствует ее генотип.

Действительно, совокупность всех наследственных факторов организма является той «глиной», таким пластическим материалом, из которого можно формировать необходимую форму.

В общественной жизни бесценной ценностью является человек как объект-субъектный феномен. На всех ступенях его развития, в любом окружении, в процессе связей и отношений, в любых социальных группах и на разных уровнях взаимодействия необходимо руководствоваться общечеловеческими принципами интерперсонального общения. Человека нужно видеть – это значит замечать, приветствовать, поправлять, поддерживать. Его важно слышать – это значит уметь слушать, услышать, понять и, наконец, с ним нужно говорить – это значит уметь разговаривать с уважением, понимать, приходить к консенсусу.

Итак, генетический потенциал устанавливает диапазон достижения человеком возможных результатов в процессе его жизнедеятельности. А реализация его биологического потенциала всецело зависит от окружающей действительности, от воздействия ее составляющих. Благоприятная личностно-опосредованная окружающая среда может способствовать качественному развитию социализационных процессов, усиливающих унаследованный биологический потенциал индивидуума.

Социализационный процесс условно можно подразделить на возрастную периодизацию в формировании личностно-стилевых качеств и свойств, а также профессионально-трудовых умений и навыков. Она представляет собой: дошкольный возраст (от 3 до 7 лет), отроческий (от 7 до 15 лет), юношеский (от 15 до 20 лет), зрелый возраст (от 21 до 60 лет), пожилой возраст (от 60 до 75 лет), старческий (от 75 до 90 лет) и долгожители (90 лет и выше). Взросление человека характеризуется совокупностью закономерных психических, физиологических и психологических изменений. Психическое развитие человека следует считать фундаментальным. Поэтому в процессе обучения и воспитания функции возрастной психологии всегда совпадают с содержанием педагогической психологии, практически они неотделимы друг от друга. Модернизацию социализационных процессов следует осуществлять целенаправленными, профессиональными, социально-обусловленными методами во всех структурах межличных связей, взаимодействий и отношений.

Такой подход предполагает осуществление индивидуально-личностного воздействия на человека. Так, в учебно-воспитательном процессе высшего учебного заведения формирование духовно-нравственных качеств личности будущего специалиста реально осуществляется в системе отношений «преподаватель – студент». Но индивидуализация этих отношений зависит от периодов (курсов) обучения. основополагающим типом педагогических отношений на 1-2 курсах являются перцептивно-воспитательные отношения, обеспечивающие целенаправленное изучение личности обучающегося. Развивающиеся функциональные и эмоциональные отношения преподавателей и студентов строятся

с учетом типологических особенностей объект – субъекта учебно-воспитательного процесса (студента) и его социально значимых ожиданий от своих наставников.

Во втором периоде (третий курс) определяющим типом педагогических отношений являются перцептивные профессионально-ориентированные отношения, предполагающие дальнейшее целенаправленное изучение уровня сформированности у студентов определенных моральных качеств, развитие и совершенствование их профессионально-нравственного потенциала. Продолжается углубление функционально-эмоциональных взаимоотношений преподавателей со студентами, совершенствуется стиль педагогических отношений, приобретающий проблемно-организующий характер.

В третьем периоде (четвёртый и пятый курсы) основное внимание уделяется повышению требовательности самих студентов к своему нравственному совершенствованию путем широкого привлечения их к самостоятельному решению теоретических и практических проблем, связанных с будущей профессией. Педагогические отношения приобретают характер взаимной зависимости и ответственности как наиболее соответствующий задачам нравственного воспитания на старших курсах. Личным примером профессионального и личностно-стилевого совершенства преподавателя целенаправленно должны закреплять у них свойства и качества, необходимые высококвалифицированному специалисту.

О. Ю. ЛЕВЧЕНКО

*Забайкальский институт предпринимательства
Сибирского университета потребительской кооперации, г. Чита*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТА

Процессы глобализации, активно развивающиеся в настоящее время, приводят к расширению взаимодействий между различными странами, народами и культурами. В последнее десятилетие увеличилось число контактов между государственными институтами, торговыми и туристическими организациями, а также все большее распространение приобретают программы академических обменов и научные стажировки. В силу указанных причин, иностранный язык становится важным компонентом профессиональной подготовки специалиста и фактором общекультурного развития личности.

Проблема формирования межкультурной компетенции на сегодняшний день является одной из наиболее актуальных и охватывает широкий круг вопросов. Её формирование следует рассматривать в тесной связи с развитием способности студентов принимать участие в диалоге культур на основе принципов взаимного уважения, терпимости к культурным различиям и преодолению культурных барьеров. Изучая иностранный язык, студент должен не только усвоить его лексические, грамматические и синтаксические особенности, но и научиться адекватно ситуации реагировать на реплики носителей языка, использовать формулы речевого этикета, а также знать культурно-исторические и общественно-политические, особенности страны изучаемого языка.

В научной литературе представлены различные трактовки понятия «межкультурная компетенция». Несмотря на различие формулировок, большинство авторов считает, что она представляет собой интегрированный комплекс взаимосвязанных умений, позволяющих понимать и интерпретировать особенности чужой культуры в различных ее проявлениях, обеспечивая тем самым адекватность поведения участников коммуникации в контексте межкультурного общения.

Г. В. Елизарова, анализируя компонентный состав межкультурной компетенции, характеризует её как компетенцию особой природы, не тождественную коммуникативной компетенции носителя языка. По мнению исследовательницы, межкультурная компетенция это «основанная на знаниях, отношениях и умениях способность индивида осуществлять межкультурное общение посредством создания общего для участников общения значения происходящего и на его основе достигать позитивного для всех результата общения» [1, с. 193].

Взяв за основу предложенную в работах ван Эка (1986) структуру иноязычной коммуникативной компетенции, Г. В. Елизарова вычленила в каждом из компонентов межкультурный аспект.

Межкультурный аспект лингвистической компетенции наряду со способностью производить и интерпретировать значимые высказывания изучаемого языка предполагает наличие знаний о способах представления ценностных ориентаций конкретной культуры в изучаемом языке; знаний о способах представления культурных ценностей родной культуры в родном языке; знаний о том, как ценности родной культуры могут отражаться в построении значимых высказываний на иностранном языке; умений применять перечисленные выше знания на практике и строить высказывания, адекватно отражающие как культурные ценности изучаемого языка, так и собственные, но в приемлемой для носителей языка форме.

Межкультурный аспект социолингвистической компетенции предполагает знания о том, как социальные факторы в обеих культурах влияют на выбор лингвистических форм; умения применять на-

званные знания в практике общения с целью достижения взаимопонимания на основе создания общего значения.

Межкультурный аспект компетенции дискурса предполагает наличие знаний о различиях в структурах речевых актов родной и изучаемой культур, базирующихся на различиях в системе ценностей; умений построить собственное вербальное и невербальное поведение в соответствии с нормами культуры изучаемого языка; умений довести до собеседника идею о том, что дискурс, имеющий относительный, культурно-обусловленный характер, является другим в российской культуре, не носит универсального характера англоязычного дискурса и является продуктом знаний и умений русскоязычного собеседника.

Межкультурный аспект стратегической компетенции предполагает наличие знаний о процессах атрибуции социально значимых значений происходящего; о наличии и природе явлений этноцентризма, стереотипов, предрассудков и обобщений, влияющих на процессы межкультурного общения; умений двойного видения одной и той же ситуации; эмпатических умений восприятия собственных (речевых) действий с позиций родной шкалы культурных ценностей и восприятия позиций собеседника с точки зрения его (т.е. иноязычной шкалы культурных ценностей и осуществления собственных действий и поступков на основе такого восприятия).

Межкультурный аспект социокультурной компетенции предусматривает знание системы универсальных культурных ценностей; ценностей родной культуры (культуры изучаемого языка) и форм и способов их проявления в институтах общества, моделях поведения людей, языковой картине мира и т.д.; принципов взаимодействия культурных представлений и норм при столкновении представителей различных культур; умений вычленять культурные ценности посредством наблюдения за носителями других культур и взаимодействия с ними без обращения к ним с прямыми вопросами.

Межкультурный аспект социальной компетенции предполагает наличие у медиатора культур способности и умения быть посредником между собой и иноязычным (инокультурным) собеседником, между собственным «я», собственной личностью, определенной родной культурой, и личностью другого участника общения, сформированной под влиянием других культурных ценностей; представление о продуктивности общения и способность её достижения; знание культурно-обусловленных различий в отношении к понятиям «процесс» и «результат-продукт»; знание поведенческих проявлений различных отношений к названным понятиям, умение донести до собеседника специфику данных понятий и их проявлений в российской культуре, ориентированной преимущественно на процесс, умение адаптировать собственное поведение к стандартам иноязычной культуры с целью достижения названного выше конкретного результата [1, с.187-191].

В. В. Елизарова называет следующие принципы формирования межкультурной компетенции: принцип познания и учета ценностных культурных универсалий; принцип культурно-связанного соизучения иностранного (английского) и родного (русского языков); принцип этнографического подхода к определению культурных компонентов значений явлений как лингвистического, так и нелингвистического характера; принцип речеповеденческих стратегий; принцип осознаваемости психологических процессов и состояний связанных с МКО, который является итогом «переживаемости» культурных феноменов и связанных с ними способов познания; принцип управляемости; принцип эмпатического отношения к участникам межкультурного общения.

Итак, в современных условиях значительно повысился интерес к иностранному языку на всех уровнях образовательной системы. В эпоху глобализации обособленное существование народов, культур, экономик становится невозможным, что выдвигает новые требования к личности специалиста. Достижению взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации способствует межкультурная компетенция. Обучение иностранным языкам в неязыковых вузах должно быть направлено на формирование поликультурной, толерантной и компетентной личности, способной успешно участвовать в диалоге культур.

Примечания

1. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб., 2001.

И. В. ЛЁВКИН

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

(по материалам www.vodaspb.ru)

Термин криптоколониальное хозяйство введён в лексикон политологии Дмитрием Галковским. Он указывает на колонизированный характер жизни общества, поддерживаемый в обход контроля сознания большинства представителей этого общества. Государство, на территории которого такое хозяйство удалось сформировать колонизаторам, имеет все формальные атрибуты суверенного

государства. Вместе с тем, оно – как и беззастенчиво колониальное хозяйство – работает на интересы внешних и транснациональных сил. Поэтому, если анализировать структуру его ВВП, экспортно-импортный баланс и оборот внутренней розничной торговли, то они будут аналогичны параметрам хозяйства беззастенчиво колониального типа. В силу этого основная масса населения влачит существование в бедности «на правах» экономического ресурса, а наряду с этим большинством существует некая малочисленная правящая «элита», потребительские стандарты которой соответствует мировому «элитарному» уровню либо близки к нему.

Руководитель Центра по разработке комплексных экономических программ «Модернизация» Евгений Гильбо «Технократия должна выдвинуть компетентных национальных лидеров» (журнал «МОСТ», № 25, 1999 г.): «Существует две системы знаний о мире, а значит – и две системы образования. Первая система знаний предназначена для широких масс. Вторая – для узкого круга, призвание которого — управлять. ... В экономическом образовании ... существует фундаментальное отличие “экономики для клерков” и “экономики для хозяев”. Такие разделы последней, как косвенное управление на уровне правил, структура денежного обращения, косвенное стимулирование, макроуправление и т.п., в принципе остаются за пределами базового экономического образования. Причина этого проста — функция “экономики для клерков” заключается в навязывании определённых стереотипов (часто близких к чистой мифологии), которые в сумме программируют предсказуемое поведение экономических субъектов. Аналогична, собственно, и функция публичной экономической науки. Существование предсказуемого поведения этих ребят обеспечивает условия для игры в системе тем, кто обладает знаниями из сферы высшей экономики. Аналогично обстоит дело во многих областях знания. Она (система подготовки клерков) не даёт никакого доступа к тем знаниям, на основе которых подлинные хозяева западного мира обеспечивают эффективное управление экономикой и устойчивое процветание своих стран».

Содержание образования, предназначенного для обеспечения самоуправления суверенного государства во всех аспектах его жизни, включая и управление его хозяйственной системой, должно отличаться от содержания образования, предназначенного сторонними политическими силами для обеспечения эксплуатации криптоколонии, номинально управляемой её собственными общественными институтами. В противном случае перед криптоколонией откроются возможности достижения ею реального, а не формального суверенитета, в том числе и реального экономического суверенитета. Но предположению о криптоколониальном характере образования на основе достижений науки «для клерков», развитой на Западе, неизбежно сопутствует вопрос: *А почему оно не осознётся в таковом качестве ни научно-преподавательским сообществом, ни студентами?*

Дело в том, что в основе системы современного образования лежат тексты (большая часть – тексты учебников, написанных в соответствии с образовательными стандартами), а не практическая работа обучаемых и преподавателей в соответствующей отрасли деятельности на разных уровнях иерархии управления, в которой они на основе результатов своей работы могли бы судить о достоверности теорий, описывающих эту сферу жизни общества. «Производственная практика» в период обучения носит краткосрочно-эпизодический характер и только отчасти дополняет освоение текстового материала. Она даёт обучаемым весьма общее и поверхностное, не системное представление о сфере деятельности, к работе в которой их готовит вуз, к тому же даёт представление с низовых уровней государственной иерархии должностей, а задачи криптоколонизации решаются на надгосударственном уровне управления. Поскольку никто в темпе освоения учебной программы не в состоянии проверить на истинность все мнения, высказываемые в учебниках в качестве достоверно установленных научных фактов, то изрядную долю учебного материала студент, принимает без сомнений и без соотнесения с жизнью в качестве научно установленной истины. При этом подавляющее большинство программ профессиональной подготовки не включает в себя освещение проблематики выработки критериев истинности теорий, на которых основывается соответствующая профессиональная деятельность. Учебные планы не оставляют свободного времени для того, чтобы студенты могли бы самостоятельно выйти за рамки учебных программ, выработать и освоить какие-то знания и навыки, программами не предусмотренные, но с позиций которых они могли бы взглянуть на учебные программы со стороны и задать преподавателям разного рода неудобные вопросы, на которые в учебных программах ответов нет, либо ответы – вздорны, если их соотнести с жизнью как таковой. В учебных программах нет и обязательного для изучения перечня литературы, которую студенты обязаны прочитать помимо учебников, что необходимо для расширения их кругозора и формирования собственного представления о том, что писали основоположники и классики тех или иных направлений развития науки, техники, иных сфер деятельности, а так же — участники и современники тех или иных событий.

Став по окончании вуза дипломированным профессионалом, бывший студент соотносит поступающую в ходе работы оперативную информацию с теми теориями, которые ему стали известны из вузовского курса. На основе такого соотнесения оперативной информации и теорий вырабатывается и проводится в жизнь подавляющее большинство решений во всех сферах

профессиональной деятельности. И если цель криптоколониального характера – обеспечить эксплуатацию страны руками и «интеллектом» её же населения, то достижение этой цели запрограммировано и характером процесса обучения, и содержанием образования.

Вследствие этого государственное управление, основанное на образовании криптоколониального характера, представляет собой большую опасность, поскольку *развитие (не модернизация)* требует реального суверенитета в его полноте. А образование криптоколониального характера нацелено на то, чтобы в интересах криптоколонизаторов обесценить (сделать нерентабельным, не востребованным) любой сколь угодно высокий профессионализм во всех отраслях деятельности, развитие которых в этом обществе криптоколонизаторы сочтут неуместным.

Соответственно модернизация страны, её дальнейшее новационное развитие образование криптоколониального характера – явления не совместимые.

Соответственно уничтожение самобытной системы образования и замещение её заимствованной извне может быть не только инструментом модернизации действительно отставшего в своём самобытном развитии общества, но и инструментом угнетения и порабощения общества, подавления и уничтожения в нём национальных культур – либо всех, либо некоторых избирательно.

Г. П. ПИРОЖКОВ, Е. И. БОЯРСКАЯ

*Тамбовский государственный технический университет,
Тамбовский филиал Московского государственного университета культуры и искусств,
г. Тамбов*

РАЗВИТИЕ УСТОЙЧИВОГО МЕНТАЛИТЕТА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ: О РОЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ-КОМПЕНДИУМА «ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ТАМБОВСКОГО КРАЯ»

Проблема взаимосвязи глобального и регионального как смысловое ядро гуманитарных учебных дисциплин обучающимися постигается в предметном поле «Культурологии». В процесс культурологизации образования органично вписывается краеведение. Наряду с приобщением к ценностям мировой культуры, обучаемым необходимо углубленное изучение отечественной культуры (с учётом освоения регионального компонента), овладение краеведческим знанием [1]. Анализ обучения краеведению в ряде учебных заведений подвёл к разработке педагогической программы-компендиума «История и культура Тамбовского края». Выработаны базовые принципы программы, её тематический код. Костяк компендиума – это культурные универсалии в их глобальном, региональном и местном значении, символы и места памяти родного края; особое место в проекте отводится людям, Человеку [2, 3]. Одной из важных задач программы-компендиума определено формирование у молодых людей устойчивого менталитета.

Менталитет – это духовный базис нации, который образуется в силу исторических, географических причин, он включает в себе коллективные представления, ценностные, культурные, эмоциональные, поведенческие ориентации и стереотипы на когнитивном, мотивационном и эмоционально-поведенческом уровнях, привносимые индивидуумами в форме единства сознательного и бессознательного. Это: образ мышления, мировосприятия, духовной настроенности, присущие индивиду или группе; мировоззренческая матрица, картина мира в сознании человека, его вписанность в эту картину; норма представления мира вокруг себя и себя в нём. Менталитет краевой, местной культуры – это исторически и социально укоренённые в сознании и поведении многих поколений людей, проживающих на исторической территории, объединяющие в себе различные исторические эпохи в развитии национальной культуры. Менталитет определяет умонастроение и жизненную позицию.

Мы рассматриваем менталитет как многогранное проявление деятельности людей включающей как сознательное соотношение между рациональным и эмоциональным, так и между особенностью мышления населения края (или национально-этнической группы) по отношению к общности в целом; непримиримой является оппозиция между стремлением к инновациям и тяготением к сохранению культурного потенциала прошлого.

Заметим, что философам, культурологам и краеведам следует методологически развести содержание понятий «мировосприятие» (менталитет) и «мировоззрение» (первый термин фиксирует эмоционально окрашенное, неотрефлексированное отношение субъекта к тем или иным явлениям и объектам, заостряя внимание на антропо-психологических моментах, связанных с формированием образа окружающей действительности в сознании человека, второй термин отражает знания и убеждения, приобретенные в результате социализации).

Обращение к проблеме менталитета страны, родного края позволяет по-другому взглянуть на прошлое, настоящее и будущее своего народа, на мир в целом.

Происходящие в российском обществе социальные и культурные процессы (стирание исконно русских культурных ценностей, образцов поведения, нравственных норм и др.) затрагивают молодых

людей, которые в силу отсутствия жизненного опыта не могут выбрать для себя наиболее правильное поведение, идеалы и ценностные ориентации. В результате у них, как правило, формируется ложный образ мыслей, набирает силу процесс формирования неустойчивого менталитета.

Формирование у будущих специалистов устойчивого менталитета представляется целесообразным с точки зрения патриотического, нравственного, поликультурного и интернационального воспитания.

Мощный потенциал формирования ментальности имеют гуманитарные дисциплины при реализации краеведческого подхода. Актуальность его в образовании очевидна: молодое поколение сегодня в большинстве своём оторвано от культурного наследия своего народа, не помнит отеческих корней, не знает историю своего рода, не чтит подвигов своих предков. К сожалению, изучение гуманитарных дисциплин зачастую ограничивается запоминанием набора исторических дат и отдельных имён, которые часто не несут в себе никакой эмоционально-нравственной оценки и далеки от ценностно-воспитательной составляющей образовательного процесса. В данном случае краеведческий подход становится своеобразным способом отбора познавательного и воспитательного материала по истории и современной жизни родного края. Он формирует особую систему знаний, содержащих пространственный комплекс содержательных, операционных и ценностно-мотивационных компонентов.

В ракурсе программы-компендиума «История и культура Тамбовского края» использование краеведческого подхода при изучении гуманитарных дисциплин способно помочь решению следующих задач:

- 1) научить постигать глобально-национальные явления в контексте окружающего человека мира;
- 2) стимулировать познавательный интерес к родному краю, его истории и культуре;
- 3) вооружать обучаемых цельной системой знаний о местном крае;
- 4) целенаправленно воспитывать чувство патриотизма и национальную гордость за свой край, народ, российское общество;
- 5) готовить молодого человека к труду и жизни как творца и деятеля, полноценного члена общества, эффективного гражданина.

Краеведческий подход активизирует учебный процесс через межпредметные и внутриспредметные связи и проблемные ситуации, способствует развитию мышления и творческой активности обучаемых. Другими словами, если исходить из того, что краеведение сегодня есть целевое обогащение (самообогащение) знаниями о своём крае, и придерживаться положения «менталитет – общенациональный духовный феномен, а ментальность – уровень сформированности менталитета и его проявления в сознании и бытии как в целом той или иной небольшой общности» [4], то краеведение, по сути, направлено на изучение ментальности региона. Суть содержания такого изучения в разборе информации по истории, географии, демографии, культуре, языку, творчеству, быту населения края.

В рамках историко-краеведческих курсов в контексте национальной истории студентами изучается прошлое родного края (села, района, города, области), в результате чего происходит познание общественно-экономических, культурных, правовых и других сторон жизни региона, укрепление патриотических чувств. Так, важнейшими задачами учебного историко-краеведческого курса (см. программу «История Тамбовского края» кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета) являются: познание эволюции общественного строя России в региональном аспекте, изучение особенностей социально-экономического развития той или иной местности края; постижение менталитета местного населения, раскрывающиеся в ходе исследования исторического прошлого края; формирование уважения к региональной истории [5].

Краеведческий подход при изучении студентами ряда дисциплин («История искусств» и «Народная художественная культура», «История религии» и «Религиоведение», «Правоведение» и др.) деятельно осуществляют преподаватели кафедры гуманитарных дисциплин Тамбовского филиала Московского государственного университета культуры и искусств. Так, при изучении русского языка эффект достигается через знакомство с диалектными особенностями языка, усвоение местной ономастики, написание сочинений о природе, памятниках истории и культуры, именитых людях родного края и др. В курсе литературы краеведческий подход реализуется через изучение биографий писателей, их связей с родным для них краем, а также осмысление их произведений, написанных на местном материале. Действенное образовательно-воспитательное воздействие оказывает на студентов знакомство с местным фольклором и его собирание. Венчает изучение перечисленных дисциплин осмысление студентами полученных знаний при прохождении курсов «Философия» и «Культурология».

В интерьере компендиума ярким примером использования краеведческой информации для формирования устойчивого менталитета будущего специалиста является рассказ о гербе Тамбовской губернии [6]. Знание истории герба родного края составляет один из важных элементов духовного базиса человека, он заключает в себе не только коллективные представления о прошлом края, в котором живёт человек, но и поведенческие ориентиры, содействует духовной настроенности, присущей землякам. Это знание для многих становится нормой представления мира вокруг себя и себя в нём, исторически и социально укоренённой в поведении многих поколений людей, проживающих на

исторической территории – на Тамбовской земле. Под влиянием полученных знаний верность человека гербу (как и другим символам государственности) становится жизненной позицией.

Таким образом, комплексное изучение истории и культуры края обогащает личность, подводит к пониманию особенностей менталитета нации. В этом ракурсе педагогическую программу-компендиум «История и культура Тамбовского края» можно рассматривать как мощный интегративный фактор, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные ресурсы человека и общества с конкретной средой обитания, позволяющий более эффективно решать задачу формирования устойчивого менталитета будущих специалистов.

Примечания

1. Пирожков Г. П. Культурологические основы краеведческого образования. Тамбов, Баку, Вена, 2006.

2. Пирожков Г. П. Интеграция глобального и регионального компонентов в содержании культуролого-краеведческой подготовки специалиста на основе педагогической программы-компендиума «История и культура Тамбовского края» // Современные социальные и гуманитарные знания: традиции, новации, перспективы: материалы всерос. науч.-практ. конф., Казань, 29-30 января 2010 г. Ч. 2. Казань, 2010. С. 143-148.

3. Пирожков Г. П. Педагогическая программа-компендиум «История и культура Тамбовского края» как технология интеграции глобального и регионального компонентов в содержании культуролого-краеведческой подготовки специалиста // Владиславлевские чтения: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. И. В. Владиславлеву (Белгород, 15-16 апр. 2010 г.). Белгород, 2010. С. 92-94.

4. Соколов А. Г. Краеведческий подход в формировании менталитета подростков средствами гуманитарного образования // Цивилизация – культура – образование: из прошлого в будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф. 30 марта 2009 г. В 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург, 2009. С. 171-174.

5. Двухжилова И. В. История Тамбовского края: учеб. программа курса в Тамб. гос. техн. ун-те // Вестн. Тамб. центра краеведения. Тамбов, 2010. № 20. С. 67-71.

6. Пирожков Г. П. Геральдика: основы составления гербов // Тамб. хроники: ист.-краеведч. бюл. – Тамбов, 1997. № 4-5. С. 36-37.

Е. С. ПОЛОВНИКОВА, Г. Н. МАКУШЕВА

Алтайская академия экономики и права, г. Барнаул

ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Процессы модернизации российского образования и переход к двухуровневой системе высшего профессионального образования предъявляют к математическому образованию новые требования и стандарты. В настоящей статье описывается ряд задач, стоящих перед преподавателями математических дисциплин, и возможные способы их решения в рамках конкретного вуза.

На протяжении последних нескольких лет мы наблюдаем следующую тенденцию. С одной стороны, программы перегружены знаниями устаревшими, никак не используемыми, с другой стороны отмечается низкий уровень математических знаний выпускников, дефицит высококвалифицированных специалистов. И какой выход предлагается для ликвидации этого противоречия? Потесниться и уступить место другим предметам? Сократить количество часов на изучение математики? Такие предложения периодически возникают, но смогут ли они решить проблему?

Математические знания вырабатывают у студентов три важнейших умения, которые не способна дать ни одна из учебных дисциплин (по В. А. Успенскому):

- умение отличать истину от ложности (которую понимают как отрицание истины)
- умение отличать смысл от бессмысленности;
- умение отличать понятное от непонятого [1].

Математика – это феномен общечеловеческой культуры, она отражает этапы развития человеческой мысли. Математика учит кратко, лаконично, доказательно излагать мысли. Математика изучает воображаемые, идеальные объекты и соотношения между ними, используя формальный язык. В общем случае математические понятия и теоремы не всегда имеют аналоги в физическом мире. Главная задача прикладного раздела математики – создать математическую модель, достаточно точно описывающую исследуемый реальный объект. Задача математика-теоретика – обеспечить достаточный набор приемлемых средств для достижения этой цели. Многие науки используют математический язык, используют математические методы и даже строятся по математическим законам. Математические методы все больше проникают в самые разнообразные сферы профессиональной деятельности.

Таким образом, можно рассматривать фундаментальную математику как основу математических знаний, содержащую некоторые общие идеи, принципы и положения. «Интеллектуальное развитие и фундаментальность образования – это основа прикладных умений и навыков» [2]. И тогда высшая математика, как изучаемая в вузе дисциплина, является приложением этих фундаментальных принципов и концепций.

Программы математических дисциплин, составленные математиками без учета специфики конкретной специальности, приносят больше вреда, чем пользы, в результате чего уровень математической подготовки падает.

Успешное же изучение математики позволяет будущему выпускнику вуза:

- выводить логические следствия, в том числе и те, которые не могут быть непосредственно наблюдаемы;
- производить количественный и качественный анализ профессиональных процессов;
- устанавливать закономерности, даже ранее неизвестные;
- выполнять прогнозирование с высокой долей вероятности.

И тогда задача преподавателя – превратить математический аппарат в оружие, которое позволяет описывать наиболее точно и полно реальные процессы, количественно их измерять, применять полученные результаты на практике.

«Чрезвычайно важным становится принцип непрерывности математического образования, преемственности его содержания и методов общеобразовательной и высшей школы» [3]. Обучение на первых курсах необходимо начинать с проверки у бывших школьников понимания основных определений и формул, степени владения математическим языком и умения решать элементарные задачи. Тем самым, уже с первых шагов изучения «нешкольной математики» удастся выявить студентов с пробелами школьного математического образования, которые препятствуют успешному изучению вузовского курса. В настоящее время таким студентам в нашем вузе предлагается в рамках Центра дополнительного образования пройти так называемый «курс выравнивания». А при переходе на двухуровневую систему образования во многих направлениях такой курс предусмотрен в рамках образовательного стандарта (в его вариативной части). При таком виде деятельности студенты избавляются от чувства «математической неполноценности», страха перед математикой, они успешнее осваивают дальнейший материал.

В результате такой проверки знаний помимо «проблемных» студентов выявляются учащиеся с высоким уровнем математической подготовки. Для таких студентов младших курсов в Академии работают математические кружки с прикладной направленностью. Авторы несколько лет ведут кружок «Приложения математики в экономике» для студентов экономических направлений и являются одними из организаторов межвузовской олимпиады «Деловая математика». При данном виде работы преследуются такие цели, как повышение мотивации изучения математических дисциплин, демонстрация возможностей приложения в будущей специальности изученных знаний, обучение работе в малых группах при решении нестандартных задач. Помимо этого студенты младших курсов участвуют в ежегодной студенческой конференции с докладами на математические темы. Конечно, речь не идет о глубоком научном содержании и новизне темы в этих докладах. Но это является подготовкой к научно-исследовательской деятельности на старших курсах: студенты учатся грамотно излагать свои мысли, говорить доказательно, владеть математическим языком.

Развитию межпредметных связей, как нам кажется, не уделяется должного внимания. При существующих стандартах образования такие дисциплины как математика и информатика читаются параллельно, преподаватель-математик зачастую сталкивается с неумением студентов применять компьютерные программы при решении математических задач. И тогда либо тратится драгоценное время на обучение основам компьютерной грамотности, либо задача решается «вручную». Преподавание математики и информатики должны быть тесно между собой связаны.

Связь же математики с другими дисциплинами позволяет, во-первых, продемонстрировать сферы приложения математики, а во-вторых, абстрактные математические понятия приобретают реальный смысл. «Тогда понятие эллипса станет неразрывно связано с движением Земли вокруг Солнца, а удивительная функция e^x , производная и интеграл которой в точности совпадают с самой функцией, естественным образом возникнет из рассмотрения процесса радиоактивного распада и движения частиц в поглощающей среде» [2]. При таком взаимопроникновении дисциплин математика становится не набором формул и формальных приемов, а реальным инструментом исследования действительности.

Федеральный государственный образовательный стандарт третьего поколения предусматривает введение математических дисциплин на старших курсах (и в магистратуре в том числе). Такая математика уже может опираться на профилирующие дисциплины, в ней возможно использование широкого спектра математических умений и навыков. Тенденцию продвижения математики на старшие курсы следует всячески поддерживать и развивать.

Введение дистанционного образования как дополнительного элемента образовательного процесса способствует развитию навыка самостоятельной работы студента. Авторами в работе используется

ся система дистанционного обучения Moodle. Ее инструменты – электронный конспект лекций, тестовые задания для самопроверки знаний, рекомендации по выполнению домашних заданий и т. д. – ориентированы, прежде всего, на организацию взаимодействия между преподавателем и студентами.

Таким образом, придерживаясь в методике преподавания математики описанных рекомендаций, две важнейшие цели – развитие интеллекта и подготовка к профессии – могут быть достигнуты, не вступая в противоречие, а дополняя и обогащая друг друга.

Примечания

1. Ильченко А. Н., Солон Б. Я. Математическая культура – основа профессиональной подготовки специалиста для инновационной экономики // *Современные проблемы науки и образования*. 2010. № 2 С. 119-129.

2. Ельшавич А. М. Чему и как учить студентов в России в XXI веке? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://grammatik.ru/Articles/?chemu_i_kak.

3. Вострикова Н. А. Особенности преподавания школьной математики с учетом преемственности образовательных программ средней и высшей школы // *Математика. Образование: материалы XV Междунар. конф. Чебоксары, 2007*. С. 65–91

4. Шарыгин И. Математическое образование: вчера, сегодня, завтра... // Сайт Московского центра непрерывного математического образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mcsme.ru/edu/index.php?ikey=shar_mathedu.

Я. А. САМОДЕЛКИН

Центр гуманитарных и политических технологий, г. Новоуральск

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО СРЕДНЕГО (ПОЛНОГО) ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ Г. НОВОУРАЛЬСКА

Процесс модернизации как рецепции рационального мышления вновь стал актуален в России. Президент РФ Д. А. Медведев в своем Послании к Федеральному Собранию РФ указал на необходимость каждой школе разработать собственную стратегию развития на 5–10 лет. Приоритетная задача государства, – подчеркнул Президент РФ, – заключается в том, чтобы все школы России получили импульсы для развития материального и нематериального плана. Инициатива Президента РФ «Наша новая школа» нацеливает систему школьного образования на адекватность запросам времени.

Новоуральская система школьного образования всегда была открыта для инноваций и трансформаций. Эти изменения были направлены для достижения целей образования. Естественным образом возникает вопрос эффективной стратегии, которая характеризуется получением максимально возможных результатов при минимальных затратах ресурсов, времени и сил.

В Новоуральской структуре муниципального образования есть учреждения, которые со временем утратили свою былую значимость, а именно: Муниципальный центр развития образования («МЦРО»), Муниципальное образовательное учреждение для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи «Центр диагностики и консультирования» («ЦДК»), Муниципальное образовательное учреждение «Центр профессиональной ориентации и технологического обучения учащихся» («ЦПОиТОУ»).

На место «МЦРО» государственная власть выдвигает гражданское родительское сознание. Родительские комитеты – центр муниципального развития образования. Родители осознаны сейчас государством как субъекты образовательного процесса (de facto). Кооперационное родительство даёт запрос на диверсификацию рынка образовательных услуг, роста доверия к частным институциям основного образования, прежде всего – к частным школам, детским садикам, платным кружкам.

На место «ЦДК» государственная власть выдвигает тренинг-компании, которые обеспечивают комфортный психологический климат в коллективе учителей и учащихся. Тренинг-компании включают в свой состав психологов-тренеров, кто способен решать комплексные задачи при минимальных затратах. Тренинги закладывают основу полноценного личностного роста участников. Решаются практические задачи, которые участники выдвигают как цель тренинга, расширяется уровень свободы, уровень принятия себя и окружающих, корректируются дезадаптивные убеждения, мешающие счастливой, полноценной жизни участников. В школах города при наличии психологов психологическая культура участников образовательного процесса оставляет желать лучшего.

«ЦПОиТОУ» уступает место элективным курсам (курсам по выбору), обязательным для старшеклассников, играют важную роль в системе профильного обучения на старшей ступени школы. Они связаны, прежде всего, с удовлетворением индивидуальных образовательных интересов, потребностей и склонностей каждого школьника. Именно они по существу и являются важнейшим средством построения индивидуальных образовательных программ, т.к. в наибольшей степени связаны с выбором каждым школьником содержания образования в зависимости от его интересов, способностей,

жизненных планов. Среди элективных курсов можно выделить предметные, межпредметные (интегративные), а также курсы, не входящие в базисный учебный план. Задача предметных курсов – углубление и расширение знаний по предметам, входящим в базисный учебный план школы; межпредметных – интеграция знаний учащихся о природе и обществе. Элективные курсы по предметам, не входящим в базисный учебный план, посвящены психологическим, социальным, культурологическим, искусствоведческим проблемам и позволяют дать представление школьникам о более широком спектре возможных направлений приложения своих сил в будущем.

Особо хотелось остановиться на средних общеобразовательных школах города. Каждая школа постаралась утвердиться на рынке образования города за счёт своего предложения образовательных услуг. Одна школа предлагает углубленное изучение английского языка, другая – физики и математики, биологии и химии и т.д. Такая специализация позволяет выбрать учащемуся школу по призванию, потребностям, желанию. Думается, что в Новоуральске не так много школьников, чтобы порадовать всех директоров школ полными классами. Необходимо подготавливаться к переходу на принцип горизонтального построения обучения: есть только школы с начальным звеном и школы со средним звеном.

В школах Новоуральска присутствует в большом количестве персонал, который не связан с процессом обучения и воспитания непосредственно. Необходимо подготовиться к переходу на режим «outsourcing», т.е. передачи функции специализированным компаниям. Школы города можно подразделить на несколько групп по принципу качества ведения административно-хозяйственной и образовательно-воспитательной работы. Если административно-хозяйственную деятельность в школе частично можно перевести на режим «outsourcing», то образовательно-воспитательная работа нуждается в изменении действующей парадигмы. Нужно преподавательскому составу школ выбрать образовательную парадигму. Например, Свердловский филиал НОУ «Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт) с 2006 г. в качестве методического эксперимента использует метод социальных проектов в рамках неформального обучения студентов. Этот методический эксперимент одобрен Директоратом по делам молодежи Совета Европы, который транслирует опыт обучения и воспитания в рамках неформального образования через образовательные программы и мероприятия, направленные на утверждение равенства человеческого достоинства, культурного многообразия, активного участия в жизни общества и расширения прав меньшинств. Эти образовательные методики касаются прав человека, правового воспитания. Правовое воспитание охватывает сферу законодательства (выступающего компонентом умственного воспитания), формирует гражданственность (компонент нравственного воспитания). Необходимо учитывать отличительные особенности вышеперечисленных направлений воспитания, т.к. целостный процесс воспитания на любом его временном отрезке осуществляется при ведущей роли какого-либо одного из направлений. Каждое из них нацелено на формирование определенной подсистемы качеств развивающейся личности. Комплекс организованных мероприятий в рамках проектов позволяет добыть достаточный для теоретического анализа эмпирический материал. Учащийся оказывается в ситуации исследователя, который пытается найти некую схему для объяснения социальной действительности. Преподаватели при подготовке семинарских и лекционных занятий совместно осмысливают факты, полученные от студентов при реализации проектов. По сути, в такой ситуации исчезает феномен авторитарной педагогической власти, т.к. стирается грань между субъектом знания и объектом обучения. Обе стороны образовательного процесса находятся в поиске знания. Таким образом, студенты получают только ту теоретическую и методическую помощь, которая поможет им в дальнейшей проектной деятельности, а преподаватели работают над удовлетворением познавательных потребностей студентов. Информация, полученная учащимися, опирается на их непосредственный опыт, т.е. не происходит отчуждения знаний от возможности их практического применения. Такой метод работы в европейских образовательных учреждениях известен как неформальная педагогика, неформальное образование. Образовательное учреждение за счет данной образовательной технологии оказывается в сети социальных связей, что позволяет обществу влиять на содержание образования. Содержание образования и реальный мир становятся взаимосвязанными и взаимообусловленными, а образовательное учреждение – своеобразным эпицентром продуцирования общечеловеческих ценностей – толерантности, свободы, прав человека.

В Новоуральске есть дети, обучающиеся на дому по медицинским показаниям, а также дети, обучающиеся в специальной школе № 59. Государство предлагает инклюзивное образование («inclusion» – включать в себя) для этих детей. Инклюзивное образование на территории РФ регулируется Конституцией РФ, федеральным законом «Об образовании», федеральным законом «О социальной защите инвалидов в РФ», а также Конвенцией о правах ребенка и Протоколом №1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В 2008 г. Россия подписала Конвенцию ООН «О правах инвалидов». В статье двадцать четвертой Конвенции говорится том, что в целях реализации права на образование государства-участники должны обеспечить инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни человека.

Восемь принципов инклюзивного образования:

- 1) ценность человека не зависит от его способностей и достижений;
- 2) каждый человек способен чувствовать и думать;
- 3) каждый человек имеет право на общение и на то, чтобы быть услышанным;
- 4) все люди нуждаются друг в друге;
- 5) подлинное образование может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений;
- 6) все люди нуждаются в поддержке и дружбе ровесников; для всех обучающихся достижение прогресса скорее может быть в том, что они могут делать, чем в том, что не могут;
- 7) разнообразие усиливает все стороны жизни человека.

Система инклюзивного образования включает в себя учебные заведения среднего, профессионального и высшего образования. Ее целью является создание безбарьерной среды в обучении и профессиональной подготовке людей с ограниченными возможностями. Данный комплекс мер подразумевает как техническое оснащение образовательных учреждений, так и разработку специальных учебных курсов для педагогов и других учащихся, направленных на развитие их взаимодействия с инвалидами.

Таким образом, мы подтверждаем направленность образования в Новоуральске на гуманизацию общества, на формирование новой идентичности. В зависимости от выбранной стратегии образования будет зависеть процветание как города, так и Свердловской области, Российской Федерации.

Г. Г. СОРОКИН

Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тенденции, связанные с увеличением в возрастной структуре общества пожилых граждан, приводят к ряду негативных социальных последствий. Наиболее заметными из них является: повышение нагрузки на системы здравоохранения, социальной защиты, пенсионирования; снижение уровня функциональной грамотности старшего поколения; социальная эксклюзия пожилых граждан и т.д. Очевидно, что преодоление данных проблем немисливо без реинтеграции геронтов в социальную жизнь, открытие им доступа в недоступные прежде сферы. Это обстоятельство, в свою очередь, требует решения вопроса о повышении профессиональной и социальной компетенции геронтов. Сегодня всё чаще говорится о необходимости интеграции пожилых граждан в образовательное пространство. В подтверждение данной позиции учёными приводится огромное количество аргументов, от исключительно гуманистических, в духе идей Концепции непрерывного образования, до чисто прагматических (экономические выгоды для общества и государства). Существующие в науке на данный момент социологические и психолого-педагогические исследования различных аспектов образовательной деятельности в третьем возрасте свидетельствуют о наличии у пожилых специфических характеристик, требующих особых технологий работы с данной категорией учащихся, всесторонне учитывающей физиологические, психологические, социальные и др. факторы. Нередко подчёркивается целесообразность обособления геронтопедагогической (педагогической науки об образовании пожилых) в самостоятельное научное направление. Из всех обозначенных выше положений вытекает необходимость развития программ подготовки специалистов в области образования пожилых людей – геронтологов.

Геронтообразование, являясь частью образования взрослых, разделяет многие его трудности. В частности, серьёзной преградой на пути развития современного образования пожилых и взрослых в целом является нехватка квалифицированных преподавателей. Г. А. Ключарев отмечает тенденцию пополнения преподавательского корпуса за счёт всё увеличивающегося притока кадров, не имеющих специальной подготовки. Он считает, что «...кадровая проблема окажется наиболее трудноразрешимой при дальнейшем расширении массовости образования взрослых» [1, с. 84]. Но, если сегодня к профессиональной квалификации преподавателя, работающего с молодёжью и людьми среднего возраста в учреждениях формального образования, предъявляются хоть какие-то минимальные требования, то выполнять преподавательские функции в образовательных проектах для старшего поколения, по факту, может человек, сколько угодно низкой компетентности. Отчасти такое положение вещей объясняется тем, что далеко не всегда инициатива участия в специализированных образовательных проектах принадлежит самому геронтологу. Нередко к такому роду деятельности в «добровольно-принудительном» порядке привлекают штатных сотрудников центров социальной защиты, культурных учреждений и т.п. Как правило, в этом случае их преподавательский труд не предполагает дополнительного материального вознаграждения. Естественно, что человек, поставленный в такие условия, не заинтересован в развитии своих геронтологических компетенций. Часто образовательные учреждения, ввиду ограниченности средств, используют бесплатный труд добровольцев-волонтеров. Вопрос о профессиональной квалификации волонтера в данном случае не поднимается. Даже сам термин «геронтолог» в России употребляется по отношению к любому человеку, обучающему пожилых.

Никакое профессионально-квалификационное содержание в него не вкладывается. Это является своеобразным показателем, как отсутствия системы профессиональной подготовки герогогов, так и отношения общества к образованию пожилых граждан вообще. Геронтообразование в массовом сознании не рассматривается как серьёзная деятельность, требующая специальной профессиональной подготовки. Зачастую данная позиция прослеживается и в научных публикациях. В большинстве работ по проблемам образования пожилых уделяется достаточно мало внимания анализу вопросов профессиональной компетентности педагога и гораздо больше говорится о важности наличия у него ряда личностных характеристик, необходимых для работы с учащимися (терпение, чувство юмора, отзывчивость, креативность). В отдельных публикациях подчёркивается, что выполнять функции герогога может каждый.

На первый взгляд, невысокая профессиональная подготовка преподавателей не представляет серьёзной опасности, особенно если учесть преимущественно неформальный характер современного образования пожилых. Низкий уровень квалификации преподавателя адекватен невысоким требованиям слушателей, что должно удовлетворять всех субъектов образовательного процесса. В то же время, очевидно, что возложить какую-либо социально значимую функцию на систему образования, функционирующую по такой схеме, невозможно. Потребность в квалифицированных специалистах, профессионально владеющих методикой образования пожилых, в настоящее время возрастает. Это связано, как с увеличением образовательных проектов для старшего поколения, так и с повышением роли образовательного компонента в различных сферах, предполагающих взаимодействие с представителями данной социально-демографической группы. Т. М. Кононыгина, помимо образования, определяет следующие потенциальные сферы деятельности герогогов:

- работа в гериатрических, геронтопсихиатрических клиниках, геронтологических реабилитационных центрах, санаториях, домах ветеранов;
- организация социального обслуживания и оказания поддержки пожилым людям, особенно оказавшимся в трудной жизненной ситуации;
- деятельность оздоровительных, спортивных, культурно-просветительных учреждений и организаций, библиотек, музеев и пр. по подготовке мероприятий для пожилых или с участием пожилых людей;
- бытовое обслуживание и оказание услуг пожилым людям;
- специализированные биржи для трудоустройства, центры повышения квалификации;
- добровольческая общественная деятельность в общественных организациях, работающих с пожилыми людьми и в интересах пожилых людей;
- СМИ, рекламные агентства и службы, интернет-центры, обеспечивающие и распространяющие информацию и сведения для пожилых людей;
- поддержка близких родственников;
- разработка геронтополитики местного, регионального, национального уровней.

Автор также отмечает, что данный перечень может быть дополнен и другими видами деятельности, нуждающимися в герогогической компетенции [2, с. 8].

Вопрос о содержании компетентного набора герогога, критериях оценки его профессионализма является на сегодняшний день нерешённым. В целом, определение необходимых профессиональных характеристик педагога, работающего с пожилыми, может выступать темой отдельного научного исследования. Но можно определённо сказать, что в обязательный минимум компетенций должны войти:

- 1) владение учебной дисциплиной;
- 2) владение методикой образования пожилых людей.

Достаточно интересным представляется подход к определению компетентного набора андрагога, предложенный С. Г. Вершловским, ориентация на который, по нашему мнению, может быть оправдана и при подготовке герогогов. Учёный определяет три заметно отличающихся по содержанию и направленности «роли», в рамках которых в современных условиях должен уметь действовать преподаватель-андрагог. Это роли «врача», «эксперта» и «консультанта». Деятельность в роли «врача» связана с наличием определённой психотерапевтической подготовки, необходимой для оказания помощи в восстановлении мотивации к образовательной деятельности, ослаблении «барьеров» восприятия, снижении уровня тревожности, повышении стрессоустойчивости субъектов обучения. Роль «эксперта» предполагает не только глубокое знание предмета, но и владение содержанием андрагогической деятельности. Компетентность в рамках роли «консультанта» означает, что преподаватель владеет методологией андрагогического сопровождения процесса самообразования взрослых [3, с. 120]. Как можно заметить, С. Г. Вершловский объединяет в одну группу компетенций владение предметом и познания в области андрагогики. Тем самым как бы подчёркивая второстепенность знания предмета по отношению к роли психолого-педагогических компетенций педагога. Схожую позицию можно встретить и у многих других теоретиков андрагогики. К примеру, исследователь Ф. С. Пеарс считает, что идеальный учитель, работающий с взрослыми должен соответствовать трём требованиям:

- любовь к своему предмету;
- желание поделиться;
- базовая компетентность в предмете [4, с. 18].

При этом Ф. С. Пеарс подчёркивает, что не следует путать базовую компетентность с исключительной компетентностью. Он считает, что для обучения взрослых глубокие знания предмета не требуются, аргументируя свою позицию тем фактом, что жалобы большинства участников специализированных образовательных проектов касаются не владения преподавателем предметом, а его способности передать свои знания [4, с. 18]. В российской практике образования пожилых достаточно часто встречаются прецеденты, подтверждающие наблюдение Ф. С. Пеарса. Так, занятия, проводимые опытным вузовским профессором по всем канонам высшей школы, получают низкую оценку слушателей. В частности, грамотная теоретическая интерпретация рабочих терминов, предшествующих основному содержанию лекции, нередко вызывает недоумение и протесты слушателей: «Зачем вы нам рассказываете, что такое “здоровье”? Мы и без вас знаем, что такое “здоровый образ жизни!”». В то же время работа герагога без учёной степени, заведомо невысокой предметной компетентности, не являющимся дипломированным специалистом по преподаваемому предмету, вызывает шквал положительных откликов учащихся. Залогом успеха здесь чаще всего является опыт общения с пожилыми людьми, знание психологических особенностей представителей старшего поколения и ясное представление о мотивах их обучения. Немаловажным также является умение войти в контакт со слушателями. Таким образом, практика подтверждает, что важным составляющим профессиональной компетентности педагога, работающего с взрослыми, является знание возрастных психологических и физиологических особенностей аудитории, умение организовать учебный процесс соответственно специфическим характеристикам контингента учащихся. Формирование названных профессиональных качеств можно определить как главное направление подготовки андрагогов и герагогов. Именно этих компетенций больше всего не хватает сегодня российским преподавателям, задействованным в образовательных проектах для пожилых. В то же время, уровень владения преподаваемым предметом и научная квалификация значительного количества практикующих в России герагогов таковы, что можно констатировать «избыток квалификации». То есть ситуацию, когда уровень научных и предметных компетенций преподавательских кадров намного превосходит требования, достаточные для работы в специализированных образовательных проектах (участие в образовательных практиках большого количества преподавателей высшей квалификации, кандидатов и докторов наук, имеющих большой опыт преподавания в «традиционных» учебных заведениях, вообще является одной из специфических черт российского геронтообразования). В связи с этим, рекомендации отдельных учёных о снижении требований к квалификации герагога по показателю «знание предмета» не представляются абсолютно безосновательными. Вне всяких сомнений, этот шаг будет способствовать уменьшению дефицита герагогических кадров, позволит более рационально использовать труд преподавателей высшей квалификации. Вопрос о том, не пострадает ли при этом качество образования, в целом, остаётся дискуссионным и не предполагает универсального ответа для каждого конкретного случая. Очевидно, что высокая компетентность преподавателя в предметной области бесполезна, если он не может донести свои знания до учащихся. Но, с другой стороны, утверждение о том, что глубокие знания предмета являются препятствием для работы педагога, звучит абсурдно. Пока же можно определённо сказать, что качество образования в проектах, привлекающих для преподавания «экспертов-предметников», как минимум, не хуже, чем там, где работают значительно менее квалифицированные специалисты.

Сегодня в нашей стране отсутствует целенаправленная система подготовки герагогических кадров. В связи с этим, профессиональное мастерство герагога-практика, компетентность в ключевых вопросах, затрагивающих образовательный процесс, всецело являются результатами его предыдущего профессионального опыта, полученного образования, самообразования, а также опыта, приобретённого в процессе участия в образовательных проектах для старшего поколения. Анализируя и обобщая существующий в нашей стране опыт становления образования взрослых и пожилых, можно предложить следующую стратегию подготовки кадров для российских учреждений геронтообразования. Наиболее перспективным сегодня представляется организация курсов подготовки герагогов, реализующихся, преимущественно, в форме переквалификации уже состоявшихся специалистов (социальных работников, педагогов, врачей и т.д.). При этом ни освоение конкретной учебной дисциплины, ни изучение методики её преподавания не должно входить в задачи образовательного процесса. Именно по такой схеме функционируют в России наиболее успешные проекты, направленные на подготовку герагогов. Так, достаточно интересный опыт имеется в Центре социальной адаптации и переподготовки кадров г. Новосибирска. В 2002 г. на базе этого учреждения был создан Информационно-образовательный центр для пожилых людей. Помимо работы с представителями старшего поколения Центр готовит мультипликаторов (организаторов и педагогов) для работы в учреждениях геронтообразования [5, с. 122]. Большую известность также получили «Школы герагогов» – образовательные семинары, проводимые региональным представительством Общества «Знание» г. Орла.

Итак, в сложившихся социально-демографических условиях чрезвычайную значимость приобретает развитие программ образования старшего поколения, их ориентация на преодоление актуальных социальных проблем. Одним из главных препятствий для решения данной задачи в Российской Федерации является отсутствие системы подготовки герагогов. Современное отечественное геронтообразование можно назвать непрофессиональным не только исходя из ориентиров его развития и функционирования, но и оценивая квалификацию преподавательских кадров. Среди практикующих в России герагогов достаточно много преподавателей, не имеющих ни опыта работы с пожилыми учащимися, ни специальной подготовки. Данное обстоятельство не позволяет в полной мере реализовать потенциал геронтообразования, отрицательно сказывается на качестве обучения. Необходимость реализации программ подготовки герагогов обусловлена не только потребностями геронтообразования, но также повышением роли образовательного компонента в различных сферах, предполагающих взаимодействие с представителями старшего поколения. Наиболее целесообразным на сегодняшний день представляется подход к организации программ подготовки герагогов, реализуемых в форме курсов повышения квалификации. В нашей стране сегодня имеется отдельный успешный опыт реализации программ подготовки герагогов, на который целесообразно опереться при разработке программ профессиональной подготовки специалистов, работающих с пожилыми людьми.

Примечания

1. Ключарев Г., Огарев Е. Непрерывное образование в условиях трансформации. М., 2002.
2. Кононыгина Т. М. Герагогика: пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей. Орел, 2006.
3. Рабочая книга андрагога / под. ред. С. Г. Вершловского. СПб., Тюмень, 2000.
4. Дрейвс В. А. Как учить взрослых. N-Y, 1997.
5. Чубченко С. В. Опыт образования пожилых людей в Академгородке г. Новосибирска // Третий возраст: старшее поколение в современной информационной среде: материалы Всерос. междисциплинар. науч. конф. Москва, 30 января 2008 г. / отв. ред. Л.М. Качалова. М., 2008.
6. Высоцкая И. В., Митина А. М. Дополнительное образование взрослых за рубежом: университеты третьего возраста // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2008. № 5. С. 71-74
7. Салиева Г. И. Андрагогический подход в контексте социально-педагогической работы с пожилыми людьми // Казанский педагогический журнал. 2007. №4. С. 73-79.

Г. В. ПАНИНА

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Современное высокотехнологичное общество информационных технологий для своего воспроизводства и дальнейшего развития нуждается в образованном и добросовестном индивиде, создателе и носителе новых форм общественной жизни. Огромную роль в формирующемся обществе знания играет социогуманитарная составляющая профессионального образования. Во-первых, потому, что общество знания – это не просто постиндустриальное и информационное общество, а главным образом общество, опирающееся на знания как ресурс общественного развития и людей, их личностный потенциал как создателей этого главного ресурса. Поэтому развитие личностного потенциала, формирование социокультурной компетентности специалиста, культурная сообразность любого вида деятельности – основная задача образования в современном мире. Во-вторых, в условиях экологического и социальных кризисов любая преобразовательная (профессиональная) деятельность человека должна осуществляться только в соответствии с культуроцентричными стратегиями для обеспечения безопасного и в перспективе развивающего общественного существования. Уже на уровне проектирования и моделирования своей профессиональной деятельности специалист должен учитывать культурный опыт и социальную целесообразность, выполнять экспертные функции креативного (инновационного) развития, самими результатами своей профессиональной деятельности подталкивать общество, направлять к социально и культурно приемлемым способам выживания, определять оптимальную стратегию существования.

Особую актуальность вопросы социально-гуманитарного образования в высшей школе приобретают в наши дни, когда реализуется программа модернизации образования и разрабатываются стандарты подготовки специалистов разного уровня. Гуманитарные и социально-экономические дисциплины вводят будущего специалиста через систему образовательного пространства в мир ценностей и смыслов человеческого бытия, позволяют ориентироваться в лабиринте культурных напластований и хитросплетений с целью социально корректной постановки

своих профессиональных задач и наиболее эффективной стратегии их осуществления. А это определяет уже иную роль гуманитарных дисциплин в вузе, чем просто желательную креативную подпитку. Гуманитарное образование становится **смыслоопределяющим** компонентом профессиональной деятельности, важнейшей частью профессиональной культуры современного специалиста, **составляющей его профессиональной зрелости и компетентности**. Оно позволяет грамотно ставить сами задачи профессионального труда, определять социально приемлемые средства осуществления, понимать смыслы, ради чего она осуществляется, чему служит и что развивает.

При таком понимании роли гуманитарной составляющей в высшем профессиональном образовании совершенно несущественными выглядят рекомендации, как и кому надо делать те или иные шаги в конкретном учебном процессе, какие предметы включать, как их оформлять и т.д. Принципиальным является определение общей стратегии гуманитарного образования, включающей проблематику, предметный состав, организационные формы осуществления (модули и кредиты) и необходимые компетенции. Как конкретно каждый вуз будет осуществлять гуманитарную подготовку своих специалистов, решат Ученые советы на местах наилучшим образом. Важно обозначить саму актуальность и важность проблемы социально-гуманитарной составляющей высшего образования, ее жизненную необходимость, определить стратегические задачи и перспективы. А конкретные формы решения оставить за вузами, предлагая им обмениваться реальным работающим опытом в реализации данной программы, закреплять и оценивать предложенные практикой формы реализации *гуманитаризации высшего профессионального образования*.

В ходе исторического развития происходит усиление роли гуманитарной компоненты в системе образования. Важнейшими функциями образования являются передача социального опыта и социализация, то есть приобщение к нормам и ценностям общества, молодого поколения. Особенности коммуникации определяют специфику образовательной практики. В основном межличностная, опирающаяся на традицию, локальная, практически ориентированная коммуникация традиционного общества определяет особенности образования, представляющего собой возобновление удачных образцов деятельности, передающихся от человека к человеку, от мастера к подмастерью, тиражирующих локальный опыт. Гуманитарная компонента сводится к особенностям общения и понимания.

В индустриальном обществе с помощью средств массовой информации коммуникация приобретает национальный характер. В масштабах государства и национальной культуры распространяются стандарты поведения и деятельности, приобретая черты национальной системы образования, охватывающей школы, профессиональные училища, университеты для целенаправленной многоступенчатой передачи системы знаний, умений и навыков, в которых отражаются готовые для тиражирования стандартизированные приемы деятельности. Для подобной масштабной, институционально выраженной, обеспечивающей стандартизацию профессиональной деятельности системы образования жизненно важными становятся курсы истории, родной и иностранной языков и культуры, философии как метода рационального познания и мышления. И соответственно курсы гуманитарных наук занимают свое место во всех образовательных программах в том или ином объеме.

Принципиально новое место принадлежит социально-гуманитарному блоку дисциплин в структуре образовательных стандартов постиндустриального общества. Компьютерные технологии создают глобальную циркуляцию информации, коммуникация становится принципиально безличностной, плюралистичной, зачастую виртуальной. Она принципиально меняет формы взаимодействия и соответственно способы передачи социального опыта. Новые формы коммуникации обрушивают лавины научного, повседневного, художественного, религиозного, мифологического знания на человека, являясь для него одинаково доступными и претендующими на равнозначимость, оставляя возможность отбора самому реципиенту. В системе образования главным становится не овладение определенным массивом знаний, а обучение методикам и технологиям выбора, приобретение способности действовать в меняющемся мире, ориентироваться в потоках информации и многообразии жизненных миров. Профессиональное образование становится системой подготовки к деятельности в условиях неопределенности, изменяющихся потребностей и способов их удовлетворения. От специалиста требуется не просто владение технологиями познания и деятельности, а совершенно не виданными ранее способностями понимать и предугадывать общественные потребности, разрабатывать технологии их удовлетворения с учетом экологических, политических и социальных перспектив. Специалистом называют человека не просто знающего и умеющего, а владеющего современными технологиями управления социальными процессами, то есть компетентного. Для формирования профессиональной компетентности совершенно необходимы социальные и гуманитарные знания как условие успешной деятельности в глобальном информационном обществе, позволяющие ориентироваться в быстро меняющемся и инновационно развивающемся мире. Социально-гуманитарное образование превращается в **условие формирования профессиональной компетентности современного специалиста**.

Осуществлению этих задач высшего образования способствует модульная организация учебного процесса, которая посредством определенного набора учебных дисциплин способствует формированию заданных для каждой квалификации компетенций. Объем и содержание образовательных модулей определяется вузом в соответствии с российским государственным образовательным стандартом. Например, для инженерных специальностей предусмотрен большой блок социально-гуманитарных и экономических дисциплин, целью которых является формирование социокультурной компетентности специалиста как части профессиональной культуры личности. Техническим специалистам необходимо понимать социальный контекст, определяющий цели, задачи, приемы и методы инженерной деятельности. Знание места и роли своей профессии в жизни общества, ощущение ответственности за реализацию проектов и процедур своей деятельности является элементом профессионализма в любом деле, а в инженерном труде – особенно. Новые технологии позволяют глобально вмешиваться и пересоздавать облик мира. Перед техническим специалистом встает задача компетентной оценки социальных последствий и перспектив своей профессиональной деятельности в целях безопасного существования людей, гармоничного взаимодействия с природной средой. Социология в техническом университете призвана способствовать формированию социальной ответственности и социокультурной компетентности инженера. Современное понимание профессионализма не ограничивается овладением комплексом научных знаний по своей специальности и основными навыками профессионального труда. В условиях бурно развивающихся технологий, быстро меняющейся техносферы инженер должен уметь свободно ориентироваться в потоках информации, выбирать социально безопасные способы решения технических задач, уметь находить в проблемных ситуациях оптимальные общественно приемлемые варианты.

Новым задачам высшего профессионального образования, формирующего компетентного специалиста, отвечает двухуровневая модель обучения. Бакалавриат претендует сделать первую ступень высшего образования массовой и общезначимой именно потому, что должен дать своим выпускникам не узкоспециализированные знания, а профессиональную подготовку в контексте социальных взаимосвязей и общественных потребностей, новых линий развития и основных тенденций профессии как социальной деятельности, претендующей понимать, удовлетворять и формировать потребности людей в определенных услугах. Основной функцией бакалавриата можно считать профессиональную социализацию молодежи, приобщение к системе социальных связей, норм, ценностей, идеалов, потребностей современного общества, главной из которых является потребность в профессиональном самоопределении и развитии в течение всей жизни. Первая ступень профессионального высшего образования позволит сформировать базовую компетентность – понимание социокультурных смыслов современного профессионализма, выражающегося в готовности к профессиональному совершенствованию в течение всей активной жизни, причем в самой интенсивной, напряженной и лично значимой форме – самообразования, что позволит выстроить дальнейшие траектории обучения. Профессиональная компетентность в таком случае означает не только теоретическую подкованность и владение профессиональными навыками, а прежде всего способность и готовность самостоятельно и результативно действовать в реальных жизненных и профессиональных ситуациях на основе понимания социокультурного контекста.

Образование, обогащенное гуманитарной составляющей, превращается в обществе знания в точку общественного роста, **центр инновационного развития**:

- 1) становится основным институтом (агентом) социализации молодого поколения, научая его жить в меняющемся мире, прививая нормы и ценности информационного общества;
- 2) является важным фактором общественного развития, стимулирующим социальные изменения, готовя людей к внедрению новых технологий деятельности и новых форм повседневной и профессиональной активности;
- 3) превращается в центр экспертизы (оценки и переосмысления) старых догм, ценностей и ориентиров, знаний и технологий благодаря сосредоточению высокоинтеллектуальных и творчески мыслящих кадров с целью разработки новых технологий, адекватных форм мировоззрения, норм, ценностей, регуляторов поведения, политических и правовых систем;
- 4) является решающим фактором изменения социальной структуры общества, способствуя формированию новых социальных групп со специфическими интересами и типами деятельности, регулирует социальное расслоение;
- 5) влияет и даже определяет духовную жизнь общества, имеет символическое значение как среда социального притяжения, формирования образцов и идеалов, мотивации и направленности деятельности;
- 6) становится основным средством развития производства в направлении высокой технологичности, интеллектуальной емкости и человекоразмерности; стимулирует рождение новых форм организации труда и общественных отношений;
- 7) является мощным средством развития личности, стимулируя раскрытие потенциала людей: интеллектуального, социального, духовного, коммуникативного, творческого и т.п.;

8) являясь средством повышения социальной мобильности, усиливает динамизм всех общественных практик и социальных процессов, ускоряя общественное развитие. Можно констатировать, что закон ускоряющегося общественного развития связан с распространением образования;

9) приводит к экспоненциальному росту новых идей, рационализации общественной жизни и проникновению научного знания во все сферы жизнедеятельности и социальные практики, усиливая их возможности;

10) способствует расширению требований к образовательному уровню населения; качество образования изменяется компетенциями, а не просто знаниями, умениями, навыками, что стимулирует постоянный интерес к разносторонним квалификациям и личностному росту, мотивируя к обучению в течение всей жизни;

11) становится основным центром формирования гражданской активности, точкой роста политической активности, сознательности и ответственности;

12) являясь средством развития морального сознания и правовой грамотности, способствует совершенствованию социокультурной регуляции;

13) способствует смягчению общественных нравов, либерализации политической жизни, демократизации правовой культуры, развитию гражданского общества.

Формирующееся общество знания в условиях нарастающей роли и значения информации нуждается в адекватных образовательных усилиях. По-новому строится образовательная среда, меняются педагогические технологии, используются современные информационные методики обучения. *Болонский процесс, стремящийся поставить систему образования в соответствие с потребностями общественного развития, является выражением серьезных социальных трансформаций, вызвавших необходимость изменения и перестройки системы образования.* Самой существенной из них представляется устойчивая тенденция к превращению высшего образования в широко распространенное массовое явление. Становясь массовым, высшее образование, конечно, тяготеет к упрощению способов распространения знаний, методик освоения нового материала, познавательных интенций, способов применения научных достижений. Неизбежным следствием данной тенденции становится расслоение высшего образования на два уровня: первую ступень (бакалавриат) со всеми признаками массовости и широкой доступности, и ступень, претендующую на некоторую элитарность, связанную с отбором и овладением особо значимыми компетенциями. Необычным и новым в данном случае является массовизация высшего образования. И это закономерно, потому что современное производство в любых своих развивающихся сферах является информационно насыщенным, инновационным и соответственно высокотехнологичным, нуждающимся для своего функционирования и развития в массовых количествах в специалистах высокой квалификации (имеющих высшее образование) – бакалаврах. К тому же, специалисты, исследующие специфику двухуровневого образования, утверждают [1], что главной задачей бакалавриата является «не профессиональная подготовка, а социализация молодежи, ее приобщение к системе социальных связей, норм и ценностей современного общества...возможность повзрослеть, осознать себя как личность, получить первый гражданский опыт». Добавим к этому, что важными задачами бакалавриата становятся и знакомство с передовым технологическим опытом, умение работать в команде, слушать и понимать других людей, добывать необходимую информацию и обмениваться ею с другими людьми. Эти качества совершенно необходимы на любом современном производстве. К тому же сегодня любая профессия технически и технологически насыщена и для своего безопасного функционирования нуждается в работнике морально зрелом, интеллектуально развитом, социально ориентированном, умеющим отстаивать социально значимые ценности, удовлетворять и формировать общественно полезные потребности людей.

Таким образом, социогуманитарное знание становится жизненно важным требованием модернизации высшего профессионального образования, превращаясь в одно из основных условий формирования профессиональной компетентности современного специалиста.

Примечания

1. Голованова Н. Ф. Бакалавриат как педагогическая проблема // Высшее образование в России. 2009. № 6. С. 36-40.

О. В. СЕЛИВАНОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС СТУДЕНТОВ

Понятие модернизация трактуется как изменение, усовершенствование, отвечающее новейшим требованиям и нормативам, техническим условиям, показателям качества [1, с. 28]. Модернизация системы высшего образования призвана создать условия для подготовки высококвалифицированных кадров для посткризисной российской экономики, вывести образование на иной качественный уро-

вень. Требования к таким специалистам наряду с высокой профессиональной компетентностью включают целый ряд социальных качеств: стремление к постоянному совершенствованию интеллектуального потенциала, творческий подход к решению профессиональных задач, осознание ответственности за результаты своего труда, коммуникативная готовность к работе и т.д.

Подготовка специалистов требует обеспечения в вузе надлежащего качества образовательного процесса. Успех образовательного процесса зависит от многих факторов: организационное, научное, учебно-методическое обеспечение образовательного процесса, система конкурсного отбора абитуриентов. Важнейшим фактором надлежащего качества образовательного процесса является профессионализм, компетентность и педагогическое мастерство профессорско-преподавательского состава.

С точки зрения достижения целей образовательного процесса преподаватель вуза является важнейшим источником знаний, умений и навыков. Преподаватель выбирает методы, средства и технологии обучения, а также способы контроля за достижением поставленных целей. Личность преподавателя, его кругозор, уровень профессиональной и общей культуры часто воздействуют на студентов в большей степени, чем специальная учебно-воспитательная деятельность.

Для сохранения и развития научно-педагогического потенциала высшей школы в подготовке преподавателей необходимы не только компетентность в научно-предметной области, но и педагогическое мастерство.

Действенной системой повышения квалификации преподавательских кадров в вузах является регулярное проведение тематических семинаров и ежегодных конференций по проблемам повышения квалификации. В АлтГТУ проведены конференции по соответствующей тематике, например, «Гарантии качества профессионального образования» и др., курсы по программе «Педагогическое мастерство преподавателей», разработаны образовательные стандарты и способы создания учебно-методических комплексов на основе модульной структуры образовательных программ, действует рейтинговая система оценки результатов обучения (аттестация 3 раза в семестр, а также общероссийское тестирование и т.д.).

Обучение будущих специалистов необходимо организовать так, чтобы формировать способность воспринимать новое, потребность учиться в течение всей трудовой жизни.

Психолого-педагогическая литература предлагает формирование личностно-смыслового обучения вместо информационного. Создание личностно ориентированных технологий обучения направлено на активизацию познавательной деятельности студентов, мотивации, ориентации на будущую профессию.

В. А. Сластенин в качестве главной цели высшего образования выделяет «профессионально-личностное развитие и саморазвитие специалиста» [2, с. 5]. Речь идет о познавательной активности обучаемого, что связано с формированием и развитием личности.

Нельзя упускать такой важный аспект, как гуманизация высшего профессионального образования, значит, и личности студента вуза.

Гуманизация образования – распространение идей гуманизма на содержание, формы и методы обучения; обеспечение образовательным процессом свободного и всестороннего развития личности, ее деятельного участия в жизни общества. Перевод человека на новый уровень овладения культурой, изменение его отношения к миру, другим людям и к себе, повышение ответственности за свои действия и их последствия – основной результат гуманизации образования и воспитания [3, с. 38].

Принцип гуманизации образования предполагает:

- усиление внимания к личности каждого студента как к высшей ценности общества;
- установку на формирование гражданина с высокими интеллектуальными, моральными и физическими качествами.

Гуманизация высшего образования – действенное уважение прав студентов на получение таких знаний, которые обеспечат им безболезненное и полноценное вхождение в самостоятельную жизнь, профессиональную деятельность. Это означает, что все вузы должны быть обеспечены квалифицированными кадрами, чтобы велись все учебные дисциплины на должном уровне, что материально-техническое и информационное обеспечение вузов должно быть полноценным.

Гуманизация высшего образования означает также уважение и принятие студента как Личности; обязательный учет интеллектуальных, физических, нравственно-психологических особенностей обучающихся. Такой учет реализуется через содержание программ обучения в вузах, создание материальных условий и благоприятного нравственно-психологического климата, через профессиональный уровень преподавателей. Нельзя сформировать обучающегося как гуманную, свободную, творческую личность, если сам педагог не свободная, не творческая личность. Отсюда следует вывод о необходимости гуманизации прежде всего личности преподавателя, условий его деятельности.

Гуманизация образования предполагает также необходимость помочь студенту самореализоваться в жизни.

Важными условиями повышения эффективности развития личностного качества студентов являются следующие педагогические условия модернизации образовательного процесса.

1. Разработка инновационных личностно ориентированных технологий, включающих их мотивационное обеспечение, способствующее формированию и развитию познавательного интереса обучающихся.

2. Повышение качества образовательного процесса.

3. Выделение компетенций обучаемых как результатов образования.

4. Совершенствование оценки качества образования, теоретическая разработка заданий, которые позволяют диагностировать сформированность у обучаемых общеучебных умений и познавательных процессов.

Механизм педагогического управления развитием познавательного интереса студентов состоит в подборе и использовании эффективных форм, методов и средств включения студентов в учебно-познавательную деятельность – это лекция-презентация, семинар-конференция, семинар «круглый стол» и т.д. Развивая их познавательную активность и самостоятельность, педагог способствует изменению отношения студентов к процессу обучения.

Примечания

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров; редкол.: А. А. Гусев [и др.]. 4-е изд. М., 1981.

2. Слостенко В. А. О модернизации высшего образования // Педагогика. 2004. № 4.

3. Колесникова И. А. О критериях гуманизации образования // Гуманизация образования: Теория. Практика. СПб., 1994. С. 37-45.

Н. Н. СИМОНОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Процессы межкультурной интеграции на национальном и международном уровнях обусловили модернизацию содержания языкового образования в России. Язык выступает как средство познания картины мира, приобщения к ценностям, созданными другими народами, и в то же время как ключ для открытия уникальности и своеобразия собственной народной самобытности и исторических достижений представителей других культур.

К настоящему времени в российской системе языкового образования произошли значительные позитивные изменения, как в организационном, так и в содержательном аспектах. Существенно изменился социокультурный контекст изучения иностранных языков. Значительно выросли их образовательная и самообразовательная функции в вузе, профессиональная значимость на рынке труда в целом, что повлекло за собой усиление мотивации в изучении языков международного общения.

Расширился круг людей в стране, у которых есть необходимость общаться на иностранном языке. Геополитические, коммуникационные и технологические преобразования в обществе вовлекли в общение довольно большое количество людей самых разных профессий, возрастов и интересов. Соответственно возросли и потребности в использовании иностранных языков. Приоритетную значимость приобрело обучение языку как средству общения и приобщения к духовному наследию изучаемых стран и народов. Стал особенно актуальным интерактивный подход к обучению родному и иностранному языкам в вузе, особенно в области развития культуры речи (развитие таких компетенций, как языковая, речевая, социокультурная и некоторые другие).

На современном этапе развития общества резко возрастает культуро-образующая функция образования, которое из способа просвещения должно превратиться в механизм развития культуры, формирования образа мира и человека в нем. В качестве цели обучения выдвигается межкультурная (социальная) компетенция. Результатом обучения иностранному языку должна быть не только и не столько коммуникативная компетенция, сколько социальная компетенция, а сам процесс обучения иностранному языку должен превратиться в межкультурное обучение, в «обучение пониманию чужого», направленное на преодоление ксенофобии и существующих стереотипов и воспитанию толерантности в отношении представителей других культур.

Говоря о современных тенденциях в обучении иностранному языку нельзя не учитывать прогнозы американских исследователей о развитии в следующем десятилетии таких учебных технологий, как открытое содержание, дополненная реальность и электронные книги.

Широкое распространение открытого программного обеспечения и результатов исследований через Интернет привело к появлению нового движения открытые образовательные ресурсы (ООР), направленное на уничтожение барьеров, поощрение свободного распространения учебных материалов.

«Открытые образовательные ресурсы» (ООР) – свободно и открыто предлагаемые цифровые материалы для педагогов, студентов и самообучающихся, с целью их многократного использования для обучения и исследования. Открытые образовательные ресурсы включают: учебное содержание (пол-

ный курс, программное обеспечение курса, учебные модули, журналы); учебные средства (программное обеспечение, системы управления, онлайн сообщества), правовые ресурсы (соглашения о правах на интеллектуальную собственность для продвижения открытых публикаций).

Для преподавателей английского языка в интернете имеется открытая бесплатная Программа разработки уроков **lesson writer** <http://www.lessonwriter.com/default.aspx>, которая за несколько минут позволяет создать различные упражнения на отработку лексики, грамматики, фонетики и проверку понимания смысла содержания по текстам из Интернета.

Одним из открытых ресурсов является сайт HOME ENGLISH <http://www.homeenglish.ru/> HomeEnglish, содержащий следующие разделы: Бесплатные уроки, Словари и переводчики, Грамматика, Популярные слова, Знакомства, Стихи, Сказки, Двухязычные книги, Аудиокниги, Книги, Запоминание слов, Субтитры к фильмам, Разговорник, Тесты, Параллельные тексты, Учебники, Самоучители, Идиомы, Прикольные фото, Полезные сайты, Озвученные уроки - программа «Английский для практиков» (Скачать программу абсолютно бесплатно с возможностью загрузить три бесплатных текста), Тексты песен, Анекдоты, Пословицы и поговорки, Статьи на английском, Статьи об английском, Советы бывалых, Рефераты, Программы, Игры, Видео, Сленг, Сокращения, Киносценарии, Топики, Цитаты, Биографии, Карта сайта, Разное, Курсы, Школы.

Ещё один обширный ресурс для обучения английскому языку – English Online <http://www.abc-english-grammar.com/download90.htm> и <http://www.abc-english-grammar.com/1/progs.htm> – в данном разделе можно бесплатно скачать 43 программы, которые помогут в изучении английского языка. Виртуальная среда обучения Learngle.com – <http://learngle.com/> и Сайт «learngle» /Английский онлайн/ Фонетика – <http://learngle.com/course/view.php?id=16> предлагает озвученный Фонетический курс английского языка. Сайт «ESL Videos: Category: Pronunciation» – это видео уроки носителей языка – <http://www.manythings.org/b/e/category/pronunciation/page/2>. Бесплатные аудиоуроки по английскому языку можно найти на сайте <http://www.homeenglish.ru/Lessonsaudio.htm>.

Однако концепция открытых образовательных ресурсов гораздо шире: огромное количество онлайн материалов может классифицироваться как образовательные ресурсы: от курсов, компонентов учебных курсов до музеев, журналов открытого доступа, справочных материалов.

В начале XXI в. движение Открытых Образовательных Ресурсов ставит своей целью увеличение доступности знаний и образовательных возможностей для людей по всему миру. Координирующую роль в движении выполняет ЮНЕСКО, рассматривая следующие задачи: образование для всех, создание сообществ, стремящихся к распространению знаний, сотрудничество в разработке ресурсов – виртуальные семинары (вебинары), доклады, сайты (Web sites, wiki). Специалисты, а особенно специалисты в сфере преподавания иностранного языка, принимают участие в он-лайн семинарах, конференциях, вебинарах *Macmillan Interactive Webinars* <http://www.macmillanenglish.com/BlankTemplate.aspx?id=43108>, *Learning Teaching Third Edition* <http://www.youtube.com/watch?v=wRklwxai03c>.

Быстрое распространение всемирной паутины в сфере образования показало, что обучение становится не только сложным, но и захватывающим процессом во всем мире. Можно путешествовать по США, Великобритании и Австралии не выходя из дома и изучать английский язык. Чтобы начать путешествие, нужно выйти на сайт <http://maps.google.com/>. Перед Вами откроется карта США. Начиная увеличивать масштаб карты (предварительно выбрав город, куда мы желаем попасть). Для примера выберем Нью-Йорк. Уменьшив масштаб до 500 метров, начинаем действовать. Находим район Нью-Йорка Manhattan (уж если гулять, так гулять!), выбираем знаменитую улицу Broadway и, взяв курсором мышки жёлтого человечка (находится над плюсом изменения масштаба), бросаем его на улицу. Несколько секунд туманно, но потом улица становится чёткой (зависит от скорости Интернета) и мы видим, что находимся посреди улицы Бродвей!!! Чудо свершилось, и мы можем проехать всё улицу от начала и до конца. Выбираем полноэкранный режим, осматриваемся и ... Тут надо немного замедлиться, мы ведь отправились в путешествие, чтобы учить английский язык, а вокруг нас невероятное количество надписей (реклама, вывески, разные надписи на машинах, названия улиц и т.д.). Учить на практике намного интересней, проще и эффект от этого куда больше!!!

Примером использования социальных сетей в обучении может быть обучение письму при помощи блогов(bloggs) и вики (wiki), когда студенты могут делать обзоры, создавать, комментировать, редактировать собственные и совместные письменные сетевые проекты.

Другая технология – непрофессиональное вещание, под которым рассматривается использование небольших и легких аудио и видеозаписывающих устройств, помогающих получать и передавать информацию в глобальную сеть. «Вещания» – это онлайн-трансляции видео на сайте Smotri.com. С помощью этого сервиса ты сможешь показать себя окружающим, создав персональный канал он-лайн вещания, или наблюдать за другими пользователями, комментируя происходящее.

Вот некоторые примеры: подкастинг (звуковой журнал); непрофессиональное веб-радио (вещание на портативные аудиоплееры); вебвещание (видеокурсы передающиеся через Интернет); влоги (форма блогов, основное содержание которых представлено в форме видео и текстов, видеожурнал).

Преимущество этих технологий не только в простоте передачи информации, но и в способности студентов создавать собственное содержание, делать обзоры текущих событий на изучаемом языке. Студенты могут записывать свою речь, пересылать свои записи преподавателю, что является основой в дистанционном обучении языкам.

В начале XXI в. мобильные телефоны, ставшие неотъемлемым атрибутом нашей жизни, приобретают все новые технические характеристики: доступ к электронной почте, интернет службам и даже видео. Телефоны превращаются в мощные и необычайно легкие, удобные устройства общения и обучения. Мобильные телефонные технологии третьего поколения, известные как 3G, позволяют быстро и качественно перегружать и загружать данные в сеть, таким образом, учебные курсы в сети становятся доступными студентам через мобильные технологии.

Электронные книги достигли своей популярности в 2009 г., когда устройство для чтения Kindle компании Amazon.com стало бестселлером продаж. «Удобство иметь под рукой, в сумке, в кармане целую библиотеку, привлекает читателей, которые имеют возможность пролистывать страницы между встречами или в транспорте».

Появляются специализированные учебные программы в учебных заведениях по теории игр, дизайну игр и т.д. Наибольшее внимание привлекают следующие виды игр: имитационное моделирующие игры; виртуальные игровые среды, например, Second life, на основе которых создаются виртуальные учебные курсы, университеты, факультеты, музеи и т. д; массовые многопользовательские ролевые игры (ММРГ), основанные на взаимодействии большого количества игроков; игры альтернативной реальности, где совмещаются игровая и реальная среда, основная задача которых – критическое исследование предметов и событий, кажущихся реальными, с целью выявления и разрешения проблемных ситуаций.

Новая форма студенческих конкурсов презентаций – Дебаты на английском языке. В дискуссии принимают участие две противоборствующие команды общей численностью 20 студентов II курса, представляющие свои презентации в поддержку или против определенной идеи. Голосование по вопросу проводится дважды: до и после проведения дискуссии. Путем голосования также определяются и лучшие презентации.

Итак, можно выделить следующие тенденции:

- динамичное развитие новых идей социального взаимодействия в Интернете;
- мобильные технологии как основа для различного вида образовательных услуг;
- спрос на индивидуальные услуги, средства и открытый доступ к информации, знаниям, обучению;
- обучение в сотрудничестве как главный элемент учебной деятельности.

В текущем столетии доминирования глобальных сетей, ученые и педагоги должны уметь приспосабливаться к быстро изменяющимся технологиям обучения, чтобы оставаться конкурентно способными на рынке труда. В информационном обществе главным принципом в образовании становится принцип «обучение на протяжении всей жизни», чтобы учиться познавать, работать и жить в постоянно изменяющихся условиях.

Н. Ф. ТРУБНИКОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ИННОВАЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В организационной основе государственной политики РФ в области образования (приказ № 2866, июль 2002 г.) по модернизации Российского образования и в других целеполагающих документах образовательного направления, на современном этапе развития общества, был взят курс на гуманитаризацию образования, что означает направленность на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и формирование личностной зрелости обучаемых.

Ошибки в воспитании человека за последние три четверти XX в. в нашей стране привели к национальной идее пересмотра теории и практики в образовании человека, а также в начале XXI в. обострились гуманитарная проблема, проблема формирования социальной культуры, связанные с необходимостью подлинного обновления духовно-нравственной и физической жизни людей современного общества (негативные процессы в современном социуме, такие как духовный кризис, девальвация высших человеческих ценностей, отказ от многих нравственных идеалов, вызывают сегодня большую озабоченность ученых и педагогов-практиков). Стране необходимо духовное возрождение через культуру, развитие личности молодого поколения [1]. Отсюда главная задача – формирование и развитие человека как личности, обладающей теми качествами, которые

необходимы обществу, а также для её жизни в обществе. Необходимо помочь каждому студенту осознать, что судьба России и его образование неотделимы.

Решение этой проблемы должно быть восхождением к обеспечению разностороннего и своевременного развития детей и молодежи, их творческих способностей, целостного миропонимания и современного познания; развитию вузов как центров образования, культуры и науки и новых технологий, интеграции научных исследований с образовательным процессом; признанию ведущей роли педагогов в эффективности воспитательной работы [2]. Пора переходить от декларативного, технократического подходов к созидательному действию.

Как нам видится, это должно быть сфокусировано в вузе, цель которого подготовить не только высококвалифицированного специалиста, но также реализовать в учебно-воспитательном процессе наиболее важную педагогическую задачу современной высшей школы – формирование социально-творческой активности сознания студентов; признание в современном обществе взгляда на культуру как уровень и способ реализации сущностных сил человека в его социальной деятельности [1].

В системе подготовки будущих специалистов основополагающее значение должна иметь интеллектуальная культура, связанная с социальными ценностями и идеалами (нравственные, интеллектуальные и эстетические). Процессы, происходящие сегодня в культурном развитии личности (а в целом и общества), вызывают озабоченность в плане отсутствия у студентов понимания роли формирования основ нравственной культуры личности. Это объясняется воздействием на личность неуклонно возрастающего потока информации, усиление диалогичности и полемичности в сфере общественного сознания (учет общечеловеческих ценностей, достоинства отдельных личностей), засилье в СМИ продукции далеко не высшего качества, наличие низкопробного поп-арта.

Переориентация университетского образования сегодня – это активизация его глобальных характеристик, таких как универсализм, в том числе экология разума (ценности, обеспечивающие выживаемость общества и природы), фундаментализм (единство научных исследований и обучения, способствование инновационному характеру научного прогресса), гуманизация.

В России начался процесс модернизации образования. Концепция модернизации образования, возможно, обнадеживает нас и в ожидаемых результатах ее реализации: интеграция России в международное образовательное пространство (в части сближения целей Болонского процесса с модернизацией отечественной высшей школы); конкурентоспособность уровня образования, как по содержанию образовательных программ, так и по качеству образовательных услуг; широкомасштабности инноваций в образовательном процессе в решении принципиальной задачи Российской системы образования в усилении процессов всемирной экономической взаимозависимости, глобализации, информации. В связи с эти ученые-педагоги, психологи, философы утверждают, что необходимо усиление гуманистической направленности образования. Это вызвано не только конкретными социально-экономическими и политическими факторами, но и фундаментальными общецивилизационными сдвигами. Идет творческий поиск обоснования стратегии развития отечественной теории образования, нравственного и духовного потенциала человека [2,3].

Наша жизнь в своей эзотерической парадигме постоянно выдвигает новые проблемы, побуждает искать новые подходы и методы исследования в образовательной политике. Попытка некоторого решения этих и других важных вопросов сделана автором на основании идеи обращения к методологическому анализу проблемы формирования сознания, развития способностей студентов, путей и условий их развития, а также к концепции мотивационного программно-целевого управления (МПЦУ) профессора И. К. Шалаева, в силу признания ее одной из самых эффективной технологий [2-5].

Данная система предназначена для решения управленческих проблем, возникших в педагогическом коллективе. Автору же данной статьи представляется возможным использовать МПЦУ в своей работе с целью максимальной эффективности поиска новых подходов в воспитании студентов базовой основы культуры. Выбор мотивационного программно-целевого подхода как теоретико-методологической и технологической основы в решении искомой проблемы был обусловлен анализом реальных факторов, свидетельствующих о критическом уровне отношения студентов к общечеловеческим ценностям, которые и составляют основу культуры личности. Необходимо отметить, что системы ценностей (предметные и субъективные ценности – основа формирования личности, два полюса ценностного отношения к миру) формируются и трансформируются в разные периоды жизни общества, и отличаются своей направленностью. Многие из них значимы и по сей день (гуманистические и демократические идеалы эпохи просвещения, исторические и культурные ценности античности и т.д.). Отсюда, существенным элементом ценностных отношений в обществе являются ценностные ориентации (основное содержание ценностных ориентаций: мировоззренческие, политические, нравственные убеждения, этические принципы) личности, признанные ею как мировоззренческие ориентиры, стратегия жизненных её установок. Поэтому в любом обществе ценностно-ориентационные цели личности являются объектом воспитания и органично входят в содержание воспитания, которое направлено на

развитие и формирование базовой культуры личности (уровень интеллектуального, нравственного, этического, эстетического развития; реализация в деятельности человека знаний, умений, навыков).

Таким образом, достаточное познание методологических основ исследования на философском, общенаучном, конкретно-научном уровнях и глубокое изучение интегративно-личностной научной школы МПЦУ И. К. Шалаева позволили прийти к заключению о реальности использования МПЦУ в решении задач нашего предметного поля.

Поскольку содержание данной статьи ограничено объёмными требованиями, автор позволил продолжить содержательность своей идеи, основанной на МПЦУ (некоторые аспекты), в формировании базовой культуры студентов высшей школы в последующей статье: «Технологический аспект в формировании базовой основы культуры личности студентов высшей школы (на примере студентов специальности «Социальная работа» Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова)».

Примечания

1. Филиппов В. Н. Философия и методология науки. В 2 кн. Барнаул, 1997.
2. Из кризиса к достойной жизни. Национальная доктрина образования в РФ // Учительская газета. 2000. 17 октября. С. 6-7.
3. Гончаров В. Н. Философия образования в условиях духовного обновления России. Барнаул, 2004.
4. Шалаев И. К. Мотивационное программно-целевое управление: основы теории и экспертиза эффективности. Барнаул, 2003.
5. Хрестоматия по эффективности управлением образованием: мотивационный программно-целевой подход. Барнаул, 2003.
6. Программа развития воспитания в системе образования России //Внешкольник. 2000. №1. С. 4-24.

Н. Ф. ТРУБНИКОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АЛГОРИТМ МПЦУ В ФОРМИРОВАНИИ БАЗОВОЙ ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА» АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. И. ПОЛЗУНОВА)

В предыдущей статье была освещена проблема отечественного образования в высшей школе на современном этапе её развития. Действительно, знания как культурная ценность, как двигатель экономики, как культурная среда, как способ осознания жизни даётся высокой ценой образования. В результате практической деятельности перед автором постоянно стояли вопросы: как сферу бессознательного, где присутствует многообразие неосознанных потребностей, нереализованных желаний, перевести в содержание осознания будущего специалиста? Каковы оптимальные мотивационно-целевые ресурсы управления в достижении эффективности профессиональной подготовленности студентов высшей школы? Что взять за психолого-педагогическое основание при формировании базовых основ культуры личности обучающихся (БКЛ)?

В данной работе делается попытка решения некоторых вопросов формирования БКЛ студентов на основе технологического алгоритма мотивационного программно-целевого управления (МПЦУ) учёного-практика, действительного члена Международной академии наук педагогического образования И. К. Шалаева.

Мотивационное программно-целевое управление – это наука и практика перевода управляемой системы в новое более высокое качественное состояние на основе дерева целей с мотивационным началом в виде цели психологической подготовки коллектива к соответствующему труду, адекватному дереву целей исполняющей программы в виде норм – образцов под каждую цель и управляющей программы, органично сочетающей в себе социально-психологическую стратегию, социально-психологическую тактику и традиционный управленческий цикл [1, с. 8].

Опираясь на базовый (причинный) блок инновационного потенциала МПЦУ (потенциал теории МПЦУ и потенциал средств повышения эффективности практики управления), мы попытались внедрить МПЦУ в наше проблемное поле исследования с целью решить некоторые аспекты эффективности профессиональной подготовленности будущих специалистов по социальной работе в контексте БКЛ.

В своем исследовании мы использовали принципы МПЦУ: принцип системного подхода в управлении; принцип информационного обеспечения; принцип реализации оперативно-технологической функции; принцип реализации системы социально-психологических функций

управления, а также методы (адекватных результатам анализа социально-психологического состояния студенческой группы) создания стимульных ситуаций, чтобы эти стимульные ситуации сработали: ситуации критической самооценки (СКС), при которой студент видит себя как бы со стороны, осознавая свои проблемы, достоинства, а также и свои резервы; делегированной инициативы (СДИ) – осуществление таких управленческих процедур, при которых задачи преподавателя превращаются в конкретную инициативу студентов; создание ситуации установки (СУ) – достижение интериоризации и формирование внутренней психологической готовности студентов к деятельности; создание организационно-деятельностной ситуации (ОДС) – осуществление «погружения» студента в процесс «выращивания» нового социального опыта [1, 2].

Конструкция МПЦУ (ДЦ - ИП - УП): дерево целей (ДЦ), исполняющая программа (ИП), управляющая программа (УП). В соответствии с этим управленческий процесс начинается с системного анализа, результатом которого является ДЦ. Согласно МПЦУ конструирование ДЦ исходит из результатов многоуровневого анализа, в основе которого является генеральная цель (ГЦ). В основе нашей ГЦ стоит получение высокого уровня профессиональной подготовленности студентов специальности «Социальная работа» в части формирования базовых основ культуры личности.

Подход к построению ДЦ: определение актуальной цели (ГЦ); выявление препятствующих факторов в ходе многоуровневого (системного) анализа, формирование проблемного поля; систематизация проблем и оформление дерева целей в иерархизации «хочу – могу – делаю – получаю» [1, 2].

Блок «хочу» предполагает психологическую готовность студентов к деятельности, помогает преодолеть препятствующие факторы обучения. Блок «могу» обеспечивает технологическую подготовленность студентов к достижению поставленной цели. Блок «делаю» конкретизирует ГЦ, обеспечивает процесс развития базовых основ культуры (интеллектуальных, нравственных, эстетических способностей). В данный блок мы включили обучение, формирование, личностное развитие, ценностно-ориентированное отношение к окружающей действительности, потребность в самообразовании и т.д.

Блок «получаю» (повышение качества знаний и уровень воспитанности студента на этапе обучения в вузе) есть конечный результат и достижение цели, под которую мы выстраивали всё дерево целей [1, 2].

В Исполняющей программе (Ип) под каждую цель разработали соответствующие норма – образцы и меры достижения. Ип включает всю совокупность измеряемых параметров учебной деятельности студентов и результат исследования по этим параметрам оказывается адекватным фактическому положению дел. Ип содержит не только характеристику желаемого результата, но и содержит прогнозируемые меры его достижения, что позволяет реально осуществить процесс установления качественной степени сформированности личностной подготовленности студента в целом [1].

В стратегическом анализе (СА) мы выявили отношение студентов к формированию базовых основ культуры через анкетирование и разработку нормы – образца. В результате СА ясно, что отношение студентов к этому требует изменения его уровня: студенты не осознают, что это им пригодиться в статусе будущего социального работника, ссылаясь на отсутствие необходимости, неподготовленности.

Таким образом, выявив путем многоуровневого анализа интересующую нас данную основную проблему, систематизировав её, мы разработали ДЦ подготовленности студентов к формированию базовых основ культуры (БКЛ).

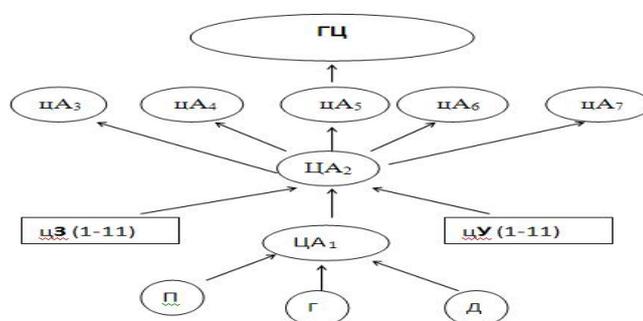

Рисунок 1 – Дерево целей

Итак, дерево целей обеспечивает процесс мотивационного управления и включает в себя содержание и подцели процесса деятельности: цА₁ – психологическая подготовка студентов к повышению культурного уровня; П – перестройка сознания, достижение положительной мотивации, осознанная некомпетентность обучающихся: «интерес и затруднения являются результатом осознанной потребности и проявления мотивации к овладению знаниями» [1]; Г – готовность к восприятию на основе понимания целей и задач курса; Д – реальное желание достижения оптимального уровня развития и формирования БКЛ нормы-образца; цА₂ – технологическая подготовка студентов; цА₃ – самоанализ знаний, умений; цА₄ – планирование собственной деятельности по дальнейшему овладению знаниями, умениями; цА₅ – самоорганизация деятельности в соответствии с программой овладения знаниями, умениями; цА₆ – самоконтроль по критериям оценки достижения цели саморазвития; цА₇ – саморегуляция процесса деятельности по овладению знаниями, умениями в сфере БКЛ; ГЦ – достижение оптимального уровня интеллектуального, нравственного, эстетического развития; реализации в деятельности знаний, умений, навыков; ценностного отношения к окружающему миру, жизни, обществу, труду; на основе «приращения» знаний, умений – достижение оптимального уровня саморазвития личности. Подцели : цз₁ – цз11; цу₁ – цу11[1,3].

Таким образом, можно сделать вывод, что основным путем сформированности БКЛ студентов является целенаправленная работа по качественному изменению мотивационной сферы деятельности будущих специалистов. В алгоритме МПЦУ может развиваться самостоятельная деятельность студентов и вне курса, благодаря соответствующим нормам-образцам: самоанализ знаний, умений на основе системного анализа; планирование собственной деятельности по дальнейшему овладению их; самоорганизация деятельности в соответствии с планом овладения знаниями, умениями, позволяющая продуктивно усваивать наиболее правильные и полезные факторы окружающей среды, в которой они находятся; самоконтроль по критериям оценки саморазвития, дающий возможность постоянно находиться в четких параметрах в изменяющихся условиях современного социума.

В силу объёмных ограничений статьи автору не представилась возможность в полной мере осветить подцели цз₁ – цз11; цу₁ – цу11 (См. подробнее: Трубникова Н. Ф., 2006).

Основная цель данной работы – желание привлечь внимание участников конференции к МПЦУ как универсальной возможности решения проблем на любом предметном поле деятельности.

Примечания

1. Шалаев И. К. Мотивационное программно-целевое управление: основы теории и экспертиза эффективности. Барнаул, 2003. – 300 с.
2. Хрестоматия по эффективности управлением образованием: мотивационный программно-целевой подход / под ред. И. К. Шалаева. – Барнаул, 2003.
3. Трубникова Н. Ф. Эстетическое воспитание будущих учителей физической культуры: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2006.

Е. В. УЛЕЗЬКО

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Модернизация образования является одним из основных направлений политики государства в сфере образования. Это комплексное, всестороннее обновление образовательной системы и всех сфер образовательной деятельности в соответствии с требованиями современной жизни, но при сохранении лучших традиций отечественного образования.

В настоящее время рынок требует сблизить процесс обучения и работы, повысить мобильность рабочей силы и найти более гибкие подходы к формам обучения.

В частности, давно назрела потребность в индивидуализации обучения, в углубленной подготовке одаренных студентов. Такая потребность вызвана различной мотивацией молодежи, поступающей в вуз. Одни стремятся получить знания и необходимые умения по выбранной специальности, изменить в лучшую сторону свой социальный статус, другие – получить «корочки» или избежать службы в армии. Несмотря на то, что не все после окончания обучения устраиваются работать по специальности, существующая система сохраняет свою привлекательность.

Выходом из положения может стать ситуация, когда студенты, получив профессиональные знания, в дальнейшем, став выпускниками будут развивать свои способности в течение всей профессиональной деятельности. Важно учитывать, что за последние десятилетия кардинально изменилась система генерации и передачи знаний, а объем знаний значительно возрос. Сегодня сложно подготовить сту-

дента за пять или шесть лет к профессиональной деятельности на всю жизнь (ежегодно обновляется 5% теоретических и 20% профессиональных знаний).

Например, единица измерения устаревания знаний специалиста, принятая в США – период «полу-распада» компетентности (снижения ее на 50% в результате появления новой информации), показывает, что по многим профессиям этот период наступает менее чем через пять лет, т. е. применительно к российской системе образования раньше, чем заканчивается обучение [1, с. 12]. Представляется возможным переход на пожизненное образование, где базовое образование периодически должно дополняться программами дополнительного образования, а базовое организуется не как конечное, завершённое, а только как основа, дополняемая другими программами.

Переход высшего образования на новые условия подготовки совершенствования до вузовского образования, где знания будут формироваться не только путем заучивания и запоминания, а путем развития логического мышления, самостоятельных индивидуальных качеств. Решение данной проблемы важно, так как повсеместно наблюдается ситуация, когда студенты первого курса, проявляют «ложную скромность» – неумение рассказать требуемый материал при наличии отличных и хороших оценок в аттестатах за период обучения в школе.

Другая проблема, которая должна быть решена в процессе модернизации образования – социальная поддержка молодежи при получении образования. Система образования оказалась уязвимой в условиях рынка, когда роль материальной поддержки молодежи переходит от государства к семье и другим институтам. В этой ситуации возникла необходимость модернизации российского образования не только с целью обновления его содержания, о чем было сказано выше, но и с точки зрения сведения к минимуму «рисков исключения» молодежи, которые могут проявляться посредством ее дискриминации и отчуждения.

Осуществление комплекса мер, направленных на создание реальных условий для улучшения образования молодых людей и предоставление им предусмотренных законом гарантий равных возможностей, имеет решающее значение как для осуществления воспроизводства социальной структуры общества, так и для развития потенциала молодежи.

Нельзя обойти вниманием и общий уровень культуры молодежи, вопросы воспитания. Какая молодежь приходит в вузы? Нормой стало курение, сквернословие, отсутствие грамотной речи. Поэтому в задачу модернизации образования входит не только профессиональная подготовка, но и развитие общечеловеческих ценностей, формирование творческой личности, способности самостоятельно принимать решения в сложных ситуациях, ценить себя и уважительно относиться к другим, противостоять негативным воздействиям окружающей среды.

Государственная стратегия в сфере модернизации образования должна строиться на поддержке сильных, инициативных людей, которые смогут увлечь за собой широкие группы молодежи. К сожалению сегодня эта системы не выстроена. Даже если на уровне среднего образования человек выявлен и сопровождался как талантливый, то в вуз приходит как в совсем другую систему [2, с. 15]. Необходимо укреплять связку школа-вуз, а также развивать систему дополнительного образования, чтобы дать молодежи возможность попробовать себя в разных аспектах и выбрать свою сферу.

Нельзя говорить о том, что только молодежь должна делать модернизацию. Двигатели модернизации, заинтересованных в ней людей, предстоит искать во всех слоях и поколениях нашего общества. В тоже время молодежь – это наиболее динамичная часть общества, легко принимающая перемены и она будет пользоваться плодами преобразований во всех сферах жизни общества.

Примечания

1. Социальная поддержка молодежи в контексте модернизации образования. Факты. Комментарии. Заметки // Социологические исследования. 2010. №10.

2. Эксперты и студенты обсуждают роль молодежи в модернизации страны. [Электронный ресурс] / Образование Красноярского края. Электронные данные. [Красноярск, 2008]. Режим доступа: <http://www.krao.ru>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус.

Н. В. ФАЛЕЕВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Ценностный подход в управлении сложными социальными системами, к числу которых относится образование, не является принципиально новым. В настоящее время в России развивается новая система образования, которая ориентирована на вхождение в мировое образовательное пространство. Акцент на социальном измерении, культуре качества образовательного пространства в вузе, культуре отношений внутри вуза, ценностных ориентирах его сотрудников как системообразующих факторах качества образования является общеевропейской тенденцией [1]. Анализ основных направлений

управления качеством образования в зарубежных странах показывает, что Россия находится в русле современных мировых тенденций. Согласно Концепции модернизации российского образования, отечественная образовательная политика учитывает общие тенденции мирового развития, ориентированного на человека и его самореализацию как ключевого фактора стабильности и развития общества.

Сегодня для реальной образовательной практики наибольшую значимость приобретает вопрос о культуре качества в преподавании и обучении. Системы менеджмента качества вузов призваны обеспечивать такие условия, при которых непрерывное повышение качества образовательной деятельности, постоянное саморазвитие, профессионализм могли бы стать реальной ценностью как для преподавателей так и для студентов. В этой связи, выстраивая стратегию развития университетов в современном мире необходимо определить ценностные ориентиры университетского образования.

Существующие представления о развитии интеллекта, становлении творческого потенциала личности обогащаются новыми концепциями, инновационными технологиями, моделями, образовательными программами, что ведет к переосмыслению методологических основ развития наук о человеке, к которым относится педагогика.

Сегодня одним из стратегических ориентиров в развитии высшего образования оказывается аксиологическая (ценностная) парадигма педагогики. Педагогическая аксиология является относительно самостоятельной частью общей аксиологии. Она интегрирует знание философии, педагогики, психологии, социологии и других наук и рассматривает образование, воспитание, обучение и педагогическую деятельность как основные человеческие ценности.

Современные исследователи (В. А. Сластенин, Г. И. Чижаква и др.) полагают, что в настоящее время педагогическая аксиология обращена к феномену образования, центром которого является человек. Поэтому она рассматривает образовательные ценности с позиции самооценности человека и осуществляет ценностные подходы к образованию, признавая ценность самого образования.

Современное образование выполняет ряд присущих ему специфических функций: *компенсаторную*, которая позволяет восполнить недостающее знание; *адаптирующую*, позволяющую индивиду приспособиться к постоянно меняющемуся миру; *развивающую*, которая дает возможность индивиду сохранять активность и участвовать в общественных процессах; *креативную*, предоставляющую возможность развития творческого потенциала личности на всех этапах ее жизнедеятельности; функцию *культурного наследия*, обеспечивая приобщение индивида к богатствам мировой культуры; *преобразующую*, которая направлена на педагогизацию всех сфер жизнедеятельности общества и *аксиологическую*. Под аксиологической функцией данными авторами понимаются такие ценностные свойства образования, которые имеют существенное значение для самой образовательной системы, общества, государства, отдельной личности в настоящее время и сохраняют свою актуальность в будущем [2].

Сейчас вновь дискутируются вопросы возникновения и эволюции ценностей, иерархии и доминирования ценностных систем, определяются группы базисных ценностей университета. Так, например, учеными А. В. Кирьяковой и Т. А. Ольховой выделяются академические ценности, ценности личностного роста, ценности гражданского общества, организационные ценности. К ценностям личностного роста авторы данной классификации относят самоопределение, самореализацию, индивидуальность, субъект-субъектные отношения, непрерывность образования, адекватность человека среде и ситуации, профессиональную мобильность, здоровье, корпоративность, конкурентноспособность выпускника.

Особое место в аксиологической парадигме университетского образования, по мнению ученых, занимает проблема ценностного самоопределения студентов. Ценностное самоопределение как педагогический феномен представляется как процесс обретения личностью смысла, целей и ресурсов собственной жизни в пространстве и времени образования. В свою очередь, основой самоопределения личности в процессе собственной жизни являются ценностные ориентации [3].

В понятие «ценностная ориентация» в различных областях научного знания вкладывается определенное содержание. В педагогике ценностные ориентации трактуются как ценностное отношение, характеризующее взаимосвязь объектного и субъектного, внешнего и внутреннего и определяющее направленность личности на ценностные объекты (М. Г. Казакина); связующий элемент сознания и самосознания (В. Э. Чудновский); вербализованные и осознанные субъектом идеологические, политические, моральные, эстетические основания оценивания объектов (В. И. Гинецинский).

В педагогической аксиологии ценностные ориентации определяются как система отношений человека к социальной действительности. В основе функционирования ценностных ориентаций лежат ценности. Они отражаются в сознании индивида, его отношении к окружающей действительности и проявляются в поведении и деятельности [2].

Следовательно, процесс ориентации предполагает присвоение личностью ценностей. Ценностное самоопределение в университетском образовании происходит как за счет освоения содержания образовательных курсов, в которые включены проблемы общественной нравственности и общечеловеческих ценностей, так и в процессе освоения образовательных технологий, стимулирующих личность

к постоянной рефлексии собственной жизни во временной перспективе. Овладение алгоритмом целеполагания в учебной деятельности приводит к переносу логики построения и достижения учебной цели на жизнь личности.

К важнейшим принципам построения университетского образования, которые способствуют ценностному самоопределению личности студента и преподавателя, относятся: открытость, непрерывность, свобода, ответственность, созидательность, корпоративность, мобильность, толерантность, аксиологичность, кросскультурность, амбивалентность и фундаментальность [4].

Как ввести человека в мир ценностей и оказать ему помощь в выборе личностно значимых ценностных ориентаций – важнейшая задача современной педагогики. Без ценностного содержания ни один предмет не может преподаваться соответствующим образом. Особые возможности для развития ценностного потенциала личности предоставляют предметы гуманитарного цикла. Гуманитарное образование создает культурное поле человека, формирует культуру мышления, поднимает его на качественно более высокий уровень. Художественно-образное мышление нередко даже опережает строго научное в освоении мира, так как обладает большей свободой в способах этого освоения.

Примечания

1. Факторович А. А. Ценностно-мотивационный подход к управлению качеством образования в вузе // Педагогика. 2011. № 4. С. 60-69.
2. Чижаква Г. И., Сластенин В. А. Педагогическая аксиология монография. – Красноярск, 2008.
3. Кирьякова А. В., Ольхова Т. А. Реализация аксиологического подхода в университетском образовании // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 124-128.
4. Кирьякова А. В. Аксиологическая парадигма современного университетского образования // Высшее образование сегодня. 2011. № 1. С. 19-22.

Л. Г. ШЕБАЛИНА, В. Н. ИВАНОВА, И. Ф. ЛЕНСКАЯ

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

НАПРАВЛЕНИЯ И ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ СПОРТИВНО-МАССОВОЙ И ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. И. И. ПОЛЗУНОВА

Одним из важнейших направлений организации внеучебной деятельности студентов в университете является организация физкультурно-массовой и спортивной работы. Важность данной работы заключается в привлечении студентов к занятиям физической культурой и спортом, развитию и совершенствовании организации спортивных мероприятий, ориентации студентов на социальные способы проведения досуга, а так же в агитации и пропаганде здорового образа жизни.

Основные организаторы физкультурно-массовой и спортивной работы в университете: отделение физической культуры и спорта, спортивный клуб «Политехник», студенческое правительство, заместители деканов и спортивные активы факультетов.

Спортивно-массовая работа ведется в соответствии с календарным планом. Важность рационального планирования спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы, как продолжение учебно-воспитательного процесса, подтверждает многолетний опыт работы. Календарный план составляется до начала учебного года заместителем руководителя отделения физической культуры и спорта (ОФКиС) по спортивно-массовой работе, согласовывается с заместителями деканов факультетов по спортивно-массовой работе (СМР), начальником управления по внеучебной работе, председателем спортивного клуба «Политехник», утверждается руководителем отделения физической культуры и спорта.

Проведение Спартакиады вуза, Спартакиады «Первокурсник» и других мероприятий, необходимо выполнять в утвержденные сроки. Работа на факультете согласовывается со спортивным студенческим активом, деканом и утверждается руководителем ОФКиС.

Работа ведётся по следующим направлениям: организационная, агитационно-пропагандистская, спортивно-массовая и физкультурно-оздоровительная.

В выполнении организационного направления важная роль отводится совместной работе заместителя декана по спортивно-массовой работе на факультете и спортивного актива. Это формирование сборных команд для участия в Спартакиаде вуза, Спартакиаде «Первокурсник», других соревнованиях; подготовка и проведение спортивных праздников, матчевых встреч среди групп, курсов; поощрений спортивного актива, команд и ведущих спортсменов факультета.

В успешном решении задач агитационно-пропагандистского направления большое значение имеет слаженная работа и взаимодействие заместителя декана по СМР, спортивного совета, руководства факультета. Проводится целенаправленная деятельность среди студенческой молодёжи, при этом используются различные средства: оформление спортивного стенда, поздравления спортсменов и команд,

создание галереи славы факультета, публикации в газете «Алтайский политехник», журнале «На скородке» и др.

Реализация спортивно-массового направления осуществляется преподавателями ОФКиС, заместителями деканов по спортивно-массовой работе и спортивными активами факультетов. Это проведение Спартакиады университета: легкоатлетический кросс, мини-футбол, баскетбол, волейбол, лёгкая атлетика, лыжные гонки, лыжные эстафеты, борьба греко-римская, гиревой спорт, жим лёжа, настольный теннис, шахматы, фехтование; Спартакиады «Первокурсник» по видам: мини-футбол, волейбол, стритбол, лёгкая атлетика и других соревнований. Важная роль отводится проведению массовых спортивных праздников «День Здоровья», эти мероприятия включают все направления спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы.

Отделение физической культуры и спорта ежегодно формирует списки сборных команд по видам спорта, утверждает расписание тренировок, ведёт учёт студентов, имеющих спортивные звания (КМС, МС) и разряды. Сборные команды университета по различным видам спорта, принимают участие в Спартакиаде среди высших учебных заведений Алтайского края, защищают честь вуза на соревнованиях различного уровня.

Осуществление оздоровительного направления включает привлечение студентов к самостоятельным занятиям физической культурой как на воздухе (ходьба на лыжах, катание на коньках, оздоровительный бег, игровые виды спорта, общая физическая подготовка), так и в спортивных комнатах общежитий, в спортивно-оздоровительном центре «Ювента»; а в летний период, в учебно-производственном центре «Крона», где проводятся соревнования по волейболу, стритболу, баскетболу, настольному теннису, мини-футболу, бадминтону, плаванию; «Весёлые старты», «Спортивная пара», «Снайпер»; товарищеские встречи по мини-футболу, баскетболу и волейболу с командами с. Бобровка, оздоровительно-спортивного лагеря «Спарта» (АГМУ). В соревнованиях и спортивных конкурсах принимают участие студенты, преподаватели, их дети. В «Кроне» проходят учебно-тренировочные сборы студенты-спортсмены университета: легкоатлеты, волейболисты, баскетболисты, шахматисты. Пребывая в Центре, студенты нормализуют режим питания и жизнедеятельности – а это основы здорового образа жизни, на организм благотворно влияет сосновый воздух, река Обь, среда физической культуры.

Подводя итоги, отмечаем, что развитие спортивно-массовой работы положительно сказывается на учебном и внеучебном процессах. Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, определена роль физической культуры и спорта в развитии человеческого потенциала России. Стратегия развития требует коренной модернизации системы физического воспитания в образовательных учреждениях. Перед сферой физической культуры и спорта стоят глобальные вызовы и задачи, решение которых требует новых современных подходов не только на краткосрочную, но и на долгосрочную перспективу.

Физическая культура и спорт в университете, представляют собой сложную систему разнообразных типов физкультурно-спортивной деятельности. Для повышения качества спортивно-массовой работы Алтайского государственного технического университета, для более комплексного и системного подхода, эффективного и координированного взаимодействия всех заинтересованных структур необходима реализация следующих мер.

1. Учредить Смотр-Конкурс на лучшую постановку физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы в АлтГТУ им. И. И. Ползунова. Инициативной группой преподавателей ОФКиС (Л. Г. Шебалиной, В. Н. Ивановой, И. Ф. Ленской), было разработано Положение о смотре-конкурсе, который предлагается проводить ежегодно, начиная с 2011/12 учебного года.

Цели и задачи Смотра-Конкурса:

- пропаганда здорового образа жизни;
- стимулирование широкого внедрения физической культуры и спорта в повседневную жизнь студентов, массовое привлечение студентов к регулярным занятиям ФК и спортом;
- улучшение качества проведения физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы;
- повышение уровня организации физкультурно-спортивных мероприятий на факультетах;
- определение лучших факультетов по организации и проведению физкультурно-оздоровительной и спортивной работы;
- развитие и укрепление спортивных и творческих связей физкультурно-спортивных подразделений факультетов;
- содействие развитию новых форм оздоровления студентов с использованием средств физической культуры и спорта, стимулирование факультетов к творческой деятельности;
- обмен опытом организации и пропаганды физической культуры и спорта;
- привлечение спортивных активов;
- улучшение финансового и материально-технического обеспечения физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы в вузе;
- стимулирование занимающихся в группах спортивного совершенствования.

Определить номинации по следующим направлениям спортивно-массовой работы:

- организация физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы на факультете;
- организация информационно-пропагандистской работы на факультете;
- организация спортивной работы и спортивное мастерство на факультете;
- организаторская деятельность заместителей деканов по спортивно-массовой работе;
- организация работы по отделению спортивного совершенствования.

Победители и призеры Конкурса награждаются кубками, дипломами, призами.

2. Принимать участие в ежегодном Всероссийском смотре-конкурсе на лучшую организацию спортивно-массовой работы среди студентов.

3. Внести в перечень аккредитационных показателей деятельности вуза пункт «Эффективность системы физического воспитания студентов и организации спортивно-массовой работы».

4. Отделению физической культуры и спорта разработать современные научно обоснованные программы, методические рекомендации по спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной работе. Выпускать методические материалы, пособия, проводить другие мероприятия, направленные на распространение передового опыта.

5. Принять меры по обеспечению повышения квалификации преподавателей физической культуры, переподготовки преподавателей-тренеров не реже одного раза в пять лет; привлекать к работе в качестве преподавателей физической культуры и спорта высококвалифицированных специалистов.

6. Использовать средства наглядной агитации: настенные плакаты, пособия, газеты, фотографии. Привлекать к работе по пропаганде спорта и здорового образа жизни спортсменов, политиков, общественных деятелей.

7. Модернизировать Спортивный клуб, как «первичное и важнейшее звено физкультурно-спортивного движения страны». Провести реструктуризацию всей системы спортивно-массовой работы, где Спортклуб должен стать объединяющей и организующей единицей всей физкультурной и спортивной деятельности.

8. Укрепить материально-техническую базу, оснастить современным спортивным инвентарем и оборудованием. Соорудить открытые спортивные площадки на территории легкоатлетического манежа и лыжной базы.

9. Предоставить возможность студентам помимо четырёх часов в неделю обязательных занятий, посещать дополнительные и элективные, тем самым, увеличить объем недельной двигательной активности до восьми часов, что обусловлено государственным образовательным стандартом.

10. Использовать учебно-производственный центр «Крона» для тестирования физической подготовленности студентов, проведения сборов Факультета военного обучения, Дней Здоровья, отдельных видов Спартакиады. В зимний период организовывать учебно-тренировочные сборы лыжников, «Клубы выходного дня» для любителей зимних видов спорта.

11. Создать туристский клуб, как центр любителей активного отдыха, направленный на широкое привлечение к регулярным занятиям физической культурой в свободное время, в выходные и праздничные дни не только студентов, но преподавателей и сотрудников.

12. Внедрить новые привлекательные формы, методы и средства организации физкультурно-спортивных занятий. Например: день волейбола, день баскетбола, день футбола, день силача, день бегуна.

13. Возродить Спартакиаду среди преподавателей и сотрудников по видам спорта: волейбол, баскетбол, мини-футбол, настольный теннис, бадминтон, лыжные гонки, шахматы, дартс, армрестлинг.

14. Организовать физкультурно-оздоровительные и спортивно-массовые мероприятия для колледжей и факультета иностранных студентов.

15. Ввести систему учета и стимулирования посещений спортивных объектов АлтГТУ (лыжная база, спортивный манеж, игровой зал, УПЦ «Крона») студентами, преподавателями и сотрудниками. Награждать самых активных по итогам учебного года.

16. На торжественном мероприятии в форме: конференции, спортивного вечера, подводить итоги спортивно-массовой работы за учебный год, награждать победителей Смотра-Конкурса, Спартакиады АлтГТУ, краевых и более высокого ранга соревнований, а так же преподавателей-тренеров, активистов, с участием представителей ректората, студенческого и преподавательского профкомов.

Результатом реализации комплекса вышеперечисленных предложений, направленных на модернизацию физической культуры и спорта в АлтГТУ, будут:

- сохранение и укрепление здоровья, формирование основ здорового образа жизни, постоянное совершенствование физического, нравственного, интеллектуального, эстетического воспитания и профилактика асоциальных явлений;
- привлечение к занятиям физической культурой и спортом подавляющего большинства студентов, преподавателей и сотрудников.

Примечания

1. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации № 1101-р от 7 августа 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.infosport.ru/strategiya/docs>.

2. О совершенствовании процесса физического воспитания в образовательных учреждениях Российской Федерации: решение Минобразования РФ, Минздрава РФ, Государственного комитета РФ по физической культуре и спорту, Российской академии образования № 11/9/6/5 от 23 мая 2002 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rudocctor.net/medicine2009/bzlw/med-zmham>.

В. Г. ШКУНОВ

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

СТАНОВЛЕНИЕ АВТОРСКОЙ (ОБРАЩЕННОЙ) ПОЗИЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА¹

Современное положение дел можно характеризовать как утрату ценностей классического образования, образования изначально по природе своей гуманитарного. И дело здесь не только в тех реформах отечественной образовательной системы, которые проводит государство, хотя они и вызывают достаточно большое количество вопросов. Содержание проблемы кроется в другом, а именно – понятие образования по сути оказалось подмененным понятием подготовки. В высшей школе эта подмена прослеживается наиболее явно: высшее профессиональное образование сведено до уровня профессиональной подготовки, что выражается в общей установке на овладение профессиональным знанием, социокультурных норм профессиональной деятельности в отчужденной, «предметной» форме (цель, содержание, принципы, технологии и др.), но не на становление собственного, индивидуального образа в профессиональном мире и становление образа такого мира. Уж тем более разговор давно не ведется о становлении целостного образа мира человеческой культуры.

Признавая, что образование и подготовка не существуют друг без друга, тем не менее, необходимо сделать принципиальное разделение данных понятий в контексте педагогической деятельности. Во-первых, подготовка нацелена на отношение с «человеком учебным» (К. Д. Ушинский), но не с «человеком целостным» (человеком, как он есть), который уже входит в мир образования «со своим жизненным опытом, стремлениями, увлечениями, страстями, впечатлениями» (Ш. А. Амонашвили), а потому и воспринимающим свое образование как жизнь, и жизнь погружающим в контекст собственного образования, но не как подготовку к жизни.

Во-вторых, подготовка есть ничто иное как социальное *определение* человека. Тем самым образование, сведенное к подготовке, есть в этом смысле наложение социальных пределов на индивида, что в конечном итоге оборачивается наложением жесткой системы предписаний, установок и регламентов на всю систему образования в целом. Образование же в подлинном своем понимании рассматривается нами как становление человека в культуре (Ю. В. Сенько). Но культура есть снятие любых пределов, детерминаций, каким бы образом они не закреплялись на языке социальных предикатов. Концептом культуры является отнюдь не *предел*. Любой предел (предметный, языковой, парадигмальный, ментальный), попадая в поле преобразующего понимания культуры, размещается на ее диалогических границах (В. С. Библер), тем самым в границу и преобразуясь. Именно границу (текстов, сознаний, бытия, его феноменологической возможности) и следует рассматривать в качестве исходной метафоры культуры (М. М. Бахтин).

И в-третьих, что для педагогики имеет принципиальное значение, подготовка сама по себе «предметоцентрична». Показателем успешности ее осуществления является то, как овладевает студент определенным содержанием образования в традиционном, информационно-наполнительном для педагогики его понимании. Такая предметная центрация со временем приводит к отчуждению и «очуждению» (Б. Брехт) преподавателя от студента, преподавателя от преподавателя, студента от студента и каждого от самого себя, своей экзистенциальной сущности в образовательном процессе. Тем самым рушится целостность процесса образования, скрепляющим стрержнем которого является отношение Человек–Человек. В логике же культуры центральной задачей образования является удержание в напряженном состоянии гуманитарного, диалогического нерва, укорененного в ценностях и смыслах, смыслочувствовании человеческой жизнедеятельности. Собственно это и есть тот единственный предел, который накладывает культура на самую же себя (Ф. Т. Михайлов).

Будем рассматривать в качестве основной характеристики культурного акта (поступка) «преобразующее понимание» (Г. Риккерт) человеком условий своего со-существования, выстраиваемое в трех взаимосвязанных полях: предметном (как понимание способов воспроизводства с предметов культу-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант №10-06-00163а)

ры), дискурсивном (как понимающая ориентировка в семиотическом пространстве культуры) и гуманитарном (как центрация на личностных смыслах участников культурной встречи) (А. А. Брудный).

Даже при явно выраженной предметной установке, когда понимание претерпевает смещение (деформацию) в первое и второе поля, дидактический контекст учебного процесса, вольно или невольно заставляет преподавателя «обращать внимание» на своих студентов (множ. число здесь существенно), в усредненном акте предметного действия. В лучшем случае предметное действие дополняется семиотическим преобразованием, овладением языком предмета. Зачастую, к сожалению, в силу различных причин язык предметных понятий оказывается лишенным следов конкретности (см. «конкретное» у Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса, Э. В. Ильенкова). Так или иначе, образ каждого отдельного ученика в этом случае остается оскопленным, сведенным к предметной функции.

Еще в более сложном – но эта сложность принципиально другого характера – положении оказывается тот педагог, кто в своей деятельности входит в гуманитарное поле понимания. Согласно концепции М. М. Бахтина человек представлен в текстуальном инобытии, задан через творимые им тексты, в которые он сам себя и погружает. Проникновение в эти тексты предполагает изначальное наличие у преподавателя диалогически понимающей установки. Деятельность педагога становится подчиненной такому звучащему-речению, при котором текст, обращенный к своим студентам, порождает встречный текст, наслаивающийся на первоначальный, и вместе звучащие уже как единое педагогическое целое. В этом рождаемом педагогическом событии (у М. М. Бахтина «эстетическое событие»), существует не только автор (преподаватель) и произведение (учебный процесс), но и читатель-слушатель (студент). Отталкиваясь от тезиса, что любой говорящий, в том числе и писатель, учитывает «апперцептивный фон восприятия», М. М. Бахтин отметил, что в произведении всегда заключена особая «концепция адресата речи». Причем ориентация на слушателя происходит именно внутри произведения, когда адресат, по словам В. Волошинова (ученого круга Бахтина), становится «имманентным участником художественного события, изнутри определяющим форму произведения».

Добиться подобного со-голосного звучания педагог может по нашему мнению в двух случаях. Во-первых, когда удастся распродметить собственные средства обращения, обнажив их аффективно-чувственную ткань, когда предмет начинает рассматриваться через призму культурно-исторической логики своего становления и развития его как средства общения. Если говорить о педагогических традициях, то наиболее полно и осознанно эту мысль отстаивал В. А. Сухомлинский: «Открытие, сделанное ученым, когда оно оживает в человеческих взаимоотношениях, в живых порывах мыслей и эмоций, предстает перед учителем как сложная задача, решить которую можно многими способами, и в выборе способа, в воплощении теоретических истин в живые человеческие мысли и эмоции как раз и заключается творческий труд учителя». Подчеркнем, термин «распродметивание» вполне точен – распродметить, но не отказаться от предмета. И не только в силу своей «предметной уполномоченности»: педагог вынужден рассматривать «свой» предмет в первую очередь как потенциальное средство самовыражения Другого и самого себя. Стоит ли говорить, что в этом случае предмет превращается в средство целесообразно-деятельного общения преподавателя и студента, и через это окрашивается смысловой тональностью данного отношения. Другими словами в контексте разговора о полях понимания, гуманитарное поле представляет собой приращенную форму предметного и дискурсивного полей, обретая при этом новое диалогически обращенное качество.

Второй путь – удержание в образовательной ситуации тех проблем, которые волнуют самого студента. При этом вслед за А. А. Ухтомским следует различать социальную форму общения и его культурную форму (*общение*), которое он понимал как «сосредоточенное собеседование со встречающимися лицами, когда они читаются до глубины и получают ответы на свои дела, которые для самих еще не поняты, а только носят в досознательном и готовы открыться». (Вспомним и М. М. Бахтина, и В. Франкла, утверждавших, что смысл человеческий коренится в осознании собственного предстояния.)

Вопрос заключается в том, насколько это становится возможным в нынешней образовательной ситуации? Для прояснения этого прибегнем к одной иллюстрации, взятой из замечательной статьи В. Л. Рабиновича «Образование и образ» [1]. Интерпретируя беседу Алкуина (философ-схоласт, учитель при дворе Карла Великого) со своим учеником Пипином (один из королевских сыновей), автор пробрасывает его на тысячу с лишним лет вперед, в наше время. Вот фрагмент этой статьи.

...Послушаем Алкуиново словопрение.

«П и п и н. Что такое язык?

А л к у и н. Бич воздуха.

П и п и н. Что такое воздух?

А л к у и н. Хранитель жизни.

П и п и н. Что такое жизнь?

А л к у и н. Счастливым радость, несчастным горе, ожиданье смерти.

П и п и н. Что такое смерть?

А л к у и н. Неизбежный исход, неизвестный путь, живущих рыдание, завещаний исполнение, хищник человеков.

П и п и н. Что такое человек?

А л к у и н. Раб смерти, мимоидущий путник, гость в своем доме...».

...Но... попробуем сделать вот что. Пусть те же в точности вопросы задает Пипин, как если бы он был экзаменатор на каком-нибудь собеседовании при приеме в какой-нибудь вуз, а отвечал бы Алку-

ин, как если бы он был абитуриент-медалист, прочитавший «всего энциклопедического словаря – «Советского энциклопедического словаря» 1980 года издания, например. Что бы тогда получилось? А получилось бы вот что.

«Пипин-экзаменатор. Что такое язык?

Алкуин-абитуриент. «Язык (анат.),

- **мышечный вырост на дне ротовой полости у наземных позвоночных животных и человека;**

- **естественный язык, важнейшее средство человеческого общения;**

- **любая знаковая система...»**

Пипин-экзаменатор. Что такое воздух?

Алкуин-абитуриент. «Воздух – смесь газов, из которых состоит атмосфера Земли...»

Пипин-экзаменатор. Что такое жизнь?

Алкуин-абитуриент. Жизнь – одна из форм существования материи, закономерно возникающая при определенных условиях в процессе ее развития.

Пипин-экзаменатор. Что такое смерть?

Алкуин-абитуриент. Смерть – прекращение жизнедеятельности организма, гибель его.

Пипин-экзаменатор. Что такое человек?

Алкуин-абитуриент. Человек – высшая ступень живых организмов на Земле, субъект общественно-исторической деятельности и культуры».

Даже при первом взгляде видны принципиальные различия одной и другой образовательной ситуации: ученическая позиция из спрашивающей превращается в отвечающую; целостная гуманитарная предметность – «человек» – рассыпается как горох по разделам современной естественной науки, зачастую несвязанных между собой; живая метафорическая тайна миропонимания подменяется мертвыми однозначными определениями, не вызывающими к их продуктивному пониманию и делению в последующих вопросах (для более серьезного анализа отсылаем читателя к глубокой статье В. Л. Рабиновича).

Очевидно(!?), что возвращения в уже утраченную учительско-ученическую текстуальность Алкуина быть не может, и прежде всего в силу господствующего естественнонаучного уклада современного образования, при котором даже гуманитарные науки ориентированы на отыскание объективных закономерностей методами естествознания. Все же представляется, что и при текущем положении дел можно отыскать те ходы, когда сциентичный, объясняющий монолог оборачивается культурным, понимающим диалогом. Прежде всего, как это не парадоксально, профессионализм педагога заключается не в полноте предметного означивания, а в осторожном сбережении от лингвальной детерминации, в сохранении тайны и прелести «неназванного» мира. Т.е. предмет раскрывается преподавателем как некоторая загадка со множеством догадок, как тайна, являющаяся потенциальным культурным вызовом для студента. Говоря языком Н. Кузанского, преподаватель разворачивает не столько знание, сколько «знание о незнании».

Не менее важно и другое – учителю необходимо в нужный момент замолчать самому, т.е. отказаться от самого себя, пожертвовать собой как предметником. Т.е. обращение, в отличие от любого другого акта коммуникации готово отказаться (отказаться себе) от завершенной формы своего обращения в пользу Другого. Однако, не следовало бы этой жертвенности придавать некий сакральный смысл: с уходом преподавателя из внешне разделенного деятельно-речевого плана предмет переходит в план внутренне разделенной речи-деятельности студента, а сам преподаватель становится его внутренним собеседником. Конечно, задача это не простая, и если такое оборачивание происходит, то можно говорить о состоявшейся идеальной встрече Учителя и Ученика.

И последнее. Говоря о предметной направленности авторской позиции педагога следует задаться простым вопросом: а что же собственно творит педагог как автор в своей педагогической деятельности? Не делает – хотя деятельность в своих высших проявлениях и есть творчество – а именно творит, т.е. создает то, что является миру впервые в его – педагога – исполнении и своим появлением преобразует это мир (для понимания) уже не только для самого педагога, а по меньшей мере и тех, кто оказывается рядом с ним – своих студентов, своих коллег. И вот при такой постановке вопроса становится понятно, что эта малость и называется педагогическим миром. Его-то преобразованием и занят педагог.

Думается, что модернизация образования должна идти через возвращение к подлинным гуманитарным основаниям образования, помятуя, что все новое – хорошо забытое старое. Общим вектором движения здесь является гуманитаризация педагогического процесса, разворачивание его в диалогических координатах культуры, с чем по большому счету и связана авторская позиция педагога.

Примечания

1. Рабинович В. Л. Образование и образ // Философия образования для XXI века / ред.-сост. Н. Н. Пахомов, Ю. Б. Тупталов. М., 1992. С. 176-208.

ЯЗЫК, КОММУНИКАЦИИ И ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Л. К. АЛАХВЕРДИЕВА

Ростовский государственный строительный университет, г. Ростов-на-Дону

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ЯЗЫКОВОМ ПОЗНАНИИ МИРА ОБЩЕСТВОМ

Палитра языковой картины мира, подвижной и яркой, отражает различное мироощущение действительности, своеобразии культуры разных народов. Отражаемая картина мира формируется под влиянием ценностной ориентации национальной культуры. Действительность находит свое отражение в сознании людей различным образом, что основывается на многообразии свойств окружающего нас мира и разнообразном характере потребностей человека. Познавая мир, человек способен воспринимать многокрасочность его свойств, особенностей, качеств, вызывающих определенную эмоционально-чувственную настроенность, проявляемую в языковой сфере.

Язык рассматривается как наиболее яркая идентифицирующая характеристика этноса и символическое руководство к пониманию национальной культуры». В российской лингвистике проблему, обозначенную как лингвокультурология, исследуют такие ведущие языковеды, как Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия и др.

Автор настоящей статьи видит свою задачу в том, чтобы рассмотреть эстетический сегмент в семантическом поле некоторых единиц китайского языка, отражающих многолетнее созерцательно-философское отношение к окружающему миру китайцев. Созерцательно-философское отношение к окружающему миру воспитало у китайцев чувство глубокого поклонения ко всему живому.

Слово эстетика, означающее отношение к чувственному познанию, наиболее емко определено А. Ф. Лосевым, как «эстетическое выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность и обработанной как сгусток общественно-исторических отношений».

Эстетика рассматривает чувственное познание окружающей действительности, сообщаемое с природой, обществом, человеком и его деятельностью в самых различных жизненных сферах, вплоть до производственной. Например, новый мощный компьютер, созданный в Китае, назван создателями «Рассветный туман». Романтическая характеристика технического прибора демонстрирует эмоциональную наполненность номинативной языковой единицы.

Примером эмоциональной грамотности служит и оценочная характеристика человека: известный в Китае российский мастер по прыжкам в воду Д. Саутин получил прозвище «зеленая елка», так как на протяжении долгих лет сохраняет хорошую спортивную форму (зимой и летом одним цветом). В то же время в Америке его прозвище – «русский робот». Одинаковое качество – постоянная готовность результативно выступить в соревновании, а как по-разному звучит. Примером различных исходных мотивов служит, например, название полуострова Даманский (русский вариант) в китайском языке – Чженьбаодао («Остров сокровищ» или «Драгоценный», т.к. по форме напоминает слиток золота).

Мерой всех вещей в Китае является природа, что сформировало особый эстетический вкус, в том числе и в именовании объектов реальной действительности. Процесс создания в Китае больших или маленьких парков и садов подобен поэтическому. Эстетический уровень в назывании парков и садов очень высок, видимо, потому, что цивилизация, которая исчисляется тысячелетиями, имеет свои глубокие духовные приобретения. Например, в названии сада – Юйян дунтянь – «Небесный грот яшмового солнца». Или название очаровательного уголка парка Чжучжэюань – «Зал далекого благоухания». Еще один императорский парк Ихэюань – «Сад, творящий гармонию», парк «Единственная радость» и др.

В «Парке глубокой гармонии» находится храм Чжихайхай – «Море мудрости и разума». Парковые беседки в китайских садах также имеют свое предназначение и поэтическое название: «Зал орхидей и снега», «Зал далекого благоухания», «Павильон вздымающихся волн», «Беседка ожидания инея». В таком саду люди облагораживают душу, проникаются красотой.

«Пейзажный взгляд» распространяется в Китае на все явления жизни. Особое отношение к материалу росписи фарфора выражено в названиях глазурей: «цвет луны», «голубой туман», «цвет неба после дождя», «павлинье перо», «цвет кожи желтой рыбы».

Чувство красоты всегда мотивированно, так как имеет оценочный характер. Это чувство развивается вместе с развитием человечества, имеет историческую общественную природу, в основе которой заложена природа естественная. В нем отражаются свойственные тому или иному обществу, в ту или иную историческую эпоху эстетические вкусы, представления и понятия. В связи с этим чувство красоты различно проявляется у разных людей в зависимости от усвоенных ими представлений и понятий об окружающем мире.

Оно достигает своей совершенной формы только через эстетическое воспитание человека. Эстетический формат в языке расширен за счет двустороннего процесса: отражения мира на базе эстетического воспитания и влияния созданных языковых единиц на эстетическое воспитание следующих поколений.

Накопление эстетического опыта народом всегда связано со словом. Секрет в том, что красота существующего мира потенциальна в окружающей природе. Ее тысячелетиями наблюдали и впитывали китайцы, что и стало отправной точкой в восприятии мира. Эмоционально воспринимают природу и другие народы, но в Китае это является стержнем творческого отображения действительности. Естественный динамизм, переданный через слово, сохраняет и «внутренние коллизии», по выражению В. В. Морковкина.

Семантические сферы разных языков анализировали неогумбольдтианцы, выявляя сходства и различия между ними. Л. Вайсгербер ввел понятие «вербализация мира», определив его как «процесс языкового овладения миром», ставшим оценочным объектом познания. Всемирная история ассоциаций в языковом сообществе актуальна на любом этапе развития лингвистики.

Законы человеческого мышления в системе социально-типичных позиций, оценок отраженных объектов находят знаковое отображение в структуре национального языка вообще и, конечно, во фразеологии в частности. Оценка как универсальная категория находит выражение в разных языках, но способы выражения оценочных ситуаций различны. Фразеология является наиболее аргументирующим материалом, иллюстрацией особенностей мировоззрения носителей сопоставляемых языков.

Отдельность языков кажется преодолимой в условиях сопоставления фразеологизмов, пословиц и поговорок, так как ассоциативный ход в создании данных языковых единиц понятен представителям разных национальностей. Современная тенденция рассмотрения явлений языка в тесной связи с культурой и духовно-практической деятельностью человека представлена антропологической лингвистикой. Сравнительные устойчивые обороты иллюстрируют оценочные эталоны конкретной лингвокультурной общности. Эстетический сегмент данных языковых оборотов также определяется мировоззрением того или иного народа.

Рассмотрение фразеосостава китайского языка подтверждает вывод о близости носителей языка с природой, что, как говорилось выше, заложено в культуре народа: понимание природы, любование природой. Фразеологической единице (ФЕ) в русском языке *как ребенок* со значением «беспомощный» соответствуют единицы в китайском языке – *как раненая птица; как трава; как листва; как мышь* со значением «тихо, тихий» соответствуют – *как гора, озеро, камень, вода*.

Один из символов китайской культуры *бамбук* является составляющей единицей многих фразеологизмов. Растение бамбук используют и в пище, и в строительстве, и в народных промыслах. Его свойства детально изучены, в результате чего существует множество характеристик, легших в основу переносного значения ФЕ.

Образная концентрация стала основой китайской ФЕ – *держат бамбук в животе* (соответствует русской ФЕ – *строить воздушные замки*). В условиях повышенной влажности бамбук растет быстрее, как и планы, оторванные от действительности. Семантический пласт характеристики растения «твердость» лег в основу ФЕ со значением «трудного положения»: *бамбуковое положение*.

ФЕ *бамбуковая жена* не имеет аналога в русском языке, так как характеризует быт горных народностей Китая: циновки из бамбука клали в постель для защиты от холода.

Эмоциональные и эстетические ассоциации, сопровождающие слово в языковой культуре, существуют в различных культурах и языках. Различия, проявляющиеся в лексике, отражают специфику национальной культуры народов и поэтому являются важным направлением в исследованиях.

Единство целостно-духовного содержания проявляется в органическом единстве эмоционального и интеллектуального отношения человека к миру, что и представляет эстетическую составляющую словесного отображения мира.

Примечания

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., Наука, 1988.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Кравцова М. Е. История искусства Китая. Целостная картина истории развития китайского искусства от неолитической эпохи до начала XX в. М., 2004.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996

СОБЫТИЙНОСТЬ СЮЖЕТНО-ФАБУЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ ПОВЕСТИ XVI В.

Сюжетно-фабульные отношения в произведении всегда различны и зависят от затеи автора и его изобретательности, от назначения произведения в обществе, от эпохи, которая опосредует собой литературную норму и динамику литературы.

В классической русской литературе, в советской литературе и в современной, сюжетно-фабульные отношения кардинально отличаются от подобных в древнерусской литературе. В средневековом произведении фабульность почти отсутствует в том виде, в каком мы ее знаем по литературе классической и современной, где, как правило, фабула остра и замысловата, и направлена на увлекательность художественного произведения, на непрекращающийся интерес со стороны читателя.

В нашей работе мы будем использовать понятия «фабулы» и «сюжета» как самостоятельные категории и опираться на определения ученого-педагога А. М. Левидова [1]. А. М. Левидов разграничивает эти понятия, и представляет их таким образом: «Сюжет (лат. Sub, под; jacerе, бросать,) – нечто «подброшенное», (буквальный перевод). Жизнь полна всевозможными сюжетами и беспрестанно подбрасывает их писателям, но в сыром виде, сюжеты это лишь «события, происшествия, эпизоды, явления». «Фабула (лат. fabula, рассказ,)...Задача писателя заключается в том, чтобы в определенной очередности рассказать о событиях, фактах, поступках героев».

В словаре иностранных слов [2] представлено определение сюжета как происходящее от фр. sujet – совокупность связанных между собой действий, событий, в которых раскрывается основное содержание литературного произведения. Фабула от лат. fibula – басня, рассказ, сюжетная основа литературного произведения, изображение событий и происшествий в их последовательности. Такое определение фабулы и сюжета не идет вразрез с пониманием их сути у Левидова, но абсолютно противоречит, например, данным определениям.

Сюжет (от фр. Sujet – предмет) – ряд событий (последовательность сцен), происходящих в художественном произведении, и выстроенных для читателя по определенным правилам демонстрации. Сюжет – основа формы произведения. Если под сюжетом понимают некую схему событий, то под фабулой «понимают основной художественный конфликт, который по ходу этих событий развивается». Данные определения не противоречат используемым нами, в том случае, если поменять места понятия сюжета и фабулы. Далее, в работе, мы будем придерживаться исследования Левидова, а следовательно, его определений, которые автор лично упрощает. Если описывать сюжет как то, «что произошло на самом деле» (как бы ни был сюжет художественного произведения фантастичен), то фабула, – в какой последовательности узнал об этом читатель».

Сюжет существует первичный – это то, что произошло в реальной жизни, и, вторичный, производный – это сюжет произведения. Вторичный сюжет может появиться из события, эпизода первичного сюжета, т.е. из какой-то его части. Сюжет, как явление реальной действительности «пострадает» – сократится, видоизменится, чтобы стать полноценным сюжетом произведения. Левидов этот процесс определил как «творчески переработанный художником действительный факт».

Предназначение литературы в социуме, определяет сюжетно-фабульные отношения в отдельном произведении. В развитии литературы, эпоха средневековья своим отношением к литературе и отведенным ей местом в общественной жизни отличается от последующих эпох.

Древнерусская литература создавалась не для прочтения, а для перечитывания. Древнерусская литература целенаправленна, каждое ее произведение содержит определенный смысл, как правило, религиозного оттенка и часто, поучительного характера. Если это повесть, то о чем-то, если это сказание, то о ком-то, если это видение, то чего-то (данные сочетания автором выбраны произвольно). Так или иначе, у каждого произведения есть своя цель и идея, его предназначение ясно и автору, и читателю. Литература способствовала образованию, поучению, отражала в себе прошлое и настоящее, одновременно помогая строить будущее. Трудоемкий процесс изготовления и дефицит грамотных, могущих писать авторов, делает художественную литературу редкостью и потребность в ней общества удовлетворяет церковнославянская литература, которая удачно совмещает в себе художественные наработки и религиозный подтекст.

Произведение, созданное на церковнославянском языке, по большей части, в своем повествовании хронологично. Как правило, событие или череда событий идут последовательно, автор освещает их одно за другим, согласно сюжету. Но даже в такой, характерной для древнерусского произведения манере написания, существует фабула. Фабула в начале текста, как предпосылка ко всему произведению – это норма для церковнославянской литературы. Сам заголовок, опережая хронологию событий, сообщает, о чем это произведение и, кроме того, существует поясняющее предисловие ко всему тексту, в основном, очень краткое. Нарушая хронологию сюжетной линии, автор забегаем вперед, используя фабулу, он сообщает о теме повествования и, более того, прописывает его итог и, только после этого, начинает само повествование.

По своему семантическому объему понятия «сюжет» и «фабула» постоянно пересекаются с таким понятием как событие, а также происшествие, этюд, эпизод, явление. Последние являются событиями в широком значении, имея при этом свою, особую семантику. Событие, категория еще не завершенная в своем определении и, возможно, со временем, обретет более четкие очертания. Философия разбирает различия между событиями и фактами, физика рассматривает событие как то, что происходит в данный момент времени и рассматривается как изменение состояния мира. Хайдеггер видит событие как со-бытие [3]. Н. О. Лосский соотносит событие с изменением состояния вещей, возникающее во времени и после большего или меньшего промежутка времени исчезающее, отходящее в область прошлого [4].

В данной работе мы будем рассматривать не только событие как факт, происшествие, но и событийность, обуславливающую сюжетно-фабульные отношения в произведении.

В своей работе Б. Успенский [5] рассматривает события в историческом контексте и вводит понятие исторической значимости. Событие или события можно признать исторически важными лишь в том случае, если, они отвечают двум условиям, «то есть вписываются во временные и причинно-следственные отношения». Условия эти – фактор времени – расположение событий во временной последовательности и фактор причинности – установление причинно-следственных отношений. Соответствие этим двум условиям придает событию историческую значимость.

Та событийность, с которой мы имеем дело так же историческая, «творчески переработанная», переложённая на литературный язык она существует в текстах. При этом нашей целью является не раскрытия исторической значимости события, что необходимо при анализе исторического среза, а подтверждение его существования в произведении. Само по себе событие, без уточнения его нахождения во времени и его отношения к другим событиям не имеет никакого значения, оно не существует, не живет в произведении.

При восприятии и усвоении произведения нашему мышлению необходимо знать, в какой временной последовательности происходят события. Освоив таким образом фабулу, мы постигаем причинно-следственные отношения между событиями, т.е. мы понимаем сюжет.

Для событий, освещенных в сюжете и, возможно, тех же событий, представленных в фабуле, фактор времени и фактор причинности играют разное значение. В фабуле события могут **существовать**, лишь, в том случае, если выстраиваются автором в произвольной, но определенной последовательности. Каждое произведение и каждый автор предлагает свою временную последовательность.

В сюжете фактор времени теряет свою значимость, события просто **есть, существуют**, но в определенных причинно-следственных отношениях. На этих отношениях строится сюжет, а не на самих событиях. Причинно-следственные отношения так же произвольны, но более зависимы от сюжетов из жизни, первичных сюжетов. Очередность событий в сюжете является организатором причинно-следственных связей.

Событийность в сюжете и фабуле индивидуальна, одно событие может иметь различное значение в сюжетной линии произведения и в его фабуле, т.е. оно обладает разным качеством, во-первых. Во-вторых, хронологическая и произвольная (фабульная) последовательность событий различны в произведении, их расположение может не соответствовать друг другу.

Для исследования влияния событийности на сюжетно-фабульные отношения в древнерусской литературе, мы провели лингвистический анализ двух произведений.

«Повесть о Тимофее Владимирском» [6] датируется XVI веком, повествует о согрешившем священнике Тимофее, который раскаялся и получил прощение. Повесть четко разграничивает добро и зло, разделяет своих и чужих, т.е. хороших и плохих. Повесть относится еще к тем средневековым произведениям, которое имеет черно-белую палитру в своем сюжете.

Заголовок представляет собой содержание повести в краткой форме: «ПОВЕСТЬ О СВЯЩЕННИКЕ, ВПАВШЕМ В ВЕЛИКИЙ ГРЕХ ТЯЖКИЙ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В РУССКОЙ ЗЕМЛЕ ВО ВРЕМЯ КНЯЖЕНИЯ ГОСУДАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА И ПРИ МИТРОПОЛИТЕ ФИЛИППЕ».

Характерная для XVI века хронологичность присутствует в произведении, и фабула здесь имеет место в виде предпосылки ко всему произведению. «Жил в городе Владимире некий священник, по имени Тимофей. Случилось ему, по Божьему попущению, в такое искушение впасть на пагубу своей души». Для классической литературы использование данной фабулы редкость, для средневековой – норма. Читатель проживает произведение с осознанием произошедшего и его необратимостью, что имеет сильный эффект при освоении и усваивании текста.

Для древнерусского произведения характерно увлекательное начало, небольшое вступление издалека, которое приводит к главному, по фабуле, событию. Далее события выстраиваются в четкой последовательности. Автор подробно объясняет, как во время Великого поста, в пятницу вечером люди приходят покаяться в своих грехах, а в субботу причащаются. И за этим пришла к попу «некая девица», что привело к такому страшному финалу, Тимофей не удержался и согрешил с нею. Финал одновременно является началом, завязкой всего произведения. Далее событийность выстраивается

в логической последовательности. Тимофей согрешил, сбежал в Орду, перенял веру, стал страшным воином, тридцать лет убивал христиан, встретил отрока – русского пленного, раскаялся, покаялся, получил прощение, а умерев – очищение.

Фабула построена на первых двух событиях – Тимофей согрешил и стал басурманином. То, что происходит далее уже закономерно. Но когда мы читаем повесть и воспринимаем последовательность фабулы, именно эти два события нам кажутся самыми значимыми в произведении, так как они привели к последующему развороту действий. Проследив фабулу до конца, что происходит после окончательного прочтения произведения, возможна детерминация сюжетной линии, т.е. анализ сюжета произведения, в которой значимыми событиями являются вовсе не согрешение и побег священника, а его раскаяние и прощение. Сюжет произведения значимыми делает именно эти события и сам по себе является назидательным, только через покаяние можно спасти свою душу. Таким образом, событийность в сюжетной линии и в произвольной (фабульной) последовательности произведения приобретает разную значимость.

Фабульность в данном произведении присутствует в виде предпосылки (как краткой части повести перед основным повествованием), передающей содержание всей повести в начале текста и в виде нарушения оригинальной хронологии событий, в середине текста. Парадоксально, но интерес читателя автор вызывает преждевременным его оповещением о событиях последующих, он «закидывает удочку». В повествование о жизни Тимофея в Казани автор вставляет абзац совершенно иного характера: «Бог же не хочет смерти грешника, но хочет, чтобы исправился он и был живым, захотел он и этого преступника в прежнее благочестие привести», который здесь алогичен и, который, более органично (по хронологии) смотрелся бы в повествовании о раскаянии Тимофея, после его разговора, с просящим пощады отроком. Таким образом, хронологическая событийность нарушается (в данном отрезке текста), далее она следует по законам логики.

В ходе анализа повести XVI века «Видение хутынского пономаря Тарасия» [7] мы наблюдаем иной (по типу событий) выбор автором фабулы произведения. Повесть о пономаре Тарасии основана на реальных событиях, произошедших в Новгороде в 1508 г. В этом году «стихийные бедствия опустошили Новгород значительно сильнее, чем походы Ивана III» [8]. Три года подряд умирали люди от повальной болезни, а в последний – 1508 г., случился еще и страшный пожар, унесший тысячи жизней. Повесть носит назидательный характер и вот почему. Эти события легли в основу «повести, заданной числом предсказывавшей Новгороду «наказание за грехи» [9]

Как и в предыдущей повести, в заголовке представлено краткое содержание повести: «МОЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА ВАРЛААМА О ГОРОДЕ И О ЛЮДЯХ»

«В год 7013 (1505) было чудо удивительное и видение, полное ужаса, в пречестной обители божественного Преображения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и преподобного и богоносного отца нашего Варлаама». В предшествующей основному повествованию части нам сообщается о чуде удивительном и видении, полном ужаса. Далее идет вступление, в котором автор нам рассказывает о Тарасии, оказавшемся в полночь в церкви и увидевшего Варлаама, выходящего из своей гробницы. Для передачи всего трагизма событий автор выбирает и объединяет жанры видения и предсказание. Фабула этого произведения совершенно отлична от фабулы ранее рассматриваемой повести (о Тимофее Владимирском). Автор следует исторической хронологии событий, но оправляет их в яркие и выразительные «зрительные образы». Он строит свое произведение на постоянной смене событий, фабулу здесь можно определить как «Тарасий-Варлаам».

Варлаам-чудотворец отправляет испуганного Тарасия на крышу церкви посмотреть, какую пагубу хочет наслать Бог на Новгород. Тарасий видит: «чудо странное и ужаса преисполненное: высоко над самым Великим Новгородом нависло озеро Ильмень, готовое потопить Великий Новгород». Изобретательность автора привносит в сюжет еще одно трагическое событие, которого не было в действительности – потоп. Варлаам отмаливает город, и потопа не происходит. Он посылает Тарасия на верх церкви, где пономарь обнаруживает как «множество ангелов стреляют огненными стрелами, и летят эти стрелы, словно сильный дождь из тучи, поражая всех жителей Новгорода». Стрелы поражали людей смертоносной язвой. Автор очень красочно и изобретательно показывает, как умирают женщины и мужчины, и дети.

Варлаам предсказывает Тарасию, что три года будет мор – казнь за грехи. Затем вновь отправляет пономаря посмотреть на город сверху. На этот раз Тарасий видит «тучу огненную», и Варлаам предсказывает сильный пожар. После этого Варлаам молится и возвращается в свою гробницу.

Автор для представления происшедших событий в произведении, не выбирает, например, подходящей в данном случае жанр хроники событий (изложение исторического происшествия в четкой, хронологической последовательности). Он останавливается на жанре видения с элементами предсказания, он следует оригинальной последовательности событий, каждое из которых имеет свое индивидуальное изображение. Повесть, благодаря своей фабульности, приобретает увлекательный оттенок повествования и элементы неожиданности, что не характерно для произведения данной эпохи.

Читатель заранее знает о трагических событиях, и первой неожиданностью для него является надвигающийся потоп, о котором история нам ничего не сообщает. Затем историческая последовательность соблюдается, но неожиданным становится выражение трагичности данных событий.

Событийность в фабуле этого произведения строится на количестве – три трагедии – и на строгой очередности событий, они существуют одно за другим. Тройка – знаковое число в русской литературе. «Остроту» фабулы автор создает выходами Тарасия на верх церкви, несмотря на историческую осведомленность, мы не знаем, что увидит Тарасий на этот раз. Именно на этих событиях строится фабула, и именно они являются значимыми в процессе чтения, провоцируя интерес читателя.

Соотнесение хронологической последовательности событий с произвольным последовательным изложением событий автором, позволяет обнаружить различие в характере событийности фабулы и сюжета.

И если главный «герой» фабулы – это Тарасий, то сюжета – это Варлаам. Пока пономарь пытается разобраться, какое зло грозит городу, чудотворец вымаливает прощение за грехи жителей города. И для сюжета масштабным событием становится появление Варлаама (как видение Тарасия) и его моление за спасение Новгорода и его жителей.

Событийность в древнерусской повести обладает качеством, определяют которое сюжетно-фабульные отношения в произведении. Фактор времени и фактор причинности придают различную семантическую окраску событиям в сюжете и фабуле, и предлагают стратегию сюжетно-фабульных отношений. Временная последовательность событий и причинно-следственные отношения между событиями представляют собой общую закономерность, на которой выстраивается произведение, и, которая являет собой основание для понятия сюжетно-фабульных отношений.

Примечания

1. Левидов А. М. Автор – образ – читатель. Л., 1977.
2. Булыко А. Н. Современный словарь иностранных слов. М., 2005.
3. Ставцев С. Н. Введение в философию Хайдеггера. СПб., 2000.
4. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995.
5. Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002.
6. Повесть о Тимофее Владимирском. Издается по полному списку XVIII в. // РНБ. Q. XVII. 199. Л. 187-191. С исправлениями по рукописи конца XVII в. // ГИМ. Барсовское собр. № 2134. Л. 215 об.-226 об.
7. Видение хутынского пономаря Тарасия. Публикуется по списку XVII в. // Древлехранилище Института русской литературы РАН. Собр. Каликина. № 35 (лицевой сборник житий новгородских святых).
8. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995.
9. Лихачев Д. С. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. М., 1959.

В. Г. БЕСЕДИНА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ЮВЕНАЛЬНЫЙ МЕДИАТЕКСТ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В эпоху модернизации возрастает влияние языка СМИ на формирование картины мира индивида. В рамках психолингвистической парадигмы активно ведется изучение изменений, происходящих в сознании индивида вследствие воздействия масс-медиа (Абашина 1999, Киосе 2002, Пименова 2005, Рогозина 2003, Любимова 2006, Вардзелашвили 2007, Леонтьев 2008 и др.). Особенную значимость язык СМИ приобретает в формировании картины мира в подростковом возрасте, поскольку на данном этапе развития авторитет таких социальных институтов, как семья и школа, существенно ослабевает. В поисках ответов на волнующие их вопросы подростки зачастую обращаются к ювенальному медиатексту – особому виду медиатекста, ориентированному на данную социально-ментальную группу и характеризующемуся использованием востребованного данной группой инвентаря специфических средств презентации реальности [1].

Исходя из того, что одной из главных функций массовых коммуникаций является трансляция культурных ценностей [2], закономерно встает вопрос о том, какие именно ценности репрезентированы в ювенальном медиатексте и «транслируются» его реципиентам, а также о роли языка ювенального медиатекста в формировании ценностной картины мира подростка.

Стебловская С. Б., исследовавшая ценностную компоненту языка современных российских журналов для подростков, указывает на то, что «журналы для подростков ... становятся одним из тех культурных субстратов, на основе которых формируется и закрепляется мировоззрение подростка» [3]. Однако автор несколько односторонне подходит к рассмотрению репрезентируемых в ювенальном медиатексте ценностей, указывая на их несоответствие традиционной и национальной системе цен-

ностей. На наш взгляд, подростковая культура характеризуется специфичными для нее чертами, в том числе своим набором доминантных ценностей. В то время как, по мнению Леонтьева Д. А., ценности универсальны для различных культур, некоторые из них могут быть более ярко выражены как в отдельной культуре [4], так и субкультуре. Так, проведенное нами исследование показывает, что из выделяемых Репиной В. Н. ценностных концептов, объективирующих одноименные этнокультурные ценности «Труд», «Счастье», «Здоровье», «Любовь», «Дружба», «Семья», «Опыт/знание» [5], все без исключения актуализируются в ювенальном медиатексте. При этом «Любовь» и «Дружба» являются доминантными ценностными концептами как для подростковой культуры в целом, так и для ювенального медиатекста в частности.

Москаленко Ю. И. отмечает, что усвоению определенных ценностей читателями детских журналов способствует персонализированный подход к представлению информации – через обращение к реальному или вымышленному герою, выступающему носителем этических и эстетических идеалов, транслятором определенных норм и ценностей [6]. На наш взгляд, для подростка, как и для ребенка, «идеал всегда персонифицирован в конкретных образах» [7], однако в ювенальном медиатексте «трансляторами ценностей» выступают «звезды» – кумиры подростков. Формирование собственных ценностных идеалов индивида в подростковом возрасте происходит по мере того, как он выстраивает ценностную картину мира, которая в числе прочего включает ценностные представления кумиров, репрезентируемые в СМИ. Соответственно, язык, используемый продуцентом ювенального медиатекста, рассказывающего о том или ином кумире, оказывает существенное влияние на формирование представлений подростка о ценностях «звезды», а через это и на формирование собственных ценностных идеалов подростка, которые во многом основываются на подражании. По этой причине для исследования нами были выбраны ювенальные медиатексты, отражающие образы кумиров.

Рассмотрим, какие ценностные концепты объективируются в рамках одного ювенального медиатекста (журнала «Браво» №10 за 2011 г.) в медиатекстах, посвященных жизни кумиров подростков: Джастин Бибер, Роберта Паттинсона, Пита Венца, братьев Джонас.

В медиатексте «Пляжные процедуры», посвященном Джастину Биберу, актуализируются концепты «труд», «любовь», «дружба». Показательно, что для этого в краткую заметку об отдыхе «звезды» на берегу океана продуцент включает дополнительную информацию, акцентирующую внимание читателя на определенных ценностях. Так, самое начало медиатекста («*Джастин Бибер работает с утра до ночи*») и указание на то, что отдых был *кратковременный*, подчеркивает значимость труда в жизни кумира. Подобным же образом в рассказ об отдыхе целенаправленно привносится и концепт «любовь»: не ограничиваясь передачей того факта, что отдых проходил «*в компании друзей*», продуцент обращает внимание читателя на отсутствие в этой кампании девушек, объясняя это тем, что «*Джастин – парень верный*» и «*не променяет Селену Гомес ни на одну загорелую красотку в бикини*». Тем самым в медиатексте не просто затрагивается интересующая подростков тема межполовых взаимоотношений, но и репрезентируются ценности кумира *любовь и верность*.

Ценностные концепты *труд* и *опыт/знание* в медиатексте «На пределе!» актуализированы в контексте актерской карьеры Роберта Паттинсона: кинозвезда в интервью рассказывает о своем опыте работы и планах на будущее. Актер сам вербализует свои ценности: «*Я хочу тихой спокойной работы за письменным столом. ... Хотел бы быть обычным писателем, который работает себе спокойно в уютном кабинете*». Поскольку Р. Паттинсон лишь вскользь упоминает о своей личной жизни, продуцент медиатекста актуализирует концепт *любовь* в дополнительном блоке вербально (*отношения, парочка, целуется, обнимается, возлюбленная, любимая, парень*) и авербально (несколькими фотографиями актера со своей девушкой), и в заключение эксплицирует *любовь* в качестве ценности «звезды»: «*Ведь главное счастье для него – проводить каждую минуту с любимой*».

Активная трудовая деятельность братьев Джонас репрезентируется в медиатексте «Сила трех» большим количеством глаголов: *участвует* в постановках, *начинает создавать* свой проект, *привлек* к работе, *подписали* контракт, *создали* свою группу, группа *выступала*, *отправились* в турне, *снялись*, *записали*, *поехали*, *выпустили* четыре альбома. Помимо усердного *труда* продуцент связывает успех группы и с дружескими внутрисемейными отношениями, репрезентируя ценности *семья* и *дружба*: «*Главное, что есть у Джонасов, это взаимопонимание!*»; «*Сломить семейные узы Джонасов никому не удастся!*»

В медиатексте «Немного о любви» говорится о предполагаемом разводе Пита и Эшли Венц как о нежелательном событии («*Миллионы поклонников были в шоке*»), и о ценности *семьи* через призыв – от лица медиатекста и присоединяющихся к нему читателей – к сохранению брака: «*Мы держим за вас кулаки, Пит! Вы ведь такая отличная пара, вы должны быть вместе!*» Также продуцент эксплицирует ценность *здоровье* через выражение отрицательного отношения к употреблению наркотиков: по отношению к Питу Венцу автору медиатекста «*хочется верить, что все это только сплетни*».

В результате проведенного исследования видно, что в рамках одного ювенального медиатекста в медиатекстах, посвященных кумирам, объективируются основные ценностные концепты (Таблица 1).

Таблица 1 – Объективация ценностных концептов в ювенальных медиатекстах, посвященных кумирам подростков

Название ценности	Роберт Паттинсон	Братья Джонас	Джастин Бибер	Пит Венц
Семья		*		*
Любовь	*		*	*
Дружба		*	*	
Труд	*	*	*	
Опыт/знание	*	*		
Здоровье			*	*

Таким образом, в языке ювенального медиатекста как репрезентанте подростковой субкультуры объективируются традиционные ценности, свойственные национальной культуре в целом, а в результате многократного коммуникационного воздействия с использованием кумиров в качестве объектов подражания закрепляется определенное отношение подростковой аудитории к репрезентируемым ценностям.

Примечания

1. Рогозина И. В. Ювенальный медиатекст: психолингвистический аспект // Филология и человек. 2008. № 1. С. 104-110.
2. Средства массовой информации как канал молодежной культуры // Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания / под ред. А. И. Стриженко. Барнаул, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text5/80.htm>.
3. Стебловская С. Б. Ценностная компонента в современных российских журналах для подростков // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lomonosov-msu.ru/2009/>.
4. Леонтьев Д. А. Ценности и ценностные представления. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iu.ru/biblio/archive/leontiev_diarests/
5. Репина В. Н. Объективация этнокультурных ценностей базовыми концептами русской идиоматики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2007.
6. Москаленко Ю. И. Мир ценностей, в образе явленный: о заглавных персонажах детских журналов // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» М., 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lomonosov-msu.ru/2009/>.
7. Шамякина С. В. Змястоўная структура рэчыўных вобразаў у беларускіх чарадзейных казках // Веснік БДУ. Сер. 4. 2007. № 2. С. 9-14.

Ю. И. ЗЛОБИНА

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ГИПЕРТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРЫ В ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ

Становление информационного общества на сегодняшний день отмечается как факт неизбежный и необходимый (В. В. Миронов, Н. З. Алиева, Е. Б. Ивушкина, О. И. Ландратов, Н. П. Лукина) [1-3].

Информационное общество оказывает влияние на структурообразующие компоненты всей системы культуры.

Активность информационных процессов так высока, что заставляет подчинять себе традиционные элементы культуры и, прежде всего, изменяет традиционную систему культурной коммуникации.

Традиционная система культур представляла собой систему замкнутых локальных образований или, в используемой терминологии В. В. Миронова, «систему устойчивых и замкнутых информационных систем». Соответственно, «диалог между такими культурами, то есть обмен информацией между ними, осуществлялся на базе незначительных сходных устойчивых информационных компонентов, а основной массив информации должен был быть адаптирован (переведен, интерпретирован) на язык конкретной локальной культуры. Никакого промежуточного метаязыка для этой цели не существовало» [1, с. 15].

Так, А. Тойнби видит историю как существование «локальных цивилизаций», своеобразных независимых миров [4].

Все это определяло стационарность и устойчивость традиционной локальной культуры как информационной системы. Она работала по своим законам, эволюционным путем впитывая в себя и адаптируя к себе новую информацию.

Локальная культура, таким образом, представляла как «некая завершенная целостная символическая система культурных значений, отражающая завершенность бытия человека и человечества» [1, с. 14].

Поэтому не существовало целостной культуры, была лишь система локальных культур, отдаленных друг от друга пространственно.

Главным средством диалога между локальными культурами выступает язык, знание которого является важнейшей предпосылкой понимания другой культуры. «Чтение иностранной литературы неизбежно сопровождается и знакомством с чужой, иной страны культурой, и конфликтом с ней. В процессе этого конфликта человек начинает глубже осознавать свою собственную культуру, свое мировоззрение, свой подход к жизни и к людям» [5, с. 24].

Поэтому язык является не просто средством коммуникации или средством переобработки информации, а есть важнейший механизм культурного общения.

Возникновение глобального информационного пространства резко изменяет ситуацию обмена информацией между культурами. Оно выступает само по себе некой общей основой, в которую одновременно погружаются все локальные традиционные культуры. Культуры взаимодействуют друг с другом и адаптируются «к единому информационному пространству как некому метаязыку <...>. Культуры как бы погружаются в иную внешнюю среду, которая пронизывает межкультурные диалоги, создавая предпосылку для Интегрального Диалога и для замыкания его в Единой Информационной системе. Культура растворяется в этом в информационном пространстве» [1, с. 16].

Как отмечают исследователи (В. В. Миронов, Г. Байгарина, О. А. Митрошенко, Э. В. Сайко), современное состояние культуры предполагает ее переход от локального к интеграционному уровню.

Современные изменившиеся формы коммуникации приводят к тому, что в общемировом общении начинают господствовать «интегративные языковые тенденции». Одним из результатов этого становится «подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен себя распространить в силу политических, научно-технических и других условий» [1, с. 17].

Новое мышление предполагает признание взаимозависимости внутри глобальной экосистемы, важности культуры в контексте глобальной культурной системы.

Изменение средств и характера коммуникации отразилось в литературе постмодернизма, который стал первой формой философии, испытавшей на себе новую коммуникативную ситуацию.

Это явление совпало с появлением новой коммуникативной системой – Интернет, который оказывается почти полной реализацией его возможностей. В данном случае речь идет о возникновении такого понятия как гипертекст, характерного для современного информационного общества. «Гипертекст – это представление информации как связанной сети гнёзд, в которых читатели свободны прокладывать путь нелинейным образом. Он допускает возможность множественности авторов, размывание функций автора и читателя, расширенные работы с нечеткими границами и множественность путей чтения» [6].

Традиционное понимание культуры как «системы устойчивых и замкнутых информационных систем» локальных образований (этнических культур) сменилось благодаря возникновению глобального информационного пространства; локальные структуры адаптируются к единому информационному пространству как некому метаязыку. При этом язык как механизм культурного общения содержит в себе интегративные языковые смыслы, которые, актуализируясь в тексте, «входят» в это информационное пространство с помощью гипертекста.

Каждая локальная (этническая) культура несет в себе определенную национальную информационную программу. Реализация ее возможна в сложившихся условиях в гипертексте, поскольку он отражает современные интегративные процессы изменившейся коммуникативной ситуации «Интегрального Диалога» (термин В. В. Миронова), который содержится в «Единой Информационной системе» (термин В. В. Миронова) – гипертексте.

Возникновение новой модели коммуникации в «Единой Информационной системе», а, по мнению М. Кастельса, новой культуры, можно определить на основе одновременного протекания следующих пяти процессов.

1. Интеграция: комбинирование художественных форм и технологий с образованием гибридной формы выразительности.
2. Интерактивность: способность пользователя манипулировать и непосредственно воздействовать на его восприятие медиа, а также общаться через медиа с другими людьми.
3. Гипермедиа: связывание отдельных элементов медиа друг с другом для создания шлейфа индивидуальных ассоциаций.
4. Погружение: опыт симуляции модели трехмерного окружения.

5. Повествовательность: эстетические и формальные стратегии, проистекающие из вышеуказанных концепций и имеющие своим результатом нелинейные формы повествования и репрезентации [7].

Все эти процессы, на наш взгляд, возможны благодаря гипертексту:

- 1) комбинирование различных технологий элементов гипертекста;
- 2) способность пользователя своими манипуляциями строить текст и общаться с «другими авторами» текста;
- 3) связь, которую обеспечивают элементы гипертекста для прокладывания пути чтения текста;
- 4) трехмерное пространство существования гипертекста;
- 5) результат нелинейного повествования – «собственный» текст.

Эти процессы отражают изменения коммуникации в условиях гипертекста.

М. Кастельс полагает, что «наш разум, а не наши компьютеры перерабатывает культуру, основываясь на нашем жизненном опыте. Человеческая культура существует только в человеческом сознании и посредством этого сознания, обычно сопрягающегося с плотью. Следовательно, если наш разум обладает физической способностью получения доступа ко всему миру культурной выразительности (с возможностью выбирать и рекомбинировать различные его проявления), то тогда мы действительно располагаем гипертекстом: он находится внутри нас. Или точнее, он в нашей внутренней способности рекомбинировать и понимать своим умом смысл всех компонентов гипертекста, распределенных среди множества различных сфер культурной выразительности» [7, с. 230].

Таким образом, гипертекст – необходимое условие для восприятия культурной выразительности в мире культурного пространства «Единой Информационной системы» и за его пределами.

Гипертекст составлен из различных фрагментов культурного выражения (локальных, этнических культур), рекомбинированных в новых формах и новых значениях.

Помимо традиционного механизма коллективного использования культурных кодов, проистекающих из простого факта совместного проживания в определенной локальной (этнической) культуре, в гипертексте коммуникация зависит от наличия «протоколов смысла» (М. Кастельс). Они представляют собой коммуникационные мостики между элементами гипертекстами, не зависящие от общей практики понимания текста. Как отмечает М. Кастельс, «в наших: условиях наиболее важным из этих протоколов оказывается искусство во всех его проявлениях (включая, разумеется, литературу, музыку, архитектуру и графический дизайн)» [7, с. 235].

Так, текст в условиях гипертекста посредством пяти интегративных процессов, происходящих в информационном обществе, а также нового метаязыка и «протоколов» смысла, в нем содержащихся, способен представить в качестве сегмента национальной информационной программы локальной (этнической) культуры изменившейся коммуникативной ситуации «Интегрального Диалога», который возможен в «Единой Информационной системе».

Итак, понимание культуры как целостной системы порождает изменение средств и характера коммуникации, что отразилось в литературе постмодернизма. Гипертекст как новое понимание этой культуры в результате интеграции, интерактивности, гипермедиа, погружения и повествовательности «составляется» из разных фрагментов культурного выражения, форма и значение которых комбинируется в «Единую Информационную Систему».

Примечания

1. Миронов В. В. Информационное пространство: вызов культуре // Информационное общество. 2005. Вып. 1. С. 14-17.
2. Алиева Н. З. Становление информационного общества и философия образования. М., 2008.
3. Лукина Н. П. Информационное общество: теория и практика. Томск, 2004.
4. Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
6. Визель М. Гипертексты по ту и эту стороны экрана // Иностранная литература. 1999. № 10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novosti.online.ru/magazine/inostran/n10-99/visel.htm>.
7. Кастельс М. Мультимедиа и интернет: гипертекст после конвергенции // Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. 2004.

М. Е. КАЙГОРОВОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ПОНЯТИЕ ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННОГО МЕДИАДИСКУРСА И ЕГО СПЕЦИФИКА

Дискурсивный анализ, предполагающий рассмотрение речевого произведения как вербализованного коммуникативного события, происходящего в определенном временном, культурологическом, пространственном и ином контексте, а также анализ речевого произведения не только в аспекте

формального лингвистического знания, но в качестве предмета актуального речевого действия [1], является динамично развивающимся в настоящее время направлением дискурсивной парадигмы.

В дискурсивной парадигме могут быть рассмотрены различные коммуникативные акты, к примеру, бытовые диалоги, литературные произведения, тексты политической направленности, религиозные тексты и т.д. Однако все более популярным предметом лингвистических исследований становится дискурс масс-медиа, что обусловлено обширными возможностями изучения когнитивных структур, имеющих в этом виде текстов. «Дискурс СМИ представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества, поскольку в силу своей природы отражает как языковой, так и культурный статус-кво социума» [2]. Таким образом, медийное языковое пространство является перспективным материалом для дискурс-анализа, позволяющим выявить различные лингвистические и культурологические особенности общества, которое является потенциальным адресатом медийного речевого произведения, исследуемого в рамках дискурсивного подхода.

Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей гендерно ориентированного дискурса масс-медиа. Актуальность темы исследования обусловлена распространенностью этого вида дискурса в настоящее время, обеспечивающей высокую степень его влияния на реципиента, а также относительной неизученностью гендерно ориентированного медиадискурса в когнитивно-дискурсивной парадигме.

Под гендерно ориентированным медиадискурсом мы понимаем такой вид дискурса, который, будучи ориентирован на реципиентов определенной гендерной принадлежности, отличается специфическими характеристиками вербального компонента. Существует как феминно, так и маскулинно ориентированный гендерный медиадискурс.

Гендерно ориентированный медиадискурс, как и любой другой, представляет собой коммуникативный акт, реализуемый посредством медийной структуры между продуцентом и реципиентом, что обуславливает его дискурсивную природу. Однако следует отметить, что именно этот тип медиадискурса является достаточно показательным примером медиа-произведения дискурсивного характера в силу своей ярко выраженной коммуникативной направленности, отвечающей классическому определению Н. Д. Арутюновой: «дискурс – это текст, погруженный в жизнь» [3]. В рамках гендерно ориентированного медиадискурса продуцент вступает в диалог с реципиентом текста посредством различных языковых средств, к которым относятся вопросительные предложения, эмоционально насыщенные восклицания, обращения и т.д.; позиционирующие гендерно ориентированный медиадискурс как диалог между продуцентом и потенциальным реципиентом – гендерной личностью.

Гендерно-поведенческая направленность медиадискурса обуславливает один из конституирующих дискурсивных признаков, выделенных Ю. С. Степановым, который предполагает создание «идеального адресата» дискурса [4], то есть комплекса представлений об идеальном реципиенте этого медиадискурса. Применительно к гендерно ориентированному медиадискурсу таким «идеальным адресатом» является реципиент, в точности следующий определенной модели гендерного поведения, продуцируемой дискурсом. Именно в пределах гендерно ориентированного медиадискурса важное значение приобретает ориентация на реципиента, способного адекватным образом интериоризировать все смысловые пресуппозиции дискурса для его релевантного восприятия когнитивной системой.

Гендерно ориентированный медиадискурс характеризуется отмеченной Ю. С. Степановым в рамках описания признаков дискурса лингвокультурологической категорией «свой-чужой», используемой для дифференциации по принадлежности/непринадлежности к категории адресата, определенной продуцентом медиатекста [4]. Гендерно ориентированный медиадискурс часто конституирует некий идеальный, «глянцевый», «свой» мир, к которому реципиенту предлагается принять продуцируемую им модель поведения.

Как было сказано выше, диалогизированность гендерно ориентированного медиадискурса обусловлена особым стилем репрезентации информации, характерным для гендерно ориентированных изданий. Этот стиль заключается во вступлении продуцента медиатекста в воображаемый диалог с потенциальным реципиентом, что выражается в употреблении многочисленных личных местоимений (“*You can't go wrong doing that*”, “*If you've ever had to face...*”, “*You are planning a Christmas dinner*”), использовании вопросительных предложений (“*Want to get rid of your beer guts?*”, “*Why is it so easy to lose your keys?*”, “*Do you have blood pressure troubles?*”), а также побудительных предложений (“*Follow our simple recipes*”, “*Save \$50 a week*”, “*Chuck out the drab and get sleek*”). Таким образом, гендерно ориентированный медиадискурс может быть определен как коммуникативный речевой акт продуцента и реципиента, в роли которого предполагается упомянутый выше «идеальный адресат» гендерного медиадискурса.

В рамках дискурсивного анализа гендерно ориентированный медиадискурс может использоваться для исследования социокультурной ситуации в обществе: этот медиадискурс отражает актуальную систему гендерных отношений и наиболее желательных для общества моделей гендерного поведения. Гендерно ориентированный медиадискурс воспроизводит контекст общественных отношений, в рамках которых формируется его тематическая и гендерно-идеологическая направленность, воссоз-

дает общественные нормы гендерных отношений в рамках вербализованных структур, а также систему актуальных гендерных ценностей как лингвокультурологических категорий.

В качестве примеров можно привести гендерно ориентированный медиадискурс, который отчетливо дифференцируется в соответствии с историческими периодами, идеологией и культурой общества и т.д. Очевидно, что содержание и гендерно-поведенческая направленность гендерно ориентированного медиадискурса несут на себе отпечаток исторического, общественно-политического, социокультурного, временного и других контекстов, в которых происходит формирование этого медиадискурса. В этом аспекте рассмотрения наиболее показательным является феминно ориентированный медиадискурс, так как маскулинно ориентированный медиадискурс – это новая структура, не представляющая собой, таким образом, релевантный материал для выявления отраженных в ней контекстов.

Феминно ориентированный медиадискурс, более популярный и широко развитый, чем маскулинный, будучи объектом дискурсивного анализа, весьма показательно отображает актуальную для общества, в котором функционирует медиадискурс, историческую, социологическую и культурную ситуацию. К примеру, контентуально-идеологическая дискурсивная направленность наиболее популярных советских феминно ориентированных изданий «Работница» и «Крестьянка», предполагающая, что к основным занятиям женщины относится производственная и общественно-политическая деятельность, а также ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, весьма точно отображает определенную в Конституции 1977 г. роль женщины как «труженицы, матери, воспитательницы детей и домохозяйки» [5]. Кроме того, противопоставление в феминном советском медиадискурсе образов порядочной высоко нравственной советской женщины и аморальной «западной» женщины, имевшее место в 1970–1980 гг. [5], отражает период «холодной войны» с Западом. Советы относительно внешнего вида и ухода за собой, представленные в советском феминном дискурсе, чаще всего предполагали ориентацию на максимальную естественность и предпочтение домашних средств специальной лечебной и декоративной косметике. Это обусловлено задачами экономии, реализуемыми правительством в тот период, а также отрицанием гипертрофированной женственности в рамках советской социокультурной парадигмы и восприятием феминной гендерной личности в СССР не столько как женщины, сколько как «товарища».

Контентуально-смысловая направленность феминного медиадискурса «западного» образца, появившегося в позднесоветской и постсоветской России («Burda», 1987; «Cosmopolitan», 1994) свидетельствует об интересе к вопросам психосексуальных отношений, модной одежде и привлекательному внешнему виду, красиво оформленному жилью и т.п. Этот тип дискурса стал принципиально новым для российских реципиентов и появился вследствие перехода государства к рыночным отношениям, отказа от политики экономии на всем, падения «железного занавеса», а также начавшегося процесса «вестернизации» российского общества, предполагавшей ориентацию на западных женщин.

В современном мире феминно ориентированный медиадискурс также является релевантным индикатором социокультурных и политических общественных процессов. К примеру, феминно ориентированный медиадискурс стран Ближнего Востока, рассматриваемый Р. М. Т. Аль-Шаргабе [6], дает полное представление о положении женских гендерных личностей в современных арабских странах. Типология и функциональное назначение арабского феминного медиадискурса полностью соответствуют ценностям и традициям мусульманских стран. Достаточно показательным в плане дискурсивного анализа является уже тот факт, что в феминном медиадискурсе арабских стран полностью отсутствует такой значимый для западной культуры компонент, как ориентация на образование и карьеру, так как в мусульманских странах подобная модель феминного поведения строго осуждается. Выраженная организационно-поведенческая и мировоззренческая направленность арабского феминного медиадискурса, отмеченная Р. М. Т. Аль-Шаргабе [6], также отражает социокультурную гендерную политику современного арабского общества, направленную на противостояние влиянию феминизированных западных стран и сохранение традиций ислама.

Рассмотрение когнитивных медийных структур в дискурсивной парадигме предполагает извлечение информации о социокультурном и пространственно-временном контексте, религиозных и гендерных нормах общества и т.д. Это направление является относительно новым направлением в отечественной когнитивной лингвистике, однако в силу своей перспективности динамично развивается в настоящий момент. Исследование гендерно ориентированного медиадискурса также представляет собой значительный научный интерес в силу контентуальной и структурной специфики медиадискурса этого типа, обусловленной гендероспецифичными особенностями когнитивной системы потенциальных реципиентов, которая создает обширный потенциал для гендерологических исследований. Прежде всего, гендерно ориентированный медиадискурс может быть успешно использован в качестве средства изучения индивидуальных и социальных особенностей общества, проявляющих себя в процессе диалога участников гендерного масс-медийного общения.

Примечания

1. Солодухо А. С. Современный англоязычный дискурсивный анализ в исследовании социально-психологической феноменологии // Психологический журнал (Минский институт управления). 2007. №2. С.38-45.
2. Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. Вып. 1(24). Екатеринбург, 2008. С. 29-33.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5-32.
4. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. статей. М., 1995. С. 35-73.
5. Нуманов Т. Как менялся образ женственности в советских журналах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-32439/>.
6. Аль-Шаргабе Р. М. Т. Женская пресса в арабских странах: становление и развитие, типология, жанровая структура: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.
7. Трахтенберг А. Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации как идеологический инструмент // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. № 8. С. 85–94.
8. Чернов А. Ю. Использование дискурсивного анализа текстов в социально-психологическом исследовании. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.volsu.ru/rus/structure/facult/philos/plg/art8.doc>.

А. В. КРЕМНЁВА, Т. А. ГОЛОВИНА

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС И ЕГО РОЛЬ В ПОНИМАНИИ ТЕКСТА

Феномен интертекстуальности получил широкое распространение в качестве предмета лингвистического исследования во второй половине XX века, однако, несмотря на значительное число работ, посвященных ему, не утратил своей актуальности и на сегодняшний день и представляет интерес для широкого круга исследователей. На данный момент существует уже целый ряд определений интертекстуальности, которая трактуется как:

- свойство любого текста вступать в диалог с другими текстами (наиболее общее определение, принадлежащее школе Барта-Кристевой);
- способность текста полностью или частично формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты (И. П. Смирнов);
- «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (Ж. Женнет, У. Бройх, М. Пфистер в западной лингвистической традиции; А. Жолковский, М. Ямпольский, В. Руднев – в русской);
- взаимодействие внутритекстовых дискурсов: дискурса повествователя с дискурсом персонажей, одного персонажа с другим и т.д. (Л. Дэлленбах, П. Ван ден Хевель);
- «механизм метаязыковой рефлексии», позволяющий автору определить способ генезиса собственного текста, а читателю – углубить понимание за счет установления многомерных связей с другими текстами (Н.А. Фатеева) и т.д.

В настоящее время интертекстуальности придается статус глобальной текстовой категории. Выдвигается тезис о том, что интертекстуальность и диалогичность изначально присущи всякому осознанному бытию как его конституирующий признак и необходимое условие его существования [1].

Данная работа посвящена изучению феномена интертекстуального тезауруса языковой личности и его роли в раскрытии смысла текста. Под интертекстуальным тезаурусом мы понимаем совокупность прецедентных феноменов (текстов, имен, высказываний и ситуаций), образующих тот фонд знаний, на который опирается говорящий/пишущий в своей дискурсивной деятельности для передачи определенного смысла или реализации определенного коммуникативного намерения, и на который опирается слушающий/читающий при восприятии сообщения или текста. В современных исследованиях интертекстуальности выдвигается идея о существовании особого компонента в структуре языковой личности, который предполагает знание некоторого числа текстов данной культуры и их знаковых представителей – цитат [2, с. 186], и который называют интертекстуальным тезаурусом, интертекстуальным компонентом (Н. А. Кузьмина), интертекстуальной энциклопедией (Г. В. Денисова), вертикальным контекстом (И. В. Гюббенет), когнитивной базой (В. В. Красных), межтекстовой компетенцией (И. В. Арнольд).

Говоря о классификации интертекстуальных сигналов в тексте, многие исследователи уподобляют их различным фигурам и тропам, выделяя, например, параномазию, эллипсис, амплификацию, гиперболу, инверсию, однако, к числу наиболее частотных сигналов интертекстуальности относятся цитаты и аллюзии.

Аллюзия, по определению И. Р. Гальперина, представляет собой прием косвенной ссылки в форме слова или фразы на исторический, литературный, мифологический факт, факт из повседневной

жизни, сделанной говорящим в устной или письменной речи. Аллюзия вводится в текст без каких-либо формальных маркеров, таким образом единственным условием распознавания ее в тексте является знание реципиентом того факта, на который делается отсылка. Таким образом, возможность декодирования и интерпретации аллюзии реципиентом полностью основана на его интертекстуальном тезаурусе. Цитата представляет собой вкрапление в речь буквального текста, заимствованного из других произведений речи, обычно художественной литературы, речей ораторов и т.п. Сегодня широко признанным является тот факт, таковая цитация является специфической чертой постмодернистского сознания, а интертекстуальность таким образом оказывается центральной категорией, с которой сталкивается современный исследователь.

Под интертекстуальным тезаурусом языковой личности понимается совокупность всех тех элементов, которые говорящий субъект считает «чужими» при восприятии некоторого сообщения/текста и которым он придает статус цитатных при порождении собственных высказываний/текстов [2, с. 190]. По мнению Н.А. Кузьминой умение пользоваться интертекстуальным тезаурусом предполагает наличие у языковой личности особого вида компетенции – интертекстуальной, которая позволяет кодировать и декодировать интертекстуальные знаки. Реализация интертекстуального тезауруса и интертекстуальной компетенции зависит от коммуникативных условий и от типа речевой культуры языковой личности. Выделяется три основных типа речевой культуры:

- элитарный тип, предполагающий «хотя бы пассивное владение достижениями мировой и национальной культуры», речевая культура которого основана на широком охвате разнообразных прецедентных текстов;
- среднелитературный тип, к которому относится большая часть современного населения России (в качестве прецедентных текстов для представителей данного типа выступают в основном телевидение и другие СМИ, а также популярная и, нередко, низкопробная литература) [3, с. 22];
- разговорный тип, для которого вообще нехарактерно сознательное воспроизведение «культурного» слова. Отмечено, что носители устной народной культуры не ощущают грани между своим и цитируемым словом, т.к. перетекание фольклорной речи в бытовую и обратно представляет собой естественное явление. Особенно это относится к пословицам и поговоркам, которые по самой своей природе «ничьи» и являются достоянием всего общества [4, с. 12].

Структура интертекстуального тезауруса языковой личности состоит из ядра и периферии. В ядро входят фрагменты литературных, религиозных и фольклорных текстов, которым присуще качество постоянной востребованности и реинтерпретированности в данной культуре, а также некоторые исторические факты, даты, имена собственные и т.д. На периферии интертекстуального тезауруса языковой личности находятся, по мнению Н. А. Кузьминой, так называемые «ключевые тексты текущего момента» (по аналогии с термином Т. В. Шмелевой «ключевые слова текущего момента»), к которым относятся в основном тексты нелитературного характера – реклама, фильмы, политические слоганы, популярные песни и т.д., рассчитанные на массовую аудиторию и имеющие сравнительно короткий срок активного обращения.

Для изучения интертекстуального тезауруса относительно однородного социума (в профессиональном, гендерном, социальном или возрастном отношении), используются, прежде всего, экспериментальные способы в виде анкетирования и анализа языкового материала – рассмотрения письменных и устных текстов, созданных представителями данного социума. К таким текстам относится переписка в интернете, письма читателей в СМИ, брачные объявления, сочинения школьников и т.д. Безусловно, полная реконструкция интертекстуального тезауруса языковой личности требует анализа огромного числа как письменных, так и устных речевых произведений, причем не только продуцируемых данной языковой личностью, но и адресованных ей. В частности, интересным является анализ появившейся в последнее десятилетие интеллектуальной игры – бескрылки. Бескрылка представляет собой стихотворение с отсутствующей, как правило, последней строкой, которую предлагается угадать читателю, причем эта отсутствующая строка – цитата, афоризм, крылатое выражение и т.д. Вот несколько примеров стихотворений такого рода (здесь приведены авторские бескрылки Н. В. Головановой):

Ночью зимней из дозора шел по улице солдат,
На него из-за забора десять башмаков летят.
Кто кидал? У парня шок, выживет едва ли...
Ответ: *Раз в крещенский вечерок девушки гадали.*

Соседи сверху заливают,
Бушует смерч в дверном проеме.
Ремонта ЖЭК не обещает:
Ответ: *Главней всего – погода в доме.*

«Двадцать перин на одну горошину!» –
Хочет правду король узнать.
А принц жалеет гостью непрошеную:
Ответ: *«Мягко стелет, да жестко спать».*

– В кино ты ходила, я знаю,
Индийский был фильм. А какой?
Ответ: – *«Бродяга», – судьбу проклиная,*
Сказала подруга с тоской.

Поздно вечером Буренка
Стала бить копытом звонко.
Зорька ей твердит: «Молчок!
Ответ: *Спать пора, уснул бычок».*

Однажды Ницше, Кант и Гегель
Промокли в страшную грозу.
Потом послушно ноги грели
Ответ: *Три мудреца в одном тазу.*

Идет Любаша мимо огорода,
Хозяин вслед глядит недобрым взором:
«Ну что за девка, хуже непогоды:
Ответ: *Прошла Любовь – завяли помидоры».*

Черчилль с Рузвельтом упрямы:
«В Ялту путь – нелегкая стезя!»
Сталин шлет им телеграмму:
Ответ: *«Место встречи изменить нельзя».*

Десять жизней про запас.
Обезврежены ловушки.
Геймер спит. Дисплей погас,
Ответ: *Спят усталые игрушки.*

Медсестры, зная буйные палаты,
Себя оберегают от хлопот.
«High energy» – вот надпись на халатах,
Что означает:
Ответ: *«Не влезай – уььет!»*

В завершении статьи отметим, что проблема реконструкции интертекстуального тезауруса языковой личности, безусловно, требует специального исследования, однако, уже сейчас можно согласиться с высказанным Н. А. Кузьминой тезисом относительно того, какие факторы в наибольшей степени влияют на его количественный и качественный состав. Вероятнее всего, это возрастной фактор, и именно он определяет корпус текстов, воспринимаемых и цитируемых языковой личностью.

Примечания

1. Абрамов С. Р. Интертекстуальность как конституирующий признак и условие сосуществования семиотических систем // Интертекстуальные связи в художественном тексте. СПб., 1993.
2. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск, 1999.
3. Хорошая речь. Саратов, 2001.
4. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов, 1969.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
7. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности или Интертекст в мире текстов. М., 2000.
8. Филатова О. М. Интертекстуальность как глобальная текстовая категория// Вестник удмуртского университета. 2006. №5(2).

ТАБЛОИДНЫЙ МЕДИАТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ

За последние десятилетия возрастающая роль СМИ определила еще одно научное направление, нацеленное на изучение языка СМИ – **медиалингвистику, в рамках которой предлагается системный комплексный подход к изучению функционирования языка** СМИ. Иными словами, медиалингвистика занимается исследованием определенной сферы речеупотребления – языка масс медиа [1].

В настоящее время исследование языка масс медиа особенно актуально, потому что тексты СМИ, как считает Ю. Н. Караулов, предстают как *национальный поток сознания* современного человека и, как *ментально-языковое пространство*, в котором пересекаются картины мира как автора, так и адресата, что переводит их в систему когнитивно-речевого взаимодействия участников медиа коммуникации [2].

Способность масс медиа влиять на индивидуальное сознание с помощью различных концептов и интерпретаций, отражающих определенные системы ценностей и отношений, отмечается многими исследователями [3].

Значительную часть нашего ментального пространства занимают таблоидные тексты, которые на протяжении длительного времени пользуются массовой популярностью. Их распространение – это результат глобальных социокультурных изменений в обществе XX века. В англоязычных западных культурах таблоидом называется газета особого взгляда на мир, поскольку «Таблоиды предпочитают отдавать свои страницы историям, имеющим *общечеловеческий интерес* (human interest stories)» [Рязанова-Кларк 1998: 76] (курсив мой – прим. авт.). Э. В. Чепкина отмечает, что для российских таблоидов пока характерно демонстративное отталкивание от стилистических концепций качественных изданий, «намеренное избегание тематики и подходов, типичных для «серьезной» прессы» [4, с. 67]. В качестве подтверждения этой мысли, исследователь приводит рекламный слоган, который размещался на страницах одного из массовых изданий: «Экспресс-газета – первый таблоид в России». В то же время, исследуя англоязычную таблоидную прессу, Peterson указывает на противоположную тенденцию – тенденцию к «пародированию» или подражанию «качественной» прессе (в плане формы передачи информации, способов изложения), вызванную стремлением повысить авторитет издания, усилить доверие читательской аудитории [5, р. 4-7].

В таблоидной прессе вырабатывается широкий спектр специальных языковых средств и приемов. К средствам демонстрации фамиллярности по отношению к персонажу относятся разговорные формы собственных имен, трансформированные личные имена персонажей, стилистически окрашенные единицы разных уровней языка, нейтральные единицы с эмоционально-оценочным потенциалом, негативно-оценочная лексика, что и определяет содержание данных текстов СМИ [4].

Таблоидные публикации обычно основываются на подробностях из жизни звезд и знаменитостей, политических и сексуальных скандалах и сенсациях. Специфика содержания подчеркивается практиками оформления текстов таблоидной прессы. Таблоидные издания используют оба способа воздействия на структуры сознания индивида – вербальный и авербальный. В способе преподнесения информации исследователями отмечается преобладание материалов небольшого объема, крупные, кричащие, интригующие заголовки; большое количество ярких иллюстраций, коллажей, броские фотографии, анонсы; преувеличение, использование превосходных степеней; систематическое использование обнаженной натуры; конфликтная, агрессивно-эпатирующая форма подачи материала; вульгарность оценок; фамиллярная адресованность; подчеркнутая разговорность и диалогичность, другими словами, все то, что может привлечь читателя.

Нас привлекает то, что чтение таблоидных изданий не требует широкой эрудиции, больших фоновых знаний, не побуждает к размышлению и осмыслению сущностных процессов, позволяют массовому читателю без особых интеллектуальных усилий принять позицию автора. Информация, содержащаяся в таблоидах, представляет общественный интерес. Публикуя сенсационные репортажи, таблоиды прежде всего информируют и развлекают нас. Характерное для таблоидной прессы сужение спектра возможных тональностей по отношению к персонажам упрощает восприятие таблоидных текстов. В конечном счете, тональность, направленная на персонажей, способствует разжиганию читательского интереса.

Уставший мозг «обычного» человека чаще всего предпочитает более легкую информацию, которая позволяет не перегружать психику. Стремление уйти от стрессов и проблем способствует популярности развлекательных средств массовой информации, а значит, обладает определенным контактоустанавливающим потенциалом.

Таким образом, существует множество неисследованных проблем, связанных с тем особым способом передачи информации, содержащейся в СМИ. Как замечает Чудинов А. П., сегодняшние средства массовой информации играют в нашей жизни большую роль, а важнейшим аспектом влияния

массовой коммуникации является осуществление когнитивных изменений у индивидов. Специалисты исследуют ментальные феномены, которые репрезентированы в медиатекстах. При таком подходе тексты и их отдельные компоненты рассматриваются преимущественно с точки зрения того, как в них отражается мышление автора, и как вербально-авербальные компоненты воздействуют на сознание адресата [6]. Современный медиатекст представляет собой предназначенный для массовой аудитории креолизованный текст на разных носителях, обладающих актуальным для общества содержанием. Первичной функцией медиатекста является информирование населения, а вторичными – развлекательная, образовательная, рекламная и идеологическая [1].

Примечания

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка. М., 2008.
2. Караулов Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста. М., 1999.
3. Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999.
4. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: тексторождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.
5. Peterson William: Oxford University Press, USA Language English, 1991.
6. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М., 2006.

М. В. КУЛЬТЕНКО

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ TQM ТЕЗАУРУС

Социально-экономические и социокультурные изменения в начале XXI века потребовали изменения и в философии образования и внедрения нововведения в образовательную теорию и практику. В соответствии с политическим и социальным заказом общества, система образования должна быть ориентирована на способность удовлетворить мировые стандарты качества. Научно-технический прогресс и современные технологические разработки требуют, в свою очередь, наличие высококвалифицированных специалистов в данных областях науки. Технологическая революция и экономические нововведения породили такое модное явление как Knowledge Management (KM), представляющее собой «выдумку американских рекламистов, основанную на иллюзии, что знаниями (ментальная категория) можно оперировать с использованием компьютеров. Современные средства вычислительной техники в состоянии манипулировать по определенным алгоритмам только с детерминированными объектами (сигналами, текстами, относящихся к категории знаков и имеющих иную природу)» [1]. В данном понимании об управлении знаниями уместно говорить только как о процессе извлечения, документирования, визуализации и доступа к знаниям. В соответствии с KM, «знание» со всеми его компонентами должно быть знаково детерминировано, что достаточно нелегко сделать. Компоненты знания (знаки, образы, опыт, восприятия, ощущения, понятия) являются онтологичными по сути, т.к. в процессе их приобретения человек познает окружающий мир не только через каналы чувственного восприятия, но и интерпретирует, различает, сравнивает, идентифицирует. Язык же является средством описания всего сущего – объектов, событий, явлений и процессов, помогая манипулировать «реальностью». Концептуальная картина человека подвергается постоянным дополнениям и изменениям, тогда как в языковой картине мира ещё долгое время сосуществуют репрезентации различных компонентов концептуальной картины мира на разных этапах развития общества (мифологического, религиозного, философского, вненаучного, научного, социального, политического, художественного). Именно такие противоречия мы и наблюдаем на сегодняшний день.

Homo sapiens превратился в *Mediasapiens*, человек разумный стал медиа человеком. Попытки создать искусственный интеллект, автоматизировать все и всех привели к тому, что человеческие процессы восприятия также были вовлечены в дигитальную кодировку. «Знание» в классическом смысле этого слова трансформировалось теперь в так называемый продукт, который можно извлечь, документировать, визуализировать. Что касается данного понятия в настоящий момент, то оно является тождественным понятию «информация», которую Knowledge Management трактует как «отображенное знание и зарегистрированные состояния окружающей среды. Отображение (представление) знаний исполняется человеком средствами любой знаковой системы (формальные и естественные языки, рисунки, языки жестов, ноты...). В свою очередь регистрация состояний окружающей среды производится техническими средствами и генерирует т.н. техническую информацию (числа, сигналы, изображения, звуки..., их сочетания и временные ряды...). Понятие «информация» нами относится к физическому миру (метафизика), точнее к миру знаковых систем (символы). Действительная реальность отразилась также и в языке, сравним *Knowledge is power* «Знание – сила» и *Who owns the information, owns the world* «Кто владеет информацией, владеет миром».

Трансферинг понятия «знание» и все попытки его дигитализации находят свое отражение в системе оценки качества TQM Management, созданной Эдвардом Демингом ([http:// www. Iso.org/ iso/ home.htm](http://www.iso.org/iso/home.htm)). Это система управления, основанная на производстве качественных с точки зрения заказчика продукции и услуг. Под «продуктом» в данном случае мы понимаем результат деятельности, будь это производство или образование. TQM определяется как сосредоточенный на качестве, сфокусированный на заказчике, основывающийся на фактах, управляемый командный процесс. Данная система направлена на планомерное достижение стратегической цели организации через непрерывное улучшение работы. Принципы TQM также известны как «всеобщее улучшение качества», «качество мирового уровня», «непрерывное улучшение качества», «всеобщее качество услуг» и «всеобщее качество управления» ([http:// www. Iso.org/ iso/ home.htm](http://www.iso.org/iso/home.htm)). Несмотря на то, что изначально TQM предусматривал оценку качества производительности в рыночной сфере, европейские страны успешно используют данную систему и в образовании. Система менеджмента качества в образовании основана на терминологии, содержащейся в учебных планах, учебном и других процессах образовательного учреждения, его организационной структуре, ответственности, ресурсах, которые обеспечивают качество обучения. Требования менеджмента качества должны охватывать большую часть деятельности персонала и поставщиков образовательного учреждения. Управление обучением может быть осуществлено во время следующих процессов:

- анализ потребностей в обучении (профориентация);
- формирование учебного плана;
- организация и проведение учебного процесса;
- организация и проведение оценки и аттестации обучающихся;
- повышение образовательного потенциала организации;
- функционирование библиотек, мастерских и лабораторий.

Кроме того, согласно TQM, ко всем процессам может применяться цикл «Планирование – Осуществление – Проверка – Действие» (Plan-Do-Check-Act). Цикл PDCA можно кратко описать так:

- планирование (plan) – разработка целей и процессов, необходимых для достижения результатов в соответствии с требованиями потребителей и политикой организации;
- осуществление (do) – внедрение процессов;
- проверка (check) – постоянный контроль и измерение процессов и продукции в сравнении с политикой, целями и требованиями на продукцию и сообщение о результатах;
- действие (act) – предпринятие действий по постоянному улучшению показателей процессов.

В нашей дигитализированной реальности язык не всегда успевает отражать предметы, понятия и явления научно-технического и информационного прогресса, что приводит к трудностям при разработке тезауруса и словаря.

Основные сложности в процессе адаптации системы «Высшего контроля качества» к образованию возникают из-за отсутствия ясного значения терминов, предложенных в тезаурусе TQM. Поскольку процесс модернизации российского образования основывается на европейских стандартах [2], требуется обязательное ознакомление с **Requirements** (требованиями) [3], **Fundamentals and Vocabulary** (основными положениями и словарем) [4]. Однако, при исследовании терминологии, мы сталкиваемся с трудностью адекватной адаптации лексических единиц, т.к. «слово выступает как носитель разных видов информации. Оно может сообщать информацию знаковую, включающую в себя лексическое значение слова, его грамматическое значение, а также группу дополнительных значений — стилистическое, оценочное и так называемый «культурный компонент» [5]. Значение слова также тесно связано с прагматикой высказывания, т.е. условиями, в которых происходит общение, характеристиками и намерениями участников коммуникации и т.д. Проблема состоит в том, что при современной информационно-дигитализированной реальности, привычный нам семиотический треугольник трансформируется в пятикомпонентную схему Ч. Морриса, продолжением которой является шестикомпонентная структура знака (Р. Пиотровский, О. Шингарева) в виде двойной пирамиды, а также трапеция Л. Новикова и Э. Лендваи и психосемиотический тетраэдр Ф.Василюка, подкрепленный экспериментально (предметный смысл – личностный смысл-значение-слово).

В связи с этими фактами, нами был проведен эксперимент со студентами различных возрастных групп (1–5 курсы). Перед нами стояли следующие задачи.

1. Определить насколько термины в предложенном тезаурусе легки для понимания вне текста и в тексте (с общим языком и языком специальности).
2. Идентифицировать какие средства (лингвистические или экстра-лингвистические) используются обучающимися в процессе восприятия.
3. Насколько термины соответствуют полученным в ходе эксперимента данным.

Проведя эксперимент, мы можем прийти к следующим выводам.

1. Большинство терминов, предложенных в тезаурусе, легко распознаваемы, при условии, что они употребляются вне контекста либо в случаях с общим языком. Трудности восприятия и понимания возникли при работе с профориентированными текстами.

2. При восприятии терминов, студенты опираются на свой эмпирический опыт. Наличие такового облегчает процесс восприятия и понимания информации, при отсутствии (у студентов младших курсов) – затрудняет.

3. Наблюдается фрэйм – восприятие, некая клипповость некоторых терминов, что, в свою очередь, приводит к частичному, а иногда и полному пониманию текста.

Из выше изложенного следует, что предложенный перечень терминов в TQM лишь частично соотносится с реальной действительностью российского общества, поскольку образы, возникающие в сознании гражданина нашей страны являются не только онтологическими, но и культурно-специфическими, что и создает трудности при восприятии предложенной универсальной терминологии.

Примечания

1. Кузнецов С. В. Технологии управления знаниями (Knowledge management technologies). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knowbase.ru/knowledge-management-technologies.htm>.

2. Стандарты и рекомендации для гарантии качества высшего образования в европейском пространстве. Европейская Ассоциация Гарантии качества в высшем образовании. Предисловие президента Европейской ассоциации гарантии качества в высшем образовании ENQA Кристиана Туна. М., 2008.

3. Системы менеджмента качества. Требования. ISO 9001: 2008. Quality management system – Requirements (IDT). Издание официальное. Стандартформ. М., 2008.

4. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. ISO 9001: 2005. Quality management system – Fundamentals and vocabulary (IDT). Издание официальное. Стандартформ. М., 2008.

5. Каменская Т. Н. Понятие дискурса в лингвистике. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/8_NND_2010/Philologia/60574.doc.htm

6. Тимирханов В. Р. Моделирование лингвофилософских явлений в свете имяславской традиции: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009.

И. В. ЛОБАСТОВА

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ТЕЗАУРУС: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В начале XX в. немецкий философ Карл Ясперс выделил четыре периода в истории культуры человечества: прометеевская эпоха, эпоха великих культур древности, эпоха духовной основы человеческого бытия (осевое время) и эпоха развития техники. По его мнению, «осевой период» является центральным в истории человечества, так как именно в эту эпоху были заложены основы всех мировых культур, в том числе, мировых религий. Почти одновременно на Земле, независимо друг от друга, образовалось несколько внутренне родственных духовных центров. Мы живем в эпоху развития техники, которая, по мнению Ясперса, схожа с прометеевской тем, что подготавливает возникновение великих мировых культур будущего, за которыми последует новое осевое время. Таким образом, человечество готовится сделать новый виток по спирали своего развития. По нашему мнению, можно провести сравнение прометеевской эпохи и нашей эпохи развития техники. Мы подготавливаем материально-техническую, инструментальную базу для последующего духовного и культурного развития. Судя по скорости свершения модернизационных процессов, происходящих молниеносно в свете раскручивания спирали развития общества, очень скоро человечество «врежется» в новую эпоху на огромной скорости, набранной благодаря всевозможным «инновациям», «модернизациям» и «трансформациям».

Российские вузы вводят новые стандарты контроля качества образования в связи с реформированием всей системы высшего образования. Среди причин, обусловивших решение о внедрении системы менеджмента качества в образовании, были названы следующие: неравномерное насыщение рынка труда специалистами разных профилей; непостоянный характер спроса на специалистов; невозможность регулирования рынка труда и распределения выпускников государством; большая конкуренция на рынке образовательных услуг за счет роста числа негосударственных образовательных учреждений (вузов, колледжей) и многие другие. Государство запустило процесс активного вмешательства в сферу российского образования. Министерство образования выдвинуло аттестационное требование к вузам: ввести систему менеджмента качества – TQM. В настоящий момент образовательные учреждения Российской Федерации разрабатывают и внедряют *систему менеджмента качества*, то есть обеспечивают создание системы менеджмента качества на основе ГОСТ Р ИСО 9001:2008, который является аналогом международного стандарта ISO 9001:2008.

Система менеджмента качества представлена, в том числе и системой лингвистических знаков – Quality management systems vocabulary, позволяющих адаптировать к условиям повседневной реальности новые требования к образовательному процессу.

Рассмотрим некоторые термины и определения ИСО 9000:2000 применительно к образовательному учреждению, указанные в Руководящих указаниях по применению ГОСТ Р ИСО 9001-2001 в сфере образования.

Для идентификации семантического наполнения термина мы обращаемся к англо-русским словарям под редакцией В. К. Мюллера, The Oxford Russian dictionary, англо-английским толковым словарям Wordweb, Longman Essential Activator и учебному словарю современного английского языка А. С. Хорнби. Лингвистический анализ терминов проведен по следующему плану: 1) толкование единицы тезауруса TQM в Руководящих указаниях по применению ГОСТ Р ИСО 9001-2001 в сфере образования; 2) перевод/толкование единицы в вышеуказанных словарях; 3) истолкование единицы тезауруса с опорой на толковые словари; 4) «модернизационная коннотация» – модификация семантики лингвистической единицы, употребляемой в повседневной коммуникации в соответствии с требованиями TQM.

1. **«Потребитель (customer):** Организация или лицо, получающая(щее) продукцию (услугу). Пример – Потребитель может быть потребителем (в образовании – обычно обучающийся), клиентом или покупателем (в образовании – обычно лицо или организация, финансирующее(щая) обучающегося, которое(ая) может также быть обучающимся), конечным пользователем (в образовании – обычно лицо или организация, которая имеет доход от обучения, полученного обучающимся)».

2. В новом англо-русском словаре под редакцией В. К. Мюллера слово **customer** переводится как «заказчик, покупатель, клиент, завсегдатай; gum (или queer) ~ чужак, странный человек». В англо-русском словаре The Oxford Russian dictionary данная единица переводится как: (purchaser) покупатель; (giving order) заказчик; regular ~ постоянный покупатель; (of bank etc.) клиент; (of restaurant) посетитель; (colloquial, fellow) субъект, тип; ugly ~ жуткий субъект. Англо-английский толковый словарь Wordweb дает следующее значение: someone who pays for goods or services. Longman Essential Activator предлагает следующее значение: someone who buys things from a shop or company, or who uses a restaurant, bar, etc. Учебный словарь современного английского языка А. С. Хорнби толкует **customer** как: 1) a person who buys, especially who buys regularly at the same shop. 2) (colloquially) a person or fellow, as a queer customer (i.e. a strange fellow); an awkward customer (i.e. a person who is difficult to deal with).

3. Таким образом, слово **customer** означает человека, который платит, покупает продукцию, главным образом, регулярно. Если сравнить это значение с тем, что дает нам пример из Руководящих указаний по применению ГОСТ Р ИСО 9001– 2001 с сфере образования, то можно сделать вывод, что *потребитель* – это человек, который платит, завсегдатай заведения – то есть *обучающийся, лицо или организация, финансирующее обучающегося и лицо или организация, имеющая доход от обучения, полученного обучающимся*.

4. Единица **customer** приобретает новую коннотацию в системе менеджмента качества – «покупатель, потребитель образования», то есть образование рассматривается как коммерческая услуга. Студент, государство и работодатель покупают услугу «образование».

1. **«Образовательная услуга (продукция) (educational product):** Услуга (продукция), связанная с образованием».

2. **Product** – В новом англо-русском словаре под редакцией В.К. Мюллера слово **product** переводится как: 1) продукт; продукция; изделие, фабрикат 2) результат, плоды 3) *mat.* произведение 4) *хим.* продукт реакции. В англо-русском словаре The Oxford Russian dictionary данная единица переводится как: (article produced) продукт; (result) результат, плод; (math.) произведение. Англо-английский толковый словарь Wordweb дает следующее значение: 1) A commodity offered for sale 2) An artifact that has been created by someone or some process 3) A quantity obtained by multiplication 4) A chemical substance formed as a result of a chemical reaction 5) A consequence of someone's efforts or of a particular set of circumstances 6) The set of elements common to two or more sets. Longman Essential Activator предлагает следующее значение: something that a company makes in large quantities in order to sell it. Anything that is made, grown, or designed in order to be sold. Учебный словарь современного английского языка А. С. Хорнби толкует **product** как: 1) that which is produced by nature, growth, industry, manufacture, or the human brain, as garden products; the products of genius (i.e. books, paintings, etc.). 2) a result. 3) (math.) the quantity obtained by multiplying numbers.

3. В данном случае мы наблюдаем неточную интерпретацию первоначального словосочетания. «Образовательный продукт» был бы более точным переводом на русский язык. Здесь слово «продукт» было подменено словом «услуга», вследствие чего невозможно понять, о чем именно идет речь – о некоем результате или об услуге, например результат – освоение студентом определенной учебной дисциплины, услуга – курс лекций по определенной учебной дисциплине. Слово «продукция», данное в скобках, окончательно сбивает с толку. Продукция – это, например, учебно-методическое пособие, изданное университетом для студентов.

4. Модернизационная коннотация единицы **educational product** – «образовательный продукт» подразумевает приравнение образования к производственному процессу.

1. **«Образовательное учреждение** (educational organization): Организация, предоставляющая образовательную услугу».

2. **Organization** – В новом англо-русском словаре под редакцией В. К. Мюллера слово **organization** переводится как: 1) устройство; формирование, организация 2) организация 3) организм 4) *амер.* избрание главных должностных лиц и комиссии конгресса 5) *амер.* партийный аппарат 6) *attr.* организационный. В англо-русском словаре The Oxford Russian dictionary данная единица переводится как: организация. Англо-английский толковый словарь Wordweb дает следующее значение: 1) A group of people who work together 2) An organized structure for arranging or classifying 3) The persons (or committees or departments etc.) who make up a body for the purpose of administering something 4) The act of organizing a business or an activity related to a business 5) An ordered manner; orderliness by virtue of being methodical and well organized 6) The activity or result of distributing or disposing persons or things properly or methodically 7) The act of forming or establishing something. Учебный словарь современного английского языка А. С. Хорнби толкует **organization** как: 1) the act of organizing or the condition of being organized. 2) the way in which the parts of a thing are organized. 3) an organized body of persons working together.

3. Проанализировав выявленные значения, можно прийти к выводу, что слово «организация» больше подходит для обозначения частного, нежели общественного места, коим является «учреждение» в русском языке. Эквивалентом слова «учреждение» в английском являются «establishment» и «institution», которые, как правило, используются со словом «educational» - educational establishment, educational institution.

4. Новая коннотация единицы **educational organization** – «образовательная организация» указывает на определенный статус образовательного учреждения в социальной иерархии государства.

1. **«Поставщик образования** (education provider): Лицо, предоставляющее (поставляющее) образовательную услугу обучающимся. Примечание – Вместо термина «поставщик образования» могут быть применимы общепринятые термины, изменяемые в зависимости от национальных особенностей и специфики образовательного учреждения, например преподаватель, тренер, доцент или профессор».

2. **Provider** – В новом англо-русском словаре под редакцией В. К. Мюллера слово **provider** переводится как: 1) поставщик 2) кормилец семьи. В англо-русском словаре The Oxford Russian dictionary данная единица переводится как: снабженец; поставщик; her husband is a good ~ её муж хорошо обеспечивает семью. Англо-английский толковый словарь Wordweb дает следующее значение: 1) Someone whose business is to supply a particular service or commodity 2) Someone who provides the means for subsistence.

3. В данном случае, разрешается использовать термины, принятые в классическом образовании, так как слово «поставщик» вызывает ассоциации с материальными товарами. Например, поставщик мяса, поставщик цемента, поставщик интернет-услуг и т.д.

4. Модернизационная коннотация единицы **provider** – превращает преподавателя в «поставщика образования», что указывает на соответствующее место в социально-коммуникативном процессе.

В классическом образовании использовались термины, значительно отличающиеся от предлагаемых в ГОСТ Р ИСО 9001-2001. К примеру, потребитель образовательных услуг ранее назывался студентом, учащимся. Из вышесказанного вытекает следующее сравнение:

Студент, учащийся → потребитель/заказчик/покупатель

организация, оплачивающая обучение (целевое обучение) → клиент/покупатель

Работодатель: государство → конечный пользователь

Нетрудно заметить, что неонеклассическое образование предпочитает оперировать информационно-рыночными терминами, так как тип общества задает тон, «перекраивая» систему образования под свои потребности. К сожалению, *взаимосвязь* «общество → ← образование» становится единоподчиненной связью: «общество → образование».

Подытожив результаты проведенного анализа новых терминов, можно констатировать, что перевод, интерпретация их на русский язык нуждается в переосмыслении, доработке.

Примечания

1. ГОСТ Р 52614.2-2006. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Руководящие указания по применению ГОСТ Р ИСО 9001-2001 в сфере образования. Quality management systems. Guidelines for the application of GOST R ISO 9001-2001 in education.

О СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ТЕРМИНОПОЛЯ СТИЛИСТИКИ

Изучение системы языка на основе полевой модели стало важным и уже достаточно оформившимся направлением лингвистических исследований. Современная лингвистика руководствуется положением о том, что основным содержательным элементом языковой модели мира является семантическое поле (А. В. Бондарко, А. А. Уфимцева, Г. С. Щур, З. Н. Вердиева, Л. Л. Новиков, В. М. Павлов, Ю. Н. Караулов, П. В. Чесноков, В. В. Богданов и др.). Полевая модель утверждает представление о языке как системе подсистем, находящихся в тесном взаимодействии. Отметим, что полевая модель в современных исследовательских работах имеет различные интерпретации и применения, тем не менее понимание полевой структуры свободно коррелирует с представлениями об адаптивных системах и нечетких множествах языковых единиц, связанных структурными отношениями. Наиболее адекватной лексической системе языка является функциональная интерпретация семантического поля. Именно она позволяет представить его в виде последовательной зависимости составляющих поле элементов: ядра, центра и периферии в их взаимосвязи. Следует также заметить, что количество функционально-семантических полей столь велико, что далеко не все из них подверглись всестороннему изучению.

При структурировании поля учитываются различные признаки, находящие свое имплицитное или эксплицитное выражение в значении слова. Так, в основе классификаций по тематическим группам лежит экстралингвистический признак, основывающийся на ассоциативных связях и отношениях, устанавливаемых между предметами и явлениями объективной действительности и отраженных в нашем сознании. В основу классификации по семантическим полям, классам лексико-семантических групп положены лингвистические признаки, которые с разных сторон описывают и характеризуют значимую сторону языкового знака-слова. В основе валентностных классификаций лежат синтагматические свойства лексических единиц, их способность создавать вокруг себя определенные открытые оппозиции, которые должны быть заполнены облигаторными или факультативными актантами.

Появились комбинированные теории на право существования и терминологических полей. Именно в терминологическом поле каждый термин занимает свое определенное место, идентифицируется, получает системную значимость и в процессе функционирования раскрывает диалектику взаимоотношений между элементами его терминосистемы, когда каждый элемент может или находиться в статике, или претерпевать различные изменения, например, перемещаться от центра поля к его периферии, либо наоборот.

Какой аспект при включении термина в поле (внутри которого он способен к тому же представлять собой двустороннее системно-языковое функционально-коммуникативное образование) и рассмотрении его сущностных характеристик может оказаться приоритетным при структурировании терминополья стилистики?

Прежде всего, необходимо учесть, что лингвостилистическая терминология семантически достаточно подвижна, зыбка. Это может быть объяснено лингвистическими и экстралингвистическими причинами: более высокой, чем в других филологических областях знания степенью абстракции понятий, неоднозначностью трактовки одного и того же явления, принадлежностью термина одновременно общелитературному языку и языку науки (так называемой «конституционностью» стилистического термина), что, в частности, отражается и на его дефиниционном уровне. Термины-понятия далеко не всегда позволяют дать точные и краткие дефиниции и тем самым вызывают необходимость обширных определений. Основной задачей классификации терминов по терминопольям является рассмотрение дефиниционного значения каждой терминологической единицы внутри поля, выявление отношений между ними и определении места каждого члена внутри анализируемого поля. Кроме того, занимаясь именно изучением жизни термина в поле, исследователь сталкивается с вопросами взаимосвязи всех терминов в пределах терминосистемы, их упорядоченности и взаимоопределяемости, что в конечном итоге подводит к фундаментальному свойству уже самого поля – самостоятельности, которая выражается, по определению Ю. Н. Караулова, в его целостности, а следовательно – принципиальной выделяемости [1, с. 33].

Исходя из изложенного, полагаем, что перспективным направлением для исследования терминосистемы в области стилистики становится лексико-семантический аспект полевой организации лингвостилистических терминов.

Рассмотрим терминоминимации, обозначающие стилевые черты, фрагмента микрополя «научный стиль»: *отвлеченно-обобщенность, подчеркнутая логичность, точность, объективность, некатегоричность*. В своем терминологическом микрополе термины *отвлеченно-обобщенность, подчеркнутая логичность, точность, объективность, некатегоричность* обретают точность и однозначность. За его пределами они теряют характеристики терминов, например, в словосочетаниях «некатегоричность высказывания», или «объективность информации» (любой), или «точность вос-

произведения» (чего-либо) указанные слова, как мы видим, приобретают иные значения. По точному замечанию А. В. Суперанской, «если термин создан на основе слов своего языка, введение его в терминологическое поле делает его омонимом общеупотребительного слова» [2, с. 113].

Особый интерес может представлять в этом ряду, на наш взгляд, термин *отвлеченно-обобщенность*, поскольку при его создании использованы словообразовательные средства, которые не вполне согласуются с общепринятыми правилами суффиксации (ср.: *отвлечение* – *отвлеченность*, *обобщение* – *обобщенность*). А. А. Реформатский полагал, что «словообразование имеет к лексическому полю лишь опосредованное отношение. Но в терминологическом поле, где многое создается путем искусственного включения или исключения отдельных элементов, словообразованию принадлежит несравненно большее значение» [3, с. 121]. По мнению А. В. Суперанской, «в каждом терминологическом поле формируются свои словообразовательные и словоизменительные парадигмы, невозможные в общей лексике или в другом поле» [2, с. 113].

Могут ли термины «жить» вне контекста? По А. А. Реформатскому (1959), только в том случае, если известно, членами какой терминологии они являются. Однозначность термины получают не через условия контекста, а через принадлежность к данной терминологии.

Разделяя точку зрения А. В. Суперанской, считаем, что употребление термина в контексте – это область его функционирования, принадлежность термина к полю – это область его существования как термина [2, с. 111].

В качестве примера обратимся к термину *лингвистическая стилистика*. Вполне естественно, что с помощью такого типа отношений, как соположенность, выстраивается терминологическое поле, вбирающее в себя всю совокупность терминов, относящихся к одной предметно-понятийной области: *стиль*, *функциональный стиль*, *научный стиль*, *официально-деловой стиль*, *публицистический стиль* и др. Так как соположенность может быть парадигматической, возникают понятийные ряды, которые фактически могут быть идентифицированы как основополагающие для терминов, включенных в микрополе одного стиля. Его элементы взаимно «делимитируют» (по терминологии С. Уллманна) друг друга и выводят свое значение из системы как целого, например, *публицистический стиль: газетно-публицистический, газетный, политический, газетно-журнальный*.

Поскольку перед лингвистической стилистикой стоят различные задачи, то в зависимости от того, какие из них выдвигаются на первый план, выделяется парадигматическая соположенность уже нескольких терминополь, объединенных отношениями взаимосвязи, противопоставленности и обусловленности: *стилистика ресурсов, функциональная стилистика, стилистика речи, или стилистика текста*. Однако это комплексные единицы всей системы лингвистической стилистики.

При иерархической соположенности возникают гиперо-гипонимические группировки, представляющие собой совокупность слов в терминологическом поле, объединенных отношениями подчинения и включения.

Идея А. А. Реформатского (1959, 1968) о том, что в терминологическом поле все жестко регламентировано, заставляет задуматься, каковы границы терминологического поля стилистики: представляет ли оно собой закрытую систему или его границы подвижны, размыты?

Полагаем, что в терминополь стилистики могут возникать одни слова и отмирать другие. Однако если содержание отдельного слова автоматически меняется вместе с изменениями общего поля, то его никогда нельзя точно фиксировать.

Цитируя Х. Гиппера, Н. Г. Комлев пишет, что при «попытке дать более строгую классификацию всей лексики по семантическим полям, при попытке доказать, что значимость слова определима только при наличии слов – значений всего поля ... оказалось совершенно невозможным установить, где проходят точные границы поля и охвачены ли все принадлежащие полю слова. Во-вторых, нужно рассматривать поле – как и весь язык – в постоянном движении и развитии» [4, с. 120]. Несмотря на то, что данное высказывание характеризует лексико-семантическое поле, его можно проецировать и на область терминологического поля (в нашем случае терминополь стилистики).

Абстрагируясь от всех проблем, которые неизбежно возникают при исследовании языка и терминологии в том числе, на наш взгляд, в качестве одной из основных единиц анализа терминов стилистики следует признать именно понятийно-терминологическое поле, так как оно отражает одну из глобальных лингвистических концепций – концепцию понятийной системности языковых структур.

Примечания

1. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
2. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории. М., 2004.
3. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики (1967). М., 1968. С. 103-126.
4. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. Изд. 2-е. М., 2003.
5. Всеволодова М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 76 - 99.

6. Павлов В. М. Полевые структуры в строе языка. СПб., 1996.
7. Функционально-семантическое поле: развитие учения в свете теории семантических форм мышления / под ред. П. В. Чеснокова. Таганрог, 2004.
8. Чесноков П. В. Типы функционально-семантического поля как языковые универсалии // Функционально-системный подход к исследованию языковых единиц разных уровней: межвуз. науч. конф., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. Ю. Н. Власовой. Ростов-н/Дону, 2004. С. 189-192.

Н. М. ЛОКТИОНОВА, Ю. Е. ЛАРИНА

Ростовский государственный строительный университет, г. Ростов-на-Дону

О ПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ТЕРМИНОВ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Стиль научного лингвистического изложения, в котором соединяются интеллектуальное и эмоциональное начала, создается единицами и категориями всех уровней. И самая главная роль в этом процессе, безусловно, принадлежит терминологии с присущими ей прагматическими свойствами. Номинации, ориентированные на понятийный ряд и отражающие работу человеческого сознания, не только вычленивают фрагменты действительности, но и выражают представление об их ценностных свойствах.

В рамках лингвистических дисциплин, изучающих различные аспекты межкультурной коммуникации, существуют терминологические и «полутерминологические» наименования для тех элементов, которые затрудняют процесс межкультурной коммуникации: *экзотизмы, реалии, безэквивалентная лексика, фоновая лексика, ксенизмы, ориентализмы, этномаркированная лексика, лакуны, пробелы в речевых моделях, темные места, пропуски* и т.п. Семантические различия единиц данного терминологического ряда опирается в том числе и на внутреннюю форму.

Так, термин «лакуна» акцентирует (своей внутренней формой) идею отсутствия, пропуска, невосполненности (от латинского *lacuna* – впадина, полость). «Лакуна» в трактовке И. Марковиной и Ю. Сорокиной [1, с. 84-85] становится своего рода обобщенным понятием для всевозможных межкультурных, межтекстовых и межъязыковых расхождений, проявляющихся в межкультурной коммуникации и при межкультурных сопоставлениях. Лакунарность может охватывать не только сферу семантики, но и прагматические зоны. В переводоведении названия реальных географических объектов подразделяют на обычные и мемориативные топонимы [2, с. 111]. Вторые из них заключают в себе, кроме указания на геообъект дополнительную смысловую информацию, которая бывает чрезвычайно важной в процессе межкультурной коммуникации. Эта дополнительная информация исторически изменчива: *Madison Square* во времена О'Генри – символ зажиточности, богатого жилого района Нью-Йорка; сейчас это центр рекламной промышленности США, символ СМИ.

Термин «лакуна» применяется для обозначения всего комплекса различий и несовпадений между сопоставляемыми языками и соответствующими культурами. К «лакунам» (в широком смысле) относятся и такие случаи, когда в одном из двух сравниваемых языков принято недифференцированное выражение определенного референциального содержания. Постулируется также «лакунизированность» языковых личностей участников межкультурной коммуникации по отношению друг к другу и предлагаются классификации лакун в соответствии с многоуровневой структурой языковой личности (языковые, когнитивные, мотивационные, эмоциональные, моторико-артикуляционные и т.д. лакуны). Ср. нетерминологическое использование этого слова в лингвистическом тексте:

«Вот почему в исторических исследованиях образовалась своеобразная *лакуна*. Получается, что язык в его лексическом составе и грамматическом строе изменяется, художественное сознание, со своей стороны. Также изменяется, возникает и развивается система функциональных стилей, а система экспрессивных средств, тесно связанная со всеми этими изменениями, остается в стороне от исторического процесса» [3, с. 3-4].

Термин *реалия* происходит от латинского прилагательного *realis* – «истинный, действительный, вещественный». Этот термин используется, как и большинство лингвистических терминов, в двух значениях: 1. Предмет, вещь, факт, существующие в реальной жизни и характерные для соответствующей национальной культуры; 2. Слово или словосочетание, которыми обозначается этот предмет.

С опорой на распространенную категорию «реалия» были попытки ввести новую категорию – «специалия». Ср.: «Эта категория мыслится как единица максимально высокого обобщения, охватывающая все виды специфики культуры, языка, а также речи и текстов на этом языке (дискурса)» [4, с. 95]. Однако цитируемый автор сам отмечает, что «только что введенная категория «специалий» сама по себе не может претендовать на статус рабочей исследовательской единицы межкультурной коммуникации – для этого ее содержание слишком расплывчато и гетерогенно» (там же).

В термине *реалия* передан взгляд на предмет и его название со стороны представителя иной лингвокультуры. Ср.: «Реалии – это названия присущих только отдельным нациям и народам предметов

материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и институтов... и т.п. В сопоставительном лингвострановедении реалиями принято считать слова, обозначающие предметы и явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом страны (стран) изучаемого языка, которые отличаются полностью или частично от соответствующих слов родного языка учащихся...» [5, с. 13].

Национально-специфичное в реалии часто понимается достаточно широко, с учетом таких пластов, как античная мифология, библейские образы, исторические и фольклорные источники, которые особым образом преломляются на национальной почве.

Есть авторы, которые отмечают трудности вычленения реалий ввиду неопределенности ареала, в пределах которого данные предметы рассматриваются [6, с. 463-466]. Других лингвистов не устраивает исконная двусмысленность термина. Так, С. Г. Николаев предлагает под реалией понимать только объект, обозначаемый словом, сами же слова относить к «безэквивалентной лексике» [7, с. 143-144].

Важнейшая черта реалий состоит в наличии у них целого комплекса лингвокультурных, прагматических, коннотативных свойств.

В сходном значении употребляется терминологическое сочетание *фоновая лексика*. Этот термин акцентирует внимание на том, что для успешной межкультурной и межъязыковой коммуникации мало усвоить языковые закономерности, необходимо овладеть теми знаниями, которые свойственны иноязычной культуре, иметь представление о национально-культурных особенностях народа-носителя языка.

Фоновые знания анализируются (или, во всяком случае, упоминаются) в пособиях по лингвострановедению. Как известно, лингвострановедение обладает своим собственным предметом, конкретными направлениями изучения и развития, представляет собой методическую дисциплину, обеспечивающую коммуникативность обучения иностранным языкам, решающую общеобразовательные и гуманистические задачи, подчеркивающую кумулятивную функцию языка. В известном смысле овладение фоновыми знаниями есть путь познания культуры через язык и, наоборот, языка через культуру.

Иногда сама реальность «фоновых знаний и специфических слов-реалий» подвергается сомнению, потому что не ясны критерии разграничения имен-реалий, наделенных национально-культурной спецификой, и имен, у которых таковая отсутствует. Е. Л. Березович [8, с. 18] пишет, что «экстралингвистическая категория «известность» с трудом поддается научному анализу (разве что может быть выявлена путем масштабных социологических опросов). Если имя *Иван Грозный* – бесспорное имя-реалия, то можно ли то же самое сказать об имени *Андрей Курбский*? Как оценить «общеизвестность» антропонимов *Хлопуша*, *Меншиков*, *Пушкин* (при несомненной «реальности» ассоциативно с ними связанных имен *Пугачев*, *Пётр 1*, *Пушкин*)?»

Распространено мнение, что слова-реалии, создающие и поддерживающие национальную этноспецифическую «ауру», необыкновенно ценны, особенно – в переводном тексте. Их не следует переводить или заменять, чтобы не разрушать колорит, историческую правду и общий тон [9, с. 173]. Другое мнение состоит в том, что такие единицы, как «ненатуральные», мешают восприятию текста, что это своего рода «шумы» (Сорокин, 1998).

У анализируемых терминов различаются не только оттенки значения, но и прагматические компоненты. Ср. характерное замечание о том, что грецизированный термин *ксенизм* неудобен тем, что коннотирует такие компоненты категории «чужого», как «отталкивающее», «внушающее страх» [4, с. 95]. Термин *экзотизм* (во всяком случае – в одной из трактовок, отраженной, в частности, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой) соотносится со смыслом «чуждый, непривычный для европейца», и потому этот термин часто отвергается не только из стремления к семантической точности, но и по причине отрицательной прагматики (связанной с «чуждостью» для европейца).

Таким образом, термины для обозначения национально-специфических объектов способны передавать информацию об их ценностных свойствах, а значит обладать выраженной прагматикой.

Примечания

1. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Опыт систематизации лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на понимание текста // Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989. С. 80-87.
2. Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы: учебное пособие. 2-е изд., перераб. М., 2004.
3. Хазагеров Г. Г. Функционирование фигур и тропов в «Слове о полку Игореве» и «Задонщине» // Филологические науки. 1990. № 3. С. 3-11.
4. Донец П. Н. К вопросу об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 93-100.
5. Томахин Г. Д. Реалии в языке и культуре // Иностранные языки в школе. 1997. № 3. С. 13-18.
6. Конечкая В. П. Лексико-семантические характеристики языковых реалий // Великобритания. Лингвострановедческий словарь. М., 1978. С. 463-466.

7. Николаев С. Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Онтологические, корреляционные и функциональные характеристики иноязычия в поэзии. Ростов н/Д, 2005.
8. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998.
9. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986.

И. А. МАНУХИНА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ОБЩЕСТВА

В эпоху модернизации создается такая социальная ситуация, которая вызывает социальную мобилизацию всех видов человеческих ресурсов. Формируется совершенно новый тип социальной деятельности личности, важнейшей ценностной ориентацией которого становится индивидуализм.

Составной частью социокультурной модернизации является развитие средств массовой коммуникации и появление массовой культуры, а также приобщение все возрастающей части населения к культурному наследию прошлого [1, с. 80].

Примером такого «культурного наследия прошлого» являются сказки, которые не просто передают мудрость предыдущих поколений, но и обладают очень мощным педагогическим эффектом, помогая читателям и слушателям самостоятельно «выстраивать» понятия о добре и зле, о поощряемом и предосудительном. Прописанные в сказках стереотипы необычайно долговечны, в том числе и стереотипы гендерные [2].

Появление гендерных стереотипов в обществе обусловлено тем, что модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями мужчин и женщин. Гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке.

Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения [3, с. 66].

Иными словами, многие сказки несут информацию о гендерных отношениях, принятых в обществе, в соответствии с национально-культурной спецификой народа.

Исследователи русского фольклора, в том числе и сказок, считают возможным разделить сказки на несколько групп, учитывая пол главного персонажа [2, с. 166].

Сказки, где главный действующий персонаж – *женского пола* можно разделить на две группы.

1. Те, в которых эти персонажи представлены как воплощение «традиционной женственности» – их много, если не большинство, и такие сказки есть в фольклоре многих народов;
2. Те, где обрисованы поляницы (богатырши, «амазонки»).

В русских народных сказках, включая их талантливые авторские стилизации (А. С. Пушкина, С. К. Аксакова, Л. Н. Толстого) – как, впрочем, и в сказках других народов, героиня чаще, чем герой оказывается в положении «жертвы» и не просто жертвы – но «жертвы вредителя» и, как следствие, становятся объектом спасения («Морозко», «Василиса Прекрасная», «Крошечка-Хаврошечка» и др.).

Вне всякого сомнения, сказки подтверждают факт: активный женский жизненный сценарий и в жизни, и в сказке обычно подвергался подавлению, «вытеснению», в то время как безропотные – назовем их так – «Золушки-Падчерицы» восхвалялись и воспевались. Сказки в этом смысле были лишь частичкой общей традиционной идеологии, в которой социально активные представительницы прекрасного пола были изгоняемы, порицаемы, осуждаемы и – подчас – сжигались на кострах как ведьмы, а социально пассивные – напротив, восхвалялись.

Одни сказки подчеркивают тему зависимости *слабого мужчины* от *сильной женщины*, причем Мачеха в сказочном тексте предстает истинным воплощением зла. Мужчина же – подкаблучник сплошь и рядом демонстрирует бессилие: когда мачеха посылает падчерицу в морозный лес, ее отец – сказано в сказке – лишь «тужит и плачет», но отнюдь не пытается задержать дочку или отменить решение своей злоущей и вредной супруги.

Авторитаризм мачехи – великое зло. Мужчина, не способный подчинить себе женщину – помощник злых сил. «Плохая женщина» правит в доме в начале сказки – и проигрывает в ее конце; «хорошая женщина» угнетена (поначалу) – но выигрывает.

Более того героине жестокое отношение злой мачехи идет на пользу. Она становится мастерицей на все руки и приобретает необходимые навыки для воплощения успешного, с точки зрения традиционной семейной морали, традиционного распределения ролей и традиционного же понимания женского счастья – жизненного сценария.

Жених (муж) – «главный приз» для обычной героини сказки. Лишение возможности выйти замуж – главное наказание для лже-героини (Ленивицы, сводных сестер – дочерей мачехи).

Сказка повествует о необходимости испытания мощи женской любви и силы преданности любимым мужчинам – не искать другого, не рыдать, не пускаться во все тяжкие, а, по мудрому народному совету, искать своего любимого «за тридевять земель, в тридесятом царстве». Более того существует возможность и достижимость преодоления разных жизненных невзгод, в том числе и «расколдовывания», «окультуривания» даже самых мерзких Чудищ – силой одной только любви.

Иными словами: популярные русские сказки – и в прошлом и в настоящем – в большинстве своем «конструировали» сильного, доминирующего мужчину и слабую, зависимую, пассивную женщину, то есть способствовали и сейчас способствуют воспроизведению патриархатного сознания, «угнетая» женскую активность.

Однако есть и сказки, где выведены образы «сильных» героинь (причем они не главные действующие лица!) и «слабых» героев. Сильные женщины в таких сказках – рядом со слабыми мужчинами – не боятся ни их (своих женихов), ни отцов, не страшатся признаваться в своих чувствах первыми и добиваться любви того, кого любят. («Поди туда, не знаю куда – принеси то, не знаю что», «Мудрая девица и семь разбойников», «Синеглазка»)

Героини самых известных русских волшебных сказок – Марья Моревна, Синеглазка, Царь-Девица – это женщины-богатырши. Помимо обязательной для героини красоты, они обладают недюжинной физической силой.

Они готовы быть наравне с мужчинами в их внедомашней и внесемейной деятельности. Домом для таких женщин становится Мир, который они обустроивают и которым они управляют. И такое их нестандартное поведение рисуется сказкой как нечто притягательное мужчин, которые в последствии становятся их мужьями. После свадьбы в домах у богатырок происходит полная смена гендерных ролей: новобрачный становится домохозяином при жене, которую более интересуют события вне дома.

Сказки, где главный действующий персонаж – *мужчина*, предназначены для описания сценария мужского жизненного успеха. Их можно условно разделить на две группы.

Первая группа сказок – в которых *желанным «призом» герою является невеста*, а также прилагающиеся к ней богатство, признание и т.д. – обычно рассказывает о богатыре, который с детства был наделен и храбростью, и силой, и смелостью, выгодно отличаясь от своих братьев или соперников. («Два Ивана Солдатских сына», «Медное, серебряное и золотое царство» и др.) Эти сказки – живое воплощение сказочного канона, задачей которого является пропаганда традиционного образа «настоящего мужчины», для которого уже изначально заготовлен «приз» в виде невесты (мнения последней, как мы уже поняли, никто никогда не спрашивает).

Вторая группа сказок – в которых действуют *молодец и царевна* – объединяет мужские образы, типичные именно для русского фольклора. (Иван-царевич, Иванушка-Дурачок, Емеля и др.) Как правило, начало жизненного пути у «молодца» из этой группы сказок бывает нелегким: он младший сын в семье, явно не любимец, начинает свой жизненный путь как неудачник, но обязательно выигрывает в конце!

Каждый из «дурачков» отличается кажущимся или действительно кротким нравом. Совершенно пассивно такие молодцы принимают помощь волшебных сил.

Уважение и понимание всего живого оказываются для «кротких молодцев» необходимыми положительными чертами, без которых им просто не выжить (ибо силы Природы постоянно помогают только тем, кто их не обижает и не пытается противостоять им). Жалость и сострадание к слабым – это залог сказочного успеха. Русские молодцы доверчивы – разные животные и птицы обещают им помощь, и они сразу же верят им.

Несколько особняком стоит в русских сказках такое качество русских молодцев как лень. Ни в одной фольклорной традиции мира нет такого количества образов нетрудолюбивых мужичков, которые бы в финале бывали вознаграждены именно за неактивность и за бездеятельность! Но лень в русской фольклорной традиции приписана именно тем героям, которых (помимо нее) отличают великодушие, бескорыстие, доброта. [2, с. 176]

Описанные мужские и женские типажи, присутствующие в сказках, несомненно, являются отражением существовавших в обществе на момент их создания представлений о гендерных ролях и стереотипах поведения. Но на сколько сильно они подвергнутся изменениям в нашем современном меняющемся обществе, сможет показать только время.

Примечания

1. Гайнутдинова Л. А. Гражданское общество и государство в эпоху модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2009. № 4. С. 80-90.

2. Пушкарева Н. Л. Читаем сказки «сквозь гендерные очки» // Ребенок в современном мире. Открытое общество и детство. СПб., 2000. С. 164-178.

3. Коноплева Н. А. Гендерные стереотипы // Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М., 2002. С. 65

4. Вандышева А. В. Гендерно ориентированная лексика в языковой картине мира (на материале английского, русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007.
5. Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001.
6. Connell, R.W. et al. The big picture: Masculinities in recent world history // *Theorie & Society* 1993. №22. P. 600.

И. А. МАСАЧЁВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК СРЕДСТВО МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ

Современная цивилизация вступила в эпоху информатизации – период своего развития, направленного на обеспечение полного использования достоверного и современного знания во всех общественно значимых областях человеческой деятельности. Качественные изменения потребностей современного общества требуют адекватных им изменений в вузовском образовании. При этом информатизация образования – процесс обеспечения сферы образования теорией и практикой разработки и использования современных, новых информационных технологий, ориентированных на реализацию психолого-педагогических целей обучения и воспитания, – принадлежит к числу важнейших направлений процесса информатизации современного общества.

Комплексное использование средств новых информационных технологий при обучении английскому языку способствует более высокому развитию мотивационной, ориентирующей, опосредующей, критической, рефлексивной и творчески-преобразующей функций обучающихся, что в целом приводит к повышению уровня их информационной культуры.

Решающим фактором успешного внедрения новых информационных технологий в учебный процесс являются готовность и способность преподавателей иностранного языка освоить новые технические средства и предложить новые методики обучения с использованием этих средств. Новые информационные технологии предъявляют более серьезные требования к качеству труда и уровню компетентности педагогов как по объему знаний и их системной организации, так и по педагогическому мастерству. Поэтому, никакие новейшие методы обучения не решат поставленных перед системой образования задач без должным образом подготовленных преподавателей.

Глобальность происходящих информационных перемен очевидна, как очевидна необходимость пересмотра подходов к высшему образованию. Одним из важнейших критериев профессиональной компетенции будущего специалиста является его готовность к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности. Таким образом, перед системой высшего профессионального образования стоит важнейшая задача – формирование высокого уровня информационной культуры будущих специалистов, в особенности гуманитарной направленности [1].

Интенсивное развитие компьютерных технологий за последние несколько лет и их активное использование в учебном процессе уже привели к некоторым изменениям в системе образования, затронувшим не только ее структуру, методологию и технологию процесса обучения, но и ее стратегическую ориентацию. Согласно Федеральной целевой программе «Развитие единой образовательной информационной среды (2001–2005 гг.)», наиболее важными отличительными чертами перспективной системы образования являются:

- свободное пользование различными информационными системами, которые сегодня играют не меньшую роль в образовании, чем непосредственный учебный процесс;
- личностно-ориентированная направленность процесса обучения;
- развитие информационной культуры;
- психологическая установка обучаемого не просто на получение готовых знаний, а на дальнейшее саморазвитие и самосовершенствование;
- изменение роли преподавателя: переход к партнерству, сотрудничеству с обучаемыми в новых ситуациях в открытом, изменяющемся, плюралистическом мире.

Важной особенностью современного этапа социально-экономического развития общества является формирование особой области производства, характеризующейся не только развитием материальной базы, но и системой специфических технологий, которые принято называть информационными или информационно-коммуникационными. В последнее десятилетие благодаря революции в области цифровой системы связи, слиянию на основе цифрового представления и совместимых протоколов всех средств коммуникации и вещания, распространению средств цифровой презентации и сжатия мультимедийной информации, произошли глобальные изменения во всех сферах жизнедеятельности человека. Вот почему в настоящее время назрела острая необходимость теоретического и практического осмысления этих процессов педагогической наукой, отстающей от темпов развития новейших технологий, хотя именно информатизация в сфере образования должна опережать инфор-

матизацию в других направлениях общественной деятельности, так как именно здесь начинают свое формирование социальные, психологические, общекультурные предпосылки модернизации всего общества.

Сегодня актуализируется разработка подходов к использованию дидактического потенциала современных информационных технологий в развитии личности обучаемого, раскрытии его креативности, формировании у него способностей к альтернативному мышлению, повышении качества обучения.

Именно поэтому в настоящий момент модернизации всех уровней образования в России первоочередной становится проблема внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в процесс обучения, разработка особых моделей и концепций, новых подходов к формированию коммуникативной компетентности студентов, предполагающей овладение ими сложными коммуникативными навыками и умениями, формирование адекватных умений в новых социальных структурах, знание культурных норм и ограничений в общении, ориентация в коммуникативных средствах, освоение ролевого репертуара в рамках данной профессии [2].

Эффективное решение указанной задачи сопряжено с педагогическим обоснованием корреляции лучших методов традиционного обучения и информационных технологий с формированием дидактически целесообразной информационно – обучающей среды, в которой ведущее положение занимает преподаватель – высококвалифицированный специалист, обладающий необходимыми знаниями, умениями и навыками в области использования современных информационных технологий.

Для этого необходимо создать информационно-образовательное пространство, где все цели, содержание, методы и организационные формы обучения становятся подвижными и доступными для изменения в рамках конкретного университета. В мире «избытка информации» преподаватели и студенты имеют в своем распоряжении неисчерпаемые информационно-методические ресурсы, представляющие новый спектр инструментов и средств для совместной работы. Однако недостаточно передать преподавателям ответственность за результаты учебного процесса. Они должны получить средства решения соответствующих педагогических задач. В качестве таких средств выступают современные компьютеры и компьютерные коммуникации, радикально изменяющие:

- технологию информационно-методического обеспечения;
- технологию обработки данных учебно-воспитательного процесса.

Чтобы новая методология и ее возможности стали доступными и понятными, необходимо обучать преподавателей самостоятельному использованию новых информационных технологий.

Для эффективного применения новых информационных технологий в обучении английскому языку преподаватель должен обладать определенной информационной культурой, являющейся важнейшим фактором процесса обучения [3].

Вторжение компьютеров в сферу образования не только с мощными программными средствами типа мультимедиа, но и с пространными идеями (учебные телекоммуникации, дистанционные методы обучения) требует дидактического осмысления их использования в обучении английскому языку. Следует отметить, что дидактический потенциал новых информационных технологий для обучения английскому языку связан, в первую очередь, с возможностью активной коммуникативной деятельности, являющейся важнейшей составной частью обучения любого иностранного языка. Поэтому, необходимо стимулировать поиск новых подходов к применению новых информационных технологий, опираясь на перспективные модели организации учебной деятельности. Как следствие этого, при обучении английскому языку преподаватель, используя новые информационные технологии должен дидактически и методически грамотно распорядиться их возможностями [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что преподаватель должен сочетать как традиционные формы обучения английскому языку, так и новые технологии обучения в своей работе. Такое сочетание поможет преподавателю эффективно управлять учебным процессом, уделяя каждому из обучающихся достаточно внимания. Но такая интенсификация возможна лишь при наличии хорошей методической и технической обеспеченности занятия, и только при соответствующей подготовке преподавателя.

Следует подчеркнуть, что в связи с переходом к новым стратегиям и «технологиям» обучения, предполагающим использование новых информационных технологий, развитие творческого потенциала преподавателя высшей школы получает новый импульс. Построение гибких стратегий компьютерного обучения дает шанс совмещения задач интеллектуального и личностного развития студентов и преподавателей. Для преподавателя это означает переход к творческому диалогу со студентами – в виде более глубокой помощи в организации мыслительной деятельности студентов. Реализация же истинно диалогического мышления в ситуации обучения дает шанс воспитания самостоятельности не только мышления, но и личности студента.

Примечания

1. Новые информационные технологии в обучении языкам //Междунар. науч. конф.: тезисы докладов. Минск, 2003. С. 196.

2. Ваграменко Я. А. Информационные технологии и модернизация образования // Педагогическая информатика. 2000. № 2. С. 3-9.
3. Абумова Г. А. Информационные технологии как основа развития современных общеобразовательных школ: дисс. ... канд. пед. наук. М., 2001.
4. Уруймасова О. В. Современные информационные технологии в формировании коммуникативной компетенции студентов: дисс. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2005.

О. Ю. МОКРОУСОВА

Ростовский государственный строительный университет, г. Ростов-на-Дону

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СОБЫТИЙНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Структурно-семантический анализ номинативных предложений позволяет выделить среди многочисленных типов событийные односоставные номинативные предложения. Семантическая особенность данного типа конструкций заключается в обозначении семы процесса действия или времени, предназначенных для выполнения пропозитивной функции: *Страшный вечер Рождества 1930 года* (А. Василевская. Книга о жизни). *Утро. На часах четверть одиннадцатого* (Ю. Буйда. Кенигсберг).

Номинативные предложения, называющие процессуальные или временные события, жестко регламентированы в сфере функционирования в текстовом пространстве [1, с. 62]. В художественном тексте наиболее частой позицией для событийных номинативных предложений является позиция в начале либо внутри речевого отрезка, соотносимого со сложным синтаксическим целым. Главным членом номинативных предложений данного типа чаще всего является существительное с пространственным или временным значением: *Уже ноябрь. И хорошо, что он так и не отклеил окна, скоро наступят холода* (А. Азольский. Кандидат). *Середина октября. А городской сад все еще работает. Двадцать два градуса. Удивительнейшая, необыкновенная теплая осень. Прикуп из другой климатической зоны. Всех акварельных, масляных – березовых, рябиновых мастей. И это тоже счастливый знак* (С. Солоух. Химия).

Влияние окружающего контекста на номинативные предложения, содержащие процессуальную или временную характеристику, приводит к тому, что в этой функции используются существительные самой разнообразной семантики. К классу ядерных компонентов односоставных номинативных предложений пропозитивной семантики относятся имена действия, состояния, качества, а также имена темпоральной семантики. Здесь можно выделить конструкции со значением процесса действия (*Телефон. Телефонный звонок в ночи. Секунду я еще медлю у окна, и в эту секунду с четырех нежных ветвей, с неподвижных деревьев взвиваются в воздух сотни ворон* (С. Шенбрунн. Пилюли счастья)), организованного действия (*Какие там маневры – это канонада. Бой. Пальба в упор. Бородино. Стоять! Прямой наводкой* (В. Маканин. Могли ли демократы написать гимн?)) или результата действия (*Сидя на крыльце, мы сетовали на то, что напрасно сюда приехали. Бессмысленная поездка* (Р. Белецкий. Путешествие в Иваново автора, Коврова и Баранова)).

В контексте сложного синтаксического целого имена процессуальной семантики обладают рядом специфических особенностей, позволяющих выделять их в особый тип номинативных предложений, соотносимых со структурой текста. Основную группу номинативных предложений с процессуальным значением составляют субстантивные дериваты глаголов – отглагольные имена: *На взлетке постоянное движение. Кто-то прилетает, кто-то улетает, раненые ждут попутного борта, около фонтанчика с водой толпятся люди* (А. Бабенко. Взлетка).

В текстах с процессуальной семантикой возможны контексты, в которых принадлежность номинативных предложений к лицу или не лицу не регулируется четкими отношениями: *Шум леса, пение птиц, растения, дикие животные. На таком фоне формировалась человеческая психика* (А. Василевская. Книга о жизни). Здесь отсутствие субъекта компенсируется за счет введения в структуру предложения качественных дополнений. Говорящий не соотносит субъекта – производителя действия и само действие, тем самым позволяя читателю самостоятельно оценить описанную картину.

Однако чаще номинативные предложения в выражении процессуального действия обозначают действия субъекта, воспринимаемого говорящим: *Поезд Горький – Ленинград пребывает... Давка у кассы. Наконец появляется мама с тетей (взмоклие) с билетами* (А. Василевская. Книга о жизни).

Возможно использование событийных номинативных предложений, в которых действие производится или воспринимает сам рассказчик: *Я стоял и стоял. Я ощущал монументальность. И луч с меня не сползал. Ощущение затянувшегося величия. Миг истины* (В. Маканин. Без политики). *Я помню: яркий солнечный день, но вовсе не жаркий, как внутри романа, а мокрый весенний. Длинные черные лужи* (Л. Костюков. Мемуары Михаила Мичмана).

Предложения с именами действия, освобожденные от привязанности к локализатору, могут вступать в разнообразные смысловые отношения с другими действиями, не ограничивая свои функции

событийной характеристикой некоторого замкнутого пространственного фрагмента, как это происходит в полных бытийных предложениях: *Вокруг шум. В школе праздник* [2, с. 91].

Событийные номинативные предложения в тексте используются для выражения функции повествования. Чаще всего они употребляются для описания какого-либо события: *Бьет два часа... В зале танцы. Шум, гвалт, крик, свист, писк, канкан. Духота страшная* (А. Чехов. Салон де варьете).

Событийные номинативные предложения часто используются для совмещения процессуального значения со значением действия:

- с моментальным значением: *Бешеный рев падающей воды, белая пена внизу, которая постепенно исчезла, уходила и с невероятной быстротой превращалась в совершенно спокойную гладь* (К. Титова. От судьбы не уйдешь).

- с длительным: *Молодежь ходит по улице с песнями, с приплясом, впереди - гармонист. Гармонисту почет и уважение. Почти у каждого крыльца песни (частушки), пляски* (А. Василевская. Книга о жизни).

- с длительно-кратным: *Ты заходишь в комнату, взял сигареты, а на балконе шум, звон посуды, - обезьяны схватили сахарницу и улепетывают по карнизу* (С. Соловьев. Адамов мост).

- узуальным: *Он оказался на углу, где сгорбленный дом Лукаша... Вот где тихо... Но внизу, в сторожевом окне, огонь* (В. Маканин. Коса – пока роса).

Событийные номинативные предложения могут также включать в себя имена предметной лексики. Так предметные существительные способны без внешней поддержки глагола служить знаком целой ситуации. Они называют предмет, который стоит в центре события, с которым ассоциируется данная ситуация: *На мостовой огонь жаровен, мелькают черные силуэты. Музыка. Горы риса на точках, казаны с пловом. Жизнь кипит* (Г. Шульпяков. Книга Синона).

Можно утверждать, что регулярно употребляются в пропозитивном значении имена тех предметов, которые включены в обыденный, ежедневный ритуал жизни человека, за которым закреплено определенное, типичное функциональное предназначение: *Понедельник, раннее утро, огромная коммуналка на задворках Тверской, соседи ползают, злые, как мухи* (В. Найдин. Держи дистанцию)

Номинативные предложения с событийным значением во многом опираются на контекст как на известное. При этом часты случаи употребления цепочек номинативных предложений. Событийный смысл цепочки номинативных предложений задается в предложениях через некоторый общий динамический компонент: *Нынче осень, октябрь. Обжигающий льдистый ветер, близкой зимы дыханье. Воздух прозрачен, словно молодой лед. Огромный немерный распах земли и неба* (Б. Екимов. За окном). При этом в цепочке уже оказываются не важны семантические роли, выполняемые данными актантами в развернутой пропозиции; предмет выдвигается в центр события, имплицитно все возможные действия, с ним связанные.

Номинативные предложения событийного типа со значением признака включают также конструкции, сообщающие о фазисной или количественной характеристике объектов: *1941 год. Июнь. Экзамены. Поездка в город. Белые ночи. Мечтали о будущем, шутили, кого пошлют библиотекарем в совхоз «Гигант» ...* (А. Василевская. Книга о жизни).

Темпоральные односоставные номинативные предложения констатируют временные параметры описываемого в тексте события: *Утро. А часах – четверть одиннадцатого. Искусанные в кровь губы. Запах духов. Приятная вялость набухших мышц* (Ю. Буйда. Кенигсберг).

Как и предметно-пространственные, номинативные предложения с темпоральной семантикой имеют двойную природу. С одной стороны, они обозначают временное состояние окружающей среды, в указании которой нет необходимости (*Поздний вечер. Двенадцать часов. Апрель* и т.д.), т.е. они являются информативно-независимыми. С другой стороны, время лишь одно из обстоятельств, при которых реализуются ситуации, события (*Вечерний чай. Медный самовар всегда сверкает, – люблю посмотреть на себя как в зеркало в самоварной выпуклости – смешная вытянутая рожа* (А. Василевская. Книга о жизни). *Время шестнадцать часов. По расписанию Апурбаш с женой должны ехать в Москву в японский салон красоты* (А. Василевская. Книга о жизни). *Апрель. Странная стоит погода: не помню, чтобы к середине апреля когда-нибудь было так* (Б. Романов. Мила)). Приведенные примеры указывают на логико-семантическую связь темпоральных существительных и контекста.

Таким образом, номинативным предложениям событийного типа в обозначении времени или действия свойственно не изолированное употребление, а конкретизация сообщения о событии, действии в плане выражения смысловых отношений в контексте, названном сложным синтаксическим целым.

Примечания

1. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб, 1996.

2. Иванова Е. Ю. Предложения типа Пожар!: Бытие или идентификация? // Филологические науки. 2005. № 1.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛОГОЭПИСТЕМАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Русский язык как средство межнационального общения вызывает интерес в современном мире, поскольку является одним из самых информативных языков. Многие иностранцы начинают изучать его, чтобы лучше узнать Россию, познакомиться с ее людьми, жизнью, культурой. Действительно, вряд ли найдется человек, который захочет освоить чужой язык, чтобы знать грамматические правила или читать словарь нового языка. Удовлетворению культурного и коммуникативного интереса, прежде всего, служит чтение русской художественной литературы, живое общение и на более продвинутом этапе – неадаптированное чтение журналов, газет, рекламы.

Очевидно, что различие языка и культуры серьезно затрудняет процесс восприятия газетного и художественного текста у этой группы учащихся. Это связано с тем, что русский язык находится в постоянном движении; достижения великих людей хранятся историей, их высказывания становятся крылатыми, а впоследствии обретают новый смысл, зачастую имеющий туманную связь с первоначальным. Именно в связи с появлением у устойчивой фразы иного толкования возникла необходимость создания в лингвистике термина «логоэпистема», который рассматривается как «сверстка текста, представляющая результат осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти» [1, с. 3].

Преподавание в иностранной аудитории позволило нам сделать вывод, что отсутствие у инофона культурных знаний, связанных с логоэпистемой, и навыков интерпретации логоэпистематических единиц в дискурсе русской языковой личности серьезно осложняет процесс восприятия и осмысления газетных текстов. За пределами понимания иностранца остаются ирония, юмор, а также богатейшая палитра чувств и эмоций автора текста, средствами выражения которых является логоэпистема. Обучение распознаванию адекватному толкованию логоэпистематических единиц в практическом курсе по языку призвано предупредить и свести к минимуму вероятность возникновения «коммуникативных сбоев» при межкультурном общении» [2, с. 62].

При всем многообразии логоэпистем лингвисты выделили не так уж много их источников, поскольку, чтобы фраза стала крылатой, она должна быть известна 90 % носителей языка. К часто употребляемым логоэпистематическим единицам относятся библейские выражения, пословицы и поговорки, сказки, былины, классическая литература, кинофильмы и мультфильмы, песни, высказывания политиков и культурных деятелей. При тщательном анализе источников, можно заметить, что каждый из них имеет узкий круг известных выражений.

Аналитический способ поэтапной интерпретации логоэпистем в структуре газетного текста, сопровождаемый наглядными материалами, значительно облегчает работу преподавателя, помогает студентам совершенствовать механизмы восприятия и осмысления иностранного текста. Целенаправленную работу над русскими логоэпистемами в иностранной аудитории можно рассматривать как один из способов реализации концепции иноязычного образования, в рамках которой изучение логоэпистематических единиц и наблюдение над их функционированием в речи помогает учащимся не только повысить свой уровень владения языком, но и глубже проникнуть в русскую культуру.

Поэтому, зачастую владея лишь речевыми навыками, иностранец не может понять заголовки газеты «Московский комсомолец»: «*Не карьером единым*», «*Все течет и не меняется*», «*Франция ответит всем, кого приручила*». Отсюда вытекает вопрос: что должен делать преподаватель РКИ, чтобы научить студента «мыслить по-русски»? Как нам думается, для решения этой задачи следует указать учащемуся исходную фразу и ее источник.

Это и понятно: ни одно художественное произведение не написано автором по заданным критериям для домашнего чтения. Отбор объектов для домашнего чтения схож с отбором из произведения (например, романа) эпизодов для кинофильма или ситуаций для радиопостановки, когда лимит времени уже с самого начала накладывает на выбор сильные ограничения. В качестве решения этой проблемы некоторые преподаватели РКИ выбирают для чтения или просмотра из произведения или фильма лишь значимые эпизоды. Причем последовательность эпизодов может не совпадать с тем, как сам автор размещает их. Таким образом, преподаватель вырабатывает свой окончательный вариант подачи произведения. Кроме того, мы рекомендуем внутрь линейной последовательности значимых эпизодов включать ролевые игры, ситуации-импровизации, проблемные игры. При встрече с логоэпистемами для лучшего их запоминания студентам-иностранцам преподаватель может предъявить газетную статью с использованием этих выражений или сам составить текст. Очень интересны статьи, которые включают в себя несколько логоэпистем из разных произведений. Например, после предъявления текста из газеты «Московский комсомолец» – «...и в третий раз пришел старик к своему морю. Смиловалась государыня рыбка и дала ему адрес Раскольникова» – студенты могут получить задания такого типа: а) найдите логоэпистемы; б) укажите их базовый источник; в) назовите

главных героев произведений и т.д. Это способствует не только более глубокому анализу содержания художественного произведения или фильма, но и выигрышу в формировании и совершенствовании коммуникативно-речевых умений, творческой работе обучаемых.

При предъявлении пословиц и поговорок в иностранной аудитории следует иметь в виду, что в устном общении в полной, исходной форме эти единицы языка употребляются не так уж часто (хотя авторы учебников русского языка для иностранцев любят включать их в свои тексты и задания). Создается впечатление, что русские обожают украшать свою повседневную речь пословицами и поговорками. Обученные таким образом иностранцы также начинают при встрече говорить: «*Сколько лет, сколько зим!*», в соответствующих ситуациях – «*Тише едешь – дальше будешь*», «*Работа не волк – в лес не убежит*» и т.д. Наш опыт носителя языка показал, что пословицы и поговорки чаще используют в газетах, журналах, на телевидении, однако не в исходном виде, а пародийном для создания комического эффекта, иронического колорита: «*Новые фирмы с иностранным участием. Сбору по сосенке, с миру по нитке и от каждого по способностям*» – «Аргументы и факты»; «*Не плюй в колодец, или Возвращение блудного сына*» – «Вечерний Ростов»; «*Надоело быть счастливым – хочу часы*» – «Московский комсомолец». В связи с этим, как нам кажется, будет целесообразным при изучении пословиц и поговорок уже на раннем этапе указывать студентам и эту функцию данных единиц.

Следует сказать, что даже глубокие знания основного содержания исходного текста той или иной логоэпистемы не гарантируют студентам – иностранцам свободного употребления данных единиц в речи. Они обеспечивают в лучшем случае ответы на вопросы. Поэтому показателем успешности, в след за Леонтьевым, мы считаем «служит показатель изменения в мотивационной сфере обучаемых, а именно в превращении цели в мотив» [3, с. 34]. Это хорошо видно на уроках развития и совершенствования речевых умений. Преподаватель предлагает иностранцам разные игры (ролевые, проблемные, импровизированные) как специфическую форму общения, форму цели. Если игры вначале сопровождаются успехами в языке и положительные эмоции накапливаются вокруг игры, интерес углубляется, обучаемые получают удовлетворение от игры, то игра как форма цели приобретает самостоятельную побудительную силу и превращается в новый мотив. Мотив творческой игры вытесняет мотив необходимости. Новый мотив может порождать другие мотивы, например, интерес к личности, создавший логоэпистему, способу и причине возникновения единицы. Со временем иностранная аудитория усваивает соответствующую технологию, аккумулирует накопленный чужой опыт, овладевает предлагаемыми моделями и схемами. При инновациях ей можно предложить придумать новый вариант употребления той или иной логоэпистемы. В этом случае преподаватель стимулирует обучаемых к поиску, к свободе творчества не только в сфере содержания исходного текста (создания своих идей), но и в области технологии (генерирование новых вариантов известных схем).

Примечания

1. Канаева Е. Н. Текстовые функции логоэпистемы: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 2007.
2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 2005.
3. Леонтьев А. А. Предмет методики: учеб. пособие. М., 1988.

Е. Ю. ПОЗДНЯКОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ОБРАЗ ГОРОДА БАРНАУЛА (АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Языковой облик современного города образуется в сложном переплетении различных речевых произведений, текстов – устных и письменных, – совокупности городских наименований и вывесок, городской мифологии. «Город, как сложный семиотический механизм, генератор культуры <...>, представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [1, с. 325].

Совокупность всех языковых явлений, функционирующих на территории города и зафиксированных в речевых произведениях горожан, образует *языковое пространство города*. Языковое пространство города выстраивается в рамках языковой картины мира и содержит в себе элементы, характерные для мировидения данного народа, то есть отражает картину мира человека, в нашем случае – жителя города.

Языковое пространство города включает в себя образ реального пространства, существующий в языковом сознании носителей языка, которое складывается из вербальных представлений о мире. Это и пространство существования языка, и вербализация пространственных понятий – языковой образ реального пространства: «Неизбежным фундаментом освоения жизни культурой является создание образа мира, пространственной модели универсума. В этом случае пространственное моделирование реконструирует пространственный же облик реального мира» [1, с. 275]. И языковое

пространство, и языковая картина мира существуют в языковом сознании говорящих, а основной формой их объективации являются тексты. В этом смысле можно говорить о городе как тексте, изучаемом сквозь призму его языкового пространства.

При описании языкового пространства города Барнаула мы столкнулись с рядом проблемных вопросов:

Как житель города воспринимает городское пространство?

Каким образом происходит освоение и присвоение городского пространства?

Какие места, какие городские объекты служат для горожан пространственными ориентирами?

Существует ли обобщенное представление о городе, некий «городской стереотип»?

Какие ассоциации вызывает город?

Для поиска ответов на эти и другие вопросы нами был предпринят лингвистический эксперимент. Целью эксперимента было выявление стереотипов восприятия и ассоциаций, связанных с городом Барнаулом и городским пространством.

В качестве метода исследования было избрано анкетирование, в котором приняли участие 22 респондента в возрасте от 17 до 29 лет, имеющих среднее и высшее образование, проживающих в г. Барнауле (как постоянно, так и временно).

Для заполнения анкеты респондентам было предложено два варианта заданий: 1) ответить на вопросы открытого типа и 2) продолжить предложенные высказывания. Задания с 1 по 18 начинались со слов «Барнаул для меня – это...», далее в скобках содержалось указание на тему высказывания (Где? Какой? Кто? Что? Когда? Как?) или предмет высказывания (место, район, дом, магазин, фирма, рынок, поселок, кафе, ресторан, гостиница, улица, площадь). Всего анкета содержала 18 заданий и 5 вопросов.

1. При ответе на вопрос о расположении Барнаула (где?) большинство респондентов связало свой ответ с Алтайским краем (*Алтайский край (6); город в Алтайском крае (2); Алтай; на Алтае*); в пяти ответах было подчеркнуто отдаленное положение города, его провинциальность (*в Сибири (2); в провинции (2); глубинка России*); столько же ответов указывало на город Барнаул как на столицу (*в центре мира; столица Алтайского края (3); краевой центр*).

2. Восприятие города (какой?) по результатам анкет в целом позитивно: *монументальный, прекрасный, развивающийся (2); спокойный (2); родной (7); тихий; настоящий; красивый (2); единственный; большой; уютный (3); чистый; маленький; радужный; индустриальный*. В ответах заметно выстраивание оппозиции «свой-чужой»: с одной стороны, *родной, уютный, единственный*, а с другой, – *никакой, чужой*. Также сохраняется высказанное при ответе на первый вопрос противоположное восприятие города: как столицы и как провинции: *культурный центр / большая деревня*.

3. Людей, с которыми респонденты связывают город Барнаул (кто?), условно можно разделить на две группы: а) известные (в том числе исторические) личности (*Демидов, Ползунов, Евдокимов, Коршунов, Смертин*); и б) родные и близкие анкетированных (*друзья (2); родные; друг; брат; дед; семья; мама*).

4. Ответы на вопрос о том, с чем ассоциируется город (что?) распределились следующим образом: для большинства отвечавших это родной город (*дом (3); Родина (3); родной город; город (2); место жительства; ПМЖ*); в четырех ответах город – это место учебы (*место учебы; город, где я получаю высшее образование; университет; Политех*); двое респондентов ассоциировали город со значимыми городскими объектами (*памятник Ленину в центре; 7 букв на новом мосту*).

5. Время, с которым опрашиваемые связывают город (когда?) – это детство (2); разные времена года (*осенью студенты возле Политеха; лето, зима, весна, осень; весной распускаются цветы и набухают почки*); настоящее (*жизнь до сегодня; сейчас (4); настоящее (2); каждый момент; всегда (2); каждый день*); время учебы (*с сентября по июнь*); время отдыха (*вечером; вечерами и в праздники*).

6. Характеристики города (как?) варьируются от положительных (*весело (2); сегодняшняя жизнь; хорошо (2); уютно (2); ярко; живо; здорово; роднее; ближе; волшебно; важно; очень важно; светло; перспективно*) к нейтральным (*на машине; как жизнь; вот так; иногда*) и отрицательным (*однообразно (2); тяжело финансово; никак; старо*).

7. Места, с которыми респонденты ассоциируют город, включают городские объекты: магазины (*ЦУМ*); театры (*театр Драмы (2)*); вокзалы (*Речной (3)*); площади (*площадь Советов (2); площадь Октября; пл. Свободы; пл. Сахарова*); места учебы (*Политех; место, где я учусь*); районы (*Центр (2); Сулима*); места отдыха (*парк, где находится колесо обозрения; буквы «Барнаул» на ВДНХ*); а также Алтайский край в целом.

8. В соответствии с результатами анкетирования, среди районов города Барнаула наиболее известным (освоенным) является *Центральный район (12)*; другие районы – *Октябрьский (4); Индустриальный (3); Ленинский (3); Железнодорожный (3)* – одинаково освоены информантами.

9. Дома, с которыми ассоциируется город, отличаются разнообразием: *русско-немецкий дом; на пересечении Партизанской и Ленина; на Красноармейском и Папанинцев; администрация города*

- (2); дом Союзов (2); дом афганцев; «Красный» (2); Политех; Дворец Спорта; Шишка; дом «Под шпилем»; ЦУМ; зеленый дом; мой дом (3); дом на ул. Чудненко (где живет респондент); Малахова.
10. Среди магазинов респонденты чаще всего упоминали «Мария-Ра» (6); ЦУМ (4); комплекс «Европа» (2); остальные реакции были единичными: «Раздолье»; Под шпилем; «Новэкс»; ТЦ; «City-центр»; «Мах&Со»; «Guess»; родной хлебный; «Холидей»; «Л'Этуаль»; «Красный»; огромного ассортимента; «Лента».
11. Названия фирм частично совпали с названиями магазинов: «Мария-Ра» (6); «Арсенал» (2); «Холидей»; «Аникс». Фирмы, с которыми информанты ассоциируют город: «Столица молока»; МТС; фирма отца; «Лакт»; Барнаульская водная компания; ЗАО Ростек-Алтай; ЗОМ «Нова» (2); ООО «Чайнатаун»; «Молочная сказка»; «Сибэнергомаш»; огромная.
12. Наиболее известными среди рынков г. Барнаула по результатам анкетирования являются *Новый рынок* (8); *Старый базар* (7) или *Старый* (3); менее освоены следующие названия: *Крытый рынок*; *Сельскохозяйственный рынок на Северо-Западной*; *Первомайский*; *Китайский*; *Теплый рынок*.
13. По результатам опроса, наиболее известный поселок г. Барнаула – поселок *Южный* (7); далее следуют *пос. Солнечный* (2); *Солнечная поляна* (2); *Затон*; *Докучаево*; *Урожайный*; *большой поселок* (2).
14. Названия кафе и ресторанов отличаются разнообразием. Кафе: «Viva la coffee» (5); «Икра» (3); «Manhattan Pizza» (2); «Крем» (2); «Гранмулино» (2); «Суши-бар»; «Coffee, please»; «Дубаи»; «Большая перемена»; «Перцы»; «Европа»; «Сковорода». Рестораны: «Планета суши» (6); «Ползун» (5); «Вельвет» (3); «Иероглиф» (2); *Carte-Blanche* (2); «Сибирская корона»; «Бар 13»; «Тициан»; «Жирная утка»; «QQ Loh»; «Центральный»; «Иль патио».
15. Среди гостиниц, ассоциируемых с городом, чаще всего респонденты указывали гостиницы «Барнаул» (10) и «Алтай» (6); также были названы гостиницы «Центральная»; «Сибирь»; «Прага»; «Турист»; «Александр Хаус».
16. Самой известной улицей г. Барнаула является проспект Ленина: *Ленина* (14); *Ленинский* (2). Другие улицы, с которыми анкетированные хорошо знакомы: *пр. Красноармейский* (4); *пр. Комсомольский*; *Попова*; *Димитрова*; *Северо-Западная*; *ул. Чкалова (дорога жизни)*; *Павловский тракт*; *Исакова*.
17. Наиболее известны респондентам площади, расположенные в центральной части города: *Сахарова* (7); *Советов* (6); *пл. Победы* (4); *пл. Октября* (3) или *Октябрьская*; *9 мая (дельфины)*.
18. Неофициальные названия города вариативны. Это может быть трехбуквенная аббревиация в русском и английском варианте – *БРН* (6) и *BRN* (2); двухбуквенная аббревиация – *БР*; сокращение до первого слога – *Бар* или *Барн*; имитация известного топонима на основе фонетического сходства в русском и английском вариантах написания: *Барнео* (16), *Барнеаполь* (13); *Барнеополь*; *Барнаулапол*; *Барнео-сити*; *Барнаулаплъ*; *Varneocity*; *Барнаул-Apple*; семантическое изменение: *Бамбул*; уменьшительно-ласкательный вариант названия: *Барнаульчик*; этимологические версии: *большой аул* (2); а также уже зафиксированная оппозиция город/село: *краевая столица*; *село*.
19. Названия жителей города могут быть образованы от полного или сокращенного названия города – *барнаульцы* (15), *БРНцы*; а также от апеллятивов: *местные*; *сельчане*; *столичные* (2).
20. Любимые места респондентов включают в себя несколько групп городских объектов: а) места отдыха: *парки* (3); *скверы*; *фонтаны*; *парк «Изумрудный»*; *Лесные дали*; б) магазины: *магазины* (2); «Европа» (3); «City» (2); в) театры и кинотеатры: «Драма»; *кино* (2); *кинотеатр «Мир»*; *театр*; *кинотеатры*; г) кафе и клубы: *клуб «Чаплин»*; *суши-бары*; *кафе* (2); *кофейня «Тициан»*; *клубы*; д) объекты городского пространства: *Центр* (3); *пл. Советов*; *пл. Победы*; *связанные с личным*; *исторические памятники*; *кресты*; *берег реки*; *Речной вокзал* (2).
21. Места, которые негативно воспринимаются анкетированными: а) отдаленные от центра районы города: *Поток* (5); *Затон*; *Южный*; *Осипуха (там жутко)*; *отдаленные районы (много хамства)*; *криминальные и неблагополучные* (2); б) рынки: *район «Теплого рынка»*; *Старый рынок*; в) вокзалы: *Речной (гопники)* (2); *вокзал*; г) грязные места: *помойки*; *мусорка возле нашего дома*; *ВДНХ (грязно)*; *р. Барнаулка*; д) улицы: *ул. Коммунаров*; е) магазины: *ЦУМ*; ж) мест, которые не нравятся, у респондента нет: *таких нет* (2). Заметим, что в соответствии с результатами анкетирования, некоторые места города воспринимаются одновременно и негативно, и позитивно, например, Речной вокзал.
22. При ответе на вопрос, каким словом можно определить город Барнаул, реакции распределились следующим образом: 1) позитивные – *любимый* (2); *лучший*; *мечта*; *перспективный*; *радужный*; *Обь*; в их числе восприятие города как родного, его присвоение: *мой*; *дом*; *родной* (2); и подчеркивание его столичного статуса: *город*; *столица*; *центральный город*; 2) негативные ассоциации связаны с провинциальностью города: *большая деревня* (2); *слишком маленький*; и другими характеристиками: *грязный*, *разноплановый*; *суетной*.
- Итак, проведенное исследование позволяет утверждать, что восприятие города респондентами в целом позитивно. Город Барнаул для анкетированных – развивающийся, перспективный, уютный, родной. Это столица Алтайского края, место постоянного жительства или место учебы респондента. В ответах были зафиксированы традиционные для русской языковой картины мира бинарные оппози-

ции свой / чужой и город / деревня (столица / провинция), при этом восприятие города двояко: *родной / чужой; культурный центр / большая деревня.*

Результаты анкетирования показывают, что освоение городского пространства происходит от центра к периферии. Языковое пространство города антропоцентрично: наиболее известны горожанам, освоены ими те районы города, в которых они проживают. Таким образом, языковое пространство города в языковом сознании говорящих имеет два ядра – два центра – это административный (исторический центр) городского пространства и то место, где респондент живет. Как отмечает Т. В. Цивьян, «членение пространства актуализирует категорию посессивности: человек выбирает, что из окружающего мира он может или хочет присвоить <...>, это происходит в рамках антропоцентричности, и первый объект, который служит материалом для проработки указанной оппозиции – сам человек» [2, с. 76].

Пространственными ориентирами в городском пространстве служат разнообразные объекты: магазины, театры, вокзалы, площади, места учебы, районы и микрорайоны города, места отдыха. Среди них выделяются как любимые места, так и те, которые не нравятся жителям города. Позитивно воспринимается большинством респондентов центр городского пространства, негативно – отдаленные районы. Подчеркнем, что данная оценка стереотипна: «В поле оценочной оппозиции хороший / плохой, через которую «прогоняется» вообще весь набор оппозиций в любой модели мира, положительным оказывается внутреннее, близкое, свое, а отрицательным – внешнее, далекое, чужое» [2, с. 76].

Примечательно, что город Барнаул имеет большое количество неофициальных наименований. Это объясняется затемненной внутренней формой названия, что дает большой простор для этимологических версий. Фонетическое сходство названия города с названием тропического острова-курорта Борнео послужило основой для неофициального наименования города – *Барнео* и его вариантов (*Барнеополь – Барнео + Неаполь; Барнео-сити – Барнео + сити*). В другом неофициальном варианте названия фонетическое сходство также присутствует, но проводится параллель с прозвищем другого крупного города – Нью-Йорка: *Барнаулаппль, Барнаулаппль; Барнаул-Apple*.

Таким образом, анализ результатов эксперимента показал, что в языковом сознании жителей города присутствует обобщенное представление о городе, «городской стереотип», в ответах зафиксированы бинарные оппозиции свой / чужой; город / деревня; восприятие города в целом позитивно.

Примечания

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2001.
2. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 2-е, доп. М., 2005.

И. В. РОГОЗИНА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

МОДЕРНИЗАЦИЯ – ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?!

Модернизация как системный и всеобъемлющий процесс, являющийся предметом научного осмысления, по определению, имеет различные проблемные аспекты, включая и лингвистический, а точнее, психолингвистический аспект. То, что такой аспект у модернизации существует, не вызывает сомнений, поскольку язык не просто сопровождает, но во многом обеспечивает протекание в обществе политических, экономических и иных процессов. Психолингвистика же, являясь разделом языкознания, исследующим речемыслительную деятельность, обращена к сознанию, использующего язык человека.

В связи со сказанным представляется примечательным тот факт, что многие ученые, в силу своей дисциплинарной принадлежности далекие от психолингвистической проблематики, рассматривают в качестве одного из ключевых вопросов модернизации вопрос об особенностях сознания российского общества. Так, И. М. Узнародов подчеркивает, что, если обсуждать проблему модернизации без учета сознания людей, то это будут технические обсуждения, не принимающие во внимание главный фактор, каковым являются люди [1]. Важной в этом смысле представляется и мысль А. В. Рубцова о том, что «горизонт «современности» задается не временем, но сознанием» [2]. По его мнению, для успешной модернизации сознание людей должно «соответствовать своему же собственному проекту современности», так как, в случае, если такое несоответствие имеет место, оно не позволит осуществить самый амбициозный и безупречно разработанный проект [2]. В свете сказанного, «преодоление «отставания от себя» важнее, чем преодоление отставания от чужих идей, а также от того, в чем эти идеи уже нашли воплощение» [1]. Г.Б. Клейнер считает, что в «преодолении отставания от себя» и состоит миссия современного российского общества. При этом «миссия ниоткуда не рождается, она познается, поскольку она как не может быть спущена сверху, так и не может быть заимствована» [3].

По сути, речь идет о результатах познания изменяющейся реальности, которые фиксируются сознанием человека, в том числе и в языковой форме.

Психолингвистический подход к исследованию речемыслительной деятельности предоставляет возможность произвести *психолингвистическую диагностику состояния сознания* обычного, рядового носителя языка, попробовав выйти на фрагмент его языкового сознания, посредством подбора слов-стимулов, вербальные реакции на которые позволят увидеть, имеются ли в нем какие-либо *изменения, указывающие на движение к модернизации*. Для проведения такой диагностики в арсенале психолингвистики имеется свободный, или ненаправленный ассоциативный эксперимент. Эксперимент базируется на положении, разделяемом многими учеными и состоящем в том, что за словом у человека стоит некая многомерная ментальная структура, не похожая на словарные дефиниции [4]. Слово, играя особую роль в речемыслительном механизме и будучи предложенным в качестве слова-стимула в процессе эксперимента, способно «выводить на табло сознания человека» значимые для него компоненты этой структуры [5]. Поэтому в процессе эксперимента появляется возможность выхода на показательный фрагмент сознания, при условии подбора соответствующих слов-стимулов.

В целом было проведено два ассоциативных эксперимента. Для первого эксперимента было выбрано слово-стимул – «человек». Выбор именно этого слова-стимула был обусловлен следующими соображениями. Во-первых, слово *человек* находится в *ядре языкового сознания* [6]. Во-вторых, человек, как член общества, является *субъектом модернизации*. Поэтому мы исходили из предположения о том, что изменения, если они имеют место в той многомерной ментальной структуре, которая стоит за словом *человек*, могут оказаться информативными. Второй эксперимент был проведен с предъявлением испытуемым слова-стимула «модернизация». Выбор слова-стимула «модернизация» очевиден: оно способно показать, на каком этапе этого процесса находится современное российское общество.

Эксперименты проводились следующим образом. Участникам были выданы анкеты, содержащие кроме подобранных слов-стимулов и другие слова, с тем, чтобы презумпция эксперимента не была очевидной. Списку слов предшествовало задание написать первое, пришедшее в голову слово сразу после прочтения его в анкете. Время выполнения задания было ограничено 2–3 минутами, что исключало обдумывание ответов и способствовало чистоте эксперимента.

Эксперимент со словом-стимулом «человек» был проведен в *двух разновозрастных группах*: в нем приняло участие 50 преподавателей пенсионного возраста и 50 студентов и аспирантов Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова. При этом респонденты старшего возраста рассматривались в качестве контрольной группы, которой в большей степени свойственна ригидность сознания, выражающаяся в тенденции сохранять ранее сформированные ментальные структуры, в то время как для группы молодых респондентов характерна его адаптивность, выражающаяся в способности к модификации ментальных структур под воздействием приобретаемого социального опыта. Эта посылка дала основания полагать, что если в течение постперестроечного периода времени в сознании людей происходили определенные социально значимые изменения, то реакции на предложенные слова-стимулы позволят их выявить.

Полученные данные обрабатывались с опорой на концепцию основателя барнаульской школы психолингвистики В. А. Пищальниковой о том, в каком формате сознание человека хранит полученную и переработанную информацию [7]. Согласно В. А. Пищальниковой, таким форматом является концепт как многокомпонентная ментальная структура, включающая понятие, представление, эмоцию/оценку и предметное содержание. При обработке полученных ассоциатов понятие идентифицируется как реакция на слово-стимул, обнаруживающая отображенные в мышлении общие признаки некоторого класса предметов, в то время как реакция-представление походит на саму реалию, вербально фиксируя то квазиизображение, которое высвечивается на табло сознания по предъявлении слова-стимула. Реакция-эмоция представляет собой зафиксированную в слове эмоциональную реакцию на реалию, а реакция-оценка – вербально градуированную характеристику реалии по шкале «хорошо – плохо».

Полученные в двух разновозрастных группах 100 реакций на слово-стимул «человек» были разнесены по соответствующим компонентам концепта. Эксперимент не обнаружил резких, принципиальных различий в количественном распределении реакций по компонентам концепта *человек* в двух группах. Так, если на долю понятия пришлось 56 % процентов реакций респондентов-студентов и 40 % реакций респондентов-пенсионеров, то количество реакций, репрезентирующих эмоцию и оценку, оказалось, соответственно, 29 % и 32 %. Вместе с тем именно компоненты концепта *обнаружили принципиальные различия* в своем лексемном наполнении в двух разновозрастных группах.

При анализе результатов мы исходили из положения о том, что наиболее информативными являются частотные реакции, позволяющие обнаружить наличие определенных трендов. В группе респондентов старшего возраста единственной частотной реакцией оказалась реакция *homo sapiens*, что

составило 55 % всех реакций-понятий. В реакциях студенческой возрастной группы доминирующими стали три частотные реакции, на долю которых пришлось 68 % всех реакций-понятий: *личность* (35,8 %), *индивид* (17,9 %), *общество* (14,3 %). Таким образом, полученные реакции, на наш взгляд, зафиксировали ценности, ориентиры и принципы, значимые для молодого человека в современных условиях и свидетельствующие об изменении в соотношении «*индивид как индивидуальность*» и «*индивид как член коллектива*» в пользу *индивидуальности*. Это позволяет говорить о формировании у молодых людей тенденции к индивидуалистичности, детерминированной новым социальным контекстом.

Аналогичная тенденция обнаруживает себя и при анализе *эмоционально-оценочного компонента* концепта. Как было сказано выше, на его долю пришлось практически одинаковое количество реакций в обеих группах, но их состав, как и в предыдущем случае, оказался различным. Реакции участников эксперимента старшего возраста на слово-стимул «человек» указывают на практически безраздельное доминирование положительной эмоции/оценки: *уникум, высшее создание, непостижимое создание, многоплановое существо, набор высоких качеств, с большой буквы, человек – звучит гордо, сознательный, terra incognita, порядочность, доброта*. У молодых же респондентов наблюдается выраженная поляризация реакций – они распадаются на две практически одинаковые группы положительной и отрицательной эмоции/оценки (соответственно 57 % и 43 % всех оценок/эмоций). Положительная эмоция/оценка представлена реакциями *умный, скромный, добрый, друг, загадка, высший разум* и др. Отрицательная эмоция/оценка зафиксирована в частности такими реакциями как *зло, животное, сатана, обезьяна, глупость* и пр. Проявившая себя поляризация, возникающая по линии «индивид–индивид», также указывает на тенденцию к развитию индивидуалистичности.

Представляется, что вектор постперестроечных социальных изменений заставляет молодых людей *по-иному позиционировать себя в обществе*: структура концепта фиксирует процесс приобретения ими социальных свойств, необходимых для функционирования в изменившихся социальных условиях, приводящих к постепенному ослаблению прежних типов социальности, что, в принципе, характерно для рыночной экономики [8]. В результате на авансцену выходит человек с выраженной тенденцией к индивидуалистичности, что считается необходимой предпосылкой модернизации [8]. Если это так, то *подспудное движение в этом направлении на уровне работы сознания* уже происходит.

Как уже было сказано, в процессе второго эксперимента испытуемым было предъявлено слово-стимул «модернизация» с тем, чтобы определить познавательное значение стоящей за словом ментальной структуры, а также для того, чтобы выявить отношение к модернизации. В результате от 327 участников эксперимента было получено 315 реакций при 12 отказах, причем для этого эксперимента возрастная дифференциация не представлялась значимой. Результаты второго эксперимента обрабатывались по той же методике, что и результаты первого.

Самое большое количество реакций пришлось на долю понятийного компонента – 87 % от общего числа. Такое значительное количество реакций-понятий, в принципе, не является типичным, поскольку понятие как формат хранения знания не столь операционально востребовано при решении человеком задач, связанных с повседневным обеспечением жизнедеятельности. Вместе с тем, на понятийном уровне респонденты зафиксировали различные когнитивно значимые для них признаки модернизации. Самое большое количество респондентов (57, или 20,7 % от общего числа принявших участие в эксперименте) связывает модернизацию с тем новым, что она может с собой принести, поэтому, несмотря на разнообразие словоформ, все они содержат корень нов-: *новое* (21), *что-то новое* (5), *обновление* (7), *новшество* (6), *новинка* (4), *инновация* (4) *нововведение* (3), *новизна* (3), *новый* (3), *новейшее* (1). Это новое, по мнению респондентов, потенциально способно улучшить их жизнь. Очевидно, в силу этого реакция *улучшение* стала самой частотной (28 реакций, или 8,8 % от общего числа понятийных реакций).

Значимым когнитивным признаком модернизации для респондентов оказался и причинно-следственный, поскольку то новое, которое способно улучшить жизнь, появляется как следствие определенных изменений и преобразований: *изменение* (11), *перемены* (3), *преобразование* (5), *реконструкция* (1), *развитие* (6), *прогресс* (15), *перестройка* (3), *переделка* (2), *реформа* (1), *революция* (3), *усовершенствование* (15), *апгрейд* (2), *upgrade* (1), *update* (1). Приведенный перечень реакций с очевидностью демонстрирует «узкое» понимание респондентами модернизации как приведения чего-либо в соответствие с новыми требованиями, с новейшими достижениями науки и техники, что практически полностью соотносится со словарным определением модернизации [8]. Реакции респондентов указывают и на необходимые предпосылки возможных изменений: *труд* (1), *образование* (5), *наука* (1).

Показательно, что респонденты связывают модернизацию исключительно с технологической составляющей: *техника* (5), *нанотехнологии* (2), *нау-хау* (1), *автоматизация* (1), *оборудование* (1), *промышленность* (1), *производство* (1), *технологии* (1), *завод* (1), *предприятия* (2), *механизм* (1), *системы* (1). Эти реакции отражают устоявшееся представление о том, что модернизируются в основном машины, оборудование, технологические процессы. Кроме того, несмотря на молодость респондентов, полученные реакции, наглядно демонстрируют советские архитипические начала [9] в понимании модернизации, продолжающие свое бытование на уровне сознания, и то, как «не просто – выйти из традиции, в которой инновации сводились к подковыиванию блох и запуску «Буранов» [2].

Вторым по числу реакций стал эмоционально-оценочный компонент концепта, на долю которого пришлось 25, или 8 % всех полученных реакций. Реакции положительной эмоции/оценки зафиксировало 12 респондентов: *отличная, хорошо* (4), *красиво, круто, ништяк, полная, плановая, хочу, нужно*. Отрицательная эмоция/оценка (13 реакций) показала скептическое отношение к модернизации – *медленная, медленно, казнокрадство, ложь, чушь, отсутствует, никогда, ничего хорошего, фигня, обман, дибиллизм, фейл*.

Обращает на себя внимание крайняя малочисленность реакций-представлений (8), относящихся скорее к прошлому опыту респондентов, нежели текущему модернизационному: *Пётр I* (2), *компьютер* (5), *конвейер* (1), *автомобиль* (1). Поскольку реакция-представление – это фиксация словом индивидуального опыта, связанного с возможностью «увидеть» или «пощупать» проявления модернизации, полученные реакции свидетельствуют о том, что модернизация продолжает оставаться проектом, с реальными плодами которого респондентам пока что не довелось соприкоснуться.

Анализ полученных в результате двух ассоциативных экспериментов реакций позволяет сделать следующие выводы. Респонденты рассматривают модернизацию скорее как проект, не подкрепленный делами: реакции не обнаружили познавательного значения модернизации как реально протекающего процесса. Вместе с тем, часть ассоциатов зафиксировала определенные «изменения в области социально значимого знания» [10], что может быть интерпретировано как свидетельство начального, ментального этапа «вызревания» модернизации. Хотелось бы верить, что Россия постепенно вступает на этот путь, обусловленный «комплексом внутренних причин, саморазвитием, самотрансформацией общества» [11].

Примечания

1. Узнародов И. М. Модернизация России и Европа: стенограмма Круглого стола. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zlev.ru/41_40.htm. Дата обращения: 15.06.2011.
2. Рубцов А. В. Приведение к современности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2010-04-14/5_modernize.html. Дата обращения: 1.06.2011
3. Клейнер Г. Б. Презентация книги «Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/blogs/redaktsiya-po/2011/04/12/prezentatsiya-knigi-modernizatsiya-rossii-kak-uslovie-ee-uspeshnogo-razvitiya-v-xxi-veke>. Дата обращения: 5.06.2011.
4. Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. М., 1979.
5. Залевская А. А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.
6. Уфимцева Н. В. Человек и его сознание: проблемы формирования // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 59-75.
7. Пищальникова В. А. Общее языкознание. Барнаул, 2001.
8. Социологический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovarus.ru/?di=221826&PHPSESSID=aqb661be1pdhv9bo3bc00p2rd0>. Дата обращения: 1.06.2011.
9. Федотова В. Г. Модернизация России и Европа: стенограмма Круглого стола. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zlev.ru/41_40.htm. Дата обращения: 14.06.2011.
10. Орлова Э. А. Социокультурные предпосылки модернизации в России // Библиотека в эпоху перемен: информ. сб. (Дайджест). Вып. 2(10). М., 2001. С. 7.
11. Гавров С. Н. Россия: постимперский транзит. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-3/2.htm>. Дата обращения: 11.06.2011.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ФОРМУЛА ТРАНСДИСКУРСИВНОСТИ

*Мыслеобразы Достоевского
развивают целую сеть
онтологических возможностей,
кроющихся в глубине русского
самосознания современности*
А. З. Штейнберг

К русской классической литературе XIX века сегодня отношение двойственное. С одной стороны, усиливается идущая от В. Розанова, В. Набокова и др. тенденция говорить о ее «врожденных пороках», «исчерпанности» и невозможности ее «органического продолжения» (В. Курицын). «Преодоление» классики, отношение к ней не как к *доктрине*, а как к *со-бытию*, происходит через «игру», «переписывание» (нередко банальное), полемику, создание различных сиквелов, ремейков и т.д.

Другое осмысление русской классики связано с убеждением, что современная отечественная литература (во всей ее эстетической многомерности, жанровой и стилистической пестроте) есть, прежде всего, сложный комплекс трансформаций основных художественных открытий именно литературы XIX века, и с пониманием, что данные трансформации являются не «заменой», а общим «изменением традиционности», про-явлением «традиционных форм в неожиданных положениях» (Д. С. Лихачев). Так, основные типы художественного сознания в русской литературе последней трети XX века – постмодернизм, постреализм и метафизический реализм – сформировались в опоре на фундаментальные стили и языки русской классической литературы XIX века. И не «поход против кумиров», а стремление вступить в диалог¹ с классикой определяет художественно-философскую ориентацию современной русской литературы.

Оба подхода в оценке русской классики констатируют взаимодействие классических и модернистских систем как общую тенденцию современной литературы.

Отсчет многих художественно-философских «эволюционных маршрутов» современной литературы, психологии, философии, да и культуры в целом восходит, как известно, к творчеству Ф. М. Достоевского.

И. Виноградов, называя Ф. М. Достоевского художником-метафизиком, поставившим «с универсально всеобъемлющим и глубинно целостным захватом перед современным открытым сознанием <...> фундаментальные вопросы бытия» и пережившим «их вместе с теми, кто обратился к нему за ответами на них, через своих героев», убежден, что он и в XXI веке будет одним «из самых востребованных писателей мира» [1].

Но как и по каким правилам проявляется это присутствие?

М. Фуко в работе «Что такое автор?» отмечает: «в сфере дискурса можно быть автором более, чем просто книги, – можно быть автором теории, парадигмы или дисциплины, в которой смогут, в свою очередь, найти место другие книги или авторы. Эти авторы оказываются в позиции *трансдискурсивной*» [2, с. 39]: они являются авторами не только своих произведений и своих книг, они создали «возможности и правила формирования других текстов» [2, с. 39]. К подобным «основателям дискурсивности» Фуко относит, например, З. Фрейда (не просто автора «Толкования сновидений» или трактата «Об остроумии») и К. Маркса (не просто автора «Манифеста» или «Капитала»), т.к. они установили некую бесконечную возможность дискурсов и «сделали возможным не только некоторый ряд аналогий, но также некоторое число различий <...> создали возможность чего-то иного, нежели их дискурс, и, тем не менее, чего-то неотделимого от того, что они основали» [2, с. 38]. В силу того, что «великий литературный автор» является, по сути, автором только собственного произведения, он, по мнению Фуко, не может выполнять функцию «основателя дискурсивности». Однако здесь, на наш взгляд, есть безусловные исключения: именно «великие литературные авторы», «возвращение» к которым происходит в созданной ими дискурсивной парадигме не только и не столько через формальные общности, а через плодотворные трансформации, открытие ряда возможностей, т.е. через эффект аналогии/различия. Таким исключением является Ф. М. Достоевский, присутствующий в современном мире именно как автор трансдискурсивный, создатель такого дискурса, который, обладая генеративным потенциалом, самым фактом своего прецедента открывает в культурной среде определенную традицию дискурсивных практик.

¹ В слове «диалог», произошедшем, как известно, от греческого dialogos, приставку dia (означающую «сквозь, через» – а не два, как принято считать) мы интерпретируем как сквозное движение, взаимопроникновение/размежевание, разделение, а, соответственно, диалог – разделенное, взаимопроникающее художественное слово-речь, которое ведут два и **более** писателя.

В созданной Достоевским парадигме «нашли место» книги разных современных писателей, стремившихся в своих художественных практиках «собственные режимы мысли (ее логику, типы дискурса и пафос) идентифицировать «через Достоевского», а точнее – через манеру его письма и природу сознания героя, как бы удостоверяя новую правду в преднайденной писателем голосовой партитуре» [3, с. 5]. Самые разные произведения современной литературы – В. Пьецуха («Новая московская философия»), Л. Цыпина («Лето в Бадене»), А. Мелентьевой («Девушки Достоевского»), Б. Акунина («Ф. М.»), Ф. Михайлова («Идиот») и многие другие тексты – своеобразные медитации по поводу Достоевского.

По замечанию М. Бахтина, есть «определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении: в произведениях, в высказываниях, в изречениях и т.п. Всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи «властителей дум» данной эпохи, какие-то задачи, лозунги и т.п.» [4, с. 268, 269]. На авторитетные высказывания Ф. Достоевского – подлинного властителя дум – опираются и ссылаются, их цитируют, им подражают.

Исследуя специфику полифонического романа Ф. М. Достоевского, М. Бахтин увидел главную заслугу писателя в «открытии другого Я»: «Быть, значит быть для другого и через него для себя» [4, с. 330]. Приведенные слова и являются свернутой метафорой трансдискурсивности Ф. М. Достоевского.

Имя трансдискурсивного автора «обнимает, детерминирует и артикулирует универсум дискурса» [2, с. 38]. Его функция – характеризовать определенный способ бытия дискурса: тот факт, что дискурс имеет имя автора как раз и означает, что в данной культуре он имеет весьма определенный статус. «Имя автора <...> стремится в некотором роде на границу текстов, оно их вырезает, следует вдоль этих разрезов, обнаруживает способ их бытия или, его характеризует. Оно размещается в разрыве, устанавливая определенную группу дискурсов и ее особый способ бытия» [2, с. 38]. Так, имя Ф. М. Достоевского обнаруживает и характеризует способ бытия многочисленных дискурсов – философских и художественных, являющих даже в своей отличности релевантность его дискурсу¹.

Главной особенностью дискурса Ф. М. Достоевского, по разному определяемого (как реализм «символический» – С. Булгаков, «онтологический», «мистический» – Вяч. Иванов, «психологический» – Г. Фридлиндер, «социально-психологический» – Ф. Евнин, К. Тюнькин, «философско-экзистенциальный» – И. Виноградов, «христианский» – В. Захаров, «евангельский» – Ю. Иваск, «духовный» – М. Дунаев) является отражение особого способа бытия – *двоемрия* – взаимосвязи, взаимодействия, взаимопроникновения быта и бытия, социального и экзистенциального. Речь идет не просто о нравственном бытии, а о бытии, которое, в конечном счете, определяется отношением человека к Богу. К. А. Степанян в известной монографии «"Сознать и сказать": "реализм высшем смысле" как художественный метод Достоевского» пишет о романах Достоевского: «Здесь весь наш мир воссоздан и показан в его полном объеме – как мир, определяющим центром и источником существования которого является Бог; Священное Писание и Священное Предание есть основа человеческой истории, совершающееся на Небесах и на земле происходит в едином смысловом и временном пространстве, духовные сущности всех уровней зримо присутствуют в жизни и судьбах людей – иными словами, реальность *видна* читателю во всей своей метафизической глубине. И человек изображен в его подлинном бытии – как образ и подобие Божии, образ Христов» (курсив мой – прим. авт.) [5, с. 10]. Так К. Степанян определяет художественный метод Ф. М. Достоевского, названный писателем «реализмом в высшем смысле».

На наш взгляд, здесь заложена и формула трансдискурсивности Ф. М. Достоевского, которая определяет влияние писателя на литературу XX века. В крупнейших произведениях мировой литературы XX века мы наблюдаем проявление этого двоемрия, взаимопроникновение реального и трансцендентного, социального и экзистенциального.

Взаимопроникновение это специфически представлено в различных течениях современного литературного процесса. В постмодернизме – как диалог с хаосом (концепция Н. Лейдермана и М. Липовецкого) – обезумевшим миром, как предельная критика советской действительности, общего духовного «опьянения». «Опьянение» и есть проявление духовного хаоса, выразившегося в лозунгах-симулякрах, предмете иронии Венички, героя поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки».

В постреализме двоемрие проявляется как взаимопроникновение двух миров: быт, пронизанный экзистенциальными, бытийными потребностями. У В. Маканина в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» показан мир людей, преуспевающих в советском обществе и характеризующихся категорией «истеблишмент», и мир тех, кто протестует против них, против разного рода симуляций ценностей – совершенно другая форма «опьянения».

¹ Убедительный (правда, не литературный), на наш взгляд, пример: по мнению З. Фрейда (которого, кстати, Фуко называет трансдискурсивным автором), Достоевский, открыв таящуюся в душе человека стихию скрытых внутренних, «подземных» сил как его сущностный феномен, предугадал основные идеи психоанализа. Поэтому (при безусловной отличности и даже противоположности) психоаналитический дискурс Фрейда располагается внутри большого «достоевского» дискурсивного единства и, конечно, релевантен ему.

И, наконец, третий тип двоемирия в метафизическом реализме – у Ю. Мамлеева: с одной стороны, жалкая, скудная жизнь обыденных, приземленных, грубых, малоразвитых людей, а с другой – свойственная этим же людям неутолимая и необъяснимая жажда иной реальности – трансцендентной жизни.

В созданной Достоевским трансдискурсивной парадигме «живут» тексты представителей самых разных эстетических систем. И есть все основания говорить о дпящемся диалоге Ф. М. Достоевского и о современных писателей, специфичность которого проясняется теорией ризомы – «корневой» системы, созданной французскими учеными Ж. Делезом и Ф. Гваттари: «в этом случае главный корень сделал выкидыш или разрушился в своем окончании, породив множество бурно развивающихся вторичных корней <...> От этого единство не исчезает, существуя как прошлое и будущее, как возможное...» [6].

Жизнь дискурса Достоевского, его эволюция, таким образом, продолжается до тех пор, пока разворачивается эволюция соответствующей ему традиции дискурсивности.

Примечания

1. Виноградов И. Религиозно-духовный опыт Достоевского и современность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oktober/2002/3/vinogr.html>. Загл. с экрана.
2. Фуко М. Что такое автор? // Лабиринт. Екатеринбург, 1993. № 3. С. 36- 57.
3. Исупов К. Г. Компетентное присутствие (Достоевский и «серебряный век») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15. СПб., 2000. С. 3-20.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
5. Степанян К. А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М., 2005.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна / сост., ред. А. Усманова. Минск, 1996.

Н. В. СМОЛЯКОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Современный мир характеризуется постоянно нарастающими явлениями глобализации. На наш взгляд, можно говорить не только об экономической и политической глобализации, но и о глобализации средств массовой информации. В настоящее время, практически каждое более или менее крупное бумажное издание имеет свою интернет-версию, что расширяет круг потребителей соответствующего медиапродукта в десятки и даже сотни раз. Кроме того, появляется множество чисто электронных средств массовой информации, востребованность которых постоянно увеличивается. Использование сети Интернет выводит интернет-издания за рамки местных, актуальных только для одной страны, так как доступ к медиапродукту можно получить из любой точки мира. По этой причине в коммуникационные процессы оказываются вовлечены не только отдельные люди, но и целые лингвокультурные сообщества.

В этой связи все большее значение приобретает политический аспект медиакommunikации. На наш взгляд, политика стала глобальной именно в связи с широким распространением средств массовой информации, когда доступ к информации о событиях, происходящих в любой точке мира, стал очень быстрым и легкодоступным. В этих условиях язык становится тем инструментом, с помощью которого в сознании реципиентов формируется принципиально новая политическая картина мира, отражающая принципиально новую политическую реальность. По словам М. Н. Грачева «политика не существует вне человеческой деятельности, различных способов взаимодействия ее носителей, вне коммуникационных процессов» [1], направляющих познавательную деятельность индивида. Использование языка в политике изучается политической лингвистикой, возникшей на стыке лингвистики и политологии, и тесно связанной с такими современными лингвистическими дисциплинами как прагмалингвистика, коммуникативная и когнитивная лингвистика.

Согласно Е. А. Кожемякину язык политики «специфичен семантической неопределенностью, идеологической полисемией, сложностью значений лексики, использованием эмоционально-возвышенной лексики, что в своей совокупности позволяет продуцентам манипулировать со смыслом высказываний. С когнитивной точки зрения политический язык характеризуется использованием не строго определенных понятий, оценкой истинности высказываний на основе их авторства и соответствия идеологической точке зрения, а также скорее *конструирующим, чем воспроизводящим типом познания*. Политический язык направлен не столько на объективную репрезентацию действительности, сколько на конструирование особого типа реальности в соответствии с властными интенциями и амбициями» [2] (курсив мой – прим. авт.). В связи с этим становится актуальным изучение политического медиа-

текста, как фиксации конструирующего типа познания, находящего выражение в различных знаках-репрезентантах вербального и невербального кодов, поскольку в данном аспекте медиатекст еще не рассматривался.

Политические медиатексты характеризуются строго очерченной концептосферой, то есть совокупностью концептов, актуальных для их тематики. Мы считаем, что концептосферу политических медиатекстов образуют такие концепты как *политика, политический лидер, страна, политическая борьба, выборы, электорат* и др. Мы исходим из того, что в поликодовом медиатексте концепт может репрезентироваться как вербально, так и невербально.

При описании процессов, происходящих в стране, большую роль играет личность политического лидера, эту страну представляющего, так как эти два концепта – «страна» и «политический лидер» – взаимосвязаны и взаимозависимы. То, каким в средствах массовой информации предстает лидер государства, влияет на восприятие страны в целом. И наоборот, тот образ страны, который складывается в сознании индивидов, определяет и отношение к политикам этой страны.

Цель данной работы – выявление репрезентантов двух концептов – «политический лидер» и «страна» – в англоязычном журнале «The Economist». «The Economist» – влиятельный еженедельный журнал, рассчитанный на достаточно обширную группу реципиентов, интересующихся политическими и социальными процессами, происходящими в мире. Из-за своей глобальной ориентации The Economist не считается эксклюзивно английским изданием. Журнал освещает политические события, международные отношения, финансовые, экономические и деловые новости, а также науку и культуру.

Выбранная нами статья называется «Why Russia needs me» (Почему Россия нуждается во мне). Ее выбор обусловлен тематикой статьи, в которой говорится, о проходящей в нашей стране модернизации с точки зрения западных экспертов. В рассматриваемой статье можно выделить два фокуса, на которые направляется внимание реципиента. С одной стороны, это описание действий премьер-министра России Путина. А с другой, дается краткая характеристика экономических, политических и социальных реалий России с точки зрения западных экспертов. Тон статьи в целом критичный, выражающий скептическое отношение иностранных специалистов к происходящим в России процессам демократизации и модернизации.

Доминантный смысл статьи состоит в том, что главенствующее положение в России занимает премьер-министр Путин. Для его выражения используются как вербальные, так и невербальные компоненты. Первое, что обращает на себя внимание в статье – вербально-невербальный комплекс – сочетание фотографии и подписи к ней (см. рисунок 1).

Step aside, there's a good chap

Рисунок 1

Первый элемент комплекса – фотография, на которой изображен премьер-министр Путин, говорящий что-то Дмитрию Медведеву, который, склонив голову, с улыбкой слушает. Второй элемент комплекса – подпись под фотографией «Step aside, there's a good chap» (Отойди в сторону, будь молодцом). По словам А. В. Колосова «визуальность» является не столько фрагментом совокупного текста культуры, сколько *специфическим способом производства значений* (курсив мой – прим. авт.). По его мнению, создание визуальных образов можно считать необходимой формой представления знания [3]. Таким образом, уже глядя на фотографию, можно сделать предположение о мнении авто-

ра по поводу расстановки политических сил в России. Подпись под фотографией подтверждает такой вывод, поскольку использование эмфатической конструкции *there's a good chap* предполагает обычно обращение старшего к младшему. И, наконец, в тексте статьи мысль о главенстве Путина находит выражение в использовании выражения *a good tsar* (добрый царь).

Многие ученые отмечают, что для политической коммуникации характерны параллели с театральным действием. Так, Е. И. Шейгал говорит, что метафора театра – это один из наиболее распространенных фреймов интерпретации политики. По его мнению, театральная метафора, как правило, сопровождается уничижительной коннотацией иронии или сарказма и содержит импликацию «ненастоящести» происходящего. Шейгал высказывает мысль о том, что «интенция коммуниканта, представляющего политику через фрейм театра – показать, что к такой политике не следует относиться серьезно, что она не заслуживает уважения из-за лицемерия и неискренности ее участников» [4]. В подтверждение данной мысли можно привести следующие лексемы, являющиеся репрезентантами концепта «политический лидер» в рассматриваемой статье: *artificial* (искусственный), *antics* (нелепые выходки), *stunts* (трюк, фокус), разговорные выражения: *took a spin on a Harley* (покатался на Харлее), *had a go at flying* (полетал), а также театральную метафору *to stage his own show*. Как уже было отмечено, для политического медиатекста характерна тесная связь концептов «политический лидер» и «страна». Можно предположить, что если политический лидер предстает как актер, скрывающий за маской свое настоящее лицо, то и события, происходящие в стране, носят характер театрального действия, шоу. Поэтому в статье не дается положительной оценки процессов демократизации и модернизации.

Репрезентантами концепта «страна» в статье выступают лексемы *precious little* (крайне мало) в сочетании со словом «прогресс», *stagnate* (быть в состоянии стагнации), *fail* (не удаваться), *ineffectiveness* (бездейственность, неэффективность), *state violence* (государственная жестокость), *supremacy of the state over the people* (господство государства над людьми). Кроме того, для описания процесса модернизации в тексте употребляются глаголы *refine* (облагораживать) и *preserve* (сохранять), которые хотя и имеют положительную коннотацию, однако не выражают значительных изменений, которые должны быть свойственны модернизации.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что доминантные концепты рассматриваемого политического медиатекста тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга, для того, чтобы передать доминантный смысл текста. Именно сочетание вербальных и невербальных компонентов позволяет продуценту в полной мере донести до реципиента свои личностные смыслы.

Примечания

1. Грачев М. Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. №1. С. 24-39.
2. Кожемякин Е. А. Политический дискурс // МАДИ Дискурс Пи. [2009]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=135:discursologia-proyecto-enciclopedico&catid=134:discursologia-proyecto-enciclopedico (дата обращения: 06.06.2011).
4. Колосов А. В. Визуальные коммуникации в социально-политических процессах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. №1 (6). С. 81-87.
5. Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса // *Philology.ru*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-00.htm> (дата обращения: 06.06.2011).

О. А. СТАРОСЕЛЕЦ

Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования, г. Барнаул

ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЙ П. А. ВЯЗЕМСКОГО ИЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ КОНЦЕПТОВ

В поэтическом наследии П. А. Вяземского встречаются произведения, поражающие своей исповедальностью, глубиной и противоречивостью чувств, большей частью они связаны с религиозной тематикой. Стихотворения «Утешение», «Молитва Ангелу-Хранителю», «На церковное строение», «Любить, Молиться, Петь», «Одно сокровище», «Молись (М. А. Бартеневой)», «Сельская церковь», «Чертог Твой вижу, Спасе мой...» и др. исследователь В. В. Бондаренко назвал «жемчужинами русской православной лирики». Именно к этим стихам мы обращаемся при изучении православной художественной литературы в курсе «История православия». Целью изучения поэтических текстов является выявление авторских смыслов, касающихся вопросов веры, жизни и смерти, отношения к Богу. Другая задача, не менее важная, это соотнесение авторских смыслов с культурными концептами православия. К культурным концептам относят, прежде всего, имена абстрактных понятий, не имеющих вещественной «опоры» во внеязыковой действительности в виде денотатов и семантика которых проявляется через сигнификативный аспект значения. Понятийное содержание таких кон-

цептов «конструируется» носителями языка, исходя из характерной для каждой лингвокультурной общности системы ценностей, поэтому культурные концепты и способны проявлять специфику языковой картины мира [1, с.35]. Сравнительно-сопоставительный анализ авторских концептов с концептами православной культуры позволяет студентам выявить доминантные смыслы национальных концептов русской языковой картины мира и осознать специфику русской ментальности.

В настоящее время в лингвистической науке нет ни одного общепринятого метода анализа концепта. Исследователями разработано множество методик описания и изучения концептов. В своем опыте концептуального анализа мы используем следующие приемы: 1) выделение ключевых слов художественного текста; 2) анализ значений ключевых слов на основе словарных толкований, в результате которого фиксируются основные компоненты авторского смысла; 3) моделирование авторского концепта; 4) соотнесение авторского концепта с концептом религиозной картины мира.

Продемонстрируем методику выявления авторских концептов на примере одного из стихотворений П. А. Вяземского.

Любить. Молиться. Петь

Любить. Молиться. Петь. Святое назначенье
Души, тоскующей в изгнании своем,
Святого таинства земное выражение,
Предчувствие и скорбь о чем-то неземном,
Преданье темное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь;
Души, настроенной к созвучию с прекрасным,
Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!
Счастлив, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда с любовью и мольбой
И песни внутренней был арфою живой!

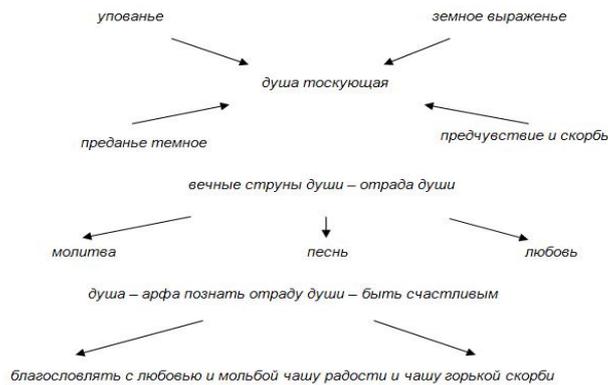
Стихотворение состоит из пяти предложений. Первые три однословные. Они произносятся легко и спокойно. Три глагола, но процесс ассоциативно тесно связан с ощущениями, которые репрезентированы существительными *любовь, молитва, песнь*. Однако автор уже в другом порядке перечисляет их в другой строке: *молитва, песнь, любовь*.

ЛЮБИТЬ, 1. кого-что. Испытывать любовь к кому-чему-н. 2. что и с неопр. Иметь склонность, пристрастие к чему-н. 3. кого-что и с союзом чтобы. Быть довольным тем, что нравится, что (кто) приходится по вкусу [2, с. 335]. В стихотворении актуализируется один из компонентов значения слова любить: испытывать чувство.

МОЛИТЬСЯ, молюсь, молишься; несов, 1. кому-чему. Читать, произносить молитву. М. Богу. 2. Обращаться с мольбами, с просьбой к Богу, к небесам. М. о спасении души, о ниспослании чуда. 3. перен., -на. кого-что. Беспредельно любить, боготворить кого-что-н. М. на сына. * Какому богу молиться (разг.) – выражение радостного удивления, а также сильного желания. Явился-таки, наконец: какому богу молиться! Какому богу молиться, чтобы беды не случилось. Молись Богу (разг.) – 1) то же, что благодари Бога. Молись Богу, что цел остался; 2) угроза в знач.: конец твой пришел. Наконец-то я тебя поймал, ну, негодяй, молись Богу! || сущ. моление, -я, ср. (ко 2 знач.; книжн.). || прил. моленный, -ая, -ое (к 1 знач.) и маяебный, -ая, -ое (к 1 знач.; устар.). моленный дом (то же, что моленная). Молебное пение [2, с.360]. Второй глагол в стихотворении репрезентирует несколько смыслов, ассоциативно связанных с разными значениями слова молиться. Это и обращаться к Богу, и радоваться, и скорбеть, и петь.

ПЕТЬ, 1. что. Издавать голосом музыкальные звуки, исполнять вокальное произведение.. 2. кого-что. 3. О-певчих и нек-рых других птицах: издавать заливающие щелкающие звуки, свист. Соловей поет. 4. кого-что. Восхвалять стихами, воспевать (устар. и высок.). Пою мое отечество. * Лазаря петь (разг. презр.) – жаловаться на судьбу, прикидываться несчастным [первонач. лазарь – жалкий нищий]. Петый дурак, петая дура (устар.) - совершенный дурак, дура. || сов. пропеть, -пою, -поешь (к 1, 2 и 3 знач.) и спеть, спою, споешь (к 1, 2 и 3 знач.). || многокр. певать, наст. вр. не употр. (к 1 и 2 знач.; разг.). || сущ. пение, -я, ср. (к 1, 2 и 3 знач.) [2, с. 514]. Третий глагол указывает на несколько значений: восхвалять и жаловаться.

Четвертое предложение самое длинное, не хватает дыхания прочесть его сразу. Чтобы понять смысл, переданный бессоюзным сложным предложением с двумя причастными оборотами, необходимо вновь и вновь читать строки стихотворения. Усложненная грамматика стихотворения подчеркивает сложность и неоднозначность описываемого состояния души. Все метафоры стихотворения связаны с ключевым словом *душа*:

Метафора *душа тоскующая* понятна любому носителю русского языка, как впрочем, и любому другому человеку, знакомому с русской культурой. Общеизвестные черты русской ментальности находят отражение в русской языковой картине мира, ядро коллективной ментальности представлено тремя ключевыми словами: *душа, тоска, судьба*. В стихотворении Вяземского душа человека испытывает сильные чувства тоски в изгнании своем, т.е. человек, его тело, это вместилище для тоскующей души, отбывающей наказание в изгнании. Однако изгнание – «святое назначение», так как происхождение души связано со «святым таинством». Стихотворение строится на противопоставлении, с одной стороны, автор говорит о *святом назначении* души, с другой – её *изгнании*, душа – *земное* выражение святого таинства, и одновременно – предчувствие и скорбь о *неземном* (тоска о чем-то). Преданье *темное* о том, что было *ясным*. Надежда, *упование* души на возвращение из изгнания. Святое, высокое, божественное назначение души не избавляет ее от земных страданий, тоски и упований на лучшее. Здесь образ души связан с образом музыкального инструмента через ассоциацию с устойчивым выражением «струны души». Метафора *вечные струны* вновь указывает на неземное происхождение души и связана с еще одним устойчивым выражением *отрада души*. Принять с любовью и мольбой *чашу радости и чашу скорби*, благословляя все, что выпадает человеку на его долю. *Молитва, песнь, любовь* – вечные струны души и её отрада. «Отрада» в словаре Даля: ОТРАДА ж. утеха, услада, утешенье, успокоенье, наслажденье; на чем или чем душу отводят, что покоит, улаживает, облегчает бремя, скорбь [3, с. 214].

Живая арфа – издающая звуки, реагирующая на прикосновение. Душа – живая арфа, на которой исполняется песнь любви, молитвы (пение молитв).

Таким образом, авторский концепт **душа** состоит из нескольких оппозиций: святое – земное, земное – неземное, радость – скорбь, тоска – упование.

В Философском энциклопедическом словаре «душа» в обычном словоупотреблении – совокупность побуждений сознания (и вместе с тем основа) живого существа, особенно человека, антитеза понятий тела и материи. Научное понятие души: душа – в отличие от индивидуального духа – совокупность тесно связанных с организмом психических явлений, в частности чувств и стремлений (витальная душа) [4, с. 147]. Результат наблюдений над душой в этом смысле анализируют психологи (душа – греч. *psyche*, лат. *anima*). До Нового времени предметом метафизики был вопрос, является ли душа субстанцией. При возникновении древних представлений о душе как дыхании извне использовались наблюдения над дыханием живого существа, которое у мертвого исчезало (потому-де, что мертвый «выдыхал» душу). Исследователи отмечают, что соответствующие наблюдения над кровью и исчезновением души при большой потере крови (вследствие смертельного ранения и т.п.) привели к тому, что в крови стали видеть носительницу души. Отсюда переживание сна, в частности, обусловило представление о душе, существующей независимо от тела. Философское понимание души как субстанции привело к тому, что ей сначала приписываются свойства «тончайшего вещества... По Платону, душа является нематериальной и предшествует существованию. Аристотель называет ее первой энтелехией (целеустремленность, целенаправленность как движущая сила, активное начало) жизнеспособного тела, только разумная душа человека (дух) может быть отделена от тела и является бессмертной» [4, с. 146].

« – Можно ли видеть душу?

– Нельзя.

– Значит она безвидна?

– Да.

Душа наша существовала до того, как мы родились. Душа – своего рода гармония, слагающаяся из натяжения телесных начал. То, что видит душа, умопостигаемо и безвидно. Душа бессмертна и неуничтожима. Душа умершего продолжает существовать и обладает способностью мыслить [5, с. 92-93].

Концепт «душа» как основная составная часть включен во все религии мира: представление о душе, дарованной Богом, о ее бессмертии является основой священного вероучения. Согласно пониманию некоторых отцов церкви, душа материальна (Тертуллиан), другие же считают ее духовной (Августин), но господствующим в христианстве является понимание души как непространственной, нематериальной субстанции.

По данным «Частотного словаря русского языка» (1977) – 376 словоупотреблений на 1 млн. – оно сопоставимо со словами история (382), действие (352) и мама (350), а по данным «Словаря языка А. С. Пушкина», слово душа используется поэтом в его творениях 774 раза.

Культурно-национальная специфика концепта душа обуславливается опытом и традициями, имеющими своим основанием мифологию, религиозно-философское осмысление бытия, фольклор; немаловажное значение имеет и художественно-образное преломление концепта в индивидуальном сознании писателей и поэтов.

Примечания

1. Опарина Е. О. Лингвокультурология: Методологические основания и базовые понятия // Язык и культура: сб. обзоров. М., 1999.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1995
3. Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка. Т. 1-4. М., 1989.
4. Философский энциклопедический словарь. М., 1997.
5. Платон. О душе // Таранов П. Мудрость трех тысячелетий. М., 1997.
6. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://project.phil pu.ru/lib/data/slovari/zasorina/zasorina.html>

Н. Н. СТОЛЯРОВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

ДИСКУРСИВНОЕ ОПИСАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА «АЛТАЙСКИЕ НЕМЦЫ»

Поведенческий организм трактуется как адаптивная подсистема, на которую опираются социальная, культурная, личностная подсистемы [1]. Если поведенческий организм рассматривать как коллективную подсистему, то он будет представлять собой социальную актуализацию биоритмической организации этноса. Так, в условиях среды Алтайского края, поведенческая система «Алтайские немцы» в своих коммуникативных действиях повторяет особенности биоритмической организации генетических немцев (носителей немецкого языка, проживающих на территории современной Германии). Генетическая конституция алтайских немцев реализуется в инокультурной среде. Под инокультурной средой подразумевается среда, иначе понимающая свою социальную идентичность, иначе реализующая свой быт или среда, ориентированная на другую генетическую конституцию. Носители немецких говоров на Алтае – это потомки переселенцев Германии, которые во второй половине XVIII века и в самом начале XIX века основали немецкие колонии на территории Поволжья и Южной Украины. Немецкие села на Алтае были созданы гораздо позже, на рубеже XIX и XX веков. Родным языком немецких переселенцев был немецкий диалект, а соседи говорили на русском и украинском языках.

Дискурсивное описание поведенческого организма «алтайские немцы» основывается на описании нижненемецкого говора с. Глядень Алтайского края. Село Глядень появилось в 1908 г. Прибывшие переселенцы образовали Глядень №1, Глядень №2, Глядень №3, Глядень №4. В селе Глядень, по данным 2009 г., проживало 1742 человек, из них – 357 носителей говора.

Дискурсивное описание представляет собой:

- описание семантических и структурных характеристик простого предложения нижненемецкого говора с. Глядень Алтайского края.
- определение функции сложного предложения в формировании языковых содержаний.
- конструирование жизненного мира в структурах дискурса алтайских немцев.

Композиция дискурсивного описания содержит в себе дескрипции, при использовании которых фиксируются жизненные проявления. Мы выделяем следующие дескрипции: *историческую дескрипцию, внешнюю дескрипцию, внутреннюю дескрипцию, содержательную дескрипцию.*

Рассматривая дискурс алтайских немцев, вслед за З. Егером, в дискурсе алтайских немцев мы выделяем ветви, каждая из которых представляет собой самостоятельный дискурсивный процесс. Дискурс алтайских немцев состоит из четырех ветвей, которые в дальнейшем мы будем называть: унарная структура дискурса (один участник дискурсивного процесса – монолог), бинарная структура дискурса (диалог); тернарная структура дискурса (наличие трех участников), тетрарная структура дис-

курса (четыре и более участников). Мы остановимся на семантических и структурных характеристиках простого предложения нижненемецкого говора Алтайского края.

Простое предложение в унарной структуре дискурса нижненемецкого говора с. Глядень может начинаться с *обстоятельства времени*: 32,5 % от всех проанализированных предложений, *подлежащего*: 32 %, *спрягаемой части сказуемого*: 7 %, *обстоятельства образа действия*: 4,7 %, *дополнения*: 4,2 %, *союза*: 3,7 %, *глагола-связки*: 2,1 %, *обстоятельства места*: 1,5 %, *наречия*: 0,5 %, *части составного именного сказуемого*: 0,5 %. Результаты расположены по степени их представленности в унарной структуре.

Подлежащее в большинстве простых предложений выражается *местоимением*: 85 %. Так как повествование в унарной структуре дискурса идет от 1-го л. ед. ч., соответственно – это личное местоимение 1-го л., ед. ч. **etj**, которое занимает 51 %. **Etj sie jebure enn Gladen Numa dreu** (Я родился в Глядене номер 3).

Подлежащее, выраженное местоимением **wie** (мы), составляет 31,7 %: **Wie fijede Steune enn Saund op em Wajch** (Мы возили щебень и песок на дорогу); **deu** (он, она) – 10,5 %: **Deu ess uck nech meuja tredekum** (Она тоже не вернулась); **see** (они) – 4,9 %: **Dann lojte see mie loos** (Меня отпустили). Подлежащее в унарной структуре дискурса может быть выражено существительным (15 %): **Miene Motta ess jebure on e dusendnäajenhundatfeftien** (Моя мама родилась в 1915). Случаи выражения подлежащего прилагательным и числительным имеют место, но очень редко (0,7 %): **Enn feuja send dorten** (И четверо там в Германии).

В унарной структуре дискурса можно выделить следующие типы сказуемого: простое, составное именное и составное глагольное.

В составном именном сказуемом в качестве глагола-связки выступают глаголы *senne* (быть), *woare* (становиться).

Etj wea fief Joah (Мне было пять лет). **Dann word etj доярка** (Я стала дояркой).

Предикатив в составном именном сказуемом унарной структуры выражается разными частями речи.

1. Именем прилагательным: **Pa wea aul krank** (Отец был весь больной).

2. Числительным: **Etj wie fief Joah** (Мне было пять лет).

3. Местоимением: **Daut ess aules** (Это всё).

4. Существительным в именительном падеже: **Onse Pa wea Dirijent enne School bie dee Kommuna Lenina** (Папа был директором школы в коммуне Ленина).

Глаголы, выступающие в качестве глагола-связки, могут использоваться и как полнозначные глаголы: **Hiea weare fief Kolhose op dise Ead** (На этой земле было 5 колхозов).

Следующим типом сказуемого встречающегося в унарной структуре дискурса, является глагольное сказуемое: простое и составное глагольное сказуемое.

1. Простое сказуемое выражено одним глаголом в какой-либо спрягаемой форме: синтетической или аналитической (в любом времени, залоге и наклонении). **On fifenveatijch dann komm mien Maun von e Trudarmeij nu Hüß** (В 45 тогда мой муж пришел из трудармии).

2. Составное глагольное сказуемое, состоящее из личной формы глагола в сочетании с инфинитивом полнозначного глагола в унарной структуре дискурса, выражается:

- модальным глаголом в сочетании с инфинитивом полнозначного глагола без частицы *te*: **Musst etj Fuz nem Kentova kumme** (Я должна пешком ходить по деревне);

- глаголом *habe* с инфинитивом полнозначного глагола: **Wie haude nuscht dem iete** (У нас нечего было есть);

- глаголом *aunfange* (начинать) с инфинитивом полнозначного глагола: **En deude see aunfange daut Darp buhne** (И начали село строить).

В качестве основных структурных типов простого предложения унарной структуры дискурса мы можем выделить следующие типы: 1) *односоставные нераспространенные предложения, состоящие из одного состава подлежащего и одного второстепенного члена предложения*; 2) *односоставные распространенные предложения*; 3) *двусоставные нераспространенные предложения*; 4) *двусоставные распространенные предложения*.

Господствующим типом в унарной структуре дискурса является двусоставное простое распространенное предложение (81 %). Удельный вес простых нераспространенных предложений, которые содержат два главных члена, совсем не велик (0,6 %). **Etj jenjt** (Я пошла).

В двусоставном простом распространенном предложении, как правило, присутствуют два главных члена. **Dann nom ons Pa mie ne Gladen** (Тогда отец забрал меня в Глядень).

Достаточно не широко распространено употребление двусоставных предложений с однородными членами (7,1 %). Однородные члены простого предложения связываются синдетическим и полисиндетическим способом при помощи союзов *enn* (и), *uck* (также).

Широкое распространение в дискурсе получили такие предложения, в которых выражен только один из главных членов или они совсем отсутствуют.

В унарной структуре дискурса встречаются односоставные предложения с опущением подлежащего: 16,2 %, с опущением подлежащего и спрягаемой части сказуемого: 18 %.

В унарной структуре дискурса подлежащее в большинстве случаев опускается в повествовательных предложениях. Чаще всего опускается местоимение 3-го лица мн. ч. *see (они)*. **Dann lojt mien Panu Hüßs foahre** (Моего отца отпустили домой). **En dann deude sijch Buhne enn Hüßs** (Потом построили хижины и дома). **Bottem Winta haude sich jebuht ne Kut** (До зимы они построили дом).

Довольно часто опускается местоимение 1-го лица ед. ч. *etj (я)*. По нашим наблюдениям, местоимение 1-го лица ед. ч. опускается только при обратном порядке слов. **Dann kumme nu Hüßs** (Потом поехала я домой). **Dann scheide dem nu de School** (Отправила его в школу).

В простом предложении в унарной структуре дискурса можно встретить случаи опущения личного местоимения 1 лица мн. ч. **Dann muke een Grootes Склад op** (Тогда открыли большой склад). **Sate em Goade Eadschoke enn Jalmäa en Beute aule Sorte ondre** (Посадили в огороде картошку, морковку и всякую всячину).

Опущение местоимения 3-го лица ед. ч. встречается довольно редко.

В унарной структуре дискурса не встречается ни одного случая с опущением полного сказуемого. Довольно часто встречаются случаи опущения спрягаемой части сказуемого: 18 %, инфинитивной части: 8,1 % и глагола-связки: 2,7 %. **Deu kun Rosch** (Она могла по-русски). В простом предложении встречается опущение главных членов. В данном случае односоставное предложение состоит из второстепенных членов. Подобное предложение можно понять только в связи с предыдущим предложением. **Pravnuchkas hab etj acht** (У меня 8 правнуков). **Sass pravnuchkas enn tweu правнука** (6 правнучек и 2 правнука).

В унарной структуре нижненемецкого говора с. Глядень широко распространены простые предложения с нарушением рамочной конструкции.

Обычно носитель говора выносит за глагольную рамку наиболее значимые для него элементы. За рамку выносятся различного рода обстоятельства:

- обстоятельство места: **Wie deude Wajch moake ne aules side ons Rajon** (Мы прокладывали дорогу по всему краю);
- обстоятельство времени: **Etj sie jebure on e dusendnäajenhundatachtendartijch** (Я родился в 1938 году);
- дополнение: **Bottem Winta haude sich jebuht ne Kut** (До зимы они построили дом).

Встречается случай, когда спрягаемая часть глагола стоит за неспрягаемой. **Woa etj bloss nech jewese sie** (Где я только не был).

Семантическое и структурное описание простого предложения нижненемецкого говора позволяет выделить наиболее характерные черты, свойственные данному островному говору. Так как разговорная речь представляет собой поток, который расчленить на предложения не всегда просто, то синтаксис разговорной речи кардинальным образом отличается от структур кодифицированной нормы, в определенной степени искусственно созданных. Такие общие характеристики устной речи, как неподготовленность, спонтанность и тесная связь с ситуацией, проявляются на синтаксическом уровне, прежде всего, в высокой степени эллиптичности, в появлении в речи построений неясной синтаксической организации. К особенностям простого предложения в островном говоре на уровне синтаксиса следует отнести: краткие структуры, выносы за рамку наиболее значимых в смысловом значении членов предложения, повторы с целью усиления акцента на той или иной части речи, сигналы членения речи, частицы, междометия. Несмотря на консервативность синтаксической системы, характерная для островного говора открытость к новообразованиям находит свое отражение и на языковом уровне.

Следует согласиться с мнением А. Е. Кибрика М. А. Даниэля, что, в конечном счёте, сохранить или потерять язык предстоит говорящему на нем этносу, хотя этому этносу должны быть предоставлены хотя бы минимальные условия для сохранения языка [2]. Но учёные, в том числе и филологи, не могут оставаться в стороне от этих процессов. Задача лингвистов в этой связи заключается не только в обеспечении лингвоохранных мер – таких, как научное документирование, создание словарей и грамматических описаний, но и выявлении условий и механизмов сохранения или, наоборот, или исчезновения островных говоров.

Примечания

1. Парсонс Т. Система Современных Обществ. М., 1998.
2. Кибрик А. А. Современная американская лингвистика фундаментальные направления. М., 2002.

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АССИМЕТРИИ ПОЛУШАРИЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА

Сегодня в центре внимания находится личность ученика как субъекта учебного процесса. Личность – это сложная психическая система, включающая в свою структуру такие подструктуры, как мотивационная установка, определенный эмоциональный стиль, определенный стиль поведения, определенный способ восприятия, переработки и воспроизведения информации. Каждая личность – носитель определенной ментальности, определенного когнитивного стиля мышления, что проявляется в отборе личностью определенных слов, в определенном синтаксисе.

Текст, как и любая мыслительная деятельность, является выражением в языковой форме некоторого содержания. Чтобы понять это содержание, необходимо не только расшифровывать лингвистический уровень его восприятия, т.е. понять связь автора текста с внешней действительностью и, тем самым, еще глубже проникнуть в смысл самого текста. За каждым текстом стоит языковая личность (Я.Л.).

Языковая личность – объект не новый для лингвистики. Понятиями о языковой личности имплицитно оперировали уже Г. Штейнталь, В. Вундт, А. А. Шахматов, но сам термин был введен В. А. Виноградовым. В последнее время языковая личность стала объектом изучения одного из современных направлений науки о языке – антропологической лингвистики, исследующей коммуникативно – деятельностные, когнитивные и другие формы существования языка. Под языковой личностью понимают любого носителя языка, охарактеризованного на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им картины мира и для достижения определенных целей в этом мире [1].

В настоящее время большая работа под руководством Н. Д. Голева и Н. Б. Лебедевой ведется в КемГУ в этой области. Нам близка точка зрения Н. Д. Голева, который под Я.Л. понимает «носителя языковой способности определенного качества, данного ей (Я.Л.) изначально и далее развиваемого» [2].

Изучение Я.Л. и учет индивидуально-психологических особенностей позволят разработать наиболее эффективные модели обучения языку, т.е. объединить знания в области психологии, лингвистики и педагогики (и ряда смежных дисциплин).

Цель данной работы – описать частеречную типологию Я.Л. на материале текста. В основу нашей типологии мы положили принцип функциональной асимметрии полушарий головного мозга.

Типологическая модель К. Г. Юнга и типология психосоциотипов в лингвистическом освещении.

В нейролингвистических исследованиях утверждается, что специализация больших полушарий происходит следующим образом:

Л.П. (левое полушарие) использует аналитическую стратегию, обеспечивая рационально-логическое мышление, тогда как П.П. (правое полушарие) использует глобальную, синтетическую стратегию и обеспечивает пространственно-индуктивное, эмоционально-образное мышление. С правым полушарием связаны непосредственно-чувственное восприятие, художественное мышление, творчество [3].

К. Г. Юнг разделил людей на 2 типа — экстравертов и интровертов. Согласно последним исследованиям, люди также различаются по доминирующей функции, которая бывает мыслительной, эмоционально-чувствующей (этики), ощущающей (сенсорики) или интуитивной.

Психотип личности — это врожденная психическая структура, определяющая конкретный вид информационного обмена человека со средой в зависимости от уровня развития таких психических функций, как эмоции, ощущения, интуиция, мышление и специфики предпочтений — экстраверсии и интроверсии [4].

Согласно типологии Юнга, типы людей можно выделить по следующим характеристикам: 1. экстравертный – интровертный; 2. рациональный-иррациональный; 3. мыслительный (логический) – эмоциональный (этический); 4. ощущающий (сенсорный) – интуитивный.

Для **мыслительного** типа (логиков) характерно стремление понять и объяснить закономерности событий, жизни; слабоэмоционален.

Эмоциональный тип выражает скорее свое отношение к событию, соотносит свое поведение с чувствами и оценками других при учете того, как оно повлияет на других людей.

Сенсорный тип воспринимает события как реальный факт, на основе своего чувственного опыта (ощущения, восприятия), не любит фантазий. Фокусирует внимание на фактах, деталях. Практичен и деятелен, ведет полнокровную физическую жизнь.

Интуитивный тип умеет прогнозировать будущее. Склонен собирать и перерабатывать огромный объем информации, отыскивая в ней смысл и взаимосвязи между различными явлениями. Теоретичен, отстранен от реальности, чувствует будущее, склонен к колебаниям и сомнениям [5].

Некоторые исследователи выделяют 16 психосоциотипов людей. Психосоциотипы выделяются с помощью тестов.

Шаг 1. Студентам экспериментальных групп было предложено написать изложение по тексту В. Распутина «Небо». Текст был прочитан дважды, затем студентов попросили изложить содержание текста за двадцать минут. Таким образом, студенты 1–2-х курсов технических специальностей (тридцать человек), согласно тесту В. Мегель и А. Овчарова, были разделены на четыре группы: логики, этики, сенсорики и интуиты. Таким образом, мы получили следующую Таблицу 1.

Таблица 1 – Характеристика студентов по типологии Юнга

логики	этики	сенсорики	интуиты
Долматова Е. ЛСИ Жекинбаева Т. ЛСИ Соснина М. ЛИИ Чефранов А. ЛСИ	Гейнрих А. ЭИИ Кайгородова К. ЭИИ Конищев И. ЭИИ Красноперова Д. ЭИЭ Синеев С. ЭИЭ Соснова А. ЭСЭ Сурадеев В. ЭСИ Текутьев А. ЭСЭ Фарафонова Е. ЭИИ Яблонская В. ЭСЭ	Анохин А. СЭЭ Бочинина Н. СЭЭ Васенко А. СЛИ Краснобородова И. СЭЭ Медникова В. СЭИ Сысоева М. СЭЭ Суворова Н. СЛИ	Витовтов Ю. ИЭИ Казанцева Ю. ИЭИ Ковылина Н. ИЭЭ Маланьина Д. ИЭЭ Попов А. ИАЭ Соловьева Е. ИЭЭ Святкина А. ИЛИ Тюфяков А. ИСИ Шаньшин С. ИЭЭ
интроверты	интроверты	интроверты	интроверты
Долматова Е. ЛСИ Жекинбаева Т. ЛСИ Соснина М. ЛИИ Чефранов А. ЛСИ	Гейнрих А. ЭИИ Кайгородова К. ЭИИ Конищев И. ЭИИ Сурадеев В. ЭСИ Фарафонова Е. ЭИИ	Васенко А. СЛИ Медникова В. СЭИ Суворова Н. СЛИ	Витовтов Ю. ИЭИ Казанцева Ю. ИЭИ Святкина А. ИЛИ Тюфяков А. ИСИ
экстраверты	экстраверты	экстраверты	экстраверты
	Красноперова Д. ЭИЭ Синеев С. ЭСЭ Соснова А. ЭСЭ Текутьев А. ЭСЭ Яблонская В. ЭСЭ	Анохин А. СЭЭ Бочинина Н. СЭЭ Сысоева М. СЭЭ	Ковылина Н. ИЭЭ Маланьина Д. ИЭЭ Попов А. ИЛЭ Соловьева Е. ИЭЭ Шаньшин С. ИЭЭ

Шаг 2. Частеречная типология Я.Л.

Мы положили в основу нашей типологии частеречный принцип, который позволил нам выделить Я.Л. студентов на основе 2-х антропотекстов. Мы провели квантитативные исследования по использованию логиками, этиками, сенсориками и интуитами различных частей речи. Студентам было предложено писать одно изложение по тексту В. Распутина «Небо» (описывает рассвет) и одно сочинение по теме «Рассвет». Отобрав по 5 студентов (наиболее «ярких» представителей) от каждой группы, мы получили следующую таблицу.

Таблица 2 – Использование существительных, глаголов и приглательных логиками, этиками, сенсориками, интуитами (в процентах) Изложение «Небо» по В.Распутину

	сущ. в %	гл. в %	прилаг. в %
ЛОГИКИ:			
Долматова Е. ЛСИ	36	50,8	13,1
Жекинбаева Т. ЛСИ	40	54	6
Соснина М. ЛИИ	46,8	37,5	0
Чефранов А. ЛСИ	57,4	27,7	7,4
ЭТИКИ:			
Конищев И. ЭИИ	43,3	28,3	18,8
Красноперова Д. ЭИЭ	37,5	31,2	9,3
Синеев С. ЭИЭ	36,5	43,9	7,4
Соснова А. ЭСЭ	36	44	4
Сурадеев В. ЭСИ	45,9	40,5	10,8
сенсориками:			
Анохин А. СЭЭ	53,8	26,9	15,3
Бочинина Н. СЭЭ	42,8	57,1	0
Васенко А. СЛИ	43,5	48,7	5
Краснобородова И. СЭЭ	41,3	52,1	6,5
Суворова Н. СЛИ	39	52,1	3
интуиты:			
Витовтов Ю. ИЭИ	52,6	36,8	10,5
Казанцева Ю. ИЭИ	44,4	46,6	8,8
Ковылина Н. ИЭЭ	45	45	10
Маланьина Д. ИЭЭ	35,5	44,4	8,8
Соловьева Е. ИЭЭ	43,6	51,2	2,5

Таблица 3 – Использование существительных, глаголов и приглательных логиками, этиками, сенсориками, интуитами (в процентах) Сочинение «Рассвет»

	сущ. в %	гл. в %	прилаг. в %
ЛОГИКИ:			
Долматова Е. ЛСЭ	44,4	18,4	13,3
Жекинбаева Т. ЛСИ	28,5	39,2	17,8
Соснина М. ЛИИ	51,4	30,8	11,7
Чефранов А. ЛСИ	43,1	24,5	22,5
ЭТИКИ:			
Конищев И. ЭИИ	42,8	40,4	9,5
Красноперова Д. ЭИЭ	45,4	31,8	22,7
Синеев С. ЭИЭ	38,3	33,3	28,3
Соснова А. ЭСЭ	56,7	34,3	8,9
Сурадеев В. ЭСИ	42,5	25,9	17
сенсориками:			
Анохин А. СЭЭ	38	32,8	13
Бочинина Н. СЭЭ	37	43,5	6,4
Васенко А. СЛИ	45,4	34,5	9
Краснобородова И. СЭЭ	45,4	34,8	9
Суворова Н. СЛИ	58,3	29	12,5
интуиты:			
Витовтов Ю. ИЭИ	39,5	52	2
Казанцева Ю. ИЭИ	37,1	28,5	11,4
Ковылина Н. ИЭЭ	37,5	32	17,8
Маланьина Д. ИЭЭ	41,9	25,8	11,2
Соловьева Е. ИЭЭ	40,9	36,3	22,7

Студенты – **логики** в двух текстах чаще других употребляли существительные, глаголы и прилагательные. Студенты – **этики** чаще употребляли существительные и прилагательные. Студенты – **сенсориками** чаще употребляли глаголы и существительные. Студенты – **интуиты** чаще употребляли глаголы.

Таблица 4 – Частеречный критерий – основа выделения субстанционально-/глагольно-/атрибутивно-ориентированных типов Я.Л.

	субстанционально-ориентированный тип (существительные в %)	глагольно-ориентированный тип (глаголы в %)	атрибутивно-ориентированный тип (прилагательные в %)
Логик	<ul style="list-style-type: none"> • Чефранов А. (ЛСИ) 57,4% – 1 текст и 43,1% - 2 текст. • Соснина М. (ЛСИ) – 46,8% – 1 текст и 51,4% – 2 текст. 	<ul style="list-style-type: none"> • Жекинбаева Т. (ЛСИ) 54% – 1 текст и 39,2% - 2 текст. • Долматова Е. (ЛСИ) 50,8% – 1 текст и 18,4% – 2 текст. 	<ul style="list-style-type: none"> • Жекинбаева Т. (ЛСИ) 17,8% – 1 текст и 6% – 2 текст. • Долматова Е. (ЛСИ) 13,1% – 1 текст и 13,3% - 2 текст. • Чефранов А. (ЛСИ) 22,5% – 1 текст и 7,4% – 2 текст.
Этик	<ul style="list-style-type: none"> • Соснова А. (ЭСЭ) 56,7% – 2 текст и 44% – 1 текст. • Красноперова Д. (ЭИЭ) 45,4% – 2 текст и 37,5% – 1 текст. • Сурадеев С. (ЭСИ) 45,9% – 1 текст и 42,5% – 2 текст. 		<ul style="list-style-type: none"> • Конищев И. (ЭИИ) 18,8% – 1 текст и 9,5% - 2 текст. • Синеев С. (ЭИЭ) 28,3% – 2 текст. • Красноперова Д. (ЭИЭ) 22,7% – 2 текст.
сенсорик	<ul style="list-style-type: none"> • Анохин А. (СЭЭ) 53,8% – 1 текст и 38% – 2 текст. • Васенко А. (СЛИ) 43,5% – 1 текст и 45,4% – 2 текст. 	<ul style="list-style-type: none"> • Бочинина Н. (СЭЭ) 57,1% – 1 текст и 43,5% - 2 текст. • Суворова Н. (СЛИ) 58,3% – 2 текст • Васенко А. (СЛИ) 48,7% – 1 текст • Краснобородова И.(СЭЭ) 45,4% – 2 текст 	
интуит	<ul style="list-style-type: none"> • Витовтов Ю. (ИЭИ) 52,6% – 1 текст и 39,5% – 2 текст. 	<ul style="list-style-type: none"> • Соловьева Е. (ИЭЭ) 51,2% – 1 текст и 36,3% – 2 текст. • Витовтов Ю. (ИЭИ) 36,8% – 1 текст и 52% - 2 текст. • Казанцева Ю. (ИЭИ) 46,6% – 1 текст 	<ul style="list-style-type: none"> • Соловьева Е. (ИЭЭ) 22,7% – 2 текст.

Таким образом, согласно нашим исследованиям, субстанционально-ориентированных Я.Л. больше среди логиков, глагольно-ориентированные Я.Л. чаще встречаются среди логиков, сенсориков и интуитов, а атрибутивно-ориентированные Я.Л. – среди этиков. Этому есть объяснение: «мыслительный тип» (логик) обладает аналитическим мышлением и стремится к рассуждению, детальной передаче информации, стараясь достигнуть соответствия между различными сторонами объекта. Объект всегда описывается с его признаками (цветом, формой, весом и т.д.), так как признаки не существуют автономно от объекта.

«Эмоциональный тип» (этик) часто не просто описывает предмет, но и выражает свое отношение к нему, т.е. описывает его признаки и качества, а это – функции прилагательных.

«Художественный тип» (интуит, сенсорик) стремится не к рассуждению, как логик, а к воссозданию картины, опираясь на визуальные и тактильные ощущения. Их захватывают сами события и их переход из одного состояния в другое, т. е. динамика движения. Описать события можно только с помощью глаголов.

На основе количественного частеречного анализа текстов студентов АлтГТУ нам удалось выявить следующие типы Я.Л. (**субстанционально- /глагольно-/антрибутивно-ориентированные Я.Л.**), тяготеющих к употреблению тех или иных частей речи. Современные исследования в области Я.Л. и различные типологии по разным параметрам позволяют более точно диагностировать типы Я.Л. и подоб-

рать более точные методики обучения родному и иностранному языку с учетом индивидуально-типовых характеристик учащихся [6]. Мы планируем продолжить работу по данной теме.

Примечания

1. Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. М.; Барнаул, 2002.
2. Голев Н. Д. Лингвоперсонология, антропотекст, типы языковой личности // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций. Барнаул, 2005.
3. Доброхотова Т. Л. Функциональная асимметрия мозга. М., 1988.
4. Столяренко Л. Д. Психология: учебник для вузов. СПб., 2006.
5. Филатова Е. Соционика для вас. М., 1994.
6. Голев Н. Д. Сайкова Н. В. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы // Вопросы лингвоперсонологии: межвуз. сб. науч. трудов. Ч. 1. Барнаул, 2007.

Н. В. СУМИНА

Ростовский государственный строительный университет, г. Ростов-на-Дону

КОММУНИКАЦИЯ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Формирование и развитие научных знаний всегда происходит в пространстве некоторых изначальных предпосылок, оснований, полученных учёным в системе образования. Известный историограф науки Т. Кун называет данные изначальные предпосылки парадигмой. Парадигма предлагает модель описания мира, матрицу, благодаря которой можно рассмотреть и решить какую-то научную проблему.

Т. Кун опубликовал свою работу «Структура научных революций» во второй половине XX в. Уже в то время учёный констатировал: «Сегодня исследователи в различных областях философии, психологии, лингвистики и даже истории искусства полностью сходятся в том, что традиционная парадигма так или иначе деформирована» [1, с. 187].

Представляется необходимым описать, какую модель мира предлагала нам классическая научная парадигма, почему она больше не является пригодной, и какими могут быть характеристики будущей парадигмы, т.е. какой общепринятый образец вселенной и мироздания приходит на смену старой парадигме. «Переход от парадигмы в кризисный период к новой парадигме – процесс некумулятивный. Это реконструкция области на новых основаниях, реконструкция, которая изменяет некоторые наиболее элементарные теоретические обобщения в данной области, а также многие методы и приложения парадигмы» [1, с. 137].

Философская парадигма определяет взгляды научного сообщества на вселенную, на понимание роли субъекта в этом мире, на язык, которым пользуется человек.

Классическая парадигма представляла мир устойчивым и целостным. За множественностью вещей, за хаосом угадывалось незыблемое, неизменяемое основание, чёткая конструкция миропорядка. Данная конструкция представлялась принципиально познаваемой. Потому столь велика в классической парадигме роль познающего разума. Человек способен к усмотрению абсолютной истины. Субъект находится вне познаваемого объекта, он воспринимает объект и одновременно фиксирует сознанием операцию познания. Человек в классическом мире выступает как рефлексирующий, познающий, мыслящий субъект. Господствует дихотомия субъектно-объектных отношений. А язык выступает как промежуточное звено между мышлением и миром, при этом языком вполне можно манипулировать.

Кажущейся объективности классического мира противопоставлено его активное моделирование самим субъектом в неклассической научной парадигме. Новая парадигма обосновывает новый предмет философской рефлексии – не мир в целом, не его предельные основания, а мир как сфера повседневной жизни, повседневной деятельности; мир как множество событий. Субъект больше не находится вне объекта, субъект внутри мыслимого, вовлечён в то, о чем собирается помыслить. Жёсткая дихотомия субъектно-объектных отношений разрушается. Если в классической парадигме язык рассматривался как некий занавес, который находится между субъектом и объектом, то теперь язык – явление самодостаточное. Язык – многослойное образование, которое конституирует мир. Произошло то, что называют «лингвистическим поворотом в науке». Человек погружён в социальную и культурную среду.

На наш взгляд, именно сменой философских парадигм можно объяснить в настоящее время актуальность концепта «проект».

Проект – сложный вид деятельности. Владение этой технологией позволяет принимать и осуществлять сложные решения. Выполнение проекта также вовлекает различные виды словесности, а именно: написание текста - обоснования проекта; создание методических материалов, воплощающих

замысел проекта; устную диалоговую коммуникацию между членами проектной группы; устные презентации проекта (высказывания, способствующие развитию связей с общественностью для продвижения проекта). Очевидно, что коммуникация пронизывает все стадии деятельности проектной команды. Любая профессиональная деятельность становится более эффективной, если дополняется коммуникативными умениями.

В. Б. Кашкин приводит интересные данные, иллюстрирующие тезис о том, что коммуникативная личность – самая главная составляющая личности вообще: «Коммуникация занимает 80 % всего человеческого существования (аудирование – 45 %, говорение – 30 %, чтение – 16 %, письмо – 9 %)» [2, с. 192]. Ю. В. Рождественский пишет о «возросшей сейчас интенсивности языкового существования человека» [3, с. 462]. О. С. Иссерс отмечает, что «в обществе сформировался социальный заказ на знание закономерностей человеческого общения» [4, с. 14].

Подтверждение этой мысли находим и в статье С. Б. Аракеяна «Социально значимые нормы и функции профессионально-деловой коммуникации». Данная статья представляет для нас интерес, т.к. предметом исследования автора явилась профессионально-деловая сфера коммуникации, в частности сфера информационного сервиса. Отличительной чертой данной сферы, по мнению автора, является наличие значительного числа работников (бывших курьеров и агентов), выступающих в роли профессиональных коммуникаторов – специалистов, основным орудием профессиональной деятельности которых выступает общение. Анализируя круг вопросов, которые составляют профессиональную компетенцию такого специалиста, автор приходит к выводу, что основное внимание при развитии коммуникативной компетенции следует уделять таким умениям, как установление и поддержание *взаимодействия*, оказание на собеседника эффективного *воздействия*, умение создавать тексты-сообщения, рассчитанные на конкретного собеседника и учитывающие его социально-значимые характеристики. Под эффективным воздействием автор имеет в виду «умение побудить партнера к каким-либо конкретным действиям или изменить какие-либо его взгляды и позиции. На практике для этой цели используются различные виды психологического и речевого воздействия: убеждение, внушение, принуждение, манипулирование, информирование, просьба и другие» [5, с. 90]. Интересна приводимая автором закономерность использования тех или иных способов воздействия на собеседника в зависимости от сформированности коммуникативной компетенции специалиста: при отсутствии предварительного обучения специалисты воздействовали на собеседника главным образом через информирование, просьбу и, реже, принуждение. Опытные же сотрудники, прошедшие специальное обучение, «значительно активнее обращались к использованию воздействия через убеждение, манипулирование, они также более творчески подходили к выбору и регуляции возможностей различных способов воздействия» [5, с. 90]. Не вызывает сомнений правильность вывода автора о необходимости обучения специалистов коммуникативным навыкам и умениям.

Закономерно возникает вопрос, почему при подготовке или повышении квалификации преподавателей игнорируется процесс обучения профессиональной коммуникации. Ведь преподаватель – это тот специалист, большая часть профессионального времени которого приходится на общение. «Для профессии педагога коммуникативная компетентность является ведущей профессиональной характеристикой» [6, с. 3].

Описание процесса коммуникации сложно в силу многоплановости самого явления. Следует учитывать многочисленные объективные и субъективные факторы. Мы отдаем себе отчет, что представленное в статье описание является фрагментарным и субъективным. Рассмотрим лишь некоторые аспекты профессиональной коммуникации.

Для целей данной статьи актуальным является определение понятия прагматической лингвистики «дискурс». Согласно энциклопедическому словарю «Языкознание» дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [7, с. 136]. Коммуникация в проекте создает управленческий дискурс. Нам представляется, что при осуществлении проекта расширяются коммуникативные рамки деятельности преподавателя: коммуникация в педагогическом дискурсе сменяется коммуникацией в управленческом дискурсе. Умения, полученные в рамках проекта, расширяют коммуникативный репертуар педагога, обогащают его коммуникативный опыт, корректируют его педагогическую коммуникацию.

На наш взгляд, характерной чертой управленческого дискурса является действенность речи. Речь становится двигателем деятельности. Без эффективной речи нет действий, деятельность в обществе не развивается.

По мнению Ю. В. Рождественского, именно диалогическое развитие речевого общения должно быть источником развития деятельности.

Устный диалог – вид речи, характерной чертой которого является переход к действиям. Поэтому обе стороны должны включиться в речевые действия, каждая со своей стороны, иначе не возникнет договора о том, как действовать, не возникнет единства в действиях предметного характера. Чем плодотворнее замысел и чем интенсивнее по времени идёт последовательность диалогов, тем эф-

эффективнее идёт процесс перехода к действию, приводящему к задуманному результату. Планирование диалогов в искусстве управления состоит в том, что прежде всего назначаются сроки вершения дела как целого, сроки достижения конечного результата и отсюда сроки промежуточных результатов и их характер [3, с. 227].

Концепция Ю. В. Рождественского отражает мысль о том, что цели коммуникации лежат вне самой коммуникации, т.е. речевая деятельность в подавляющем большинстве случаев мотивируется неречевыми задачами. О. С. Иссерс подходит к анализу дискурса с точки зрения двух типов целей. Два типа целей отражают важнейшие мотивы человеческого поведения: 1) желание быть эффективным; 2) необходимость приспособиться к ситуации. Автор отмечает, что желание быть эффективным является первостепенной целью коммуникации. Оно выражается в осуществлении воздействия на собеседника. «Эффективность является важнейшим критерием, по которому люди осуществляют выбор стратегий и тактик... Чем важнее цели, тем сильнее желание действовать эффективно, и это отражается в степени планирования» [4, с. 59].

Осознание первостепенной цели стимулирует и рассмотрение второстепенных целей. Второстепенные цели являются производными от различных мотивов человеческой деятельности. Автор приводит одну из многочисленных классификаций второстепенных целей человеческой деятельности:

- 1) цели, связанные с самовыражением говорящего, его самооценкой;
- 2) цели, связанные с эффективным взаимодействием коммуникантов;
- 3) цели, связанные со стремлением говорящего сохранить и преумножить значимые для него ценности и ресурсы;
- 4) цели, связанные с желанием говорящего управлять ситуацией, избежать отрицательных эмоций.

Цели определяют взаимоотношения коммуникантов, влияют на выбор речевых стратегий и тактик.

За последние три десятилетия в гуманитарных науках произошла кардинальная смена научной парадигмы: линейная парадигма описания коммуникации сменилась интеракционной.

В большинстве работ по теории коммуникации и проблеме речевого воздействия (обзор дан в монографиях О. С. Иссерс и В. Б. Кашкина) присутствует исходная посылка о пассивности речевого партнера. Речевое взаимодействие носит однонаправленный характер. Активен только говорящий. Партнер же пассивно воспринимает информацию говорящего. Справедливым представляется замечание В. Б. Кашкина о том, что не уделяется пристального внимания ответной реакции адресата на полученное сообщение, «весьма незначительно исследована роль адресата (только в глазах говорящего, в его предположении о возможной реакции слушающего)» [2, с. 51].

Более продуктивной представляется точка зрения, которая сближает речевое воздействие с речевым взаимодействием. Интеракционная концепция коммуникации пытается дать ответ на вопрос о том, как вообще возможно понимание одним человеком другого. О. С. Иссерс указывает, что речевое взаимодействие основывается на идентификации: «Этот процесс включает идентификацию говорящего и аудитории: основные ценности и идеи говорящего соотносятся с идеями и установками аудитории, одни модифицируют другие. Таким образом, в общении можно наблюдать эффекты взаимовлияния...» [4, с. 24]. Мы часто забываем, что информация не передается, а воспроизводится получателем самостоятельно. Как утверждают У. Матурана и Ф. Барела, феномен коммуникации зависит не от того, что передается, но от того, что происходит в получателе. Поэтому основная функция языка – организация человеческих действий с помощью слов, «установление между коммуникантами консенсуальной сферы взаимных действий, основанной на взаимно разделяемой референции» [2, с. 107]. Убедить адресата можно только в том случае, если он разделяет мифологемы и пресуппозиции отправителя. Понять можно только то, что уже было каким-то образом и в какой-то мере понято прежде. Сходные мысли высказывал и известный философ М. К. Мамардашвили. В интеракционном аспекте коммуникация представляется не как однонаправленная передача информации, а как взаимное действие, за которое, возможно, придется нести и взаимную ответственность. Таким образом, отправитель и получатель сообщения в равной степени участвуют в процессе убеждения.

Другой аспект, важный для понимания феномена профессиональной коммуникации, – представление о процессе онтологизации знаний. В ходе коммуникации происходит передача знаний от одного коммуниканта к другому. Существенным здесь является тот факт, что изменение структуры знаний происходит не только у получателя информации, но и у ее отправителя. Его когнитивные структуры расширяются за счет получения знаний о том, что некоторая (именно так сформулированная) информация передана адресату. Таким образом, «суть категории речевого воздействия заключается в таком коммуникативном использовании языковых выражений, при котором в модель мира носителя языка вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся, т.е. происходит процесс онтологизации знания» [4, с. 25].

Существенным моментом также для эффективности коммуникации являются изначальные установки коммуникантов на сотрудничество либо на конфронтацию. В литературе по деловому общению [8, с. 175] процесс коммуникации описывается таким образом, как будто всегда оба коммуниканта одинаково стремятся к достижению речевого взаимодействия. Однако реальность общения убеждает

нас в иллюзорности такой предпосылки: люди стремятся воздействовать на собеседника, навязать ему своё мнение, вернуться от ответа, скрыть нежелательные для них факты и т.д.

Таким образом, при анализе коммуникации в проекте важно учитывать: 1) цели, стоящие перед коммуникантами, 2) установки коммуникантов (на кооперацию или на конфронтацию), 3) ситуацию, в которой происходит коммуникация. Специалист, желающий быть эффективным коммуникантом, должен владеть необходимыми коммуникативными навыками: 1) эффективно формировать коммуникативную стратегию; 2) эффективно пользоваться разнообразными тактическими приемами коммуникации; 3) эффективно представлять себя (свою команду и свой проект) как участника коммуникативного процесса.

Примечания

1. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М., 2009.
2. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации: краткий курс. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
3. Рождественский Ю. В. Теория риторики: учеб. пособие / под ред. В. И. Аннушкина. 4-е изд., испр. М., 2006.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд., стереотип. М., 2006.
5. Аракелян С. Б. Социально значимые нормы и функции профессионально-деловой коммуникации // Социальная коммуникация и социальное управление в эквантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах / отв. ред. Т. М. Дридзе. В 2-х кн. М., 2000. С. 85-91.
6. Панфилова А. П. Тренинг педагогического общения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2006.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1997.
8. Колтунова М. В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет: учеб. пособие для вузов. М., 2002.

Д. С. СУРОВА

Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева, г. Караганда

ПРАГМАТИКА: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНА

Антропологический подход к изучению явлений разной природы является основополагающим для современной науки. Учет человеческого фактора особенно актуален для лингвистики, которая изучает язык с позиций человека, производящего информацию, воспринимающего информацию.

В этом русле наиболее продуктивным является прагматическое направление. Прагматика – это область языкознания, концентрирующая свое внимание на отношениях человека (адресанта и адресата) к языковым знакам. Прагматика опирается на ситуацию, определяющую смысл высказывания, обуславливающую выбор языковых средств для реализации коммуникативной задачи, намерения автора и обеспечивающую правильное понимание и оценку адресата.

Изучение языковых явлений с позиций прагматики позволяет получить новые сведения об известных сущностях: «Лингвистическая прагматика оказалась в состоянии сформулировать целый ряд вопросов, являющихся существенными для понимания языка как главного средства естественного и общественного взаимодействия людей. Обеспечив теоретическое обоснование прагматического изучения языка, прагматика помогла увеличить и углубить знания человеческого общения и взаимодействия» [1, с. 44].

Термин «прагматика» был введен в конце 30-х годов XX века Ч. У. Моррисом как название одного из разделов семиотики, которую он разделил на семантику, изучающую отношение знаков к объектам, синтактику – раздел о межзнаковых отношениях, и прагматику, исследующую отношение к знакам говорящих [2, с. 38].

Во многом способствовали трансформации прагматики как части общей семиотической теории в самостоятельную область исследования работы Л. Витгенштейна, которые положили начало мощному потоку современных работ по прагматике. Наиболее известной и значимой идеей философии Витгенштейна явилась функционалистская концепция значения. Он приходит к мысли о необходимости учета не только внутриязыкового, но и внеязыковой ситуации, которую образует система человеческой деятельности, включающей в себя язык» [3, с. 85]. В «Философских заметках» Витгенштейн пишет: «Под употреблением я понимаю то, что превращает последовательность звуков в язык. В том смысле, в каком употребление является тем, что превращает дощечку с нанесенными на ней штрихами в линейку» [3, с. 85].

Выделение и формирование прагматики в качестве области лингвистических исследований было стимулировано идеями Ч. Пирса, который отметил, что «прагматизм выражает отношение к определенной человеческой цели» (Пирс Ч.).

Выдвинув в качестве объединяющего принцип употребления языка говорящими в коммуникативных ситуациях, лингвистическая прагматика охватила многие проблемы, имеющие длительную историю изучения в рамках риторики и стилистики, коммуникативного синтаксиса, теории и типологии речи и речевой деятельности, теории коммуникации и функциональных стилей, социолингвистики и психолингвистики, с которыми прагматика имеет обширные области пересечения исследовательских интересов. Это связано с тем, что прагматика, зародившаяся в недрах семиотики и изучающая отношения между знаком языка и носителем языка, частично растворилась в семантике и частично вышла за пределы лингвистики, достигнув своего апогея в теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля.

Вследствие этого термин «прагматика» по-разному трактуется в лингвистике. В научной литературе находим определения и самого широкого плана, выводящие прагматику за границы языка, и более узкие, конкретные, выявляющие связь прагматики с семантикой и грамматикой.

При широком понимании в ведение прагматики включают речевую деятельность в целом: между отдельными видами речевых актов устанавливается иерархия, а в рамках конкретного вида общения противопоставляются главные и второстепенные речевые акты, выявляется классификация речевых актов и их продуктов (соответствующих высказываний), а также возможности употребления суждений (пропозиций) в конкретных речевых контекстах. Такая «конверсационная прагматика» (прагматика разговора) опирается на общие принципы исследования человеческой деятельности [4, с. 368].

Крайним, с нашей точки зрения, проявлением широкого понимания этого термина явился подход, в котором прагматику приравнивают к теории «семантического исполнения», вынося ее за пределы грамматики, т.е. собственно «владения языком». К прагматике относят не только правила ведения разговора (конверсационное знание), но и знание закономерностей внешнего мира вообще.

При узком понимании прагматики наблюдается приписывание прагматических свойств языковым, в частности, грамматическим явлениям, а также отмечается, что прагматика имеет дело с языковыми значениями.

В такой концепции правила прагматики выглядят аналогично синтаксическим и позволяют извлекать из высказываний скрытые презумпции говорящего, общее для собеседников знание и т.п. Полный же набор прагматических правил моделирует употребление языка. По словам Ф. Кифера, «описание прагматики предваряется описанием семантики, а поскольку описание семантики предваряется описанием синтаксиса, то и прагматика тем самым опирается на синтаксис» [5, с. 333].

В лингвистике существует тенденция сближения семантики и прагматики в исследовательских направлениях, именующихся «прагмасемантикой» или «прагмалингвистикой». Это возможно на том основании, что отношение между языковым знаком и мыслительным образом устанавливается носителем языка, или речевым субъектом и прагматические компоненты сопутствуют семантическим компонентам на всех этапах формирования семантического потенциала языкового знака (И. П. Сусов).

Указанные аспекты прагматики, на наш взгляд, объединяет Р. С. Столнейкер в высказывании: «перед прагматикой встает два рода проблем: во-первых, определение интересных типов речевых актов и «продуктов» речи; во-вторых, описание признаков и свойств речевого контекста, влияющих на определение того, какая именно пропозиция выражается данным предложением» [6, с. 419].

К прагматическому плану содержания предложения относится, прежде всего, интенциональный аспект, который является универсальным признаком высказывания. Он определяется иллокутивными силами высказывания, ядром которых является интенция (намерение) говорящего. То есть говорящий или пишущий, движимый желанием быть услышанным, замеченным, строит свою речь с помощью иллокутивных высказываний, оказывающих влияние на адресата. Автор речи выбирает определенные языковые средства выразительности, которые могут в полной мере осуществить поставленную задачу: добиться реакции слушающего, добиться его понимания.

Прагматические составляющие целесообразно вычленять на уровне текста. Текст рассматривается нами как обладающий содержательной цельностью, синтактико-смысловой связностью составляющих его компонентов и внешней информативностью. Объем текста в лингвистическом смысле может быть различным. Нижнюю границу образует отдельное предложение, верхнюю – составляет монотематический абзац. Кроме того, текст обладает четко выраженными границами начала и конца, а также четко выраженной внутренней структурой. Таким образом, текст – это сложная макроструктура, венчающая пирамиду языковых единиц, на первый план которой выступают коммуникативные свойства.

В связном тексте в связи с его коммуникативными функциями важен прагматический аспект. В зависимости от того, что является объектом изучения, составляющие прагматического плана текста можно рассматривать на двух уровнях: на уровне текста в целом и на уровне языковых средств. В

связи с этим прагматику как раздел языкознания можно делить на две области: на ситуативную прагматику и на прагматику языковых средств.

Первая занимается изучением всех внешних по отношению к языку факторов, которые оказывают влияние на языковые характеристики того или иного текста. В первую очередь в область внимания попадает человек (говорящий, пишущий, слушающий, читающий), сфера его сознания. Выстраиваются отношения между адресантом и адресатом, определяется их тип и цель коммуникации, учитываются такие важные моменты как: с какой целью, зачем происходит обмен информацией, как он происходит, достигает ли он цели, то есть понимания слушающим или читающим. Для того чтобы этот процесс был успешным, необходима четкая ориентация на конкретного адресата, на его возраст, положение в обществе, род занятий, на его знания о мире, взгляды, вкусы, чувства и желания. И, конечно, необходим учет и самой ситуации общения. Эта ситуация включает и общественную, и социальную, и политическую, и экономическую жизнь в данный момент. Получается, что эта область прагматики предельно широка и для ее исследования необходим комплексный анализ явлений.

Второй аспект прагматического изучения концентрируется только на языке, на языковых средствах, способствующих передаче прагматической информации. Прагматическая информация в этом случае – это такая информация, которая заложена в выразительных средствах языка, в языковых единицах, несущих помимо основного денотативного значения дополнительное, коннотативное, отсылающее нас к отношению языка к окружающему миру, к его оценке. В этом случае областью исследований служат компоненты коннотативного значения. «Прагматический компонент должен быть включен в грамматическую теорию, которая таким образом превращается в систему правил, характеризующих языковую форму, значение и деятельность» (Ван Дейк).

Вопрос прагматики текста сопрягается с теорией речевых актов, поскольку текст это продукт речевой деятельности, характеризуемой предметным мотивом, целенаправленностью и состоящей из нескольких действий или речевых актов. Речевые акты выступают в качестве носителей определенных коммуникативных заданий, они направлены на достижение определенных эффектов при помощи отобранных языковых средств.

В своей работе «Что такое речевой акт?» Дж. Р. Сёрл пишет: «В типичной речевой ситуации, включающей говорящего, слушающего и высказывание говорящего, с высказыванием связаны самые разнообразные виды актов. При высказывании говорящий приводит в движение речевой аппарат. Произносит звуки. В то же время он совершает другие акты: информирует слушающих, либо вызывает у них раздражение или скуку. Он также осуществляет акты, состоящие в упоминании тех или иных лиц мест и т. п. Кроме того, он высказывает утверждение или задает вопрос, отдает команду или докладывает, поздравляет или предупреждает, то есть совершает акт из числа тех, которые Остин назвал иллокутивными. Вопреки распространенному мнению основной единицей языкового общения является не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта. Точнее говоря, производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения».

Эта теория выделяет в качестве основных единиц изучения не отдельные слова и выражения, а определенные речевые действия (иллокутивные акты), которые несут определенные коммуникативные задания. «Основное внимание уделяется структуре иллокутивных актов (т.е. речевых действий типа утверждений, спрашивания, отдачи приказов, описаний, объяснений, извинений, принесения благодарности, поздравления и т.д.) и их классификации. Эталоном стала следующая классификация Дж. Сёрла: а) ассертивы (репрезентативы), сообщающие о положении дел и предполагающие истинностную оценку; б) директивы, побуждающие адресатов к определенным действиям; в) комиссивы, сообщающие о взятых на себя говорящим обязательствах; г) экспрессивы, выражающие определенную психическую позицию по отношению к какому-либо положению дел; д) декларативы, устанавливающие новое положение дел. Различаются прямые (первично перформативные) и не прямые (косвенные) речевые акты. Предметом описания становятся языковые средства, служащие выявлению иллокутивных целей и функций (глаголы, в особенности перформативные, выражающие речевые намерения при условии их употребления в 1-м лице настоящего времени изъявительного наклонения и т.д.; наречия, частицы, порядок слов, интонация), а также условия коммуникации. Эти компоненты выступают составляющими прагматики текста» [7].

В рамках прагматики текста и теории речевых актов обязательными элементами всякого текста рассматриваются такие категории как, цель коммуникации, адресат и адресант, прагматическое содержание текста, перлокутивный эффект, ожидаемый от текста.

Е. С. Кубряковой считает: «Одно из важнейших свойств текста – его прагматическая ориентация, содержащаяся в нем установка, исходящая от говорящего... Текст должен рассматриваться как итог речемыслительной деятельности его создателя, воплощающего особый замысел в его направленности на определенного слушателя/читателя. Одно задает интенциональность текста: он всегда создается для реализации какого-либо замысла, другое – его информативность: информация

вводится в текст и фиксируется в нем не сама по себе, а для чего-то, для достижения определенной цели, и с точки зрения отправителя она всегда существенна, релевантна, должна изменять поведение воспринимающего и, в известном смысле, рассчитана на определенный эффект и воздействие на адресата» [8, с. 73].

Для категории текста в прагматическом аспекте важны следующие его составляющие: суждение о мире (определенная информация), цель (намерение), ради которой рождается этот текст, наличие отправителя (говорящего или пишущего) и получателя (слушателя или читателя), который должен воспринять интенцию, идущую от адресанта, ориентация на фоновые знания, способствующая успешной коммуникации.

Итак, определение прагматики зависит от исходных позиций исследователя и значительно различается в трудах лингвистов, разрабатывающих проблемы синтаксиса (прагматика – остаток при синтаксическом и семантическом анализе, в частности – нестандартные предложения) (Ф. Кифер), семантики (прагматика - оценочные и примыкающие к оценочным значения, а также вытекающие из контекста ассоциации и коннотации) (И. П. Сусов, Н. Д. Арутюнова), стилистики и риторики (прагматика – коммуникативная семантика, а также использование языка с целью воздействия, язык политики, рекламы, психотерапии и т.д.) (Е. Шрейдер), речевой деятельности (прагматика – теория пресуппозиций, коммуникативных постулатов, речевых актов) (Ч. Моррис, Л. Витгенштейн, Дж. Серль).

В общем виде прагматика изучает механизмы воздействия на реципиента (адресата), предполагающие использование разнообразных средств языка и речи, а также внеязыковых факторов, таких как коммуникативная ситуация, интенция автора, характер адресата и др. Прагматика соотносится с разными уровнями языковой системы. Ее объекты отличаются широкой охватностью. Это единицы языка и речи от фонемного состава слова до предложения.

Примечания

1. Ахманова О. С., Мамедова И. М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика // Вопросы языкознания. 1978. № 3. С. 43-48.
2. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 37-98.
3. Витгенштейн Л. Философские заметки. М., 1965.
4. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 368-377.
5. Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
6. Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
7. Сусов И. П. Коммуникативно-деятельностные теории языка // Мир слова русского. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusword.org>
8. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения / Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 72-81.

М. В. ФИНАДЕЕВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

КОГНИОТИПИЧНОСТЬ МЕДИАЖАНРОВОГО МЫШЛЕНИЯ

На современном этапе развития лингвистики когнитивное исследование жанров СМИ представляется особенно актуальным, во-первых, в силу социальной значимости текстов, продуцируемых современными масс-медиа, обусловленной их доминированием над всеми другими видами текстов [1, с. 151]. Во-вторых, современный медиатекст в силу ряда особенностей является принципиально новым коммуникационным продуктом [2] и именно поэтому требуется новый понятийный аппарат для лингвистического осмысления всех его параметров, в том числе медиажанра. В-третьих, когнитивный аспект исследования текстовой деятельности СМИ представляется наиболее перспективным [3] в выявлении тех существенных свойств медиажанров, которые пока остаются вне поля зрения в рамках других парадигм.

Когнитивный подход предполагает рассмотрение медиажанра в тесной связи с процессами мышления. На наш взгляд, есть основания предполагать наличие у индивидов **медиажанрового мышления**, под которым мы понимаем **оперирование медиажанровыми когнитивными структурами, которые формируются и фиксируются в сознании индивидов как результат интериоризации медиатекстов, принадлежащих различным медиажанрам.**

Медиажанровое мышление обладает целым рядом специфических черт, основополагающей из которых, по нашему мнению, является **когнотиичность**. Когнотиичность медиажанра проявляется

ся в том, что **медиажанр выступает в качестве детерминанта когнитивных процессов, задавая способ осмысления того или иного фрагмента действительности.**

В качестве способа выражения определенного мировидения жанр рассматривался целым рядом исследователей. Впервые эта идея была озвучена М. М. Бахтиным, который замечал, что «в жанрах на протяжении веков их жизни накапливаются *формы видения и осмысления* определенных сторон мира» [4, с. 332 – курсив мой – прим. авт.]. Л. Г. Кихней также считает, что «жанр выступает в виде некоей установки *способа осмысления* определенной сферы бытия и ее художественной организации в некоторое типическое целое – *модель, форму*» [5, с. 16 – курсив мой – прим. авт.]. Эту же мысль находим в целом ряде работ Н. Л. Лейдермана, который определяет жанр как «некий тип мирозидания» [6, с. 22] и «тип устойчивой структуры произведения, организующий все его элементы в целостную образную реальность, являющуюся носителем *определенной эстетической концепции действительности*» [7, с. 41 – курсив мой – прим. авт.]. По мнению исследователя, «один жанр рассматривает мир в свете одной формулы мира». В силу того, что «никакое произведение не в силах объять целый мир, ... что-то перекодирует всю эту данность... в ... *образ мира*, в «сокращенную Вселенную» [8, с. 26]. Механизм такой перекодировки заложен и в жанровой структуре медиатекста. Именно она организует его в образ реальности (медиа-миро-образ), воплощающий определенную медиаконцепцию действительности. Иными словами, в сознании индивидов имеются определенные модели медиажанро – медиажанровые когнитивные структуры – которые с одной стороны задают способ осмысления окружающей действительности и представления результатов этого осмысления в текстовую данность того или иного медиажанра, ее кодирования. С другой стороны, медиажанровые структуры позволяют реципиенту безошибочно идентифицировать медиажанр для адекватного «распаковывания» смыслов медиатекста, определения «тональности», в которой происходит осмысление того или иного фрагмента действительности, репрезентированного в медиатексте.

Воспринимая определенные фрагменты окружающей действительности, продуцент никогда не воспроизводит их в медиатекстах полностью, но всегда избирательно, опуская одни детали и акцентируя другие. Причем делается это не случайным образом, а в зависимости от того, каким способом эти фрагменты осмысливаются, в «какой системе координат они описываются». Общеизвестно, что одно и то же событие может быть описано и в комедийном ключе, и в трагикомическом и трагедийном. Так же при написании статьи об одном и том же человеке в зависимости от медиажанра можно акцентировать лишь его положительные качества (некролог) или отрицательные (сатирическая статья) или осветить и те и другие (статья «портрет человека»). В любом из этих случаев «угол зрения» на тот или иной объект задается именно медиажанром. Более детально, используя схему, предложенную Н. В. Бугорской [9, с. 35], этот процесс можно представить следующим образом. У субъекта, познающего тот или иной фрагмент действительности, существует исходная познавательная задача. Причем, как справедливо замечает И. В. Рогозина, в сфере медиакommunikации когнитивная деятельность всегда имеет свою специфику – это «познание мира не для себя, что характерно для человека, находящегося вне медийных структур, а познание мира *через* себя для большого количества других людей» [1, с. 133], для выражения результатов этого познания в медиатексте. Например, у продуцента медиатекста исходной познавательной задачей является изучение некоего явления в целях написания некролога или сатирической статьи. Исходная познавательная задача детерминирует ценностную позицию по отношению к рассматриваемому явлению (некролог – «о покойнике только хорошо», сатирическая статья – критическое отношение). От этого в свою очередь зависит способ интерпретации, рассуждения (акцентировать положительные или отрицательные стороны). Этот способ находит свое выражение в когнитивном стиле, присущем тому или иному медиажанру, в нашем случае некролога или сатирической статьи. Таким образом, медиажанр задает способ познания действительности.

Мысль о когниотипичности жанра была впервые озвучена А. Г. Барановым в его работе «Когниотипичность жанра» [10] и развита в статье «Двухкомпонентность когниотипа в жанровой специфичности» [11]. Исследователь считает, что когниотип должен включать два компонента: пропозициональный и модальный. Первый из них отражает топику массива текстов определенной предметной области, то есть является жанрово ориентированным. Второй компонент выступает фактором жанровых трансформаций текстов в определенной предметной области, то есть один и тот же пропозициональный компонент когниотипа может служить базой для порождения текстов разной интенциональности [10, с. 48-50].

В этой гипотезе два момента кажутся нам наиболее значимыми для нашего исследования медиажанров. Во-первых, в отличие от многих других исследователей, рассматривающих пропозициональный компонент как лишенный какой-либо эмоциональной характеристики, как амодальный, А. Г. Баранов считает, что выбор фрагмента действительности осуществляется автором избирательно по ценностным параметрам [11, с. 50]. Это, на наш взгляд, особенно верно в отношении медиатекстов, жанр которых зачастую задан изначально (редакционное задание), а под него уже подбирается соответствующий фрагмент действительности, который и будет репрезентирован в медиатексте. Например, репортаж может быть только о каком-то событии, статья отражает проблему, интервью изла-

гает мнение. Во-вторых, мы согласны с тем, что один и тот же фрагмент действительности может быть репрезентирован в текстах разных медиажанров в зависимости от модального компонента, что мы и проиллюстрировали выше на примере некролога и сатирической статьи.

И. В. Рогозина рассматривает медиакогниотип как ингерентный определенному масс-медиуму специфический медийный тип познания [1, с. 233]. Не можем не согласиться с тем, что вид масс-медиума детерминирует специфические структуры познания реальности, построенные на особых, характерных для определенного вида СМИ моделях семиозиса [1, с. 230]. Однако, если продолжить эту мысль, внутри каждого медиакогниотипа (пресс-, радио-, теле- и виртуального когниотипа) происходит дальнейшая дифференциация способов познания реальности в зависимости от медиажанра.

Таким образом, можно сделать вывод, что когниотипичность как детерминирование способа осмысления того или иного фрагмента действительности есть одна из основополагающих черт медиажанрового мышления.

Примечания

1. Рогозина И. В. Медиакартина мира: когнитивно-семиотический: дисс. ...д-ра филол. наук. Барнаул, 2004.
2. Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М., 1999.
3. Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть II. М., 2004.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. 1979.
5. Кихней Л. Г. Из истории жанров русской лирики: стихотворное послание XX века. Владивосток, 1989.
6. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск, 1982.
7. Лейдерман Н. Л., Барковская Н. В. Введение в литературоведение. Екатеринбург, 1988.
8. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н., Барковская Н. В., Ложкова Т. А. Практикум по жанровому анализу произведений. Екатеринбург, 1998.
9. Бугорская Н. В. Методологические проблемы описания лингвистической терминологии: автореф. дисс... д-ра филол. наук. Барнаул, 2009.
10. Баранов А. Г. Когниотипичность жанра // *Stylistika*. 1997. № VI.
11. Баранов А. Г. Двухкомпонентность когниотипа в жанровой специфичности. Саратов, 1998.

М. В. ФИНАДЕЕВА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

МОДЕЛЬ КОГНИТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ МЕДИАЖАНРА

Когнитивное исследование медиажанров находится на стыке таких актуальных направлений современной лингвистики как когнитивная лингвистика с ее интересом к когнитивным процессам порождения и интериоризации текстов, и медиалингвистики [1, 2], признающей медиатекст принципиально новым коммуникационным продуктом [3] и постулирующей необходимость лингвистического осмысления всех его параметров, в том числе и медиажанра.

Мы считаем роль медиажанра в процессе интериоризации медиатекста значительной в силу того, что, по нашему мнению, он является когнитивной основой смыслопорождения при восприятии медиатекста. Когнитивный подход к медиа-жанру предполагает изучение его как когнитивной структуры, то есть того, как медиажанры репрезентированы в сознании индивида и как он оперирует этими знаниями. Одной из задач такого исследования является построение модели когнитивной идентификации медиажанра.

В силу принципиальной поликодовости медиатекста считаем обоснованным осуществить моделирование когнитивной идентификации медиажанра с опорой на модель понимания поликодового текста, предложенную А. Г. Сониным [4], путем уточнения роли медиажанра в процессе интериоризации медиатекста. В построении нашей модели мы будем исходить из выводов, сделанных А. Г. Сониным в процессе исследования механизмов понимания поликодовых текстов. Напомним, что проанализировав основные модели понимания текстов в отечественных и зарубежных исследованиях, А. Г. Сонин предложил оригинальную модель понимания поликодового текста (ПТ), которая была им верифицирована в ходе нескольких экспериментов [4]. Специфика когнитивной обработки ПТ вытекает, по мнению исследователя, из различий в обработке гетерогенных составляющих ПТ. На уровне первичной структурной обработки когнитивные механизмы идентификации вербальной и изобразительной составляющей подобны. В обоих случаях воспринимаемая информация начала разлагается на отдельные черты, обработка которых ведется рассредоточено, но не обособлено, так как между специфическими нейронами и группами нейронов существуют многочисленные связи. Полученная информация комбинируется в ассоциативных зонах коры больших полушарий. Полученная конфигу-

рация ведет к началу следующего этапа обработки, на котором она сравнивается с теми конфигурациями, которые уже знакомы системе на основе предыдущих перцепций. Принципиальное различие в обработке гетерогенных составляющих проявляется на втором этапе понимания ПТ. Активация представлений о форме объекта, связанная с обработкой изобразительного текста, автоматически подключает семантические репрезентации, ассоциируемые с активированной формой. Активация графического образа слова, связанная с обработкой письменного вербального текста, ведет к активации лексических репрезентаций. Таким образом, распространение активации отличается для разных составляющих: при восприятии рисунка обработка проходит по направлению от идентификации к непосредственной активации семантических репрезентаций, а лексические репрезентации задействуются позже. При обработке вербального текста семантические репрезентации, связанные с каждым из слов, активируются уже после того, как в обработке были задействованы лексические сети. Указанные различия, по мнению ученого, имеют существенные последствия для когнитивных механизмов построения ментальной репрезентации содержания ПТ: первый этап построения базовой репрезентации поликодового вербально-изобразительного текста характеризуется преимущественным учетом содержания изобразительной составляющей. Именно содержание рисунка определяет структуру семантической цепи, которая формируется за счет активации одних узлов и ингибции других. С началом семантической обработки вербального текста концепты, совпадающие с базовыми, усиливаются, в то время как не согласующиеся с базовыми, преимущественно ингибируются. Поскольку формирование базовой репрезентации содержания текста начинается еще до начала семантической обработки вербального текста, влияние последнего на ментальную репрезентацию ПТ может рассматриваться как вторичное [4].

Тот факт, что медиатекст является принципиально поликодовым продуктом, дает основания для применения описанной модели для моделирования когнитивных механизмов понимания медиатекста и идентификации медиажанра.

Схематично процесс когнитивной идентификации медиажанра можно представить следующим образом.

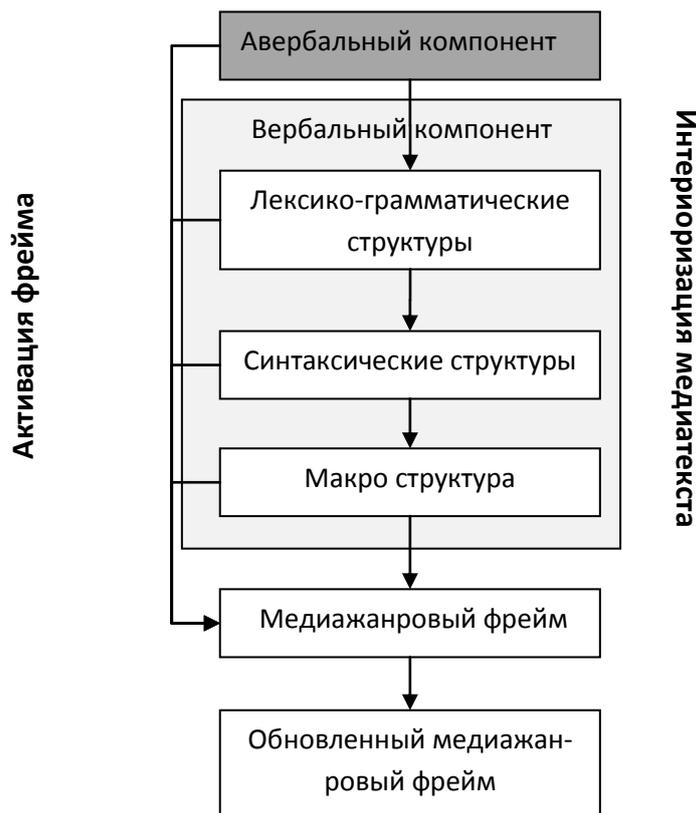

Схема 1 – Когнитивная идентификация медиажанра

Когнитивная обработка медиатекста согласно предложенной модели начинается с обработки авербальной составляющей медиатекста. При этом анализируется не только содержание изображения, но и его характер, в результате чего у реципиента возникает ряд презумпций относительно как денотативного содержания медиатекста, так и того, в каком ключе представлен описываемый фрагмент действительности, т.е. жанровой принадлежности медиатекста.

Как показывают данные многочисленных исследований, на этапе семантической обработки вербального текста сначала активируются все возможные значения, которые могут приниматься полисемичными вербальными компонентами, затем в ходе дальнейшего освоения текста происходит отбор *контекстуально значимых* значений [5-7 – курсив мой – М. Ф.]. Необходимо акцентировать, что, по мнению целого ряда ученых, для такого «отбора контекстуально значимых значений» и для понимания текста в целом необходимо построение «схемы текста» («text schema», «text schemata») [8-12]. В качестве такой «схемы текста», считает Шмидт, и выступает медиажанр [13]. Ван Дейк и У. Кинч уточняют, что следует различать два вида «схем текста»: «контекстную модель» (как первоначальный набросок ситуации, некая координатная сетка) и «модель ситуации», возникающие в сознании реципиента в процессе окончательного освоения текста [14]. «Контекстная модель» в понимании Т. ван Дейка очень близка по своей сути к медиажанру в нашем понимании. То есть можно говорить о том, что при интериоризации медиатекста первоначально происходит идентификация медиажанра как общей «схемы» медиатекста, на основе которой выстраивается модель ситуации как окончательный результат его интериоризации.

Медиажанр существует в сознании реципиента в качестве фрейма, который активируется при наличии достаточного количества жанровых признаков (это количество зависит как от медиажанра, так и от индивидуальных особенностей реципиента – степени его медиакоммуникативной компетенции и степени сформированности медиажанрового фрейма в его сознании).

Специфика когнитивной идентификации медиажанра является следствием специфики интериоризации поликодовых текстов, а именно – первичности освоения авербального компонента, задающего общую направленность дальнейшего понимания ПТ [4]. При наличии выявленных нами устойчивых корреляций между характером авербальной составляющей медиатекста и его медиажанровой принадлежностью, характер авербального компонента медиажанра может рассматриваться как устойчивый медиажанровый признак, зачастую достаточный для активизации всего медиажанрового фрейма. При наличии авербального компонента медиатекста к началу освоения вербальной составляющей у реципиента, уже может быть сформирована «жанровая презумпция текста», то есть происходит идентификация медиажанра. Таким образом, медиажанровый фрейм может быть активизирован еще до начала интериоризации вербальной составляющей, что является когнитивной основой дальнейшего освоения медиатекста.

Без наличия авербального компонента (или при недостаточной его «характерности») на начальном этапе освоения медиатекста значительные усилия реципиента тратятся именно на построение контекстной модели или идентификацию медиажанра. Это подтверждается результатами экспериментов, проведенных М. А. Гернсбахером и М. Фаустом, согласно которым испытуемые тратят больше времени на чтение первого слова фразы и первой фразы текста [15, 16]. Медиажанровый фрейм в этом случае активируется несколько позже, на любом из этапов освоения вербальной составляющей медиатекста, при накоплении достаточного количества медиажанровых признаков. Идентификация медиажанра служит, таким образом, способом редуцировать сложность, связанную с множественностью возможных интерпретаций, с которой сталкивается реципиент медиатекста, а сам медиажанр рассматривается в качестве когнитивного инструмента устранения подобных сложностей [13, с. 375] или когнитивного инструмента минимизации усилий реципиента и оптимизации процесса интериоризации медиатекста.

Значимым, на наш взгляд, является тот факт, что медиажанровый фрейм является развивающейся когнитивной структурой. В ходе освоения текстов определенного медиажанра, продуцентом выделяются медиажанровые признаки, по которым затем опознаются медиатексты, принадлежащие тому же медиажанру. Таким образом, по мере интериоризации медиатекста медиажанровый фрейм каждый раз обновляется – «обогащается» все новыми признаками медиажанра, которые в дальнейшем способствуют все более быстрой активации медиажанрового фрейма и идентификации медиажанра.

В представленной схеме присутствует достаточная доля условности, так как процесс интериоризации медиатекста вообще и медиажанровой идентификации в частности вряд ли может рассматриваться как линейный, и наряду с «нисходящим» процессом, представленным нами, одновременно могут иметь место и интерактивные «восходящие» процессы сопряжения смыслов, репрезентированных единицами разных уровней.

Представленная модель позволяет сделать вывод о том, что, хотя медиажанр репрезентирован на всех уровнях медиатекста, и медиажанровый фрейм может быть активирован единицами любого уровня, роль авербальных составляющих в идентификации медиажанра является значительной. За счет авербальной составляющей медиатекста медиажанр может быть идентифицирован реципиентом еще до начала интериоризации вербальной составляющей. Таким образом, авербальные компо-

ненты медиажанра являются не просто дублирующими по отношению к вербальным, но выполняют направляющую роль в процессах семиозиса.

Примечания

1. Corner J. The Scope of Media Linguistics. BAAL Newsletter, 1998.
2. Добросклонская Т. Г. Теория и методы медиа лингвистики (на материале английского языка): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2000.
3. Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М., 1999.
4. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дисс. ... д-ра филол. наук. М. 2006.
5. Kintsch W. The role of knowledge in discourse comprehension: A construction- integration model. Psychological Review. 1988. № 95 (2). P.163-182.
6. Gernsbacher M. A.. Language comprehension as structure building. Hillsdale, N. J., 1990.
7. Gernsbacher M. A. The structure-building framework: What it is, what it might also be, and why // Models of understanding text/ B. K. Britton & A. C. Graesser (Eds.). Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum, 1996. P. 289-311.
8. Sanford A.J. & Garrod S.C. Understanding written language. New York, 1981.
9. Carrell P. L., Devine J., and Eskey D. E. Interactive Approaches to Second Language Reading. N.Y., 1988.
10. Oller J. W. Jr. Adding Abstract to Formal and Content Schemata: Results of Recent Work in Peircean Semiotics // Applied Linguistics. 1995. № 16. P. 273-306.
11. Mandler I. M & Johnson N. S. Remembrance of things parsed: story structure and recall // Cognitive Psychology. 1977. № 9. University of California, San Diego, La Jolla, CA. P. 111-51.
12. Swales J. M. Genre Analysis. Cambridge, 1990.
13. Schmidt S. J. Towards a Constructive Theory of Media Genre // Poetics. 1986. № 16.
14. Дейк. Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
15. Gernsbacher M. A., & Faust M. Fine-tuning in the activation of lexical representations during comprehension // Comprehending word and sentence / G. B. Simpson (Ed.). Amsterdam, 1990.
16. Gernsbacher M. A., & Faust M. The mechanism of suppression, a component of general comprehension skill // Journal of Experimental Psychology Learning, Memory and Cognition. 1991. № 17. P. 245-262

Н. В. ХАЛИНА

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В РОМАНАХ А. С. ПУШКИНА И В. М. ШУКШИНА

Существование человека как живого организма в социальной среде приводит к необходимости различения таких свойств формы организма, которые определяют его соответствие своей среде. В теории языкового существования формой организма признается, в том числе, и языковая форма, которая становится формой поддержания жизнедеятельности общности социальной, одной из форм проявления ее жизни [1]. Следствием кругообразности и сложности формы любой системы, чье поведение включает в себя поддержку той же самой формы, в концепции автопозза является познание, осуществляемое с помощью языка, который обладает достаточным трансформационным потенциалом, по мнению немецкого социолога Н. Лумана [2].

Этот трансформационный потенциал, по мнению А. Ю. Антоновского, анализирующего теорию Н. Лумана, можно представить следующим образом [3].

Язык, с учетом всего означенного, обладает особым трансформационным потенциалом, который А.Ю. Антоновский, анализируя позицию Н. Лумана, характеризует следующим образом [3]:

1) язык как таковой представляет собой пассивный принцип или своего рода материал или вещество (hyle), приобретающее очертания благодаря тем или иным специфическим (прекрасным, возвышенным и т.д.) выражениям;

2) язык как абстрактная тотальность, как медиум, безразличный к своим формам, напротив, допускает лишь одну-единственную кодировку: код отрицания, т.е. выбор между принятием и отклонением предложенного смысла;

3) язык метафорически может истолковываться как фон или горизонт, как своего рода пространство, которое само по себе не способно принимать никакую конфигурацию, пока в нем не «проступит» форма. То, что само по себе не имеет формы или конфигурации, очевидно, неспособно и изменить эти форму или конфигурацию;

4) язык таким образом – как потенциал или горизонт возможностей повседневности – остается всегда равным себе, и именно это того делает возможными изменения форм или сочетаний жестко связанных элементов. Чтобы что-то изменилось, горизонт должен оставаться неизменным;

5) язык как тотальность, напротив, в гораздо меньшей степени зависит от социальной дифференциации. Язык применяется всеми дифференцированными подсистемами общества и не обязан следовать логике социальной дифференциации.

Язык как потенциал или горизонт возможностей повседневности позволяет познающему субъекту соединить лингвистическое взаимодействие со структурным сопряжением, благодаря чему «обосновывается» индивидуальный опыт. В результате этого объединения согласуются два смысла «контекста» – фактор лингвистического «значения» и релевантность ситуационного фона, что предопределяет особенности организации языка в той или иной исторической ситуации.

В автопоэтической теории организацией системы называется набор связей между компонентами, которые (а) очерчивают свою форму в любой момент и (б) служат ядром «идентичности», которая устанавливается, несмотря на динамические изменения во времени.

«Отношения определяющие машину как сущность, и задающие динамику взаимодействий и трансформаций, которым она может подвергаться как сущность, конституируют организацию машины» [4, р. 77]. Матурана отмечает что термин «организация» идёт от греков и означает «инструмент». Используя этот термин для основания, определяющего характер системы он фокусирует внимание на «инструментальном участии компонентов в конституировании единства» [5, р. 315].

Формально говоря: «Организация машины (или системы) не задаёт свойства компонентов которые реализуют машину как конкретную систему, она всего лишь задаёт отношения которые компоненты должны генерировать чтобы конституировать машину или систему как единство. ..хотя данная машина может реализовываться многими различными структурами, для того чтобы она конституировала реальное единство в данном пространстве её текущие компоненты должны быть заданы в этом пространстве, и обладать свойствами которые позволяют им генерировать связи которые задают их» [4, р. 77].

Организация языка с позиций автопоэтической концепции задает отношения, которые языковые элементы (единицы, синтагмы) должны генерировать, чтобы конструировать социально-коммуникативное сообщество как единство. Образцы организации современного русского языка в начальный период его оформления как особого системного единства, обеспечивающего внутреннее единство российского общества (роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»), и в период «закрывающий» (роман В. М. Шукшина «Любавины») его использование для поддержания целостности и функционирования искусственного социального единства – СССР – становится объектом нашего исследования.

Организация языка вступает во взаимодействие с архитектурой произведения – его построением. Причем уместнее, видимо, в данном случае, акцентируя внимание на архитектонике, говорить о художественном выражении структурных закономерностей текста, взаимосвязи и взаиморасположении несущих и несомых частей, ритмическом строе форм, делающем наглядным статические усилия конструкции. Отчасти архитектура проявляется в пропорциях, которые в художественном тексте, как мы полагаем, связаны со *straps* (в морском деле – стропы) – крепительными «планками», формально-семантическими последовательностями, которые состоят из единиц, повторяющихся равное количество раз в тексте, и «пролегают» по конструктивно значимым линиям текста как конструкции.

Straps (стропы) предлагается рассматривать в качестве элементов конструкции художественного текста, созданного в особые переходные периоды существования социума и отражающие адаптацию системы семантик индивидуума (социального субъекта) к изменяющимся обстоятельствам жизни. Стropy задают отношения, которые языковые элементы (единицы, синтагмы) должны генерировать, чтобы конструировать социально-коммуникативное сообщество как единство, т.е. в них представлена организация языка – горизонта возможностей повседневности. Интерпретировать стропы как элементы одновременно и конструкции текста, и организации языка в тексте позволяет теории изотопий в переложении Ф. Растье [6].

Семантические реализации, как полагает Ф. Растье, изначально не присущи слову, а привносятся социально-культурным контекстом, актуализируясь в семеме. Попадая в контекст, слово как бы «отзывается» в окружающих его словах. Следовательно, выявить какой-либо признак в соседних по тексту семемах возможно по принципу «цепной реакции»: актуализация семантических компонентов («множителей»), элементов семантической структуры слова обусловлена контекстом конкретной коммуникативной ситуации. В связи с этим появляется возможность выявить: а) множество смыслов конкретной фразы; б) семантическую связность фраз в пределах текста; в) объем предельности семантической структуры слова, г) семантическую зону, которая за пределами по отношению к словарю. Согласно Ф. Растье, изотопия – это явление, которое предстает в качестве основного регулирующего фактора распределения смысла, способствующего актуализации сем в тексте, а также

фактора, демонстрирующего конечность сопряжения смыслов (изотопия сем, сопряженность смыслов конечна).

Идея «строповой» организации языка в текстах, маркирующих переходные периоды существования социума, созвучна теории изотопии Ф. Растье, однако есть одно существенное отличие: «соседство» текстовых единиц, к которым, безусловно, прежде всего относятся формы слов, посредством которых осуществляется формовозобновление текста, может определяться не только собственно по местоположению «рядом» в тексте, но и по тождественности повторений в тексте. Определенное количество повторений текстовой единицы становится основанием для включения ее в последовательность, которая содержит информацию (а) о принципах организации языка в коммуникативной ситуации, повлиявшей на содержание и архитектуру текста; (б) о конструкции текста и о тексте как конструкции.

При анализе организации языка в романах А. С. Пушкина и В. М. Шукшина нами было выделено семь стропов, особое внимание в которых, на наш взгляд, следовало уделить наречиям, выполняющим функцию аксиологических маркеров – своеобразную рефлексивную оценку социально-событийной динамики, или напротив, социально-событийной статике.

Меньшее количество членов содержат I-IV стропы. В первом стропе, представленном одной единицей, определяется главное действующее лицо, вокруг которого и моделируется коммуникационный процесс.

1. ПУШКИН: Онегин (103)

ШУКШИН: Кузьма (1302)

Пропорция повторов 1:13 (103:1302)

Количество единиц в ряду 1:1

Во втором стропе выделяется внутренняя форма текстового повествования – целевое задание, в соответствии с которым в художественное произведение конструируется и воспроизводится форма коммуникационного процесса истории.

2. ПУШКИН: поэт (51)

ШУКШИН: надо (350)

Пропорция повторов 1:7 (51:350)

Количество единиц в ряду 1:1

В третьем стропе задается форма отношения к коммуникативной ситуации, горизонт возможностей социального, или общественного, субъекта, а также принцип сопряжения конечности смыслов.

3. ПУШКИН: действительности, сей (вновь, /взор, любовь, моя, сон, шум) (25)

ШУКШИН: посмотрел (сразу, дело) (160)

Пропорция повторов 3:20 (25:160)

Количество единиц в ряду 2:1

В четвертом стропе задана система оценок, критериев, в соответствии с которыми происходит реконструкция внутренней формы синхронной духовной ситуации, и соответственно моделируется стиль осмысленного поведения социального субъекта, «рефлексирующего» относительно динамики/статике коммуникационного процесса истории.

4. ПУШКИН: **верно**, вся, знал, **кругом**, люблю, **мало**, мира, мысли, **нынче**, писал, **почти**, путь, **среди**, строфы (12)

ШУКШИН: говорит (говорить), **громко**, лицо, людей (люди), **хорошо** (хлеб, говорил) (80)

Пропорция повторов 3:20 (12:80)

Количество единиц в ряду 14:5

Верно, кругом, мало, нынче, почти, среди – громко, хорошо

В V стропе задается система координат-векторов, в соответствии с которым должно осуществляться, с одной стороны, продвижение по пространству коммуникаций, с другой стороны – моделирование коммуникационного процесса истории.

5. ПУШКИН: бедный, беседы, блеск, блестит, **боле**, бродит, **важно**, верный, весны, вздор, вид, **видно**, вино, воле, воображение, вошел, **вслед**, героев, героем, глав, говорил, гордый, дал, двора, **делать**, десятой, детей, добрый, должна, забыв, замысел, затей, зима, значение, идей, изображения, итак, какая, конце, край, крайней, кровь, кстати, лорнет, луне, любовник, любя, люди, малый, младой, младость, многих, молодых, Москвы, мысль, **навсегда**, надежду, **наоборот**, написана, например, небом, **недаром**, **нельзя**, **непосредственно**, новые, образа, одну, оные, описание, ответа, отношение, отрывки, первом, песни, песня, пестрый, печали, пишет, **поздно**, **покамест**, полк, полный, поля, портрет, **постепенно**, пошел, пошли, право, предмет, приятель, простите, прочил, пути, пушкинский, рад, **развития**, различных, Ричардсона, романтический, роману, рука, руки, рукою, заорал, замолчали, Руссо, сама, светский, слава, смотрит, сны, собрание, солнце, сомненья, соседа, спустя, старый, степени, стихов, судьбу, Таню, тобой, толпа, **тотчас**, трике, трудов, хандра, холодной, хочу, цели, чувство, Энгельс, эпитафия, является(6)

ШУКШИН: бывает, вышли, грудь, деревни, Егором, крикнул, избушку, одна пойду, полез, скажи, слова, спросила, **страшно**, Федю (40)

Пропорция повторов 3: 20 (6:40)

Количество единиц в ряду более 100 :15

Важно, видно, вслед, навсегда, наоборот, недаром, нельзя, непосредственно, поздно, покамест, постепенно, тотчас – страшно

В VI строке представлены маркеры коллективной рефлексии на собственное синхронное «творение» истории, составляющие основу коммуникативного сообщения и, как следствие, идеологии социума, расценивающего себя в качестве общества (в противовес общине, зиждящейся на патриархальном укладе), способного и имеющего право формировать экономический, духовный уклад по собственному усмотрению. Если в системе оценок, представленных в конструкции «Евгения Онегина», очевидна синхронность дела и определения его коммуникационной целесообразности, т.е. «присутствие в процессе», то в системе оценок, зафиксированных в «Любовиных», осязательно понимание конечности сопряжение смыслов (равенство, свобода, братство), их «истощимость» в процессе творения российской истории в XX в.

(VI) ПУШКИН: (3) blanc, dans, lvi, qui, авторского, Александр, Апулея, Байрону, бала, баллады, балы, Баратынского, барин, барский, беда, бедная, бежит, благоденствия, благородство, благосклонный, благословил, блещет, **ближе**, блистал, Богдановича, больших, бордо, брань, брат, берега, брегах, брежет, бред, будут, будучи, бурный, бурь, быстрый, важный, **вдоль**, вдохновенья, ведает, венец, вензель, верит, верная, верится, весел, весной, вести, ветер, вечера, **вечером**, вечер, взглянуть, вздохнув, вздыхать, взоры, взять, видим, видом, видят, вист, **вкруг**, власти, влечет, влюблен, **вмиг**, внемлет, внимая, внутреннего, водою, **возможно**, волею, волной, волшебный, Вольмар, вообще, ворот, восемь, воспоминаний, **вполне**, враг, всему, **всечасно**, **вскоре**, встреч, встречается, **громче**, грусть, грусти, дано, дань, дары, двадцать, два-три, движенья, действия, ей-ей, жажда, желанье, жен, женат, жены, жива, живет, жизненных, жизнью, жить, жребий, забавы, забвенья, забыли, забыт, забыть, заметил, замечал, замечание, замечу, замысла, занимает, заняться, знает, знаешь, знакомых, **искренне**, каким, капитал, метод, мера, методу, мечтам, мечтами, многообразие, Москвы, Москву, московских, **наглядно**, **наедине**, **невозможно**, **нежели**, **нетерпеливо**, **нимало**, образе, образец, образу, образы, **остро**, **очевидно**, **повсюду**, погружен, погружена, погрузился, **подчас**, **пополам**, **посреди**, **по-французски**, поэм, поэму, поэтический, поэтического, поэты, представителя, представления, предстаёт, **проворно**, путем, **резко**, **рельефно**, **решительно**, творенья, творческого, творчество, **трудно**, **трудом**, **ужасно**, характеристики, характерная, характеров, хор, **хором**, **чудно**, явлений, являться (3)

ШУКШИН: (20) бабы, **близко**, вечер, взяли, вижу, **вопросительно**, врешь, выйдет, выпьем, выстрел, вышло, гляди, гости, днем, девки, другого, заорал, замолчал, заявил, земля, змея, идем, **издали**, колени, круг, **ласково**, мерин, **неужели**, **ночами**, обозлился, образовался, плечо, плюнул, помолчал, попросил, остановил, положил, последний, пропил, путь, работать, работу, **раньше**, рассказал, рассказать, самым, свернул, сделать, **сердито**, **сквозь**, слушал, смерти, сначала, сне, **среди**, сыну, **тоскливо**, утра, **хмуро**, хотела, чему, шагах

Пропорция повторов 3:20

Количество единиц в ряду более 100: более 100

Ближе, вдоль, вечером, вкруг, вмиг, возможно, вполне, всечасно, вскорее, искренне, наглядно, наедине, невозможно, нежели, нетерпеливо, нимало, остро, очевидно, повсюду, подчас, пополам, посреди, по-французски, проворно, резко, рельефно, решительно, трудно, трудом, ужасно, хором, чудно – близко, вопросительно, издали, ласково, неужели, ночами, раньше, среди, тоскливо, хмуро

В VII строке представлено состояние, в котором пребывает творящее начало по окончании процесса преобразования формы среды обитания и своей собственной духовной формы. В одном случае возможно говорить о способности адекватно сопоставить начальный проект и полученный результат («Евгений Онегин»), в другом случае – о нейтрализации этой способности и умении оценивать полученный результат безотносительно его социальной целесообразно, а как момент динамики, возможности неизбежного продвижения вперед, что собственно и составляет, в конечном счете, цель формовозобновления.

6. ПУШКИН: avec, cetera, Child-Harold, comme, croire, dandy, des, elle, encore, endormie, etait, fare, madame, moi, nom, ongles, ses, thee, une, бегать (бег, бегала, бегут), **безусловно**, **безотрадно**, **бережно**, **благородно**, блеснуть, блистать (блеске, блеснул, блестящий, блещут), большой (большом, большую, большей), бутылка, важный, **вброд**, **вдаль**, верный (верность), веселый (веселья), вздыхать (вздых), видеть, властвовать, власть, властитель, возвратить/ возвратиться, волны/ волненья, воля (вольность, вольный, воля), **гордо**, **горько**, готовить, грустить, грустный, грустна, далекий/ дальний, **далече**, **днем**, долгий, дорога, дружба, дружеские, дружно, друзья, думать, дума, **естественно**, **живо**, живой, забыть, заметить, звуки, звучать, **звучно**, здоров, здоровье, здравствовать, **зло**, злой, злость, **издавна**, **издалека**, изобразить (изображение), картина, крест, крестить, крестом, ласка/ ласковый, легкий/ ая/ое, леса, лесная, лесок, лира/лирический, литература/литературный, луг, лить/льется, мертвый/мертвящий, мечтанье, мечты, мечтательница,

мода/модный, младой/молодой, молодежь, молодые, молодца, молчать/молчаливый, мостовой, мосток, мосты, муза, мука, мученье, **налево**, народ/ народный, настать, **настежь**, **настойчиво**, начать, **неблагодарно**, **небрежно**, **нежно**, нежный, нежность, **незадолго**, **немудрено**, **несносно**, **ничего**, **нигде**, **ново**, новый, одновременно, опереться, основной, отдать, **отсюда**, **печально**, печальный, печальна, писать, письмо, пламенный, плечо, подать, подобный, пойти, **по-прежнему**, последний, прежний, прием, причина, произведение, пустой/ пустынный, рассказывает/рассказывается, реальный/ реалистический, свобода, скука, скучать, скучный, сладкий/сладостный, сладость, след/следовать, слушать, согласно, странный, страстный/страстный, **тайно**, **таинственно**, **тайком**, творческий, **тесно**, улица, хладный, хозяйка, **художественно**, художественный, **четко**, чувствовать, читатель, чужой, широкий, явиться(2)

ШУКШИН: активист, балагана, бани, бога, богач, богачи, больших, брось, бумагу, буркнул, бутылка, Ванька, **веселее**, весна, ветром, ввечру, взмахнул, видит, виноват, висели, висок, вишь, власть, **внизу**, **во всю**, вожди, возня, возьмет, воля, во-он, воротам, восхищением, вспомнить, выгнали, выехал, вызвал, вылетел, выпрыгнул, выронил, вытирая, вытянулся, выход, выходить, глядеть, грамота, грех, держи, десять, дождался, дождь, доставал, другу, дурака, думает, ждет, женился, жениться, жись, забежал, зайдём, закрылась, заложил, зарядил, засмеялись, заснул, затылок, **звонко**, здоровый, злился, злость, змей, зубами, играя, изумился, имел, испугался, ищут, кое-как, кончил, **красиво**, крест, крик, кричала, кружки, крякнул, летит, ломом, мучился, мир, надеялся, найду, напоил, начать, начинать, почивать, нравилась, обернулся, обратился, опустился, остались, отвел, ответили, ответить, отказался, откликнулась, открылась, отозвался, пел, пили, плясали, подожди, побледнел, погляжу, подниматься, поднялись, подставил, подстегнул, пожал, пожалуй, поздоровавшись, пойдешь, пойму, порог, посерьезнел, посижу, послали, посмотреть, постучал, появился, представил, придешь, приду, придумать, признался, приказ, прикрыл, приподнял, продолжая, просил, прохрипел, пусти, пустой, работает, разбойник, развернул, рай, река, сажу, сердись, сильнее, скажите, склонившись, случится, слушай, собираться, стих, ствол, страшный, схватилась, съездить, тоска, тени, увидишь, удар, ударил, ударил, узнает, уйдешь, уйди, умеешь, уходили, ходи, хомут, хозяйка, хорошеть, хотели, хотите, хохотал, четверть, чёрта, чёрту, царство, церкву (10)

Пропорция повторов 1: 5

Количество единиц в ряду более 100: более 100

Безусловно, безотрадно, бережно, вброд, вдаль, гордо, горько, далече, днем, естественно, живо, звучно, зло, издавна, издалека, налево, настежь, настойчиво, неблагодарно, небрежно, нежно, незадолго, немудрено, несносно, ничего, нигде, ново, отсюда, печально, по-прежнему, тайно, таинственно, тайком, тесно, художественно, четко – веселее, внизу, во всю, звонко, красиво.

Организация языка в романах «Евгений Онегин» и «Любовины» демонстрирует особенности общества, функционирующего в горизонте возможностей России, как самореферентной системы, по убеждению Н. Лумана, способной настраивать свои собственные операции на свою собственную тождественность.

Примечания

1. Неверов С. Н. Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982.
2. Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.
3. Антоновский А. Ю. Никлас Луман: эпистемологические основания и источники социального конструктивизма // Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 208-231.
4. Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living, Boston Studies in the Philosophy of Science [Cohen, Robert S., and Marx W. Wartofsky (eds.)]. Vol. 42. Dordrecht, 1980.
5. Maturana H. The organization of the living: A theory of the living organization, International Journal of Man-Machine Studies. Vol. 7 (1975). P. 313-332.
6. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород, 2001.

Н. В. ХАЛИНА

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ МОДЕРНИЗАЦИИ: ЦИФРОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

М. Хейм рассматривает цифровые коммуникации с позиций формы движения содержания коммуникации, в процессе которого происходит введение нового типа субъективной позиции [1]. Подобное движение М. Хейм поименовал «поток» – «флоу» (flow), сравнивая его, тем самым, с непринужденным течением, скольжением во времени и пространстве, формирование некоего эстетического качества перемещения в пространстве. Эффект «флоу» расценивается как особое искусство размещения в виртуальной реальности, где «флоу» создает электронные миры, наподобие того как пульсации

«Инь» и «Ян» созидают мир физический. В цифровых мирах «флоу» функционирует в качестве универсального средства, настраивающего все механизмы восприятия виртуальных объектов и организующего средства перемещения, установления координат местоположения в виртуальной среде и синхронизации работы всего интерфейса. М. Хейм рассматривает мир как конструкт, открывающий пространства для интерактивных событий и новых конструкций. Опираясь на идеи Хайдеггера, как полагает Д. В. Галкин, М. Хейм утверждает, что мир есть среда «жития», среда возможного опыта, который конструируется с помощью виртуального сшивания [2]. В представлениях о среде существования человека М. Хейм выступает в качестве последователя М. Хайдеггера.

Цифровой язык, имеющий культурные и метафизические корни, как полагает Д. В. Галкин, трансформируется в особый тип дискурса, который автором назван виртуальным дискурсом. Виртуальный дискурс, по мнению Д. В. Галкина, сочетает ряд свойств, представляющих собой развитие фундаментальных аспектов культурного бытия человека: 1) стремление к познанию и организации знаниевых механизмов на основе универсального языка; 2) постоянное развитие коммуникативных и дискурсивных механизмов культуры (интерактивность, «флоу»); 3) реализация творческого потенциала человека в форме активного, действенного творчества и художественной активности (перформативность) [2].

Д. Тапскотт, один из идеологов цифрового общества, обращает внимание на распространенность мнения о том, что развитый мир переживает в конце второго тысячелетия переход от индустриального общества, основанного на стали, автомобилях и дорогах, к новому, построенному на кремнии, компьютерах и сетях [3]. Исследователь выделяет двенадцать признаков нового общества: 1) ориентация на знание (новое общество – общество знаний); 2) цифровая форма представления объектов (новое общество – это цифровое общество); 3) виртуальная природа (вследствие преобразования информации из аналоговой формы в цифровую объекты виртуальной природы приходят на смену физическим; становятся иными «обмен веществ» в обществе, виды учреждений и отношений, сама природа экономической деятельности); 4) молекулярная структура (структура нового общества подобна структуре молекул); 5) интеграция; межсетевое взаимодействие (новое общество – общество с межсетевым взаимодействием, с помощью которого молекулы объединяются в кластеры, а кластеры – в сетевые структуры для создания материальных благ); 6) устранение посредников (посредники, служившие передаточным звеном между изготовителями и потребителями, с появлением компьютерных сетей становятся не нужны); 7) конвергенция (в новом обществе главная отрасль экономики формируется путем конвергенции трех отраслей, новой – особая информационная среда (new media), возникающая в результате конвергенции сфер коммуникации, вычислительной техники и информационного наполнения. Это, в свою очередь, обеспечивает инфраструктуру для создания материальных ценностей во всех остальных отраслях); 8) инновационная природа (в новом обществе экономика основана на инновациях); 9) трансформация отношений изготовитель-потребитель (в новом обществе границы между изготовителем и потребителем стираются); 10) динамизм (в информационном обществе динамизм становится главной движущей силой и основным параметром хозяйственной деятельности и делового успеха); 11) глобальные масштабы (экономика нового общества имеет глобальные масштабы); 12) наличие противоречий (появляются беспрецедентные социальные проблемы, которые могут привести к массовым беспорядкам и брожению умов).

Отличительной чертой нового общества является технология познания, которая включает в себя технологии систематизации, извлечение знаний; поиск определений, абстрактных и конкретных понятий, аналогий или прецедентов, противоречий; реестр полномочий, исчерпание лексических контекстов, систематизацию знаний, документирование и резервирование знаний [4]. Знание при подобном подходе к познанию понимается как неформализуемое представление конкретного человека о явлениях и закономерностях окружающей среды, полученное в процессе приспособления к ней. К знаниям относится непосредственный (личный) опыт, владение методиками (прикладная наука, технология), знакомство с научными основами (теория) и результаты познавательной активности (поиск, чтение, раздумья, систематические занятия / тренировки и пр.). Доступ к знаниям может быть эпизодическим (консультирование) и систематический (обучение).

В характеристиках нового цифрового общества опущена его лингвистическая составляющая, не говоря уже о сегменте научного дискурса, отвечающего в обществе за состояние знания о языке и за состояние языка естественной – в реальном физическом пространстве – коммуникации. Так, в работах, представляющих современные технологии извлечения знаний и технологии управления знаниями речь идет о лингвистическом аспекте извлечения знаний, языковом факторе в менеджменте системы качества, призванной заменить классическую теорию познания теорией, «удобной» для электронно-цифрового общества.

Лингвистический аспект извлечения знаний в инженерии данных и знаний, по мнению Т. Гавриловой [5], должен изучаться с трех позиций: формирование «общего кода», построение понятийной структуры, создание словаря пользователя. Общий код S1 устраняет проблему языковых ножниц между профессиональной терминологией специалистов предприятия-заказчика и обыденной литературной речью аналитика. Особенности формирования понятийной структуры у специалистов

обусловлены наличием в сознании так называемых семантических, или ассоциативных сетей, объединяющих отдельные термины во фрагменты, фрагменты в сценарии и т.д. В отличие от разрозненного хаоса понятий у новичков и дилетантов, у опытных специалистов эти сети упорядочены, в них можно обнаружить иерархические структуры, или «деревья», либо «пирамиды» понятий. При разработке баз знаний формирование так называемой пирамиды знаний — важнейшее звено этапа проектирования интеллектуальных систем. Таким образом, при создании корпоративной информационной системы нужны не просто наборы понятий или словари, а «энциклопедии», в которой все термины объясняются со ссылками на другие термины. Лингвистические результаты, соотношенные к слоям общего кода и понятийной структуры, направлены на создание адекватного лингвистического базиса информационной системы. Однако часто профессиональный уровень конечного пользователя не позволяет ему понимать и применять специальный язык предметной области в полном объеме. Неожиданными для начинающих разработчиков оказываются проблемы формирования отдельного словаря для создания дружественного интерфейса с пользователем информационной системы. Существуют специальные приемы, которые необходимо применять для увеличения «прозрачности» и доступности системы. К ним относится специальная адаптация пользовательского интерфейса, дополнительная доработка словаря общего кода с поправкой на уровень квалификации и образования пользователя, применение общепринятых пиктограмм и т.д.

О. В. Малышев, обращаясь к рассмотрению языкового фактора в менеджменте качества [6], замечает, что в какой бы предметной области ни действовал человек, в ней всегда можно выделить два взаимосвязанных через него и эволюционирующих во времени «поля»: проблемное, состоящее из типовых объектов или задач данной предметной области, для описания или решения которых требуется языковой инструмент; языковое поле, состоящее из реально существующих языков, потенциально применимых для описания объектов или решения задач данной предметной области. Языковое поле образуют естественный и другие (специализированные) языки, а также средства их поддержки, в частности, средства автоматизации использования. Фундаментальным самоприменимым и связующим компонентом языкового поля является естественный язык, на котором происходит живое общение между людьми, а также реализуются некоторые конструкции специализированных языков. Конкретная конфигурация проблемного и языкового полей производная определения предметной области. Наличие естественного языка исключает ситуацию, когда для конкретной проблемы вообще отсутствует язык. Вопрос лишь в том, насколько применяемый язык адекватен проблеме (эффективен для ее решения). Неадекватность языка, кроме всего прочего, может быть обусловлена отсутствием (неразвитостью) средств его поддержки, в частности, средств автоматизирующих работу с «текстами» на языке и их производными. Интеграционная дефиниция (Integration Definition – IDEF) представляет собой семейство взаимно дополняющих и поддерживающих друг друга методов и техник (языков) моделирования различных аспектов деятельности организации. В него наряду с другими языками (например, функционального, информационного моделирования) входит язык описания процессов (IDEF3) [IDEF3, 1995], который позволяет строить два основных вида схем: собственно схемы процессов; схемы изменения состояния объектов. Схемы обоих видов могут быть взаимоувязаны между собой. Для схем процессов основными строительными блоками являются: так называемый «элемент поведения» (unit of behavior – UOB); связи между «элементами поведения» по следованию; соединения (слияние и ветвление) связей различных типов.

Возникает вполне уместный вопрос о необходимости лингвистики (языковедения) как учебной дисциплины и самостоятельного языковедческого паттерна в электронно-цифровом обществе или форме общества, предшествующей ему. Полагаем, что в качестве адекватной формы представления лингвистического знания о смысловых и собственно латентных трансформациях общества может быть предложена коннективистика – лингвистика связей, Масштаб среды, в свою очередь, задается правилами размещения лингвистического знака в сообщении и информационном потоке, что влияет на принципы преобразования информационного потока в тексты, а затем события, факты и обстоятельства жизни. Изучение правил размещения лингвистического знака, влияющего на параметры среды существования социального субъекта, производится в рамках самостоятельной дисциплины *коннективистики*, или лингвистики связи.

Основу *коннективистики* составляют понятие британского английского и *connexity* 'связь, связанность' и понятие американского английского *linguistics* 'изучение географического размещения диалектов', суммарное значение которых читается как «изучение географического размещения связи диалектов». Если припомнить, что у Платона *dialectos* (речение) рассматривается как некий общий толковательный знак, то *коннективистику* возможно определить как языковедческий паттер, нацеленный на изучение размещения связи знаков, в соответствии с которым осуществляется масштабирование среды общительности.

Коннективистика сочетает в себе два методологических ракурса: взгляд на проблему познания, выдержанный в контексте автопоэтической теории и нашедший отражение в работах Н. Лумана, и лингвистический аспект инженерии знаний и менеджмента качества, представленный в работах по

технологии управления знаниями. В плане прикладном коннективистика демонстрирует возможность согласования феноменологии наблюдающей системы (феноменология повседневной жизни), и практического разрешения проблемы адекватного выражения мысли и понимания текста.

Ключевым является перенятое из социологии Н. Лумана понятие социальной системы как «машины выживания» коммуникационных смыслов, которые рассматриваются в качестве продуктов операций, использующих смысл и существующих в тот момент, когда смысл этими операциями определяется. Системы же коммуникаций суть фактические реализации (фенотипы) заложенных в ожиданиях (генах) инструкций по их конструированию. Подсоединение системы коммуникаций к ожиданию может осуществляться разнообразными способами «на стыке» эпох, в так называемом языке смены эпох [7]: посредством термина (достижение классического периода), рекламы (находки модерн, дизайна окружающей среды), полисиллогизма (в приближенном к современным электоральным ожиданиям варианте – PR-секвенции), гипертекста. Это и технологии извлечения знания, и механизмы восприятия виртуальных объектов, и средства перемещения, установления координат местоположения в виртуальной среде. Это механизмы, согласно концепции М. Хейма, виртуального шивания, посредством которого конструируется среда возможного опыта, среда «жития». Посредством термина, рекламы, PR-секвенции в физическом мире достигается эффект, который в электронном мире характеризуется как эффект «флю» – особое искусство размещения в виртуальной реальности, введение нового типа субъективной позиции.

Формальные принципы автопоэтической теории дают нам новый взгляд на проблему познания, предполагающей исследование феноменологии наблюдающей системы, смещение взгляда на взаимодействия, через которые осуществляется жизненный опыт: нарратив (конструирование жизненного мира), идеоречевой цикл (отражение фундаментальной кругообразности), сетевой лингвомаркетинг (сеть реклам, сеть фразеосхем), формообразование повседневной жизни.

В своей книге *The Embodied Mind* (1991) Ф. Варела, Э. Томпсон и Э. Рош [8] привносят феноменологический подход в мир когнитивной науки, их целью является введение повседневного опыта в сферу изучения.

Описывая в общих чертах то, они рассматривают как позиции доказанные в доминирующей парадигме когнитивной науки (когнитивизме), недавно возросший интерес к коннекционизму, Варела, Томпсон и Рош очерчивают свою перспективу – **постановление** (enactive perspective) – как третью альтернативу, противоположную двум предыдущим.

Постановляющая когнитивная наука Варелы, Томпсона и Рош базируется на трех принципах: а) трактовать зависимое от контекста ноу-хау не как остаточный артефакт, который может быть постепенно исключен открытием более изощренного правила, а как сущность креативного сознания; б) принять герменевтическую точку зрения, согласно которой знание зависит от бытия в мире, которое неотделимо от наших тел, нашего языка, нашей социальной истории, т.е. от нашего воплощения; в) принять идею автопоэтической теории о сознании как взаимодействии/сопряжении, согласно которой знание является результатом продолжающейся интерпретации, развивающейся из наших способностей понимания, которые укоренены в структурах нашего биологического воплощения, но живут и получают жизненный опыт внутри области согласованного действия и истории культуры [8]. В соответствии с последним принципом познание является воплощением действия, при этом сознание зависит от видов опыта, которые обусловлены навыками обладания телом и различными сенсомоторными способностями, которые сами по себе вставлены в окружающие биологические, психологические и культурные контексты.

В качестве производящей эпистемологической предпосылки для коннективистики выступает когнитивизм, базовыми же направлениями являются коннекционизм и в большей степени постановление, т.е. синтез герменевтической позиции относительно знания и автопоэтической относительно сознания.

Коннективистика изучает лингвистическую среду, продуцируемую на базе определенного знания и демонстрирующую особенности конструктивной деятельности сознания, которая определяет «вставленность», включенность в биологические, психологические и культурные контексты, а также цифровые.

Примечания

1. Heim M. The Feng Shui of Virtual Reality. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://crossings.tcd.ie/issues/1.1/Heim/>.
2. Галкин Д. В. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна // Критика и семиотика. 2000. №1-2. Новосибирск. С. 26-34.
3. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / пер.с англ. И. Дубинского, под ред. С. Писарева. // Киев; М., 1999.
4. Кузнецов С. В. Технологии управления знаниями. 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knowbase.ru/knowledge-management-technologies.htm> CD:\2 Avtorskie materialy\21 Publikatii\kmt00001.pdf]

5. Гаврилова Т. Извлечение знаний: лингвистический аспект // Enterprise Partner. 2001. 29 мая. №10(27).
6. Малышев О. В. Языковой фактор // Языковой фактор в менеджменте качества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.klubok.net/>.
7. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
8. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience, Cambridge MA: MIT Press, 1991.

С. Б. ЧЕРЕМИСИНА

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул

УЧЕБНО-НАУЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ

В настоящий период времени публикуется огромное количество исследований, посвященных поликодовым (креолизованным) текстам (Сорокин, Тарасов, 1990; Старых, 1993; Суджата, 1996; Гуров, 1998; Визель, 1999; Купер, 2000; Анисимова, 2003; Рогозина, 2003; Бойко, 2006; Вашунина, 2006; Ильина, 2009 и мн. др.). Вербально-авербальные способы репрезентации действительности обнаруживают большой потенциал и поэтому вызывают неподдельный интерес. Меньше всего таких работ посвящено учебно-научному тексту. Между тем учебно-научный текст является одним из видов поликодового текста и представляет собой гетерогенную когнитивную систему, предназначенную для интериоризации учебно-научных когнитивных структур. Иными словами, являясь репрезентантом учебно-научной картины мира, учебно-научный текст приобщает учащихся к существующим способам объяснения и понимания окружающей действительности.

Подход к познанию с позиций эпистемологии выделяет объяснение в качестве одного из принципов научного стиля мышления. В словарях различной специализации объяснение определяют как рассмотрение [1], изложение [2], раскрытие [3], разъяснение [4] с целью сделать явление понятным, то есть интериоризированным. Согласно В. А. Пищальниковой, объяснение есть не что иное, как описание явления: «Чем более общим является описание, тем ... , в большей степени переходит в объяснение» [5, с. 30]. Существуют различные классификации объяснения. В соответствии с оксфордским толковым словарем объяснение бывает [4]:

- причинное – раскрывающее условия возникновения событий и явлений;
- онтогенетическое – уделяющее внимание предшествующим событиям и явлениям;
- восстанавливающее – стремящееся к более простым терминам;
- конструктивное – выводящее общие принципы и законы.

Объяснение тесно связано с пониманием. В работах исследователей различных направлений можно видеть рассуждения о том, что объяснение развивает понимание, само объяснение, способствующее пониманию, уже обладает пониманием истолковываемого [6,7]. В. Г. фон Вригт называет это «объяснением понимания» [8]. Но ближе всех к когнитивному определению понимания подошел, на наш взгляд, Н. И. Жинкин, который изобразил понимание как перевод с «натурального» на «внутренний» язык [9]. Иными словами, **понимание индивидом гетерогенных когнитивных структур учебно-научного текста представляет собой их перекодировку в ментальные конструкции когнитивной системы реципиента.**

Таким образом, можно утверждать, что интериоризация когнитивных структур, представленных в учебно-научном тексте детерминирована пониманием, которое в свою очередь обусловлено объяснением. Соответственно важную роль в учебно-научном тексте играет объяснение, которое большинством исследователей-когнитивистов признается в качестве основы когнитивной парадигмы [10].

Объяснение рассматривается в качестве основной функции научной деятельности и поэтому научное объяснение считается образцом, эталоном данного действия [11]. Научному объяснению свойственна «общность, глубина, теоретичность, строгость» [12]. Научное объяснение происходит посредством описания или построения теории [8], что подтверждается и другими учеными. Научное объяснение, с точки зрения К. Г. Гемпеля, например, есть манипулирование универсальными гипотезами [13]. В рамках научной коммуникации условием познания проблемы является допустимость ее объяснения [14, с. 10]. Поэтому правомерно, на наш взгляд, говорить об **объяснении как об особом типе научного моделирования реальности**. Все, что может быть познано, может быть объяснено; все, что может быть объяснено, может быть познано. Если для научной коммуникации актуальна первая часть этого положения, то для обучающей коммуникации важно то, что объяснение ведет к пониманию и усвоению, а не наоборот.

Учебно-научная картина мира находится между научной и наивной, вбирая свойства обеих картин. Следствием сказанного является понимание того, что научное объяснение отличается от учебно-научного так же, как научная картина мира отличается от учебно-научной. Это значит, что учебно-

научное объяснение находится между научным и донаучным и обладает характеристиками обоих. Именно поэтому в учебно-научном тексте мы можем наблюдать в качестве составляющих вербально-го компонента эмоционально-окрашенную лексику, междометия, предложения в стихотворной форме, что абсолютно недопустимо в рамках научной коммуникации. Присутствие колера в авербальных компонентах учебно-научного текста, точных изображений действительности при помощи рисунков или фотографий также свидетельствует о наличии отличительных признаков учебно-научного объяснения от научного. Названный выше способ репрезентации реальности есть не что иное, как «наглядное определение» [15, с. 76]. Это процесс, благодаря которому человек, исключая употребление других слов, научается понимать какое-либо явление. С помощью «наглядного определения» реципиент-дошкольник, например, начинает свое познание действительности, оно же может помочь в случае с учащимися, поэтому присутствие цветных фотографий и красочных рисунков в учебно-научном тексте вполне оправдано, но указывает на существование ярко выраженных различий между учебно-научными и научными текстами.

Таким образом, **обучающая коммуникация – это особый тип коммуникации, реализующий учебно-научное объяснение, направленное на реципиента, с целью обеспечить усвоение познавательных структур, представленных в учебно-научном тексте.** Учебно-научное объяснение отличается от научного также как и учебно-научная картина мира от научной.

Примечания

1. Дэвид Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. М., 2001.
2. Ушаков Н. Д. Толковый словарь русского языка. М., 1940.
3. Василенко В. Краткий религиозно-философский словарь. М., 1996.
4. Ребер А. Оксфордский толковый словарь по психологии. М., 2002.
5. Пищальникова В. А., Герман И. А. Лингвосинергетика как методологическая основа исследования текста // Человек – Коммуникация – Текст. Вып. 4. Барнаул, 2000.
6. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
8. Вригт Г. Х. Объяснение и понимание действий. М., 1984.
9. Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. М., 1998.
10. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литература и языка. 1997. Т. 56. № 1.
11. Ивин А., Никифорович А. Словарь по логике. М., 1998.
12. Кореляков Ю. А. Формирование у учащихся общих методов рассуждения при решении задач на объяснение. М., 1974.
13. Гемпель К. Г. Логика объяснения. М., 1998.
14. Сенько Ю. В. Формирование научного стиля мышления учащихся. М., 1986.
15. Рассел Б. Человеческое познание его сфера и границы. М., 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонова Елена Александровна – старший преподаватель кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Алахвердиева Лидия Кириковна – кандидат филологических наук, доцент, доцент Ростовского государственного университета

Алексеева Татьяна Сергеевна – старший преподаватель Алтайской академии экономики и права

Андреев Андрей Александрович – аспирант Ивановского государственного энергетического университета им. В. И. Ленина

Андрейчук Станислав Валерьевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры рекламы и культурологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Антоньева Юлия Евгеньевна – аспирант кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета

Афанасьева Галина Павловна – кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого и французского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Ахсянов Альберт Вазыхович – аспирант Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

Бабаскина Татьяна Леонидовна – старший преподаватель кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Безвиконная Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения, государственного и муниципального управления Омского государственного педагогического университета

Белоусов Николай Александрович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, декан факультета гуманитарного образования Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Беседина Вера Геннадьевна – аспирант Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Бессонов Евгений Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Бодрова Е. В. – преподаватель Московского государственного университета приборостроения и информатики

Бондаренко Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин Алтайского государственного аграрного университета

Боровикова Людмила Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Бухнер Наталия Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Бушуева Валентина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана

Бушуев Николай Николаевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры экологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана

Васильев Сергей Фёдорович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Викторук Евгений Александрович – кандидат философских наук, доцент, декан гуманитарного факультета, заведующий кафедрой политологии и права Сибирского государственного технологического университета

Войнова Ксения Юрьевна – аспирант Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Выборнова Валентина Владимировна – кандидат экономических наук, профессор, доцент Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова

Глиос Геннадий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Алтайского филиала Московского государственного университета культуры и искусств

Головина Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Гордеева Ирина Викторовна – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры физики и химии Уральского государственного экономического университета

Горяинова Евгения Олеговна – преподаватель Алтайского государственного университета

Гусева Алла Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Дайнеко Владимир Григорьевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общей экономической теории Воронежского государственного университета

Дайнеко Елена Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики Воронежского государственного педагогического университета

Данильчик Татьяна Леоновна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и предпринимательства Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Досушева Елена Евгеньевна – аспирант кафедры теории рынка, ассистент кафедры экономической информатики Новосибирского государственного технического университета

Дьякова Елена Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита Алтайского государственного университета

Ермолина Лидия Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры промышленного дизайна Московского государственного университета дизайна и технологий

Жерносенко Ирина Александровна – кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Замостьянова Тамара Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории российской государственности Ижевского государственного технического университета

Злобина Юлия Игоревна – аспирант кафедры общего и исторического языкознания филологического факультета Алтайского государственного университета

Зульфугарзаде Теймур Эльдарович – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых и криминологических дисциплин факультета политологии и права Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

Иванова Валентина Николаевна – доцент отделения физической культуры и спорта Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Инговатов Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Инговатова Аурика Германовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Ионова Елена Александровна – специалист по учебно-методической работе 1 категории Ивановского государственного химико-технологического университета

Казанцева Людмила Геннадьевна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Кайгородова Мария Евгеньевна – аспирант кафедры международных экономических отношений Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Каланчина Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Алтайского государственного аграрного университета

Калинов Вячеслав Викторович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политической истории Отечества Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина

Каримова Дарья Алишеровна – студентка института экономики и менеджмента Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова

Катюхина Татьяна Викторовна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-политических технологий Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина

Ким Жанна Владимировна – кандидат технических наук, доцент Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Ким Леонид Сергеевич – кандидат физико-математических наук, доцент, профессор Алтайской академии экономики и права

Ковальчук Иван Федорович – кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Коврижных Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Контева Ольга Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Корчагин Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета

Коршунова Татьяна Евгеньевна – ассистент кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Кошелева Любовь Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологического образования Алтайского краевого института повышения квалификации работников образования

Кремнёва Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Кручинская Марина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской государственности Ижевского государственного технического университета

Кулешова Мария Николаевна – студентка факультета экономики и управления Омского государственного технического университета

Культенко Марьяна Викторовна – ассистент кафедры иностранных языков естественнонаучных факультетов Алтайского государственного университета

Кунгурова Ольга Ивановна – студентка факультета экономики, права и гуманитарных наук Ижевского государственного технического университета

Ларина Юлия Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ростовского государственного строительного университета

Латкин Александр Яковлевич – старший преподаватель кафедры правоведения и политологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Лебедева Кирилла Львовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Левченко Ольга Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент Забайкальского института предпринимательства Сибирского университета потребительской кооперации

Ленская Ирина Фёдоровна – доцент отделения физической культуры и спорта Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Лёвкин Игорь Васильевич – кандидат физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой систем автоматизированного проектирования Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Липина Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской государственности Ижевского государственного технического университета

Лисицына Наталья Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Литвинова Оксана Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Лобастова Ирина Викторовна – ассистент кафедры иностранных языков естественнонаучных факультетов Алтайского государственного университета

Локтионова Надежда Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ростовского государственного строительного университета

Лопухов Виталий Михайлович – кандидат технических наук, доцент кафедры систем автоматизированного проектирования Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Лопухова Надежда Геннадьевна – старший преподаватель кафедры систем автоматизированного проектирования Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Лямзин Олег Леонидович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории рынка, заместитель декана факультета бизнеса по научно-исследовательской деятельности Новосибирского государственного технического университета

Макушева Галина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Алтайской академии экономики и права

Манухина Инна Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Масачева Ирина Андреевна – аспирант, старший преподаватель кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Меженина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения и политологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Мелёхин Виктор Андреевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Михайлов Александр Павлович – старший лаборант кафедры теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Михайлов Евгений Павлович – старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Мокроусова Оксана Юрьевна – преподаватель кафедры русского языка Ростовского государственного строительного университета

Наймушина Татьяна Васильевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Николенко Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка Ростовского государственного строительного университета

Охманович Нина Сергеевна – студентка Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

Панарин Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии Тюменского государственного университета

Панина Галина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана

Петренко Максим Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета

Пирожков Геннадий Петрович – кандидат исторических наук, доктор культурологии, академик Российской академии естественных наук, профессор Тамбовского государственного технического университета, директор общественного объединения исследователей региональной истории и культуры «Тамбовский центр краеведения» при Тамбовском региональном отделении РАН

Плеханова Анна Максимовна – кандидат исторических наук, доцент, докторант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Позднякова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Половникова Елена Сергеевна – кандидат физико-математических наук, доцент Алтайской академии экономики и права

Пыкин Василий Митрофанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Бурятского государственного университета

Рогач Зоя Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Рогозина Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Ростов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и культурологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Салашнева Светлана Максимилиановна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Самоделкин Яков Александрович – кандидат исторических наук, исполнительный директор Центра гуманитарных и политических исследований в г. Новоуральск Свердловской области

Селиванова Ольга Валерьевна – доцент кафедры правоведения и политологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Семыкина Роза Сан-Иковна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории истории и методики преподавания литературы Алтайской государственной педагогической академии, директор Центра довузовской подготовки

Серебрякова Лариса Геннадьевна – доцент кафедры правоведения и политологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, юрист ООО «Спецобъединение-Сибирь»

Симонова Надежда Николаевна – доцент, доцент кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Слесарчук Оксана Михайловна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Смолякова Наталья Владимировна – аспирант, старший преподаватель кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Соколов Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

Соловьев Олег Борисович – кандидат философских наук, доцент, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления

Сорокин Геннадий Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социального сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета

Староселец Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент Алтайского краевого института повышения квалификации работников образования

Степанова Елена Игоревна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ»

Стефашов Александр Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета

Столярова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка, заместитель декана факультета гуманитарного образования Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Стрельцова Наталья Валерьевна – доцент кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Суверов Евгений Васильевич – доктор исторических наук, доцент, профессор Барнаульского юридического института МВД России

Сумина Наталья Владимировна – преподаватель кафедры русского языка Ростовского государственного строительного университета

Сурова Дарья Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры казахского, русского языков и делопроизводства, заместитель декана по научной работе Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева

Суслова Татьяна Ивановна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и социологии, декан гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники

Сысолятина Ангелина Сергеевна – студентка факультета экономики и управления Омского государственного технического университета

Тимофеев Георгий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Пермской государственной медицинской академии

Трофимова Ярослава Владимировна – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского государственного авиационно-технического университета, филиал в г. Ишимбай

Трофимчук Александр Григорьевич – кандидат педагогических наук, доцент

Трубникова Нина Фёдоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Улезько Валерий Викторович – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой правоведения и политологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Улезько Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения и политологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Фалеева Надежда Викторовна – старший преподаватель кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Финадеева Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Фролов Анатолий Серафимович – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Алтайской академии экономики и права

Халина Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета

Цыганенко Наталия Викторовна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной социологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Черемисина Светлана Борисовна – старший преподаватель кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Черникова Екатерина Ивановна – преподаватель Тамбовского филиала Московского государственного университета культуры и искусств

Чолахян Вачаган Альбертович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Шаромова Евгения Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансы и кредит Алтайской академии экономики и права

Шебалина Людмила Геннадьевна – старший преподаватель отделения физической культуры и спорта Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Швец Юрий Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова

Шевцова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, директор Центра гендерных исследований и гендерного образования

Шишкина Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Тюменского государственного университета

Шкунов Владимир Геннадьевич – старший преподаватель кафедры педагогики Алтайского государственного университета

Шустров Андрей Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной антропологии и межкультурной коммуникации Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОСОФИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ. ДУХОВНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ.....	4
Белоусов Н. А. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РОССИИ И ПРОБЛЕМА ЕЁ САМОСОХРАНЕНИЯ	4
Бабаскина Т. Л. СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ	5
Боровикова Л. С. ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО «МОДЕРНИЗАЦИЯ».....	6
Васильев С. Ф. ПРЕОДОЛЕНИЕ РЫНОЧНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА КАК УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ	9
Викторук Е. А. МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СТИЛЯ	12
Ермолина Л. А. ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	14
Инговатов В. Ю. ФИЛОСОФИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	16
Инговатова А. Г. К ПРОБЛЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	18
Ионова Е. А. ПРИЧИНЫ АНТИМОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ В 90-Х ГГ. XX ВЕКА	22
Суслова Т. И. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ	24
Трофимчук А. Г. ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	27
Шустров А. Г. ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	30
Фролов А. С. О ДУХОВНЫХ ОСНОВАХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ	32
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ.....	40
Ахсянов А. В. ВОЛНЫ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ XVIII—XX ВВ.....	40
Бондаренко С. И. ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН К МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ГОДЫ НЭПА (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)	42
Коршунова Т. Е. К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	44
Контева О. Е. ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ КОЛЫВАНО- ВОСКРЕСЕНСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НА РУБЕЖЕ 70–80-Х ГГ. XVIII В.	47
Латкин А. Я. БЫЛ ЛИ ВОЗМОЖЕН ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ РОССИИ В 1917 Г.?	51
Липина С. А. РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА.....	53
Литвинова О. А. ТЕХНИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ. В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	56
Петренко М. С. ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ РОССИИ	59
Плеханова А. М. ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ БУРЯТИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	63
Пыкин В. М. К ВОПРОСУ ЗАСЕЛЕНИЯ СТАРООБРЯДЦАМИ ЗАБАЙКАЛЬЯ АЯНСКОГО ТРАКТА ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ.....	67
Ростов Н. Д., Андрейчук С. В. МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ И ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА (XVIII–XX ВВ.)	72
Суверов Е. М. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТСКОЙ ТРУДОВОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ В Г. БИЙСКЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (1943–1945 ГГ.)	73
Стефашов А. Е. ПРОМЫШЛЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: СУЖДЕНИЯ ТЮМЕНСКОГО КУПЦА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.	74
Чолахян В. А. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (КОНЕЦ XIX В. – 1930-Е ГГ.)	78
Швец Ю. П. КРАХ РЕФОРМ ИВАНА IV ГРОЗНОГО	82
МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	85
Безвиконная Е. В. ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ (НОВЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ).....	85

Бушуева В. В., Бушуев Н. Н. ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ НА РЕШЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ИСТОРИИ РОССИИ	88
Войнова К. Ю. ИМИДЖ СТРАНЫ КАК МНОГОМЕРНАЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	89
Калинов В. В. ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА	91
Замостьянова Т. В., Кунгурова О. И. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	94
Ковальчук И. И. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ	97
Корчагин А. А. НЕДОСТАТКИ ОРГАНИЗАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ УБИЙСТВАХ	99
Кручинская М. В. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЧАЛА 1990-Х ГГ.: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ.....	101
Лопухов В. М., Лопухова Н. Г. РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «ЭЛЕКТРОННАЯ РОССИЯ (2002–2010 ГОДЫ)» В АЛТАЙСКОМ КРАЕ	104
Меженина О. В. РЕОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕЗИДЕНТА РФ КАК ЭЛЕМЕНТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	107
Мелёхин В. А., Михайлов А. П. СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ В СТРУКТУРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ	109
Наймушина Т. В. МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ	111
Рогач З. В. СЕМЕЙНЫЙ ФУНДАМЕНТ НОВОЙ РОССИИ.....	114
Михайлов Е. П., Михайлов А. П. ПРИМЕНЕНИЕ АЛГОРИТМА РАВНОВЕСИЯ – ГАРАНТ ЭФФЕКТИВНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ	117
Панарин С. М., Шишкина С. Ю. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ	118
Рогозина И. В. КОГНИТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА ЭПОХИ МОДЕРНИЗАЦИИ	120
Серебрякова Л. Г. К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ.....	124
Соловьёв О. Б. ИНСТИТУТЫ ЗНАНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ	125
Соколов А. В. ПРОТЕСТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ	128
Соколов А. В., Охманович Н. С. ПРЕИМУЩЕСТВА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КАМПАНИЯХ.....	130
Степанова Е. И. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ И ЖИЗНЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА (ПРИМЕР СТУДЕНТОВ СПБГУ ИТМО)	132
Тимофеев Г. М. МОДЕРНИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ	135
Улезько В. В. МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ – 20 ЛЕТ СПУСТЯ	137
Цыганенко Н. В. РЕЛИГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	140
Шевцова О. Н. ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)	143
ЭКОНОМИКА РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ	146
Алексеева Т. С. ПОНЯТИЕ «БЕЗОПАСНОСТЬ» В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	146
Андреев А. А. ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ.....	149
Выборнова В. В., Каримова Д. А. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА С ЦЕЛЬЮ СНИЖЕНИЯ ИЗДЕРЖЕК	152
Горяинова Е. О. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СУЩНОСТИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ	155

Дайнеко В. Г. МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА НАКОПЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ.....	156
Дайнеко Е. Ю. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ	158
Данильчик Т. Л. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИРМЫ КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ.....	159
Досуужева Е. Е., Лямзин О. Л. О ВКЛЮЧЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ В МНОГООТРАСЛЕВУЮ ИННОВАЦИОННУЮ ИНТЕГРИРОВАННУЮ СТРУКТУРУ: ОПТИМИЗАЦИЯ РЕСУРСОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ.....	162
Дьякова Е. В. МЕСТНЫЕ БЮДЖЕТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	166
Зульфугарзаде Т. Э. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТАНДАРТИЗАЦИИ В СФЕРЕ СПОРТИВНОГО ОБОРУДОВАНИЯ	169
Коврижных И. В. МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ВОСПРОИЗВОДСТВО РАБОЧЕЙ СИЛЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	172
Лисицина Н. С. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ	175
Салашнева С. М. ИННОВАЦИИ – ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ	178
Слесарчук О. М. СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	180
Сысолятина А. С. ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ УЛУЧШЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭКОНОМИКЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	182
Трофимова Я. В. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СУБЪЕКТОВ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ.....	183
Шаромова Е. А. ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДА БАРНАУЛА	187
МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ.....	189
Агафонова Е. А., Дегтярь Г. Д. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ	189
Афанасьева Г. П. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ПЕДАГОГИКА	191
Бессонов Е. Н. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	192
Бодрова Е. В., Калинов В. В. ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В КУРСЕ «ИСТОРИЯ» В СООТВЕТСТВИИ С ФГОС ВПО НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ.....	194
Бухнер Н. Ю. ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ КОЛЛЕКТИВА ВУЗА	196
Глиос Г. Н. ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	200
Головина Т. А., Кремнёва А. В. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	202
Головина Т. А., Глазун М. А. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА.....	204
Гордеева И. В. ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ.....	206
Гусева А. А. ОТ БЕЗУЧАСТНОГО СОЗНАНИЯ К УЧАСТНОМУ МЫШЛЕНИЮ	208
Жерносенко И. А. СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	211
Казанцева Л. Г. МЕСТО И РОЛЬ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ.....	215
Каланчина И. Н. УПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	217
Катюхина Т. В. РОЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ....	221
Ким Ж. В., Ким Л. С. ЭЛЕКТРОННЫЕ УЧЕБНЫЕ КУРСЫ КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	224
Кошелева Л. А. ПОЗИЦИЯ УЧИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	226
Лебедева К. Л. МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ	228

Левченко О. Ю. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТА	230
Лёвкин И. В. МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ.....	231
Пирожков Г. П., Боярская Е. И. РАЗВИТИЕ УСТОЙЧИВОГО МЕНТАЛИТЕТА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ: О РОЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ-КОМПЕНДИУМА «ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ТАМБОВСКОГО КРАЯ»	233
Половникова Е. С., Макушева Г. Н. ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	235
Самоделкин Я. А. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО СРЕДНЕГО (ПОЛНОГО) ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ Г. НОВОУРАЛЬСКА.....	237
Сорокин Г. Г. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	239
Панина Г. В. РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	242
Селиванова О. В. МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС СТУДЕНТОВ.....	245
Симонова Н. Н. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	247
Трубникова Н. Ф. ИННОВАЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	249
Трубникова Н. Ф. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АЛГОРИТМ МПЦУ В ФОРМИРОВАНИИ БАЗОВОЙ ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА» АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. И. ПОЛЗУНОВА)	251
Улезько Е. В. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	253
Фалеева Н. В. ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	254
Шебалина Л. Г., Иванова В. Н., Ленская И. Ф. НАПРАВЛЕНИЯ И ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ СПОРТИВНО-МАССОВОЙ И ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. И. И. ПОЛЗУНОВА	256
Шкунов В. Г. СТАНОВЛЕНИЕ АВТОРСКОЙ (ОБРАЩЕННОЙ) ПОЗИЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА.....	259

**ЯЗЫК, КОММУНИКАЦИИ И ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ** **262**

Алахвердиева Л. К. ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ЯЗЫКОВОМ ПОЗНАНИИ МИРА ОБЩЕСТВОМ	262
Антоньева Ю. Е. СОБЫТИЙНОСТЬ СЮЖЕТНО-ФАБУЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ ПОВЕСТИ XVI в.	264
Беседина В. Г. ЮВЕНАЛЬНЫЙ МЕДИАТЕКСТ: АКЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	267
Злобина Ю. И. ГИПЕРТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРЫ В ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ.....	269
Кайгородова М. Е. ПОНЯТИЕ ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННОГО МЕДИАДИСКУРСА И ЕГО СПЕЦИФИКА	271
Кремнёва А. В., Головина Т. А. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС И ЕГО РОЛЬ В ПОНИМАНИИ ТЕКСТА	274
Куликова Ж. Н. ТАБЛОИДНЫЙ МЕДИАТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КОГНИКАТИВНОЙ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ.....	277
Культенко М. В. ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ TQM ТЕЗАУРУС	278
Лобастова И. В. МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ТЕЗАУРУС: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	280
Локтионова Н. М., Захарчук О. Е. О СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ТЕРМИНОПОЛЯ СТИЛИСТИКИ	283
Локтионова Н. М., Ларина Ю. Е. О ПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ТЕРМИНОВ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ	285

Манухина И. А. ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ОБЩЕСТВА	287
Масачёва И. А. ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК СРЕДСТВО МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ	289
Мокроусова О. Ю. ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СОБЫТИЙНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	291
Николенко О. В. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛОГОЭПИСТЕМАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	293
Позднякова Е. Ю. ОБРАЗ ГОРОДА БАРНАУЛА (АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА).....	294
Рогозина И. В. МОДЕРНИЗАЦИЯ – ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?!	297
Семыкина Р. С.-И. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ФОРМУЛА ТРАНСДИСКУРСИВНОСТИ.....	301
Смолякова Н. В. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАТЕКСТЕ	303
Староселец О. А. ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЙ П. А. ВЯЗЕМСКОГО ИЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ КОНЦЕПТОВ.....	305
Столярова Н. Н. ДИСКУРСИВНОЕ ОПИСАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА «АЛТАЙСКИЕ НЕМЦЫ»	308
Стрельцова Н. В. ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АССИМЕТРИИ ПОЛУШАРИЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА.....	311
Сумина Н. В. КОММУНИКАЦИЯ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	315
Сурова Д. С. ПРАГМАТИКА: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНА	318
Финадеева М. В. КОГНИТИВНОСТЬ МЕДИАЖАНРОВОГО МЫШЛЕНИЯ	321
Финадеева М. В. МОДЕЛЬ КОГНИТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ МЕДИАЖАНРА	323
Халина Н. В. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В РОМАНАХ А. С. ПУШКИНА И В. М. ШУКШИНА.....	326
Халина Н. В. СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ МОДЕРНИЗАЦИИ: ЦИФРОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ	330
Черемисина С. Б. УЧЕБНО-НАУЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ	334
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	336

РОССИЯ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 01.11.2011. Формат 60×84 1/8.

Печать – цифровая. Усл.п.л. 40,45.

Тираж 150 экз. Заказ 2011 – 664

Издательство Алтайского государственного
технического университета им. И. И. Ползунова,
656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46,
<http://izdat.secna.ru>

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020822 от 21.09.98 г.

Отпечатано в типографии АлтГТУ,
656038, г. Барнаул, пр. Ленина, 46,
тел. : (8-3852) 29-09-48

Лицензия на полиграфическую деятельность
ПЛД №28-35 от 15.07.1997 г.